

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМН
Фонд № _____
Арх. № _____ лист

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

Editorial Board:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

Reviewers:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. – 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. – Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. – 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый – многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй – активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) – воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника – дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР – ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants – friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR – Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
<i>Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие</i>	30
<i>С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам</i>	35
<i>Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью...</i>	38
<i>Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея</i>	41
<i>С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской</i>	45
<i>А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской</i>	47
<i>Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла...</i>	51
<i>А. О. Машезерская. Архив возможных отношений</i>	56
<i>А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО</i>	58
<i>Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции</i>	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
<i>Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)</i>	69
<i>К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников</i>	79
<i>М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы</i>	86
<i>А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода</i>	96
<i>М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага</i>	104
<i>М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии</i>	113
<i>С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)</i>	117
<i>В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы</i>	120
<i>С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины</i>	128
<i>С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника</i>	132
<i>Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокэльской культуры Катлыг 5 в Туве</i>	140
<i>П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве</i>	145

<i>Б. Б. Овчинникова.</i> Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы	149
<i>Г. Г. Король.</i> Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской	156
<i>В. А. Завьялов.</i> От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)	163
<i>В. И. Распопова.</i> Войлок и мех в живописи Пенджикента	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский.</i> Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов.</i> О роли фотографии в изучении истории археологии	185
<i>Е. В. Бархатова.</i> Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина.</i> «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва.</i> Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири	205
<i>Е. Ю. Захарова.</i> Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле	212
<i>В. А. Алёшкин.</i> Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков.</i> Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву	227
<i>А. Е. Мусин.</i> Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге	240
<i>Н. Д. Моисеева.</i> Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма	264
<i>В. Н. Седых.</i> Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)	270
<i>С. В. Белецкий.</i> Неизвестные фотографии Пскова 1946 года	280
<i>Н. И. Платонова.</i> Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)	285
<i>О. М. Мельникова.</i> Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)	294
<i>В. С. Соболев.</i> «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.	300
<i>В. А. Прищепова.</i> Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.	303
<i>А. Н. Бессуднов.</i> Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). Scientific research activities and the documentary heritage</i>	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyuu-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova.</i> Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva	149
<i>G. G. Korol.</i> The décor of strap mounts of the Yenisei Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya	156
<i>V. A. Zav'yalov.</i> From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)	163
<i>V. I. Raspopova.</i> Felt and fur in the paintings of Panjakent	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy.</i> Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov.</i> Role of photography in studies of the history of archaeology	185
<i>E. V. Barkhatova.</i> Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina.</i> "...I happened to meet many persons of different faiths and nations...". A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova.</i> Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia	205
<i>E. Yu. Zakharova.</i> Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland	212
<i>V. A. Alyokshin.</i> Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov.</i> Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev	227
<i>A. E. Musin.</i> The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg	240
<i>N. D. Moiseeva.</i> Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards	264
<i>V. N. Sedykh.</i> A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)	270
<i>S. V. Beletskiy.</i> Unknown photographs of Pskov of 1946	280
<i>N. I. Platonova.</i> Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)	285
<i>O. M. Mel'nikova.</i> North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)	294
<i>V. S. Sobolev.</i> 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstammer. 1776–1783	300
<i>V. A. Prishchepova.</i> Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s	303
<i>A. N. Bessudnov.</i> Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской

1967

Типы погребений древнетюркского времени на территории Тувы, Алтая и Монголии // Филология и история тюркских народов: ТДК. С. 56–57.

1971

Работы Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1970 года. С. 180–182 (в соавторстве с А. Д. Грачом, Ю. И. Трифоновым, И. У. Самбу).

1972

Исследования в Саянском каньоне Енисея, Центральной Туве и Минусинской котловине // АО 1971 года. С. 237–238 (в соавторстве с А. Д. Грачом).

1973

Исследования в Саянском каньоне Енисея и на р. Хемчик // АО 1972 года. С. 205 (в соавторстве с А. Д. Грачом).

1974

Исследования в Саянском каньоне Енисея // АО 1973 года. С. 199–200.

1975

Исследования на плато Улут-Бюк // АО 1974 года. С. 201–202.

1976

Работы в Саянском каньоне Енисея // АО 1975 года. С. 236.

Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества: (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. Вып. 21. С. 193–200.

1977

Некоторые особенности наземных сооружений курганов Саянского каньона р. Енисей: (могильник Хадыных II) // СА. № 3. С. 275–278.

1978

Еще раз о «кудыргинском валуне»: (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974. С. 230–237: ил.

Раскопки курганов в Саянском каньоне р. Енисей // АО 1977 года. С. 225–226.

1979

Исследования погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея // АО 1978 года. С. 221–222.

Окружающая среда и хозяйственно-культурные особенности южной части Саянского каньона р. Енисей: (По данным археологии) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск. С. 87–89 (в соавторстве с Вл. А. Семеновым).

Памятники енисейских кыргызов за Саянами (IX–X вв.) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: ТД обл. конф. Омск. С. 47–49.

1980

Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл. С. 77–94: ил. (в соавторстве с Б. Б. Овчинниковой).

Раскопки курганов в Саянском каньоне Енисея и на р. Ус // АО 1979 года. С. 202–203.

1981

Раскопки средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1980 года. С. 177–178.

1982

К определению названия археологической культуры енисейских кыргызов VI–XII вв. н. э. // Проблемы археологии и этнографии Сибири: ТДК регион. конф. Иркутск. С. 117–118.

Курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея // КСИА. Вып. 170. С. 109–115: ил.

Памятники енисейских кыргызов за Саянами // Археология Северной Азии. Новосибирск. С. 123–131: ил.

1983

Раскопки могильников в пос. Новый Эйлиг-Хем // АО 1981 года. С. 196–197.

Средневековые погребения с трупосожжением в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС // Древние культуры евразийских степей. Л. С. 41–45: ил.

1984

О расселении кыргызов на территории Тувы // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: ТД обл. конф. Омск. С. 97–101.

Продолжение раскопок средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1982 года. С. 198–199.

Раскопки «крепости Омая» // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. С. 122–130 (в соавторстве с О. Б. Варламовым).

1985

Памятники енисейских кыргызов в Туве: (IX–XII вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / АН СССР. ЛОИА. Л. 18 с.

Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 года. С. 201–202.

1986

Историко-культурная общность населения северо-западной части Южной Сибири в X–XI веках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: ТД 29-й сессии постоянной международной алтаистической конференции. Ч. 1. М. С. 29–31.

1987

Классификация погребально-поминальных комплексов енисейских кыргызов IX–XII вв. // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2. Омск. С. 170–173.

Неопубликованные материалы из археологического наследия В. В. Бартольда // Бартольдовские чтения. С. 111–112.

О смене обликов металлических изделий в культуре енисейских кыргызов в X–XI вв. // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск. С. 100–103.

Этапы и связи культуры кыргызов IX–XII вв. // Проблемы археологии Степной Евразии: ТД. Кемерово. С. 179–181.

1988

Кидани и кыргызы: Проблема взаимовлияния // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке: ТД 3-ей Всесоюзной конф. востоковедов. М. Т. 1. С. 154–157.

Материалы раскопок Херсонеса и его хоры в фотоархиве ЛОИА АН СССР: (1888–1988 гг.) // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.: ТД. Севастополь С. 37–40.

1989

Из истории охраны памятников и археологической службы в СССР // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: ТД. М. С. 66–68 (в соавторстве с Р. В. Васильевой).

Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея: (по материалам работ 1980–1982 гг.) // КСИА. Вып. 196. С. 93–98: ил.

С. Р. Минцлов и его поездка по Урянхайскому краю: (из истории исследования Тувы) // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: ТД. Красноярск. С. 43–45.

О времени и путях проникновения изделий кидане-тюхтятского облика в Восточный Казахстан // Маргулановские чтения. Алма-Ата. С. 168–173.

The Problem of Dating the Yenisei Qyrgyz Monuments in Tuva // International association for the study of the cultures of Central Asia. Information Bulletin. Iss.16. Moscow. P. 84–97.

1990

Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск. С. 76–85 (в соавторстве с Вл. А. Семеновым).

Кыргызский могильник Сарыг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск. С. 86–102.

Погребально-поминальная обрядность как источник для реконструкций мировоззрения енисейских кыргызов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск. С. 113–115.

Проблема датировки памятников енисейских кыргызов // ИБ МАИКЦА. Вып. 16. С. 68–79: ил.

1991

Деятельность РАИМК–ГАИМК: 1919–1937 гг. // Археология и социальный прогресс: Материалы конф. М. С. 31–44.

1992

К вопросу об историко-культурных контактах народов Центральной Азии и Сибири в X–XII вв. // Северная Евразия от древности до средневековья: ТД. СПб. С. 225–227.

О фототеках и каталогах Красноярского и Минусинского музеев // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск. Т. 1. С. 31–33.

Северная Азия от древности до средневековья // ТДК К 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб. С. 225–227.

Impire of Lyaao and Ienisei Kirghizes. Contacts and mutual influences // Materials of international conference for the study of the cultures of North China. Huhe-Hoto, 1992. P. 39–40.

China / Series editor: Vitaly Naumkin / Introduction. Garnet. Publishing limited. British. 159 p.

1993

Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв. н. э.) // Fasciculi archaeologicae historicae. Lodz. Fasc. 6. С. 21–43: ил., карт.

[Фотоархив Института истории материальной культуры РАН] // Прошлое Урала в фотографиях: Каталог фотоархива ИИМК РАН. Екатеринбург. С. 3–9.

Санкт-Петербург. 1861 год. Круговая панорама. Комментарий. СПб. 13 ил.

1994

Енисейские кыргызы: Историко-культурный аспект // Fasciculi archaeologicae historicae. Fasc. 7. С. 9–12: ил. (В оглавлении заголовков: Снаряжение всадника и коня степей Центральной Азии (X–XII вв.).

Работы по охране памятников в РАИМК–ГАИМК (1918–1941 гг.) // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. ГНИИР. Вып. 15. М. С. 35–47 (в соавторстве с Р. В. Васильевой).

1995

Из истории формирования фонда Фотоархива Института истории материальной культуры РАН // АВ. № 4. С. 298–302.

Материалы А. Н. Бернштама в собрании Фотоархива истории материальной культуры: (Санкт-Петербург) // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек. С. 231–239.

- Материалы П. А. Раппопорта в фотоархиве ИИМК РАН // Церковная археология. СПб; Псков. Ч. 3. С. 73–76.
- Материалы сибирских новостроечных экспедиций в Фотоархиве ЛОИА АН СССР // Южная Сибирь в древности. СПб. С. 180–190. Рез. англ. (в соавторстве с Л. Ю. Березовской).
- Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов в свете этнографических данных // УЗ ТувНИ-ИЯЛИ. Сер. ист. Вып. 18. С. 136–156: карт.
- Сибирские материалы в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН (СПб.) // Сургут. Сибирь, Россия: Доклады и сообщения. Екатеринбург. С. 311–316.
- Фонд графов Шуваловых в фотоархиве Института истории материальной культуры Российской академии наук // Россия. Романовы. Урал. Вып. 2. С. 123–127.

1996

- Научная и научно-просветительская деятельность РГАК–РАМИК–ГАИМК–ИИМК в 20–30-е годы // Традиции российской археологии. СПб. С. 68–71.
- О несостоявшемся издании книги «Разрушенные алтари Санкт-Петербурга» // Сборник материалов программы «Храм». Вып. 11. С. 160–170.
- Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов и шаманский погребальный обряд тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Южной Сибири // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб. С. 123–130: ил.
- Восток в фондах фотоархива Института истории материальной культуры РАН // «Анналы». Вып. 3. М. С. 7–12.

1997

- Комплектование и научно-просветительская деятельность фотоархива ИИМК РАН в 1986–1996 гг. // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы Пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб. С. 146–150.
- Материалы по Западной Сибири в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск. С. 82–94.
- Материалы по Пскову в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков. Т. 1. С. 202–217: ил.
- Псков в материалах фотоархива ИИМК РАН // Белецкий В. Д. Псковский кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб. С. 48–61: ил.
- L'architecture de l'Empire Ottoman et la Turquie dans les photographies du milieu du XIX-e siecle au debut du XX siecle: (Par des materiaux des photoarchives de l'Inst. de la culture materielle, St. Petersburg) // Oriental studies in the 20th c. Moscow. Vol. 1. P. 93–95.

1998

- Доступные раритеты // Санкт-Петербургская панорама. № 4–5. СПб. С. 31.
- Енисейские кыргызы в центре Тувы: (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М. 84 с.: ил., карт. (в соавторстве с А. Д. Грачом, Д. Г. Савиновым).
- К истории изучения Саянского каньона Енисея // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 115–119: карт. (в соавторстве с А. В. Субботиным).
- Материалы полевых и кабинетных исследований В. П. Любина в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб. С. 26–33.
- Материалы по Москве в фотоархиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город. М. С. 310–321.
- Растаяло лазоревое чудо... // Санкт-Петербургская панорама. № 6. С. 56–60: ил.
- Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР в архивах ИИМК РАН // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 22–29.
- С Грачом и без Грача: (Полевые сезоны 1971 и 1972 гг.) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 78–84.

Тамги — дополнительный источник по истории енисейских кыргызов // Международная конференция по первобытному искусству: ТД. Кемерово. С. 93–94.

Типология и датировка металлических изделий енисейских кыргызов // Военная археология. СПб. С. 271–299: ил.

Фотографии из Собственной библиотеки Императора Николая II в собрании фотоархива Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург) // АВ. № 5. С. 382–384: ил.

Фотография — память народов: Материалы фотоархива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) // Культурное наследие Российского государства. СПб. С. 99–118: ил.

Этапы жизни ученого: [А. Д. Грача] // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб. С. 7–9: портр. (в соавторстве с Д. Г. Савиновым).

1999

Археолог Александр Данилович Грач. К 70-летию со дня рождения // Петербургские чтения-98, 99. СПб. С. 363–367.

Дороги Карелии с древнейших времен до наших дней / Составители Г. В. Длужневская и др. СПб. 198 с.: ил., карт. Коллекция снимков графов Шуваловых // Коллекционеры и меценаты дореволюционного Урала. Очерки истории Урала. Меценаты и коллекционеры Урала. Екатеринбург. Вып. 8. С. 113–121.

К характеристике культуры центральноазиатских енисейских кыргызов // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек. С. 80–85: ил.

Материалы Сергея Николаевича Замятнина в фотоархиве ИИМК РАН // Локальные различия в каменном веке. СПб. С. 27–32.

Фотоархив Института истории материальной культуры РАН — единственный специализированный фотоархив в системе академических учреждений России // НиТ: ВИТ. Вып. 15. С. 21–22.

Фотографии из Мраморного дворца: собрание генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Академии наук Константина Константиновича // Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб. Т. 2. С. 286–308: ил.

Фотография и флот во второй половине XIX – начале XX вв. // Российскому государственному военно-морскому флоту 275 лет: ТД исторических чтений. СПб. С. 11–13.

2000

«Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы: (По материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург. 50 с.: ил., карт. (в соавторстве с Б. Б. Овчинниковой).

Археолог Юрий Иванович Трифонов: (1940–1989) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск. С. 203–210: порт. (в соавторстве с Д. Г. Савиновым).

Господин Великий Новгород: Материалы фотоархива Института истории материальной культуры РАН // Проблемы истории России. Вып. 3. С. 135–184: ил.

История, археология и архитектура Северо-Западного региона России в фотографиях XIX–XX веков: Материалы фотоархива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. С. 149–167: ил.

Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск. С. 178–188: ил.

Пушкиногорье в материалах фотоархива ИИМК РАН // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 5. С. 48–55: ил.

Урочища с могильниками енисейских кыргызов в Саянском каньоне Енисея как святилища кыргызов IX–X вв. // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Матер. тематич. научн. конф. (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб. С. 232–235.

Фотоархив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Фотоархив ИИМК РАН). Составитель Г. В. Длужневская // История Римско-католической Церкви в России и Польше в документах архивов, библиотек и музеев Санкт-Петербурга. Очерк-путеводитель. Часть 2. СПб.; Варшава. С. 137–156 (на польск. яз.). С. 435–454 (на рус. яз.).

L'architecture islamique en Russie dans les photographies du milieu du XIX-e siecle au debut du XX-e siecle // Islamic art resources in Central Asia a. Eastern a. Central Europe. Mafrqa (Jordania). S. 53-58: il.

2001

Археологические фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН // Евразия сквозь века. СПб. С. 31–38 (в соавторстве с Н. А. Лазаревской, М. В. Медведевой).

Глава VII: Тува в составе государства енисейских кыргызов // История Тувы. Т. I. Новосибирск. С. 133–154.

Из фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. № 11–12. СПб. С. 166–169.

К характеристике культуры центральноазиатских (енисейских) кыргызов // Центральная Азия и культура мира. № 1–2 (10–11). 2001. Бишкек. С. 51–55.

Материалы Н. П. Кондакова в собрании [фотоархива] Института истории материальной культуры РАН // Никодим Павлович Кондаков 1845–1925: Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения. СПб. С. 35–42: ил.

Материалы фотоархива Института истории материальной культуры по Пушкинским Горам и заповеднику «Михайловское»: (Фонд архитектора К. К. Романова) // Михайловская пушкиниана. Вып. 15. С. 210–215.

Разрушенные храмы Санкт-Петербурга. Набор открыток. Автор-составитель. СПб., 18 откр. (совместно с А. А. Алексеевым).

Чуфут-Кале — караимский город крепость близ Бахчисарая: (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Altaica. Вып. 5. С. 60–68: ил.

2002

Православный мир России в фотографиях конца XIX – начала XX века. Научный консультант Г. В. Длужневская. СПб. 496 с.

Выступление Длужневской Г. В. // Материалы II Всероссийского съезда востоковедов. Казань, 18–22 октября 1999 г. Бюллетень Newsletter. 6. М. С. 40–41.

Из фотолетописи петербургско-швейцарских связей: Фонды фотоархива ИИМК РАН // Швейцарцы в Петербурге. СПб. С. 476–484.

Материалы востоковедческих экспедиций в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Материалы конференции «Традиция гуманитарно-естественного восточного краеведения в России (к столетию Русского Императорского Общества востоковедов)». Санкт-Петербург, 15–17 марта 2000 г. Бюллетень (Newsletter). 7. М. С. 64–74.

Материалы конца 19 – начала 20 века о Петре Первом и его эпохе в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН / Г. В. Михайлов. Зимние дворцы Петра I. СПб. С. 208–215.

Научное наследие Михаила Петровича Грязнова в фотоархиве ИИМК РАН // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб. Кн. 1. С. 35–41 (в соавторстве с Н. А. Лазаревской, М. В. Медведевой).

«Полночных стран краса и диво...». Коллекция фотодокументов по Петербургу–Петрограду–Ленинграду–Петербургу в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // НиТ: ВИТ. Тезисы XXIII годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (26–28 ноября 2002 г.). Вып. XVIII. СПб. С. 124–125.

Фотография как источник изучения российской археологии // Программы спецкурсов по археологии СПб. С. 29–33.

Фототеки музеев и фотоархивы // Северный археологический конгресс: ТД. Ханты-Мансийск. С. 361–362. Рус., англ.

Является ли кладом «Тюхтятский клад»? // Клады: состав, хронология, интерпретация. Матер. тематич. научн. конф. (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб. С. 234–239.

XIX. Yüzyilin İkinci Yarisinin ve XX. Yüzyilin Başlarının Fotoğraflarında Osmanlı Mimarisi // Ankara. S. 360–366.

2003

Утраченные храмы Петербурга. СПб. 272 с.: ил. Библиография: с. 267–268.

Булла К. К. // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. Деятнадцатый век. Книга первая. СПб. С. 427–429.

Жуковский В. А. // Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа СПб. С. 15.

Из истории одной фотографии // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. С. 236–244: ил.

Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // АВ. № 10. С. 349–360: ил.

Применение картографирования в исследовании памятников енисейских кыргызов IX–XII вв. в Туве // V Международная конференция «Исторические источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы». 2–7 июня 2003 года. Москва, Россия. ТДК. М. С. 26–27.

Собрание фотодокументов великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича // Проблемы истории России / Екатеринбург. Вып. 5. С. 407–437: ил.

Фонд 45. Библиотека Мраморного дворца: материалы фотоархива Института истории материальной культуры РАН // Восточный архив. № 10. С. 86–98: ил.

Фотодокументы по Кыргызстану в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // Труды Института мировой культуры / Бишкек. Вып. 3. С. 184–192.

Фотолетопись диалога цивилизаций и культур: (Фотоархив ИИМК РАН) // Санкт-Петербург в диалоге цивилизаций и культур Востока и Запада. М. С. 40–43.

2004

Православные святые Балкан / РАН. ИВ. ИИМК. СПб. 128 с.: ил., карт. Библиография: с. 127 (в соавторстве с Д. Д. Васильевым, М. Е. Малевинской).

Константиновский дворец // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. № 15–16. СПб. С. 141–146.

Проект «Великий Шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX – первой половины XX веков (по материалам фотоархива Института истории материальной культуры РАН)» // Отчет по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» за 2003 год. М. С. 102–103.

Традиционная культура народов Великого шелкового пути в фотографиях второй половины XIX – первой половины XX века: (По материалам фотоархива Института истории материальной культуры РАН) // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М. С. 233–235.

2005

Древности восточной части Евразии в материалах научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб. 140 с.; 10 л. ил. Библиография: с. 123–135.

Панорама Константинополя. 1878. М. 27 с. (на рус. яз.); 27 с. (на англ. яз.).

Археологические исследования Императорской Археологической комиссии в Южной Сибири: (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск. С. 238–240.

Казань в документах фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Светозарная Казань. Санкт-Петербург к 1000-летию Казани. Каталог выставки. Центральный выставочный зал «Манеж». СПб. С. 26 (на рус. яз.), с. 42 (на татар. яз.).

Научное наследие В. Ф. Гайдукевича в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН // Проблемы античной археологии Северного Причерноморья. СПб. 2005. С. 42–50.

Панорамы портовых городов мира в документах фотоархива Института истории материальной культуры РАН // Елагинские чтения. Вып. 2. СПб. С. 112–119.

Фонд «Библиотека Мраморного дворца» в Научном архиве ИИМК РАН // АВ. № 12. С. 274–290: ил.

2006

Кремль России XV–XVII веков. СПб. 336 с.: ил. Библиография: с. 331–334 (в соавторстве с Анд. В. Субботиным, В. А. Калининным).

Крым в прошлом в старых фотографиях / Турецкое историческое общество. Сер. 21. № 9. Анкара. 254 с.: ил. Текст парал. на рус. и турец. (в соавторстве с Д. Д. Васильевым, Х. Карымлы).

Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб. 304 с.: ил. Библиография: с. 302.

Великий шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX – первой половины XX века // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М. К. 1. С. 452–462; 5 л. ил. (в соавторстве с О. И. Богуславским, Л. Б. Кирчо).

Деятельность Академии истории материальной культуры в области востоковедения в 1919–1940 годах // Восточный путь. № 14/15. С. 128–136.

Деятельность Российской Государственной Академии истории материальной культуры – Института истории материальной культуры АН СССР в 1919–1940 гг. // От Древней Руси до современной России. М. С. 347–371.

Императорская Археологическая комиссия — главное археологическое учреждение Российской империи: (1859–1917 гг.) // ЗИИМК. № 1. С. 112–118: ил.

Императорская Археологическая комиссия на службе российской истории и культуры // ВСПбГУ. Сер. 2. № 4. С. 270–283.

Китай и его соседи в фотографиях русских исследователей и путешественников (по материалам фотоотдела Научного архива) // Санкт-Петербург–Китай. Три века контактов. СПб. С. 85–105.

Научный Архив: [ИИМК РАН в 2001–2005 гг.] // ЗИИМК. № 1. С. 166–169.

Французская фотография второй половины XIX века в коллекции фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) // Французская фотография второй половины XIX века из коллекции Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Каталог выставки. СПб. С. 10–16.

2007

Иерусалим и его окрестности в старых фотографиях. СПб. 88 с.

Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. 196 с.: ил., карт; 15 л. ил. Библиография: с. 184–196 (в соавторстве с Д. Г. Савиновым).

Архитектурные памятники Османской империи в фотографиях XIX–XX вв. из Научного архива ИИМК РАН // Basileus. Сборник статей, посвящ. 60-летию Д. Д. Васильева. М. С. 120–131.

Взгляд современника. Фотографы в Русском Туркестане // Туркестан в старых фотографиях и керамике. Материалы выставки. М. С. 9–26.

Мусульманский мир Российской империи: (по материалам фотоотдела Научного архива ИИМК РАН) // Россия и тюркский мир: 2-я Междунар. конф. СПб. С. 89–96.

Саянский каньон Енисея — особая область культурогенеза // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб. С. 177–199.

Уральский регион в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Вып. 13. № 49. Екатеринбург. С. 118–133.

Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. № 14. С. 246–258: ил

2008

Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в.: (По фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук): Автореф. док. дис. СПб. 48 с. Библиография: с. 39–47.

Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX – начала XX в. СПб. 122 с: ил. (в соавторстве с Е. В. Бархатовой, Е. А. Глушковой).

Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. 170 с., 8 л. ил. Библиография: с. 157–167.

Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской археологической комиссии (1859–1917): фотоматериалы научного архива ИИМК РАН // РА. № 3. С. 157–164: ил.

Материалы по истории и культуре народов Азиатской России в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // ТДК «Архивное востоковедение» Москва, 23–25 июня 2008 г. М. С. 33–35.

Научное наследие А. А. Спицына в фотоотделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. научн. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына. СПб., 26–30 ноября 2008 г. СПб. С. 32–38 (в соавторстве с М. В. Медведевой).

Туркменистан в документах фотоотдела Научного архива ИИМК РАН в Санкт-Петербурге // Туркменская земля — колыбель древних культур и цивилизаций. Ашхабад. С. 316–319: ил. Рус., туркм.

2009

Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. СПб. С. 594–637: ил. (в соавторстве с Н. А. Лазаревской).

Архив Императорской Археологической комиссии: фотодокументы по Сибири // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. Ч. 2. Екатеринбург. С. 449–466: ил.

Избирательное собрание по выборам членов Российской академии истории материальной культуры: (Петроград, 5–7 августа 1919 г.) // Боспорский феномен. С. 9–23: ил.

Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. СПб. С. 783–812: ил. (в соавторстве с Л. Б. Кирчо).

История формирования архива Императорской Археологической Комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания: Приложение. СПб. С. 5–11 (в соавторстве с Н. А. Беловой, А. Е. Мусиным).

Научное наследие Михаила Константиновича Каргера в фотоархиве ИИМК РАН // ТГЭ. Т. 46. С. 370–391: ил. Рез. англ.

Памяти Анатолия Кузьмича Филиппова: (18.01.1929 – 06.05.2009) // ЗИИМК. № 4. С. 251–253: порт.

Русская учено-торговая экспедиция в Китай 1874–1875 гг. в фотодокументах Научного архива Института истории материальной культуры РАН // «Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества». Материалы научно-практической конф. Екатеринбург. 25–26 ноября 2008 г. Екатеринбург. С. 20–28: 21 ил.

Славно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. СПб. С. 813–908: ил. (в соавторстве с М. В. Медведевой, Н. И. Платоновой, А. Е. Мусиным).

Фотодокументы из фонда К. Г. Фаберже: Индия, Таиланд, Мьянма, Шри-Ланка // СПб. – Индия. История и современность. (Серия «Санкт-Петербург и мир»). СПб. С. 327–356.

2010

Города Османской Турции на старинных фотографиях, выполненных российскими учеными // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рожд. А. С. Тверитиновой (1910–1973). М. С. 195–205 (в соавторстве с Д. Д. Васильевым).

Историко-археологическое наследие Западной Сибири в документах архива Императорской археологической комиссии // Культура как система в историческом контексте: Опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск. С. 60–64.

Комплексные общества севера Центральной Азии и Южной Сибири в древнетюркскую эпоху: (вторая половина 1-го – начало 2-го тысячелетия н. э.) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М. С. 129–137 (в соавторстве с Д. Г. Савиновым).

Могильники Чинге III–V, Хемчик-Бом IV–VI, Сарыг-Хая и Шутур // Памятники кокэльской культуры Тувы. СПб. С. 80–96: ил.

Научное наследие Александра Натановича Бернштама в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Древние культуры Евразии. Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб. С. 22–27.

Памятники кокэльской культуры в Центральной Туве: опыт системного анализа // Памятники кокэльской культуры Тувы. СПб. С. 97–118: карт.

Урал в исследованиях Императорской Археологической комиссии: история и лица // Вестник Уральского отделения РАН. 2010/1 (31). Наука. Общество. Человек. Екатеринбург. С. 85–99 (в соавторстве с А. Е. Мусиным, Б. Б. Овчинниковой).

Французская фотография и фотографии второй половины XIX века в документах фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН // С.-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. (Серия «Санкт-Петербург и мир»). СПб. С. 193–217.

2011

Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах: (По документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб. 296 с: ил.; 12 л. ил. Библиография: с. 243–264.

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич — государственный деятель, реформатор флота и собиратель фотодокументов по истории и культуре Российской империи // Елагинские чтения. Вып. V. СПб. С. 87–96.

Испания в старых фотографиях // Еспаña. 1889. Испания. Alicante. С. 27–49 (на исп. яз.), с. 171–183 (на рус. яз.).

Узбекистан второй половины XIX века: (В материалах фотоархива Института истории материальной культуры РАН) // Бюллетень ЦНИЦ УрГУ. № 1. С. 165–177.

Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Академии Наук Константина Константиновича // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 1(1). СПб. С. 4–14.

Фотографии Пекина второй половины XIX в. (из коллекции великих князей Генерал-адмирала Константина Николаевича и Августейшего президента РАН Константина Константиновича из Фонда Мраморного дворца в Фотоархиве ИИМК РАН) // В потоке научного творчества. Сборник статей к 80-летию В. С. Мясникова. М. С. 283–295 (в соавторстве с Д. Д. Васильевым).

Юбилей профессора Дмитрия Глебовича Савинова // ЗИИМК. № 6. С. 254–256 (в соавторстве с В. Н. Седых).

2012

Каменное изваяние с сюжетной сценой из могильника Саргол // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии. Томск. С. 90–94: ил.

Материалы полевых исследований Михаила Петровича Грязнова в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН // М. П. Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. СПб. С. 5–10.

Научный архив Института истории материальной культуры РАН в 2006–2010 гг. // ЗИИМК. № 7. С. 213–216.

Список опубликованных работ Михаила Петровича Грязнова: (Дополнение по материалам личного архива и печатным работам опубликованных после 2002 г.) // М. П. Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. СПб. С. 55–62 (в соавторстве с Е. В. Бобровской, Л. М. Всевиовым).

Фотоархив Института истории материальной культуры РАН (с 2004 г. — фотоотдел Научного архива ИИМК РАН) // Сборник докладов междунар. конф. «Фотография в музее». СПб. С. 7–27.

2013

Белек Марианне Арташировне Дэвлет // РА. № 2. С. 149–153: порт. (в соавторстве с Д. Г. Савиновым).

Древние тюрки в Саянском каньоне Енисея // Древние тюрки в Центральной Туве. СПб. С. 173–186: ил.

Научный архив ИИМК РАН: история архива и «хранители вечности» // Академическая археология на берегах Невы. СПб. С. 292–317: ил.

Материалы П. А. Раппопорта в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН // П. А. Раппопорт. Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. СПб. С. 317–323 (в соавторстве с М. В. Медведевой).

Рец. на В. А. Прищепова. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры: монография / отв. ред. д.и.н. Н. Г. Краснодембская. СПб.: Наука, 2011. 452 с., ил. // Этнографическое обозрение. № 1. С. 190–191.

Саянская «труба» объединяла всех... // Родина. 2014. № 7. С. 21–24.

Фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН (ныне — фотоотдел Научного архива ИИМК РАН) // Восточный архив. № 2(28). М. С. 79–89.

2014

Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе в 1959–1919 годах: (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН) / РАН. ИИМК. СПб. 218 с.: ил.; 8 л. ил. Библиография: с. 204–214.

Марианна Арташировна Дэвлет: Биобиблиография / Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово. 56 с.: порт. (в соавторстве с Д. Г. Савиновым, О. С. Советовой).

Мусульманский мир Российской империи второй половины XIX – начала XX в. в фотодокументах научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук // Культурное наследие Российского государства. Вып. 6. Ч. 1. С. 190–214: ил.

Фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН (Окончание) // Восточный архив № 1(29). М. С. 84–96.

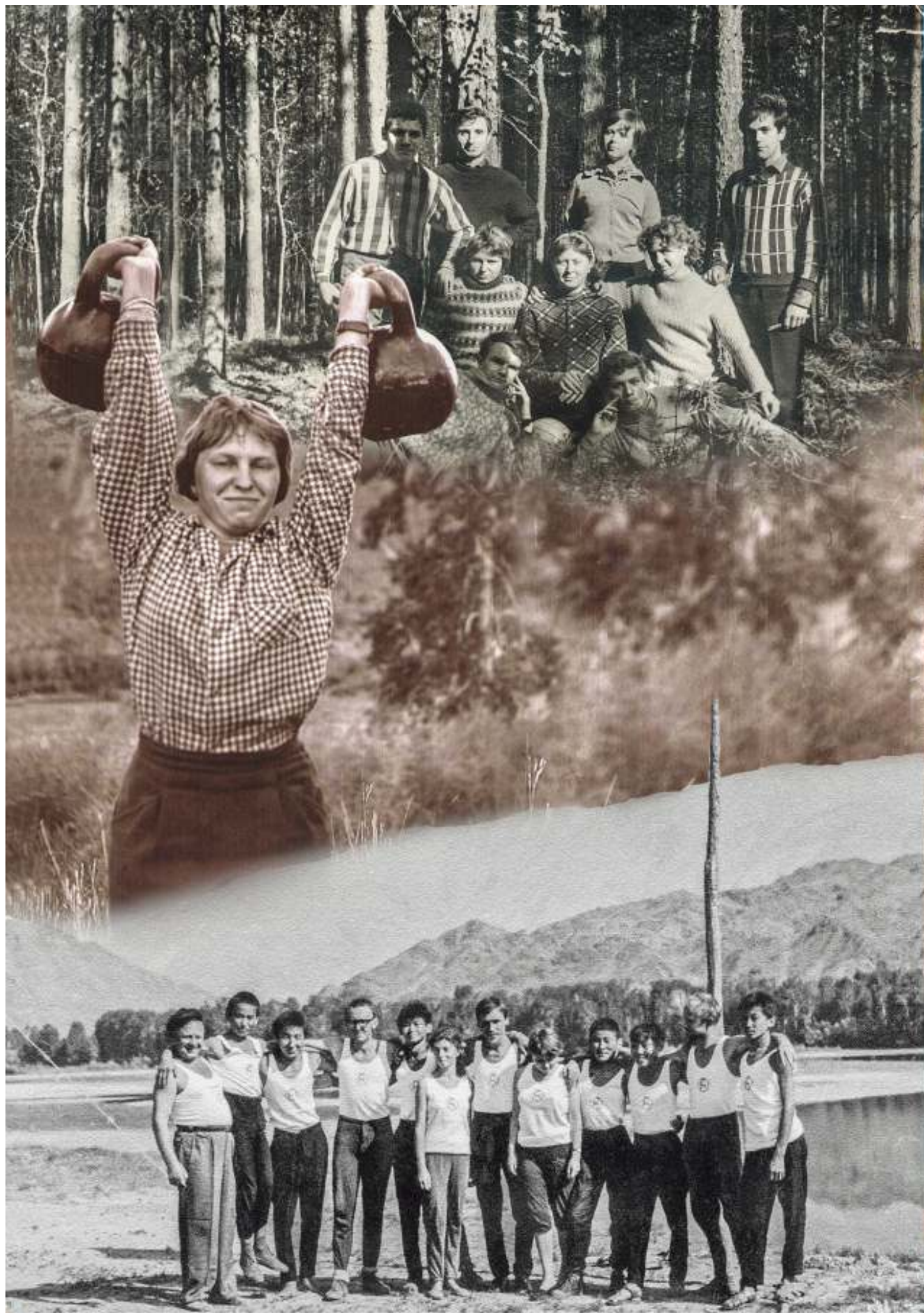
2015

Египет 100 лет назад: Из коллекции (1920–1925) русского художника Ивана Билибина: [Альбом фотографий]: Каир. 248 с: ил. (в соавторстве с Анд. В. Субботиным).

Возвращение из небытия. О. Б. Беликова. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во Томского университета, 2014. ISBN 978-5-7511-2283-6. 570 с. 301 ил. // АВ. № 21. С. 408–409.

Составители:
Л. М. Всевиов
М. В. Медведева

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-9-19

С. И. Сергеев

Живописные работы тувинского цикла

Сергей Иванович Сергеев родился в 1951 г. в г. Ленинграде (в Петергофе). Член Санкт-Петербургского Союза художников России.

В 1982–1983 гг. работал художником в археологическом отряде СТЭАН под руководством Галины Вацлавны Длужневской. В Туве отряд базировался в урочище Сарыг-Хая и в долине Бедиг-Хорум, а в Хакасии — у пос. Майна, в долине р. Голубой.

В 1984 г. состоялась творческая командировка в Туву и Саяно-Шушенский заповедник, организованная ЦК Комсомола и молодежной секцией Ленинградского отделения Союза художников РСФСР, откуда С. И. Сер-

геев также привез серию живописных пейзажей и портретов лесников заповедника и жителей Тувы. Всего сохранилось около 40 работ этого периода. Целый ряд пейзажей 1982–1983 гг. был написан непосредственно в урочище Сарыг-Хая и долине Бедиг-Хорум — местах работы отряда Г. В. Длужневской.

Картины С. И. Сергеева, относящиеся к тувинскому циклу, неоднократно экспонировались на коллективных выставках в России (Ленинград — 1983 и 1988; Москва — 1986) и за рубежом (Мюнхен — 1988), а также на персональных выставках художника в России (Санкт-Петербург — 1996–1998; Стрельна — 2004; Петергоф — 2018).

Рис. 1. С. И. Сергеев. Тува. На перевале. (Оваа — жилище Духов Гор), 40 × 50. К. М. 1983 г.

Fig. 1. S. I. Sergeev. Tuva. In the pass. (Ovaa — dwelling of Mountain Spirits). 40 × 50. Oil painting. 1983.

Рис. 2. С. И. Сергеев. Тува. Закат на Енисее после дождя. Сарыг-Хая. 36 × 50. К. М. 1983 г.

Fig. 2. S. I. Sergeev. Tuva. Sunset on the Yenisei after a rain. Saryg-Khaya. 36 × 50. Oil painting. 1983.

Рис. 3. С. И. Сергеев. Тува. Долина Бедиг-Хорум. 25 × 37. К. М. 1983 г.

Fig. 3. S. I. Sergeev. Tuva. The valley of Bedig-Khorum. 25 × 37. Oil painting. 1983.

Рис. 4. С. И. Сергеев. Тува. Бедиг-Хорум. Раскоп. 25 × 25. К. М. 1982 г.

Fig. 4. S. I. Sergeev. Tuva. Bedig-Khorum. Excavation. 25 × 25. Oil painting. 1982.

Рис. 5. С. И. Сергеев. Тува. Долина Бедиг-Хорум. Вечерний этюд, 16 × 23. К. М. 1983 г.

Fig. 5. S. I. Sergeev. Tuva. The valley of Bedig-Khorum. Evening study, 16 × 23. Oil painting. 1983.

Рис. 6. С. И. Сергеев. Тува. Долина Бедиг-Хорум. Закат. 17 × 25. К. М. 1983 г.

Fig. 6. S. I. Sergeev. Tuva. The valley of Bedig-Khorum. Sunset, 17 × 25. Oil painting. 1983.

Рис. 7. С. И. Сергеев. Тува. На Енисее около Хемчика (Перевалка). 20 × 35. Х. М. 1982 г.

Fig. 7. S. I. Sergeev. Tuva. On the Yenisei near the Khemchik River (Transshipment place). 20 × 35. Oil painting. 1982.

Рис. 8. С. И. Сергеев. Тува. Сарыг-Хая. Тополиная роща (лагерь отряда Г. В. Длужневской). 49 × 66. К. М. 1983 г.

Fig. 8. S. I. Sergeev. Tuva. Saryg-Khaya. Poplar grove (camp of G. V. Dluzhnevskaya's team). 49 × 66. Oil painting. 1983.

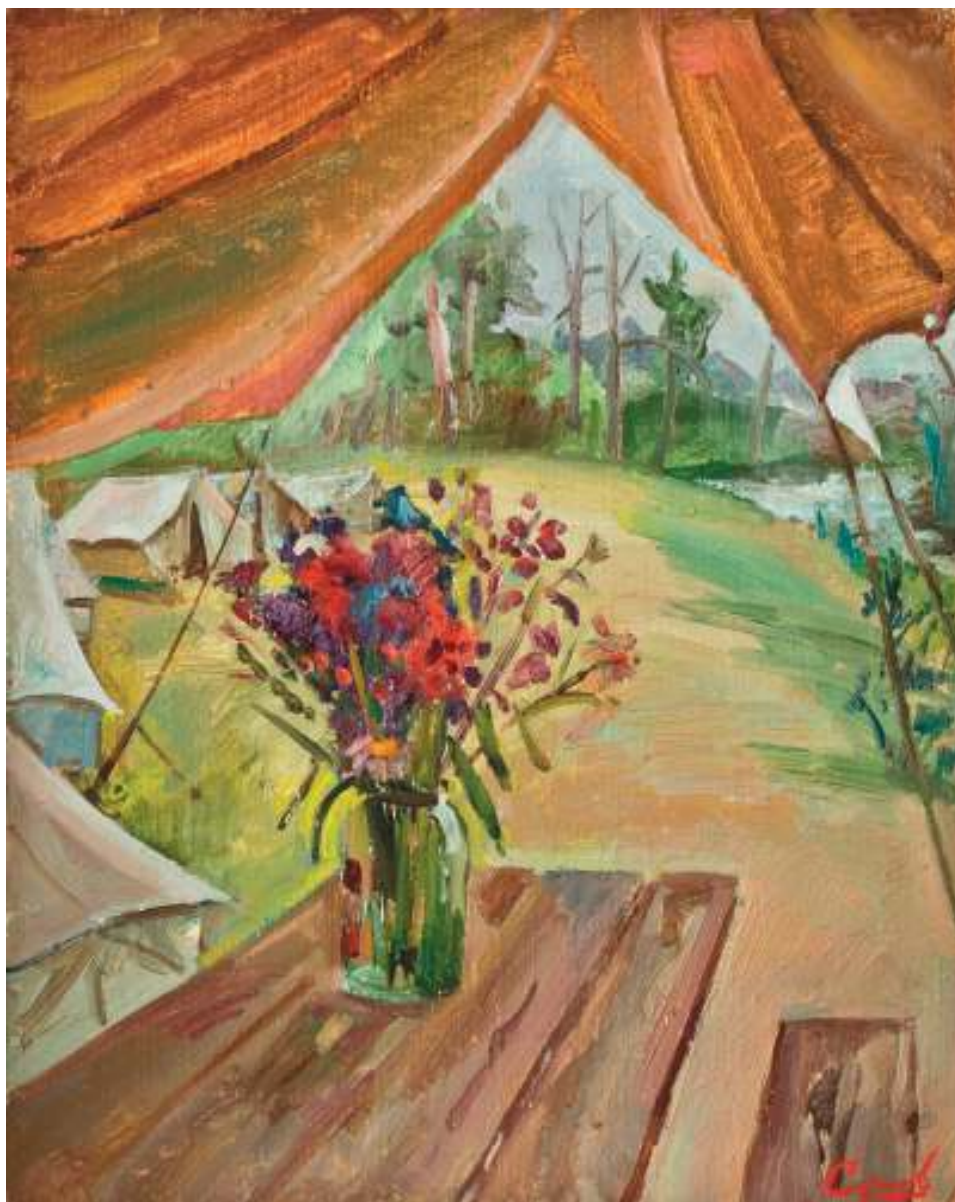

Рис. 9. С. И. Сергеев. Тува. Бедиг-Хорум. В лагере археологов. Дожливый день. 40 × 50. К. М. 1983 г.

Fig. 9 S. I. Sergeev. Tuva. Bedig-Khorum. In the camp of archaeologists. Rainy day. 40 × 50. Oil painting, 1983.

Sergey Ivanovich Sergeev was born in 1951 in the city of Leningrad (Peterhof district). He is a member of the Russian Saint-Petersburg Union of Artists.

In 1982–1983, he worked as artist at the branch of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition under the direction

of Galina Vatslovna Dluzhnevskaya. Quite a number of his landscapes were painted directly in the isolated terrain of Saryg-Khaya and the Bedig-Khorum valley where the archaeological team of G. V. Dluzhnevskaya was working.

ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской

Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева¹

Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие

Ключевые слова: археология, архивное дело, биография, Г. В. Длужневская, Научный архив ИИМК РАН, Саяно-Тувинская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (СТЭАН), фотодокументы.

Keywords: archaeology, archives, biography, G. V. Dluzhnevskaya, Scientific Archives of IIMK RAS, Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology AS USSR (STEAN), photographic documents.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-30-34

Со студенческих лет жизнь Галины Вацлавны Длужневской была тесно связана с Институтом истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН; до 1991 г. — ЛОИА АН СССР). С 1960-х гг. она работала в Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, затем в течение почти тридцати лет была заведующей фотоархивом, с 2004 г. — объединенным Научным архивом Института. Галина Вацлавна внесла большой вклад в дело изучения археологических памятников Центральной Азии; ее публикации в большой степени способствовали раскрытию и введению в научный оборот материалов уникального фонда архивных документов по истории науки из собрания ИИМК РАН.

Г. В. Длужневская родилась 10 марта 1946 г. в Ленинграде в семье военнослужащего². Отец — инженер-полковник Вацлав Брониславович Длужневский (1907–1958). Мать — Вера Эрастовна Длужневская (1915–1999) — работала в кассах ленинградского агентства воздушных сообщений.

Г. В. Длужневская училась в двух средних школах — № 189 (1953–1962) и № 188 (1962–1964). В 1964 г. она

поступила на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета на кафедру археологии, которую окончила в 1970 г. по специальности «историк-археолог». В 1964–1965 гг. работала старшим секретарем прокуратуры Ленинского района г. Ленинграда.

С 1965 г. Галина Вацлавна начала работать в Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (СТЭАН): сначала в должности старшего лаборанта, затем — младшего научного сотрудника. С 1972 по 1983 гг. она руководила одним из отрядов этой экспедиции (см. Приложение). Среди исследованных Галиной Вацлавной памятников скифского, гунно-сарматского, раннесредневекового времени в Тувинской АССР, в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС, можно назвать могильники в бассейне р. Хемчик (Улут-Бюк I, Улут-Бюк II, Улут-Бюк III) и в бассейне р. Енисей (Шугур, Комбужап-Аксы, Перевалка I, Перевалка II, Хадынных I, Хадынных II, Кулевуок II, Иджир I, Иджир II, Иджир III Чинге III, Чинге IV, Чинге V, Сарыг-Хая, Сарыг-Хая II, Сарыг-Хая III, Каравей I, Каравей II, Мугур-Саргол, Хем-Терек I, Хем-Терек III, новый Эйлиг-Хем, Бедиг-Хорум, вал Омай-тура у р. Голубой).

Большое влияние на формирование ее научных интересов и сложение как специалиста по археологии Сибири оказал основатель экспедиции А. Д. Грач.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН, Научный архив.
Адрес электронной почты: pharc@mail.ru.

² Биографические данные приводятся по материалам личного дела Г. В. Длужневской (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 559), автобиографий и анкет разных лет.

Галина Вацлавна всегда вспоминала Александра Даниловича с особым уважением и теплотой. Она приобрела бесценный жизненный и полевой опыт, работая в крупнейшей новостроечной экспедиции того времени и занимаясь исследованиями археологических памятников в Центральной Туве и Саянском каньоне Енисея. В тот период научные интересы Галины Вацлавны были сконцентрированы в области средневековой археологии Сибири и, в первую очередь, Тувы. В 1986 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию «Памятники Енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.)». Впоследствии, помимо работ в Туве, Г. В. Длужневская принимала участие в Пенджикентской, Костенковской и ряде других экспедиций, в том числе в Крыму (раскопки в Чуфут-Кале) и на Урале (полевой семинар в Челябинской области).

В 1980 г. Галина Вацлавна была переведена в штат ЛОИА на должность младшего научного сотрудника в сектор Средней Азии и Кавказа и одновременно стала помощником Ученого секретаря Ученого совета ЛОИА (1980–1985).

В 1984 г. Галина Вацлавна возглавила фотоархив ЛОИА (впоследствии фотоархив Института истории материальной культуры РАН), где продолжала работать до самого последнего дня. После слияния фото и рукописного архивов ИИМК РАН в 2004 г. Г. В. Длужневская стала руководителем объединенного Научного архива, но ее главным и любимым детищем всегда оставался фотоархив, ставший фотодотделом в обновленной структуре архива. С начала 1980-х гг., несмотря на то, что Галина Вацлавна продолжала заниматься археологией и ездила в археологические экспедиции, ее научная деятельность главным образом оказалась связана с архивными исследованиями.

Она быстро осознала актуальность и важность изучения фотографических материалов как самостоятельного вида документальных источников в археологической, этнографической, востоковедческой и других сферах гуманитарного знания. Если кандидатская диссертация Галины Вацлавны была посвящена исключительно археологической проблематике, то докторская диссертация, которую она защитила в 2008 г. по теме «Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (по фондам Научного архива ИИМК РАН)», уже была полностью построена на анализе материалов архивного собрания фотодокументов ИИМК РАН. В ней она, с одной стороны, обобщила результаты своей многолетней научной деятель-

ности, а с другой — прочно связала две свои любимые темы: Восток и старую фотографию. Материалы диссертации частично были опубликованы в двух ее монографиях; последняя, к сожалению, вышла уже после ее смерти (Длужневская, 2011; 2014).

Галина Вацлавна великолепно знала содержание фотографических фондов Института. Одной из первоочередных задач она считала популяризацию архивных коллекций ИИМК РАН. Благодаря ее стараниям многие из них стали доступны широкому кругу ученых. В своих публикациях и докладах на российских и международных конференциях Галина Вацлавна ввела в научный оборот значительные комплексы фотографических архивных документов по различным отраслям исторической науки.

С 1966 г. Галина Вацлавна активно принимала участие в работе научных конференций, семинаров, симпозиумов как в России, так и за рубежом (Польша, Китай, Иордания, Венгрия), выступая с докладами и участвуя в организации выставок. Список ее публикаций насчитывает около 200 печатных работ, больше половины из которых посвящены разнообразным аспектам архивных собраний ИИМК РАН.

В силу специфики работ ИИМК РАН основным профилем фотоархива является археология (фотографии процесса полевых исследований, фотографические копии графической документации, снимки находок из раскопанных памятников, а также экспонатов, собранных в музеях страны, иллюстрации к археологическим изданиям). Археологические фотоколлекции всегда были главным объектом исследований Галины Вацлавны. В ее статьях и монографиях анализируются фотодокументы по археологии Сибири, Урала и Средней Азии, архитектурно-археологическому изучению Пскова и Новгорода, в том числе фотоматериалы С. Н. Замятниной, М. К. Каргера, М. П. Грязнова, Н. П. Кондакова, П. А. Раппопорта и других выдающихся исследователей (см. Список опубликованных научных работ Г. В. Длужневской в настоящем издании).

Тематика фотособрания архива Института значительно шире узкопрофессиональной археологической, и именно Галине Вацлавне удалось явить миру эти бесценные сокровища фотографического наследия России, хранящиеся в ИИМК РАН. Объектами ее изучения поочередно становились коллекции из собраний графа Шувалова, библиотеки Мраморного дворца, Зимнего дворца, содержащие документы не только российского, но и во всех смыслах общемирового

культурно-исторического значения (Длужневская, 1995; 1998; 2005).

История архива также постоянно находилась в фокусе внимания Галины Вацлавны. Она собрала подробные данные и опубликовала материалы, связанные с биографиями заведующих архивами ИИМК РАН с момента их основания, с фотографами Императорской Археологической Комиссии, описала основные этапы формирования архивного собрания ИИМК РАН (Длужневская, 2007; 2013), вела и постоянно дополняла вновь появлявшейся информацией каталог фотографов-фондообразователей.

Во многом благодаря именно ее исследованиям фотоархив ЛОИА-ИИМК приобрел такую широкую известность как среди российских, так и зарубежных исследователей. Его коллекции заблистали среди архивных и музейных собраний учреждений, хранящих исторические фотографии. С 2000 г. архив принимает участие в крупномасштабных фото- и археологических выставках в Петербурге, Москве, Будапеште (Венгрия) и Карлсруэ (Германия) самой различной тематики, для которых Галина Вацлавна кропотливо разрабатывала концепции экспозиций, подбирала материал, писала статьи для каталогов.

Галина Вацлавна с 1990-х гг. активно передавала накопленный опыт студентам профильных ВУЗов — чи-

тала курсы лекций по истории фотографии и фотоархива, по формированию и содержанию фондов, руководила архивными практиками, ежегодно проходившими в Институте. Так, с материалами архива познакомились студенты кафедры археологии СПбГУ, кафедры музеологии и культурного наследия СПбГИК, Уральского Государственного университета (г. Екатеринбург) и Гуманитарного университета в Санкт-Петербурге.

Особое место в работах Галины Вацлавны всегда занимало изучение культурно-исторического наследия азиатской части России. Многие ее заметки и статьи, а также ряд монографий посвящены фотоматериалам, связанным с памятниками архитектуры, археологии и этнографии Узбекистана, Монголии, Китая, Киргизии, Русского Туркестана, Османской империи. Все публикации основаны на тщательном анализе фотодокументов из Научного архива ИИМК РАН — материалов научных путешествий, экспедиций российских ученых и общественных деятелей на Восток во второй половине XIX–XX в. Составленные Галиной Вацлавной фотоальбомы по архитектуре и этнографии Иерусалима, Испании, Египта, Турции, мусульманского мира Российской империи, Санкт-Петербурга и многие другие всегда проиллюстрированы прекрасно подобранными старыми фотографиями из собрания Научного архива ИИМК РАН.

Приложение

Материалы полевых исследований Г. В. Длужневской в научном архиве ИИМК РАН

I. Рукописный отдел

Ф. 35, оп. 1, 1972, д. 102. СТЭАН, 1 отряд. Начальник отряда А. Д. Грач.

Дневник полевых работ 1972 г. (вела Г. В. Длужневская) — 65 л.

Ф. 35, оп. 1, 1973, д. 80–82. СТЭАН, 1 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.

Д. 80. Отчет о работах отряда в 1973 г. — 22 л.

Д. 81. Дневник полевых работ — 38 л.

Д. 82. Полевые чертежи. Курганы могильников Комбужап-Аксы, Перевалка II и др. — 52 л.

Ф. 35, оп. 1, 1974, д. 88–90. СТЭАН, 1 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.

Д. 88. Отчет о работах отряда в 1974 г. — 23 л.

Д. 89. Дневник полевых работ — 28 л.

Д. 90. Полевые чертежи. Могильники Улуг-Бюк I, II — 40 л.

Ф. 35, оп. 1, 1975, д. 116–118. СТЭАН, группа административного отряда СТЭАН. Руководитель группы Г. В. Длужневская.

Д. 116. Полевой отчет о работе группы в 1975 г. — 21 л.

Д. 117. Альбом иллюстраций к полевому отчету за 1975 г. — 23 л.

Д. 118. Полевые чертежи — 32 л.

Ф. 35, оп. 1, 1976, д. 117–118. СТЭАН, 1 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.

Д. 117. Полевые чертежи — 39 л.

Д. 118. Полевые чертежи — 7 л.

Ф. 35, оп. 1, 1977, д. 103–105. СТЭАН, 5 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.

Д. 103. Отчет о работах отряда в 1977 г. — 11 л.

Д. 104. Дневник полевых исследований 15.07–28.08. 1977 г. — 32 л.

Д. 105. Полевые чертежи — 21 л.

- Ф. 35, оп. 1, 1978, д. 120–122. СТЭАН, 5 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.
- Д. 120. Отчет о работах отряда в 1978 г. — 25 л.
- Д. 121. Дневник полевых работ — 27 л.
- Д. 122. Полевые чертежи — 37 л.
- Ф. 35, оп. 1, 1979, д. 96–98. СТЭАН, 5 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.
- Д. 96. Отчет о полевых исследованиях в 1979 г. — 22 л.
- Д. 97. Дневник полевых работ 03.07–30.07.1979 г. — 36 л.
- Д. 98. Полевые чертежи — 32 л.
- Ф. 35, оп. 1, 1980, д. 117–119. СТЭАН, 5 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.
- Д. 117. Полевой отчет о работе отряда в 1980 г. — 23 л.
- Д. 118. Полевой дневник работ 11.06–21.07.1980 г. — 31 л.; Полевой дневник 1982 г. Могильник Сарыг-Хая II. 05.07–28.07.1982. — 31 л.
- Д. 119. Полевые чертежи. Омай-тура — 24 л.
- Ф. 35, оп. 1, 1981, д. 134–136. СТЭАН, 7 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.
- Д. 134. Полевой отчет о работе отряда в 1981 г. в Улуг-Хемском районе (могильники Эйлиг-Хем и Бедиг-Хорум) — 22 л.
- Д. 134. Полевой дневник — 5 л.
- Д. 136. Полевые чертежи — 21 л.
- Ф. 35, оп. 1, 1982, д. 126–127. СТЭАН, 1 отряд. Начальник отряда Г. В. Длужневская.
- Д. 126. Полевой отчет о работе отряда в 1982 г. — 21 л.
- Дневник полевых работ — 31 л. (см. Ф. 35, оп. 1, 1980 г., д. 118).
- Д. 127. Полевые чертежи — 42 л.

II. Фотоотдел

- Альбом О.2947, колл. 1589, нег. 113, отп. 113. Раскопки 1972 г. могильников Хемчик-Бом II–VI, Улугхемский район Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. СТЭАН, 1972 г. Сн. экспедиции.
- Альбом О.3007, колл. 2626/1–66, нег. 66, отп. 66. Раскопки 1973 г. могильников Улугхемского района Тувинской АССР (Комбужап-Аксы и Перевалка I, II) и в Ермаковском районе Красноярского края (Хадынских I–II). Полевая работа. СТЭАН, 1973 г. Сн. экспедиции.
- Альбом О.3038/1–86, колл. 2654/1–85, нег. 85, отп. 85. Материалы СТЭАН, 1974 г. Полевая работа, находки и чертежи I отряда.
- Альбом О.3089/25–102, колл. 2733/25–102, нег. 78, отп. 78. Материалы работ группы административного отряда СТЭАН,

1975 г. Раскопки могильников Чинге III, IV, V и могильника Шугур, Улугхемский район Тувинской АССР. Полевая работа, чертежи и находки. Сн. экспедиции и ЛАФОКИ.

Альбом О.3180/32–104, колл. 2790/32–108, нег. 77, отп. 77. Работы группы Г. В. Длужневской в составе СТЭАН, 1976 г. Раскопки могильника Сарыг-Хая в Саянском каньоне на р. Енисей. Полевая работа и чертежи. Сн. Г. В. Длужневской и ЛАФОКИ, 1976 г.

Альбом О.3213/25–58, колл. 2793/421–458. Раскопки могильника Шугур в Улугхемском районе Тувинской АССР. Работы 5 отряда СТЭАН, 1977 г. Полевая работа и чертежи. Сн. Г. В. Длужневской и ЛАФОКИ, 1978 г.

Альбом О.3340/50–112, колл. 2920/164–226, нег. 63, отп. 64. Материалы работ 5 отряда СТЭАН, 1979 г. Раскопки вала у р. Голубой на юге Красноярского края и могильников Кулевуок II, Иджир I–III в Ермаковском районе Красноярского края. Полевая работа, чертежи. Сн. Г. В. Длужневской и ЛАФОКИ, 1979–1980 гг.

Альбом О.3301/57–133, колл. 2875, нег. 77, отп. 77. 5 отряд СТЭАН, 1978 г. Раскопки могильников Каравей I–II, Мугур-Саргол и Хем-Терек I и III. Полевая работа, чертежи. Сн. Г. В. Длужневской и ЛАФОКИ, 1978–1979 гг.

Альбом О.3390/84–141, колл. 2939/221–275, нег. 55, отп. 59. 5 отряд СТЭАН, 1980 г. Раскопки вала «Омайтура», могильников Сарыг-Хая и Иджир II. Полевая работа, чертежи, находки. Сн. Г. В. Длужневской и ЛАФОКИ, 1980–1981 гг.

Альбом О.3370/1–74, колл. 2977/1–81, нег. 81, отп. 82. 1 отряд СТЭАН, 1981 г. Раскопки могильников Новый Эйлиг-Хем и Бедиг-Хорум. Полевая работа, чертежи, находки. Сн. Г. В. Длужневской и ЛАФОКИ, 1981–1982 гг.

Альбом О.3374/1–74, колл. 3032/1–84, нег. 84, отп. 84. Материалы работ 1 отряда СТЭАН, 1982 г. в Тувинской АССР и на юге Красноярского края. Раскопки вала «Омайтура», могильников Сарыг-Хая II и III. Полевая работа, чертежи и находки. Сн. Г. В. Длужневской и лаб. ЛОИА, ЛАФОКИ, 1982–1983 гг.

Альбом О.3500/134, колл. 3156/121, нег. 1, отп. 1. Вал Омайтура у реки Голубой. Реконструкция. Раскопки Г. В. Длужневской в 1980, 1982 гг. Сн. лаб. ЛОИА.

Альбом О.3500/118–120, колл. 3156/105–107, нег. 3, отп. 3. Иллюстрации к плановой теме Г. В. Длужневской «Могильник енисейских кыргызов Аймырлыг II, группа III в долине реки Чаа-Холь». Сн. лаб. ЛОИА.

Альбом О.3500/121–133, колл. 3156/108–120, нег. 13, отп. 13. Иллюстрации к статье Г. В. Длужневской и Д. Г. Савинова «Могильник Эйлиг-Хем III как источник по истории средневековой Тувы». Сн. лаб. ЛОИА.

Альбом О.3500/1–117, 135–146, колл. 3156, нег. 104, отп. 117. Иллюстрации к диссертации Г. В. Длужневской на соискание степени кандидата исторических наук «Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.)». Сн. лаб. ЛОИА.

Литература

Длужневская, 1995 — Длужневская Г. В. Фонд графов Шуваловых в фотоархиве Института истории материальной культуры Российской академии наук // «Россия. Романовы. Урал». Материалы научных чтений, посвященных памяти Велико-го Князя Николая Михайловича. (г. Екатеринбург, апрель 1994 — апрель 1995 г.). Екатеринбург, 1995. Вып. 2.

Длужневская, 1998 — Длужневская Г. В. Фотографии из Собственной библиотеки Императора Николая II в собрании фотоархива Института истории материальной культуры РАН // АВ. СПб., 1998. Вып. 5.

Длужневская, 2005 — Длужневская Г. В. Фонд «Библиотека Мраморного дворца» в научном архиве ИИМК РАН // АВ. СПб., 2005. № 12.

Длужневская, 2007 — Длужневская Г. В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. М., 2007. № 14.

Длужневская, 2011 — Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011.

Длужневская, 2013 — Длужневская Г. В. Научный архив Института истории материальной культуры РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб., 2013.

Длужневская, 2014 — Длужневская Г. В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2014.

Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева

Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014).

Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие

Статья сотрудников Научного архива ИИМК РАН, многолетних коллег Г. В. Длужневской, посвящена основным вехам ее жизненного пути. Авторы отмечают ключевые моменты научного становления Г. В. Длужневской сначала в качестве археолога, прекрасного полевого и кабинетного работника, а затем руководителя крупнейшего в Европе архива письменных и фотодокументов по археологии и древней истории нашей страны и талантливому архивиста-исследователя.

Отдельное внимание уделено роли Г. В. Длужневской в становлении Научного архива ИИМК РАН как одно-

го из ведущих не только хранительских, но и исследовательских центров российского архивного сообщества.

В качестве Приложения к статье размещен список материалов Г. В. Длужневской, хранящихся в Научном архиве ИИМК РАН и документирующих ее полевую деятельность. В первую очередь, это результаты многолетних работ ее отряда в составе Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (СТЭАН).

E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva

Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014).

Scientific Research Activities and the Documentary heritage

This article of assistants of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS and for many years colleagues of G. V. Dluzhnevskaya is dedicated to the basic landmarks in her life. The authors note the key moments of the scientific formation of G. V. Dluzhnevskaya, first as an archaeologist and excellent field worker and analyst, then as the head of the largest in Europe archives of manuscript and photographic documents concerned with national archaeology and ancient history, as well as a talented archive researcher.

A particular attention is paid to the role of G. V. Dluzhnevskaya in the development of the Scientific Archives of

IIMK RAS as one of the leading centres of the Russian archive community which not only keeps documents but also studies them.

The article includes an appendix with the list of documentary materials of G. A. Dluzhnevskaya concerned with her field researches which are kept in the Scientific Archives of IIMK RAS. Firstly, these are results of works of many years directed by her in a team within the Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR (STEAN).

С. Н. Астахов¹

Сквозь тернии к звездам

Ключевые слова: А. Д. Грач, Г. В. Длужневская, зона затопления, исследование курганов, Научный архив ИИМК РАН, Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук (СТЭАН), Тува.

Keywords: Alexander D. Grach, Galina V. Dluzhnevskaya, submergence zone, kurgan studies, Scientific Archives of the Institute for the History of Material Science (ИИМК) RAS, Sayan-Tuva Expedition of the Academy of Sciences (STEAN), Tuva.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-35-37

Потеря друзей, с которыми много перенес и трудностей, и побед, всегда тяжела. И во много раз печальнее, когда уходят друзья моложе тебя. Не думал, что придется мне говорить о Галине — ее нет, и нельзя спросить — а ты помнишь?.. Вроде бы недавно говорили с ней о том, что так и не написали историю СТЭАН, историю наших работ и наших удивительных открытий, разгадок страниц истории нашей любимой Тувы, и вдруг всему конец.

А запомнилась мне Галочка юной очаровательной девчонкой, которую я встретил впервые, кажется, на дне рождения Юрия Трифонова, в его лагере на берегу речки Шагонар. Это было полвека назад в экспедиции, созданной А. Д. Грачом в 1965 г. Экспедиция состояла из семи отрядов и групп, которые в первые годы располагались недалеко друг от друга. Потом места работ и, соответственно, лагерей расползлись, и мы встречались реже; правда, Грач собирал начальников отрядов по пятницам, главным образом на отчеты, совещания, планирование и, конечно, общение. Так было, пока в 1968 г. не начались работы на юге Тувы.

Мой отряд в 1966 г. стоял на р. Хемчик, в стороне от других, километрах в 80 от центра экспедиции. Ко мне иногда приезжал Грач и некоторые другие археологи, бывала и Галина, уже сотрудница в его отряде. Отряд А. Д. Грача был самым крупным, с хорошо подобранной командой археологов, хотя они были еще студентами-вечерниками Ленинградского университета. Среди них были Г. Длужневская и Н. Буровик. Народ был дружный, веселый и горазд на всякие проделки. Вообще, в первые годы, с 1965-го по 1970-е, мы работали с упоением, жизнь была прекрасна и впереди все казалось чудесным. Были, конечно, и сучки, и задо-

ринки, но без вреда для дела. В конце этого периода начались трения между А. Д. Грачом и А. М. Мандельштамом, чем воспользовался заведующий ЛОИА АН СССР В. П. Шилов. И к тому же в 1971 г. нехотая заболел сам Грач, да так, что не рискнул поехать в поле. По его предложению на этот сезон временно назначили меня руководителем экспедиции (и я пробыл начальником СТЭАН и ТАН до 2001 г.).

Перед этим, в 1968–1969 гг., головной, первый отряд А. Д. Грача и мой третий (палеолитический) работали в долине р. Саглы, на юге Тувы, километрах в 300 от других, но уже в 1970 г. Грач расположил свой отряд на террасе в устье р. Хемчик, где было очень много курганов, а напротив — мезолитическая стоянка. Лагерь был ядром экспедиции, на него сваливалось и начальство, и корреспонденты, и прочее. Такие визиты были трудноваты для Александра Даниловича и отряда, но полезны для экспедиции. У меня в эти годы были свои задачи, в основном на севере зоны, у плотины и на площадке будущего Алюминиевого комбината.

А когда А. Д. Грач не смог поехать в Туву и во второй раз, уже по указанию дирекции (это были происки В. П. Шилова), некоторые сотрудники из штата экспедиции, вплоть до бухгалтера, тоже не поехали в поле, и все свалилось на меня. И здесь проявились блестящие способности Галины Вацлавны, взявшей на себя труднейшую ношу начальника первого отряда — отряда А. Д. Грача. Это было смелое решение, но Галина не подвела. Мы, я имею в виду и начальников других отрядов, смогли неплохо провести полевой сезон и повторили лучший результат предыдущих периодов по количеству изученных памятников. Однако вопреки нашим ожиданиям В. П. Шилов продолжил свою нечестную борьбу против А. Д. Грача, уже при помощи академика Б. А. Рыбакова, и не вернул его в экспедицию. Подошел срок переаттестации в институте, и А. Д. Грач не был переизбран в должности «обрабо-

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита. Адрес электронной почты: s_astakhov@mail.ru.

танном» Ученым советом, что означало увольнение! Меня поставили начальником. Никто не знал, почему мне пришлось подчиниться, но спасти СТЭАН было надо, хотя мне было очень тяжело.

И тут очень помогла Галина Вацлавна, вытащившая на своих плечах самый большой и нужный для поддержания авторитета нашей экспедиции первый отряд Грача. Она осталась верна идеям Александра Даниловича и помогла мне сохранить экспедицию в структуре ЛОИА, а не отдать ее в другие руки (а может быть, и в Москву). Теперь уже ее первый отряд, кроме огромной нагрузки по спасению курганов, принимал разное начальство, корреспондентов и вообще нужных людей, давая мне возможность заниматься общими делами: надо было удваивать смету экспедиции, добывать продукты (время было голодное), бензин, обеспечивать деятельность так называемого отдельного отряда А. М. Мандельштама, выведенного из подчинения руководству экспедиции, помогать московскому отряду под руководством М. А. Дэвлет, копать свой палеолит и периодически на лодке мотаться из Майны на перевалку за 300 км. По дороге, вернее реке, стоял отряд Длужневской, где мне заправят моторную лодку, а Сева Грач, сын А. Д. Грача, бывало, накормит пойманным им тайменем, и я опять вперед. Галина сама уставала страшно, но и гостей и меня поддерживала своей заботливостью, а это бывало очень нужно.

Постепенно Галина Вацлавна расширила территорию исследования, перемещаясь вглубь ущелья, где открыла и раскопала сотни курганов. Ущелье, или труба, как мы его называли, было практически не населено — несколько семей в устье р. Ус при метеостанции и А. Сухомятов, наш друг Паря Блямба, на Большом Пороге. Там и жить трудно, а завезти сотрудников (и сотрудниц!), поставить лагерь, днем копать курганы, а по ночам иногда пугать медведей грохотом кастрюль — это не всякий мужик выдержит. Галина все выносила и при этом спасла для науки почти все найденные в ущелье объекты. Да еще и опубликовала их в монографии «Памятники древности на дне Тувинского моря» (в соавторстве с Д. Г. Савиновым).

Ее умение мгновенно реагировать на необходимость исследования появившихся объектов была поразительна. Так было с укрепленным валом с тыном Омай-Тура, около Майнской плотины, перегораживающим долину Енисея от правого борта до русла. Раскопками была выявлена конструкция укрепления с воротами

для прохода или прогона скота, выстроенная как защита от кочевников-хунну с территории Тувы. А ведь от Хемчика до этого вала по дороге надо было перебросить отряд километров на 700 через Саяны и обратно. И итоги исследования вскоре были полностью опубликованы!

Вообще работоспособность и ответственность Г. В. Длужневской поразительны. Относительно исследований СТЭАН — посмотрите список ее работ по этому региону — ею написан большой раздел в двухтомнике «История Тувы» и десятки работ по археологии Тувы. И все публикации исключительно добротные.

В Саяно-Тувинской экспедиции она работала с 1965 по 1983 г. Прошла путь от лаборанта до начальника крупнейшего отряда самой большой в те времена археологической экспедиции в СССР! Именно тогда Галина Вацлавна отшлифовала свой талант организатора работы коллектива. Ее раскопки были совершенны, например, когда нашу экспедицию проверяла межведомственная комиссия, то очень взыскательные ее участники смогли сделать лишь такое замечание: на одном кургане был обнаружен сдвинутый с первоначального места расположения валун, и все. А ведь условия работы на ее участке были труднее, чем в центральной зоне затопления.

Дирекция ИИМК РАН оценила способности и талант Галины Вацлавны и поручила ей ответственный участок работы — рукописный и фотографический архивы института, объединенные при ней в один отдел. Это наша основа, наша база данных, без которой трудно обойтись. Галина Вацлавна не только смогла существенно улучшить работу архива, особенно рукописного, но и в серии, именно в серии, монографий опубликовать важнейшие материалы фотоархива. Несомненно, эти монографии, отчасти справочного характера, значительно облегчают работу многочисленным исследователям в крупнейшем в Европе археологическом архиве — Научном архиве ИИМК РАН при поиске нужных им сведений. И в этом тоже есть огромная доля труда Галины Вацлавны.

Подумайте, ведь не каждый сможет так, как она, за полвека работы пройти, продираясь сквозь многие тернии, звездный путь от лаборанта до выдающегося ученого России. Она была великой труженицей и при этом чудесной, обаятельной женщиной!

С. Н. Астахов

Сквозь тернии к звездам

В воспоминаниях автора оживают яркие картины повседневной жизни крупнейшей советской археологической экспедиции — СТЭАН, работавшей в Туве под руководством А. Д. Грача, а затем и самого автора с 1965 г. Одним из ярчайших сотрудников этой экспедиции, бессменной помощницей А. Д. Грача и руководителем отдельного отряда была Галина Вацлавна Длужневская. Перед глазами читателя кратко, но образно разворачивается история научного пути Г. В. Длужневской. Начав свое восхождение с самой

первой ступени — заняв должность лаборанта археологической экспедиции, Длужневская смогла не только стать крупным исследователем средневековых древностей Тувы и возглавить отдельный отряд огромной экспедиции, но в дальнейшем, уже в кабинетной деятельности, получить общественное признание как талантливый архивист-исследователь и одновременно руководитель крупнейшего в Европе хранилища археологической документации — уникального архива ИИМК РАН.

S. N. Astakhov

Per aspera ad astra

The present author often recalls the vivid pictures of the everyday life of one of the largest archaeological expedition in the USSR — the Sayan-Tuva Expedition of the Academy of Sciences headed first by Alexander Danilovich Grach, then, since 1965 by the author himself. Galina Vatslovna Dluzhnevskaya was among the most brilliant assistants of that expedition, a constant helper of A. D. Grach and the director of a separate group of excavators. Here the reader will see shortly but vividly the history of the scientific path of G. V. Dluzhnevskaya. Having started her ascension

from the very first step, i.e. the position of a laboratory assistant at an archaeological expedition, Dluzhnevskaya succeeded not only in becoming a prominent researcher of mediaeval antiquities of Tuva and in heading a separate team of a large-scale expedition but, subsequently, in ‘armchair’ studies winning a public recognition as a talented archive researcher and simultaneously the head of the largest in Europe depository of archaeological documents, viz. the unique archives of the Institute for the History of Material Culture RAS.

Б. Б. Овчинникова¹

С уважением, любовью и благодарностью...

Ключевые слова: Г. В. Длужневская, студенческая архивная практика, фотоархив ИИМК РАН.

Keywords: G. V. Dluzhnevskaya, student archive practice, Photographic Archives of IIMK RAS.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-38-40

Именно с такими чувствами вспоминаем Галину Вацлавну Длужневскую я, мои близкие, ученики и коллеги по Уральскому университету (УрГУ – УрФУ г. Свердловск – Екатеринбург). Сегодня ей исполнилось бы 70 лет.

Она обладала очевидной неповторимостью. В ней сочетались редкие качества — серьезного ученого, талантливое наставника и удивительно доброго человека с прекрасной душой.

Судьба подарила мне встречу с Галиной Вацлавной — Галкой — еще в студенческие годы, когда я впервые приехала на раскопки Саяно-Тувинской экспедиции (1966 г.). И с тех пор, несмотря на расстояние, наши отношения были скреплены тесной искренней дружбой, которой мы обе дорожили.

Галина Вацлавна — прекрасный «полевик». Ей было под силу полевое изучение любого, как по характеру, так и по хронологии, археологического объекта. А «Тувинский период» занимал особое место в ее жизни. Не случайно она являлась одним из ведущих специалистов в области изучения тюркской археологии и, конечно же, истории Кыргызского каганата в период его расцвета и могущества.

Галина Вацлавна была чрезвычайно интересным собеседником. Меня всегда восхищала ее необычайно широкий исследовательский диапазон — от археологии до современной истории. А в области архивной фотографии, на мой взгляд, она является специалистом мирового масштаба, о чем свидетельствуют ее монографии об истории родного ей Санкт-Петербурга, других городов России и ряда зарубежных стран.

Своими знаниями она охотно делилась со студентами и коллегами. Галину Вацлавну всегда отличало уважительное отношение к коллегам, аспирантам и студентам, причем не только по отношению к своим «питерским». Мне кажется, что иногородним она уделяла даже больше внимания, стараясь «влюбить» их в атмосферу пе-

тербургской (институтской) доброжелательности — где их по-домашнему примут, с искренним интересом выслушают и, если необходимо, помогут (рис. 1). Мои аспиранты, ныне уже кандидаты наук со стажем, Р. Ганиев, О. Кардаш, Г. Визгалов всегда вспоминают ее с большой теплотой и благодарностью. Вообще обстановка доброты, созданная «Вацлавной», навсегда сохранилась в наших сердцах.

Галина Вацлавна обладала прекрасными ораторскими способностями. Выросло не одно поколение студентов, магистрантов, аспирантов Уральского университета, в памяти которых навсегда остались ее лекции, научные консультации и экскурсии, как по фотовыставкам, так и по Санкт-Петербургу (рис. 2).

Нам, уральцам, повезло — благодаря Галине Вацлавне вот уже четверть века наши студенты проходят учебную музейно-архивную практику при фотоархиве ИИМК РАН. Обычно знакомство со студентами начиналось с лекции. И уже через минуту студенты были заморожены эрудицией Галины Вацлавны, ее умением владеть аудиторией, а затем еще долго находились под впечатлением. Это было незабываемо! С ней интересно было пройти по коридорам, залам, комнатам Института, расположенного в здании Ново-Михайловского дворца, и послушать рассказ не только об истории дворца и его владельцах, но и об истории Института (ГАИМК — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН) и Санкт-Петербурга, с показом фотографий панорамы города из фондов фотоархива. После такой подготовки экскурсии по городу, к проведению которых она привлекала коллег из музеев и архивов, превращались в праздник посещения удивительных исторических мест и памятников Санкт-Петербурга. Студенты-практиканты едва успевали за ней, стремящейся как можно больше показать и рассказать юным коллегам.

Как необыкновенно разносторонняя творческая личность Галина Вацлавна раскрылась для меня и в период совместной работы при оформлении выставок в Будапеште, Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге.

Галина Вацлавна Длужневская оставила о себе светлую память, и настоящие строки — дань искренней ей признательности!

¹ 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина. Институт гуманитарных наук и искусств. Департамент «Исторический факультет». Кафедра истории России. Адрес электронной почты: bovcinnikova@mail.ru.

Рис. 1. Библиотека и читальный зал ИИМК РАН, Санкт-Петербург. У камина. Группа студентов-практикантов Уральского университета, 2012 г. В центре — Г. В. Длужневская (справа) и Б. Б. Овчинникова, руководитель группы.

Fig. 1. Library and reading room of IIMK RAS, Saint Petersburg. By the fireplace. Group of students of the Ural University at practice, 2012. In the centre — G. V. Dluzhnevskaya (right) and B. B. Ovchinnikova, student group supervisor.

Рис. 2. Уральский университет, Екатеринбург. На открытии фото выставки, посвященной Великому Шелковому пути, 2011 г. (фото из ФО НА ИИМК РАН). Экскурсию для студентов УрФУ ведет Г. В. Длужневская.

Fig. 2. Ural University, Yekaterinburg. At the opening of the photo exhibition devoted to the Great Silk Road, 2011 (photo from the Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS). G. V. Dluzhnevskaya is guiding an excursion for students of the Ural University.

Б. Б. Овчинникова

С уважением, любовью и благодарностью...

В воспоминаниях одной из ближайших подруг и коллег, Б. Б. Овчинниковой, многосторонняя личность Г. В. Длужневской раскрывается через призму ее про-

светительского таланта — таланта внимательного и доброжелательного наставника и знатока архивного дела и истории Санкт-Петербурга.

B. B. Ovchinnikova

With esteem, love and gratitude...

In recollections of B. B. Ovchinnikova, one of Dluzhnevskaya's closest friends and colleagues, the many-sided personality of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya is present-

ed through the prism of her educational talent — the talent of a considerate and benevolent tutor and connoisseur of the archive science and history of Saint Petersburg.

Вл. А. Семенов¹

Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея

Ключевые слова: археологические исследования, Галина Вацлавна Длужневская, Саяно-Тувинская экспедиция, Саянский каньон Енисея, Саянское водохранилище.

Keywords: archaeological investigations, Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, the Sayan-Tuva Expedition, the Sayan Canyon of the Yenisey, the Sayan water storage reservoir.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-41-44

Я познакомился с Галей Длужневской 20 июня 1973 г. Это было в аэропорту Пулково-1. Мы втроем — Галя, Тамара Шаровская и я летели в Красноярск, а оттуда в Кызыл. Для меня это была первая поездка в Туву. Мы приземлились в «старом» тогда аэропорту, и я увидел Сибирь, которая была больше похожа на Туркмению. Пески, барханы, палящее солнце и никакой тайги. Ни медведей, ни волков окрест не было. Конечно, они были, но в других местах, а здесь — полупустынный ландшафт, а из зверей разве что суслики и тушканчики. Нас встречали, и мы приехали на базу СТЭАН (Саяно-Тувинской экспедиции) по адресу улица Советская, дом 20. Напротив — забор с вышками и колючей проволокой — зона. Вдалеке за Енисеем — гора с циклопической надписью «ЛЕНИН». Все в порядке, мы на Родине. На базе было много грязной работы, азиатская пыль пронизывала все. Вскоре Галина Вацлавна со своим отрядом выехала на раскопки. В тот год она работала в Саянском каньоне реки Енисей на участке от Каравея до устья реки Ус. Раскопки проводились на могильниках Комужап-Аксы, Перевалка (урочище Мугур-Саргол) и Хадынных (Длужневская, 1974. С. 199). Именно на Хадынных мы и познакомились поближе, куда я приехал в конце августа 1973 г. после вояжа в нижнюю часть каньона, а также за его пределы в Хакасскую степь, где мы «очищали» от археологических памятников район поселка Означенное, на месте которого возник теперешний город Саяногорск (Астахов, 1974).

Каньон около Хадынных — правобережного притока Енисея — был изумительным местом. Близость противоположного берега, шум перекаатов, отсутствие комаров, хороший коллектив обворожили меня. Здесь Галина Вацлавна исследовала могильник, получив-

ший название Хадынных. Это являлось основной задачей ее отряда. Вскрытые четыре поминальных кургана не содержали какого-либо инвентаря и костных остатков, но две каменные стелы, ограничивающие могильник с юго-востока, позволили датировать этот памятник. На одной из них была выявлена тамга чаа-хольской группы кыргызских племен IX–X вв. Подобная тамга встречалась на стелах с реки Демир-Суг и устья реки Хемчик, что позволило определить район расселения этой группы кыргызских племен от реки Демир-Суг до реки Хадынных (Длужневская, Савинов, 2007. С. 155–159). Кроме того, здесь было два кургана с погребениями на горизонте, которые Г. В. Длужневская соотносила с аржанским временем.

Мой визит на Хадынных оказался как нельзя более кстати. Я смог тогда поучаствовать в раскопках одного из раннескифских курганов и, в то же время, экспедицией были открыты многослойные стоянки Хадынных I, а затем Хадынных II, привязавшие меня к этому месту на два следующих полевых сезона.

В 1974 г. Г. В. Длужневская работала не в каньоне, а на Улуг-Бюке, в 20 км выше устья Хемчика, то есть в районе Чаа-Хольского залива. Здесь были раскопаны памятники скифского, древнетюркского и кыргызского времени.

В 1975 г. Галина Вацлавна продолжила раскопки на правобережных террасах Саянского каньона Енисея. Она исследовала могильники Чинге II–IV (на плато по обе стороны реки Чинге), на Шугуре и у порога Сарыг-Хая, находящиеся в 15 км ниже реки Чинге (Длужневская, 1976). Я копал на Хадынных, и нас разделяло не более 30 км пучины Енисейских шивер и порогов. Мы могли общаться более или менее регулярно, учитывая, что машина у нас была одна на три отряда. Она стояла на «Перевалке» (Мугур-Сарголе). На Чинге II–IV, где уже хорошо поработал И. У. Самбу, Галина Вацлавна раскопала серию поминальных

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: ganbov@yandex.ru.

памятников гунно-сарматского времени. Они были сложены из разновеликих обломков скал. Под наземными сооружениями в неглубоких ящиках, впущенных с древней дневной поверхности или прямо на ней, находились вазовидные керамические сосуды (кокэльская культура) (Длужневская, 2010. С. 80–83).

Могильник Шугур включал объекты скифского и гунно-сарматского времени, пристроенные близко друг к другу. Здесь были найдены керамические сосуды кокэльского типа. Некоторые из них находились в каменных ящиках, перекрытых сверху каменными плитами. Встречались и человеческие захоронения (Длужневская, 2010. С. 85–90, 95–96, рис. 21, 22).

Уникальным можно считать курган на могильнике Сарыг-Хая, относящийся к монгольскому времени. В грунтовой могильной яме глубиной около 1 м под округлым в плане каменным наземным сооружением находилось погребение в колоде, закрытой деревянными плахами. Погребенная женщина лежала вытянута на спине, головой на восток. На голове была берестяная бока (женское головное украшение у монголов и половцев). Умершая была, по-видимому, завернута в саван, декорированный нашитым на него белым шнуром. При скелете были найдены две пастовые бусины и железный нож. В ногах были сложены седло, лук с железной окантовкой, пара стремян с пробитыми в дужках отверстиями для путлища, железные удила с большими кольцами и украшения сбруйных ремней (Длужневская, Савинов, 2007. С. 163–165).

В 1976 г. 1 отряд СТЭАН, которым руководил А. Д. Грач, а затем Г. В. Длужневская, был передан начальником экспедиции С. Н. Астаховым под руководство А. Я. Щетенко, который должен был доследовать городище Бажын-Алаак около Чаа-Холя. Галина Вацлавна состояла в этом отряде как начальник отдельной группы, проводившей раскопки могильников Шугур и Сарыг-Хая в Саянском каньоне Енисея на 7 и 8 км ниже устья Хемчика (Щетенко, 1977). Кроме того, в Саянском каньоне Енисея была проведена разведка (совместно Г. В. Длужневской и А. В. Субботиным) на участке от Мугур-Саргола до Усть-Уса. В результате были зафиксированы три новые курганные группы и сняты планы 13 могильников.

В следующем 1977 г., как и в предыдущем, я работал на Кантегире, на левом берегу Енисея, который относился к Хакасии, и Сосновке-Джойской на правом берегу в Красноярском крае, но всякий раз возвращался в Туву. В 1977 г., проведя раскопки на Кантегире, мы с Наташей Лазаревской спустились вниз по Енисею

с остановкой на Шугуре, где стоял лагерь Г. В. Длужневской. Здесь мы заночевали, а потом пустились далее вниз по реке до урочища Базага, где я хотел исследовать «привлекательную», на мой взгляд, террасу, на которой мы провели около двух недель. Там мы нашли стоянку с несколькими культурными слоями, но полученный материал был скуден. В условленный срок Галя со своим мотористом Женей Новиковым пришли за нами. Наташа села в лодку с Женей, а Галина Вацлавна со мной. Перипетий этого путешествия здесь не пересказать, но в конце концов мы все оказались снова на Шугуре. Через некоторое время Галина Вацлавна отправилась в Пенджикент, а докапывать большой алды-бельский курган доверила мне с Натальей Александровной Лазаревской, чем мы с удовольствием занялись. Как известно, всякий полученный опыт пригождается в будущем, так оно вскоре и оказалось.

В кургане в каменном ящике было обнаружено погребение человека в скорченном положении, с застрявшим в лопатке бронзовым наконечником стрелы. На могильнике Сарыг-Хая широкой площадью было исследовано 53 объекта — компактный могильник кыргызского времени, ближайшей аналогией которому был Хемчик-Бом II, где насчитывался 61 курган, включая погребальные и поминальные комплексы (Грач, Длужневская, 1973; Длужневская, 1978; Длужневская, Савинов, 2007. С. 149–151).

В 1978 г. Галине Вацлавне был выделен участок запланированной автомобильной дороги между Новым Чаа-Холем и Шанчи, но часть этой дороги сворачивала на Мугур-Саргол и Каравей, поэтому были раскопаны курганы, попадавшие в строительную зону. Затем Галина Вацлавна отправилась на Хем-Теректиг, где был раскопан могильник скифского времени Хем-Терек III. Всего по строящейся дороге и на Хем-Теректиге было исследовано 30 курганов, в основном монгун-тайгинского типа, а также комплекс древнетюркских курганов и памятник раннескифского времени (Длужневская, 1979). Из раскопок в Саргольской долине я хорошо помню только древнетюркское изваяние, которое Галина Вацлавна старалась уберечь от перемещения, но впоследствии оно было вывезено в республиканский музей в Кызыле.

В 1979 г. наша экспедиция еще имела возможность продолжать археологические исследования в Саянском каньоне Енисея, и Г. В. Длужневская приступила к доследованию могильника в урочище Кулевуок (левый берег Енисея в 75 км ниже пос. Чаа-Холь). Ранее И. У. Самбу раскопал здесь скифские захороне-

ния. Г. В. Длужневская исследовала 20 объектов раннего средневековья, расположенных бессистемно. В то же время она проводила раскопки на реке Ус, на могильнике, обнаруженном А. В. Виноградовым (Иджир I), и еще на двух могильниках — Иджир II и III, находившихся на левом берегу реки Ус в 7 км от ее устья. Здесь были выявлены в основном погребения скифского времени V–III вв. до н. э. (Длужневская, 1980).

Как все изменчиво в нашем мире... В 1980 г. финансирование строящейся Саяно-Шушенской ГЭС прекратилось, а нас стали снабжать из фондов Майнинской ГЭС, которая строилась в поддержку Саяно-Шушенской. Отряд Г. В. Длужневской (Пятый, так как Первый отряд был у А. Я. Щетенко) переехал на 1 км выше реки Голубой Шушенского района Красноярского края. Здесь было необходимо исследовать вал длиной более 250 м и высотой 1,2–2,2 м, который перегораживал долину Енисея (правый берег) в направлении В–З и был ограничен с одной стороны руслом реки, а с другой — отвесным скалами. Вал и ров неоднократно перестраивали, деревянные конструкции горели. По фрагментам керамики, обнаруженным в мощном горелом слое, памятник был датирован VIII–IX вв. до н. э., то есть временем енисейских кыргызов, обитавших на Среднем Енисее, и началом их похода на юг — в Туву и Монголию. После завершения раскопок заградительного вала Г. В. Длужневская продолжила свои исследования в Туве на могильнике Сарыг-Хая II. Здесь были раскопаны два кыргызских кургана, в одном из которых было много артефактов: стремена, удила, мусат, большой нож, накладка на каптаргак с изображениями птиц, тесло-топор, пряжки и бляхи наборного пояса (Длужневская, 1981). Также были закончены раскопки кургана скифского времени на могильнике Иджир.

В 1981 г. проводились исследования в Чаа-Хольском заливе около пос. Новый Эйлиг-Хем, где исследовались комплексы кыргызского времени X–XI вв. В 1982 г. продолжились раскопки в Саянском каньоне могильника Сарыг-Хая II, где были обнаружены кыргызские захоронения по обряду трупосожжения с серебряными бляшками и пряжками и с железным котлом. Кроме того, в полукилometре был обнаружен могильник Сарыг-Хая III, в котором было открыто грунтовое захоронение двух мужчин. Голова одного из них лежала на седле, рядом были положены удила, пряжки, а вдоль тела располагался берестяной колчан со стрелами и лук. У обоих погребенных были ножи, а в ногах лежали кости овцы. Эта могила относилась к монгольскому времени (Длужневская, 1984).

1983 г. был последним годом работы Галины Вацлавны в Туве. Она копала могильник Бедиг-Хорум на площадке строящегося поселка Новый Эйлиг-Хем, где было исследовано 11 курганов скифского времени. В этом же году были закончены раскопки могильника Сарыг-Хая III в Саянском ущелье, где было исследовано два кургана монгольского времени с захоронениями по обряду трупоположения (Длужневская, 1985).

До того как я познакомился с Галиной Вацлавной, она много лет работала в Саяно-Тувинской экспедиции непосредственно в отряде А. Д. Грача. Это были и Саглы, и Хемчик-Бом, и многое другое. После отставки А. Д. Грача в 1972 г. Г. В. Длужневская, верная археологии, осталась в экспедиции, которую тогда возглавлял С. Н. Астахов. В 1985 г. Саяно-Шушенское водохранилище было заполнено, финансирование Саяно-Тувинской экспедиции прекратилось, приходилось искать другие источники доходов, и СТЭАН превратилась в Тувинскую археологическую экспедицию.

Основным итогом исследований Галины Вацлавны Длужневской в Саянском каньоне Енисея было открытие и изучение памятников древних кыргызов и других кочевых народов Центральной Азии. Значимость ее вклада только возрастает, когда вспоминаешь о труднодоступности памятников и сложных климатических условиях, в которых приходилось работать, а также о том, что многие уникальные объекты навсегда исчезли в глубине водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС.

Литература

- Астахов, 1974 — Астахов С. Н. Саяно-Тувинская экспедиция // АО 1973 года. М., 1974.
- Грач, Длужневская, 1973 — Грач В. А., Длужневская Г. В. Исследования в Саянском каньоне Енисея и на р. Хемчик // АО 1972 года. М., 1973.
- Длужневская, 1974 — Длужневская Г. В. Исследования в Саянском каньоне Енисея // АО 1973 года. М., 1974.
- Длужневская, 1975 — Длужневская Г. В. Исследования на плато Улуг-Бюк // АО 1974 года. М., 1975.
- Длужневская, 1976 — Длужневская Г. В. Работы в Саянском каньоне Енисея // АО 1975 года. М., 1976.
- Длужневская, 1978 — Длужневская Г. В. Раскопки курганов в Саянском каньоне р. Енисей // АО 1977 года. М., 1978.
- Длужневская, 1979 — Длужневская Г. В. Исследования погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея // АО 1978 года. М., 1979.
- Длужневская, 1980 — Длужневская Г. В. Раскопки курганов в Саянском каньоне Енисея и на р. Ус // АО 1979 года. М., 1980.

Длужневская, 1981 — Длужневская Г. В. Раскопки средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1980 года. М., 1981.

Длужневская, 1984 — Длужневская Г. В. Продолжение раскопок средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1982 года. М., 1984.

Длужневская, 1985 — Длужневская Г. В. Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 года. М., 1985.

Длужневская, 2010 — Длужневская Г. В. Могильники Чинге III–V, Хемчик-Бом IV–VI, Сарыг-Хая и Шугур // Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. Коллективная монография. СПб., 2010.

Длужневская, Савинов, 2007 — Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.

Щетенко, 1977 — Щетенко А. Я. Работы I отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1976 года. М., 1977.

Вл. А. Семенов

Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея

В статье последовательно описаны полевые сезоны Г. В. Длужневской в Саянском каньоне Енисея с 1973 по 1983 г. В течение этого десятилетия Галина Вацлавна обследовала археологические памятники от урочища Каравей до реки Ус. Вся эта территория в настоящее время является «дном» Саянского водохранилища. Г. В. Длужневская открыла и опубликовала десятки кочевнических памятников от

VII–V вв. до н. э. (скифы) до VIII–X вв. (кыргызы). Среди раскопанных ею памятников встречались и уникальные монгольские захоронения. Вклад Г. В. Длужневской в археологическую науку является весьма весомым, а учитывая затопление территории, исследованной Саяно-Тувинской экспедицией, в которой она самоотверженно трудилась, то и бессмертным. Вечная память.

Vl. A. Semenov

Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey

This paper describes sequentially G. V. Dluzhnevskaya's field seasons from 1973 to 1983 in the Sayan Canyon of the Yenisey River. During that decade, Galina Vatslavna investigated archaeological sites beginning from the isolated terrain of Karavey to as far as the Us River. Now this entire area is the 'bottom' of the Sayan water storage reservoir. G. V. Dluzhnevskaya discovered and published tens of no-

madic sites dated from the 7th–5th century BC (Scythians) to 8th–10th century AD (Kyrgyzes). At the sites excavated by her, also unique Mongol burials were found. G. V. Dluzhnevskaya's contribution to the archaeology is very considerable or rather even immortal taking in consideration the submerging of the area investigated by the Sayan-Tuva Expedition where she worked. May her memory live forever.

С. А. Васильев¹

Несколько слов о Гале Длужневской

Ключевые слова: Г. В. Длужневская, Майнская ГЭС, Саянский каньон, Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук (СТЭАН), Тува.

Keywords: G. D. Dluzhnevskaya, Mayna power station, Sayan Canyon, Sayan-Tuva Archaeological Expedition AS USSR (STEAN), Tuva.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-45-46

Мое знакомство с Галиной Вацлавной Длужневской относится к уже далекому 1975 г., когда я, будучи студентом, впервые отправился в Саяно-Тувинскую экспедицию в отряд Сергея Никитича Астахова. С тех пор, хотя наши исследовательские интересы (палеолит и раннее средневековье) никогда не пересекались, экспедиционные маршруты много раз сводили нас в различных уголках Тувы и Саянских гор.

В 1979 г. мы стояли двумя отрядами на левом берегу Енисея. Я копал тогда неолитическую стоянку Малые Уры, а Галя — курганы ниже по течению. Помню, когда мы в начале сезона впервые высадились на Малых Урах, к нам на берег из леса вышел, подобно Робинзону Крузо, дико заросший Кирилл Лагоцкий — археолог из нашего института. Прошлым летом после экспедиции он решил бросить археологию и устроился сторожем в заповеднике, проведя зиму в избушке, расположенной на Малых Урах в нескольких километрах от устья. Посредине суровой зимы его напарник заболел, и остаток срока Кирилл жил в избушке в одиночестве. Так что мы с Галей были первыми людьми, которых он видел за несколько месяцев.

Трудности организации повседневной экспедиционной жизни в Саянском каньоне (так называемой трубе) объединили нас с Галей. Связи между отрядами и базой экспедиции в Кызыле не было никакой. Нелегко было каждый раз организовывать поход за продовольствием и горючим — ближайший магазин и бензоколонка находились в Туве за десятки километров от места работ. Единственный долгий путь к «цивилизации» лежал вверх по реке, через многочисленные бурные шиверы. При этом нужно было для встречи заранее согласовать дату подъезда экспедиционной машины к так называемой перевалке (Мугур-Сарголу с его знаменитыми петроглифами и «дорогой Чингисхана»), где дорога подходила к Енисею. Вечно лома-

ющиеся и крайне неэкономичные лодочные моторы «Вихрь» были постоянной головной болью. Порой после долгого напрасного ожидания у ночного костра (постоянно вслушиваясь — нет ли шума мотора) на следующий день приходилось встречать тихо подходящую к лагерю лодку. Значит, не дошли до места встречи, сломались, заночевали и наутро отправились «самосплавом» по течению.

Правда, тяготы с лихвой компенсировались красотами диких гор и удивительно теплыми отношениями между немногочисленными обитателями тамошних мест — лесниками, смотрителями заповедника, метеорологами. Все было построено на взаимопомощи, без которой выжить в этих условиях просто невозможно. Галя была добрым и очень надежным экспедиционным товарищем, не унывавшим даже в трудные моменты. Этому немало способствовал состав отряда, набранного в основном из постоянных сотрудников и друзей Гали, посвящавших каждое лето поездкам в Туву.

На следующий сезон мы встали уже одним лагерем на правом берегу Енисея выше устья речки Голубая. Здесь мы проводили обследование водохранилища строящейся Майнской ГЭС. После тишины и безлюдья таежного края, Майна с расположенной рядом огромной стройкой, ревом самосвалов и сиренами кранов, поначалу производила неприятное впечатление. Галя приступила к раскопкам средневекового вала Омай-Тура, а я начал разведки по палеолиту.

Галя рано закончила свои экспедиционные изыскания, и в дальнейшем наши встречи ограничивались институтом, где она в совершенстве освоила новую для себя профессию архивиста.

Неожиданная смерть Гали застала меня на Алтае в Денисовой пещере; весть об этом мгновенно облетела все сибирские экспедиции. Среди археологов, занимавшихся раннесредневековой археологией Сибири, Галя пользовалась огромным уважением как один из лучших специалистов и неизменно доброжелательный критик. Память о ней сохранится навсегда.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита. Адрес электронной почты: sergevas@av2791.spb.edu.

С. А. Васильев

Несколько слов о Гале Длужневской

Автор вспоминает яркие моменты своего почти сорокалетнего знакомства с Г. В. Длужневской и описывает частные, но очень важные подробности совместной

работы в самой большой на тот момент археологической экспедиции СССР — Саяно-Тувинской.

S. A. Vasil'yev

A few words about Galina Dluzhnevskaya

The author recollects here the most vivid moments of his almost forty-year long acquaintanceship with Galina V. Dluzhnevskaya. He describes the private but very import-

ant details of his joint work with Galina within the Sayan-Tuva Archaeological Expedition which was then the largest one in the USSR.

А. В. Субботин¹

Мои воспоминания о Г. В. Длужневской

Ключевые слова: Г. В. Длужневская, Фотоархив ИИМК РАН, коллекция фотографий и открыток Билибина, издательская и популяризаторская деятельность Фотоархива ИИМК РАН.

Keywords: G. V. Dluzhnevskaya, Photo Archives of IIMK RAS, Bilibin's collection of photographs and postcards, editorial and popularization activities of Photo Archives of IIMK RAS.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-47-50

Не так давно я был на встрече Галиных друзей и коллег в нашем Институте, слушал и видел интереснейшие документальные воспоминания о ней, о ее работе, об экспедициях, в которых она участвовала, о ее любимом детище — Фотоархиве, о количестве опубликованной научной и научно-популярной литературы и думал — как же ее, такой маленькой и subtilной, хватало на все это и на нас всех (и ведь еще на семью — сына, мужа, много лет болеющую маму)? А в зале, да и потом, за накрытыми столами, сидело очень много народу. И почти каждый из тех, кто считал себя достаточно близким к ней человеком, столь близким, что это не позволило ему не прийти сюда в этот день, посвященный ее памяти, говорил о ней самые теплые слова, делился с друзьями и коллегами своими воспоминаниями об этой замечательной женщине. Думаю, что объяснение этого в первую очередь кроется в Галином характере. Она всегда была открыта миру, людям, новым идеям. Таких людей, как она, во все времена было не так много, а ныне их количество все больше и больше сокращается. Галкино умение не только слушать, но и услышать, почувствовать и, куда как важнее, посочувствовать, принять участие и словом, и, что более ценно, делом — беспрецедентно. Это, как мне представляется, является редчайшим и почти уникальным даром, которым Галка обладала в самой его широкой и глубокой форме. Честно говоря, не помню, чтобы в моей жизни я сталкивался с таким искренним, доброжелательным и расположенным к тебе человеком, причем это качество проявлялось почти сразу, буквально с первых часов знакомства.

Мы с Галкой (иначе у меня, как, впрочем, у многих других, называть ее не получается) познакомились и сдружились в середине 1980-х гг., когда вместе оказались в двух экспедициях А. Я. Щетенко. Первая была

в Средней Азии на раскопках Теккем-депе. Вторая — уже в Туве, на Бажин-Алааке. Помню, какое впечатление производили мы с ней на людей, видевших нас стоящими или идущими рядом. Это было и в лагере экспедиции, и уже потом неоднократно в Ашхабаде. Мы с Галкой с удовольствием подхватывали и продолжали шутки, связанные с очень большой разницей в нашем росте. Ей это очень нравилось, и мы каждый раз искали нестандартные комментарии к этой мизансцене, превращая повседневную картину в маленький спектакль. В этом была вся Галка. Кстати, где-то среди подборок фотографий институтских сотрудников имеются две фотографии, на которых мы с ней поливаем друг друга из ковшика после возвращения с раскопа. Очень забавная сценка, когда Галка наклоняет ковшик над моей головой, стоя на цыпочках на табуретке.

Запомнился ярко еще один эпизод из нашего пребывания в Туркмении. В один из редких выходных дней мы с Галкой и еще парой человек решили прогуляться несколько километров до соседнего Намазгадепе и пособирать подьемку на том участке памятника, где находилось мусульманское кладбище. А. Я. Щетенко порекомендовал нам быть осторожнее, так как на этом месте достаточно много кобр. Мы, естественно, сразу забыли об этом, увидев первые интересные вещи прямо на поверхности. Вспомнили же только тогда, когда прямо передо мной как из-под земли вдруг выросла огромная коричневая кобра уже в позе угрозы и с раздутым капюшоном. Надо было видеть наш испуг. Хорошо помню, как тряслись у нас руки, когда мы пытались себя успокоить несколькими глотками вина, бутылку с которым мы прихватили с собой на эту прогулку. Вроде бы у нас даже зубы стучали о горлышко бутылки.

Из воспоминаний о тувинской экспедиции самым ярким впечатлением является наш разведочный маршрут на моторной лодке по Енисею до Усть-Уса. В течение

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: asubbotin@mail.ru.

нескольких дней мы прошли на лодке, по-моему, около сотни километров, останавливаясь практически на каждой террасе для того, чтобы сделать там инструментальную съемку так и не раскопанных курганных могильников, которые, к сожалению, спустя очень короткое время после той нашей поездки ушли под воду. Научные итоги этой работы мы с ней спустя некоторое время опубликовали, а в памяти у меня осталась невообразимая красота тех мест, некоторые очень забавные, а порой весьма непростые и даже опасные ситуации, в которые мы попадали на этом маршруте, ну и, конечно, задушевные и откровенные разговоры вечерами. Умение Галки «разговорить» собеседника, ее дар общения, сочувствие и искренний интерес к происходящему и услышанному проявились в эти дни в полной мере, и именно после драгоценных часов тех бесед мы с Галкой стали очень близкими друзьями.

Из других воспоминаний не могу не упомянуть нашу почти ежевечернюю деятельность в Фотоархиве Института где-то в начале 1990-х гг. Точно уже и не помню, когда все началось, да это и не так, в принципе, важно. Скорее всего, это было спустя короткое время после назначения ее заведующей этим институтским подразделением, когда она поняла, какое сокровище она «охраняет» и какая это большая ответственность. Желание сохранить уникальные старинные (начиная со второй половины XIX в.) «гаснущие» фотоотпечатки, хрупкие стеклянные негативы, осыпавшиеся при малейшем изменении условий хранения и даже при их частом раскрытии, привело Галку к достаточно неординарному решению. Она посчитала, что в то время, когда еще не было не только никаких электронных накопителей, но вообще-то даже и компьютеров, можно было отчасти обезопасить от возможной потери наиболее ценную часть замечательной коллекции фотографий, значительное количество в которой составляли альбомы и отпечатки, хранящиеся в фонде Императорской археологической комиссии. Она решила популяризировать их с помощью выставок, а также опубликовав наиболее значимые материалы в виде тематических фотоальбомов. Тем самым были бы созданы своего рода резервные копии наиболее интересной и выигрышной части этой коллекции, о которой Галка заботилась как о своем детище.

Мы с ней не раз эту тему обсуждали — тогда-то и родился этот список «200 тем». Это были темы, автором которых в большей мере являлась сама Галка, прекрасно знающая весь архив, ну и немножко мы — Галкины друзья и сотрудники архива. Был создан тема-

тический список, по которому Фотоархив, по заказу заинтересованных организаций, мог подготовить к публикации, к выставке или к копированию архивные материалы, что, с одной стороны, послужило бы их популяризации и популяризации самого Фотоархива, а с другой стороны, создало бы резервную копию редких фотодокументов. В качестве иллюстрации объемов и степени представительности этих тем могу сказать, что мне лишь для одной из них пришлось пересмотреть всю архивную картотеку и сделать подборку фотоматериалов по 900 монастырям России. К сожалению, так эта тема до сих пор и не была никем востребована.

Уже не помню, каким образом мы рекламировали эти 200 тем, каким способом мы распространяли информацию об архиве при отсутствии Интернета, но мы нашли возможность это сделать, и к нам зачастили люди, заинтересовавшиеся ей. Какое удовольствие получала Галка, да и мы тоже, рассказывая о неизвестных широкой публике фотографических сокровищах. Большинство визитов, как это обычно бывает, закончилось ничем, однако результат все-таки хоть и небольшой, но был, и он очень всех нас радовал. Масса народа тогда узнала об архиве. В 1993 г. была издана круговая фотопанорама Петербурга 1861 г., затем «Разрушенные алтари Петербурга», «Кремль России» и еще некоторые издания. По материалам архива было проведено несколько выставок в Манеже и, по-моему, в Москве, в музее фотографии. Вспомнился эпизод: к нам часто приходили реставраторы, в частности, когда восстанавливался крест на куполе Казанского собора. Оказалось, что вида этого креста не было нигде, и только в нашем архиве обнаружилась небольшая фотография с необходимым изображением. Она и пошла в работу. Галка очень гордилась этим фактом и не раз вспоминала, что она внесла свою лепту в такой значимый проект.

Галка со своим характером и увлеченностью сумела создать исключительно творческую и доброжелательную атмосферу как при подготовке подборок фотографий для публикации, так и для очередного визитера. Ну а как мы совместно писали тексты для изданий! Эмоции вкупе с информацией, споры и поиск наиболее верных формулировок и определений — вот результат нашего творчества. Обсуждались оформление издания, тираж, справочный аппарат. Все это увлекало безмерно, расставаться не хотелось, время пролетало незаметно, уходили почти каждый день около десяти вечера.

Конечно, нам очень помогло то, что в архиве в результате нашей деятельности появился пусть слабенький и старенький, но компьютер — с памятью всего-то 124 мегабайта. Кстати, это был тогда второй после радиоуглеродной лаборатории компьютер в Институте. Галка этим очень гордилась. Мы с ней придумали тогда несложную, но изощренную, а точнее забавную, схему. Исходная позиция состояла в том, что в одном из архивных фотоальбомов находилась прекрасная, большая и очень качественно напечатанная фотография выставочного стенда водки фирмы «Смирнов» на Нижегородской промышленной выставке 1896 г. Мы с Галкой разыскали представителя английской фирмы «Смирнов», торговавшей своей продукцией в начале 1990-х гг. в нашей стране, и предложили ему встретиться для частного разговора по интересующей его теме. Надо было слышать наш разговор с ним по телефону и стараться не смеяться над тем, как трудно нам было объяснять этому представителю фирмы (кстати, русскому), какое отношение имеют друг к другу водка «Смирнов» и наш Институт. Однако его удалось убедить прийти. Этот бизнесмен увидел фотографию, услышал наше предложение об обмене копии этой фотографии на компьютер, удивился, но решение не принял, а задумался, взяв некоторую паузу. Через некоторое время он привел к нам уже вице-президента этой компании, пунцоволицего англичанина, который тоже внимательно все выслушал, дал «добро», и в результате в архиве появился компьютер, а где-то в Англии как реклама солидности и престижности фирмы появилась копия фотографии стенда водки «Смирнов» с выставки в Нижнем Новгороде. Надо ли говорить, как радовалась Галка и как нам этот компьютер помог.

Галка была глубоко убеждена, что настоящий архивист не только принимает все доступные ему меры для сохранения и популяризации хранимых им материалов, но и прилагает усилия для пополнения хранилища наиболее интересными коллекциями. Я посмотрел на сайте архива и посчитал, что она за время своего руководства приняла на хранение и образовала более 10 новых фондов. Мне повезло принять посильное участие в одном из эпизодов этого процесса. Дело в том, что я имел некоторые родственные отношения с наследниками семьи известных художников И. Я. Билибина и его жены А. В. Щекатихиной-Потоцкой. Однажды я рассказал Галке о том, что в их квартире я видел множество фотографий И. Я. Билибина, сделанных им

еще до революции в России, а потом в эмиграции в Египте и во Франции, и описал их бедственное состояние. Надо было видеть энтузиазм и заинтересованность Галки в том, чтобы эта бесценная коллекция поступила в архив. Помню, как несколько раз мы вместе с ней посещали эту квартиру-музей, как обсуждали с осторожными родственниками И. Я. Билибина условия передачи. Мы доставали из всех возможных и невозможных уголков квартиры пачки фотографий и коробки с негативами, внимательно разглядывали и комментировали фотографии, пытались сразу на месте разобрать их по темам, странам, годам. Галкино обаяние, увлеченность и профессионализм возымели свое действие, и владельцы этого бесценного достояния согласились отдать все материалы ей. Коллекция, состоящая из нескольких тысяч фотографий, негативов, открыток, переехала на постоянное хранение в Архив. Пока, к сожалению, эта коллекция еще находится в архивной обработке. Хотя мне с Галкиных слов было известно, что она уже «работает» и даже в этом состоянии востребована некоторыми специалистами. Здесь требуется длительная обработка всего фонда, его аннотация для того, чтобы все материалы поступили в полноценный научный оборот. Галка все это делала по мере сил и возможностей, несмотря на другие ее обязанности. Вспоминаю, как года два назад она с гордостью рассказала мне, что коллекцию из 2,5 тысяч старинных открыток она уже обработала, но вот фотографии и негативы пока лежат и ждут своего часа и заботливых рук.

Последние, к моему великому сожалению, воспоминания о Галке связаны опять-таки с билибинскими материалами. Незадолго, примерно за год, до ее безвременного ухода она рассказала мне, что ей предложили издать часть этой коллекции — египетские открытки начала XX в. — в виде фотоальбома. Работа эта увлекательная, а с Галкой особенно, пошла успешно, и спустя некоторое время мы подготовили выборку примерно из 200 изображений по разным темам и аннотации к ним. Удовольствие от совместной деятельности у нас было обоюдное. Готовые материалы передали для издания в Египет, но судьба распорядилась так, что Галка так и не дождалась издания и не увидела этого альбома. Альбом вышел недавно и теперь, как символ, всегда будет напоминать мне о замечательных минутах, часах и днях общения с этим прекрасным человеком. С уходом Галки я потерял одного из самых близких своих друзей.

А. В. Субботин

Мои воспоминания о Г. В. Длужневской

В воспоминаниях А. В. Субботина, давнего друга и коллеги Галины Вацлавны Длужневской, описываются годы совместных разведок в Туркмении и Туве, а также интереснейшие перипетии сложного перестроечного десятилетия, за которое, благодаря энергии и энтузиазму Г. В. Длужневской и помощи ее

коллег, Фотоархив ИИМК РАН обрел «вторую жизнь», сохранив не только реноме крупнейшего в стране научного архивного центра, но и получив широкую известность в среде специалистов по истории архитектуры, истории искусства, фотодела и архивной фотографии.

A. V. Subbotin

My recollections about G. V. Dluzhnevskaya

In the recollections of A. V. Subbotin, an old friend and colleague of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, the years of joint archaeological surveys in Turkmenia and Tuva are described, as well as the extremely interesting péripéties of the difficult perestroika decade during which, owing to G. D. Dluzhnevskaya's energy and enthusiasm together

with the help of her colleagues, the Photo Archives of IIMK RAS recovered a 'second life' retaining not only the reputation of the greatest national archive centre but also acquiring the wide fame among specialists in history of architecture, history of art, photographic techniques and archive photography.

Л. А. Чиндина¹

Благодарю, что по судьбе прошла...

Ключевые слова: археология, фотодокументы, научный архив, Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Академии наук СССР, Сибирь, Тува, енисейские кыргызы.

Keywords: archaeology, photographic documents, scientific archives, Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR, Siberia, Tuva, Yenisey Kyrgyzes.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-51-55

1965 год. Город Абакан — столица Хакасии. Улица Колхозная, а на ней небольшой одноэтажный дом с обычным подворьем: сарай, огород. Здесь штаб-квартира и перевалочная база археологических экспедиций Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР.

Как известно, 60-е гг. XX в. в истории отечественной археологии характеризовались бурным ростом полевых исследований, особенно в Сибири, в связи с общим развитием науки и необходимостью обеспечения ее большим объемом качественных источников. Возникла острая необходимость развернуть многолетние обширные раскопки в ходе крупномасштабного промышленного освоения Сибири, особенно в зонах затопления, строительства ГЭС и новых городов. Создаются и успешно функционируют новостроечные экспедиции. Среди них экспедиции с несколькими отрядами, организованные ЛОИА: Красноярская — в бассейне Верхнего Енисея (начальник — М. П. Грязнов) и Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук — (СТЭАН) (начальник — А. Д. Грач). В их состав входили сотни представителей археологического сообщества (ученые, преподаватели, студенты) всей страны, особенно Сибири и Урала, выкраивавшие время из своих плановых экспедиций, отпусков, учебных и научных занятий во имя спасения историко-культурного наследия Отечества. Не ради славы, не ради денег.

Абаканская штаб-квартира, через которую проходили потоки людей, напоминала настоящий пчелиный улей. Одни приезжали из своих краев и из этой точки разъезжались по разным археологическим отрядам, работавшим на степных просторах Хакасии, в горных долинах и на таежных высокогорьях Западного Саяна.

Другие уже уезжали обратно, увозя с собой багаж широких знакомств, тепло вечерних костров, радость общения и новых познаний. Вот и я уезжала домой из Сарагашенского отряда Красноярской экспедиции, которым руководил Г. А. Максименков, с грустью распрощавшись с раскопами карасукских и тагарских могил и андроновского поселения, тогда первого и единственного поселенческого памятника этой культуры.

Ожидание поездки на вокзал было прервано возгласом: «Привет!» — передо мной возник бывший студент нашего университета (тогда участник СТЭАН). После первого приветствия он продолжил: «А мы здесь по делу, знакомьтесь!» Рядом с ним стояла молоденькая девушка с большущими голубыми глазами и протягивала мне руку: «Я — Галка...» Ответ: «Я — Людмила». Так эта неожиданная встреча стала началом нашей 50-летней дружбы с Галиной Вацлавной Длужневской.

Нас с первой встречи сблизил общий интерес к раннесредневековой археологии Сибири периода Тюркских каганатов. В то время очень остро стояли вопросы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятников Великих Евразийских степей и их северных соседей, общие проблемы миграций, этногенеза и этнокультурных контактов.

Работа Галины Вацлавны в СТЭАН с начала ее основания (1965) помогла определиться с актуальной индивидуальной темой научного исследования по истории енисейских кыргызов в Туве IX–XII вв., которую предложил ей А. Д. Грач — не просто начальник экспедиции, а высокочтимый наставник, учитель, друг. Она сама была ему верной и преданной помощницей в делах и трудных ситуациях. Неслучайно в 1972 г. именно Галине Вацлавне было доверено руководство огромным отрядом в устье Хемчика: в связи с болезнью А. Д. Грача не мог выехать в поле (Длужневская, 1998). Она справилась, не подвела. Так же ответственно она занималась и научной темой.

¹ 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 34.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, кафедра археологии и исторического краеведения.
Адрес электронной почты: chindina37@mail.ru.

С 1963 г. я занималась историей рёлкинской культуры, выделенной мной в Томско-Нарымском Приобье (Западная Сибирь). Очевидной стала необходимость глубокого знакомства с материалами общетюркского облика, которые, несмотря на острые дискуссии, уже тогда были важнейшими хронологическими маркерами. За мобильными кочевниками сохранялся приоритет в изобретении и изготовлении первоклассного оружия и облачения конных и пеших воинов. Оружие быстро совершенствуется и столь же быстро распространяется, преодолевая всякие границы. Таков закон жанра. Это расширяло сравнительно-историческое поле исследований. Здесь мы снова пересеклись с Галиной Вацлавной, и очень удачно. Получился более широкий хронологический диапазон для наших рассуждений. Рёлкинская культура существовала немного раньше — VI–IX вв., чем этносоциальное объединение енисейских кыргызов. И как-то заметнее стала локально-хронологическая специфика и понятнее необходимость пересмотра старых хронологических схем раннесредневековой истории Сибири.

Вскоре после выхода моей монографии «Могильник Рёлка на Средней Оби» (1977) мне позвонила Галка:

«Слушай, твоя книжка у меня теперь настольная!» Я, конечно, обрадовалась оценке, но застенялась. Дорогая Галочка отбросила всякие умиленности и сказала: «Мне теперь такая подмога в объяснении наших локальных вариантов!» Тут уж я обрадовалась по-настоящему: всегда здорово оказать людям помощь. А она четко уловила возможности методологического подхода и самого метода в выявлении локальных вариантов и понимании причин их образования в истории кыргызов.

Наши деловые и личные связи были перманентными, но с редкими личными встречами раз в год, а иногда и по два-три раза на разных конференциях. Она трижды бывала у нас в Томске на Западносибирских археологических конференциях (рис. 1). Приезжала работать в фонды Музея археологии и этнографии Сибири: смотрела материалы «кочевнического» вида (оружие, портупей, доспехи воинов и сбруи лошадей) из Еловского, Басандайского и Рёлкинского могильников и, конечно, из сборов А. В. Адрианова в Туве. По делам в Ленинград, а потом в Питер приезжала много раз и я. Остальное время — звонки, письма. «Люд, у меня просьба. Где работает Эля Львова? Хочу послать ей

Рис. 1. Г. В. Длужневская с В. Ф. Старковым и Д. Г. Савиновым в гостях у Л. А. Чиндиной (г. Томск, 2003 г.).

Fig. 1. G. V. Dluzhnevskaya with Vadim F. Starkov and Dmitriy G. Savinov visiting Lyudmila A. Chindina (city of Tomsk, 2003).

реферат и вопрос. Она нашла на Чулыме этноним "ктаи", но когда и где опубликовала?» (из письма). Ответ был дан незамедлительно по телефону — дело шло к защите диссертации. Очень хотелось помочь ей использовать лингвистический материал в идентификации выделенных вариантов памятников культуры кыргызов в Туве и их локализации в процессе перемещений. Она волновалась: «Людмилочка, наконец свершила свой труд на 600 страниц. Защиты побаиваюсь». Естественное состояние соискателя. Конечно, я ей сочувствовала. Восемью месяцами ранее сама во второй раз прошла через этот «театр одного актера» с кворумом критиков. Но я нисколько не сомневалась в успехе Гали. Скрупулезность, четкость, последовательность в изучении источниковой базы, ставшие основой для многостороннего анализа и историко-культурной интерпретации памятников енисейских кыргызов, могли получить только положительную оценку уважаемого синклита.

Первый этап был пройден, хотя история кыргызов, их предки и наследники ученого интересовали все последующие годы. Галина Вацлавна сменила место службы: «Работаю теперь зав. фотоархивом ЛОИА — так что милости прошу. Архив богатый» (из письма).

Фотоархив стал ее детищем. Она провела реорганизацию хранения в соответствии с современными требованиями. С каким энтузиазмом, увлеченностью и радостью она рассказывала о каких-то особых папках, контейнерах, стеллажах и тому подобном, не говоря уже о содержательной стороне фотодела! Как-то в очередной мой приезд в Питер она спросила меня: «Ты что-нибудь знаешь о ректоре Томского университета Богаевском Борисе Леонидовиче? Руководил в 1921–1922 годах, был археологом». Я честно признала свое невежество. Далее она просветила меня: «Это дедушка нашего с тобой любимого Мити». Речь шла о Дмитрие Глебовиче Савинове. Сообщение было не только неожиданно приятным и трогательным, но и полезным. Как выяснилось, в Музее и лаборатории истории Томского университета не оказалась почти никаких документов о Б. Л. Богаевском, особенно фотографий. В очередной визит в Томск Галина Вацлавна и Дмитрий Глебович привезли для Томского университета необходимую информацию и фотографии о бывшем ректоре. За это университет глубоко признателен (Ректоры Томского..., 2003. С. 85–89).

Кроме того, она сообщала деловую информацию по близкой мне исследовательской теме и посылала фотокопии. Например, об уникальных бронзовых изображениях лягушки и антропоморфов, отражающих

культ размножения и плодородия. Позднее она опубликовала их в каталоге (*Длужневская*, 1993. С. 35, 111, разд. I, фото 1, разд. III, фото 12).

Важнейшей заслугой Г. В. Длужневской как фотоархивиста стали два направления. Во-первых, она начала готовить тематические каталоги фотоматериалов с подробной паспортизацией каждого объекта и приступила к их публикации. Это огромная помощь для археологов в плане расширения источниковой базы и возможности точной ссылки (или заявки) на конкретный предмет (памятник, дело). Во-вторых, она на собственном опыте показала несомненную значимость фотодокументов как самостоятельной формы историко-культурного наследия. Используя комплексный и исторический подходы в анализе фотоархивных источников Азиатской России второй половины XIX — первой половины XX в., представила к защите докторскую диссертацию (*Длужневская*, 2008).

Не могу не сказать об еще одном сюжете в научной работе Галины Вацлавны, неразрывно связанном с ее пониманием долга. Речь идет об издании материалов многолетних раскопок Саяно-Тувинской экспедиции, которое предприняла Г. В. Длужневская в тесном тандеме с Д. Г. Савиновым. С 1998 г. издано восемь сборников и монографий. Галина Вацлавна самоотверженно взяла на себя все хлопоты по ведению гранта, организации сборников и подготовке к публикации. Кроме того, она была активным автором почти во всех изданиях. Для крохотного коллектива организаторов это был подвижнический труд. Но для Галины Вацлавны эта работа была потребностью выразить признательность своему наставнику и другу А. Д. Грачу, с которым их связывало и интеллектуально-духовное родство. Александр Данилович, несомненно, остался бы доволен профессиональным введением в научный оборот материалов дорогой ему экспедиции. Это стало выражением высоких научных и человеческих качеств самой Г. В. Длужневской (рис. 2).

Держу в руках янтарное ожерелье — застывшие слезы балтийских сосен. При слабом движении светятся и скачут солнечные зайчики, играет медовая радуга, чистый и теплый цвет. Камешки без всякой обработки, только тонкие каналы для полтораграммовой вздержки. Это подарок Гали на мое семидесятилетие. Что же я подарю тебе сегодня на твой юбилей, моя дорогая подружка? Возьми мою светлую память, нежность и благодарность за то, что ты у меня была в жизни и остаешься в сердце. Пусть они греют твою отзывчивую, добрую душу.

Твоя Людмила

Рис. 2. Г. В. Длужневская на II Всероссийском археологическом съезде (г. Старая Русса, 2011 г.).

Fig. 2. G. V. Dluzhnevskaya at the IIInd All-Russian Archaeological Congress (city of Staraya Russa, 2011).

Л. А. Чиндина

Благодарю, что по судьбе прошла...

В заметке приводятся воспоминания о д.и.н. Г. В. Длужневской и дается оценка ее научной деятельности в период 1965–2015 гг. Среди многообразия ее работ за эти 50 лет четко выступают три основных научных направления.

Первое: изучение истории кыргызов на территории Тувы. Дан анализ многосторонней историко-культурной интерпретации памятников, выделены локальные варианты и этапы их распространения в Туве. В 1986 г. по этой теме защищена кандидатская диссертация. История кыргызов, их предки и наследники ученого интересовали все последующие годы.

Второе: изучение историко-археологического наследия Азиатской России на основе принципиально иного источника — фотодокументов. Впервые в музеях и архивах страны целенаправленно выявлены фотодокументы по истории, археологии, этнографии на-

Литература

Длужневская, 1993 — Длужневская Г. В. Прошлое Урала в фотографиях. Каталог фотоархива Института истории материальной культуры РАН. Екатеринбург, 1993.

Длужневская, 1998 — Длужневская Г. В. С Грачом и без Грача (полевые сезоны 1971–1972 гг.) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 г. СПб., 1998.

Длужневская, 2008 — Длужневская Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008.

Ректоры Томского..., 2003 — Ректоры Томского университета: Библиографический словарь (1888–2003). Томск, 2003. Т. 5.

родов Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Закавказья. Проведена периодизация формирования коллекций фотоархива ИИМК РАН. По этой теме защищена докторская диссертация (2008), опубликовано несколько фотокаталогов.

Третье: в 1990-е — 2000-е гг. активно вводится в научный оборот огромный фонд источников, собранных в процессе работ многолетней Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Академии наук СССР (СТЭАН). Выпущен значительный корпус сборников и монографий.

Г. В. Длужневская была многосторонним и глубоким аналитиком-профессионалом, умным, талантливым и ответственным организатором, верным, преданным другом и помощником, добрым и порядочным человеком.

L. A. Chindina

I am thankful for having passed via my fate ...

In this note, there are presented memoirs and an evaluation of the scientific activities of G. V. Dluzhnevskaya, Dr. of History, for the period of 1965–2015. Three main scientific directions are distinctly identifiable among the diversity of her works during these 50 years.

Firstly, it is studies of the Kyrghyzes in the territory of Tuva. An analysis of the complex historical and cultural interpretation of the archaeological sites was proposed, their local variants and stages of their distribution in Tuva were identified. In 1986, she defended her candidate thesis on this subject. Meanwhile the history of Kyrghyzes, their ancestors and descendents interested the researcher all the subsequent years.

Secondly, it is studies of the historical and cultural heritage of Asiatic Russia by means of a principally differing source, i. e. photographic documents. In national museums and archives, photographic documents were first revealed

concerned with the history, archaeology and ethnography of peoples of Siberia, the Far East, Central Asia and Transcaucasia. The periods of the formation of the photographic archives of the Institute for the History of Material Culture were distinguished. A doctor thesis was defended on this subject (2008) and a number of photographic catalogues were published.

Thirdly, in the 1990–2000s, a huge collection of sources were scientifically published. These were collected in the course of activities of the long-term Sayan-Tuva Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, AS USSR (STEAN). An important corpus of collections of articles and monographs was issued.

G. V. Dluzhnevskaya was a many-sided and profound professional analyst, a talented and responsible organizer, a true and devoted friend and helper, a kind and honest person.

А. О. Машезерская¹

Архив возможных отношений

Ключевые слова: Г. В. Длужневская, камералка ЛОИА, Саяно-Тувинская экспедиция, Тува.

Keywords: G. V. Dluzhnevskaya, cameral laboratory of Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), Sayan-Tuva Expedition, Tuva.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-56-57

Галина Вацлавна Длужневская появилась в моей жизни в далеком 1974 г. из грязновато-темного подвала Ленинградского отделения института археологии, набитого экспедиционным оборудованием Саяно-Тувинской экспедиции (СТЭ). Камералка. Слово, простому смертному не понятное. Но народ в камералке был молод, весел и пил чай, заваривая его в большой химической колбе. Из единой семьи молодых исследователей СТЭ Галина Вацлавна выделялась скромным ростом, ясными голубыми глазами, в которых читалась доверчивость и доверие к собеседнику — хоть и малознакомому. Удивила изысканная грациозность тонких щиколоток — признака породы, заключенных в гадкий «скороходовский» бренд.

После той, первой для меня экспедиции (спасибо, что терпели и не выгнали), мы оказались связаны на многие годы, и я благодарна судьбе за эту дружбу. С 1975 г. Галина руководила отдельными отрядами СТЭ, и хоть по некоторым направлениям опыта у нее было мало, когда надо «в игру» вступал слесарь механосборочных работ (отголосок первого полученного профобразования). Люди летнего периода были собраны, обучены и вовлечены в рабочий процесс с виртуозностью мастера. Создать позитивный настрой в критических ситуациях — легко! Умение притягивать в свою жизнь разные события и разных людей проложило ей дорогу в тот мир, где кипит жизнь и прошлое крепко замешано с настоящим и будущим.

Будучи увлеченным археологом-практиком, Длужневская занималась исследованием скифского, гунно-сарматского и раннесредневекового времени в Туве. Случалось и такое, что материал нелегкого полевого сезона умещался в спичечный коробок. Но Вацлавна, не сдаваясь, не унывая, внушала всем (может быть, оно так и было) мысль о важности добытых артефактов. И трудовой оптимизм археологических помощников

выходил на новый уровень. Настойчивая трудоспособность, талант и четко поставленная перед собой задача помогли ей в 1986 г. с блеском защитить кандидатскую диссертацию по теме «Памятники Енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.)». Это радостное событие ненавязчиво, но напоминало людям не ученым об обидном спичечном коробке с бесценными находками. Жизнь любит скорость и всегда предполагает перемены.

Заряд энергии, настойчивое стремление к поиску чего-то нового определили выбор Галины Вацлавны, и она приняла в 2006 г. от дирекции ИИМК РАН предложение занять должность заведующей Научным архивом. Звучит серьезно и страшновато. Воображение рисует скуку адову. Наряду с главным направлением работы архива (научно-методический учет, сохранность документов и фототеки и т. д.) Длужневская, владея механизмом генерации идей, активно занялась популяризацией и раскрытием фондов архива, что подвинуло коллег по цеху к участию в международных конференциях, проведению архивной практики для студентов, организации выставок, подготовке к изданию альбомов и книг (по фондам архива), написанных Галиной с величайшим трудолюбием и любовью. Совместными усилиями сотрудников архив превратился в живой функционирующий организм. Как говорят, ваша работа — это вы! И в 2008 г. Галиной Вацлавной была представлена и защищена диссертация по теме «Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половине XX в. (по фондам Научного архива ИИМК РАН)». И к ранее присвоенной степени кандидата исторических наук и почетному званию «Ветеран труда» добавилось заслуженное — доктор исторических наук.

Поражает, с каким почтением Галина относилась к своим учителям и наставникам, с чьей легкой руки она начала работать, а впоследствии доросла до руководителя, известного ученого, к тем, кто сделал ее жизнь по-настоящему счастливой. Бог не обделил ее друзьями,

¹ Россия, Санкт-Петербург. Художник.
Адрес электронной почты: mashalla@mail.ru.

но в бесконечном потоке работы и повседневных забот мало кто заметил, как исчерпывался ее жизненный

ресурс. Не помню, кто сказал, что жизнь — это дорога, а над ней звезды. Жаль, что иногда звезды гаснут.

А. О. Машезерская

Архив возможных отношений

Краткие воспоминания многолетней участницы сибирских экспедиций, чертежника Аллы Машезерской, воскрешают в памяти яркий образ Г. В. Длужневской,

дополняя портрет крупного ученого теплыми и обаятельными чертами, зафиксированными глазом художника.

A. O. Mashezerskaya

Archives of possible relations

Brief recollections of the draftsman Alla Mashezerskaya, a many-year participant of Siberian archaeological expeditions, revive in memory the vivid image of Galina Vat-

slavna Dluzhnevskaya supplementing the portrait of this prominent scholar with warm and charming traits viewed through an artist's eye.

А. В. Максимова¹

Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО

Ключевые слова: Г. В. Длужневская, Фотоархив ИИМК РАН, ГМВЦ РОСФОТО, фотография XIX в., выставочные проекты.

Keywords: G. V. Dluzhnevskaya, Photographic Archives of IIMK RAS, State Museum Exposition Centre ROSFOTO, photographs of the 19th century, exposition projects.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-58-62

Рассказ о сотрудничестве Научного архива Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН) и музейно-выставочного центра РОСФОТО следует начать со слов благодарности Галине Вацлавне Длужневской, которые мы не устаем повторять. Она была одним из наших коллег-друзей, моим наставником и Учителем: всегда находила возможность и время поддержать наши инициативы, дать совет, познакомить с материалами возглавляемого ею фотоотдела, участвовала в выставочной и научной деятельности с первых дней существования РОСФОТО. Опыт и знания Галины Вацлавны во многом определили нашу успешную работу в области исторической фотографии. Она, уникальный специалист, буквально «заразила» молодой коллектив РОСФОТО любовью к исторической фотографии, позволив нам прикоснуться к шедеврам мирового фотоискусства. Мы понимали, насколько велика наша ответственность за оказанное ею доверие. При ближайшем участии Галины Вацлавны была определена основная миссия музейно-выставочного центра РОСФОТО, и спустя несколько лет мы получили статус научно-методического центра сохранения фотодокументов.

Галина Вацлавна была доктором исторических наук, членом Ученого совета ИИМК РАН, автором многочисленных научных публикаций по археологии, востоковедению, архивному делу, талантливым педагогом и исследователем фотографического культурного наследия. Много лет работая в НА ИИМК РАН, включающем не только рукописный архив, но и фотоархив — единственное специализированное хранилище

фотодокументов в системе академических учреждений и старейший фотоархив России, — она изучила его досконально. Многие предметы коллекции были впервые атрибутированы, каталогизированы и опубликованы благодаря именно ее стараниям.

За годы существования архива, начиная с середины XIX в., в нем были собраны фонды многих археологических учреждений и обществ, отражающие деятельность этих организаций. Особое место среди них занимает фонд Императорской Археологической комиссии, коллекция фотодокументов которой легла в основу собрания Фотоотдела НА ИИМК РАН. Этот фонд составляют в том числе фотодокументы по антропологии и этнографии народов европейской части России, Крыма, Центральной Азии, Дальнего Востока; гражданской, крепостной и церковной архитектуре XIII–XX вв., декоративно-прикладному искусству, эпиграфике и некоторым другим отраслям исторической науки.

В Фотоотделе НА ИИМК РАН хранятся также собрания Государственного музейного фонда, Комитета популяризации художественных изданий, Дворца-музея графов Шуваловых, Собственной библиотеки императора Николая II и библиотеки великих князей — генерал-адмирала Константина Николаевича и президента Академии наук Константина Константиновича. Уникальные материалы собраны в личных фондах археологов Н. Я. Марра, Н. И. Репникова, А. А. Бобринского, А. А. Спицына, археологов-искусствоведов Я. И. Смирнова и Б. В. Фармаковского, ориенталиста А. Л. Куна, византиниста Л. А. Мацулевича, архитекторов М. Т. Преображенского, В. В. Сулова, Н. В. Султанова, К. К. Романова и др., искусствоведа Н. П. Сычева, ювелира К. Г. Фаберже.

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 35.
Издательские и выставочные программы РОСФОТО.
Адрес электронной почты: anmaximova@gmail.com.

Под руководством Галины Вацлавны Фотоархив, а затем Фотоотдел вел активную выставочную деятельность; начиная с 2000 г. экспонаты из ИИМК демонстрировались на выставках: «Санкт-Петербург и его окрестности в фотографиях второй половины XIX века» (Московский дом фотографии); «Светозарная Казань» (Центральный выставочный зал «Манеж»); «Настоятели Исаакиевского собора»; «Иван Бинки — первый светописец Санкт-Петербурга» (Государственный музей истории Санкт-Петербурга); «Улицы — лица, города — дома» и «Крым в старых фотографиях» (Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО). Фотоархив принял участие в Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», разработав тему «Великий Шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX — первой половины XX века». В ходе реализации программы были подготовлены рукописи книг «Мусульманский мир Российской империи» и «Древности восточной части Евразии». Книга «Китай последней четверти XIX века. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах» подготовлена в рамках участия архива в международной российско-китайской программе «Русская культура XVIII–XIX веков» (Длужневская, 2012).

Сотрудничество Фотоархива и РОСФОТО началось с 2003 г. Галина Вацлавна принимала активное участие в работе организуемых нами конференций и семинаров по вопросам хранения и оцифровки фотоколлекций. В 2006 г. ИИМК РАН и Государственным центром фотографии (РОСФОТО) совместно с Французским институтом в Санкт-Петербурге осуществлен проект «Французская фотография второй половины XIX века». На выставке и в каталоге (Французская фотография..., 2006) было представлено больше ста работ французских авторов, без которых невозможно представить историю мировой фотографии: Эдуарда Дени Балдю, братьев Биссон, Феликса Бонфиса, Анри Ле Сека, Густава Ле Грэ и Поля Надара (рис. 1). Часть фотографий, включенных в экспозицию, выполнялась авторами по заказу организованной в 1851 г. Комиссии исторических памятников правительства Франции. Целью этого предприятия, вошедшего в историю под названием «Гелиографическая миссия», было создание фотообзора национального архитектурного достояния Франции. Призванные помочь в оценке сохранности исторических памятников, сегодня эти

фотографии являются уникальными художественными произведениями.

Организации выставки предшествовала большая исследовательская работа, было установлено авторство и время создания, идентифицированы техники изготовления, составлен каталог, подготовлены биографические справки о фотографах. Большое содействие в исследовании произведений Фотоархива оказала Доменик де Фон-Рео, в тот момент куратор фотоколлекции Музея Орсе, а ныне куратор коллекции Лувра.

Выставка шедевров «Золотого века» французской фотографии стала уникальным открытием для мира историков искусства и фотографии — все произведения, представленные на ней, демонстрировались в России впервые. Помимо тиражных экземпляров всемирно известных и «хрестоматийных» произведений, как, например, «Бриг» Густава Ле Грэ, на выставке экспонировались донныне неизвестные произведения.

Затем, в 2008 г., благодаря совместной работе с Российской национальной библиотекой, ИИМК РАН и Государственным музеем истории Санкт-Петербурга, в РОСФОТО прошла выставка «Старый Петербург» (Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX — начала XX в.) (Старый Петербург..., 2008). На выставке экспонировалось более 150 редких снимков, многие из которых впервые демонстрировались широкой публике, причем почти две трети экспонатов предоставил архив ИИМК РАН (рис. 2).

Во вступительной статье к выставке Галина Вацлавна писала: «В экспозиции представлено около 100 снимков, выполненных разными фотографами, имена которых, к сожалению, не всегда известны. Это малая часть пятидесятитысячного собрания фотографий и негативов по Петербургу, хранящихся в специализированном архиве Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Совсем недавно стало возможным говорить, что «Библиотека Мраморного дворца» — это собрание альбомов и отдельных снимков, приносившихся в дар или приобретавшихся великими князьями генерал-адмиралом Константином Николаевичем и августейшим президентом Академии наук, августейшим поэтом Константиновичем. Одной из жемчужин их коллекции является круговая панорама Санкт-Петербурга, выполненная с башни Адмиралтейства в 1861 году и преподнесенная автором Великому Князю Константину Николаевичу, в 1855–1881 гг. управляв-

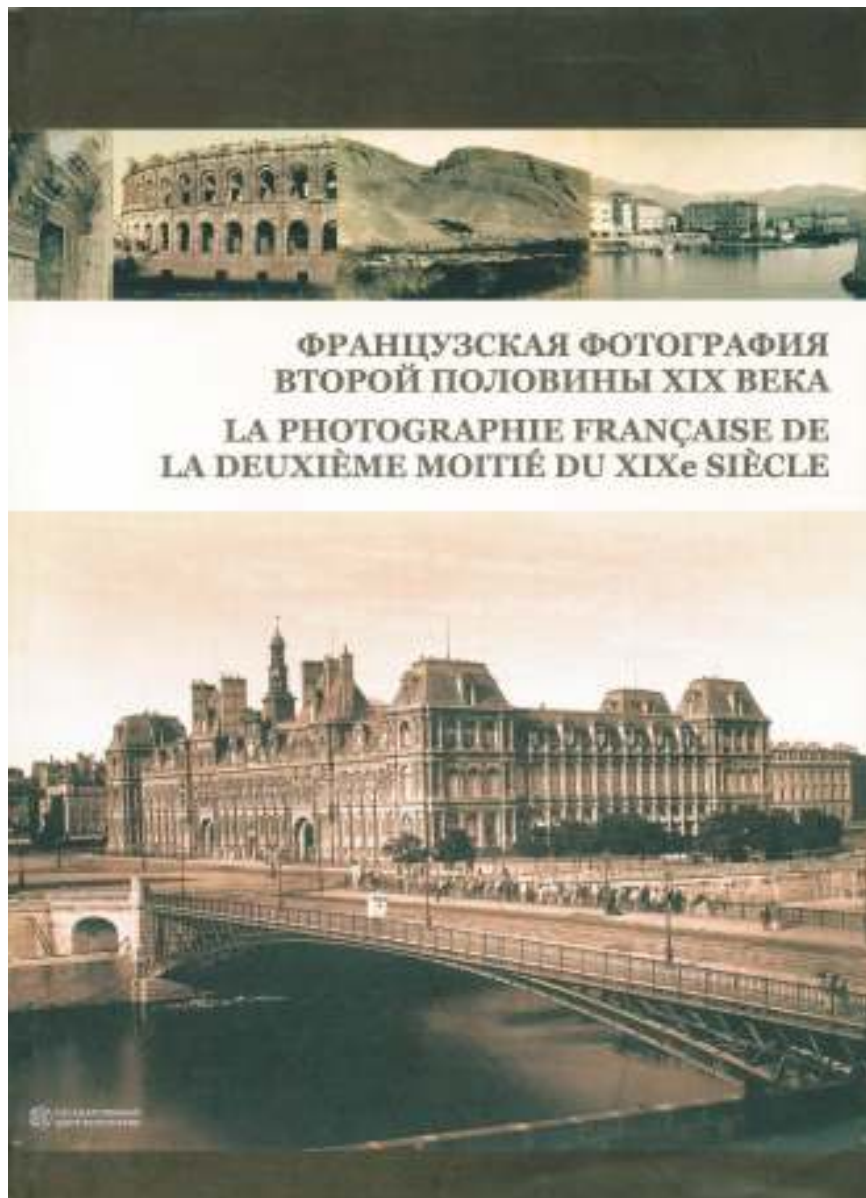

Рис. 1. Обложка каталога выставки «Французская фотография второй половины XIX в. из коллекции ИИМК РАН».

Fig. 1. Cover of the catalogue of the exhibition 'French photographs of the second half of the 19th century' from the collection of IIMK RAS'.

шему флотом и морским ведомством» (Длужневская, 2012. С. 16).

Круговая панорама «Санкт-Петербург. 1861 год», снятая неизвестным мастером, представляет собой полосу высотой 37 см и длиной 465 см, смонтированную из 13 кадров. Съемка начата от Конногвардейского манежа и продолжена вправо — вдоль зданий Сената и Синода. Здесь можно увидеть Николаевский мост — первый постоянный мост через Неву, панораму правого берега реки от Горного института до Петропавловской крепости, Зимний дворец, перспективы Невского

проспекта и Гороховой улицы. Завершается панорама видом Исаакиевского собора. Съемка проводилась на стеклянные негативы большого формата, с которых контактным способом изготавливали отпечаток. Эта технология, применявшаяся в 60-х гг. XIX в., получила название «мокрого коллодиона».

В 2009 г. РОСФОТО и ИИМК РАН представили выставку «Фотография и археология», посвященную 150-летию со дня основания Императорской Археологической комиссии — предшественницы ИИМК РАН.

Рис. 2. Обложка каталога выставки «Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX — начала XX в.».

Fig. 2. Cover of the catalogue of the exhibition 'Old St. Petersburg in photos of the middle of the 19th — early 20th century'.

В экспликации Галина Вацлавна отмечала: «Как новый метод изучения археологических памятников фотография применялась для фиксации исследуемых объектов и отдельных этапов работы, документирования результатов раскопок, а также съемки находок, как обнаруженных при раскопках, так и найденных случайно. Большое значение фотография получила в реставрации архитектурных памятников и, особенно, фресковой живописи древнерусских храмов. Все эти материалы являются ценнейшими источниками и по сей день.

Снимки, поступающие в архив ИАК, выполнялись фотографами Археологической комиссии (М. Е. Романовичем, В. Г. Дружининым, С. М. Дудиным-Марцинкевичем, И. Ф. Чистяковым и другими) во время экспедиций, археологических раскопок, архитектурных обследований, приобретались у фотографов, непосредственно занимавшихся видовой и архитектурной съемкой (И. Ф. Барщевский, Д. И. Ермаков), дарились исследователями. Нередко сотрудники ИАК и частные лица привозили для архива из путешествий по России и зарубежью купленные ими в поездке фотографии» (Длужневская, 2009, С. 1).

В 2010 г. в выставочных залах РОСФОТО была проведена совместная выставка «Кавказские сюжеты в фотографиях второй половины XIX — начала XX века». В Фотоотделе ИИМК РАН хранится около 4000 фотографий Крыма и Кавказа. Большая часть

материалов по Кавказу происходит из фонда академика Н. Я. Марра (фотографии и негативы 1890-х — 1933 гг.; 1490 негативов и 2950 отпечатков).

На выставке были представлены фотографии Военно-Топографического Отдела в Дагестанской области, а также в Бакинской, Эриванской и Тифлисской губерниях, ателье братьев Рудневых, фотографа-документалиста Д. И. Ермакова, который в 1877–1878 гг. как военный корреспондент состоял при походной фотографии Кавказского штаба, а с 1880 г. владел фото-студией в Тифлисе, полковника И. К. Гертника, фотографов В. Барканова из Кутаиси, И. Александровича и И. Савенкова, имевших свои ателье в Кисловодске.

Здесь перечислены только основные выставочные проекты, подготовленные фотоархивом ИИМК РАН и РОСФОТО, но было еще несколько не столь крупных выставок, экспонировавшихся в регионах России, несколько проектов остались незавершенными.

Так, последний из совместных проектов, инициированный Галиной Вацлавной, называется «Афон. Там, где кончается земля и начинается небо».

«Святая Гора, ее прославленные монастыри, их архитектура, сокровища ризниц и библиотек, сама природа Афона обладают исключительной художественной ценностью. Это в подлинном смысле слова межнациональное историко-культурное наследие.

Афонские фотографические мастерские XIX в. служили различным нуждам святогорцев: портреты, официальные визиты, церковные службы, изображения зданий, святынь, иконы — вот основные темы афонских фотографий. До недавнего времени Афонское искусство фотографии практически не изучалось, хотя фотоматериал хранится как на Святой горе, так и в архивах и музеях разных стран. Среди сохранившихся ранних фотографий этих мест особый интерес представляют работы, хранящиеся в архивах и музеях Санкт-Петербурга, — материалы, привезенные в конце XIX в. представителями семьи Романовых и материалы экспедиций» (Вздорнов, 2003. С 3).

Этот проект планируется к реализации в ближайшие годы и будет посвящен памяти нашей любимой коллеги. Ключевым объектом выставки и каталога станет дарственный альбом, включающий 42 альбуминовых отпечатка, сделанный монахами Русского Пантелеимоновского монастыря о. Леонтием и о. Геннадием на Афоне в 1860–1870-х гг. и преподнесенный Великому Князю Константину Константиновичу в память о посещении им Святой горы в 1881 г. Уникальные, технически безупречные, высокохудожественные крупно-

форматные снимки (примерный размер отпечатка 50 × 60 см) представляют ландшафтные виды полуострова и главные достопримечательности монастырей и скитов.

Литература

Вздорнов, 2003 — Вздорнов Г. И. Монастыри и Скиты Святой Горы Афон в фотографиях из альбома великого князя Константина Константиновича Романова. М., 2003.

Длужневская, 2009 — Длужневская Г. В. Текст экспликации к выставке «Фотография и археология». СПб., 2009.

Длужневская, 2012 — Длужневская Г. В. Фотоархив Института истории материальной культуры РАН (с 2004 г. — Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН) // Фотография в музее: сборник докладов международной конференции (ГМВЦ РОСФОТО, 2–4 октября 2012 г.). СПб., 2012.

Старый Петербург..., 2008 — Старый Петербург (Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX — начала XX в.): каталог выставки. СПб., 2008.

Французская фотография..., 2006 — Французская фотография второй половины XIX в. из коллекции Института истории материальной культуры РАН: каталог выставки. СПб., 2006.

А. В. Максимова

Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО

Статья-воспоминание о совместной работе с Г. В. Длужневской. Дан обзор основных выставочных проектов Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН, которым заведовала Г. В. Длужневская, а также выставок исторической фотографии, организованных Научным архивом ИИМК РАН в сотрудничестве с РОСФОТО:

«Французская фотография второй половины XIX века», «Старый Петербург (Старый Петербург в фотографиях середины XIX — начала XX века)», «Фотография и археология», «Кавказские сюжеты в фотографиях второй половины XIX — начала XX века».

A. V. Maksimova

Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO

This is a memorial article about the joint work with Galina V. Dluzhnevskaya. It presents a review of the major exposition projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IIMK RAS) headed by G. D. Dluzhnevskaya, as well as exhibitions of historical photography organized by the Scientific

Archives of IIMK RAS in cooperation with ROSFOTO: 'French photographs of the second half of the 19th century', 'Old Petersburg (Old St. Petersburg in photos of the middle of the 19th – early 20th century)', 'Photography and archaeology', 'Caucasian images in photos of the second half of the 19th – early 20th century'.

Д. Д. Васильев¹, Г. В. Длужневская² (†)

Крымский альбом, изданный в Турции

Ключевые слова: Г. В. Длужневская, Крым в прошлом, русские востоковеды, Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН, фотографии старого Крыма.

Keywords: G. V. Dluzhnevskaya, Crimea in the past, Russian orientalists, Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS, photos of the old Crimea.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-63-68

Галина Вацлавна Длужневская была моим давним другом и соавтором. Мы опубликовали вместе с ней несколько научно аннотированных фотоальбомов в России и за рубежом, а также ряд статей в журнале Отдела истории Востока Института востоковедения РАН «Восточный архив»³. В двух недавно вышедших номерах журнала был опубликован ее подробный обзор фондов Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН в Санкт-Петербурге, вызвавший интерес и благодарность коллег из ИВ РАН (Длужневская, 2013; 2014). Сотрудники ИВ РАН не раз вместе с Г. В. Длужневской создавали уникальные альбомы: она подбирала старые фотографии, они обрамляли изображения историческим контекстом.

С участием Галины Вацлавны подготовлены и изданы фундаментальные научные альбомы и историографические труды: «Санкт-Петербург 1863 г.» (1993), «Православные святые Балкан» (2004), «Мусульманский мир Российской империи» (2006), «Крым в прошлом» (2006, на русском и турецком языках), «Императорская археологическая комиссия» (2009), готовилась к изданию докторская диссертация по истории научных фондов ИИМК РАН. Благодаря ее содействию многие научные издания дополнены документальными и иллюстративными материалами по истории отечественного востоковедения.

За две недели до скоростной и безвременной кончины Галина Вацлавна завершила свою часть еще одного такого проекта: альбома из почти 300 открыток о Египте из коллекции выдающегося русского худож-

ника Ивана Билибина, который жил и работал в этой стране в 1920–1925 гг. Альбом готовился к печати в Каире на русском и арабском языках. Следующими проектами должны были стать альбом фотографий Египта, сделанных уже самим Билибиным, и альбом к 200-летию Института востоковедения РАН «Экспедиции российских востоковедов». Г. В. Длужневская, как всегда, собиралась принять участие в очередной конференции «Архивное востоковедение», прислала тему своего доклада. Увы, ее доклада мы уже не услышим... Но не раз еще вспомним наши встречи на конференциях, в архивах и музеях, в экспедиционных палатках и наши телефонные обсуждения совместных проектов. И с благодарной памятью полистаем созданные вместе с Галиной Вацлавной альбомы.

Приведу ниже мой перевод с турецкого языка фрагмента предисловия, написанного нами совместно для изданного Турецким историческим обществом аннотированного альбома «Крым в прошлом» (Длужневская et al., 2006). Этот фрагмент может служить крымским историографическим дополнением к материалам, вошедшим в диссертацию Галины Вацлавны, и одновременно дает представление о ее работе, рассчитанной на зарубежного читателя.

Начиная с прошлого века, в мировой географии культуры почти повсеместно произошли большие перемены. Разрушительное воздействие времени навсегда уничтожило или подвергло существенным изменениям бесчисленные бесценные произведения исторического, культурного и художественного значения, которые составляли общее наследие человечества и которые уже невозможно восстановить. Широкое распространение фотографии начиная со второй половины XIX в. позволило донести до нас хотя бы часть прошлого в той мере, в какой оно могло быть зафиксировано камерой и сохраниться на снимках до наших дней.

¹ 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12. Институт востоковедения РАН. Отдел истории Востока. Адрес электронной почты: dmivas@mail.ru.

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Заведующая фотоархивом в 1984–2004 гг. и заведующая Научным архивом в 2004–2014 гг.

³ Некролог Г. В. Длужневской, составленный редколлегией журнала «Восточный архив», опубликован в № 2(30) за 2014 г. (Беляков и др., 2014. С. 95).

Все это особенно актуально для Крымского полуострова. Крым, ставший родиной крымских татар и отождествляемый с ними, — регион, где, в особенности в периоды Золотой Орды и Крымского ханства, сложилась своеобразная цивилизация, богатая многочисленными произведениями искусства, занимает неоспоримое место в тюркско-исламской истории. Этот необычайной красоты край имел чрезвычайно большое значение и для России. Здесь произошли многие события, повлиявшие также и на судьбу российской истории. В период российского владычества на полуострове были созданы внушительные образцы императорской архитектуры и искусства. Кроме того, крымская земля хранит в себе многие произведения цивилизаций тех народов, которые жили здесь с давних времен до наших дней. А в последние сто лет в силу исторических и политических причин Крым стал ареной в высшей степени динамичных, а также очень трагических и разрушительных событий. В свете этих ужасных разрушений фотографии второй половины XIX – первой половины XX в. являются малочисленными, но абсолютно достоверными свидетелями, позволяющими нашим современникам представить себе огромные исторические ценности, которые уже невозможно восстановить. Многие произведения искусства и пейзажи, не дошедшие до нашего времени, остались лишь на этих фотографиях. Этой работой, благодаря фотографическим снимкам, большинство которых публикуется впервые, мы хотим осветить хотя бы малую долю утраченной истории.

Благодатные крымские земли во все времена влекли к себе людей и сохранили на своей территории следы цивилизаций Европы и Азии. При этом у путешественников, посещавших Крым, всегда возникало желание сохранить в памяти и запечатлеть пейзажи этого удивительного края. Сочетание архитектурных памятников старины и романтики природы вдохновляло ученых, поэтов, художников, а впоследствии и фотографов, благодаря которым в Российской академии наук собраны богатейшие фонды гравюр, рисунков и фотографий степных, горных и прибрежных районов Крыма.

Описанию Крыма уделил немало места в своих записках османский путешественник Эвлия Челеби, а в Европе первой публикацией о поездке в Крым стало изданное в 1630 г. в Лейдене «Описание Крыма» Мартина Броневского — посла польского короля Стефана Батория в 1578 г. Для изучения Сибири, Кавказа и Причерноморья русские императоры приглашали известных европейских ученых, совершавших много-

летние поездки по отдаленным районам империи. Наиболее ценные материалы были собраны в Крыму еще в 1793–1794 гг. немецким ученым Петером Симоном Палласом, часть трудов которого остается еще неопубликованной, а научное наследие сохраняет свою ценность и в наши дни. Путешественника сопровождал художник Гейсслер, выполнивший по заданию ученого зарисовки природы и древностей.

XIX век был знаменателен для Крыма целым рядом драматических событий, в которые были вовлечены многие народы и государства. К Крыму, его истории и культурному наследию возник очень широкий интерес, что повлекло за собой его систематическое и многоплановое научное изучение. Эти археологические, реставрационные и историко-культурные исследования продолжаются и в наше время. Материалы по Крыму были собраны в фондах Императорской археологической комиссии (ИАК), существовавшей с 1859 по 1917 г.; Российской, позже Государственной академии истории материальной культуры (РАИМК, ГАИМК), Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК АН СССР), Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР), Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН). В данных материалах отражены полевые и кабинетные исследования членов комиссий, сотрудников академии и институтов, а также множество материалов по реставрации памятников архитектуры и этнографии Крыма. При реорганизации ряда учреждений в 1920–1930-х гг. в фотоархив ГАИМК, как единственное в то время специализированное хранилище фотоматериалов, поступили собрания Государственного музейного фонда, Реставрационной мастерской Главнауки, Отдела охраны памятников Комитета по делам искусств и Комитета популяризации художественных изданий, библиотек Зимнего и Мраморного дворцов, то есть Собственной библиотеки Императора Николая II и библиотеки великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича. Фонды включают материалы по архитектуре «старой» и «новой» столиц России — Москвы и Санкт-Петербурга, их пригородов, иных областей Евразии; по выставкам, проводившимся в 1905–1929 гг. К данным коллекциям относятся фотодокументы начиная с 1840-х гг., крупноформатные отпечатки 60–90-х гг. XIX в., а также большое количество снимков по Крыму, где находились имения — летние дачи императорской семьи, великих князей и российской знати.

Фонды личного происхождения поступают в архив начиная с 1919 г. и содержат материалы 1861–1990-х гг. Здесь представлены работы знаменитых русских и западноевропейских мастеров фотоискусства К. К. Буллы, Алинари, Бонфиса, Ордэ, Гундермана, Надара, Себа и Жоайе и других. Неповторимые, как, собственно говоря, и все фотографические материалы, изображения собраны в фондах археологов, ориенталистов, искусствоведов: Н. И. Репникова, А. А. Бобринского, А. А. Спицына, Я. И. Смирнова, Б. В. Фармаковского, Л. А. Мацулевича и Н. П. Сычева; фотографов Н. Г. Матвеева, И. Ф. Чистякова, архитекторов М. Т. Преображенского, В. В. Сулова, Н. В. Султанова, К. К. Романова и др.; всемирно знаменитого ювелира К. Г. Фаберже. Весьма плодотворной в научном отношении поездкой в Крым была командировка ученого-востоковеда В. Д. Смирнова в 1886 г. Во время этой командировки некий крымский фотограф, вероятно всего Христофор Бабаев, проживавший в Феодосии, сделал представительную серию снимков (НА ИИМК РАН, ФО, О 380/1–33) по историко-культурным памятникам Крыма.

Большинство фотографий (всего 370 ед.), помещенных в альбоме, изданном Турецким историческим обществом, который вы держите в руках, хранится в Фотоотделе Научного архива ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. 27 фотографий предоставил турецкий историк Хакан Кырымлы из своей частной коллекции, и несколько фотографий происходят из коллекции Дмитрия Васильева. Общая информация о населенных пунктах, которые изображены на публикуемых нами фотографиях, взята из соответствующих статей самой значительной энциклопедии, изданной в царской России в конце XIX – начале XX в. — Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Статьи этой энциклопедии приведены здесь либо дословно, либо с сокращениями, в зависимости от их характера. Однако в целях сохранения оригинальности лексика в текстах статей, взятых из энциклопедии, в целом не изменена. Информация о некоторых фотографиях, находящаяся в архивах, дается совершенно без каких-либо изменений и приводится в кавычках после оригиналов фотографий. В местах, где есть значительные неточности в энциклопедических статьях и в подписях под фотографиями, а также там, где составители добавили дополнительную информацию, сделаны соответствующие пояснения и дополнения.

Назовем те фонды, в которых отложились материалы, связанные с историей и культурой Крымского полуострова.

Фонд 1. *Императорская археологическая комиссия (1859–1917), Российская археологическая комиссия (1918–1919).*

Снимки фиксируют полевые работы сотрудников Императорской Археологической комиссии (ИАК) и местных археологов, находки из раскопок, случайные находки; процесс реставрации памятников архитектуры на территории бывшей Российской империи, монументальной и станковой живописи; иллюстративный материал к археологическим изданиям. Большая часть снимков сделана в 1896–1918 гг. фотографом Императорской археологической комиссии И. Ф. Чистяковым в специально организованной фотолaborатории.

Снимки 1891–1895 гг. выполнены фотографом М. Романовичем, художником С. М. Дудиным и членом ИАК В. Г. Дружининым.

Полевые археологические работы проводились практически по всей территории Российской империи, в том числе в Крыму (раскопки в Керчи, Херсонесе, Евпатории). Более многочисленны фотодокументы реставрационных работ в Бахчисарайском дворце в 1913–1915 гг. (209 ед.), проводившихся архитектором С. С. Некрасовым; материалы по генуэзским памятникам Феодосии, церковному зодчеству в Керчи и ханской мечети в Евпатории (114 ед.).

Основу фотографической части фонда ИАК составляют альбомы П. П. Покрышкина, содержащие снимки, сделанные им в 1907–1917 гг. во время поездок по поручению комиссии в связи с реставрационными работами в разных областях России, в том числе в Крыму и Средней Азии, других исследователей, художников, мастеров фотодела. Снимки памятников центральных районов, в меньшей степени Крыма и Кавказа, сделаны известным русским фотографом И. Ф. Барщевским (1880–1890-е гг.).

Фонд 2. *Русское археологическое общество в Петербурге (1846–1925). Съемка: 1871–1908 гг.*

Представлены снимки И. Ф. Чистякова 1900–1908 гг., использованные в изданиях Общества, снимки Н. И. Репникова в Парthenите и др.; случайные находки и клады.

Фонд 4. *Ленинградский государственный музейный фонд (1918–1928). Съемка: 1873–1928 гг.*

Собрание включает фотографии из ряда частных коллекций, в том числе А. А. Бобринского — по раскопкам в Керчи, Ольвии и др.

Фонд 7. *Комитет популяризации художественных изданий (1920–1931). Съемка: 1890–1920 гг.*

В собрание вошли материалы Комитета и унаследованные им в 1920 г. материалы Издательства Общины Св. Евгении и Общества поощрения художеств в Петербурге. Видовые снимки 1896–1917 гг. городов и местностей европейской части России (Петербург – Петроград, его пригороды и др., в том числе фотодокументы по Крыму).

Издательство Общины Св. Евгении было образовано в Санкт-Петербурге 15 апреля 1896 г. с благотворительной целью, заключавшейся в материальной поддержке сестер милосердия. С самого начала его деятельности осуществлялась и вторая задача — художественное просвещение населения России путем воспроизведения картин, скульптур, графики на почтовых открытках. С 1871 г. выпускались бланки открытых писем, на которых виды городов занимали одну треть формата, а остальное место предназначалось для письма.

Открытки с оттиском марки появились с 1 мая 1872 г. С 19 августа 1894 г. появились иллюстрированные открытки частных лиц. 1895 годом датируется несколько открыток с видами Москвы, но не исключено, что в Петербурге они появились еще раньше. Видовые открытки получили наибольшее распространение с 1904 г.

Открытки знакомили публику с видами разных мест и городов Российской империи (Крыма, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа). Авторами работ были М. В. Добужинский, Е. Е. Лансере, С. П. Яремич, И. Э. Грабарь и др. Многие виды воспроизводились с фотографий известных фотомастеров конца XIX – начала XX в.: И. Ф. Барщевского, И. Н. Александрова и др. (*Острой*, 2000. С. 49–52; *Самуйликович*, 1985).

Фонд 8. *Дворец-музей Шуваловых в Петрограде — Ленинграде (1922–1925). Съемка: 1840-е — 1924 г.*

Снимки интерьеров дворца и предметов художественного собрания (картины, скульптура, резная кость, фарфор, мебель). Снимки из фотографического собрания графов Шуваловых, сделанные до 1917 г. фотографом М. Белявским и другими. Серия снимков с видами дворца в имении «Мисхор» в Крыму.

Фонд 44. *Библиотека Зимнего дворца (до 1917 г.). Съемка: 1880–1900-е гг.*

Собрание представляет собой часть коллекции фотоснимков, коллекционировавшихся императорской семьей (Императорами Александром II, Александром III и Николаем II) и хранившихся в Библиотеке Зимнего дворца.

Альбом с видами природы и архитектуры Крыма, Большого дворца в Ливадии (НА ИИМК РАН, ФО, Q 232). Он включает 45 фотографий размером 24 × 30 см, исполненных фотографом Его Императорского Величества А. Рыльским и, не исключено, — по повелению Императора Николая Александровича.

Альбом содержит снимки ландшафтов и памятников архитектуры Крымского полуострова: в Алушке — побережье, дворец Воронцовых-Дашковых; парковые сооружения в откупленном у Великого Князя Дмитрия Константиновича для императора Николая Александровича имении «Ореанда» — портик-ротонда и Крестовая скала с постройками; в Ливадии — Большой и Малый дворцы, внешние виды и интерьеры, вид церкви Воздвижения Честного Креста в Большом дворце, вид деревни Биюк-Ламбат; в Ялте — вид на бережной с моря.

Фонд 45. *Библиотека Мраморного дворца (до 1917 г.). Съемка: 1870-е — 1920-е гг.*

Коллекция сброшюрованных альбомов и отдельных фотоснимков, собиравшихся великими князьями Константином Николаевичем и Константином Константиновичем в течение 50 лет и хранившихся в библиотеке дворца, в котором с 1919 по 1937 г. размещались РАИМК НКП – ГАИМК НКП – ИИМК АН СССР. Снимки памятников архитектуры, живописи и скульптуры западноевропейских стран (Германия, Италия, Сербия и др.), Китая, Алжира, Египта; памятников архитектуры русских городов (Петербурга, Павловска, Троице-Сергиевой лавры и др.); ландшафтные и этнологические снимки Крыма, Восточной и Западной Сибири; железнодорожные и прочие мосты; снимки картин Эрмитажа и западноевропейских музеев.

Фонды 46–48. *Государственная Академия истории материальной культуры НКП (ГАИМК НКП) – Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМКАН СССР) – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР (ЛО ИИМК АН СССР) – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР) (1919–1991). Материалы поступали постоянно, на-*

чина с момента организации фотоархива. Съемка: 1919–1990 гг.

Собрание складывалось в процессе работ: 1) полевые снимки экспедиций ГАИМК–ИИМК–ЛОИИМК–ЛОИА; 2) снимки вещевого материала экспедиций и различных музеев страны; 3) снимки, связанные с работами Института археологической технологии ГАИМК. Представлены археологические памятники бывшего СССР и некоторые археологические памятники зарубежных стран (Венгрия, Румыния, Чехия, Словакия, Монголия, Вьетнам, Китай, Франция и др.); древнерусская архитектура и церковная живопись; этнография, антропология. Здесь же находится коллекция «Персоналия».

Фонд 65. Институт «Ленпроектреставрация» в Санкт-Петербурге. Съемка: 1980-е гг.

Снимки церкви Св. Ольги в Михайловке; церкви Св. Николая Чудотворца на Братском кладбище г. Севастополя: натурная съемка и архивные материалы; Владимирского собора г. Севастополя над могилами адмиралов: натурная съемка и архивные материалы.

Почти все эти материалы вошли в изданный Турецким историческим обществом альбом «Крым в прошлом»,

Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†)

Крымский альбом, изданный в Турции

Г. В. Длужневская в содружестве с коллегами из Института востоковедения РАН неоднократно создавала уникальные научные аннотированные фотоальбомы: она подбирала старые фотографии, а специалисты-востоковеды обрамляли изображения историческим контекстом.

С участием Галины Вацлавны подготовлены и изданы такие фундаментальные научные альбомы и историографические труды, как «Санкт-Петербург 1863 г.» (1993), «Православные святые Балкан» (2004), «Мусульманский мир Российской империи» (2006), «Крым в прошлом» (2006, на русском и турецком языках), «Императорская Археологическая комиссия»

и зарубежные историки, читатели и представители крымско-татарской диаспоры могут ознакомиться с фотодокументами, отражающими историко-культурные и природные памятники Крыма.

Литература

Беляков и др., 2014 — Беляков В. В., Васильев А. Д., Васильев Д. Д. Памяти коллеги и друга // ВА. 2014. № 2(30).

Длужневская, 2013 — Длужневская Г. В. Фонды Фотоархива Института истории материальной культуры РАН // ВА. 2013. № 2(28).

Длужневская, 2014 — Длужневская Г. В. Фонды Фотоархива Института истории материальной культуры РАН. (Окончание) // ВА. 2014. № 1(29).

Острой, 2000 — Острой О. С. Издательство Общины Св. Евгении // Пуниинские чтения – 99: Доклады и сообщения. СПб., 2000.

Самуйликович, 1985 — Самуйликович С. Петербург — Петроград — Ленинград в открытках 1895–1945 гг. (Введение к историко-библиографическому описанию). Л., 1985.

Dlujnevskaya et al., 2006 — Dlujnevskaya G. V., Kırımlı H., Vasilyev D. D. Eski fotoğraflarda bir zamanlar Kırım / AKDÜYK Türk Tarih Kurumu Yayınları. XXI. Dizi-Sa. 9. Ankara, 2006.

(2009). Благодаря ее содействию многие научные издания дополнены документальными иллюстративными материалами по истории отечественного востоковедения.

В настоящей статье приводится перевод содержательной части предисловия Г. В. Длужневской и Д. Д. Васильева к научно аннотированному альбому «Крым в прошлом», вышедшему в 2006 г. в Анкаре. Этот текст может служить своего рода крымским историографическим дополнением к материалам, вошедшим в докторскую диссертацию Г. В. Длужневской, и, одновременно, позволяет составить представление о ее работе, рассчитанной на зарубежного читателя.

D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†)

The Crimean Album published in Turkey

Galina Vatslovna Dluzhnevskaya, in cooperation with colleagues from the Institute of Oriental Studies RAS, many times published unique scientifically annotated photographic albums. She selected old photos which experts in oriental studies provided with a historical context.

Galina Vatslovna participated in preparation and publishing of such fundamental scientific albums and historiographic studies as 'Sankt-Peterburg 1863 g.' (*Saint Petersburg 1863*, 1993), 'Pravoslavnye svyatyni Balkan' (*Orthodox sacred places of the Balkans*, 2004), 'Musul'manskiy mir Rossiyskoy imperii' (*The Muslim world of the Russian Empire*, 2006), 'Krym v proshlom' (*Crimea in the past*, 2006, in Russian and Turkish), 'Imperatorskaya Arkheo-

logicheskaya komissiya' (*The Imperial Archaeological Commission*, 2009). Owing to her cooperation, many scientific publications were provided with documentary illustrative materials concerned with history of the national oriental studies.

The present article presents a Russian translation of the substantial part of the preface by G. V. Dluzhnevskaya and D. D. Vasil'yev to the scientifically annotated album 'Crimea in the past' published in 2006 in Ankara. This text can be considered as a kind of a Crimean historiographic supplement to the materials comprised by G. V. Dluzhnevskaya's doctoral thesis and, simultaneously, it enables us to make idea of her works intended for foreign readers.

Д. Г. Савинов¹

Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)

Ключевые слова: *изваяние, окуневская культура, женский образ, иконография, оберег, божество, Умай.*

Keywords: *sculpture, Okunevo culture, female image, iconography, amulet, deity, Umay.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-69-78

Среди многочисленных каменных изваяний Минусинской котловины одно изваяние, известное еще с петровских времен, до недавних пор оставалось единственным в своем роде. Это Усть-Есинская Кыс-таш («Девушка-камень»), открытая Д. Г. Мессершмидтом и описанная в трудах самых видных исследователей Южной Сибири — Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, И. Р. Фалька и М. А. Кастрена, В. В. Радлова и И. Р. Аспелина (подробнее об этом см.: *Грязнов*, 1950. С. 134–138) (рис. 1, 1–6). Именно Усть-Есинская Кыс-таш, отнесенная к реалистической группе изваяний окуневской культуры (*Вадецкая*, 1980. С. 37–147), являлась по сути дела единственным статуарным памятником, сходство которого с изображениями на костяных пластинках и стеатитовыми статуэтками из погребений окуневской культуры (рис. 2, 1, 2, 4, 5, 7, 8) ни у кого из исследователей сомнений не вызывало.

Второе по счету каменное изваяние типа Усть-Есинского было открыто П. Г. Павловым в 1988 г. при раскопках могильника Ар-Хая (Южная Хакасия) около улуса Полтаков, приблизительно в 2–3 км южнее места находки Усть-Есинской Кыс-таш (рис. 2, 9). Оно отличается тем, что на нем нет изображения длинных распущенных на две стороны волос, но зато показано большее количество реалий, увеличивающих наше представление об аксессуарах изображений данного типа. Полтаковское изваяние найдено в ряду других камней ограды тагарского кургана; при этом было вкопано горизонтально, боковой стороной вниз. Оно

представляет собой плиту подтреугольной формы из светло-коричневого песчаника размерами 0,8 × 0,6 м. Изображения, сильно выветренные и сглаженные, покрывали всю лицевую плоскость камня (на правой стороне плиты, возвышавшейся над уровнем современной поверхности, они почти не сохранились). Нижний край изваяния плоский. По всей видимости, первоначально плита была не вкопана, а установлена на каком-то плоском основании, иначе не были бы видны рисунки в нижней части камня.

Оформление изваяния из Ар-Хая заслуживает отдельного описания. Наверху здесь находится выделенное очень неглубокой выбивкой по контуру изображение человеческого (женского) лица подтреугольной формы (рис. 2, 9). Нос длинный, глаза миндалевидные, с «точкой» посередине. В самом низу показан небольшой овальной формы рот. По сторонам лица выбиты друг над другом по три круглых серьги (или, возможно, подвески): три из них (одна с левой и две с правой стороны) с несомкнутыми концами. По «плечам» изваяния спускаются узорчатые ленты — по четыре с каждой стороны, украшенные прямоугольными фигурами (накладные бляшки? аппликация?). В левой части камня внизу располагается геометрическая фигура, украшенная ромбическим орнаментом (мешок или сумка?). Некоторые детали Полтаковского изваяния, в первую очередь кольца-серьги и подтреугольный абрис лица, достаточно хорошо «узнаваемы»; другие (узорчатые ленты на «плечах», мешок или сумка на «поясе») ранее не были известны.

У каждого из этих изваяний своя история: у Усть-Есинской Кыс-таш довольно длинная и запутанная, у изваяния из Ар-Хая более короткая, неизвестная, но,

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра археологии.

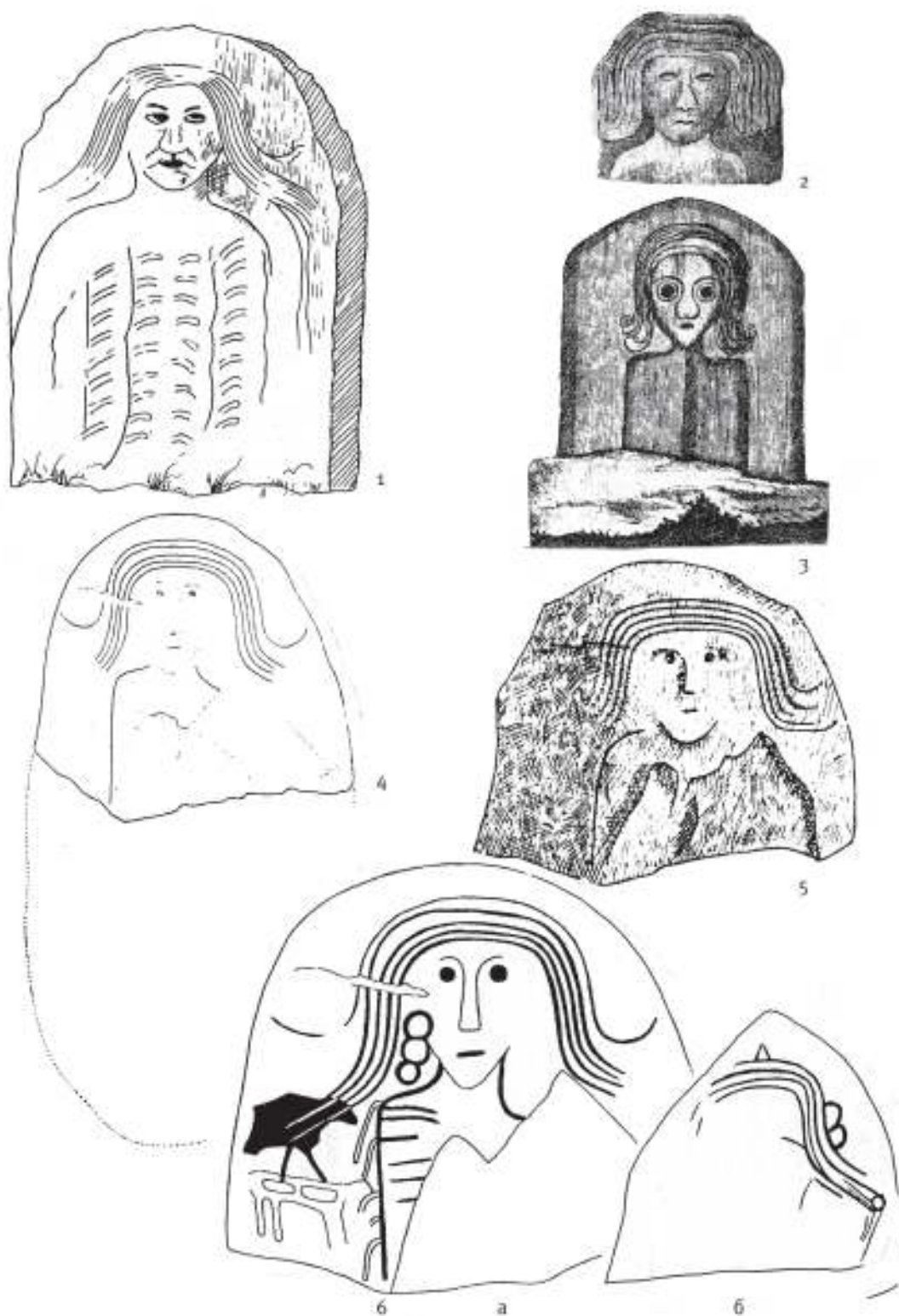

Рис. 1. Каменное изваяние Усть-Есинская Кыс-таш: 1 — рисунок Д. Г. Мессершмидта; 2 — по М. А. Кастрену; 3 — по И. П. Фальку; 4 — по М. П. Грязнову; 5 — по И. Р. Аспелину; 6 — по Н. В. Леонтьеву, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есину (2–5 — по Грязнов, 1950. С. 128–156).

Fig. 1. Ust-Yesinskaya Kys-Tash stone sculpture: 1 — drawing by D. G. Messerschmidt; 2 — after M. A. Kastren; 3 — after I. P. Falk; 4 — after M. P. Gryaznov; 5 — after I. R. Aspelin; 6 — after N. V. Leont'yev, V. F. Kapel'ko and Yu. N. Yesin (2–5 — after Грязнов, 1950. С. 128–156).

Рис. 2. Изображения женского персонажа в изобразительной традиции окуневской культуры: 1, 2, 5, 8 — «абаканские пластинки»; 3 — гравировка на стенках каменного ящика (Разлив X); 4, 7 — фигурки «таштыпского типа» (4 — реконструкция Л. А. Соколовой); 6 — Усть-Есинская Кыс-таш; 9 — Ар-Хая; 10–12 — гравированные гальки из Торгажак. На левой стороне рисунка линией показана предлагаемая схема развития данного образа (ссылки на источники даны в тексте).

Fig. 2. Images of a female personage in the figurative tradition of the Okunevo Culture: 1, 2, 5, 8 — 'Abakan plaques'; 3 — engraving on the walls of a stone cist (Razliv X); 4, 7 — figurines of the 'Tashtyp type' (4 — reconstruction by L. A. Sokolova); 6 — Ust-Yesinskaya Kys-Tash; 9 — Ar-Khaya; 10–12 — engraved pebbles from Torgazhak. On the left side of the drawing, a presumed scheme of the evolution of this image is shown by a line (source references are given in the text).

очевидно, не менее сложная. Вместе они каким-то образом дополняют друг друга и позволяют понять место подобных памятников в культуре древнего населения Минусинской котловины.

Как уже говорилось, изваяние Усть-Есинская Кыс-таш было обнаружено Д. Г. Мессершмидтом в районе Есь-Бельтирских юрт на юге Хакасии. «В этих Есь-Тя-Абаканских степях, — писал Мессершмидт, — я нашел очень много скифских могил, на камнях которых были вырублены разные фигуры» (*Мессершмидт*, 2012. С. 132). Среди них под № 1 значится Усть-Есинская Кыс-таш, изображение которой помещено в дневнике Мессершмидта вместе с другими рисунками на курганных плитах, обнаруженных им 18 августа 1722 г. (рис. 1, 1) (СПФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 1, л. 203–206). Впоследствии оно неоднократно описывалось и публиковалось. Помимо рисунка Д. Г. Мессершмидта, известны графические воспроизведения этого изваяния по Фальку, Кастрену, Аспелину, Грязнову (рис. 1, 2–5); наконец, наиболее точное — в Своде изваяний окуневской культуры Н. В. Леонтьева и В. Ф. Капелько — (рис. 1, 6) (*Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. Taf. 5, Nr. 16) и в русском варианте свода Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько и Ю. Н. Есина (*Леонтьев Н. и др.*, 2006. С. 112, № 16). Последняя копия (Там же) особенно ценна тем, что на ней показаны кольца-серьги, не замеченные другими исследователями, а также затертые рисунки в нижней части на обратной стороне плиты, свидетельствующие о ее неоднократном использовании (рис. 1, 6а).

Явное расхождение между всеми этими изображениями показывает, насколько по-разному видели исследователи древние изваяния и воспроизводили их не документально, а в соответствии со своими представлениями и художественными возможностями (рис. 1, 2–6).

Усть-Есинская Кыс-таш, по сути дела, — одно из первых ставших известными изваяний еще неоткрытой тогда окуневской культуры. М. П. Грязнов отмечал, что «первые сведения о памятнике (Усть-Есинской Кыс-таш. — Д. С.) были даны в 1739 г. Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным, которые называли его “кичик-куртуяк”» (*Грязнов*, 1950. С. 134). На самом деле, Миллером, шедшим «по следам» Мессершмидта, были даны первые указания об условиях нахождения уже ранее открытого памятника: «При одной маленькой и низенькой могиле, на запад от больших курганов... Камень этот назывался “кичик-куртуяк”, на котором было человеческое лицо с длинными волосами» (*Радлов*, 1894. С. 95). В дальнейшем, отмечает Миллер, «мы

встретили несколько “куртуяков”, в том числе “Большой куртуяк”» (Там же). Судя по описанию, имеется в виду изваяние Улуг Куртуяк-таш, также открытое Мессершмидтом (впоследствии перевезенное А. Н. Липским в Абаканский музей и ныне возвращенное на свое первоначальное место около улуса Онхаков. — Д. С.).

Поблизости, «на реке Аскизе, — продолжает Г. Ф. Миллер, — на половине подъема высокой горы оказалась столбообразная скала, а в последней небольшая плоская пещера с стоявшим в ней плоским камнем алебастровой породы, неправильные выпуклости которого (можно было) принять за изображение старухи. Этот камень и называют “Куртуяк”. Слово это служит вообще для обозначения каменной статуи (старухи — “Куртуяк”. — Д. С.). Рядом стояло “дитя старухи”, как уверяли татары (хакасы. — Д. С.), небольшой белый песчаник» (Там же. С. 94).

Приведенное описание, помимо всего прочего, интересно тем, что позволяет высказать два немаловажных предположения. Во-первых, очевидно, в традиционных представлениях существовала определенная иерархия каменных изваяний-куртуяков: наряду с большими (или Улуг — «великими») куртуяками были и маленькие — «кичик-куртуяки»; причем, возможно, изготавливались они из разных материалов. Во-вторых, некоторые из этих изваяний могли устанавливаться в специально «оборудованных» святилищах-пещерах. Нечто подобное можно предполагать и об условиях первоначального нахождения двух сохранившихся памятников этого вида — Ар-Хая и Усть-Есинской Кыс-таш.

История дальнейшего перемещения Усть-Есинской Кыс-таш подробно освещена в статье М. П. Грязнова (1950. С. 135–136). Так, по некоторым сведениям, оно стояло не на «маленькой могиле», как сообщает Миллер, а на кургане, известном у местного населения под названием «Кыс-Коза» («Девичий камень»). Скорее всего, это тоже не его первоначальное местонахождение, а название кургана было дано уже позднее по находившемуся на нем изваянию с изображением женского лица с распущенными (т. е. как у девушки. — Д. С.) волосами. М. А. Кастрен в 1817 г. осмотрел памятник и писал, что «около старой Сагайской церкви (Усть-Есь) лежит упавшее каменное изображение женщины, называемое “Кыс (девица)”, что раньше оно стояло на кургане Кыс-Коза (“Девичий камень”), теперь разрытом». В 1854 г. Н. А. Костров отмечал, что камень «“Кичик Кыс таш” находился уже в другом месте — у дер. Усть-Есь <...> между четырьмя разры-

тыми курганами» (Грязнов, 1950. С. 135–138). Наконец, В. В. Радлов, осмотревший Усть-Есинскую Кыс-таш в 1863 г., указывает, что «раньше Девичий этот камень стоял в другом месте <...> и был установлен здесь лишь лет пятьдесят назад» (Радлов, 1989. С. 432). Однако И. Р. Аспелин в 1887 г. на этом месте памятника уже «не застал». Нижняя часть его была отбита и переделана в маленький жернов, а верхняя часть, сколотая наискосок, перевезена Д. А. Клеменцем в Минусинский музей, где и хранится до настоящего времени (ММ, № 10).

Можно предполагать, что такой же непостоянной и даже драматичной была и «судьба» изваяния из Ар-Хая, в конце концов оказавшегося вкопанным «на боку» в ограде тагарского кургана около улуса Полтаков.

Несмотря на различия в передаче некоторых деталей, изваяния из Ар-Хая и Усть-Есинскую Кыс-таш объединяют большинство наиболее выразительных черт: близкие размеры; подтреугольная, со скругленной верхней частью форма плиты; плоское основание (для Усть-Есинского изваяния предположительно); строго фронтальное (в отличие от многих других окуневских изваяний) изображение на широкой стороне камня; удлиненный подбородок показанного на них женского лица; расположенные друг над другом кольца-серьги (по три с каждой стороны). На этом основании можно с уверенностью говорить, что данные памятники если (буквально) не одного и того же времени, то, во всяком случае, выполнены в одной изобразительной традиции, очевидно идентичного содержания и назначения.

Как то, так и другое изваяние («кичик-куртуяк»?) первоначально могли быть установлены в какой-то специально подготовленной для этого нише («пещере») и служить своего рода «домашним» святилищем, в отличие от «Больших» (или Улуг) куртуяк, к которым предположительно можно отнести еще два изваяния. Это — одно из изваяний, найденных в Уйбатской степи близ улуса Чарков с изображением расчесанных на две стороны волос и сложенными на груди (?) руками; и, возможно, еще одно изваяние из улуса Полтаков необычной Г-образной формы с таким же образом намеченными волосами и двумя расположенными друг над другом кольцами-серьгами (Вадецкая, 1980. Табл. XXXIV, № 27; XL, № 96; под теми же номерами см.: Леонтьев Н. и др., 2006). Другие наземные (статуарные) изваяния с «реалистическими» (по Э. Б. Вадецкой) изображениями, скорее всего, к данному виду памятников отношения не имеют.

Сравнение (в плане идентификации) костяных пластинок с изображением женского лица с распущенными волосами с изваянием Усть-Есинская Кыс-таш стало общим местом в сибирской археологии; однако в связи с рассматриваемой нами темой требует дополнительной конкретизации. В основе всех представленных на них изображений лежит, по сути дела, один и тот же изобразительный канон: рисунок, как правило, помещается на одном конце пластинки с лицевой стороны, показаны вытянутые очертания женского лица, длинные распущенные на две стороны волосы, по бокам кольца-серьги, в некоторых случаях ожерелье (рис. 2, 1, 2). В стилистическом отношении к ним наиболее близки пестикообразные фигурки из стеатита, иногда происходящие из одних и тех же погребений, которые по одной из первых находок на р. Таштып могут быть названы фигурками «таштыпского типа» (рис. 2, 4, 7).

Первые находки художественных изделий подобного рода были сделаны в г. Абакане в 1945 г. (Левашова, 1975. Рис. 5). В настоящее время серия таких же изображений происходит из наиболее известных памятников позднего (черновского) этапа окуневской культуры: Черновая VIII (Максименков, 1980. Табл. XXIV, 12, 15, 18); Уйбат V (Лазаретов, 1997. Табл. XIVб, 8, 9); Верхний Аскиз I (Хаврин, 1997. Рис. 1, 1–6; Ковалев, 1997. Рис. 1, 1–3). Все они получили наименование пластинок «абаканского типа». В позднеокуневском кургане Черновая XI найдены две такие пластинки. Одна из них отличается от всех остальных изображением роскошного головного убора, ниспадающего по обеим сторонам лица женщины, с четырьмя серьгами-подвесками и в этом отношении сближающаяся с изображением из Ар-Хая — рис. 2, 5 (Леонтьев С., 2000. Рис. 3, 4). Другая — с изображением треугольного абриса лица и схематично переданными прямыми волосами (рис. 2, 8) — близко напоминает иконографию одной из групп антропоморфных галек из карасукского поселения Торгажак — рис. 2, 10–12 (Савинов, 1996. Табл. XX–XXIV).

Эту серию изображений дополняет пластинка «абаканского типа», найденная А. И. Готлибом на све Чебаки (Готлиб, 2002. Рис. на с. 131). Центральный женский образ на ней отличается обилием дополнительных деталей: многочисленные поперечные линии, в которые как бы «завернута» фигурка (в этом отношении она напоминает другую группу — «запеленутые» гальки из Торгажака); ожерелье из вертикальных черточек; двойные кольца-серьги по сторонам лица, на котором нанесены короткие поперечные

линии (возможно, татуировка?). Как и на других пластинках «абаканского типа», показаны расчесанные на две стороны волосы, но, скорее всего, это не волосы, а «парик», так как на месте пробора находятся несколько поперечных черточек, как бы соединяющих две его части. Не исключено, что также с «париком» могли употребляться и некоторые фигурки «таштыпского типа», показанные (как и Ар-Хая) вообще без волос (рис. 2, 7).

Изображения на пластинках «абаканского типа» (соответственно, наиболее близкая к ним Усть-Есинская Кыс-таш, а теперь и Ар-Хая) имеют непосредственное отношение к пониманию феномена окуневского искусства. Не касаясь этой чрезвычайно сложной и до конца не решенной проблемы, отметим здесь основные аспекты историко-культурной интерпретации «реалистических» изображений типа абаканских пластинок и Усть-Есинской Кыс-таш.

В начале некогда возникшей дилеммы определения их культурной принадлежности (карасукская или андроновская культура?) лежит ошибочное отнесение С. А. Теплоуховым некоторых баночных сосудов с орнаментированным дном, ныне считающихся типично окуневскими, к андроновской культуре (Теплоухов, 1927. Рис. 8, табл. VII, 1; IX, 1, 2), что вполне объяснимо, поскольку окуневская культура будет выделена много лет спустя. Один из таких сосудов был включен в андроновский ряд и в таблицах классификации С. А. Теплоухова (Теплоухов, 1929. Табл. I, 13). Возможно, это связано с тем, что в материалах одних и тех же могильников (в данном случае Батени-«Ярки») произошло смешение различных культурных традиций, как это имело место в предшествующую эпоху в памятниках типа Тас-Хазаа.

Раскопанные С. А. Теплоуховым погребения впоследствии эпонимного памятника Окунев улус, в котором была найдена такая же керамика, были отнесены М. Н. Комаровой к раннеандроновскому времени или окуневскому этапу андроновской культуры (Комарова, 1947). Таким же образом были датированы погребения могильника Абакан, церковь (раскопки 1945 г.), в одном из которых (гробница 4) впервые были найдены гравировки с ликами женских «божеств» (пластинки «абаканского типа»). На этом основании М. П. Грязнов передатировал все минусинские каменные изваяния, ранее определенные им как карасукские, временем существования андроновской культуры. Решающую роль при этом сыграло изваяние Усть-Есинская Кыс-таш, имевшая явное сходство с изображениями на абаканских пластинках (Грязнов, 1950).

Рассматривая генезис минусинских каменных изваяний эпохи бронзы, М. П. Грязнов исходил из положения, что развитие это шло по принципу «от простого к сложному», а именно: от реалистических изображений (типа Усть-Есинской Кыс-таш) к более сложным, нереалистическим, насыщенным различного рода дополнительными деталями, но все они укладываются в рамки андроновского времени. «Это были первые опыты по изготовлению монументальных каменных изображений, — писал М. П. Грязнов, — приведшие в дальнейшем к созданию чрезвычайно своеобразного, многообразного по формам и в то же время единого стилистически типа минусинских каменных баб эпохи бронзы <...> Эти формы определены нами как ранние на основании близкого сходства их с группой раннеандроновских изображений женщин, в числе которых находится и одна каменная баба — Усть-Есинская Кыс-таш» (Там же. С. 142).

Идею М. П. Грязнова об однолинейной эволюции минусинских каменных изваяний в дальнейшем, но уже в рамках вновь выделенной окуневской культуры, пыталась обосновать Э. Б. Вадецкая, выделившая три группы окуневских антропоморфных изображений: простые, реалистические и сложные нереалистические (Вадецкая, 1980. С. 48), но какого-либо перехода от реалистических, к которым относится все та же Усть-Есинская Кыс-таш, к сложным нереалистическим все же не получилось (Там же. Рис. 4). Справедливое замечание по этому поводу было высказано Я. А. Шером, отметившим, что «из опубликованных памятников к первой группе — реалистической — относится только одно изображение (Усть-Есинская Кыс-таш. — Д. С.). При этом стилистическое подобие обнаруживается только между изображениями на костяных пластинках и усть-есинским изваянием. Но изваяние “Кыс-таш” было найдено вне комплекса. Его этнокультурная атрибуция неизвестна» (Шер, 1980. С. 220–221).

С передатировкой всех минусинских изваяний, предложенной М. П. Грязновым, не согласился С. В. Киселев, по-прежнему относивший основную их массу к карасукской культуре, а изображения типа Усть-Есинской Кыс-таш и абаканских пластинок продолжал считать андроновскими (Киселев, 1962. С. 58). «Соображения М. П. Грязнова в пользу такой передатировки всей серии древних изваяний меня не убедили», — писал С. В. Киселев (Там же. С. 55). «Хотя С. В. Киселев и М. П. Грязнов обособили в реалистическую группу почти одни и те же памятники, — отмечала Э. Б. Вадецкая, — между классификациями этих исследователей имелась существенная разница. М. П. Грязнов в реалистических изображениях видел раннюю форму

одного типа изваяний, т. е. реалистические и нереалистические считал звеньями одного искусства. С. В. Киселев же постоянно отмечал резкую разницу между этими изваяниями и стелы с нереалистическими личинами считал принадлежащими другой эпохе и другому народу, пришедшему в Минусинскую котловину из восточных районов» (*Вадецкая*, 1980. С. 41).

Дальнейшая дискуссия по этому поводу (андроновская или карасукская культура?) потеряла смысл с выделением окуневской культуры, но ближе к истине оказался С. В. Киселев. Однако, как сейчас ясно, решение данной проблемы лежит в совсем иной плоскости. Очевидно, что изображения типа Усть-Есинской Кыс-таш (а теперь и Ар-Хая) и абаканских пластинок представляют особую группу памятников, существовавших параллельно с «классическими» окуневскими и имевших свою стилистику и назначение (*Савинов*, 2006. С. 162–163). Основным источником их изучения по-прежнему остаются абаканские пластинки, типологически близкие к ним фигурки «таштыпского типа», а также два сохранившихся каменных изваяния (Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая). На самом деле их количество могло быть значительно большим.

Во всех этих изображениях, по-своему изящно стилизованных, представлен один и тот же образ прекрасной женщины в самом расцвете сил с роскошными волосами (или искусно переданным «париком») и украшениями. Образное описание его дано М. Л. Подольским, отметившим, что в этих изображениях «поражает нарочитый “вертикализм” композиции: очень вытянутое лицо с острым подбородком и прямым удлинённым носом, свисающие с ушей цепочки колец, ниспадающие пряди волос. Попытки свести специфические пропорции лица к особому антропологическому типу

надежной основы не имеют. Эти пропорции находят убедительное объяснение в композиционной цельности и поразительной одухотворенности образа <...> Изображался ли в каждом конкретном образе бог или обожествленный предок, его облик безусловно иконописен, он посредник в общении с небесными силами» (*Подольский*, 1997. С. 187).

Условия нахождения этих изображений различны: предметы мелкой пластики (гравировки на костяных пластинках и стеатитовые фигурки) найдены непосредственно в погребениях, как правило, в женских или детских, чаще всего по несколько экземпляров сразу (табл.). Это позволяет исключить подобные изделия из состава обычного сопроводительного инвентаря и рассматривать их как своего рода «обереги», материально-художественное воплощение идеи возрождения детских «душ» (?), или благополучной реинкарнации девочки–женщины–матери, освященной благожелательным присутствием обожествленного женского образа.

Скорее всего, до помещения в могилу эти изображения могли находиться в жилище и в этом отношении сопоставимы с культом сибирских онгонов, часть из которых исполняли ту же самую функцию. Эту параллель удачно использовала Л. А. Соколова, предложив реконструкцию «одетой» (по примеру онгонов) стеатитовой статуэтки — рис. 2, 4 (*Соколова*, 2012. Рис. 1, б). Такие места хранения (и почитания!) данной категории культовых изделий можно условно определить как «домашние» (или «семейные») святилища.

Статуарные памятники (изваяния) с изображением того же образа (Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая), представляющие собой каменные плиты размером в среднем, судя по Ар-Хая, 80 × 60 см, «экспонирова-

Таблица

Данные об условиях нахождения пластинок абаканского типа в некоторых погребениях окуневской культуры

Table

Data on the conditions of finding plates of the Abakan type in some burials of the Okunevo culture

Памятник	Кол-во пластинок	Состав погребенных	Источник информации
Абакан, церковь, мог. 4	2	Женщина с младенцем	<i>Левашова</i> , 1975. Рис. 5
Черновая VIII, кург. 9, мог. 7	4 (?)	Ребенок (девочка) 4–5 лет	<i>Максименков</i> , 1980. Табл. XXIV, 12, 13, 15
Верхний Аскиз I, кург. 1, мог. 9	6	Женщина 20–25 лет	<i>Хаврин</i> , 1997. Рис. 1
Верхний Аскиз I, кург. 2, мог. 11	3	Младенец	<i>Ковалев</i> , 1997. Рис. 1
Уйбат V, кург. 4, мог. 9	2	Младенец, около 1 года	<i>Лазаретов</i> , 1997. Табл. XIV, 8, 9

лись» по-другому. Плоское основание изваяния из Ар-Хая (такое же могло быть у Усть-Есинской Кыс-таш) позволяет предполагать, что подобного рода плиты — с фронтальным изображением по всей передней плоскости камня — не вкапывались, а устанавливались в специально отведенных для этого местах. Факт сооружения отдельных ниш для помещения в них предметов культа доказывается материалами того же карасукского поселения Торгажак, где такие ниши были оборудованы в стенах жилищ. В одной из них на оббитой по краям тонкой плите была установлена верхняя часть («голова») окуневского изваяния; в других найдены разбитые (намеренно?) каменные плитки с рисунками животных в «карасукском» стиле (Савинов, 1996. Рис. 6). Дополнительным подтверждением существования таких специально оборудованных мест для помещения подобных изваяний могут служить приведенные выше сведения о нахождении «куртуяк-таш» в пещерах, внутри («на склоне») почитаемой горы. Такие места почитания этого обожествленного персонажа могли играть роль более крупных («родовых») святилищ.

По условиям нахождения и, очевидно, содержанию проводившихся обрядовых действий они принципиально отличны от крупных степных (условно — «племенных») святилищ с «классическими», установленными рядами окуневскими изваяниями, часть из которых были археологически исследованы Л. Р. Кызласовым. Обнаруженные при этом артефакты (кости животных, фрагменты керамики, оббитые песчаниковые диски), несмотря на свою малочисленность, свидетельствуют о проводившихся здесь, у подножия изваяний со сложными «нереалистическими» изображениями, обрядах жертвоприношения, связанных с совершенно иным кругом представлений (Кызласов, 1986. С. 87–136). Особенно много таких святилищ в Уйбатской степи (район улуса Чарков), очевидно, бывшей во все исторические эпохи сакральным центром Минусинской котловины.

Изображения женских ликов с распущенными волосами появляются в момент расцвета окуневской изобразительной традиции. Устойчивая иконография и своеобразная стилизация в передаче этого женского образа, независимые от материала и вида изобразительной деятельности (каменные плиты — статуарные изображения, гравировки по кости, мелкая пластика), говорят о значении его в жизни и ритуальной практике населения окуневской культуры. При этом традиция изготовления (и, очевидно, почитания) подобных изображений не ограничивается хронологическими

рамками окуневской культуры, а продолжает существовать и в последующее время.

В этом отношении наиболее показательна одна из групп гравированных галек карасукского поселения Торгажак, также передающих образ нарядно одетой женщины. Явное сходство между ними не нуждается в особых доказательствах: тот же подтреугольный абрис схематически переданного лица, таким же образом показанные глаза и рот, длинные распущенные на две стороны волосы — рис. 2, 10–12 (Савинов, 1996. Табл. XX–XXI). В гравировках на одной из плит кургана Разлив X те же женские персонажи с распущенными волосами и характерным вытянутым подбородком показаны в профиль — рис. 2, 3 (Пшеницына, Пяткин, 2006. Рис. 3). Одна из них, более мелкая, представлена в длинном одеянии, украшенном геометрическими узорами, такими же, как на антропоморфных гальках из Торгажака (Савинов, 2003. Рис. 18, 19). В деталях изображений особенно велико сходство между изваянием из Ар-Хая, двумя пластинками абаканского типа из Черновой XI и некоторыми антропоморфными гальками из Торгажака: характерные, соединенные по несколько друг над другом кольца-серьги (или подвесные украшения?), накинутые на «плечи» узорчатые ленты (на пластинке из Черновой XI — головной платок), прямые пряди распущенных на две стороны волос; в некоторых случаях, как на Ар-Хая, подвешенная на «поясе» сумка (или мешок) с геометрическим орнаментом (рис. 2, 5, 8, 9).

Эти изображения занимают как бы промежуточное место между «классическими» пластинками «абаканского типа» и гравированными гальками из Торгажака, что позволяет представить общую схему их развития (рис. 2; связь между отдельными группами изображений показана на левой стороне рисунка). По этой схеме, Усть-Есинская Кыс-таш одновременно пластинкам «абаканского типа». Каменное изваяние из Ар-Хая относится к несколько более позднему времени, хотя, насколько именно, сказать трудно. Скорее всего, их хронологическое соотношение такое же, как могильников Черновая VIII и Черновая XI. Производными от них являются гравировки с передачей того же самого персонажа на торгажакских гальках. Таким образом, в данном виде изображений окуневская изобразительная традиция, минуя андроновскую, переходит в карасукскую.

По сути дела, к такому же заключению и на тех же фактических материалах, благополучно «обойдя» все сделанные по этому поводу выводы из вышедших за последние годы работ (см. Савинов, 2006; 2015), при-

шла в своей обзорной статье Э. Б. Вадецкая (2016. С. 210–219). А это означает, что идея однолинейного эволюционного развития иконографии антропоморфного образа окуневского искусства по принципу «от простого к сложному», или от реалистических к не-реалистическим, вообще теряет смысл. «Реалистические» изображения стоят не в начале типологического ряда, а образуют отдельное направление уже внутри существующей окуневской изобразительной традиции, стилистические отличия которых определяются, в первую очередь, их внутренним содержанием. И в таком канонизированном виде продолжают существовать и в последующее время.

Говорить о семантике рассматриваемого персонажа можно, исходя, в первую очередь, из контекста нахождения его изображений. Абаканские пластинки и фигурки «ташгыпского типа» — этого своего рода «обереги», найденные непосредственно в погребениях женщин и детей. Более высокое положение в иерархии данного образа, очевидно, занимали статуарные памятники (типа Усть-Есинской Кыс-таш и Ар-Хая), находившиеся в специально сделанных (?) для них нишах-святилищах. Что касается торгожакских галек, то, исходя из условий нахождения (там, где удалось проследить), их изготовление и использование, скорее всего, было связано с проведением сезонных «праздников» или обрядов генеалогического цикла, нацеленных на обеспечение благополучия женщин и рождения детей (Савинов, 2003. С. 68–69), то есть в том семантическом поле, что и подобных им изображений окуневской культуры.

Приведенных материалов достаточно, чтобы конкретизировать внутреннее содержание (семантику) образа женщины с распущенными волосами в окуневской изобразительной традиции. В первую очередь, это явно не случайное внимание к изображению распущенных волос: волосы как средоточие витальной субстанции человека; распущенные или, наоборот, заплетенные волосы как ритуально-знаковое обозначение возрастного (и семейного) положения девочки-женщины являются одним из самых устойчивых элементов духовной культуры традиционных обществ, независимо от времени их существования. Судя по исполнению женским персонажем абаканских пластинок и изваяний типа Ар-Хая и Усть-Есинская Кыс-таш определенного круга функций (женщины–дети) и высокой степени персонификации, данный образ больше всего напоминает будущую богиню древнетюркского пантеона Умай, которой посвящена одна из ранних работ Г. В. Длужневской (1978). По всей вероятности,

изобразительное воплощение данного образа могло меняться в зависимости от традиций и художественных идеалов своего времени, сохраняя при этом свою основную общественную функцию — покровительницы и охранительницы женщин и детей.

Литература

- Вадецкая, 1980 — Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Вадецкая, 2016 — Вадецкая Э. Б. Окуневские изваяния: обзор некоторых результатов их изучения // Алтай в кругу Евразийских древностей. К 70-летию В. Д. Кубарева / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2016.
- Готлиб, 2002 — Готлиб А. И. Горные сооружения — «све» — новый вид археологических памятников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова / отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб., 2002. Кн. I.
- Грязнов, 1950 — Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. Т. XII.
- Длужневская, 1978 — Длужневская Г. В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
- Киселев, 1962 — Киселев С. В. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962.
- Ковалев, 1997 — Ковалев А. А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Комарова, 1947 — Комарова М. Н. Погребения Окунева улуса. К вопросу о хронологическом разделении памятников андроновской культуры Минусинского края // СА. 1947. Т. IX.
- Кызласов, 1986 — Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Левашова, 1975 — Левашова В. П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии / отв. ред. А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Новосибирск, 1975.
- Леонтьев С., 2000 — Леонтьев С. Н. Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая XI // Вестник САИПИ. Кемерово, 2000. № 2.
- Леонтьев Н. и др., 2006 — Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.

- Максименков, 1980 — Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков. Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Мессершмидт, 2012 — Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722. Абакан, 2012.
- Подольский, 1997 — Подольский М. Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Пшеницына, Пяткин, 2006 — Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Курган Разлив X — памятник окуневской культуры // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2006.
- Радлов, 1894 — Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. II. Вып. 1.
- Радлов, 1989 — Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Савинов, 1996 — Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996.
- Савинов, 2003 — Савинов Д. Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретации) // АЭАЕ. 2003. Т. 14. № 2.
- Савинов, 2006 — Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2006.
- Савинов, 2015 — Савинов Д. Г. Стратиграфия окуневского искусства // Искусство бронзового века: Материалы Международ. симп. (Штральзунд, Германия, 15–19 апр. 2013 г.) / ред. С. Хансен, В. И. Молодин. Новосибирск; Берлин, 2015.
- Соколова, 2012 — Соколова Л. А. Окуневское искусство как отражение реальной жизни // Археологические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К юбилею С. В. Студзицкой и М. Ф. Косарева / ред. М. П. Чёрная, Л. А. Чиндина. Томск, 2012.
- Теплоухов, 1927 — Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. Л., 1927. Т. III. Вып. 2.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации металлических культур в Минусинском крае. (В кратком изложении) // МЭ. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2.
- Хаврин, 1997 — Хаврин С. В. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / сост. и ред. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб., 1997.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Leont'ev, Kapel'ko, 2002 — Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F. Steinstelen der Okunev-Kultur // Archäologie in Eurasien. Berlin; Manz, 2002. Bd. 13.

Д. Г. Савинов

Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)

Статья посвящена сравнительному анализу нескольких видов изображения женского образа в искусстве окуневской культуры: на каменных изваяниях (Усть-Есинская Кыс-таш и Ар-Хая), костяных пластинках (абаканского типа) и стеатитовых статуэтках (таштыпского типа), а также на гравированных гальках с передачей того же образа из карасукского поселения

Торгажак. На основании проведенного анализа делается вывод о существовании самостоятельной изобразительной традиции, связанной с почитанием женского божества, по своему назначению — покровительницы женщин и детей, — сопоставимого с одним из главных персонажей древнетюркского пантеона — богиней Умай.

D. G. Savinov

Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)

This paper is dedicated to comparative analysis of a series of female images in the art of the Okunevo Culture. It is stone sculptures (Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya), bone plaques (of the Abakan type) and steatite statuettes (of the Tashtyp type), as well as engraved pebbles with the representation of the same image from the Kara-Suk set-

tlement-site of Torgazhak. On the basis of the analysis conducted, it is concluded that there existed an independent figurative tradition concerned with worship of a female deity who was a protector of women and children. This image is comparable with one of the main figures of the ancient Turkic pantheon, i. e. the goddess Umay.

К. В. Чугунов¹

Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Центральная Азия, культурные импульсы, дифференциация культур, хронология, субстрат.

Keywords: Late Bronze Age, Central Asia, cultural impulses, differentiation of cultures, chronology, substrate.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-79-85

Эпоха поздней бронзы в Туве и Центральной Азии в целом продолжает оставаться одним из наименее изученных периодов, несмотря на неоднократные попытки осмысления этого круга древностей. В конце 1980-х гг., во многом благодаря беседам с Г. В. Длужневской, автором был проведен анализ по формальным признакам и первичная систематизация всех имевшихся к тому времени материалов по так называемым курганам монгун-тайгинского типа (Чугунов, 1994. С. 43–53). Представленная схема эволюционного развития этих безынвентарных памятников, выделенных в отдельный тип А. Д. Грачом (Грач, 1971. С. 93–106), была призвана, с одной стороны, дифференцировать весь их обширный массив, с другой — высказать соображения об относительной хронологии отдельных типов сооружений. В рамках этого исследования, как представляется, удалось показать синхронность некоторых захоронений в цистах на горизонте кургана Аржан-1, обозначив их отличие от курганов монгун-тайгинского типа с вытянутыми на бок скелетами и сильно скорченной позой погребенного (Чугунов, 1992а. С. 31–33; 1992б. С. 78–79; 1994. С. 43–53). Ранее Л. Р. Кызласов справедливо синхронизировал с Аржаном-1 исследованный им могильник Шанчиг (Кызласов, 1977. С. 69–86), после чего этот пласт памятников вошел в науку как курганы шанчигского типа. Между тем отнесение им к культуре скифского времени Тувы ряда памятников, в которых зафиксированы погребения на боку или на спине в узких ямах или цистах на горизонте (Кызласов, 1979. С. 41–47), тогда вызвало возражения, так как большинство этих комплексов явно тяготеют к монгун-тайгинской традиции.

Исследователи касались отдельных аспектов изучения безынвентарных курганов монгун-тайгинского типа, в основном, в связи с рассмотрением культуры эпохи ранних кочевников Тувы и акцентировали внимание на участии предшествующего компонента в ее форми-

ровании (Савинов, 2002. С. 13–16). В целом такое участие констатируется именно как субстратная основа (Семенов, Чугунов, 1987. С. 73–76; Семенов, 2000. С. 134–157), при этом подчеркивается, что традиция погребального обряда монгун-тайгинского типа «не была принесена откуда-то извне, а формировалась постепенно в среде многочисленного местного населения на протяжении всей эпохи бронзы» (Савинов, 2002. С. 16). Этот вопрос требует специального более подробного рассмотрения с учетом вновь открытых комплексов и последних исследований.

Благодаря тому, что в Туве и вблизи ее границ в последние годы проводятся широкомасштабные раскопки в зонах новостроек и результаты их довольно быстро вводятся в научный оборот, база источников по курганам монгун-тайгинского типа значительно выросла (Килуновская, 2014. С. 88; Килуновская и др., 2015. С. 193–194, рис. 6; 7; Амзараков и др., 2015. С. 72–83). Еще более важны для изучения эпохи бронзы в регионе результаты раскопок последних лет в Монголии. Здесь исследованы памятники разных типов и для них получены радиоуглеродные даты, позволившие предложить колонную секвенцию археологических культур на этой ключевой территории, до недавнего времени чрезвычайно слабо изученной (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 104–117; 2014. С. 194–225). На юго-западе Монголии выделена байтагская культура XII–X вв. до н. э., материалы которой ассоциируются с древностями Среднего Енисея. Предполагается, что основной ареал ее расположен на территории Китайского Алтая. Авторы исследований относят к монгун-тайгинской культуре исследованные ими в пределах одних могильников памятники, которые характеризуются как насыпи-платформы с крепидой, содержащие скелеты погребенных, уложенных вытянуто на бок в ямах или низких цистах на горизонте (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 106). Для таких комплексов по костям погребенных получена суммарная радиоуглеродная дата (по семи определениям), расположенная в интервале 1210–1010 cal BC. Отмечено, что в Монгольском Алтае курганы с цистами на горизонте, вероятно, появляются несколько ранее, так как здесь

¹ 190000 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: chugunovk@mail.ru.

одна из дат показала значение 1620–1200 cal BC. Авторами предполагается общий временной интервал культуры с XIV по XI в. до н. э. Из всего массива памятников, которые принято именовать херексурами, исследователями выделены курганы с трапециевидной оградой-крепидой и крупными камнями в ее углах. Они также содержат невысокие цисты в центре, однако погребальная поза захороненных в них людей не установлена. Наблюдения за топографией их расположения, по мнению авторов, позволяют предполагать более поздний возраст таких сооружений по отношению к монгун-тайгинским курганам. Курганы с высокими цистами, связанные с оленными камнями, относятся уже к раннему железному веку. Именно у этих памятников зачастую фиксируются радиальные выкладки, соединяющие внешнюю ограду и наземное сооружение в центре. Херексур такого типа Хар Говь, исследованный на западе Монголии, датирован радиоуглеродным методом временным интервалом 1200–750 лет до н. э. (Там же. С. 110).

Таким образом, в эпоху поздней бронзы в Монголии выявляется довольно мозаичная картина, которая предполагает сосуществование на определенном этапе различных культурных традиций. Представляется, что в это время горные долины Верхнего Енисея были периферийной зоной этого круга культур. Вместе с тем постулируемая авторами исследований последовательность культур в Монголии едва ли может быть прямо перенесена на древности Тувы. Не исключено, что проникновение сюда каких-то отдельных скотоводческих групп населения из разных регионов Монголии могло происходить как в разное время, так и одновременно. Соответственно, и хронология памятников разных типов может как соответствовать монгольской секвенции культур, так и быть обратной. Кроме того, в условиях горных ландшафтов небольшие по численности и различные по происхождению популяции должны быть более подвержены культурному синтезу, в результате которого могли вырабатываться новые традиции, нашедшие отражение в памятниках иного типа по отношению к исходным центрам. Поэтому утверждение, высказанное исследователями, что в Туве не прослежены при раскопках некоторые особенности наземных конструкций, зафиксированные в Монголии, не имеет серьезных оснований. Во всяком случае, каменные «платформы», характерные для сооружений монгольского варианта монгун-тайгинской культуры, отсутствовали в могильниках Бай-Даг III и Торгалыг II, где исследованы узкие могильные ямы с погребенными на боку (Семенов, 2000.

С. 134–157). Важно, что именно в таких комплексах, несмотря на безынвентарность подавляющего их большинства, все же найдены артефакты, сопоставимые с предметным комплексом карасукской культуры — наконечники стрел из кремня и кости, бронзовые кольца в 1,5 оборота.

В этом же ряду следует рассматривать и вновь открытые памятники иджимского типа, давшие еще более представительные материалы. Думаю, что предложенная узкая дата комплекса кургана 7 могильника Саяны-Пограничное-4 — вторая половина IX в. до н. э. (Амзараков и др., 2015. С. 79) — несколько завышена. Аргументы, которые приводят авторы для ее обоснования, основаны на дате баиновских комплексов (анalogии ножу) и на дате кургана Аржан-1 — рубеж IX–VIII вв. до н. э. (по аналогиям псалям и наконечнику стрелы). Представляется, что они не бесспорны. Авторы справедливо отмечают отсутствие вещей, подобных найденным, в комплексе кургана Аржан-1 и констатируют более ранний возраст исследованного погребения. Однако представляется, что чрезвычайно монолитный в типологическом отношении материальный комплекс, отраженный в Аржане-1, уже сложился во второй половине IX в. до н. э., иначе несомненно включал бы какие-то архаичные экземпляры стрел или узды. Скорей всего, курган 7 могильника Саяны-Пограничное-4 должен датироваться несколько более ранним временем, возможно, в пределах X — начала IX в. до н. э. На эту дату указывает и бронзовый листовидный наконечник стрелы с максимальной шириной в нижней части. Нельзя согласиться с утверждением, что этот тип стрел тяготеет к форме стрел Аржана-1. Такая форма характерна, в частности, для изделий из памятников бегазы-дандыбаевской культуры (Бейсенов и др., 2014. Фото 31). Показательно, что в комплексах финала эпохи бронзы и переходного времени представлены наконечники других типов — с узкими лопастями или листовидные с шипом (Кызласов, Маргулан, 1950. С. 126–136; Ермолаева, 2012. Рис. 61), хотя надо признать, что типологическое развитие стрелкового набора для этого периода нуждается в уточнении и специальной разработке. Что касается аналогий ножу, то надо учитывать, что баиновский пласт памятников, где находятся наибольшие соответствия, вероятно, возник в результате внешнего культурного импульса. По мнению исследователей эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, такие импульсы фиксируются несколько раз — в конце первого этапа и в начале четвертого (баиновского) этапа развития культуры

(Лазаретов, Поляков, 2008. С. 50–53; Поляков, 2013. С. 413). Предполагается, что исходная территория инноваций может быть связана только с юго-восточными областями. Соответственно, новые для населения Среднего Енисея типы изделий на этих исходных территориях могут датироваться несколько ранее. Кроме того, погребальная поза, зафиксированная в могильнике Саяны-Пограничное-4, типична как раз для ранних этапов карасукской культуры, а не для байновского этапа (Амзараков и др., 2015. С. 72–83; Поляков, 2009. С. 40–43). Особое положение погребенного «на боку влоборота», абсолютно доминирующее на двух первых этапах, исчезает уже в конце третьего (лугавского), сменяясь погребальной позой на спине (Поляков, 2009. С. 43, табл. 1). Таким образом, захоронение на Иджиме демонстрирует какие-то контакты населения горно-таежных областей Саян с племенами, обитавшими к северу от гор.

Важно, что обратная ситуация зафиксирована в некрополях карасукской культуры, где небольшая по количеству группа захоронений на боку (вариант Б, по А. В. Полякову) сопровождается керамикой, которая «по сумме признаков очень близка к посуде саргары-алексеевских памятников» (Там же. С. 41). Выделенная группа «атипичной» керамики, помимо нехарактерной для карасукской культуры орнаментации, включает значительный процент присутствия налепных или формованных валиков. Кроме того, исследователи констатируют парадоксальный с их точки зрения факт, что появление такой керамики в конце первого этапа сопровождается новыми категориями бронзовых изделий, происхождение которых можно связать, с одной стороны, «с наследием андроновской культурно-исторической общности», с другой — «с центрально-азиатским регионом» (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 50). Одним из объяснений этого парадокса они считают возможную миграцию какой-то группы пост-андроновских племен (носителей саргаринско-алексеевских традиций) на Средний Енисей с юга, через Туву (Там же. С. 51). Такая трактовка вполне согласуется с предложенной концепцией формирования ранних кочевых культур на территории Саяно-Алтая (Чугунов, 2015. С. 457–486), но показывает, что миграционные импульсы сейчас можно датировать несколько более ранним временем.

Еще в 2002 г. в качестве гипотезы было высказано предположение об отождествлении племен, оставивших херексуры Монголии, с носителями индоиранских традиций, связываемых с андроновской культурно-исторической общностью (Чугунов, 2002. С. 142–149).

Основанное на диахронном распространении ремисценций радиальной планировки в памятниках эпохи бронзы и раннего железа, оно, казалось бы, вступает в противоречие с новыми датировками херексуров с лучевыми выкладками, которые отнесены к эпохе раннего железа. Однако дата херексура Хар Говь, приведенная выше, не исключает отнесение его и к концу II тыс. до н. э., что допускает существование традиции таких сооружений еще в эпоху поздней бронзы. Северная граница таких херексуров проходит по хребту Танну-ола на юге Тувы. Курганы с высокими цистами, распространенные севернее, могут являться результатом влияния этой традиции и датироваться как синхронно, так и более поздним временем. Вероятно, следует согласиться с тем, что объединять их с другими типами курганов монгун-тайгинской культуры нельзя, но правомерно предположить, что такие сооружения могут являться результатом синтеза традиций, с одной стороны, восходящих к ней, с другой — к херексурам Центральной Монголии. На такую возможность указывает и то, что в центральных аймаках Монголии сейчас исследованы и типичные монгун-тайгинские памятники с захоронениями на боку, что предполагает сосуществование здесь двух традиций (Цыбиктаров, 2003. С. 173–176). Впрочем, следует учесть, что в конце II тыс. до н. э. могло происходить (и, вероятно, происходило) изменение ареалов различных популяций — они могли как увеличиваться, так и уменьшаться. На современном этапе изучения древностей эпохи бронзы Монголии такие изменения пока уловить невозможно, и все выводы могут быть только гипотетичными. Определенно можно утверждать лишь то, что все эти процессы, безусловно, оказывали существенное влияние на формирование культурного облика населения Тувы и, вероятно, Хакасско-Минусинской котловины.

Важно также отметить, что к югу от этого, пока еще слабо дифференцированного, пласта культур уже в середине II тыс. до н. э. функционировал мощный цивилизационный центр шанского Китая. Предполагается, что территория Монголии служила ретранслятором некоторых новаций оттуда, зафиксированных в памятниках Саяно-Алтая. К таковым относят ряд категорий бронзовых ножей и «модели ярма» в карасукских и лугавских комплексах. Как указано выше, впервые импульс с юго-востока проявляется уже в конце первого этапа карасукской культуры, то есть, по китайской хронологической шкале, не позже XIII в. до н. э. (Поляков, Святко, 2009. С. 34). Вместе с тем само сложение культуры эпохи Шан, по мнению

исследователей, происходило под воздействием носителей сейминско-турбинских металлургических традиций, которые проникли на центральную равнину Китая с севера. В культурах Западной Сибири комплексы с находками бронз сейминско-турбинского круга сейчас датируются концом III тыс. до н. э. (*Молодин*, 2015. С. 105). Локализация исходного ядра этого транскультурного феномена до конца не выяснена, но предположительно связывается с доандроновским населением Алтая с его богатой рудной базой и с территорией Синьцзяна (*Черных, Кузьминых*, 1989; *Черных*, 2013. С. 283). Соответственно, племена, в андроновскую и постандроновскую эпоху населявшие регионы, непосредственно прилегающие к монгольскому и китайскому Алтаю, могли быть генетически связаны с этим первым импульсом. Основной путь этой миграции, имевшей место в первой половине II тыс. до н. э., вероятно проходил по традиционной и для более позднего времени природной горно-степной «магистральной» вдоль юго-западных отрогов Алтая. Находки эпохи бронзы, известные в этом регионе (*Бехтер, Хаврин*, 2002. С. 73–78), прямо указывают на присутствие здесь носителей культур степной Евразии в период становления древнекитайской цивилизации. Не углубляясь в эту чрезвычайно сложную проблематику, выходящую за рамки данной работы, замечу, что декларируемое А. А. Ковалевым и Д. Эрдэнэбаатаром участие в процессе трансляции традиций металлообработки из Западной Сибири в Китай выделенной ими в Монголии мунх-хайрханской культуры эпохи развитой бронзы (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2014. С. 222) нуждается в дополнительной аргументации. Связь ее материального комплекса с кругом сейминско-турбинских бронз позиционируется авторами на основании находки бесчеренкового ножа в кладе из Верхней Мульги вместе с копьем и кельтом. Такие ножи с треугольным сечением по всей длине, по мнению исследователей, являются своеобразными маркерами влияния носителей мунх-хайрханских традиций на культуры Севера и Северо-Запада Китая (Там же. С. 217–221). Представляется, что для такого вывода недостаточно одной довольно простой и весьма вариативной категории предметов, распространенных, как показано в статье, очень широко. Признак, по которому они объединены (треугольное сечение по всей длине), можно встретить и в другом контексте. Например, на поселении Мыльниково, датированном всем комплексом находок переходным периодом к эпохе раннего железа, имеется нож, соответствующий таким параметрам (*Патин, Шамшин*, 2005. С. 136, рис. 10, 4). Кроме того, если будет подтверждено, что эта культура оставлена носителями монголоидного

антропологического типа², едва ли возможно отвести ей роль транслятора андроновских традиций. Во всяком случае, необходимы дальнейшие исследования этого культурного образования, в том числе и методами традиционной краниометрии.

Обобщение антропологических исследований на территории Западной Сибири с включением известных данных из памятников Саяно-Алтая для древних популяций эпох неолита — раннего железа было проведено Т. А. Чикишевой (*Чикишева*, 2012). Анализ обширного материала позволил ей выделить в качестве самостоятельного таксона высокого уровня особую южную евразийскую антропологическую формацию, характеризующуюся своеобразной европеоидно-монголоидной промежуточностью расовых признаков (Там же. С. 180). Эта формация выступает субстратной основой населения на чрезвычайно обширной территории, обеспечивая физическое сходство древних популяций на протяжении длительного времени. На этом фоне уверенно фиксируется миграционный импульс носителей андроновской культуры, который проходил с территории Казахстана по югу Западной Сибири до Енисея, вовлекая в сферу своего влияния другие культурные образования. В частности, прослеживается и бегазы-дандыбаевский компонент (Там же. С. 181).

В более ранней работе, посвященной антропологическому составу ранних кочевников Тувы, Т. А. Чикишева (2008. С. 120–139) пришла к нескольким важным выводам, которые имеют большое значение и для понимания предшествующего периода. Сравнительный анализ краниологических серий из Тувы показал разный антропологический субстрат у населения, оставившего алды-бельскую и уюкско-саглыинскую культуры, что, казалось бы, является окончательным аргументом в решении вопроса последовательной смены населения в середине скифского времени. Однако наиболее близкой в антропологическом отношении группой для более поздней серии из уюкско-саглыинских памятников является серия черепов из курганов монгун-тайгинской культуры (Там же. С. 135–137). Это позволяет рассмотреть вклад населения Тувы предскифского времени в формирование раннекочевнических культурных комплексов несколько под другим углом. Получается, что субстратное население, практиковавшее безынвентарный погребальный обряд в наземных цистах, могло сосуществовать с носителя-

² По информации из доклада А. А. Ковалева на заседании Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа в ИИМКе от 26.02.2016 г. немногочисленные антропологические материалы из мунх-хайрханских погребений были проанализированы генетиками, которые сделали такой вывод.

ми алды-бельской культуры на протяжении всего раннескифского времени. Вероятно, именно таким сосуществованием можно объяснить и стратиграфические случаи взаимного перекрывания алды-бельских и монгун-тайгинских курганов на могильнике Куйлуг-Хем I (*Грач*, 1980. С. 122–124), а также их планиграфическое сочетание в пределах одних некрополей (*Длужневская*, 1985. С. 201; *Килуновская*, 2014. С. 88). Характер этого сосуществования был уже обозначен (*Савинов*, 2002. С. 91), но антропологические исследования показывают, что культура субстратного населения сохранялась в Туве более продолжительное время, чем это представлялось ранее. Не исключено, что указанные Д. Г. Савиновым единичные случаи коллективных захоронений по монгун-тайгинскому обряду демонстрируют позднейшую фазу развития этой культуры и датируются уже концом раннескифского времени.

В связи с предположением о существовании монгун-тайгинских традиций погребальной обрядности до середины VI в. до н. э. необходимо совсем иначе рассматривать носителей алды-бельской культуры в Туве. Их ярко выраженный кочевнический характер не вызывает сомнений. Приход этих всадников в Туву сопровождался появлением здесь черешковой группы бронзовых стрел в колчанах, специфическими видами конского снаряжения, металлургией оловянных бронз. Время этого импульса не может быть раньше сооружения кургана Аржан-1, в комплексах которого отсутствуют черешковые стрелы и представлено значительное количество изделий из мышьяковой меди. Анализ керамического комплекса, известного из курганов алды-бельской культуры, показывает его чрезвычайную близость донгальским традициям финала эпохи бронзы Казахстана (*Чугунов*, 2015. С. 470, ил. 2, 3). На это же направление связей указывают и виды узды, найденные в алды-бельских курганах. Проникновение носителей кочевнических традиций в Туву, вероятно, проходило через Алтай. В предшествующий период и на раннем этапе раннескифского времени Горный Алтай и Тува были по сути единым историко-культурным регионом. Важно, что это подтверждается и данными антропологии, которые показали чрезвычайную близость черепов из тувинских могильников и памятников бийкенской культуры, обусловленную общим субстратом (*Чикишева*, 2008. С. 137). Вероятно, в начале I тыс. до н. э. было два миграционных импульса, первый из которых участвовал в качестве компонента в сложении комплекса кургана Аржан-1, а второй привел к формированию алды-бельской культуры (*Чугунов*, 2015. С. 457–486). Однако

сейчас можно предполагать и более ранний контакт с территорией Казахстана, следы которого на Алтае пока не фиксируются. Не исключено, что проникновение саргаринских традиций в ареал карасукской культуры проходило каким-то иным путем, возможно, при посредничестве ирменского населения Западной Сибири. Возможно, этот импульс захватил и территорию Тувы, где известна керамика, ближайšie аналогии которой находятся именно среди ирменского керамического комплекса (*Рева*, 1995, С. 22, рис. 1, 3).

В итоге приходится констатировать, что на рубеже II–I тыс. до н. э. в Центральной Азии, особенно в горно-степных ее регионах, этнокультурная ситуация была чрезвычайно сложной. Построение на имеющемся материале колонной секвенции культур эпохи финальной бронзы и переходного времени к раннему железному веку едва ли возможно по причине отсутствия у памятников устойчивого набора признаков. Определение круга древностей Саяно-Алтайского региона, предшествующего эпохе ранних кочевников, как монгун-тайгинская культура, безусловно, имеет право на существование, но только в понимании исследовательского конструкта, включающего в себя все многообразие типов памятников. Именно таковым может являться иджимский тип, рассмотренный выше. Не исключено, что дальнейшая разработка хронологии и периодизации культур на территории Монголии и Китая помогут вычленишь из общего массива монгун-тайгинских комплексов складывающиеся этот культурный пласт компоненты. Однако едва ли это будут «чистые» мунх-хайрханские или байтагские памятники. Такая ситуация может стать понятнее, если обратиться к исследованиям «живой» культуры горных областей — данным этнографии. Очень показательные примеры дают работы по изучению этнической истории южных районов Таджикистана или Кавказа, где на очень ограниченной территории одновременно обитали десятки разноэтничных народов, имеющих свою материальную культуру, язык и происхождение (*Кармышева*, 1976; *Карпов*, 2007; *Карпов*, *Капустина*, 2011). Относительная их изолированность была обусловлена ландшафтом долин, разделенных горными хребтами, а взаимопроникновение традиций — общей ориентированностью хозяйственной деятельности на скотоводство. Внешние импульсы способствовали смешиванию различных культур в горных областях. Этот процесс далеко не всегда можно фиксировать археологическими исследованиями, особенно учитывая специфический безынвентарный погребальный обряд, распространенный как накануне, так и, вероятно, в начале эпохи ранних кочевников у субстратного населения Центральной Азии.

Литература

- Амзараков и др.*, 2015 — *Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: археология и этнография.
- Бейсенов и др.*, 2014 — *Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е.* Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.
- Бехтер, Хаврин*, 2002 — *Бехтер А. В., Хаврин С. В.* Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сб. / ред. М. В. Константинов, А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ; Чита, 2002.
- Грач*, 1971 — *Грач А. Д.* Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.
- Грач*, 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Длужневская*, 1985 — *Длужневская Г. В.* Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 года. М., 1985.
- Ермолаева*, 2012 — *Ермолаева А. С.* Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012.
- Кармышева*, 1976 — *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
- Карпов*, 2007 — *Карпов Ю. Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.
- Карпов, Капустина*, 2011 — *Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.
- Килуновская*, 2014 — *Килуновская М. Е.* Памятники раннескифского времени Тувы (по материалам раскопок ТАЭ в 2011–2013 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы V Междунар. науч. конф. Кызыл, 15–19 сент. 2014 г. / отв. ред. Е. В. Айыжы, Р. Ш. Харунов. Кызыл, 2014. Ч. 1.
- Килуновская и др.*, 2015 — *Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А.* Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб., 2015. № 5.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010 — *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–23 сентября 2010 г.). Улан-Удэ, 2010 (Центральная Азия и Прибайкалье в древности; вып. 4).
- Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2014 — *Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // РАЕ. 2014. Вып. 4.
- Кызласов*, 1977 — *Кызласов Л. Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. № 2.
- Кызласов*, 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX века). М., 1979.
- Кызласов, Маргулан*, 1950 — *Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII.
- Лазаретов, Поляков*, 2008 — *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи поздней бронзы. Барнаул, 2008.
- Молодин*, 2015 — *Молодин В. И.* Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. № 2 (62), т. 6.
- Папин, Шамшин*, 2005 — *Папин Д. В., Шамшин А. Б.* Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005.
- Поляков*, 2009 — *Поляков А. В.* Положение тела погребенного в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 3–5 сентября 2009 г. Абакан, 2009. Т. 1.
- Поляков*, 2013 — *Поляков А. В.* Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Поляков, Святко*, 2009 — *Поляков А. В., Святко С. В.* Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит — начало железного века) // Теория и практика археологических исследований. Сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2009. Вып. 5.
- Рева*, 1995 — *Рева Л. И.* Хайыракан I — могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 1995 (АИ; вып. 24).
- Савинов*, 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.
- Семенов, Чугунов*, 1987 — *Семенов Вл. А., Чугунов К. В.* Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. ТД. Кемерово, 1987. Ч. 2.
- Семенов*, 2000 — *Семенов Вл. А.* Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сб. ст. к 60-летию М. Л. Подольского / науч. ред. С. В. Хаврин. СПб., 2000.

- Цыбиктаров*, 2003 — *Цыбиктаров А. Д.* Херексуры и памятники монгун-тайгинского типа (проблема культурного соотношения // *Степи Евразии в древности и средневековье*. СПб., 2003. Кн. 2.
- Черных*, 2013 — *Черных Е. Н.* Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М., 2013. Т. 1.
- Черных, Кузьминых*, 1989 — *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Азии. М., 1989.
- Чикишева*, 2008 — *Чикишева Т. А.* К вопросу формирования антропологического состава ранних кочевников Тувы // *АЭАЕ*. 2008. № 4.
- Чикишева*, 2012 — *Чикишева Т. А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. Новосибирск, 2012.
- Чугунов*, 1992а — *Чугунов К. В.* Некоторые данные по материальной культуре племен эпохи поздней бронзы Тувы // *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края*. Сб. науч. ст. / ред. А. М. Буровский. Красноярск, 1992. Т. 2.
- Чугунов*, 1992б — *Чугунов К. В.* Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // *Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова*. Тез. конф. Омск, 1992. Ч. 2.
- Чугунов*, 1994 — *Чугунов К. В.* Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // *ПАВ*. СПб., 1994. Вып. 8.
- Чугунов*, 2002 — *Чугунов К. В.* Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // *Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура*. Сб. науч. раб. / ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2002.
- Чугунов*, 2015 — *Чугунов К. В.* Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы* / науч. ред. Е. Ф. Королькова. СПб., 2015 (Труды ГЭ; т. 77).

К. В. Чугунов

Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников

В статье анализируются проблемы дифференциации культур эпохи поздней бронзы Центральной Азии (Тува и Монголия) с учетом новых материалов. Автор приходит к выводу, что культурная ситуация в горных областях Саяно-Алтая была иной, чем выявляется последними исследованиями в Монголии. Синтез культурных традиций в среде горных ландшафтов проходил в более сложных условиях, что подтверждается

данными этнографии. Результаты антропологических исследований позволяют по-новому оценить вклад субстратного населения накануне эпохи ранних кочевников. Помимо двух внешних импульсов, приведших к формированию культуры номадов в регионе, прослеживается более ранний импульс, имевший место в эпоху поздней бронзы.

K. V. Chugunov

Central Asia on the eve of the Early Nomad Period

This paper analyzes the problems of differentiation of Late Bronze Age cultures of Central Asia (Tuva and Mongolia) in view of new archaeological evidence. The present author arrives at the conclusion that the cultural situation in the Sayan-Altay mountain regions differed from that shown by last investigations in Mongolia. Synthesis of cultural traditions in the conditions of mountain landscapes was

taking place in more complicated conditions and it is confirmed by ethnographic evidence. The results of anthropological studies allow us to review the contribution of the substrate population on the eve of the Early Nomad Period. Besides the two external impulses resulting in the formation of the culture of nomads in this region, an earlier one occurring in the Late Bronze Period is traceable.

М. Е. Килуновская¹

Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы

Ключевые слова: Тува, классификация, курган, монгун-тайгинская культура, типология, погребальный обряд.

Keywords: Tuva, classification, mound, Mongun-Tayga culture, typology, funeral rite.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-86-95

Галина Вацлавна Длужневская была моим первым научным руководителем в университете, и она мне предложила тему для первой курсовой работы «Памятники монгун-тайгинского типа в Туве», предупредив о сложности и неразработанности этой проблемы. Я принялась за работу с энтузиазмом, составила картотеку раскопанных памятников по архивным и литературным источникам. За основу своей работы я взяла, конечно, идеи А. Д. Грача, который выделил четыре варианта памятников, разбив их на группы и придав значение главным образом различиям в конструкции наземных сооружений и устройстве захоронений (Грач, 1971. С. 94–96). Прийти к каким-то новым, по сравнению с работой А. Д. Грача, выводам тогда я не смогла. На следующий год я увлеклась изучением скифского искусства и весь накопленный «багаж знаний» передала К. В. Чугунову, который с большим умением и знаниями исследовал монгун-тайгинскую тему.

Далее Вл. А. Семенов и К. В. Чугунов выделили четыре группы погребений монгун-тайгинского типа, последовательно сменявших друг друга, и впервые предложили термин «монгун-тайгинская культура» (Семенов, Чугунов, 1987. С. 73–76). Через несколько лет К. В. Чугунов опубликовал «программную» статью по монгун-тайгинской культуре, в которой предложил новую типологию и периодизацию (Чугунов, 1994. С. 43–53). В отличие от А. Д. Грача основу его типологии составили устройство погребальных камер, положение и ориентировка погребенных, но без учета конструкции наземных сооружений. Кроме того, на позднем этапе монгун-тайгинской культуры К. В. Чугунов отметил влияние культуры херексуров и связанной с ней бегазы-дандыбаевской культурной общности, охватывающее Казахстан, Туву и Монголию. В процесс влияния была включена и Минусинская котловина, где на каменноложском этапе про-

слеживается влияние монгун-тайгинской культуры (Чугунов, 2002. С. 142–149; 2009. С. 347–349).

О генетической связи монгун-тайгинских памятников и херексуров писал и Д. Г. Савинов, включая их в существовавшую на севере Центральной Азии общность европеоидного населения с устойчивой культурной традицией в области создания погребальных сооружений. По его мнению, традиция нашла свое отражение и в культурах раннескифского времени (Савинов, 2002. С. 22).

Все эти построения в настоящее время большей частью подтверждаются, но открываются и новые перспективы в изучении культур позднего бронзового века и предскифского времени Центральной Азии и Южной Сибири. В ходе работ по трассе строящейся железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино и ГОК «Элегест» было исследовано большое количество памятников монгун-тайгинской культуры, которые существенно пополнили базу источников и позволили по-новому взглянуть на проблемы формирования ее погребальной традиции.

Самое большое количество памятников было раскопано в долине р. Эрбек — непересыхающего правобережного притока Енисея. Захоронения монгун-тайгинской культуры сосредоточены на могильниках Эрбек 2 и Бай-Даг 6 (Килуновская, Семенов, 2013. С. 199–210). Интересно, что в тех частях, где речная долина покрыта лесом, их нет.

На могильнике Эрбек 2 исследовано шесть объектов: два кургана монгун-тайгинского типа, представляющие собой круглые наземные сооружения, сложенные по принципу ложного свода и окруженные кольцом-крепидой из крупных камней; два кургана алды-бельской культуры с захоронениями в каменных ящиках в слегка заглубленных ямах; две ритуально-поминальные выкладки. Курганы располагались попарно: курган № 1 — монгун-тайгинский и курган № 2 — алды-бельский; еще одна пара находилась в 200 м ниже по течению реки: курган № 3 — алды-бельский и курган № 4 — монгун-тайгинский.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kilunmar@mail.ru.

В курганах алды-бельской культуры под наземными сооружениями были обнаружены «клады» конского снаряжения — бронзовые удила. Погребения в каменных ящиках были разграблены, в них найдены: наконечники стрел из кости и бронзы; бронзовый нож с более характерным для тагарской культуры кольчатым навершием; бронзовые поясные обоймы; костяная закладка; пастовые и каменные бусы и др.

Курганы № 1 и 4 — монгун-тайгинского типа — представляли собой наземные сооружения, сложенные из крупных и средних плит (размером до 1,6 м), покрытые мелким плитняком и окруженные кольцом-оградой диаметрами 16 и 15 м из крупных плит и валунов, уложенных плашмя. Само наземное сооружение было окружено крепидой, сложенной из вертикально установленных и слегка наклоненных к центру кургана плит, образующих чешуйчатую кладку (до 10 рядов плит). Размер плит — до 0,8 м, а угол наклона — от 30 до 75° от горизонтали. Опорой для кольца по внутреннему диаметру служили горизонтально уложенные плиты длиной до 1,6 м. Внутренний диаметр кольца — 6 м, наружный — 11 м. Внутри кольца до самого погребения пространство было выложено камнями, образуя платформу. В центре находилась циста овальной формы с внутренними размерами, соответственно, 1,7 × 0,9 и 2,2 × 1,0 м. Она была сложена в один-два ряда из плит среднего размера и ориентирована длинной осью на СЗ-СВ. В кургане № 1 в цисте обнаружено разрушенное погребение ребенка 6–7 лет. Судя по сохранившимся на месте частям скелета (часть ребер и бедренные кости), ребенок был помещен в могилу в скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на запад. В кургане № 2 обнаружены разрозненные кости взрослого человека. В непотревоженном положении сохранилась только часть позвоночного столба, кости левой руки и берцовые. Череп отсутствовал. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки были протянуты вдоль тела. Захоронения совершены на уровне древней дневной поверхности, непосредственно под которой находится материк — речная галька. Каких-либо находок в цистах не обнаружено.

Могильник Бай-Даг 6 располагался на неширокой надпойменной террасе на выходе реки Эрбек из теснины (рис. 1). Здесь исследовано 20 объектов: 14 — монгун-тайгинской культуры, пять — алды-бельской культуры (№ 3, 6, 15–17) и два — эпохи средневековья (№ 8 и 14) (Килуновская, Семенов, 2013. С. 199–205; Килуновская и др., 2015. С. 193–200). Все монгун-тайгинские курганы располагались ближе к склону горы, некоторые из них были перекрыты оползнями, алды-бельские — на

краю террасы. С курганами, исследованными на могильнике Эрбек 2, здесь сопоставим объект № 20. К нему с востока вплотную примыкал курган алды-бельской культуры (№ 17), исследованный в 2011 г. Саянской экспедицией ИАЭТ СО РАН под руководством Ю. С. Худякова.

Курган № 20 был буквально откопан из-под метровой толщи песчаного конуса выноса из межгорной долины. Он представлял собой сложное архитектурное сооружение, последовательность возведения которого нам удалось проследить. Сначала из крупных камней было выложено кольцо диаметром 17 м. Внутри него на уровне древней дневной поверхности сооружена погребальная камера-циста из больших камней, уложенных горизонтально в 4–5 рядов, ориентированная длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Она сложена по принципу ложного свода. Цисту перекрывали массивные блоки в несколько слоев, вокруг уложены камни, облицованные вертикально поставленными огромными глыбами высотой около 1 м. Сверху были набросаны обломки скал. Диаметр центрального могильного сооружения составлял около 10 м. Пространство между центральным сооружением и кольцом-оградой не было выложено камнями, то есть, в отличие от курганов на могильнике Эрбек 2, платформы здесь не было. Размеры цисты: внешние — 4,6 × 3 м, внутренние — 2,7 × 1,4 м. Внутри находилось сильно потревоженное погребение мужчины 25–35 лет. Вокруг всего сооружения, на некотором расстоянии от кольца-ограды, было зафиксировано восемь небольших выкладок округлой формы, содержавших кости животных и угли — остатки поминальных действий. Примерно на равном расстоянии от кольца-ограды по направлениям СВ, СЗ, ЮВ и ЮЗ, образуя углы условного квадрата вокруг кольца-ограды, располагались обложенные по кругу камнями четыре кострища (диаметром около 1,5 м), содержащие кости сожженных животных. По наличию поминальных сооружений вокруг кургана, камеры цисты на поверхности, кольца-ограды, расположенного на некотором расстоянии от центрального сооружения, этот курган сопоставим с херексуром.

Другие объекты монгун-тайгинского типа на могильнике Бай-Даг 6 имеют меньшие размеры и иную конструкцию. Можно выделить несколько типов памятников. В курганах № 5, 12, 13 и 18 выявлены кольцевые ограды из уложенных плашмя в один ряд обломков скальной породы диаметрами, соответственно, 10,3, 8, 5,5 и 7 м. Внутри оград зафиксированы наземные сооружения, окруженные кольцом-крепидой из крупных обломков скал в один слой

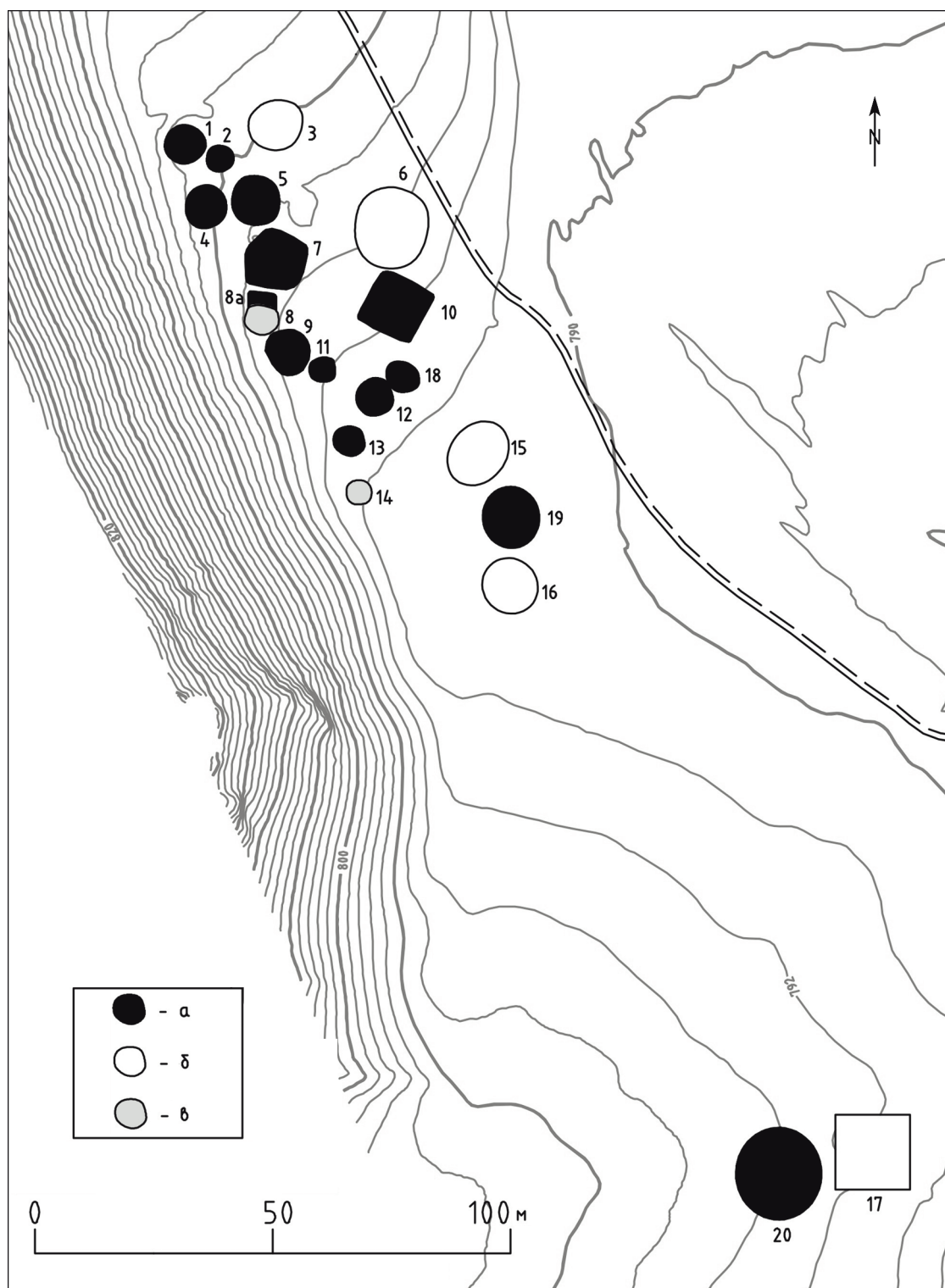

Рис. 1. План могильника Бай-Даг 6, Тува. Условные обозначения: а — курганы монгун-тайгинской культуры; б — курганы алды-бельской культуры; в — средневековые курганы.

Fig. 1. Plan of the Bay-Dag 6, Tuva. Symbols: a — mounds of Mongun-Tayga culture; б — mounds of Alda-Belsky culture; в — medieval mounds.

(диаметры, соответственно, 8, 5, 4 и 5,2 м), в центре которых располагались ладьевидной формы цисты из камней, уложенных на уровне древней дневной поверхности в один ряд (внутренние размеры, соответственно, $2,2 \times 0,8$, $1,8 \times 0,8$, $1,4 \times 0,7$ и $1,2 \times 0,6$ м). Цисты ориентированы длинной осью по линии З–В. Фрагментированные скелеты погребенных свидетельствуют о том, что они были уложены в вытянутом положении головой на запад. Перекрытий не прослеживается.

В кургане № 5 около северной стенки цисты найден скребок из сланца. В кургане № 12 с юго-восточной стороны на уровне погребенной почвы было выявлено пятно прокала диаметром около 30 см, содержащее незначительное количество углей. Там же была обнаружена галька со следами использования. Под камнями развала, за пределами ограды с ЮЮВ, обнаружена таранная кость лошади (бабка), с ССВ — половина нижней челюсти лошади. В этом объекте под камнями сооружения были зафиксированы пятна прокала, которые свидетельствуют о том, что на этом месте до погребения был разведен костер. На востоке лежала громадная каменная глыба, к которой, видимо, была пристроена циста, а затем и наземное сооружение кургана. Вероятно, эта глыба скатилась со склонов горы, у подножия которой находился объект № 12, и вокруг нее был сделан курган. Циста длинной осью ориентирована по линии С–Ю.

В кургане № 4 было выявлено наружное каменное кольцо-ограда диаметром 6,5 м, со входом с востока, в центре кольца находилась каменная циста. Особенностью этого сооружения является то, что циста была поставлена на дополнительную кольцевую выкладку овальной формы, располагавшуюся в середине наземного сооружения. Выкладка была сооружена раньше цисты из крупных обломков скал, уложенных в один ряд, и ориентирована длинной осью по направлению З–В. Ее размеры $4,0 \times 2,5$ м. Возможно, овальная выкладка имела те же функции, что и циста, то есть предназначалась для погребения, но по каким-то причинам не была использована. Поверх нее была сооружена основная циста, то есть каменное сооружение с погребением внутри. Размеры верхней цисты по внешнему краю $3,2 \times 1,6$ м, внутренние размеры цисты $1,9 \times 0,6$ м. Она была вытянута длинной осью по направлению СЗ–ЮВ. Циста была сооружена из плитняка (в юго-восточной части прослеживается до четырех слоев). Остатки захоронения внутри цисты представляли собой фрагменты двух длинных костей

без эпифизов, лежавшие параллельно друг другу в средней части могилы, и двух неопределимых фрагментов. Тем не менее можно предполагать, что погребенный был уложен головой на СЗ.

В кургане № 7 ограда имела подквадратную форму ($10 \times 9,2$ м), внутри которой находилось кольцо-крепида (диаметр около 7 м). В центре внутреннего кольца была сооружена циста овальной формы, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ, из уложенных плашмя крупных камней. Ее размеры: наружные — $2,9 \times 1,8$ м, внутренние — $1,8 \times 1$ м. В юго-восточной части цисты сохранились длинные кости ног погребенного, по которым можно предположить, что он лежал головой на СЗ в вытянутом положении.

Курган № 8а — подквадратная выкладка ($4,6 \times 4,6$ м), ограниченная по краю крупными камнями и тщательно забутованная в несколько слоев мелкими обломками скальной породы белого цвета. В центре зафиксирована небольшая, подпрямоугольной формы циста (размерами $1,6 \times 0,9$ м) из крупных, поставленных вертикально плит, ориентированная по линии З–В и перекрытая двумя мощными плитами, внутри которой не было обнаружено остатков погребения.

Все эти курганы можно отнести ко второму типу памятников монгун-тайгинской культуры (МТТ II, по типологии К. В. Чугунова), что хронологически приходится на поздний бронзовый век (Чугунов, 1994. С. 51). Наши исследования подтверждают это заключение.

В основании курганов № 1, 9 и 10 сооружены кольца-крепиды из крупных обломков скал: в двух кургана округлые (диаметрами 6,1 м и 6,5 м), в кургане № 10 — подпрямоугольное, размерами $12,5 \times 11,7$ м. Внутри них установлены погребальные камеры из очень крупных вертикально поставленных глыб, ориентированные длинной осью по направлению СЗ–ЮВ. Размеры камер, соответственно, $1,6 \times 0,6$, $2,9 \times 1,8$ и $3,4 \times 2,65$ м. Внутри камер сохранились останки погребенных, уложенных на бок в скорченной позе, головой на СЗ, то есть по обряду, характерному для скифских культур Тувы. Вокруг курганов также зафиксированы внешние кольца диаметрами, соответственно, 9,2, 8 и 8,5 м. В кургане № 1 череп мужчины 40 лет был преднамеренно отчленен от скелета и помещен в восточном углу. В кургане № 9 найден выплеск бронзы, фрагменты керамики и зуб лошади, а в кургане № 10 — фрагмент сосуда с орнаментированным валиком под венчиком. Данные памятники относятся ко времени кургана Аржан-1, а именно к памятникам шанчигского

типа, т. е. к периоду формирования культур скифского типа, IX–VIII вв. до н. э. (Чугунов, 1992. С. 78–79; 1994. С. 51; 2009. С. 347–349). Возможно, к этому времени относится и курган-херексур № 20. Разные размеры и конструкции погребальных сооружений могут демонстрировать социальную иерархию или отличия в их ритуальном назначении.

Курган № 19 обнаружен при расчистке межкурганного пространства между алды-бельскими курганами № 15 и 16. Он представлял собой каменное кольцо (размерами 9,83 × 9,31 м) из плит и валунов, с небольшим разрывом с северо-западной стороны. Внутри кольца и снаружи на расстоянии до 2 м практически в один слой были плотно уложены средние и очень мелкие камни, образывавшие своеобразную платформу. С западной стороны к объекту примыкала овальная в плане выкладка длиной 1,2 м. Видимо, это сооружение являлось разрушенным курганом монгун-тайгинского времени, а несколько крупных камней внутри кольца и два скопления костей человека (плохой сохранности) относились к уничтоженному погребению в цисте.

В обоих рассмотренных могильниках памятники алды-бельской и монгун-тайгинской культур сосуществуют. Возможно, здесь идет речь о преемственности культур, а не об их резкой смене и «завоевании территорий», как писал А. Д. Грач, основываясь на перекрывании насыпей на могильнике Куйлут-Хем I (Грач, 1980. С. 61, 93). Для алды-бельской культуры характерно пристраивание одного кургана к другому, причем одна насыпь перекрывает другую. Подобная традиция, в случае перекрывания монгун-тайгинских курганов алды-бельскими, может свидетельствовать о том, что строители последних воспринимали монгун-тайгинские погребения как могилы своих близких предков или соплеменников.

На могильниках Красные Горки (далее — КГ) на левом берегу Енисея, в урочище Бай-Булуи, курганы монгун-тайгинской культуры преобладали. В 2015 г. здесь было раскопано 22 объекта, которые различались по конструкции наземного сооружения и погребальной камеры (рис. 2). К этой культуре на могильнике Красная Горка 2 (далее — КГ2) относится цепочка из четырех курганов (КГ2–№ 5, КГ2–№ 6, КГ2–№ 8 и КГ2–№ 10), вытянутая по линии СЗ–ЮВ; а на могильнике Красная Горка 3 (далее — КГ3) — курганы КГ3–№ 4, КГ3–№ 14 и КГ3–№ 16. Выделяются несколько типов курганов монгун-тайгинской культуры.

Тип I — циста, сложенная в 2–4 слоя из колотых плит и обложенная поставленными вертикально или под углом к ней крупными плитами в несколько рядов. Между слоями этой крепицы были положены крупные каменные блоки и средние обломки скал. На полученную поверхность были набросаны обломки скальной породы для придания всему сооружению определенной высоты. Циста была перекрыта плитами разных размеров, которые в большинстве случаев оказались сдвинутыми при ограблении. Вокруг центрального сооружения кургана была устроена ограда из плит, уложенных в один-четыре слоя. Пространство между оградой и центральным сооружением заполнено уложенными плашмя камнями (нижний ряд более или менее регулярно, а сверху навалены разноразмерные обломки скал), которые образуют своеобразную платформу.

В кургане КГ3–№ 16 ограда имела подквадратную форму, ориентированную сторонами по странам света, а по ее углам были установлены более крупные обломки скальной породы. В кургане КГ2–№ 5 в цисте сохранился скелет мужчины 35–40 лет, который был уложен в вытянутом положении на левом боку, головой на СЗ, в кургане КГ3–№ 16 — скелет женщины 25–35 лет, уложенной вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. В остальных объектах погребения были нарушены, но по зафиксированным *in situ* костям устанавливается вытянутое положение погребенных, уложенных головой на СЗ (с небольшим отклонением к З). Размеры внешней ограды курганов, соответственно, 16, 6, 13, 9,5, 12 и 13 м, а у кургана № 16 — 12,5 × 12,5 м. Диаметры центрального сооружения от 1,5 до 10 м, а высота от 0,30 до 1,2 м. Этот же тип курганов был зафиксирован на могильнике Ээрбек 2.

К *типу II* относятся курганы КГ2–№ 1 и КГ3–№ 20, которые представляли собой самые крупные объекты. Центральное сооружение аналогично курганам первого типа, но отличается масштабностью и конструктивными решениями: плиты крепицы более массивные (до 2 м в длину) и уложены в 12–14 слоев, циста сложена в 5–8 горизонтальных рядов плит, положенных по принципу ложного свода. Циста имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Внутри находились останки нескольких человек. Высота центрального сооружения в этих курганах достигала, соответственно, 1,9 и 2,2 м, а диаметры — 13 и 16 м. На расстоянии 10 м от края насыпи находилось кольцо-ограда диаметром 30 м, сооруженное из крупных плит, уложенных в один-два ряда, при этом на кургане КГ2–№ 1 его ширина достигала 1,3 м.

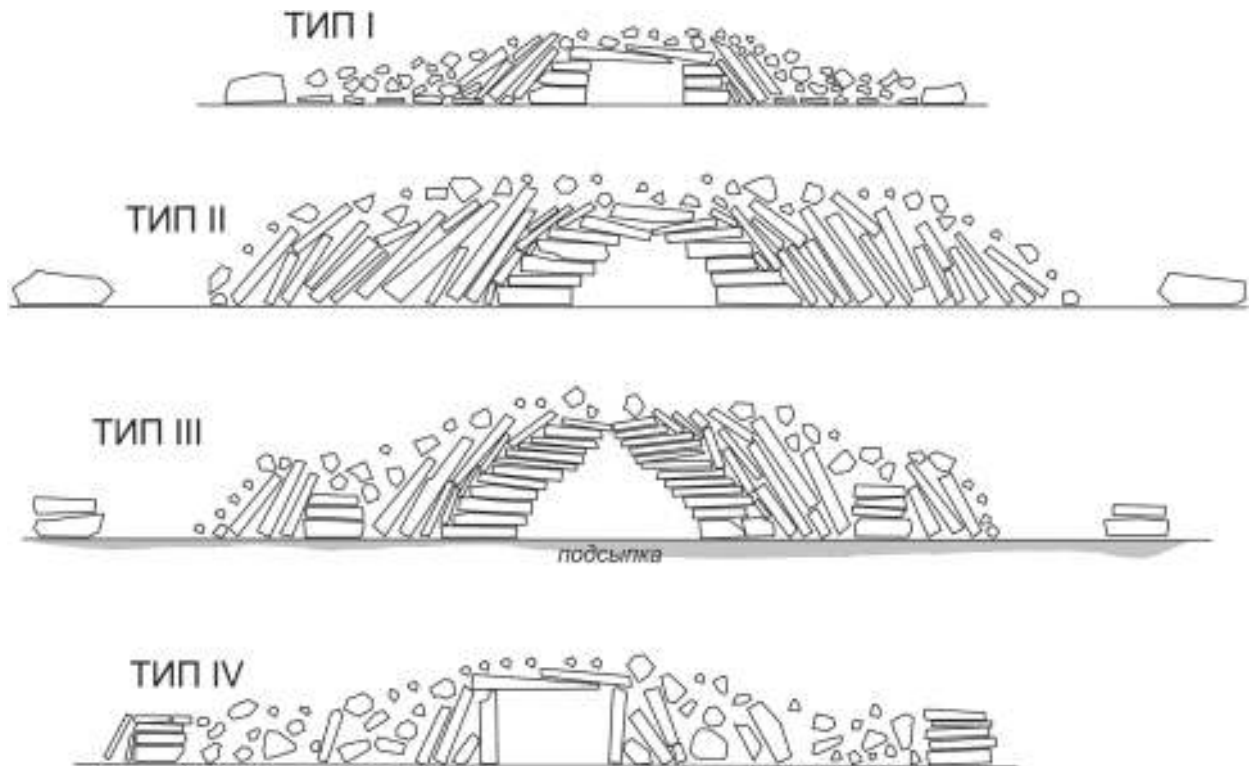

Рис. 2. Типология погребальных сооружений монгун-тайгинской культуры с цистами на уровне древней дневной поверхности (по материалам могильников Красная Горка 2 и Красная Горка 3, левый берег Енисея, Тува).

Fig. 2. Types of funerary installations of the Mongun-Tayga culture with cists in the ancientland surface (according to the materials of burial grounds of Krasnaya Gorka 2 and Krasnaya Gorka 3, theleft Bank of the Yenisei river, Tuva).

От кургана КГЗ–№ 20 к востоку шла каменная вымостка-«луч», а в цисте была обнаружена бронзовая каплевидная подвеска².

Тип III представлен на могильнике КГЗ — курганы КГЗ–№ 8, КГЗ–№ 10 и КГЗ–№ 11. Они отличаются тем, что вертикальные камни креpidы опирались на стенку из уложенных горизонтально плит. Ниже прослежены еще несколько рядов вертикальных камней, которые непосредственно примыкали к цисте, то есть были зафиксированы три стены из горизонтально уложенных плит — ограда, опорная стенка под внешней креpidой и стенки цисты. Циста представляет собой сооружение округлой формы с использованием неполного ложного свода из 10–12 рядов плит. Основание цисты имело ладьевидные очертания и было ориентировано длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Пространство между центральным сооружением и оградой оставлялось свободным, но в курганах КГЗ–№ 8 и КГЗ–№ 11 с востока от центрального сооружения к внешней ограде шла выкладка из уложенных в один ряд обломков скальной

породы шириной более 1 м, напоминающая «лучи» в херексурах. В кургане КГЗ–№ 11 на этом «луче» был установлен каменный «треугольник» — миниатюрное сооружение из трех установленных вертикально плиток, в плане напоминающее треугольник. Такие же каменные «треугольники» найдены между оградой и насыпью, а также за пределами кольца-ограды (каменные «треугольники» зафиксированы практически на всех объектах монгун-тайгинского и раннескифского времени в могильниках Красные Горки). В кургане КГЗ–№ 10 ограда имела подпрямоугольную форму с размерами 16,2 × 15,8 м и была ориентирована углами по странам света с небольшим смещением. Диаметр оград курганов КГЗ–№ 8 и КГЗ–№ 11 — 20 и 17 м, соответственно, центральных сооружений — 12,5 и 9 м. В кургане КГЗ–№ 10 центральное сооружение достигало 10 м при высоте около 1 м.

В этих курганах был зафиксированы интересные детали погребального обряда: во всех цистах обнаружены разрозненные кости взрослого человека и ребенка, а также кости животных (остатки мясных частей туш), а в кургане КГЗ–№ 8 — костяной наконечник стрелы.

² Раскопки Н. А. Боковенко.

По сохранившимся *in situ* костям в кургане КГЗ–№ 10 можно предположить, что погребенный взрослый был уложен головой на ЗСЗ, в вытянутом положении на левом боку, но ноги были слегка подогнуты.

Древняя дневная поверхность под центральным склепом в курганах КГЗ–№ 10 и КГЗ–№ 11, а также КГЗ–№ 20 и КГЗ–№ 1 выравнивалась с помощью подсыпки из супеси (такой прием использовался и при сооружении курганов скифского времени в Турано-Уюкской котловине, где вокруг погребальной камеры создавалась платформа из глины, например, Аржан-2 и Кош-Пей).

Tun IV представлен курганами КГЗ–№ 12 и КГЗ–№ 21. В кургане КГЗ–№ 12 ограда представляла собой стенку из плит, уложенных в 4–6 слоев. В некоторых местах она подпиралась наклонно поставленными крупными длинными камнями. Внутри ограды находились обломки скальной породы разной величины. В центральной части сооружения прослежены вертикально установленные пять плит, составлявших конструкцию погребальной камеры типа ящика или склепа, которые опирались на положенные в несколько рядов крупные и средние обломки скальной породы. Ящик был ориентирован длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ и имел размеры 1,45 × 0,95 м. Перекрытие отсутствовало, внутри находились разрозненные кости мужчины 30–35 лет. Восстанавливается поза погребенного, уложенного в скорченном положении головой на запад. Диаметр центрального сооружения — 8 м при высоте в 0,5 м. Курган КГЗ–№ 21 имел аналогичную конструкцию, но меньшие размеры.

Описанные сооружения монгун-тайгинских курганов соответствуют шанчигскому типу (Чугунов, 1994. С. 52) и относятся к раннескифскому времени. Для первых трех вышеописанных типов сооружений характерен принцип куполообразного высокого кургана, для чего использовалась конструкция ложного свода в центральном сооружении, высота которого увеличивалась еще дополнительной каменной наброской. Четвертый тип — это плоская насыпь, имеющая одинаковую высоту по всей площади и окруженная стеной из плоско уложенных плит. Такая цилиндрическая форма курганного сооружения характерна для курганов Аржан-1 и Аржан-2.

Наибольшее соответствие раннескифским памятникам прослеживается в конструкции курганов КГЗ–№ 7 и КГЗ–№ 2. В них центральное сооружение окружено стенкой из плит, уложенных в 4–5 слоев, а внутреннее пространство беспорядочно заполнено обломками

скальной породы разной величины. Все вместе образует плоскую платформу высотой около 0,5–0,7 м. Нужно отметить, что стенки курганов были выложены с особой тщательностью по внешнему фасаду. В кургане КГЗ–№ 7 центральное сооружение имело диаметр 10,5 м, на расстоянии 4 м его окружало кольцо ограда диаметром 18,5 м. Между оградой и курганом с СЗ, ЮЗ и СВ прослеживались выкладки, напоминающие «лучи» херексура. В кургане КГЗ–№ 2 в заполнении конструкции найдены большие глыбы камня, разделяющие пространство на сектора, которые впоследствии были заполнены обломками скальной породы. К сожалению, в центральной части оба кургана были полностью разрушены и следов захоронения не обнаружено.

Ближайшая аналогия рассмотренным конструкциям — курган КГЗ–№ 2, который может быть отнесен к памятникам аржанского круга. Его отличают: хорошо сложенная внешняя стена с небольшими контрфорсами; внутри которой находились вертикально поставленные плиты, разделяющие пространство на отсеки; в центре располагалась внутренняя стена, сделанная уже не так тщательно и окружающая захоронение в неглубокой яме, на краю которой, с запада, лежал олений камень. В яме был захоронен мужчина, уложенный головой на запад в скорченном положении, характерном для погребальной традиции алды-бельской культуры.

Таким образом, на могильниках Красные Горки прослеживается процесс формирования погребальных конструкций раннескифского времени. В курганах, которые больше всего соотносятся с херексурами (тип III), появляется горизонтальная многослойная стенка, которая первоначально существовала как опора крепиды, а затем стала самостоятельным архитектурным элементом, представляющим собой внешний фасад наземного сооружения кургана.

Важным открытием 2015 г. было обнаружение под курганами монгун-тайгинского типа на могильнике Красная Горка 3 более ранних сооружений эпохи бронзы — это объекты КГЗ–№ 5, КГЗ–№ 18, КГЗ–№ 22–25, КГЗ–№ 28 и КГЗ–№ 30. При разведке, проведенной здесь до раскопок, они не фиксировались визуально на уровне современной дневной поверхности.

Эти объекты представляли собой конструкции прямоугольной формы из поставленных вертикально небольших плит, заполненные кальцинированными костями и золой. Ритуальный характер их очевиден.

Следы прокала под слоем кальцинированных костей и золы фиксировались очень незначительные, что говорит о том, что в одних случаях костры могли разжигаться внутри оград, а в других — разводиться на стороне. По определению палеозоолога А. А. Каспарова, сжигались только мясные части туш, в основном овцы или козы. При этом, например, в оградке КГЗ-№ 25 были обнаружены остатки не менее 30 особей, что является свидетельством масштабного пира, в котором могло принимать участие до 150 человек.

Размеры лучше сохранившихся выкладок КГЗ-№ 22, КГЗ-№ 23 и КГЗ-№ 25 составили, соответственно, $2,7 \times 7$, $2,5 \times 7$ и $3,5 \times 10,5$ м. Высота камней и плит — 0,20–0,30 м. Скорее всего, плиты и камни облицовывали изнутри котлован глубиной 0,15–0,20 м. Ориентированы оградки были длинной стороной по линии З–В. К сооружениям с востока ведут цепочки из вертикально установленных плит. В объекте КГЗ-№ 30 длина цепочки из 114 камней достигала 80 м. Камни были установлены примерно через равные промежутки в 0,3–0,4 м. Оградка КГЗ-№ 30 имела размеры $1,5 \times 1,5$ м при высоте 0,2–0,3 м и была полностью заполнена кальцинированными костями и золой.

В исследованных оградках нет датирующих артефактов, но по своей конструкции они сопоставимы с сооружением, интерпретируемым в качестве святилища, которое было раскопано в том же 2015 г. на могильнике Красная Горка 15 И. П. Лазаретовым, а также с другими ритуальными сооружениями, известными в Туве, Монголии и на Алтае, относящимися к эпохе бронзы — концу III–II тыс. до н. э.

В этой связи особый интерес представляет захоронение синхронного времени, открытое в кургане КГЗ-№ 17³. Здесь в яме глубиной 0,8 м и размерами $1,8 \times 1,6$ м, ориентированной длинной осью по линии З–В, зафиксированы останки человека, подвергшиеся вторичному погребению (захоронение в «мешке»). Скелет сохранился практически полностью, но был уложен отдельными частями (кости в сочленениях): в западной части могильной ямы находился череп, ниже которого лежали кости голени и далее к западу другие части скелета. На костях отмечены следы красной краски. Среди вещей, обнаруженных в могиле, следует отметить 12 каменных «пуговиц» разного диаметра и семь мелких каменных нашивок с перемычкой. Аналогичные «пуговицы» были найдены Н. А. Боковенко на могильнике Маральское-4 в долине р. Иджим и О. А. Митько в оградке в долине р. Ус,

которые авторы раскопок датируют III тыс. до н. э. (Митько, 2006. С. 283–291, рис. 6).

В основании подпорной стенки цисты на кургане КГЗ-№ 10 были расчищены остатки более раннего сооружения, представляющего собой округлую оградку диаметром 2 м из вертикально вкопанных камней, окруженную со всех сторон вертикально вкопанными плитками. Находок в ней не было, кроме двух невыразительных фрагментов керамики.

Кроме раскопок в Эрбекской долине и Бай-Булунской степи, подобные объекты исследовались на могильниках Куйлуг-Хем и Суме-Беш в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС (Килуновская и др., 2010. С. 189–198) и Кун-Саир в Эрзинском районе Тувы. Здесь представлены захоронения в высоких цистах ладьевидной формы из валунов, перекрытых большими плитами, ориентированных длинной осью по линии З–В. Вокруг цист сооружался холм из крупных валунов, а затем возводилась платформа, окруженная кольцом-крепидой из крупных камней (диаметр около 20 м). На могильнике Кун-Саир в цисте, под перекрытием из гигантских каменных блоков, был захоронен мужчина высокого роста (возраст 40–45 лет, рост более 180 см) с патологическими изменениями скелета. Он был уложен на живот, головой на запад, с чуть согнутыми ногами. Интересно, что сразу после погребения у умершего была изъята левая лопатка. Это свидетельствует об особом статусе погребенного. В центральном захоронении сопроводительного инвентаря не было, зато в пристройке к западу от кургана, в каменном ящике с останками ребенка, была найдена бронзовая обойма, что позволяет отнести весь комплекс ко времени кургана Аржан-1.

За последнее десятилетие корпус памятников монгун-тайгинской культуры увеличился настолько, что стало возможным вновь обратиться к проблеме ее внутренней хронологии и типологии погребальных сооружений. Как мы видим, для построения классификации памятников важно учитывать не только устройство погребальной камеры и позу погребенного, но и конструкцию всего наземного сооружения, имеющего довольно сложную архитектуру. Выделенные нами четыре типа курганов с захоронениями в многослойных цистах взаимосвязаны. Большие курганы КГ2-№ 1 и КГ3-№ 20 имеют устройство погребального сооружения первого типа, но они окружены отстоящими на некотором расстоянии каменными кольцами, в то время как в первом типе присутствует платформа. Для курганов третьего типа характерен разрыв между кольцом и центральным сооружением, ложный свод

³ Раскопки Н. А. Лазаревской.

над цистой и крепида из вертикальных камней, но появляется дополнительная опорная внутренняя стенка. Этот тип наиболее близок к курганам-херексурам, тем более что присутствуют и дорожки-лучи между кольцом и насыпью. Одновременность такого типа погребальных сооружений с херексурами подтверждается и исследованиями А. А. Ковалева в Монголии, где полученные радиоуглеродные даты для аналогичных памятников подтверждают их предскифский возраст (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 83–84).

Для выделенных нами типов I–III характерна куполообразная форма наземного сооружения. В типе IV прослеживается цилиндрическая форма насыпи, окруженной стенкой из горизонтально выложенных рядов плит, но еще сохраняется крепида из вертикальных камней, которая поддерживает местами эту стенку. Здесь уже появляются захоронения в каменных ящиках, но стенки этих ящиков укреплены камнями, как это делалось при строительстве цист. Такие памятники уже можно соотнести со временем кургана Аржан-1. На основании наших наблюдений можно построить линию генетической преемственности памятников позднего бронзового века и раннескифского времени.

Литература

Грач, 1971 — Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.

Килуновская, Семенов, 2013 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл–Курагино // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб., 2013. № 3.

Килуновская и др., 2010 — Килуновская М. Е., Семенов Вл. А., Кальная О. И., Аюнова О. Д. Влияние разрушения береговой линии Саяно-Шушенского водохранилища на состояние памятников истории и культуры // Состояние и освоение

природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкологи природной среды и общества. Кызыл, 2010. Вып. 10, 11.

Килуновская и др., 2015 — Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб., 2015. № 5.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007 — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Невинский, А. А. Тишкин. Барнаул, 2007.

Митько, 2006 — Митько О. А. Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западный Саян) // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2006.

Савинов, 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.

Семенов, Чугунов, 1987 — Семенов Вл. А., Чугунов К. В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. ТД. Кемерово, 1987. Ч. 2.

Чугунов, 1994 — Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. СПб, 1994. № 8.

Чугунов, 2002 — Чугунов К. В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Сб. науч. раб. / ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2002.

Чугунов, 2009 — Чугунов К. В. Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспективы комплексного анализа // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Сб. науч. раб. / ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2009.

М. Е. Килуновская

Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы

За последнее десятилетие корпус памятников монгун-тайгинской культуры увеличился настолько, что можно вновь обратиться к проблеме классификации и типологии характерных для нее погребальных конструкций. Новые открытия показали, что для построения классификации памятников важно учитывать не только устройство погребальной камеры и позу погребенного, но и всего наземного сооружения, имеющего довольно сложную архитектуру. Нами выделено три типа (I–III) курганов с захоронениями в много-

слойных цистах и четвертый (тип IV) — с захоронениями в ящиках.

Тип I — циста окружена крепидой из вертикальных камней, уложенных в несколько слоев, образовывавших куполообразное сооружение, от которого идет выкладка-платформа, окруженная оградой. Курганы типа II имеют то же устройство, но более крупных размеров. Главное отличие их конструкции в том, что они окружены отстоящим на некотором расстоянии каменным кольцом, а циста перекрыта по принципу ложного

свода. Для курганов типа III характерны разрыв между кольцом и центральным сооружением, ложный свод над цистой и крепида из вертикальных камней, но появляется дополнительная опорная внутренняя стенка. Этот тип наиболее близок к курганам-херексурам, тем более что присутствуют и дорожки-лучи между кольцом и насыпью. Для всех трех типов характерна куполообразная форма наземного сооружения. В типе IV прослеживается цилиндрическая форма насыпи, окруженной стенкой из горизонтальных ря-

дов, но еще сохраняется крепида из вертикальных камней, которая укрепляет местами эту стенку. Здесь уже появляются захоронения в каменных ящиках, но еще обложенных камнями, как это делалось для цист. Эти памятники можно соотнести со временем кургана Аржан-1. Таким образом, все типы взаимосвязаны.

Проведенный анализ позволяет выстроить линию генезиса, соединяющую памятники позднего бронзового века и раннескифского времени.

М. Е. Kılunovskaya

New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva

During the last ten years, the corpus of sites of the Mongun-Tayga archaeological culture has increased so much that now it is time to return again to the problem of classification and typology of the burial structures characteristic of this culture.

New discoveries have demonstrated that in order to develop a classification of the sites it is important to take in consideration not only the construction of the funerary chamber and pose of the buried but also the entire surface structure of a fairly complicated architecture. We have distinguished three types of kurgans with burials in many-layered cists and a fourth one with burials in boxes.

The first type is that with the cist encircled with a crepis wall of vertical stone blocks installed in several layers. These formed a cupola-like structure to which a paved platform is attached encircled by a fence. Kurgans of the second type are similarly constructed but of a larger scale. Their construction is differing mainly in the fact that they are surrounded with a stone kerb constructed at some

distance while the cist itself is covered by a kind of corbel arch. Characteristic of kurgans of the third type are a gap between the kerb and the central structure, a corbel arch over the cist and a crepis constructed of upright stone blocks but now with an additional supporting inner wall. This type most resembles the keregsur kurgans, the more so that it has ray-like paths between the kerb and the mound. A cupola-like shape of the surface structure is typical for all these three types.

In kurgans of the fourth type, a cylindrical form of the mound is traceable. The latter is encircled with a wall of horizontal rows although a crepis constructed of upright stone blocks still is retained supporting this wall here and there. Burials in stone boxes already appeared here but they were still faced with stones as it was characteristic of cists. These sites seem to be dating from the Arzhan-I period. All of the types thus are interrelated.

The analysis presented allows us to draw up a line of genesis connecting sites of the late Bronze Age and early Scythian period.

А. А. Ковалев¹

Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода

Ключевые слова: оленные камни, кенотафы, предскифский период, ранний железный век, Синьцзян, Монгольский Алтай, Восточный Тянь-Шань, Восточная Европа, Северный Кавказ.

Keywords: deer stones, cenotaphs, Early Iron Age, Xinjiang, Mongolian Altai, East Tian-Shan, East Europe, North Caucasus.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-96-103

В конце прошлого века мною была обнаружена гипотеза о происхождении традиции оленных камней «западного региона» с территории Монгольского Алтая (Ковалев, 2000. С. 138–180). Основанием для такого вывода послужило, что здесь встречены как оленные камни со всеми специфическими признаками «западных» стел, так и камни, не имеющие черт, также отсутствующих у европейских изваяний. Под специфическими признаками западных оленных камней подразумеваются изображения двух (не трех) косых черт на передней грани, узкой ленты-диадемы и длинного меча, лезвие которого заходит на боковую грань. Эти признаки отделяют оленные камни западного региона от остального массива оленных камней «общевразийского типа», по Волкову (Волков, 2002. С. 19). В статьях 1986, 1992 и 2000 гг. мною было высказано мнение, что «общевразийские» изваяния не могут считаться отдельным типом, а являются всего лишь оленными камнями «саяно-алтайского» облика, на которых отсутствуют изображения животных (Ковалев, 1986. С. 51–56; 2000. С. 171, 173; Kovalev, 1992. С. 77). Условность выявления «общевразийского типа» и особой связи его с «саяно-алтайским» типом отмечал и Д. Г. Савинов (Савинов, 1994. С. 82; 2016. С. 127). В моей статье 2000 г. были приведены также находки предметов «черногорского» облика из Синьцзяна, в том числе бронзовых мечей и кинжалов с уплощенным перекрестьем (типа изображенных на местных оленных камнях), втульчатых наконечников стрел с лавролистным пером.

Некоторые положения в моей статье вызвали ряд справедливых критических замечаний В. С. Ольхов-

ского и С. Л. Дударева (Ольховский, 2000. С. 253–276; Дударев, 2001. С. 84–100), касающихся как интерпретации облика изображенных на изваяниях предметов, так и хронологии рассматриваемых памятников. Эти замечания, за которые я благодарен коллегам, никоим образом не касаются существа гипотезы о происхождении рассматриваемой традиции. Предложенный мною состав специфических признаков оленных камней западного региона никем не был оспорен. Необходимо оговорить, что при выделении указанных признаков я заведомо не включал в их число изображения местных, «европейских» реалий, не имевших распространения на востоке: кавказские пояса, топоры, бусины типа Михайловского клада и т. п. В то же время очевидно, что прародину оленных камней Европы можно установить, только лишь выделив их специфические признаки на фоне «общевразийского» типа таких изваяний, а не основываясь только на общих характеристиках их или оленных камней Евразии в целом. Общие рассуждения об истоках этого типа статуарных памятников вряд ли могут иметь какой-либо эвристический смысл, тем более не приблизят нас к решению проблемы распространения традиции (миграция или диффузия идей), ее связи с определенным этносом или известными по письменным источникам историческими событиями (проблема «киммерийцев»). Примеры таких общих рассуждений, приводящих авторов к совершенно противоположным выводам, к сожалению, нередки (см. Членова, 2004; Пыслару, 2016. С. 136–143).

Дискуссия, завершившаяся в 2001 г. (Ольховский, 2000. С. 253–276; 2005. С. 18–93), ясно показала, что хотя оленные камни Восточной Европы были первоначально связаны с черногорским контекстом, традиция их изготовления продолжает развитие и в новочеркас-

¹ 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел сохранения археологического наследия. Адрес электронной почты: chemurchek@mail.ru.

ский период вплоть до начала VII в. до н. э. Эти сообщения заставили меня вновь обратиться к интерпретации находок «западных» оленных камней в могильных ямах: ведь в статье 2000 г. исходя из приоритета черногородовской атрибуции изваяний, я объяснял такие находки переиспользованием стел при устройстве могил новочеркасского горизонта (Ковалев, 2000. С. 158–161). К такому выводу подталкивали и обстоятельства находок этих оленных камней: в погребении 6 кургана 25 у Кичкаской переправы стела была найдена на глубине 2,6 м в каменно-земляном заполнении, а в кургане 1 у станицы Усть-Лабинской «двойной» оленный камень, как выяснилось, был обнаружен на глубине 8 м от вершины кургана ранней (!) частью вверх в каменной насыпи могильной ямы с новочеркасским инвентарем; его случайное попадание в могилу через грабительскую воронку с вершины кургана на такую глубину практически исключено (Там же. С. 160, рис. 11). Если усть-лабинский оленный камень был связан с устройством могилы, следовало предположить, что это изваяние было специально закопано на большую глубину, причем верхом вниз. Такую возможность в 2000 г. я отверг, исходя, как и предшествующие исследователи (Членова, 1984. С. 50–54; Ольховский, 1990. С. 114–115), из соображений «здорового смысла»: предполагалось, что оленные камни являются намогильными памятниками и должны были выставляться на вершинах курганов.

За прошедший с 2000 г. период в ходе масштабных раскопок в Туве и Монголии были получены материалы, принципиально изменившие наши представления о назначении оленных камней. Выяснилось, что эти изваяния использовались в качестве памятников-кенотафов, символизируя отсутствующее тело умершего. Об этом свидетельствуют как контекст оленных камней, устанавливавшихся в Монголии, так и случаи намеренного захоронения оленных камней в курганах алды-бельской культуры Тувы (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 99–105; Ковалев и др., 2014. С. 41–54; 2016). Наша экспедиция впервые предприняла раскопки большими площадями ритуальных и ритуально-погребальных комплексов с этими изваяниями: в 2001 г. — херексура Хар говь в горах Монгольского Алтая, в 2006 г. и 2013 г. — двух выдающихся ритуальных комплексов Суртийн дэнж и Ушкийн увэр в Хубсугульском аймаке. При этом комплекс Суртийн дэнж был исследован полностью, а на Ушкийн увэр сплошным раскопом была охвачена площадь как минимум трех обособленных ансамблей, состоявших из изваяний и иных ритуальных объектов. Выяснилось, что в Центральной Монголии вокруг каждого ряда олен-

ных камней сооружался точно такой же комплекс поминальных сооружений, как и вокруг курганов с реальными захоронениями: прямоугольная платформа со стелами, каменные колечки с зольниками (с запада) и каменные насыпи с захороненными останками лошадей (с востока). Так что оленный камень почитался таким же образом, как и захоронение человека. В Западной Монголии оленные камни, напротив, устанавливались рядом с погребальными курганами-херексурами (с оградой, соединенной с насыпью «лучами») или на их насыпи. Однако, несмотря на то что в кургане обнаруживается захоронение одного человека, оленных камней, как правило, гораздо больше. Вероятно, это были символические обозначения других умерших людей, находившихся в родственных отношениях с погребенным в херексуре.

Одновременно в Туве, в алды-бельском кургане 1 могильника Бай-Даг-8, были впервые открыты два несомненных случая намеренного захоронения оленных камней на площади кургана внутри ограды: один камень был уложен на древний горизонт и засыпан выкидом из могильной ямы, второе изваяние было уложено на древний горизонт по линии запад-восток и аккуратно заложено камнями насыпи (Ковалев и др., 2014. С. 51–53). В других алды-бельских курганах оленные камни в горизонтальном положении были захоронены над погребениями (Килуновская, Семенов, 2014. С. 40). Таким образом, и здесь изваяние замещало реального погребенного.

С этой точки зрения нет ничего удивительного в намеренном захоронении оленных камней и в могилах предскифского периода Восточной Европы. В контексте этих данных получает убедительное объяснение феномен «двойных» оленных камней: Усть-Лабинского и Зубовского — если изображение символизировало отсутствующее тело погребенного и камень подлежал захоронению, то его обозрение не предполагалось вовсе.

Единственный восточноевропейский оленный камень, расположение которого в могильной яме нам известно — Усть-Лабинская стела, — обнаружен, как говорилось выше, в заполнении могилы в вертикальном положении. Это сильно отличается от алды-бельских захоронений оленных камней, которые во всех известных случаях были уложены горизонтально (Ковалев и др., 2014. С. 51–52; Килуновская, Семенов, 2014. С. 39–40; Чугунов, 2014. С. 137–139). Могло ли население, давшее начало традициям восточноевропейских оленных камней, захоранивать эти изваяния, в отличие от алды-бельцев, именно в вертикальном положении? Факт обнаружения таких захоронений

оленных камней придал бы дополнительный вес нашей гипотезе о происхождении этих европейских антропоморфов.

Положительный ответ на этот вопрос дали новейшие раскопки в Синьцзяне, где в 2011–2012 гг. были найдены две могилы с оленними камнями, захороненными именно в вертикальном положении.

Курган М32 могильника Нуэрцзя

Краткий отчет о раскопках этого памятника опубликован в журнале «Вэнь» и в коллективной монографии Синьцзянского института культурного наследия и археологии (Синьцзян вэнь, 2013. С. 22–36; 2015. С. 164, 171). Могильник находится на северных склонах Тянь-Шаня, в волости Ашэньли городского уезда Чанцзи Чанцзи-Хуэйского автономного округа. Курган М32 представлял собой каменную насыпь диаметром 10,4 м, высотой 0,4 м (рис. 1, 1). При разборке насыпи в ее центральной части была раскопана подовальная ограда из валунов, уложенных на уровне древнего горизонта, окружавшая скелет особи мелкого рогатого скота без передних конечностей и головы, лежавший на левом боку. К сожалению, данных о точном расположении этого комплекса в публикациях не приводится. Судя по приведенной фотографии, захоронение туши животного не было потревожено постдепозиционными процессами. Сообщается, что после разборки выкладки и скелета животного «при зачистке» (здесь же?) выявилось пятно могильной ямы. Могильная яма почти прямоугольной в плане формы имела размеры 2,4 × 1,1 м и глубину 1,1 м и была ориентирована длинной осью по линии юго-восток — северо-запад (рис. 1, 1–3). При выемке заполнения в северо-западной части ямы был обнаружен олений камень, стоящий в вертикальном положении с наклоном к западу (рис. 1, 2). Верх изваяния, как сообщается, был зафиксирован на глубине 0,7 м. Высота стелы составляет 0,63 м. Таким образом, при глубине ямы 1,1 м основание оленного камня должно было находиться непосредственно на дне могилы, на костях погребенного. Приведенный исследователями план погребения показывает, что погребенный был уложен на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Как раз на месте нахождения оленного камня располагался череп погребенного, который был, судя по описанию и чертежу, раздавлен просевшим вниз изваянием. Стела не могла быть первоначально установлена на перекрытии на уровне горизонта, поскольку в этом случае при обрушении перекрытия образовалась бы воронка, заполненная камнями насыпи, что не

было зафиксировано при исследованиях. Профиль кургана и план могильной ямы показывают, что перекрытие должно было опираться на невысокие заплечики, и именно на уровне этих заплечиков и был поставлен олений камень, засыпанный каменно-земляной наброской.

На передней грани оленного камня изображены две косые черты — отличительный признак «европейских» изваяний, на левой грани глубоким контррельефом изображено крупное височное кольцо, на правой грани, по описанию, — такое же кольцо, а под ним округлая ямка (?) (рис. 1, 4).

Курган М11 могильника Борат 3 (участок 2)

Об этом памятнике нам известно только по отрывочной информации из трех предварительных публикаций (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47; Юй Цзяньцзюнь, 2013; 2014). Могильник находится в волости Имик (Воимокэ) уезда Бурчун, к западу от селения Борат (Болатэ). Раскопки проводились в 2011 г. В трех курганах (все с округлыми каменными насыпями высотой до 0,5 м) «участка 2»: М2, М9, М11 (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47; Юй Цзяньцзюнь, 2011; 2013а) впервые в Синьцзяне обнаружены могилы, представляющие собой земляные ямы с дромосом, отходящим от могильной ямы на восток; «вход» из дромоса в могильную яму закладывался каменными плитами (рис. 2, 1, 2). В кургане М11 (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47) в дромосе был обнаружен вертикально установленный на дне дромоса олений камень, на левой грани которого глубоким контррельефом изображено крупное височное кольцо, ниже — ожерелье (судя по фотографии, огибающее камень как минимум и с тыльной стороны), а еще ниже, как сообщается, барельефно моделирована фигура лошади (? — на фотографии не просматривается) (Юй Цзяньцзюнь, 2014. С. 77) (рис. 2, 3). Судя по фотографии, приведенной в своде памятников археологии уезда Алтай (Синьцзян вэйуэр, 2011а. С. 47), олений камень был обнаружен в самом начале зачистки дромоса с его восточной стороны, около входа. Вокруг изваяния, в заполнении дромоса, был выявлен каменный заклад, причем на фотографии камни по периметру заклада, видимо, лежат на древнем горизонте, а ближе к оленному камню западают (рис. 2, 1). В дальнейшем, как показывает фотография из публикации 2013 г. (Юй Цзяньцзюнь, 2013б. С. 77), раскопщики снесли каменный заклад и прокопали заполнение дромоса далее к востоку (рис. 2, 2). Полагаю, что олений камень был

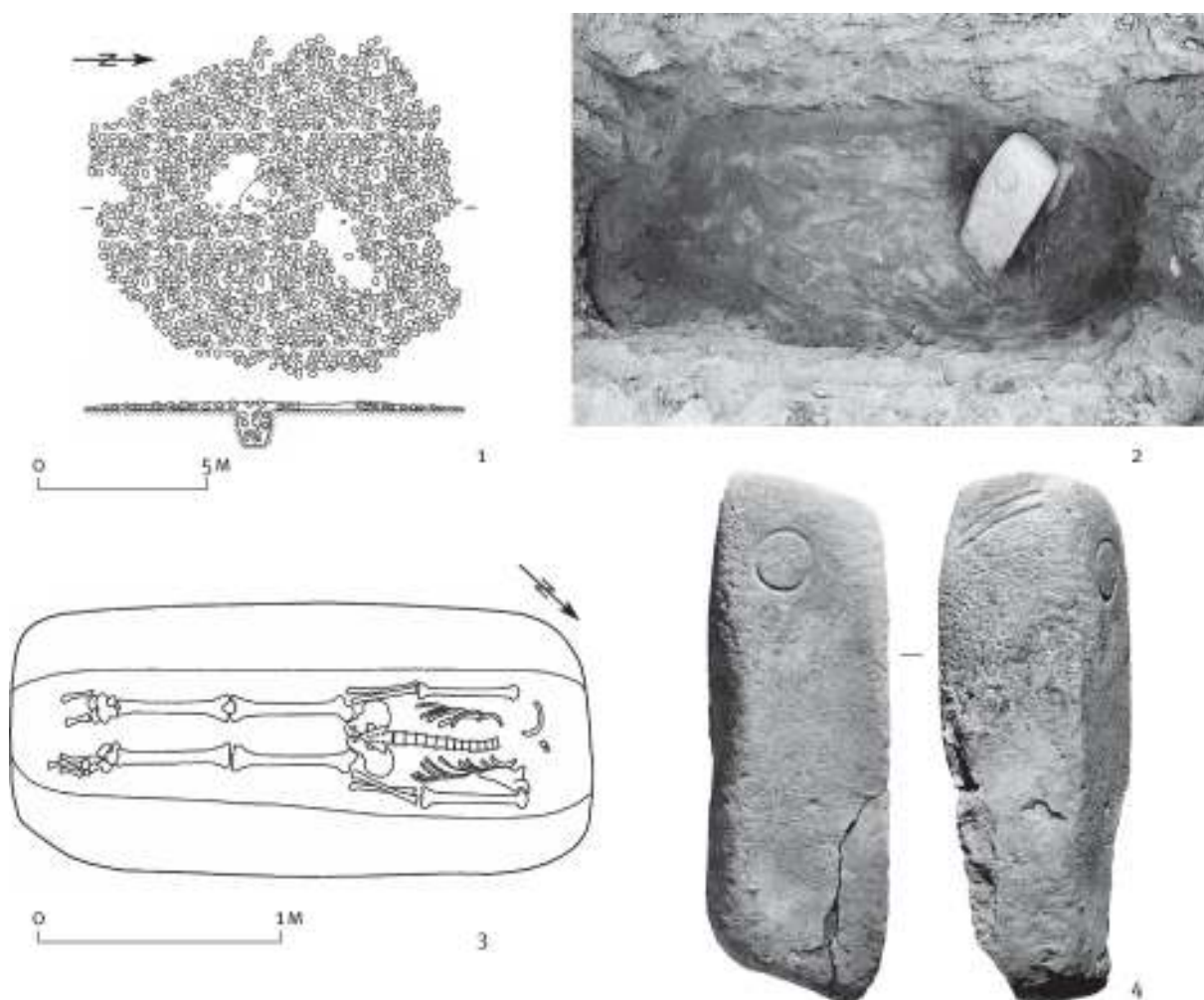

Рис. 1. Курган М32 могильника Нуэрцзя. 1 — план и разрез; 2 — оленный камень в заполнении могилы (вид с северо-востока); 3 — план могилы; 4 — оленный камень (по Синьцзян вэнь, 2015).

Fig. 1. Barrow M32 of Nuerjia (after: *Xinjiang Wenwu*, 2015): 1 — plan and section; 2 — deer stone in the fill of the grave (view from north-east); 3 — plan of the grave; 4 — deer stone (after Синьцзян вэнь, 2015).

вкопан вертикально на всю длину в земляное заполнение дромоса, для устойчивости обложен камнями, а затем перекрыт каменной насыпью кургана.

Судя по опубликованным фотографиям, могила в кургане М11 была устроена наподобие дромосных могил в курганах тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Бейсенов, 2015. С. 24–28; Казахстан в сакскую эпоху, 2017. С. 77–86). Характерными чертами таких памятников является восточное или юго-восточное направление дромоса, устройство каменного заклада между коридором и могилой. Заполнение дромосов тасмолинской культуры различно: иногда прослеживается каменное или деревянное перекрытие и затек в дромос грунта, слагающего насыпь, иногда «участки дромоса завалены камнями» (Бейсенов, 2015.

С. 24). В нашем случае, очевидно, дромос был заполнен землей до сооружения каменной насыпи кургана, поскольку в ином случае запад камней прослеживался бы по всей его длине, а не только в месте установки стелы. С курганами тасмолинской культуры связаны находки антропоморфных изваяний и каменных стел (Бейсенов, 2016. С. 17–22). Однако ни одной стелы, изваяния или тем более оленного камня в дромосах таких курганов не найдено, поэтому захоронение вертикально установленного оленного камня в дромосе необходимо считать следствием реализации местной, синьцзянской традиции.

Время сооружения обоих рассматриваемых курганов может быть установлено лишь приблизительно, по косвенным данным. В кургане Нуэрцзя М32 находок

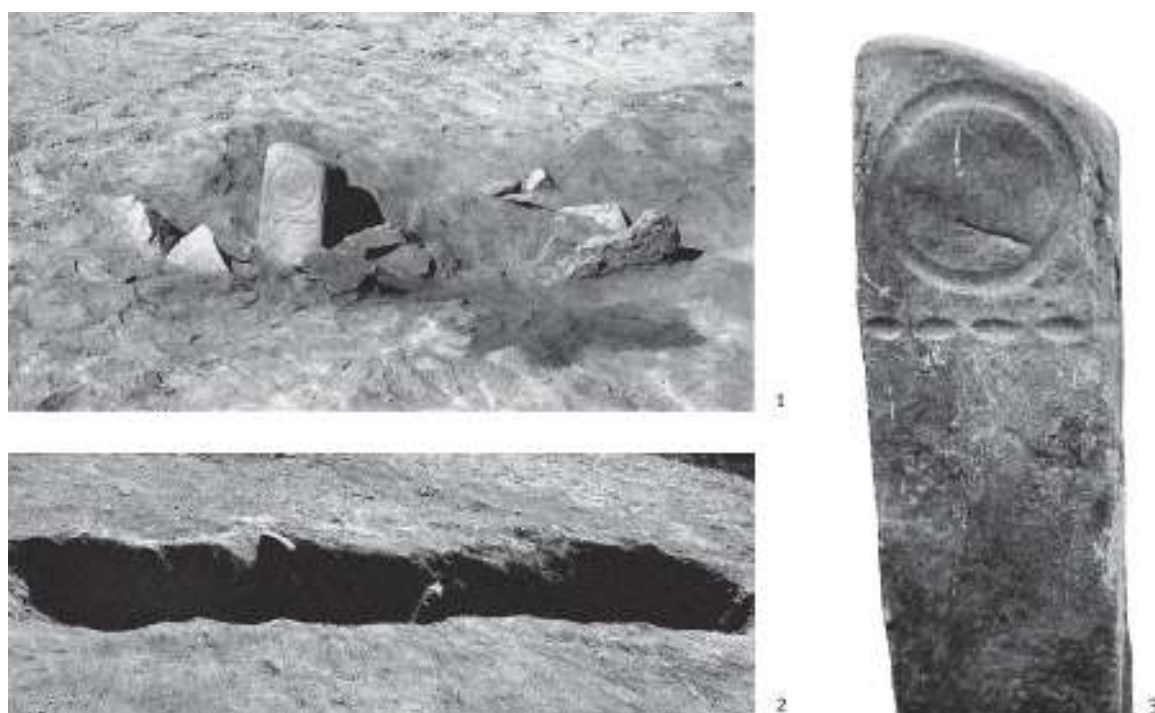

Рис. 2. Курган М11 могильника Борат 3. 1 — начало раскопок дромоса; 2 — дромосная могила с оленным камнем и закладом входа в погребальную камеру; 3 — олений камень (по Синьцзян вэйуэр, 2011а; Юй Цзяньцзюнь, 2013б).

Fig. 2. Barrow M11 of Borat 3. 1 — beginning of the excavation of the dromos deer stone in the blocking wall of the entrance to the dromos (after: *Xinjiang Weiwuer*, 2011); 2 — dromos grave pit with deer stone and the blocking wall of the entrance; 3 — deer stone (after Синьцзян вэйуэр, 2011а; Юй Цзяньцзюнь, 2013б).

не было, инвентарь кургана М11 могильника Борат 3 не опубликован. Архитектура курганов, особенности погребального обряда и, собственно, находки установленных в заполнении могил оленных камней позволяют отнести эти комплексы к раннескифскому периоду. Очевидно, что рассматриваемые памятники не должны считаться заведомо более ранними, чем оленные камни Европы, связываемые с черногоровским или новочеркасским контекстом. Однако их обнаружение в Синьцзяне говорит о бытовании здесь традиции захоронения оленных камней, истоки которой могут уходить в более глубокую древность.

Оба оленных камня, найденные в могилах Синьцзяна, захоронены в вертикальном положении. Таким же образом была установлена, предположительно, и Усть-Лабинская стела. По набору признаков они не выходят за пределы «восточноевропейского» стандарта подобных изваяний, для которого обычны изображения ожерелья, височных колец и отдельных фигур животных. Особое внимание должно быть обращено на две (не три) косые черты на передней грани изваяния из Нуэрцзя — это специфичный признак для оленных камней западного региона.

Интересно, что в 1993 г. в Синьцзяне был обнаружен еще один олений камень в кургане — над могильной ямой кургана М9 могильника Далункоу (уезд Джимсар (Цзимусаэр) Чанцзи-Хуэйского автономного округа), около 100 км к востоку от могильника Нуэрцзя (Синьцзян вэньу, 1994. С. 3, 4, 8). Курган М9 имел каменно-земляную насыпь диаметром 54 м, высотой в центральной части около 2 м, с северо-запада сопровождался двумя дугами из каменных колечек. Олений камень был найден «в 0,5 м выше устья могильной ямы», в слое «спрессованной земли насыпи», он лежал горизонтально, примерно по линии север-юг. Более точные сведения о его местонахождении отсутствуют. «Устье» могильной ямы имело размеры в плане 4,6 × 4 м, яма двумя уступами спускалась на глубину более 4 м. Могила, судя по опубликованным данным, была начисто ограблена в древности. Установить, является ли расширение верхней части могильной ямы элементом конструкции либо это края грабительской воронки, не представляется возможным, поэтому остается неизвестным, был ли вкопан олений камень в насыпь или заполнение могилы или был изначально установлен на насыпи кургана. Олений камень общей высотой 1,85 м, как и вышеописанные изваяния,

относится к «общевразийскому типу», с боковых сторон имеет изображения кольцевых «серег», с лицевой стороны — три косые черты, пояс изображен тонкой горизонтальной линией, на боковых сторонах от пояса вниз отходят неясные линии, видимо изображения каких-то предметов. Ниже пояса нанесены неясные рисунки животных (?). Необходимо отметить, что опубликованная в 1994 г. прорисовка изваяния весьма далека от оригинала, что становится ясным при рассмотрении фотографий боковых граней (*Сычюу чжи лу*, 2008. С. 199; Синьцзян вэйуэр, 2011б. С. 197).

За годы, прошедшие со времени выхода в свет моей статьи 2000 г., в Синьцзяне были обнаружены десятки новых оленных камней (Синьцзян вэйуэр, 2011б. С. 152–201). В подавляющем большинстве они относятся к «общевразийскому типу», некоторые имеют не три, а только две косые черты на передней грани. Контекст их нахождения в большинстве случаев неясен, за исключением оленных камней, устанавливавшихся около херексуров «с лучами» (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2007. С. 99–105; *Ковалев и др.*, 2014. С. 50–51). Однако херексуры «с лучами» распространены только в горах Монгольского Алтая, далее к югу и западу их количество ничтожно мало. Поэтому синьцзянские оленные камни северных предгорий Тянь-Шаня и Джунгарии, скорее всего, связаны с иными видами наземных сооружений. Как установлено работами нашей экспедиции, элитные херексуры «с лучами» и аналогичные рядовые курганы того же времени Монгольского Алтая содержат под насыпью погребальную камеру — высокую цисту с погребением на горизонте (*Ковалев, Эрдэнэбаатар*, 2010. С. 108–110); на Монгольском Алтае вплоть до хуннского времени господствовал обычай захоронения на горизонте (*Зайцева и др.*, 2008. С. 28). Большинство курганов раннескифского времени из северного Синьцзяна западнее и южнее Монгольского Алтая, напротив, имеет погребения в грунтовых ямах (см. Синьцзян Саэньсаи, 2013; Синьцзян Алэтай, 2015. С. 22–215; Синьцзян Чанцзи, 2015). Как раз в таких могилах и были найдены *in situ* рассматриваемые изваяния.

Как известно, погребения, с которыми предположительно могли быть связаны оленные камни Европы, также совершены в грунтовых ямах; обычай захоронения на горизонте для предскифского времени Северного Причерноморья и Северного Кавказа не характерен. Поэтому вершины и восточные склоны Монгольского Алтая можно исключить из предполагаемой прародины европейских оленных камней. Носители этой традиции, вероятно, мигрировали

в Западную Евразию не непосредственно с Алтая, а с земель, прилегающих с севера к Восточному Тянь-Шаню. Были ли этим народом загадочные «киммерийцы», и нашел ли его исход отражение в рассказе Геродота — вопрос, который нужно решать, принимая во внимание, что в этом же районе, между Восточным Тянь-Шанем и Алтаем, находится предполагаемая прародина европейских скифов, двинувшихся на запад следом за киммерийцами (*Ковалев*, 2014. С. 124–136).

Итак, находки изваяний, захороненных в подкурганых могилах Внутренней Азии, служат еще одним аргументом в пользу гипотезы о синьцзянском происхождении «европейской» традиции оленных камней. С другой стороны, эти данные подкрепляют идею о намеренном захоронении европейских оленных камней в могильных ямах.

Литература

- Бейсенов*, 2015 — *Бейсенов А. З.* Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2015.
- Бейсенов*, 2016 — *Бейсенов А. З.* Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи // Вестник Хакасского государственного университета. 2016. № 16.
- Волков*, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М., 2002.
- Дударев*, 2001 — *Дударев С. Л.* О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / гл. ред. А. Б. Белинский. М., 2001.
- Зайцева и др.*, 2008 — *Зайцева Г. И., Ковалев А. А., Тишкин А. А., Дирксен В. Г.* Радиоуглеродная хронология культур Тувы, Алтая и Монголии начала раннего железного века // Труды II(XVIII) ВАС в Суздале / отв. ред. А. П. Деревянко и др. М., 2008. Т. II.
- Казахстан в сакскую эпоху, 2017 — Казахстан в сакскую эпоху. Кол. мон. / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2017.
- Килуновская, Семенов*, 2014 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Сб. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2014 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4).
- Ковалев*, 1986 — *Ковалев А. А.* О культуре оленных камней // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. С. В. Волков. М., 1986. Ч. 1.
- Ковалев*, 2014 — *Ковалев А. А.* Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа

- в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сб. памяти Е. Е. Кузминой / ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. Барнаул, 2014.
- Ковалев, 2000* — Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / отв. ред. В. С. Ольховский. М., 2000.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007* — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2007 (Труды САИПИ; вып. 3).
- Ковалев и др., 2014* — Ковалев А. А., Рукавишникова И. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни — это памятники-кенотафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Сб. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2014 (Алтай на перекрестке времен и смыслов; вып. 4).
- Ковалев и др., 2016* — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И. В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн увэр (по результатам исследований 2013 года) // АЭАЕ. 2016. № 44 (1).
- Ольховский, 1990* — Ольховский В. С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. 1990. № 3.
- Ольховский, 2000* — Ольховский В. С. Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / отв. ред. В. С. Ольховский. М., 2000.
- Ольховский, 2005* — Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- Пыслару, 2015* — Пыслару И. Феномен евразийских степей в раннем железном веке и о киммерийцах в Карпатско-Дунайском регионе // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2015.
- Савинов, 1994* — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Савинов, 2016* — Савинов Д. Г. Некоторые актуальные аспекты изучения проблемы оленных камней // Алтай в кругу евразийских древностей / ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2016.
- Членова, 1984* — Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
- Членова, 2004* — Членова Н. Л. Северный Кавказ – Синьцзян – Монголия // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004 (Материалы и исследования по археологии России, № 6).
- Чугунов, 2014* — Чугунов К. В. Оленные камни Чинге-Тэя (предварительное сообщение) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Сб. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2014 (Алтай на перекрестке времен и смыслов; вып. 4).
- Kovalev, 1992* — Kovalev A. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Mainz am Rhein, 1992 (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichbaren Archäologie; Bd. 50).
- На китайском языке:**
- Синьцзян вэйуэр, 2011а — Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Алэтай дицю цзюань (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Округ Алтай) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района). Пекин, 2011.
- Синьцзян вэйуэр, 2011б — Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Синьцзян цаоюань шижэнь ю луши (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учета объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района). Пекин, 2011.
- Синьцзян вэньу, 1994 — Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Чанцзи хуйцзу цзычжицжоу вэнь гуаньсо Цзимусаэр сянь вэньу гуаньлисо. Цзимусаэр сянь Далункоу гу муцзан (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Управление культуры Чанцзи-Хуэйского автономного округа, Бюро культурного наследия уезда Чжимсар. Древние могильные сооружения в Далункоу, уезд Чжимсар) // Синьцзян вэньу. 1994. №4.
- Синьцзян вэньу, 2013 — Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Чанцзи ши Нуэрцзя муди 2012 нянь фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Краткий отчет о раскопках в 2012 году могильника Нуэрцзя в городском уезде Чанцзи) // Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжицжоу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) // Вэньу. 2013. № 12.
- Синьцзян вэньу, 2015 — Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Чанцзи ши Нуэрцзя муди 2012 нянь фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Краткий отчет о раскопках в 2012 году могильника Нуэрцзя в городском уезде Чанцзи) // Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжицжоу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2015.
- Синьцзян Алэтай, 2015 — Синьцзян Алэтай дицю каогу ю лиши вэньцзи (Сборник статей об археологии и истории округа Алтай, Синьцзян) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2015 (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо цункань; чжи у).
- Синьцзян Сазньсаи, 2013 — Синьцзян Сазньсаи муди (Могильник Сазньсаи в Синьцзяне) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2013 (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо цункань; чжи сань).

Синьцзян Чанци, 2015 — Синьцзян Чанци хуйцзу цзычжижоу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанци-Хуэйском автономном округе) / Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна). Пекин, 2015 (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсю цункань; чжи сы).

Сычоу чжи лу, 2008 — Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (Шелковый путь. Древняя культура Синьцзяна) / сост. Ци Сяошань, Ван Бо. Урумчи, 2008.

Юй Цзяньцзюнь, 2011 — Юй Цзяньцзюнь. Буэрцинь сянь Еламань муцюнь каогу фацзюэ (Археологические раскопки в Еломан, уезд Бурчун) // 2011 вэньу каогу няньбао (Лето-

пись культурного наследия и археологии за 2011 год) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу каогу яньцзюсю (Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского автономного района). Урумчи, 2011.

Юй Цзяньцзюнь, 2013а — Юй Цзяньцзюнь. Синьцзян Буэрцинь сянь Болатэ сань хао муцюнь цянцзю син фацзюэ (Раскопки спасательного типа могильника Борат 3 в уезде Бурчун, Синьцзян) // Чжунго вэньу бао. № 8 (Выпуск 15.03.2013).

Юй Цзяньцзюнь, 2013б — Юй Цзяньцзюнь. Болатэ муцюнь каогу фацзюэ цзи (Записки о раскопках могильника Борат) // Дачжун каогу. 2013б. № 6.

А. А. Ковалев

Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода

Оленные камни, найденные в могилах Синьцзяна, захоронены в вертикальном положении, так же как была предположительно установлена и Усть-Лабинская стела. По набору признаков они не выходят за пределы «восточноевропейского» стандарта подобных изваяний, для которого обычны изображения ожерелья, височных колец и отдельных фигур животных. Особое внимание должно быть обращено на две (не три!) косые черты на передней грани изваяния из Нуэрцзя — это специфичный признак для оленных камней западного региона. Находки изваяний, захо-

роненных в подкурганых могилах Внутренней Азии, служат еще одним аргументом в пользу гипотезы о синьцзянском происхождении «восточноевропейской» традиции оленных камней. С другой стороны, эти данные подкрепляют идею о намеренном захоронении части европейских оленных камней в могильных ямах. В то же время факт намеренного захоронения оленных камней в могилах подтверждает предположение об использовании этих изваяний в качестве памятников-кенотафов, замещающих реального погребенного.

A. A. Kovalev

Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period

Deer stones found in graves in Xinjiang are buried in the upright position similar to that in which presumably the Ust-Labinsk stele was installed. In terms of their features they do not go beyond the 'East European' standard of sculptures of this kind. Characteristic of the latter are representations of a necklace, temple rings and separate animal figures. Of special note are two (and not three) oblique lines on the face side of the sculpture from Nuerjia which is a specific feature of the deer stones from the

western region. The finds of the sculptures buried in sub-kurgan graves in interior Asia serve as an additional argument in favour of the hypothesis of the Xinjiang provenance of the 'East European' tradition of deer stones. Simultaneously this fact confirms the idea about the intentional interment of some European deer stones in grave pits. At the same time, the fact of deliberate burial of deer stones in graves confirms the assumption of the use of these stelae as cenotaphs, replacing the real buried.

М. А. Дэвлет¹, Е. Г. Дэвлет^{2(†)}

Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага³

Ключевые слова: петроглифы Центральной Азии, Саянский каньон Енисея, Устю-Мозага.

Keywords: petroglyphs of Central Asia, Sayan canyon of the Yenisei, Ustyju-Mozaga.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-104-112

Вклад Галины Вацлавны Длужневской в работу Саяно-Тувинской экспедиции в зоне затопления Саянской ГЭС нельзя переоценить. Древняя земля вечно будет хранить память о ее научном подвиге.

Памятник наскального искусства гора Устю-Мозага находится в Саянском каньоне Енисея выше устья его правого притока р. Чинге, на 182–183 км ниже по течению столицы Тувы г. Кызыла. В первых публикациях петроглифов этого региона местонахождение наскального искусства Устю-Мозага («Верхний порог») именовалось «Левый берег р. Чинге». Соответственно, местонахождение «Правый берег р. Чинге» впоследствии получило название Алды-Мозага («Нижний порог»). Прежде, до затопления водохранилища Саянской ГЭС, гора Устю-Мозага — громадный скальный массив — представляла собой естественную преграду на пути Енисея. Река, разбиваясь о каменную твердыню и огибая ее слева, образовывала мощный водоворот, известный под названием Чингенской, или Большой, воронки.

Здесь целесообразно привести описание данной местности из опубликованной в 2006 г. автобиографической книги «Монолог длиною в жизнь» известного тувинского профсоюзного деятеля Т. Ч. Норбу (1921–2015). Тамара Чаш-ооловна проводила детские годы на правом берегу Улуг-Хема в окрестностях долины р. Чинге. В своих воспоминаниях она описывает утес над Улуг-Хемом и Чингенскую воронку и то, как они вместе с подружкой забирались на горку и «смотрели на нескончаемую реку Улуг-Хем, в которой так много воды, которая течет и течет. Задавали вопрос: откуда она берется и куда она течет? <...> Под нашей скалой было место, где вода как бы скручивается, вертится (боралгак). Бывало, плывет какое-нибудь коряжистое бревно, доплывет до этого места и начинает кружиться, потом становится в вертикальное положение, вид-

но только его верхнюю часть, затем, освобождаясь от западни, всплывает наверх боралгака и плывет дальше. Мы все время думали, наблюдая за всем этим, что же есть там, внизу реки, что так крутит большое дерево?»

Отряд Саяно-Тувинской экспедиции, которым руководила Галина Вацлавна, многие годы базировался в глубине Саянского каньона, и ей на неисправной моторной лодке приходилось множество раз преодолевать зловеший водоворот под горой Устю-Мозага. Маленькая, хрупкая с виду женщина была отважным, мужественным полевым исследователем, стойко преодолевавшим все трудности, встречающиеся на ее пути первопроходца, бесконечно преданного науке.

Гора Устю-Мозага до затопления Саянского каньона водами искусственного моря достигала высоты более 50 м над уровнем реки. Она имела подпрямоугольные очертания и тянулась с запада на восток вдоль русла Енисея. Коренные скальные выходы были сложены из плотных и твердых кварцитовых песчаников с кремнисто-карбонатным цементом. Отвесные восточные и южные склоны горы Устю-Мозага круто спускались в воду. Около скального цоколя в восточной и южной части горы очертания береговой линии в течение года почти не менялись, хотя уровень воды резко повышался в период паводков. По склонам к реке спускались живые каменистые осыпи. Западные и северные склоны были задернованы. Западные склоны по сравнению с остальными были несколько более пологими. С севера подножие горы огибало сухое русло — старица Енисея. Вершина горы относительно плоская, хотя и неровная, как бы делилась логами на три части: западную, центральную и восточную. Наскальные изображения на горе Устю-Мозага были сосредоточены в большинстве своем на вершине. Всего в процессе работ на памятнике обнаружено и зафиксировано около 160 камней с петроглифами. В данном случае «камень» — понятие условное. Оно включает изображения на одном скальном выходе, валуне или обломке скалы. Выбивки на «камне» могут быть как единичными, так и многочисленными, достигая нескольких десятков.

¹ 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел бронзового века. Адрес электронной почты: ia-ran@yandex.ru.

² 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Центр палеоискусства. Адрес электронной почты: eketek@yandex.ru.

³ Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-01-00418.

Первые наскальные изображения на горе Устю-Мозага были зафиксированы в 1973 г., когда к работе по обследованию наскальных рисунков приступила Тоджинская экспедиция ИА АН СССР под руководством М. А. Дэвлет. Затем была создана группа (с 1977 г. — отряд) по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции.

С начала работ в Саянской «трубе» было известно, что, в соответствии с перспективным планом строительства, при максимальном подъеме воды в водохранилище Саянской ГЭС верхняя треть горы Устю-Мозага, где сосредоточена подавляющая часть наскальных изображений, останется незатопленной. Поэтому стационарные спасательные работы здесь проводить не планировалось. После первых разведочных работ в 1973–1974 гг., которые были отражены в предварительной публикации (Дэвлет, 1976), исследование памятника велось по остаточному принципу, от случая к случаю, когда в силу каких-либо обстоятельств (к примеру, погодных условий) работы на других местонахождениях наскального искусства производиться не могли. В последние годы работы в Саянском каньоне, когда оказались затопленными еще до окончания полевого сезона святилище Мугур-Саргол и скалы у подножия горы Алды-Мозага, на горе Устю-Мозага была произведена ускоренная фиксация наскальных изображений, остававшихся не скопированными. Такая необходимость возникла в связи с тем, что через водохранилище строителями Саянской ГЭС в скором времени предполагалось провести паромную переправу, сооружения которой базировались бы на горе Устю-Мозага. Строительство парома создавало угрозу сохранности петроглифов на вершине горы. В результате ускоренных спасательных работ по копированию наскальных изображений в период начавшегося заполнения ложа водохранилища все известные нам петроглифы на горе Устю-Мозага были зафиксированы.

Среди петроглифов горы Устю-Мозага, как и других памятников наскального искусства в Саянском каньоне Енисея, встречаются разновременные изображения. Каменные плоскости были всегда доступны обозрению и существовала возможность выбить петроглифы как на свободных, так и на заполненных рисунками плоскостях. Поэтому выявление одновременных композиций и их датирование связаны со значительными

трудностями. На горе Устю-Мозага можно выделить петроглифы эпохи бронзы, скифского, гунно-сарматского и тюркского времени, а также наскальные изображения, относящиеся к этнографической современности (рис. 1–6). Кроме того, была обнаружена «руническая» надпись, насчитывающая семнадцать знаков. Наскальные рисунки на горе Устю-Мозага выполнены в различной технике: точечная выбивка, протертые или шлифованные изображения, гравировка или граффити. По сравнению с другими полностью изученными памятниками Саянского каньона, где резные изображения редки, здесь они встречены в относительно большем числе.

По мере подъема уровня воды в зоне затопления река стала огибать гору Устю-Мозага не только как обычно слева по течению, но и справа. Прежде всего вода заполнила старицу Енисея у подножия горы Устю-Мозага. На наших глазах гора превратилась в каменный остров. Уже в конце сезона 1986 г. гора Устю-Мозага оказалась затопленной до половины высоты. На этом полевые спасательные работы Отряда по изучению петроглифов в зоне затопления Саянской ГЭС были завершены.

Работы по обработке полевой документации сводились к следующему. Копии петроглифов, выполненные на различных сортах бумаги, «перебеливались» в камеральных условиях, то есть изображения, скопированные в натуральную величину, переводились на белую рулонную бумагу. В случаях сплошной выбивки силуэтные фигуры полностью заливались тушью. Перебеленные копии были пересняты с уменьшением масштаба. Были изготовлены отпечатки с полевых фотопленок и со слайдов, по которым уточнялись копии при переделке и которые сами по себе служат иллюстративным материалом для планируемого издания. Фотофиксация включала в себя как снимки общих видов местности, самого памятника и окружающего его ландшафта, так и отдельных скал с петроглифами, композиций и их фрагментов, фигур и их деталей. Было проведено описание наскальных изображений на камнях в порядке номеров, начиная с первого, и перебелен общий план памятника, на котором отмечен каждый «камень» с петроглифами. Выполнена работа по систематизации материала для перенесения его на электронные носители. Предстоит полная публикация памятника.

Рис. 1. Гора Устю-Мозага. Камень 3.
Fig. 1. Mt. Ustyū-Mozaga. Rock 3.

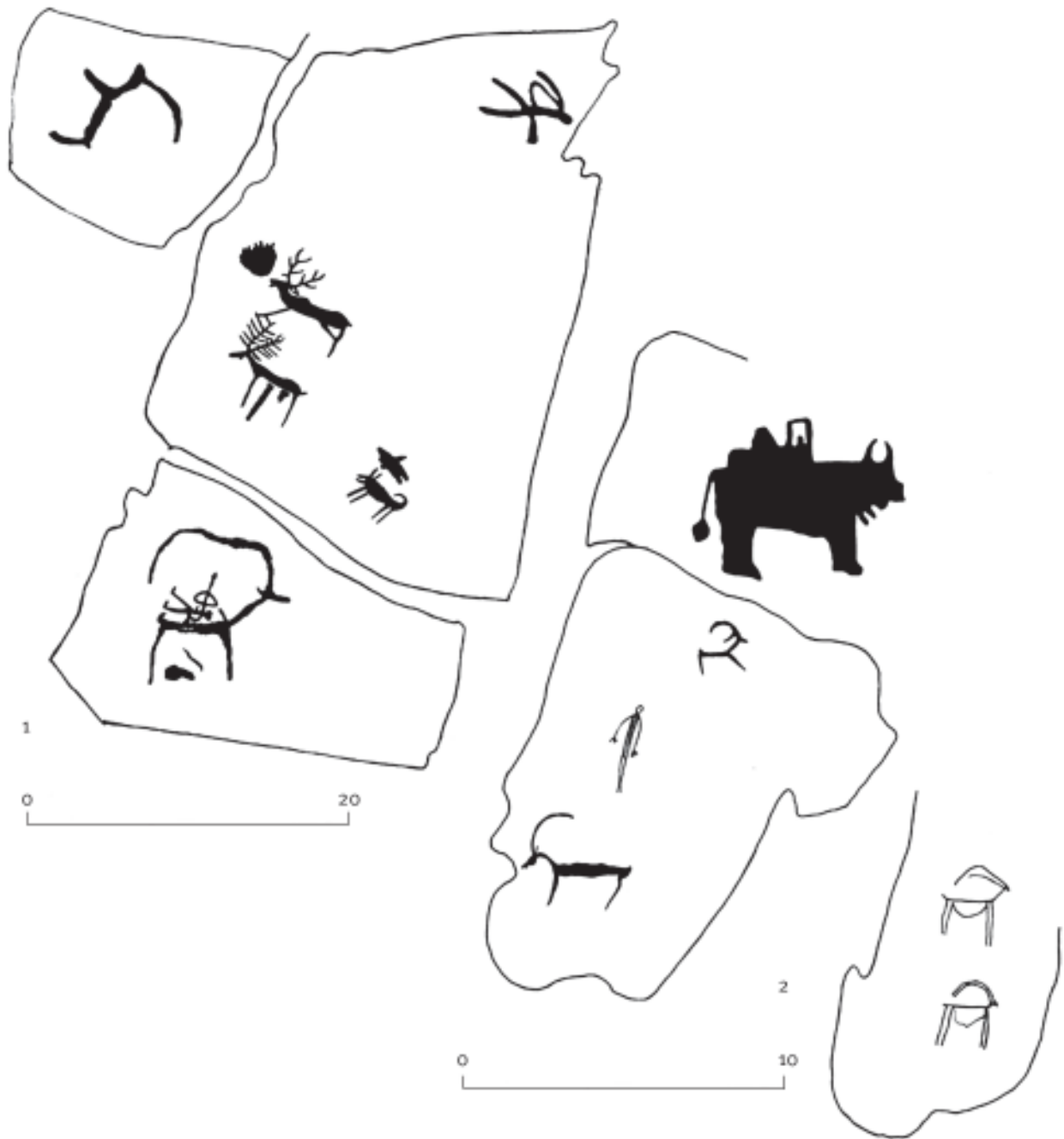

Рис. 2. Гора Устю-Мозага. 1 — камень 30; 2 — камень 31.

Fig. 2. Mt. Usty-Mozaga. 1 — Rocks 30; 2 — Rocks 31.

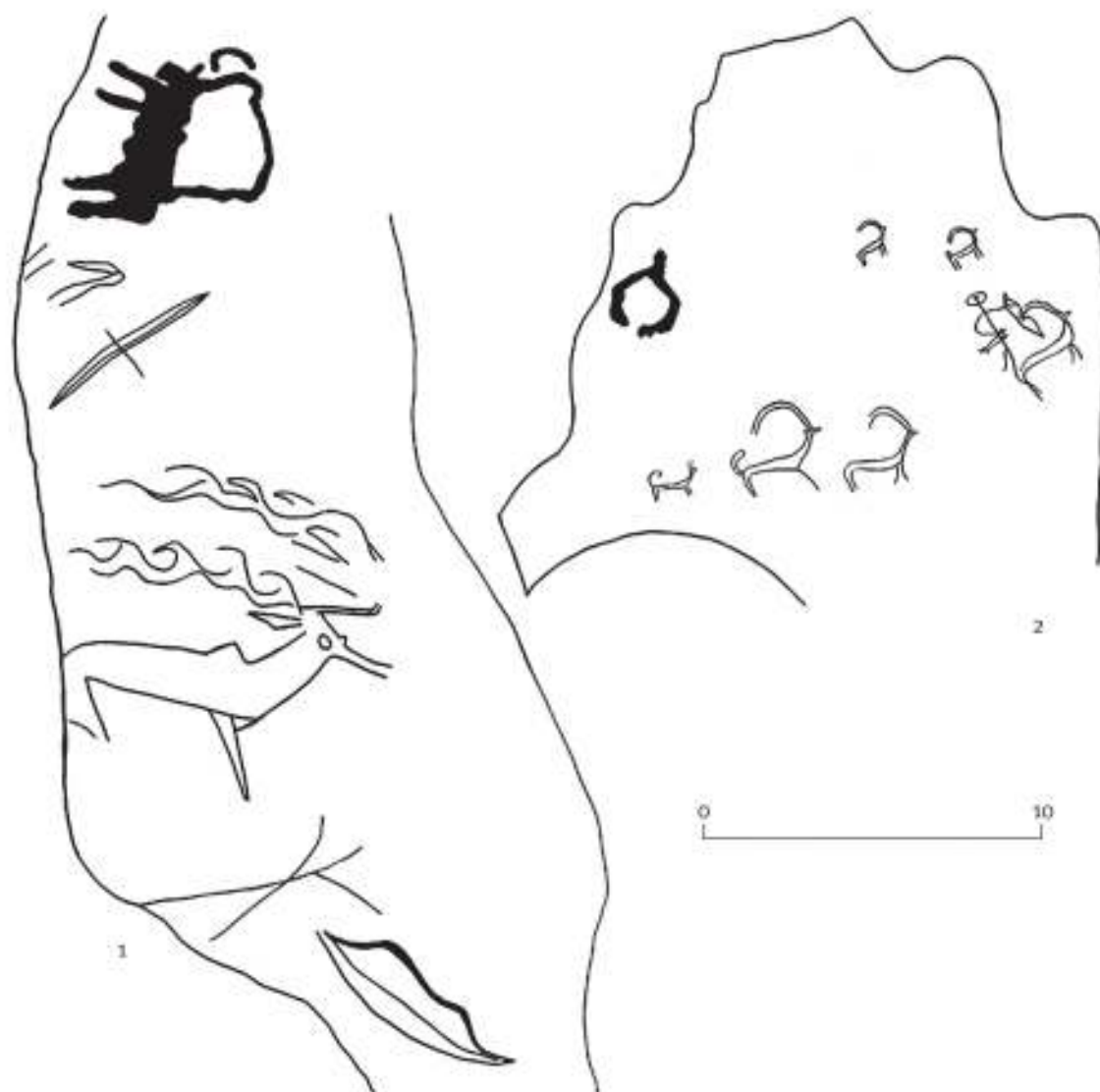

Рис. 3. Гора Устю-Мозага. 1 — камень 95; 2 — камень 81.

Fig. 3. Mt. Ustyu-Mozaga. 1 — Rocks 95; 2 — Rocks 81.

Рис. 4. Гора Устю-Мозага. 1 — камень 87; 2 — камень 91; 3 — камень 60.
Fig. 4. Mt. Ustyuzh-Mozaga. 1 — Rocks 87; 2 — Rocks 91; 3 — Rocks 60.

Рис. 5. Гора Устю-Мозага. 1 — камень 95; 2 — камень 135.
Fig. 5. Mt. Ustyuzh-Mozaga. 1 — Rocks 95; 2 — Rocks 135.

Рис. 6. Гора Устю-Мозага. Камень 105.
Fig. 6. Mt. Ustyu-Mozaga. Rock 105.

Рис. 7. Гора Устю-Мозага. Камень 145.
Fig. 7. Mt. Ustyu-Mozaga. Rock 145.

Литература

Дэвлет, 1976 — Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.

М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†)

Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага

В настоящей статье представлены сведения об истории документирования памятника наскального искусства на горе Устю-Мозага в Саянском каньоне Енисея (левобережье р. Чинге). Гора Устю-Мозага до затопления Саянского каньона водами искусственно-го моря достигала высоты более 50 м над уровнем

реки. Наскальные изображения были сосредоточены преимущественно на вершине. Всего обнаружено и зафиксировано около 160 «камней» с петроглифами. Материалы спасательных работ по исследованию петроглифов Саянского каньона обработаны и будут впоследствии опубликованы в полном объеме.

М. А. Devlet, E. G. Devlet (†)

Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Usty-Mozaga

This paper presents information on the history of documenting the site of rock art on Mt. Usty-Mozaga in the Sayan canyon of the Yenisei (left bank of the Chinge River). Mt. Usty-Mozaga, prior to its submergence by the waters of the artificial sea, towered more than 50 m above the river

level. The rock representations were concentrated primarily on the summit. Totally about 160 'rocks' with petroglyphs were revealed and documented. The results of the rescue investigations of the petroglyphs in the Sayan canyon are prepared and will be published later in full volume.

М. Н. Пшеницына¹

Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии

Ключевые слова: Хакасия, могильник Новомихайловка I, тагарская культура, звериный стиль, золотые украшения.

Keywords: Khakassia, cemetery of Novomikhaylovka I, Tagar culture, animal style, gold ornaments.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-113-116

Бейская экспедиция ИИМК РАН под руководством автора в 2003 г. провела культурно-историческое обследование земельного участка, принадлежащего на праве собственности ОАО «Саяногорский алюминиевый завод», занимающего площадь в 48 га в окрестностях г. Саяногорска на юге Хакасии. В ходе историко-культурной экспертизы на указанной территории были обнаружены пять больших курганов тагарской культуры (VIII–III вв. до н. э.). Эта курганная группа обозначена как **Новомихайловка I** по названию ближайшего населенного пункта — с. Новомихайловка, находящегося в 10 км к северо-востоку от могильника. В 2004–2007 гг. все пять курганов могильника Новомихайловка I были исследованы.

Наиболее интересные материалы получены в результате раскопок кургана 2, проведенных в 2006 г. После снятия его земляной насыпи диаметром 28 м и высотой до 1,18 м обнаружена ограда размерами 14 × 10 м, сложенная из валунов и крупной гальки. Внутри нее находились две основные могилы с коллективными захоронениями. Они расположены в ряд по оси север–юг и ориентированы в направлении с востока на запад, относятся к концу сарагашенского этапа тагарской культуры. Бревенчатые покрытия обеих могильных ям сожжены и разрушены.

В могиле 1 размерами 3,2 × 3,4 м и глубиной 1,4 м зафиксировано не менее 57 погребенных. Погребальная камера ограблена. Найдены 14 бронзовых изделий (чеканы, ножи, шилья, зеркала), фрагменты глиняных сосудов, возле одного из черепов — две нашивные бляшки из золотой фольги с одним и двумя отверстиями, здесь же — мелкие фрагменты золотой фольги.

В могилу 2 размерами 3,0 × 3,5 м, глубиной 1,6 м был поставлен сруб высотой 0,3 м в два венца из бревен диаметром 0,10–0,15 м. На ее дне зафиксирован пол из досок шириной до 0,2 м, уложенных в направлении

с востока на запад. На дне сруба и в его придонной части обнаружено коллективное захоронение не менее 90 погребенных — взрослых и детей. Судя по расположению скелетов и относительно малому количеству разрозненных человеческих костей в заполнении ямы, погребальная камера не была ограблена, а лишь потревожена на верхнем уровне захоронений в процессе производства последних погребений. Умершие чаще всего уложены на спине, в вытянутом положении. Преобладают северная и восточная ориентировки.

При погребенных в могиле обнаружены 53 предмета сопроводительного инвентаря (чеканы, ножи, шилья, зеркала и украшения) и пять глиняных сосудов. Следует отметить находку бронзового чекана с изображением сцены борьбы грифона с орлом на обушке (рис. 1), не имеющего аналогий в захоронениях тагарской культуры.

Среди разрозненных человеческих костей и отдельных фрагментов скелетов погребенных, зафиксированных в западной половине погребальной камеры, на фрагменте таза взрослого найдены сложенные компактной кучкой, возможно в мешочек, золотые украшения: гривна витая с кашлевидными отверстиями для застегивания на каждом из концов в двух крупных фрагментах (рис. 2, 3), серьга-кольцо (№ 1) небольших размеров с несомкнутыми концами и подвеской из золотого листа с вставленной в него стеклянной бусиной (рис. 2, 2), вторая крупная серьга-кольцо (№ 2) с несомкнутыми концами и подвеской из золотого листа с вставленной в него стеклянной бусиной (рис. 2, 1). Здесь же были обнаружены половина крупной накладки на полушаровидную бляшку из золотой фольги с отверстием для пришивания в центре (рис. 2, 5) и два фрагмента аппликации также из золотой фольги (рис. 2, 4).

Украшения из золота, найденные в могиле 2, представляют собой исключительный интерес. Ближайшие аналогии им обнаружены в могильниках скифского времени в Туве. В могильнике Урбюн III, находящемся на левом берегу р. Улуг-Хем в Центральной Туве, в одном из курганов скифского времени найдена золотая

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: admin@archeo.ru.

Рис. 1. Могильник Новомихайловка, курган 2, могила 2. Чекан со сценой в зверином стиле на обушке. Бронза (фото и рисунок).

Fig. 1. Cemetery of Novomikhaylovka, barrow 2, grave 2. Battleaxe with a scene in the animal style on the back. Bronze (photo and drawing).

серьга того же типа, что и в Новомихайловке I в кургане 2 (Савинов, 1980. С. 115, рис. 6, 3). В могильнике Баян-Кол на Правобережье р. Улуг-Хем в одном из захоронений алды-бельского типа (VII–VI вв. до н. э.) обнаружена золотая гривна с отверстиями для застегивания на каждом из концов, аналогичная гривне из Новомихайловки I (Семенов и др., 1995. Рис. 2, 10).

На территории Минусинской котловины и юга Красноярского края близкая по типу к нашим изделиям золотая серьга найдена в Ташебинском дворце под Абаканом (Кызласов, 2001. С. 55, 58, рис. 25, 8). Две серьги из золотой проволоки, к которой подвешен в одном случае конус со вставленной в него стеклянной бусиной, в другом — золотой листочек, обнаружены

Рис. 2. Могильник Новомихайловка, курган 2, могила 2. 1, 2 — серьги; 3 — пластинчатая перевитая гривна; 4 — фрагменты аппликации; 5 — накладка на бляшку.

1, 2 — золото, стекло; 3–5 — золото.

Fig. 2. Cemetery of Novomikhaylovka, barrow 2, grave 2. 1, 2 — earrings; 3 — twisted lamellate neck-ring; 4 — fragments of an appliqué; 5 — mount on a plaque.

1, 2 — gold, glass; 3–5 — gold.

в склепе, раскопанном на территории с. Береш Шарыповского района Красноярского края (*Субботин*, 1983. С. 64–66; рис. 1; 2). Оба памятника датируются II–I вв. до н. э. — началом I в. н. э., т. е. относятся к хунно-сарматскому времени или тесинскому переходному этапу (*Пшеницына*, 1992. С. 234–235).

Все золотые украшения и фрагменты аппликаций из золотой фольги из могил 1 и 2 были сданы на временное хранение в ОНТЭ ГЭ с.н.с. С. В. Хаврину для проведения химических анализов. Их результаты изложены им в отдельной статье (см. ниже). В 2007 г. находки были переданы на постоянное хранение в МУ «Краеведческий музей» г. Саяногорска в Республике Хакасия.

В заключение следует отметить, что раскопанные две могилы в кургане 2 могильника Новомихайловка I дали новую информации для реконструкции погребального обряда курганов с коллективными захоронениями на финальной стадии существования тагарской культуры. Особый интерес представляют находки золотых украшений (гривна и две серьги-кольца), обнаруженные **впервые** в кургане сарагашенского этапа тагарской культуры на территории Минусинской котловины. Хотя показаны их аналогии в комплексах более поздней хунно-сарматской эпохи, однако основ-

ной погребальный инвентарь в двух коллективных могилах кургана 2 не позволяет датировать этот памятник позднее III в. до н. э.

Литература

Кызласов, 2001 — *Кызласов Л. Р.* Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.

Пшеницына, 1992 — *Пшеницына М. Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в гунно-сарматское время / отв. ред. М. Г. Мошкова. М., 1992 (Серия: Археология СССР).

Савинов, 1980 — *Савинов Д. Г.* Могильник Урбюн-III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово, 1980 (Известия лаборатории археологических исследований; вып. 11).

Семенов и др., 1995 — *Семенов В. А., Килуновская М. Е., Чугунов К. В.* Археологические исследования на правобережье Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности / ред. Д. Г. Савинов. Л., 1995 (АИ, вып. 24).

Субботин, 1983 — *Субботин А. В.* Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Сб. статей / ред. В. М. Массон. Л., 1983.

М. Н. Пшеницына

Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии

Могильник Новомихайловка I исследовался Бейской экспедицией ИИМК РАН с 2004 по 2007 г. под руководством автора. Наиболее интересные комплексы обнаружены в кургане 2. Следует отметить бронзовый чекан из могилы 2 с изображением сцены в зверином стиле, расположенной на обушке. В той же могиле найдены сложенные компактной кучкой, возможно

в мешочек, золотые украшения: разломанная пополам витая гривна и две серьги с подвесками из стеклянных бусин, частично оправленных в золотую фольгу, а также накладка на бляшку с отверстием в центре и два фрагмента аппликации из золотой фольги. Ближайшие аналогии украшениям из золота обнаружены в могильниках скифского времени Тувы.

M. N. Pshenitsyna

Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia

The cemetery of Novomikhaylovka I was investigated under the direction of the author by the Beysk expedition of IIMK RAS from 2004 to 2007. The most interesting complexes were discovered in kurgan 2. Noteworthy is the bronze chekan (battleaxe) from grave 2 with a scene in the animal style on the back. In addition, in the same grave were found gold ornaments preserved in a compact heap,

possibly put into a bag, viz. a twisted temple ring and two earrings with pendants of glass beads partly mounted into gold foil, as well as a mount on a plaque with a hole in the centre and two fragments of an appliqué made from gold foil. The closest parallels to the gold ornaments under consideration were found in cemeteries of the Scythian period in Tuva.

С. В. Хаврин¹

О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)

Ключевые слова: Хакасия, могильник Новомихайловка I, золотые украшения, метод РФА, состав сплава металлических изделий.

Keywords: Khakassia, cemetery of Novomikhaylovka I, gold ornaments, XRF analysis, composition of the alloy of metal objects.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-117-119

Исследование состава сплава металлических изделий из кургана 2 могильника Новомихайловка I² (табл.) проведено в 2007 г. в ОНТЭ ГЭ методом рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) на спектрометре ArtTAX (фирма Brüker).

ри относительно низкопробного золота (765–810°). Соотношение компонентов (золота, серебра и меди) весьма близкое, что свидетельствует, по-видимому, об одновременности изготовления фрагментов фольги из могилы 1.

Таблица

Могильник Новомихайловка I, курган 2. Результаты РФА золотых изделий (в %)

Table

Novomikhaylovka I, kurgan 2. Results of XRF of the gold objects (percents)

Курган/погребение	Предмет	Au	Ag	Cu	Рис.*	
2/1	Бляшка из фольги (с двумя отверстиями)	78,6–79,6	19,5–20,6	0,8–1		
	Фольга	79,6–80,6	17,8–19,0	1,5–2		
	Фольга	76,7–78,3	19,7–21,1	1,9–2,3		
2/2	Фольга (два фрагмента)	78,3–81,4	16,8–19,8	1,6–1,9	2, 4	
	Накладка на полушаровидную бляшку	87,4–88,3	11,2–12	0,5–0,75	2, 5	
	Гривна	Фрагмент 1	76,8–78	19,6–20,8	2–2,4	2, 3
		Фрагмент 2	77,8–78,8	19,5–20	1,7–2,3	
	Серьга № 2	Дужка	85,8–87	12,2–13,7	0,5–0,6	2, 1
		Проволока	80,4–81,8	16,2–17,6	1,9–2	
		Верхний колпачок	79,5–81,7	15,9–18,5	1,9–2,4	
		Нижний колпачок	75,8–76,8	22–22,8	1,2–1,4	
	Серьга № 1	Дужка	44,6–45,8	53,3–54,8	0,7–1	2, 2
		Проволока	76,1–77,5	18,4–19	3,6–4	
		Верхний колпачок	63,6–66	32,9–34,9	1,1–1,5	
Нижний колпачок		82,6–83,6	12,6–13,2	3,6–4		

* Ссылки на рисунки в статье М. Н. Пшеницыной «Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии» в настоящем сборнике.

Кусочки фольги (аппликации и бляшка) из **могилы 1 кургана 2** имеют толщину 20–50 мкм. По содержанию золота, по классификации Н. В. Петровской (Петровская, 1973. С. 120), они относятся к катего-

Два фрагмента фольги (толщиной 40–50 мкм) из **могилы 2 кургана 2**, найденные в сложенном виде и развернутые при реставрации, имеют состав золота аналогичный фольге из могилы 1. Фрагмент более толстой фольги (около 100 мкм), найденный также в сложенном состоянии и оказавшийся накладкой на полушаровидную бляшку, выполнен из среднепробного золота (870–885°) с невысоким содержанием меди.

¹ 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34.

Государственный Эрмитаж. Отдел научно-технологической экспертизы. Адрес электронной почты: sergekhavrin@yandex.ru.

² Материалы опубликованы в статье М. Н. Пшеницыной в настоящем сборнике.

Гривна, найденная сломанной, выполнена из золота, по соотношению компонентов близкого к металлу фольги из могилы 1 (765–790°).

Серьга № 1 состоит из нескольких элементов, но состав их сплава различается не сильно. Они изготовлены из золота среднепробного и относительно низкопробного (750–870°).

Детали серьги № 2 изготовлены из золота различной пробы, пробность колеблется от 450 до 830°. То, как грубо прикреплена дужка серьги, свидетельствует о произведенном в древности ремонте. Наиболее низкопробна дужка, фактически это электрум. Сильно разнится состав сплава колпачков. Понятно, что при таком грубом ремонте взяли первую попавшуюся проволоку, не слишком заботясь о цветовой гамме изделия, в результате: дужка беловатого металла, зелено-желтые проволока и верхний колпачок, а также нижний колпачок желтого цвета (рис.).

В сплаве нижнего колпачка и проволоки, крепящей дужку, содержание меди высокое — 3,6–4 %. Содержание в золоте меди выше 3 %, по мнению ряда исследователей, свидетельствует об искусственном легировании (Tylecote, 1987; Зайков и др., 2012. С. 163, 172; Таиров, Зайков, 2013. С. 64; Таиров и др., 2015. С. 326). На наш взгляд, наличие в золотых месторождениях медистого золота (когда содержание меди достигает десятков процентов) не позволяет пока ставить жесткие границы, отделяющие искусственные сплавы от природного золота.

Комплекс золотых изделий из могилы 2 кургана 2 интересен тем, что они найдены компактной кучкой на фрагменте таза погребенного. По предположению автора раскопок М. Н. Пшеницыной, возможно, они были сложены в мешочек. Содержимое его, вполне вероятно, представляет собой набор ювелира: сложенные в несколько раз фрагменты тонкой фольги — сырье, разломанная пополам гривна — объект для ремонта и комплект серег, одна из которых отремонтирована тем, что подвернулось под руку.

Литература

Зайков и др., 2012 — Зайков В. В., Таиров А. Д., Зайкова Е. В., Котляров В. А., Яблонский Л. Т. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. Екатеринбург, 2012.

Петровская, 1973 — Петровская Н. В. Самородное золото. Общая характеристика, типоморфизм, вопросы генезиса. М., 1973.

Таиров, Зайков, 2013 — Таиров А. Д., Зайков В. В. Изделия из благородных металлов в памятниках ранних кочевников пограничья степи и лесостепи Зауралья // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Екатеринбург, 2013. Т. 13, № 2.

Таиров и др., 2015 — Таиров А. Д., Бейсенов А. З., Зайков В. В., Зайкова Е. В., Блинов И. А. Древнее золото Казахстана // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этнокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К. А. Акишева / отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2015.

Tylecote, 1987 — Tylecote R. F. The Early History of Metallurgy in Europe. London. 1987.

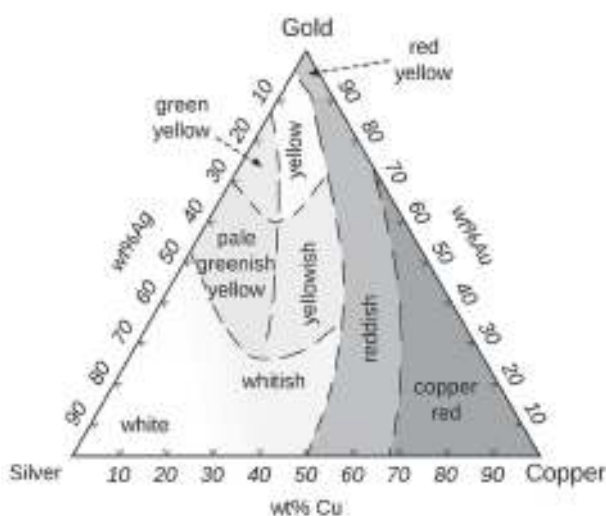

Рис. Курган 2 могильника Новомихайловка I. Тройная диаграмма цвета сплава серебро–золото–медь.

Fig. Kurgan 2 of the cemetery of Novomikhaylovka I. Triple diagram of the colour of the silver–gold–copper alloy.

С. В. Хаврин

О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)

Исследование является дополнением к статье М. Н. Пшеницыной «Золотые украшения из тагарского кургана в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии», опубликованной в настоящем сборнике. В статье излагаются результаты РФА золотых украшений из могильника

тагарской культуры Новомихайловка I (Хакасия). Исходя из характеристик сплава золотых изделий, автор предполагает, что часть из них составляла «набор ювелира», в который входили предназначенные для починки изделия и металлический лом для их ремонта.

S. V. Khavrin

Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)

The study is a supplement to the article by M. N. Pshenitsyna 'Gold ornaments from a Tagar barrow in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia' in the present collection. This paper presents the results of XRA analysis of gold ornaments from the kurgan 2 of the cem-

etery of Novomikhaylovka I belonging to the Tagar culture (Khakassia). Considering the characteristics of the alloy of the gold artefacts, the author supposes that some of them were a 'jeweller's set' including objects intended for repair of a jewel and scrap metal for repair.

В. А. Кисель¹

Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы

Ключевые слова: археология, этнография, кочевники, Тува, могильник Догээ-Баары, женский костюм, реконструкция.

Keywords: archaeology, ethnography, nomads, Tuva, cemetery of Dogee-Baary, female costume, reconstruction.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-120-127

Восстановление костюмов прошлого представляет собой интереснейшую проблему истории, археологии и этнографии. На эту тему написано немало трудов, однако многое еще остается непонятым. В данной статье будет сделана новая попытка реконструкции одеяния представительницы древнего кочевого мира.

В 2010 г. Тувинская археолого-этнографическая экспедиция МАЭ РАН, проводя раскопки на могильном поле Догээ-Баары в Республике Тыва под г. Кызыл, исследовала непо потревоженное грабителями погребение — Догээ-Баары 2, курган № 33. Оно располагалось в кургане уюкско-саглынской культуры и относилось к концу III—II в. до н. э. (Кисель, 2011. С. 207–217). Сам курган представлял собой грунтовую насыпь, обложенную камнями, в центре которой некогда возвышался пирамидальный памятник, возведенный из плит и рваных камней. В кургане находились четыре могилы. Особое внимание привлекла центральная, где в срубе было совершено коллективное захоронение: два мужчины, женщина и младенец.

Несмотря на то что некоторые предметы сопроводительного инвентаря истлели или были сломаны из-за тяжести камней просевшего намогильного сооружения, уцелевшие вещи составили внушительный набор. Наибольшее количество находок располагалось на женском скелете и возле него. В районе черепа размещались две золотые проволочные серьги, четыре железные булавки с обложенными золотом шаровидными наверхиями, пять золотых трубочек, три подтреугольные золотые накладки с изображениями сдвоенных голов оленей, пять подпрямоугольных и семь ромбовидных золотых накладок, семь (?) ромбовидных слюдяных пластинок, около 100 цветных стеклянных бисерин. Ниже находились 163 аргиллитовые бусины, 28 сердоликовых, бирюзовых и стеклян-

ных бусин, золотое проволочное колечко. В районе пояса погребенной лежали бронзовые двукольчатая и пятикольчатая пряжки, железные нож и шило, костяная трубка с выгравированными четырьмя головами ланей (?), раковина каури, фрагменты красного лака, а в ногах — бронзовое зеркало с боковой ручкой в виде животного².

Находки, располагавшиеся возле черепа, позволили реконструировать головной убор. Судя по составу тлена, предмет был изготовлен из войлока и ткани. По-видимому, он имел цилиндрическую или конусовидную форму. Пара булавок-шпилек возле висков женщины закрепляла края убора на прическе. Две другие булавки, расположенные крест-накрест, были воткнуты сверху, возможно, удерживая косу, поднятую вертикально над головой. Не исключено, что убор состоял из двух частей: небольшая шапка и трубка-накосник. Размещение верхней пары булавок в 40 см от черепа зафиксировало общую высоту убора. Лицевая часть предмета была орнаментирована золотыми и слюдяными пластинками, накладками с изображениями голов оленей, цветным бисером. Золотые трубочки и бирюзовые бусины, очевидно, крепились к нижней части убора (рис. 1).

Другой значительный элемент костюма находился в области груди и живота женщины. Он восстанавливается по скоплению бусин и пряжек. Расположение большинства бусин поверх ребер и позвонков указывало на изделие, определенно носившееся спереди. Вряд ли это были низки бус или комплект ожерелий,

² Точно определить животное не удалось, так как из-за производственного брака отсутствовала голова. На зеркале из Горного Алтая (Ала-Гаил, курган № 19) имеется аналогичный недолив металла (Мартынов и др., 1985. С. 157, 161, рис. 8, 3). Судя по публикации, совпадение алтайского зеркала с предметом с Догээ-Баары настолько полное, что позволяет предположить изготовление их по одной модели. Кстати, в кургане, откуда происходит алтайское зеркало, на погребенной женщине была шапка, украшенная золотыми нашивками, пластинкой с изображением оленя и костяными бусинами. В набор входила и бронзовая булавка.

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Отдел хранения фондов. Адрес электронной почты: kisel@kunstkamera.ru.

Рис. 1. Головной убор погребенной женщины (реконструкция). Республика Тыва. Могильник Догээ-Баары 2, курган № 33. Конец III–II в. до н. э. (рисунок Е. В. Степановой).

Fig. 1. Headdress of the buried woman (reconstruction). Republic of Tuva. Cemetery of Dogee-Baary 2, kurgan no. 33. Late 3rd–2nd century BC (drawing by E. V. Stepanova).

поскольку площадь, занимаемая бусинами, составляла около 1 кв. м. Скорее всего, здесь размещался нагрудник. Предмет мог быть сшит из кусков кожи, шкуры или ткани и декорирован бусинами. Возможно, присутствовали вышивка или аппликации.

Таким образом, археологическая ситуация в кургане Догээ-Баары продемонстрировала доминирующие элементы в костюме погребенной женщины — головной убор и нагрудник. Дополнительную информацию для предлагаемой реконструкции может дать при-

влечение материалов некоторых других археологических памятников.

Наиболее ранняя аналогия упомянутым деталям костюма происходит из кургана Аржан-2 в Туве (вторая половина VII в. до н. э.). «Царица», похороненная в этом кургане, имела высокий головной убор, закрепленный на прическе двумя золотыми булавками, а также полукруглый нагрудник, расшитый золотыми и бирюзовыми бусинами (Šugunov *u.a.*, 2010. Abb. 226)³.

В более позднее время типологически близкие головные уборы известны на Алтае. В Пятом Пазырыкском кургане (IV–III вв. до н. э.) была найдена деревянная шапка, обтянутая кожей. Она представляла собой низкий цилиндр, на котором в вертикальном положении размещался жгут из конского волоса. Две косы владелицы убора, продетые сквозь отверстия по бокам цилиндра, сплетались со жгутом. Волосную конструкцию удлиняла накладная коса из человеческих волос и шерстяных нитей, скрепленная железной булавкой (Руденко, 1953. С. 123, 129–130, табл. XXVI, 2).

Пазырыкский убор был запечатлен в произведениях торевтики. На парных золотых бляхах из Сибирской коллекции Петра I («Отдых в пути») изображена женщина в сходной шапке (Руденко, 1962. Табл. VII, 1). Показана и аналогичная прическа: одна боковая коса (голова изображена в профиль) соединена с косой на темени, поднятой высоко вверх.

Возможно, вытянутая форма женских головных уборов древних кочевников диктовалась необходимостью закрепления кос в вертикальном положении. Зависимость очертаний шапок от укладки волос выявил еще Д. К. Зеленин, писавший, что «головной убор женщины большей частью тесно, органически связан с ее прическою, являясь как бы дополнением этой последней» (Зеленин, 1926. С. 304).

Составной кожано-деревянный предмет из Пятого Пазырыкского кургана внешне напоминает «парики», найденные в других памятниках пазырыкской культуры. Эти изделия состояли из войлочной шапки, покрытой конским волосом и мастикой из глины, жира, муки и сажи, с отверстием на темени. Сверху крепились пучок волос и войлока, помещенный в красный шерстяной чехол с воткнутой в него булавкой, и длинная палка, обтянутая войлоком и черной шерстяной тканью, часто украшенная деревянными птицами. «Парики» обычно дополнялись тремя деревянными или матерчатыми наконечниками (Полосьмак,

³ Вероятно, сходный нагрудник находился в сопроводительном женском погребении (Аржан-2, могила № 13А).

2001. С. 143–154; *Дашковский, Усова*, 2011. С. 82–83). По мнению Н. В. Полосьмак, в пазырыкской культуре было принято, чтобы женщины брили головы и носили «парики». Однако, скорее всего, эти наголовья применялись исключительно при погребении в качестве замены реального убора и прижизненной прически умершей.

В древности на Алтае бытовали и нагрудники⁴. В кургане № 2 могильника Уландрык IV (III в. до н. э.) возле нижних ребер женского скелета среди кусков кожи и шерстяной ткани было обнаружено более 10 деревянных бляшек, обтянутых золотым листом (*Кубарев*, 1987. С. 187–189). Бляшки могли обрамлять нижний край истлевшего нагрудника. Но основным доказательством является находка из Большого Катандинского кургана (III–II вв. до н. э.) — целиком сохранившийся нагрудник. Он представлял собой полукруглый меховой предмет, отделанный шелком и золотой пластиной. К нему были пришиты 4 завязки и шелковые ленты с деревянными фигурками фантастических коней (*Киселев*, 1951. С. 341–342).

В ряде памятников тагарской культуры Хакаско-Минусинской котловины также фиксируются нагрудники. В погребениях могильников Тисуль и Ягуня (IV–III вв. до н. э.) на женских костяках от ключиц к тазу размещались широкие параллельные дуги из бронзовых и каменных бусин. По всей видимости, они отмечали нагрудники (*Мартынов*, 1979. С. 29, рис. 14).

Самое большое число параллелей костюму из кургана Догээ-Баары представлено в материалах могильника Суглуг-Хем в Туве (II–I вв. до н. э.). В этих захоронениях был открыт особый вариант женского головного убора — берестяная конусовидная шапка высотой 40 см, увенчанная деревянным наконечником и железной шпилькой в золотой обкладке (*Семенов*, 2003. С. 21, табл. 29, 17). К тому же с Суглуг-Хема происходят аргиллитовые, сердоликовые и бирюзовые бусины тех же форм, что и с Догээ-Баары. Бусины размещались вместе с бисером, раковинами каури и пятикольчатые пряжками (*Семенов*, 2003. С. 15, 18, 20–21, 28, 35). Относительно неплохая сохранность суглуг-хемских погребений позволила установить, что пряжки и раковины каури являлись принадлежностями пояса

(Суглуг-Хем I, сруб № 23, 28). Аргиллитовые же бусы использовались в качестве декоративных деталей поясов, шейных и нагрудных украшений. Это позволяет заключить, что у женщины, похороненной на Догээ-Баары, имелся пояс с пятикольчатой пряжкой, расшитый бусинами. К поясу с помощью ремешков и двухкольчатой пряжки были подвешены костяная трубочка, зеркало и футляр с ножом и шилом. Особой деталью выступала раковина каури, служившая, судя по этнографическим материалам, оберегом (*Михайлова*, 2005. С. 103–104; *Руденко*, 2006. С. 277–278).

В нескольких погребениях Суглуг-Хема (Суглуг-Хем I, сруб № 25, 27, 28; Суглуг-Хем II, сруб № 6) скопления бус — вероятные остатки нагрудников — находились вместе с берестяными конусами и железными булавами. Такое повторяющееся сочетание дает возможность сделать вывод об устойчивой костюмной паре, бытовавшей у древних кочевников Тувы⁵.

Уточнить культурное значение реконструируемых элементов костюма помогают этнографические источники. Тюрко/монголоязычные народы, став доминирующей силой в евразийском поясе степей, занимали целый ряд достижений ираноязычных кочевников. Это затронуло и одежду. Так, к тюркским народам перешли высокие головные уборы. До недавнего времени тюркские женщины практически повсеместно носили богато орнаментированные цилиндрические и конусовидные шапки. Наиболее известны казахские и каракалпакские саукеле — простеганные ватные или шерстяные колпаки высотой до 70 см с назатыльной и наушными лопастями. Саукеле обычно обшивались красной тканью и украшались металлическими бляшками, кораллами, сердоликами, вышивкой. Нередко сверху крепился пучок перьев (*Курьлев*, 1998. С. 65; *Попова*, 2002. С. 136–139).

Типологически близкими саукеле были ногайские теке-берк, киргизские шокуло, туркменские шовкеле, башкирские и татарские кашмау и келепуш, чувашские тухья, балкарские и карачаевские алтынбаш, келин берк. Эти уборы, как правило, конической формы, снабжались набивной подкладкой и обшивались тканями красного цвета. Они декорировались монетами, бляшками, кораллами, жемчугом, перламутром, бисером, парчой, а иногда и перьями (*Антипина*, 1962. С. 249–250; *Руденко*, 2006. С. 162–166).

У монгольских народов бытовали бокка (боктаг, гу-гу), представлявшие собой полусферическую шапку, увен-

⁴ По мнению С. И. Руденко и С. А. Яценко, пазырыкскими нагрудниками являлись продолговатые и закругленные лопасти из шкур (*Руденко*, 1953. С. 115–116; *Яценко*, 2006. С. 88). Впрочем, скорее всего, эти изделия служили «хвостами» специфических шуб (*Полосьмак*, 2001. С. 132). Украшением одного из таких «хвостов» могла быть бронзовая с золотым покрытием пластина из Первого Туэктинского кургана, обычно интерпретируемая как накладка нагрудника (*Руденко*, 1960. С. 119; *Яценко*, 2006. С. 88).

⁵ Если цилиндрические и конусовидные формы женских головных уборов восстанавливаются вполне определенно, то каких очертаний было большинство нагрудников, пока не ясно.

чанную берестяным или деревянным цилиндром с расширением наверху. Они обтягивались шелком, чаще всего красного цвета, и отделялись металлическими бляшками, золотой проволокой, жемчугом, драгоценными камнями, бисером. Нередко над бокка возвышался ивовый, бамбуковый или железный прут, к которому крепились перья (Додэ, 2008. С. 53–57).

С подобными уборами были знакомы и народы Кавказа. Так, чеченки и ингушки носили чугул, курхарс — шапки с берестяной трубкой, изогнутой ко лбу женщины. Предмет целиком обшивался тканью и декорировался кораллами (Студенецкая, 1989. С. 57–60). Параллели отыскиваются и в славянской среде, где фигурировали кички, рога, кибалки, сороки, кокошники, выделявшиеся роговидными выступами. При изготовлении этих уборов использовались дерево, луб, простеганный холст, а для отделки — золотая парча, серебряные цепочки, самоцветы, жемчуг, бисер (Зеленин, 1927. С. 322–326, 328, 330, 535–543).

Нельзя не отметить, что в этнографическое время традиционные прически женщин претерпели существенное изменение. Несмотря на то что преобладающим вариантом остались косы, их перестали поднимать вверх, пропуская через головной убор, а начали укладывать кольцом на голове или опускать вниз.

Нагрудники, подобно головным уборам, широко распространились у тюркских народов. Самым ранним свидетельством являются древнетюркские каменные изваяния (Веселовский, 1915. Табл. IV, 13, V, 20, VII, 25, 27, XI, 1, 4, 6, XII, 8, 9, XIII, 17; Ермоленко, 2004. С. 33). Позднее нагрудники известны у татар, киргизов, башкир, хакасов, шорцев, чувашей, якутов, турок (Гаген-Торн, 1960. С. 85–98; Сулова, 1980. С. 43–45; Серебрякова, 1989. С. 168; Шитова, 1995. С. 103–104, 108–114; Завьялова, 1996. С. 66, 107; Этнотерриториальные группы..., 2002. С. 194–196, 198–200; Михайлова, 2005. С. 66–67, 101; Руденко, 2006. С. 155–160). Часть из них носилась под плечевой одеждой, но большинство — сверху. В качестве отделки применялись вышивка, аппликации, монеты, бисер, перламутр, жемчуг, кораллы, янтарь.

Нагрудники были известны финно-уграм и славянам (Гаген-Торн, 1960. С. 84–85, 94–95, 98; Шлыгина, 1986. С. 219; Молотова, 1992. С. 45; Михайлова, 2005. С. 86–87; Бобринин, 2006. С. 100; Кислуха, 2006. С. 264)⁶. Некоторые народы (например, русские, якуты, ханты,

нганасаны, узбеки, туркмены) заменяли нагрудники украшениями из множества цепочек, низок бус либо полосок ровдуги, создававших впечатление единой ажурной лопасти (Сухарева, 1982. С. 108, 114; Михайлова, 2005. С. 19–28, 58–60; Кислуха, 2006. С. 28–29, 67, 87).

Необходимо упомянуть отмеченную этнографами тесную связь нагрудных и шейных элементов костюма. Нередко эти предметы состыковывались вместе, превращаясь в единое изделие, закрывавшее шею и грудь женщины (Гаген-Торн, 1960. С. 91–97; Сухарева, 1982. С. 105–108; Шлыгина, 1986. С. 219; Серебрякова, 1989. С. 166; Молотова, 1992. С. 44; Шитова, 1995. С. 115–116; Михайлова, 2005. С. 20–23, 45–46, 53, 58–61, 66, 86, 88). В перечисленных выше археологических памятниках тоже улавливается комплектность шейных и нагрудных деталей наряда. Так, у похороненных женщин вместе с нагрудниками фигурировали бусы и золотая пластинчатая гривна (Суглуг-Хем I, сруб № 25), а также деревянная модель гривны (Уландрык IV, курган № 2). В кургане же на Догээ-Баары на шее погребенной, скорее всего, находились бусы из сердоликов, бирюзы и стекла.

Символический смысл элементов костюма устанавливается на основе этнографических материалов. Как показывает обзор высоких женских уборов, их общим отличительным признаком была жесткость. Стремление сделать конструкцию особенно прочной можно объяснить верованиями, по которым тело женщины с наступлением фертильного возраста начинало «твердеть», причем «отвердевала» и ее голова (Гаген-Торн, 1960. С. 190; Чеснов, 1998. С. 313–314). Это перекликается с тем, что подавляющее большинство уборов входило в костюмы невест и молодых.

Во многих традиционных культурах большое значение придавалось макушке или темени женщины. Именно поэтому девичьи шапки и женские свадебные уборы нередко имели сверху отверстие, накладки либо яркую вышивку. Это объясняется тем убеждением, что через макушку в молодую женщину проникает благодатная потусторонняя сила, позволяющая ей забеременеть (Чеснов, 1998. С. 220–221, 229; Попова, 2002. С. 139; Троцанский, 2012. С. 76). Возможно, в древности пропускание косы или пряди сквозь отверстие в уборе указывало на наступление нового этапа в жизни женщины — способности к деторождению.

Следует подчеркнуть, что высокие головные уборы часто несли на себе орнитоморфную символику. В мифологическом сознании сам женский образ ассоциировался с птицей (Фрэзер, 1984. С. 177, 391–392, 468;

⁶ Особый вариант представляли «тунгусские» нагрудники, изготовленные из шкур или ровдуги. Кроме тунгусоязычных народов, их использовали кеты, селькупы, энцы, нганасаны, якуты, юкагиры, нанайцы, ульчи, причем не только женщины, но и мужчины (Василевич, 1949. С. 42–44, 56, 58).

Чеснов, 1998. С. 222–230, 307–309), а шапки подчеркивали это особо. Показательны названия некоторых уборов: «кокошник» у русских, «крылатый чепец» у немцев, «летающая шапка» у тувинцев, «птичий гребень» у ингушей. Археологические находки демонстрируют ту же связь. На головном уборе из Аржана-2 размещалась золотая эмблема в виде стилизованной головы хищной птицы, а пазырыкские «парики» декорировались птичьими фигурками. Вполне возможно, что и убор с Догээ-Баары тоже имел нечто подобное, например султанчик из перьев.

Особую роль в традиционной культуре играли женские прически. Они отмечали возрастные изменения женщины: вступление в девичество, совершеннолетие, выход замуж, рождение ребенка, приход старости. Часто эти перемены отражались в количестве кос женщины. Так, девушки носили волосы распущенными или заплетенными в одну либо множество косичек. Выходя замуж или став матерями, они заплетали обычно две косы (Сухарева, 1982. С. 94–95; Михайлова, 2005. С. 95, 97–98, 100–102). К тому же вступление в брак требовало от женщины тщательно скрывать волосы под головным убором (Гаген-Торн, 1960. С. 141–145)⁷. Не вызывает сомнения, что у представительниц мира древних кочевников сложные прически (переплетенные косы, «парики», шиньоны и ложные косы) отмечали их конкретный социальный статус.

Символическая и культурная роль головных уборов и нагрудников во многом совпадала. Одной из их важнейших функций являлась магическая защита владелицы от зловредных сверхъестественных сил. Многие народы верили в существование у человека нескольких душ-сущностей и наличие специальных мест концентрации жизненных сил. Наиболее часто выделялись такие зоны человеческого тела, как голова/волосы, шея/горло, грудь/сердце (Фрэзер, 1983. С. 176–179, 222, 280–281; Тайлор, 1989. С. 214–217; Львова и др., 1989. С. 59–60; Троцанский, 2012. С. 76). Головные уборы и нагрудники позволяли женщине на ответственном этапе жизни противостоять негативному воздействию потустороннего мира.

Немаловажное значение имело цветовое решение костюма. В женских нарядах, особенно свадебных, часто фигурировал красный цвет. Считается, что он символизировал плодородие, расцвет жизненных сил (Сухарева, 1982. С. 25; Маслова, 1984. С. 41; Серебрякова, 1989. С. 164, 168; Чеснов, 1998. С. 212). Видимо, в костюме женщины, погребенной на Догээ-Баары,

тоже преобладали красные оттенки. Это подтверждают фрагменты красного лака, некогда покрывавшего ее пояс и, возможно, нагрудник.

Не всегда высокий головной убор и нагрудник носились одновременно, но известен ряд народов, у которых они составляли комплект, например, мордва, чуваша, марийцы, удмурты, казахи, татары, русские, белорусы (Гаген-Торн, 1960. С. 39, 46, 178, 180–85, 193–194, 201–202; Сулова, 1980. Рис. 25, 26, 27а; Романюк, 1981. Ил. 288–289, 294–295; Молотова, Сошина, 1984. Ил. 117, 172; Молотова, 1992. С. 56–57). Оба предмета нередко входили в наряд невесты. Однако, пожалуй, чаще они служили маркером социальных групп, разных по статусу, но близких по возрасту — сексуально созревших девушек, молодых женщин, родивших первенца (Гаген-Торн, 1960. С. 86–87, 90, 97; Серебрякова, 1989. С. 168; Шитова, 1995. С. 183–184; Михайлова, 2005. С. 96–101, 109; Руденко, 2006. С. 156). Вероятно, в кургане Догээ-Баары была похоронена замужняя женщина-мать. Это подтверждает расположение скелетов в погребении: женский скелет лежал между мужским и младенческим. Близкая картина наблюдалась и в упомянутых выше археологических памятниках (Аржан-2; Суглуг-Хем I, сруб № 27; Суглуг-Хем II, сруб № 6).

Как следует из проведенного анализа, в кургане Догээ-Баары было совершено захоронение женщины, облаченной в многокомпонентный костюм. Он включал шапку, украшенную металлическими и каменными накладками, бусами, бисером, на верху которой располагался трубчатый наосник, возможно с плюмажем. С помощью двух пар булавок головной убор скреплялся со сложной прической, состоявшей из трех (?) кос, сплетенных друг с другом и поднятых вверх. Шею женщины украшали яркие бусы. Остаются невыясненными виды плечевой и поясной одежды. Вероятно, это были рубаха с длинной юбкой или штанами. У женщины имелся лакированный пояс с пятикольчатой пряжкой и раковиной каури, расшитый каменными бусинами. К поясу на двукольчатой пряжке крепились ремешки с подвешенными зеркалом, ножом, шилом и костяной трубочкой. Поверх плечевой одежды располагался полукруглый нагрудник, богато украшенный каменными бусинами. Во всем одеянии, должно быть, выделялся красный цвет (рис. 2).

Этот погребальный костюм соответствовал свадебному наряду, который также отмечал замужнюю представительницу древней кочевой культуры Тувы, родившую первенца и ставшую полноправной хозяйкой семейства.

⁷ Впрочем, это правило соблюдалось не везде. У некоторых народов Поволжья и Сибири женщины не прятали волосы, даже выйдя замуж.

Рис. 2. Костюм погребенной женщины (реконструкция). Республика Тыва. Могильник Догээ-Баары 2, курган № 33. Конец III–II в. до н.э. (рисунок А. В. Клеевой).

Fig. 2. Headdress of the buried woman (reconstruction). Republic of Tuva. Cemetery of Dogee-Baary 2, kurgan no. 33. Late 3rd–2nd century BC (drawing by A. V. Kleeva).

Литература

- Антипина, 1962 — Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
- Бобрин, 2006 — Бобрин А. А. Марийская народная одежда и вышивка // Народное искусство Урала. Традиционный костюм / ред.-сост. А. А. Бобрин. Екатеринбург, 2006.
- Василевич, 1949 — Василевич Г. М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник МАЭ. 1949. Т. XI.
- Веселовский, 1915 — Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» // Записки ИООИД. Одесса, 1915. Т. XXXII.
- Гаген-Торн, 1960 — Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.
- Дашковский, Усова, 2011 — Дашковский П. К., Усова И. А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай) // АЭАЕ. 2011. № 3 (47).
- Додз, 2008 — Додз З. В. К вопросу о боктаг // РА. 2008. № 4.
- Ермоленко, 2004 — Ермоленко Л. Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004.
- Завьялова, 1996 — Завьялова М. К. Татарский костюм: из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань, 1996.
- Зеленин, 1926, 1927 — Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. R. V. Praha, 1926–1927. № 2–3.
- Киселев, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кисель, 2011 — Кисель В. А. Двадцатый год исследований на Вавилинском Затоне в Туве // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2011. Вып. 11.
- Кислуха, 2006 — Кислуха Л. Ф. Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX века в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2006.
- Кубарев, 1987 — Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Курылев, 1998 — Курылев В. П. Казахский свадебный головной убор: к истории происхождения (По коллекции МАЭ) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1996–1997 гг. / отв. ред. В. П. Курылев. СПб., 1998.
- Львова и др., 1989 — Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989.

- Мартынов*, 1979 — *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Мартынов и др.*, 1985 — *Мартынов А. И., Кулемзин А. М., Мартынова Г. С.* Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // *Алтай в эпоху камня и раннего железа: Межвузовский сб. науч. ст. / отв. ред. Ю. Т. Кирюшин.* Барнаул, 1985.
- Маслова*, 1984 — *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.
- Михайлова*, 2005 — *Михайлова Е. А.* Съёмные украшения народов Сибири // *Сборник МАЭ.* 2005. Т. LI.
- Молотова*, 1992 — *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.
- Молотова, Соснина*, 1984 — *Молотова Л. Н., Соснина Н. Н.* Русский народный костюм. Из собрания Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1984.
- Полосьмак*, 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Попова*, 2002 — *Попова Л. Ф.* Казахские женские свадебные головные уборы саукеле: опыт локальной классификации (по материалам РЭМ) // *Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв.: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Российского Этнографического музея.* СПб.; Кишинев, 2002.
- Романюк*, 1981 — *Романюк М.* Белорусская народная одежда. Минск, 1981.
- Руденко*, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко*, 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Руденко*, 1962 — *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962 (САИ; вып. Д3-9).
- Руденко*, 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.
- Семенов*, 2003 — *Семенов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.
- Серебрякова*, 1989 — *Серебрякова М. Н.* О знаковой функции народного костюма (на примере невесты чепни в Турции) // *Этнографическое изучение знаковых средств культуры / отв. ред. А. С. Мильников.* Л., 1989.
- Студенецкая*, 1989 — *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М., 1989.
- Суслова*, 1980 — *Суслова С. В.* Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. Казань, 1980.
- Сухарева*, 1982 — *Сухарева О. А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982.
- Тайлор*, 1989 — *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989.
- Троцанский*, 2012 — *Троцанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. М., 2012.
- Фрззер*, 1983 — *Фрззер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1984.
- Чеснов*, 1998 — *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М., 1998.
- Шлыгина*, 1986 — *Шлыгина Н. В.* Архаические формы женской одежды води и ижоры // *Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу / отв. ред. М. Г. Рабинович.* М., 1986.
- Шитова*, 1995 — *Шитова С. Н.* Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.
- Этнотерриториальные группы...*, 2002 — *Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа / ред. тома Р. К. Уразманова, Н. А. Халиков.* Казань, 2002.
- Яценко*, 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М., 2006.
- Čugunov u. a.*, 2010 — *Čugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010 (Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3).

В. А. Кисель

Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы

Статья посвящена реконструкции женского костюма, остатки которого были обнаружены в кургане уюкско-саглынской культуры конца III–II в. до н. э. в Туве (могильник Догээ-Баары 2, курган № 33). Удалось восстановить знаковые элементы этого наряда — высокий головной убор, нагрудник и пояс с подвесками (рис. 1; 2).

На основании анализа сравнительного археологического и этнографического материала было сделано заключение о том, что костюм погребенной женщины соответствовал свадебному убранству представительницы кочевого мира. Костюм также отмечал замужнюю женщину, родившую первенца и ставшую полноправной хозяйкой семейства.

V. A. Kisel'

Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva

This paper is devoted to a reconstruction of a female costume the remains of which were found in a kurgan of the Sagly culture of the late 3rd and 2nd century BC in Tuva (cemetery of Dogee-Baary 2, barrow no. 33). It was possible to reconstruct the symbolic elements of this costume, viz. a high headdress, a pectoral dress and a belt with pendants (Fig. 1; 2).

Comparative analysis of the archaeological and ethnographic materials leads to the conclusion that the costume of the buried woman corresponded to the wedding decor of a representative of the nomadic world. The costume distinguished a married woman. She had born the first child and became a mistress of the family enjoying full rights.

С. В. Красниенко¹

География археологических памятников Назаровской котловины

Ключевые слова: Назаровская котловина, география, палеоклимат, афанасьевская культура, окуневская культура, андроновская культура, карасукская культура, тагарская культура, таштыкская культура.

Keywords: *Nazarov Depression, geography, palaeoclimate, Afanasyevo culture, Okunevo culture, Andronovo culture, Karasuk culture, Tagar culture, Tashtyk culture.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-128-131

Галина Вацлавна Длужневская, как неоднократно отмечали многие знавшие ее лично и знакомые с ее научным творчеством, успела сказать многое в различных аспектах археологической науки. В частности, это касается вопросов связи древних культур и ландшафтов, в условиях которых формировались и существовали эти культуры (см. *Савинов, Длужневская, 2008*).

Назаровская котловина, будучи самой северной в системе Минусинских котловин, имеет ярко выраженные особенности, отличающие ее природу от природы и географического положения трех котловин, расположенных в южной части этой системы.

Следует сказать, что Назаровская котловина, в отличие от более южных территорий, целиком расположена в бассейне р. Обь (через систему Чулым-Томь). Здесь в условиях менее засушливого климата, разнообразия микроландшафтов, наличия большого числа источников питьевой воды возможности комфортного ведения хозяйства были более благоприятными, чем в южных минусинских котловинах. Это касается как земледелия, так и скотоводства. Если говорить о температурных колебаниях в течение годового цикла, то наблюдается следующая картина. В настоящее время средняя температура января в пределах Назаровской котловины — $-16\text{ }^{\circ}\text{C}$ — $-18\text{ }^{\circ}\text{C}$ при 180–190 днях в году с температурой ниже 0 ° . Средняя температура июля — $+16\text{ }^{\circ}\text{C}$ — $+18\text{ }^{\circ}\text{C}$ при 150–160 днях в году с температурой выше 0 ° . Продолжительность вегетационного периода около 140–150 суток (Канско-Ачинский..., 1991). Сравнивая эти характеристики с особенностями территорий, расположенных южнее, надо отметить, что в бассейне Енисея континентальность климата возрастает (История Хакасии..., 1993). Средние зимние температуры падают, летние — возрастают. Зимние морозы достигают $-52\text{ }^{\circ}\text{C}$, а летняя жара иногда доходит до $+45\text{ }^{\circ}\text{C}$. В центральной части Минусинской котло-

вины выпадает 240–270 мм, тогда как на периферии, в Назаровской котловине, до 450–500 мм осадков (почти 2/3 их приходится на лето). Кроме того, в южных частях Минусинской котловины наблюдается «котловинный эффект», когда в условиях антициклональной погоды холодный воздух, стекая в котловину, застаивается, выхолаживается, и температура достигает $-40\text{ }^{\circ}\text{C}$ — $-50\text{ }^{\circ}\text{C}$. Зимой в котловинах Сибири наблюдается «перевернутая температура» — инверсия, т. е. повышение температуры с высотой. В котловине часты затишья, окружающие горы мешают ветрам. Этим объясняются не только низкие зимние температуры (холодный воздух в котловине застаивается), но и высокие летние. В Назаровской котловине, открытой с северо-западной стороны, подобные явления не возникают. Такие условия соответствуют низкой степени суровости климата. Климат котловины обуславливает ее растительно-ландшафтные особенности, сочетающие различные типы степных пространств с многочисленными березовыми колками и небольшими лесами, а по долинам многочисленных рек — лугами и заболоченными участками.

Имеющиеся на сегодняшний день данные палеоклиматических исследований позволяют произвести сопоставление климатических изменений и смены археологических культур в Назаровской котловине.

Движение народов сквозь Назаровскую котловину до определенного этапа происходило, очевидно, без особых «задержек», поскольку проходящее население не встречало на своем пути непреодолимых естественных рубежей или замкнутых экосистем, позволяющих существовать и вести хозяйство в относительной изоляции в условиях отсутствия внешней угрозы. В то же время открытая, по крайней мере, с двух сторон территория была доступна для проникновения как культурных влияний, так и их носителей. Судя по плотности памятников (см. *Красниенко, Субботин, 1997; 2013*), можно утверждать, что характер этого проникновения в разные эпохи был различен.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: krasnienkos@mail.ru.

Степень заселенности Назаровской котловины в различные эпохи иллюстрируется количественными характеристиками выявленных археологических памятников. Естественно, не все памятники можно выявить поверхностно-визуальными наблюдениями, но даже эти ограниченные возможности позволяют сделать определенные выводы. Первые зафиксированные свидетельства пребывания человека на этой территории связаны с верхнепалеолитическими памятниками, синхронными последней стадии сартанского оледенения, закончившегося около 8–10 тыс. л. н. Стоянки Назаровской котловины датируются авторами раскопок возрастом около 15 тыс. л. н. (*Вишняцкий и др.*, 1986, С. 100–105; *Нехорошев*, 2006, С. 23–30). С определенной долей уверенности можно говорить, что спустя несколько тысяч лет после существования культур верхнего палеолита, представленного на этой территории стоянками в устье Берёзового ручья и на борту Берёзовского разреза, проходит следующий этап заселения Назаровской котловины, связанный с индустрией кремня, типичной для эпохи мезолита–неолита. Альтернативный взгляд на происхождение этих артефактов заключается в том, что традиция обработки кремня и изготовления орудий могла доживать до эпохи металла и существовать параллельно с новыми технологиями металлургии. Как бы то ни было, в Назаровской котловине находки, интерпретированные как мезолитические, зафиксированы на девяти местонахождениях и в 13 пунктах отмечены предположительно неолитические кремневые изделия. Все эти памятники выявлены в западной части котловины. Находки сделаны, в основном, в обнажениях разрушенного почвенного слоя, как правило, на высоких надпойменных террасах.

С появлением керамики возникает достаточно точный хронологический индикатор, позволяющий связать многочисленные, часто разрушенные памятники с хорошо документированными и стратифицированными комплексами.

Около 5000 л. н. (4350–3500 гг. до н. э.) в Назаровской котловине существовали достаточно влажные климатические условия (*Kulkova, Krasnienko*, 2010, Р. 1557–1569). Это время появления в регионах Южной Сибири носителей афанасьевской культуры. Находки памятников этой культуры в этой части Минусинской котловины немногочисленны: 10 поселений и три погребальных комплекса (девять погребений) (см. *Красниенко*, 2002, С. 171–175). К сожалению, не представляется возможным увязать поселенческие и погребальные памятники. Что касается расположения памятников афанасьевской культуры, то находки локализованы на невысоких береговых террасах, недалеко от водоемов. Однако Э. Б. Вадецкая, основываясь на наблюдениях, сделанных в Хакасии, считает, что «афанасьевцы не только по берегам рек, но и расселялись широко по степи, в том числе по солончаковым степям» (*Вадецкая*, 1986, С. 21).

Менее явными топографическими предпочтениями обладают памятники окуневско-самусьского периода. На этой территории (в западной части котловины) эти две культурные традиции смыкаются. Окуневско-самусьская керамика встречается вместе с находками афанасьевской культуры. Таких памятников выявлено более 25. В целом можно отметить, что поселения, содержащие в числе прочих материалы окуневско-самусьского времени, находятся вблизи водоемов, занимая плоские участки береговых террас. Сложнее обстоит дело с погребальными памятниками окуневской культуры. Самый значительный из них — могильник на горе Татарка — исследовался А. С. Вдовиным и С. А. Краснолуцким. Могильник располагался в седловине невысокой сопки, возвышающейся на западной окраине дер. Большое Озеро. Здесь было исследовано более 50 погребений, совершенных в окуневское время и в раннем средневековье. Еще один могильник Синючиха был случайно обнаружен в 1982 г. на плоской верхней террасе правого берега р. Береш (*Вадецкая, Гультов*, 1986, С. 92–99). Сосуды и фрагменты керамики окуневского облика были обнаружены при раскопках курганных могильников Кадатское поле, Ашпыл, Соколовский разъезд. Ограниченные материалы не дают возможности выявить какие-то общие принципы в выборе мест погребений. Кроме того, в Назаровской котловине отсутствует фиксируемое повсеместно в южных минусинских котловинах соседство афанасьевских и окуневских погребений. Связь погребальных и поселенческих комплексов неочевидна, но отмечено, что поблизости от могильников Татарка, Ашпыл расположены поселения, содержащие находки окуневского времени.

Следующая по времени андроновская культура представлена значительно большим числом памятников: 43 поселения и не менее шести могильников. При этом область распространения памятников охватывает более обширную территорию. Погребения обнаружены на территории могильников, основная часть которых сформировалась в тагарское время. Многие могилы были выявлены под тагарскими или были разрушены последними. Что касается поселений, то выявленные памятники находятся на берегах водоемов, причем, в отличие от афанасьевского и окуневского времени, это не только реки, но и озера. Палеоклиматические наблюдения, фиксируемые для этого времени, свидетельствуют, что в 2350 г. до н. э. процессы, происходившие на севере и юге Минусинской котловины, были прямо противоположны (*Kulkova*,

Krasnienko, 2010. P. 1557–1569): климат в северной части, как и в Западной Сибири, становился более влажным и теплым, тогда как на юге изменения происходили в сторону аридизации. Возможно, это объясняет отсутствие андроновских памятников на юге Минусинской котловины.

Поздний бронзовый век (карасукско-ирменское время) представлен большим количеством поселений — 65. Однако раскопанные погребальные памятники (четыре могильника и 18 погребений — *Комарова*, 1975. С. 85–94), сосредоточены в одном месте (Ораки). Лишь отдельные находки отмечены в других могильниках: Олбик, Ашпыл, Кошколь. Имеющиеся факты позволяют говорить лишь о том, что выбор мест погребений в карасукское время не отличался от выбора, делавшегося в раннетагарское время. Если говорить о поселениях, нужно отметить большое разнообразие мест их расположения: от небольших холмов вблизи водоемов (Согринское II) до низких речных террас (долина р. Парная). Последнее обстоятельство соответствует представлениям о большей, чем в предшествующий период, сухости климата. Интересным фактом, связующим памятники юга и севера Минусинской котловины, является находка в долине р. Парная гальки с прочерченным изображением, подобной найденным на поселении Торгажак (*Савинов*, 1996).

Возникшая в первой четверти I тыс. до н. э. тагарская культура количеством своих памятников иллюстрирует мощный демографический взрыв, происшедший в ту эпоху. Однако предварительная (по внешнему облику памятника и по подъемным материалам) датировка памятников сопряжена с определенными трудностями. Если для курганов хронологическими признаками служат размеры насыпи и видимые на поверхности насыпи элементы ограды, то подъемные материалы поселений только на поздних этапах приобретает датирующие особенности: орнаментированная наклонными рядами насечек керамика, некоторое усложнение форм сосудов и т. д. Исходя из изложенных особенностей, из общего количества выявленных поселений (118) лишь шесть были признаны относящимися к позднему этапу. Наиболее достоверно датируются курганы (ограды), практически не имеющие насыпей, с хорошо видимой оградой. Выявлено 46 могильников ранней тагарской культуры (подгорновский этап), включающих 1222 кургана. Кроме этого, известны четыре одиночных кургана, возможно остатки разрушенных могильников. Средний период тагарской культуры (сарагашенский этап) представлен 54 могильниками, состоящими из 674 курганов, и 41 одиночным курганом. Как правило, это насыпи высотой не более 1 м и диаметром (или шириной по линии запад–восток) не более 25–30 м. Степень условности

при отнесении памятника к этому периоду весьма высока. Нередки случаи, когда в одном могильнике сосредоточены курганы этих двух этапов. Раскопки таких памятников показали, что часто могилы разных этапов встречаются под одной курганной насыпью (например, могильник Саргожик; раскопки автора в 1990 г.). Наконец, к позднему периоду тагарской культуры (тесинский этап или тесинская культура) отнесены 12 одиночных курганов и 21 могильник (96 курганов). Датирующими признаками были признаны размеры насыпи кургана (высота 1 м и более, диаметр 30 м и более), изолированное положение даже в составе могильника. Сложность определения хронологической принадлежности памятников обусловила, что 37 одиночных курганов и 31 могильник, включающий 189 курганов, были определены как принадлежащие к тагарской культуре без уточнения этапа. Это связано с сильной задернованностью или, напротив, с распаханностью насыпи, нивелирующими внешние хронологические признаки.

Памятники тагарской культуры были выявлены на всей территории Назаровской котловины. Особенно много их сосредоточено в южной и центральной ее частях, а минимальное количество памятников обнаружено на северо-востоке.

В южной части обозреваемой территории выявлены и все 19 памятников — 14 поселений и пять могильников, содержащих материалы таштыкской культуры. Памятники этой культуры были открыты здесь позже других, тем большее значение приобретает факт их обнаружения и последовавшие за этим раскопки (*Вадецкая*, 1999).

Незначительное количество памятников, отнесенных к концу I — началу II тыс. н. э. (11 поселений и три могильника), распределены по Назаровской котловине неравномерно. Если поселения обнаружены практически на всей территории, то могильники приурочены к северным предгорьям Кузнецкого Алатау. Здесь же была открыта серия случайных находок железных наконечников стрел кыргызского времени (*Красниенко*, 2001. С. 51–52).

Приведенный обзор памятников подтверждает некоторые выводы, сделанные ранее:

1. Миграции в энеолите — среднем бронзовом веке проходили в направлении северо-запад — юго-восток. Начиная с позднего бронзового века вплоть до раннего средневековья миграционные процессы осуществлялись в противоположном направлении.
2. Последний факт объясняет малое количество памятников таштыкского времени в Назаровской котловине и подтверждает версию о более длительном,

чем на юге Минусинской котловины, существовании здесь тагарской культуры.

3. Проведенные археологические исследования Назаровской котловины показывают, насколько они недостаточны и какие направления поиска еще предстоит освоить.

Литература

Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

Вадецкая, Гультов, 1986 — Вадецкая Э. Б., Гультов С. Б. Исследования в Красноярском крае в 1982–1984 гг. // Археологические исследования на новостройках. М., 1986 (КСИА; вып. 188).

Вишняцкий и др., 1986 — Вишняцкий Л. Б., Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н., Лисицын Н. Ф. Палеолитическая стоянка в Красноярском крае // Там же.

История Хакасии..., 1993 — История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.

Канско-Ачинский..., 1991 — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс. Серия карт. М., 1991.

Комарова, 1975 — Комарова М. Н. Карасукский могильник близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири / отв. ред. А. М. Мандельштам. Л., 1975.

Красниенко, 2001 — Красниенко С. В. Тюркские всадники у северных отрогов Кузнецкого Алатау // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Мат-лы междунар. науч. конф. Ашхабад, 2001.

Красниенко, 2002 — Красниенко С. В. Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. Кн. I.

Красниенко, Субботин, 1997 — Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997 (Археологические изыскания; вып. 48).

Красниенко, Субботин, 2013 — Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013.

Нехорошев, 2006 — Нехорошев П. Е. Новые верхнепалеолитические стоянки на юге Западной Сибири // Записки ИИМК. 2006. № 1.

Савинов, 1996 — Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996 (Archaeologica Petropolitana. II).

Савинов, Длужневская, 2008 — Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб., 2008.

Kulkova, Krasnienko, 2010 — Kulkova M., Krasnienko S. The impact of holocene climate on the development of prehistoric societies in Southern Siberia // Radiocarbon. 2010. Vol. 52, no. 4.

С. В. Красниенко

География археологических памятников Назаровской котловины

Работа посвящена обзору археологических памятников Назаровской котловины — самой северной части системы Минусинских котловин. Формирование и существование археологических культур на этой территории происходило в природных условиях, отличавшихся от условий других минусинских котловин. Географические особенности Назаровской котловины тесно связаны с современным климатом

и с климатическими изменениями, происходившими в древности. Каждая из археологических культур, распространенных во всей Южной Сибири, в Назаровской котловине приобрела свои особые характеристики. В работе содержится статистика и описание пространственного распределения археологических памятников от верхнего палеолита до раннего средневековья (конец I — начало II тыс. н. э.).

S. V. Krasnienko

Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression

The present article is devoted to a review of the archaeological context of the Nazarov Depression which is the northernmost part of the system of the Minusinsk Basin. The formation and existence of archaeological cultures here took place in the natural conditions which differed from those in other Minusinsk kettles. The geographic peculiarities of the Nazarov Depression are closely linked with the

present-day climate and climatic changes which took place in antiquity. Each archaeological culture among those common for the entire region of Southern Siberia acquired in the Nazarov Depression its own particular characteristics. This study presents statistics and a description of the spatial distribution of archaeological sites from the Upper Palaeolithic epoch to the Early Middle Ages.

С. В. Панкова¹

Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника

Ключевые слова: Южная Сибирь, таштыкская культура, Оглахтинский могильник, прически, волосы, косы.

Keywords: Southern Siberia, Tashtyk culture, Oglakhtynsky burial ground, coiffures, plaits.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-132-139

Получить достоверное представление об облике древнего населения, в частности убранстве волос, удается довольно редко. Особый в этом отношении случай представляют погребения Оглахтинского могильника в Хакасии (III — начало IV в. н. э., таштыкская культура). Среди хорошо сохранившихся предметов из органических материалов здесь обнаружены косы и другие принадлежности причесок, позволяющие реконструировать способы оформления волос у населения Минусинской котловины в первой половине I тыс. н. э.

В трех погребениях, исследованных А. В. Адриановым в 1903 г. (могилы 1 и 2) и Л. Р. Кызласовым в 1969 г. (могила 4), сохранились косы как части причесок погребенных, а также деревянные и костяные шпильки и различные футляры-накосники. Особенность таштыкских грунтовых погребений — присутствие в одних и тех же могилах останков людей, погребенных по разным обрядам. Часть взрослого населения хоронили по обряду ингумации с трепанированными черепами («мумии»). По данным Э. Б. Вадецкой, большинство этих погребенных — женщины (Вадецкая, 1986. С. 37), т. е. косы и сопутствующие аксессуары, найденные при «мумиях», могут рассматриваться как элементы женских причесок раннеташтыкского населения.

Большинство мужчин было погребено по обряду кремации, ранее не принятому у населения Минусинской котловины, что может означать принадлежность мужской части погребенных какой-то пришлой группе (Вадецкая, 1999. С. 47–49). При этом сожженные кости вкладывались внутрь т. н. погребальных кукол — полноразмерных имитаций человеческого тела, сшитых из кожи или меха и одетых в одежды, вероятно, принадлежавшие умершему. При создании куклы имитировалась и прическа, поэтому можно предполагать, что находимые с куклами косички или пряди волос были срезаны с головы того человека, чьи остан-

ки заключала кукла. Таким образом, прически мужчин воссоздаются, в первую очередь, по имитациям на погребальных куклах.

Детальному исследованию таштыкских причесок посвящены работы Э. Б. Вадецкой, которая проанализировала все доступные материалы и предложила убедительные реконструкции (Вадецкая, 1985. С. 7–14; 1987. С. 40–52; 1999. С. 49–54). Она изучала элементы причесок мумий и кукол по находкам А. В. Адрианова в Оглахтинском могильнике (Адрианов, 1903) и описаниям, содержащимся в его неизданных рукописях. Сложность работы с этими материалами состоит в том, что не всегда известно точное расположение вещей в погребениях, а находки рассредоточены по разным музеям. Они включают следующие предметы, связанные с прическами мумий и кукол:

1) пять целых берестяных цилиндрических футляров-накосников и фрагменты еще трех из могил 1, 2 (Вадецкая, 1985. С. 8, 11). Внутри и снаружи обшиты кусочками полихромного шелка и имеют отверстия для крепления булавок, иногда сохранившимися. Расположение за головами мумий позволяет считать их принадлежностью женского костюма (Tallgren, 1937. Fig. 2; The grand exhibition, 1988. Fig. 152);

2) две крупные косы из могилы 1. «Одна коса — шиньон, т. е. пряди волос обвиты вокруг кожаного жгута. <...> Длина косы 14,5 см. Другая коса — накладная, сплетена в три пряди волос, длиной 32 см. <...> В середине одной из прядей есть заплетенная косичка толщиной не более 1 см. Видимо, она вплеталась в пряди накладных волос для создания толстой косы. Берестяной колпачок-накосник слишком мал, чтобы закрывать свернутую на затылке косу. В то же время отверстие на задней стороне накосника почти совпадает по толщине с малой, туго заплетенной косичкой. Очевидно, кончик косы из собственных волос, свернутой и закрытой накосником, продевался через это отверстие и прикреплялся тем или иным способом к накладной косе» (Вадецкая, 1985. С. 10; Сосновский,

¹ 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: svrankova@gmail.com.

1933. Рис. на с. 35; Tallgren, 1937. Fig. 4; Вадецкая, 1999. Рис. 5, 2, 3);

3) три кожаных мешочка-накосника из могилы 1: с косичкой и булавкой внутри; с прядями волос; с травой. Их точное положение в погребениях неизвестно, однако «мешочки встречены в могилах, где похоронено по две человеческие мумии и не менее двух кукол-манекенов. <...> С мумиями найдены берестяные накосники и длинные косы. Значит, тоненькие косички в кожаных мешочках следует связывать с куклами» (Вадецкая, 1985. С. 11).

В других таштыкских могильниках за черепами погребенных сохранились костяные булавки, позволяющие предполагать присутствие накосников и причесок, подобных оглахтинским. Берестяной футляр найден в могиле 16 могильника Комаркова, однако здесь прическа могла быть иной, судя по расположению многочисленных шпилек (Там же. С. 9, 12).

Согласно выводам Э. Б. Вадецкой, общим элементом мужских и женских причесок была уложенная на темени небольшая косичка, закрывавшаяся каким-либо футляром (накосником) и крепившаяся с помощью булавок. У женщин к такой косичке могла прикрепляться толстая привязная коса-шиньон, а в качестве накосников использовались берестяные колпачки цилиндрической формы. При имитировании мужских причесок накосниками служили кожаные или шелковые мешочки, в которых вместо косички иногда помещены лишь пряди волос или трава.

Из оглахтинских погребений, исследованных Л. Р. Кызласовым, хорошей сохранностью отличались только находки из могилы 4. Они сразу были переданы в Эрмитаж на реставрацию, но оказались практически недоступны для изучения. Благодаря кратким описаниям автора раскопок было известно о «подковообразной» косичке с головы куклы и о «специально уложенной женской косе – шиньоне» (Кызласов, 1969а. С. 96; 1992. С. 66–67). Фотография мужской головы в маске и с сохранившейся на темени прядью волос была опубликована в короткой заметке эрмитажного реставратора Т. В. Коваленко (1972. С. 77–79). Коса женской мумии в 1970–1980-е гг. находилась в постоянной экспозиции Эрмитажа. Э. Б. Вадецкая скрупулезно собирала всю информацию, касающуюся находок из могилы 4, однако непосредственная работа с ними была невозможна, поэтому в описания неизбежно закрадывались неточности. Задача настоящей статьи —

публикация новой информации о косах из этого оглахтинского погребения, полученная в ходе их недавнего изучения.

Погребения в могиле 4 сохранились практически нетронутыми, только из юго-восточного угла сруба, нарушенного грызунами, насыпалась сухая земля (Кызласов, 1969б. Л. 37–39). После снятия перекрытия были хорошо видны лежащие у южной и северной стенок сруба мумии мужчины и женщины, а между ними кукла. Вторая кукла, худшей сохранности, располагалась прямо под женским погребением (рис. 1, 1).

Первая коса была найдена у женской «мумии» — скелета с частично сохранившимися связками. Описание косы и ее места в погребении приведены в полевом отчете: «...На черепе сохранились мягкие каштановые волосы с проседью, а под головой нашлась сложно уложенная женская, перевитая из двух косоплеток, коса типа "шиньон". Сделана из темно-каштановых человеческих волос, очевидно той же женщины. Под головой деревянная подушка – полено с двумя скосами, длиной 0,46 м» (Там же. Л. 45). На плане погребения коса показана под головой женщины или рядом с ней (рис. 1, 1, 1). О каком-либо крепеже косы не сообщается, и соответствующие предметы в районе головы не найдены. Костяные или деревянные булавки, обычно связанные с креплением причесок в таштыкских погребениях, здесь отсутствовали.

В настоящее время коса длиной 24,5 см смотрится единым негнувшимся предметом во многом благодаря тому, что по всей длине пропитана каким-то клейким составом (рис. 1, 2). Вначале не было ясности, является ли пропитка древней или это результат консервации, осуществленной в 1970-е гг. и документально не зафиксированной. Анализ вещества, проведенный в ОНТЭ ГЭ, показал, что коса покрыта смесью поливинилацетата и акрилового полимера. Эта реставрационная пропитка изменила облик волос, сделав их очень жесткими и толстыми, что зародило сомнение в их принадлежности человеку. Однако исследование, проведенное в биологическом отделе Бюро судебно-медицинской экспертизы Санкт-Петербурга, подтвердило, что волосы обеих косичек из могилы 4 человеческие.

На самом деле коса состоит из двух частей. Большая часть представляет собой длинную (19,5 см), сужающуюся книзу плотную плетенку. Меньшая часть — это округлая «головка», свернутая из небольшой косички (рис. 1, 4). Съемка в рентгеновских лучах выявила

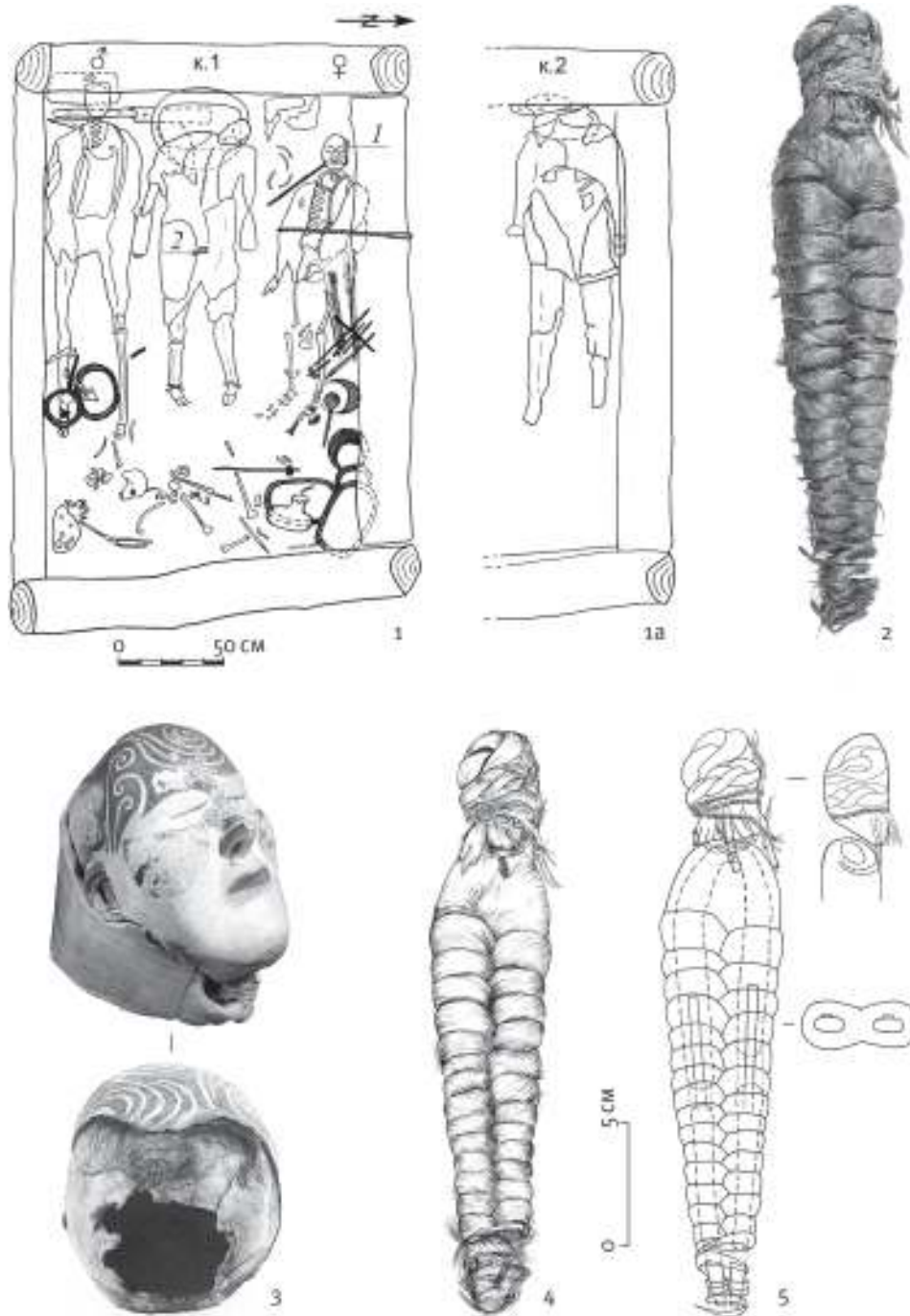

Рис. 1. Погребение 4 Оглахтинского могильника и коса женской мумии. 1 — план погребения (с рисунка Л. Р. Кызласова; 1а — кукла № 2 под мумией женщины: 1 — коса женской мумии, 2 — косичка куклы № 1, к. 1, к. 2 — куклы, ♂, ♀ — мумии мужчины и женщины); 2 — коса женщины, фото; 3 — трепанированная голова женщины в гипсовой маске; 4 — коса, прорисовка; 5 — коса, конструктивная схема.

2, 4, 5 — волосы, мех; 3 — череп, кожа, волосы, раскрашенный гипс.

Fig. 1. Burial 4 of the Oglakhty cemetery and the plait of a female mummy. 1 — plan of the burial (after drawing by L. R. Kyzlasov; 1a — mannequin no. 2 beneath the mummy of a woman: 1 — plait of a female mummy, 2 — plait of mannequin no. 1, к. 1, к. 2 — mannequins, ♂, ♀ — mummies of a male and a female); 2 — plait of a woman, photo; 3 — trepanized head of a woman in a gypsum mask; 4 — plait, detailed drawing; 5 — plait, design scheme.

2, 4, 5 — hair, fur; 3 — skull, skin, hair, painted gypsum.

наличие подковообразного каркаса внутри длинной плетенки (рис. 1, 5). Основа каркаса представляет собой полосу кожи или меха, свернутую в трубку диаметром 0,7–0,9 см, немного уплощенную. О том, что это скорее был мех, свидетельствуют микрофотографии каркаса с ясно видимыми ворсинками. Оба конца каркаса нарушены, разорваны в средней и нижней частях.

В средней части косы на каркас положены две плоские палочки длиной около 5 см, шириной 0,5 см. Палочки сделаны из древесины кизильника (*Cotoneaster sp.*). Однако в ходе исследования возникло сомнение в оригинальном характере палочек как деталей каркаса. Оказалось, что они закреплены на меховой основе синтетическим полимером, близким к материалу пропитки поверхности косы. Кроме того, каркас разорван как раз под палочками, что может объяснять их реставрационную роль — для скрепления и фиксации концов. При этом функция палочек в составе оригинального каркаса не очень понятна. К сожалению, при отсутствии информации об исходном облике и факте реставрации археологического предмета его исследование порой превращается в выявление проводившихся с ним реставрационных процедур, с чем и пришлось столкнуться в данном случае.

Чтобы понять, как именно сделана длинная плетенка оглахтинской косы, была сплетена похожая косица из ниток мулине на проволоочном каркасе. Оказалось, что нужно взять длинную прядь срезанных волос (ниток), перекинуть через изгиб проволоки так, чтобы получились две пряди равной длины, а дальше оплести каждой прядью противоположный конец каркаса, перекрещивая пряди между собой. Таким образом, длинная косица — это шиньон.

Верхняя часть женской косы представляет собой свернутую косичку, сплетенную в три пряди и несколько раз обмотанную своим тоненьким концом (рис. 1, 2, 4, 5). С одной стороны этого «клубка» сохранились отдельные пряди, выходящие изнутри и оборванные на поверхности. С долей осторожности в них можно предполагать место изначального среза косы с головы человека. То есть если длинная часть косы была определено изготовлена из срезанных волос, то короткая могла представлять косичку, уложенную «в комок» на голове, а уже потом срезанную. Тонкость косички предполагает, что волосы в нее могли быть собраны не со всей головы, а лишь с небольшого участка, что

уже отмечалось для подобных случаев Э. Б. Вадецкой (*Вадецкая*, 1987. С. 51).

Обе части косы сплетены из волос одинакового темно-каштанового цвета с рыжеватым отливом, которые могли принадлежать одному человеку, хотя подтвердить это сложно, как сложно установить их идентичность сохранившимся волосам на голове женщины.

Как соединялись между собой описанные части косы? Вероятнее всего, с помощью волосяной петли. У верхнего края длинной плетенки, прямо над изгибом каркаса, выделяется маленькая прядка волос, уходящая вглубь косицы (рис. 1, 4, 5). Правда, ожидаемое с обратной стороны продолжение петли не фиксируется, и сегодня детали держатся вместе лишь на одном ее конце, видимо благодаря укрепляющей пропитке. Прояснить точную конструкцию косы могли бы результаты ее томографического исследования.

Как крепилась коса на голове и почему она найдена отдельно? На мой взгляд, коса слишком длинная и прямая для того, чтобы *укладываться* на голове. Характер соединения ее частей допускает, что длинная плетенка носилась в подвешенном состоянии, представляя собой т. н. подвязную косу. Череп женщины трепанирован в затылочной части, причем отверстие достаточно велико — около 10 см в диаметре (рис. 1, 3) (*Гохман*, 1989. Рис. 5). Кожа вокруг отверстия отсутствует, возможно, она была удалена перед проведением операции. Коса могла быть срезана тогда же, в связи с необходимостью трепанации. Возможно, однако, что косичка, к которой крепилась подвязная коса, была заплетена и уложена не на затылке, а на темени, выше места трепанации. Здесь между отверстием и верхним краем маски, по центру головы сохранился выделяющийся участок кожи 4 × 5 см с остатками коротких волос (рис. 1, 3) (*Вадецкая*, 2009. Рис. 99, б–г).

Таким образом, прическа женской мумии из могилы 4 изначально могла выглядеть следующим образом. На затылке или темени была свернута тонкая косичка, заплетенная из собственных волос, длиной, вероятно, не менее 15–20 см. К ней с помощью волосяной петельки крепилась подвязная коса, сплетенная из двух прядей на каркасе из меховой трубочки. Оставались ли еще волосы вокруг косицы, и как они выглядели, сказать трудно. На сегодняшний день кожа и волосы на открытых участках головы практически отсутствуют, но сохранились под маской. Остается неясным,

связано ли это с устройством прически, подготовкой к трепанации или прошедшими столетиями.

Предложенный вариант оформления волос похож на реконструкцию, сделанную Э. Б. Вадецкой на материалах из оглахтинской могилы 1 (Вадецкая, 1987. С. 49–50). Там, однако, на нашу подвижную косицу больше похожа вторая, не включенная в реконструкцию коса-шиньон (Вадецкая, 1999. Рис. 5, 2). В могиле 1 в убранстве волос использовались берестяные наконечники, в могиле 4 такие предметы отсутствуют. Значит, варианты оформления женских причесок могли быть разными, при сохранении, однако, общих особенностей.

Вторая косичка из могилы 4 принадлежала одной из кукол: «Кукла № 1 лежала посреди гробницы, между остовами мужчины и женщины, на большом корытообразном куске толстой березовой коры. <...> На голове ее посередине есть выступ из кожи для короткой мужской «косы», вернее косообразной прически. Оторванная оттуда «косичка» передвинута мышцами на живот кукле, где и была обнаружена. Она скручена из темно-каштановых человеческих волос» (Кызласов, 1969б. Л. 44) (рис. 1, 1, 2; 2, 1–4).

Действительно, хотя косичка найдена не *in situ*, ее изначальное положение вряд ли вызывает сомнения. На темени кожаной головы куклы сохранился кусочек полихромного шелка размерами 4,5 × 4 см. Он пришит с трех сторон, образуя своего рода кармашек. Четвертая сторона шелка оборвана, однако благодаря нитям, сохранившимся в швах пришивки к кожаной голове, восстанавливаются изначальные очертания шелкового «аксессуара» на голове куклы. Он имел прямоугольную форму и размеры около 4,5 × 11,5 см (рис. 2, 3, 4). Объемная косичка длиной 8 см и диаметром 4–4,5 см вполне могла поместиться в таком футляре. В сохранившемся шелковом кармашке, однако, сейчас находится пучок жесткой травы (помещен в наконечник вместе с косичкой?).

Косичка представляет собой заплетенную в три пряди косу из мягких тонких волос, сложенную, вероятно, пополам в ее верхней части и закрученную тоненькой косичкой из оставшихся нижних волос (рис. 2, 1, 2). Тонкость таштыкских косичек на концах может свидетельствовать о том, что пряди, из которых они сплетены, никогда не подстригались. В средней части косички сохранилась деревянная шпилька диаметром 3 мм, с закругленным кончиком, воткнутая поперек.

Противоположный конец шпильки не виден, а на рентгеновском снимке она вообще не читается.

С одного конца косички (вверху на рисунке) торчит незаплетенная прядь — по-видимому, здесь коса была срезана с головы. Рядом сохранились фрагменты кожаных шнурков — возможно, остатки ремешка, который перевязывал косу у основания волос или был частью футляра-наконечника. Вероятно, перед сожжением тела умершего косичка, уложенная на его голове, была отрезана и при изготовлении куклы помещена на ее кожаную голову так, как она носилась при жизни.

Очертания шелкового наконечника на темени куклы аналогичны вырезу гипсовой маски на голове мужской мумии из этого же погребения, обрамляющему густую прядь волос (рис. 2, 3–5) (Вадецкая, 2009. Рис. 98, в). Оглахтинская мужская мумия — это редкий для таштыкских могильников случай погребения мужчины по обряду ингумации. Одновременно она представляет единственный сохранившийся образец мужской прически, представленный не имитацией. Волнистый характер прядей не исключает, что волосы на темени были заплетены в косу, хотя к моменту расчистки в Эрмитаже (при снятии шапки с головы мумии) она уже распустилась. Какого-либо футляра или крепления предполагаемой косы не зафиксировано. На затылке кое-где остались неравной длины волосы, однако об их роли в прическе что-то определенное сказать сложно.

Сходство мумии и куклы из могилы 4 заметно и в оформлении их «лиц» — раскраске маски мумии и тканевого лица куклы. Предметы одежды кукол и мужской мумии по предварительным наблюдениям также отличаются большим сходством, проявляющимся в покрое штанов, шуб и шапок, а также обуви. То есть мужчины, погребенные в могиле 4 по разным обрядам, при жизни могли носить одинаковую одежду и похожие прически. В вопросе о соотношении кукол и мумий, в том числе немногочисленных мужских ингумаций, еще много неясного. Следующим шагом на пути его прояснения может стать изучение предметов одежды.

Л. Р. Кызласов упоминает находку «человеческого скальпа с волосами» на голове второй куклы из могилы 4 (Кызласов, 1992. С. 67). Из подобных предметов в эрмитажной коллекции есть только кусок кожи размером 8 × 8 см с отдельными короткими светлыми волосами. У этой куклы от головы сохранилась только

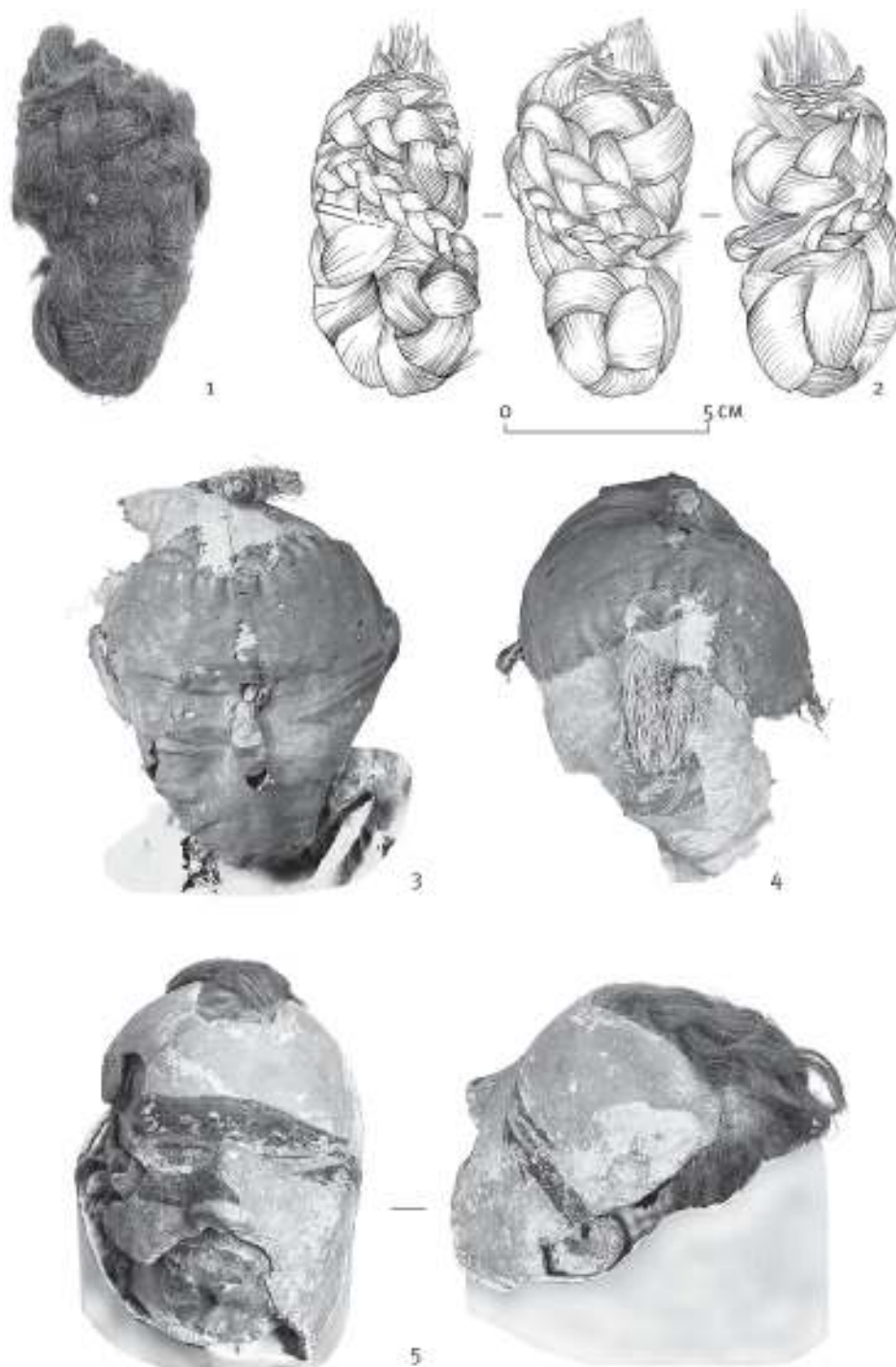

Рис. 2. Детали мужских причесок в погребении 4 Оглахтинского могильника.

1 — косичка куклы № 1, фото; 2 — косичка куклы № 1, прорисовки; 3 — голова куклы № 1, вид спереди; 4 — голова куклы № 1, вид сверху; 5 — голова мужской мумии в гипсовой маске.

1, 2 — волосы, дерево; 3, 4 — кожа, ткань, трава; 5 — череп, кожа, волосы, раскрашенный гипс, шелк.

Fig. 2. Details of male hair designs in burial 4 of the Oglakhty cemetery.

1 — plait of mannequin no. 1, photo; 2 — plait of mannequin no. 1, detailed drawings; 3 — head of mannequin no. 1, front view; 4 — head of mannequin no. 1, view from above; 5 — head of a male mummy in a gypsum mask.

1, 2 — hair, wood; 3, 4 — leather, textile, grass; 5 — skull, skin, hair, painted gypsum, silk.

узкая полоска кожи, поэтому судить о положении «скальпа» и его роли сегодня сложно.

Представленные материалы показывают, что косы из оглахтинских погребений и связанные с ними прически отличались узнаваемым своеобразием. Уже было отмечено сходство мужских причесок с изображениями на более поздних тепсейских плакетках (Вадецкая, 1985. С. 11). Новое неожиданное наблюдение сделал К. В. Чутунов, отметивший сходство кар-

каса женской косы и железных предметов U-образной формы, найденных в погребениях постскифского времени на могильниках Суглук-Хем I и Хайырыкан в Туве. Эти предметы, называемые шпильками, близки оглахтинскому каркасу по размерам и найдены в районе головы погребенных (Семенов, 2003. С. 44, табл. 76, 18; 88, 7, 12; и др.). Соотнесение таштыкских причесок со способами оформления волос других групп населения — это уже тема иного исследования².

2 Приношу искреннюю благодарность коллегам из Государственного Эрмитажа, заинтересованно участвовавшим в исследовании оглахтинских кос: Н. А. Балабану (лаборант ОАВЕС — рисунки кос); Н. А. Васильевой (художник-реставратор Лаборатории научной реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов — исследование под электронным микроскопом и консультации); И. А. Григорьевой (с. н. с. ОНТЭ — определение вещества пропитки женской косы методом оптической и ИК-Фурье спектроскопии); М. И. Колосовой (в. н. с. ОНТЭ, к. б. н. — определение древесины палочек микроскопическим методом по признакам анатомического строения); С. В. Хаврину (зам. зав. ОНТЭ — рентгенография); фотоаграфам П. С. Демидову и С. В. Суевой. Благодарю эксперта Бюро судебно-медицинской экспертизы Санкт-Петербурга Э. С. Маилян за определение биологической принадлежности волос обеих кос.

Литература и источники

- Адрианов, 1903 — Адрианов А. В. Оглахтинский могильник // XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903. К №254 от 23 ноября.
- Вадецкая, 1985 — Вадецкая Э. Б. Таштыкские наконечники и прически // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. М., 1985 (КСИА; вып. 184).
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников // Ранний железный век. М., 1986 (КСИА; вып. 186).
- Вадецкая, 1987 — Вадецкая Э. Б. К выявлению этнических признаков населения таштыкской культуры // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987.
- Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999 (Archaeologica Petropolitana. VII).
- Вадецкая, 2009 — Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея. СПб., 2009.
- Гохман, 1989 — Гохман И. И. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология — медицине / ред. Т. И. Алексеева. М., 1989.
- Коваленко, 1972 — Коваленко Т. В. Реставрация гипсовых погребальных масок // СГЭ. 1972. Вып. XXXV.
- Кызласов, 1969а — Кызласов Л. Р. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад // Наука и жизнь. 1969. № 12.
- Кызласов, 1969б — Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. НОА ИА РАН. Р-1. № 4010. 1969.
- Кызласов, 1992 — Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.
- Семенов, 2003 — Семенов Вл. А. Суглук-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003 (Тр. ИИМК РАН; т. IX).
- Сосновский, 1933 — Сосновский Г. П. О находках Оглахтинского могильника // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933.
- The Grand Exhibition, 1988 — The Grand Exhibition of Silk Road Civilizations. The Silk Road: The Oasis and Steppe Routes. Nara, 1988.
- Tallgren, 1937 — Tallgren A. M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // ESA. 1937. XI.

С. В. Панкова

Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника

В статье публикуются две косы из человеческих волос, обнаруженные в погребении 4 Оглахтинского могильника (раскопки Л. Р. Кызласова 1969 г., хранятся в Государственном Эрмитаже). Одна коса принадлежала женщине, погребенной по обряду ингумации с трепанированным черепом, другая «кукле» — имитации человеческого тела с кремированными костями — скорее всего, захоронению мужчины. Косы исследованы в ОНТЭ ГЭ. Женская коса общей длиной 24,5 см состоит из двух частей, соединенных с помощью волосной петли: свернутой тонкой косички, при жизни

женщины уложенной на ее голове, и подвязной косицы, сплетенной на каркасе из меховой трубочки. Подвязная коса подобной конструкции происходит из оглахтинской могилы 1 (раскопки А. В. Адрианова). Вторая, свернутая косичка длиной 8 см изначально находилась на темени куклы, закрытая шелковым прямоугольным футляром, что сопоставимо с оформлением волос мужской мумии из того же погребения. Вероятно, мужчины, погребенные в могиле 4 по разным обрядам, при жизни могли носить похожие/одинаковые прически, несмотря на их предполагаемое разное происхождение.

S. V. Pankova

Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery

This paper publishes two human-hair plaits found in burial 4 at the Oglakhty burial ground (L. R. Kyzlasov's excavations of 1969, kept in the State Hermitage). One plait belonged to a woman interred according to the inhumation rite with a trepanized skull and the other plait was that of a funerary mannequin, i. e. an imitation of a human body with cremated bones — most likely, a male burial. The plaits were investigated at the Laboratory for Scientific and Technical Expert Evaluation of the State Hermitage. The female plait with the total length of 24.5 cm is composed of two parts joined with a hair loop. The latter

was a coiled thin plait arranged on the woman's head in her lifetime. In addition the plait was fixed with a tied-up lock of hair plaited on a frame of a fur tube. A similar tied-up plait comes from Oglakhty grave 1 (excavations of A. V. Adrianov). The second small coiled plait, 8 cm long, initially was on the top of the head of the doll covered with a rectangular silken case reminding the hair design of a man's mummy from the same burial. Possibly, the men interred in burial 4 according to differing rites had in their lifetime similar or identical hair styles notwithstanding their presumably different descent.

Т. Р. Садыков¹

Новые данные о городище кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве

Ключевые слова: Тува, кокзельская культура, гунно-сарматское время, городище, сюнну, сяньби.

Keywords: Tuva, Kokel culture, Xiongnu-Xianbei time, fortified settlement, Xiongnu, Xianbei.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-140-144

Городище Катылыг 5 открыто в 2012 г. разведками Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН. В 2014–2015 гг. на нем проводились раскопки, исследовано более 2000 кв. м, или около половины памятника. Предварительные результаты работ 2014 г. отражены в публикациях (Садыков, 2015а. С. 741–745; 2015б. С. 286–292). По результатам полевого сезона 2015 г. и первых естественнонаучных анализов появилась возможность уточнить некоторые вопросы, связанные с его изучением (рис. 1).

Памятник расположен в верховьях р. Эрбек (правый приток Улуг-Хема) на абсолютной высоте 985 м. Это таежная зона, но поселение не залесено, оно занимает край террасы на большой поляне. Городище не находится на каком-то торговом пути и не доминирует над округой. Его местоположение может быть объяснено или наличием неподалеку необходимого для железоделательного производства сырья (пока не найдено), или его функцией как городища-убежища: расстояние до р. Улуг-Хем и, соответственно, открытых степных пространств — 25 км по прямой, из них последние 4 км — глухая тайга. Не исключено, что памятник мог заселяться только летом. Об этом свидетельствуют как отсутствие на исследованной площади капитальных, углубленных в землю жилищ, так и то, что в настоящее время эта территория используется именно для летних кочевий. Состав стада, по всей вероятности, мог быть схожим.

Палеозоологические материалы продолжают обрабатываться ст. н. с. ИИМК РАН, к. и. н. А. К. Каспаровым. В настоящей статье представлена статистика определенных костей из культурного слоя городища из раскопа 2014 г. (таблица) без материалов из вновь выявленных комплексов. Подробное рассмотрение остеологического материала городища будет сделано в отдельной публикации. Что-то, безусловно, уточнится, конкретизируется, но общая картина, скорее всего, останется схожей.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел охранной археологии. Адрес электронной почты: tim.sadykov@gmail.com.

Таблица

Статистика определенных костей из культурного слоя городища (раскоп 2014 г.)

Table

Statistics of the identified bones from the cultural layer of the settlement-site (excavation of 2014)

Вид	Количество костей	%
Овца или коза	279	46
Корова	99	16
Косуля	93	15
Лошадь	83	14
Благородный олень	25	4
Свинья	13	2
Заяц	9	1
Дикий кабан	5	1

Если предположение об исключительно летнем заселении памятника верно, то любопытно отметить следующее. В настоящее время принято считать, что совместные кочевки и ведение общего хозяйства ведет группа, населяющая, как правило, от одной до трех юрт. В рассматриваемый период такая группа могла быть, по всей видимости, больше.

Гипотезе сезонного поселения несколько противоречит наличие земляных укреплений. Площадку для временного пребывания, казалось бы, незачем и укреплять. Система рвов и валов, окружающих городище, довольно необычна — два параллельных рва, разделенные материковым останцом, расположены между двумя валами (валы еще не исследовались, но, судя по объему, они сформированы выкидом из рвов). «Вход» пока не обнаружен. Возможно, рвы и валы исполняли не столько защитную, сколько какую-то «технологическую» функцию: водоотводная, противопожарная и т. д. Не стоит исключать и возведение земляных укреплений согласно культурной традиции, без непосредственной жизненной необходимости: происхождение населения, оставившего кокзельскую

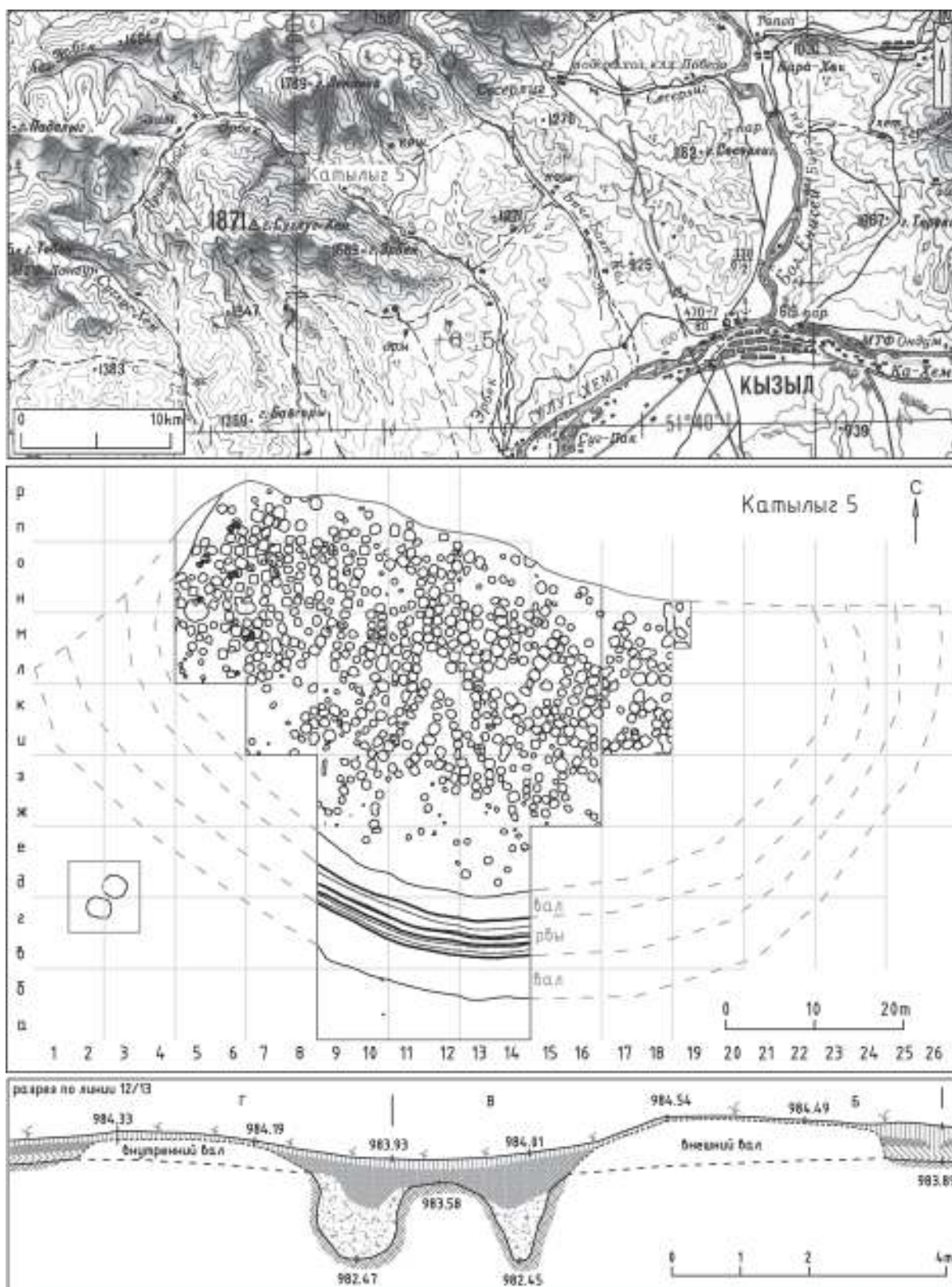

Рис. 1. Катылыг 5. Расположение относительно г. Кызыла, схема выявленных объектов, разрез линии укреплений.

Fig. 1. Katylig 5. Location of the site relative to the city of Kyzyl, scheme of the revealed structures, section of the line of fortifications.

археологическую культуру, до сих пор остается дискуссионным, и его переселение из областей, где люди традиционно живут в укрепленных поселениях, представляется вполне вероятным.

В северо-западной части городища зафиксированы остатки как минимум семи железоделательных горнов (и, возможно, будут открыты новые на еще не исследованном участке). Это породило предположение, что городище являлось металлургической технологической площадкой и где-то рядом будет найдено непосредственно поселение с жилищами и культурным слоем с «бытовыми» остатками.

В 2015 г. вокруг городища была заложена серия шурфов с целью проверки этого предположения. Теперь можно уверенно считать, что культурный слой поселения не выходит за пределы огороженной площадки ни в одну из сторон, основная жизнь проходила непосредственно на городище. Об этом же говорит обилие костей животных, керамики и хозяйственных ям. При этом на окружающей территории встречается довольно много синхронных городищу подъемных материалов, найдены вынесенные за пределы городища (на расстоянии 30–40 м от горнов) углежогные ямы.

Интересно, хотя пока и труднообъяснимо, наличие однокультурных погребений на территории городища. На раскопанной площади зафиксировано три взрослых погребения (одно разрушенное) и как минимум шесть погребений младенцев. Подробный анализ погребений — тема отдельной публикации, здесь остановимся на нескольких моментах.

Неопределенность с количеством детских погребений объясняется как плохой сохранностью костей, так и тем, что для детей, судя по всему, не всегда выкапывались отдельные ямы, иногда их укладывали в угол условно «хозяйственной» ямы.

Культурный слой памятника (в среднем около 0,4 м) не делится на горизонты — это не позволяет уверенно считать, что погребения совершены именно во время функционирования поселения, а не раньше, но совершенно точно — не позже. Случаев перекрытия ям на поселении практически нет (что как будто говорит о его недолгом функционировании), плотность их очень велика и погребения (кроме разрушенного) достаточно органично вписаны в эту «систему». В любом случае здесь отсутствуют следы курганных насыпей. Следует упомянуть, что погребальные памятники кокэльцев достаточно хорошо изучены (*Савинов и др.*, 2010): известны одиночные курганы и курганы-кладбища, а вопрос о возможном существовании бескур-

ганных погребений даже не возникал. Не исключено, что грунтовые погребения этой культуры еще будут найдены, например, в связи с «поминальниками». Однако более вероятно, что погребения на территории этого поселения могут являться локальным явлением, характерным только для данного микрорегиона или, возможно, для таежной зоны в целом.

В хронологии кокэльской культуры пока много неопределенного. Собственно, все основные временные рубежи (начало, конец, возможное внутреннее деление) остаются в области дискуссий (*Николаев*, 2001. С. 102). Большая часть памятников раскопана довольно давно, естественнонаучное датирование, насколько нам известно, не проводилось. Тем больший интерес представляют полученные 10 радиоуглеродных дат для разных комплексов городища. Все они, в целом, укладываются во вторую половину III — первую половину IV в. н. э. Приведем для примера результаты из ям в южной, центральной и северо-западной (из железоделательного горна) частях памятника: **Le-10937:** 1730 ± 20 BP (240 AD (95,4 %) 390 AD); **Le-10938:** 1760 ± 20 BP (220 AD (95,4 %) 350 AD); **Le-10942:** 1710 ± 30 BP (250 AD (95,4 %) 410 AD).

К какому из периодов существования кокэльской культуры (зарождение, расцвет или упадок) может относиться городище, пока трудно определить. Однако полученные даты позволят с большим основанием искать истоки и аналогии кокэльским материалам не столько в суннуской, сколько в сянбийской культурной традиции. Мнение о возможных параллелях в тувинских материалах с культурой сянби (правда, совершенно в другом контексте) уже высказывалось (*Худяков и др.*, 1999. С. 174–179), и это направление поисков кажется очень перспективным.

Это особенно интересно в связи с находками неожиданных керамических форм — сосудов «со скошенным венчиком» (рис. 2, 5, 6), которые составляют значительную часть (по предварительным подсчетам около 18%) керамики городища². Аналогии этим сосудам достоверно пока известны только на Дальнем Востоке (*Алкин и др.*, 2011. С. 127–130). Перенос культурной традиции между этими областями и на такое дальнейшее расстояние гораздо более вероятен именно в сянбийское время.

² По предварительным данным, около 2/3 керамики Катлыга 5 — формы, характерные для хорошо известных погребальных и «поминальных» памятников кокэльцев. Из этой группы около 40 % — сосуды с арочно-лопастным орнаментом, около 30 % — сосуды с линиями под венчиком, чаще прорезными, чем наклепными.

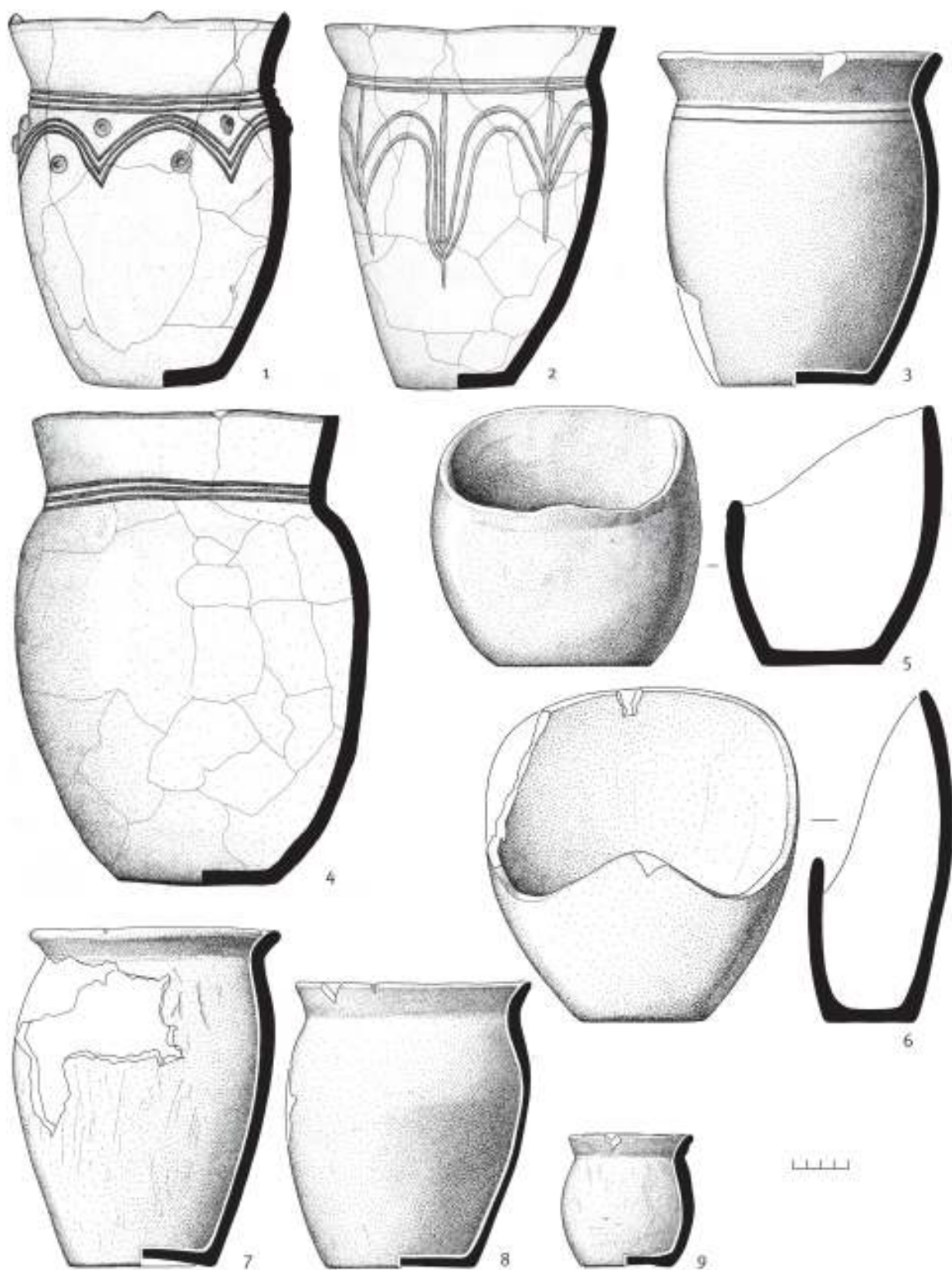

Рис. 2. Катылыг 5. Целые керамические формы.

Fig. 2. Katylyg 5. Complete ceramic forms.

Литература

Алкин и др., 2011 — Алкин С. В., Нестеренко В. В., Колосов В. К. Работы на Усть-Чернинском городище в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. 17.

Николаев, 2001 — Николаев Н. Н. Культура населения Тувы первой половины I-го тысячелетия н. э.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

Савинов и др., 2010 — Савинов Д. Г., Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б., Грач А. Д., Самбу И. У., Трифонов Ю. И., Дэвлет М. А., Васильева Н. А. Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб., 2010.

Садыков, 2015а — Садыков Т. Р. Первые результаты изучения городища кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве / The first

results of the study of Katylyg 5, fortified settlement of Kokel archaeological culture // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири / Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia. Part 2. Beijing., 2015.

Садыков, 2015б — Садыков Т. Р. Катылыг 5 — городище кокзельской культуры // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Мат-лы междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 7–8 апреля 2015 г. Иркутск, 2015.

Худяков и др., 1999 — Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. № 4.

Т. Р. Садыков

Новые данные о городище кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве

Статья посвящена работам 2014–2015 гг. в Туве на городище кокзельской культуры Катылыг 5. Представлены радиоуглеродные даты (вторая половина III — первая половина IV в. н. э.), предварительные палеозоологические определения (преобладание мелкого рогатого скота, наличие лошадей и коров; основные объекты охоты — косуля и марал), поставлен вопрос

о возможном сезонном характере поселения. Отмечена необычность линии укреплений (двойной ров между двух валов). Высказано предположение о соотношении некоторых керамических форм с дальневосточной традицией, что может быть связано с обширными завоеваниями сяньби.

T. R. Sadykov

New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva

This article is devoted to investigations of 2014–2015 in Tuva at the fortified settlement of Katylyg 5 of the Kokel culture. The paper presents the radiocarbon dates (second half of the 3rd — first half of the 4th century AD), preliminary palaeozoological identifications (predomination of small horned cattle, the presence of horses and cows, roe deer and maral as the main objects of hunting). A question

is put forward concerning the presumably seasonal character of the settlement. Of note is the peculiar line of the fortifications (double ditch between two ramparts). The resemblance of certain ceramic forms to those of the Far East tradition is supposed. This fact may have been related with the vast conquests of the Xianbei.

П. М. Леус¹

Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве

Ключевые слова: Тува, могильник Терезин, китайская бронзовая монета «чан пин у шу», эпоха хунну, государство Северная Ци.

Keywords: Tuva, cemetery of Terezin, Chinese bronze 'Chang Ping Wu Zhu' coin, Xiongnu, Northern Qi.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-145-148

В 2010 г. в ходе археологических исследований разрушающегося могильника хуннского времени Терезин в Чаа-Хольском кожууне Республики Тыва была обнаружена китайская бронзовая монета «чан пин у шу» (рис. 1). Монета является подъемным материалом, найдена в нескольких десятках метров от скопления разрушенных погребений эпохи хунну, датированных I в. до н. э. Ранее на могильнике были найдены некоторые случайные находки, относящиеся к более позднему времени, чем захоронения хунну (Leus, 2011. Р. 536, fig. 20, 8, 9). Это позволяет предполагать наличие здесь разрушенных или еще не найденных объектов эпохи средневековья.

«Чан пин у шу» отливались в государстве Северная Ци (существовало в Северном Китае в 550–577 гг.) при императоре Вэнь Сюань-Ди (годы правления 550–559). Выпуск этих монет относится к 553 г. (Быков, 1969. Табл. X, № 65; Jen, 2000. Р. 37–38, no. 131).

Монета изготовлена из свинцово-оловянистой бронзы, типичной для китайских изделий (табл.). Диаметр монеты 2,4 см.

Рис. 1. Могильник Терезин. Монета «чан пин у шу». Fig. 1. Cemetery of Terezin. 'Chang Ping Wu Zhu' coin.

Таблица²
Результаты РФА химического состава металла поверхности монеты (в %)

Results of XRF chemical analysis of the metal of the 'Chang Ping Wu Zhu' coin (percents)

Table

	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag
монета	Осн.	< 0,4	3–5	4–6	< 0,6	Сл.

Состояние монеты очень хорошее, детализировка иероглифов четкая. Это свидетельствует о том, что монета

короткое время была в обиходе, а также о достаточно высоком качестве литья. О качестве монет «чан пин у шу» упоминается в китайской династийной хронике Суй-шу: «Император Вэнь-Сюань-ди, получив уступленный [династией Восточная Вэй] престол (549), упразднил монеты [эры правления] Юнъань (528–530) и вместо них отлил монеты "постоянно уравновешенные в 5 шу" (или «полноценная в 5 шу» — «чан пин у шу». — П. Л.). Их вес соответствовал надписи. Эти монеты были очень дорогими, и форма их была очень аккуратной» (Материалы..., 1980. С. 117).

В отличие от танских монет «кай-юань тун-бао» (начало выпуска 621 г.), монеты «чан пин у шу» в археологических памятниках древнетюркского времени Саяно-Алтая встречаются редко. Единичные экземпляры известны на Алтае, например, могила 18 могильника Горный-10 (Абдулганеев, 2001. С. 128);

¹ Россия, Санкт-Петербург. Независимый исследователь, н. с. Тувинской экспедиции ИИМК РАН. Адрес электронной почты: leuss@mail.ru.

² Изучение состава металла монеты проведено зам. зав. ОНТЭ ГЭ с. н. с. С. В. Хавриным. Анализ проведен в 2016 г. на спектрометре ArtTAX (фирма Bruker). Сокращения: осн. — основа, сл. — следы.

в Кузнецкой котловине — курган 6 могильника Саратовка (Илюшин, 2010. С. 187). В работе Е. И. Лубо-Лесниченко о китайских монетах в богатейшей коллекции Минусинского музея указано всего четыре монеты «чан пин у шу», тогда как танских «кай-юань тун-бао» — 318 экз. (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 162).

В последние годы отдельные монеты были обнаружены поисковиками при помощи металлодетекторов. Такие находки известны сейчас на Алтае и юге Красноярского края, в Кузнецкой котловине и Забайкалье.

Как известно, многие китайские монеты бытовали длительное время, что затрудняет их использование для датировки археологических памятников, за исключением как *terminus post quem*. К примеру, танские монеты «кай-юань тун-бао», впервые выпущенные в 621 г., имели хождение в течение многих столетий и отливались в разных городах как официально, так и неофициально, частными лицами, торговцами, фальшивомонетчиками и пр. (Быков, 1969. С. 18).

То же самое можно сказать и о монетах «чан пин у шу», что подтверждается их находками в одних комплексах вместе с более поздними монетами «кай-юань тун-бао» (Абдулганеев, 2001. С. 128). Тем не менее, в силу исторических обстоятельств (короткий период существования государства Северная Ци), они встречаются гораздо реже. Этому способствовало и относительно быстрое прекращение их использования в период после падения Северной Ци:

«После [эры правления] Упин (570–575) [повсюду] широко распространились монеты, отлитые частным образом. Некоторые из них изготовлялись из смеси сырого железа с медью. [Хождение их] не могли запретить вплоть до падения [династии Северная] Ци.

[Тогда же] впервые был дан приказ вешать тех, кто отливал монету частным образом, [а их] близких — ссылать в далекие края на поселение. После покорения [государства Северное] Ци население [района] Шаньдун все еще пользовалось наряду [с прочими деньгами] старыми монетами дома Ци.

В четвертом месяце 3-го года [эры правления Кайхуан] (583) был дан императорский указ: "На каждую из всех [пограничных] застав по всем четырем сторонам [света] отправить по 100 [новых] монет в качестве образца;

[когда деньги] будут привозить из-за границы, [следует] сравнивать [их с этим] образцом и, если [они] соответствуют образцу, разрешать провоз, а если не соответствуют — уничтожать, переплавляя [их] в медь и сдавая [ее] в казну".

[Еще один] императорский указ гласил: "После выпуска новых монет не запрещается пользоваться повсеместно применяемыми в торговле старыми монетами прежних династий, такими как *усин дабу*, *юнтун ваньго*, а также [монетами] "постоянно уравновешенными в 5 шу" [династии Северная] Ци".

В 4-м году [эры правления Кайхуан] (584) был дан императорский указ удерживать половину годового жалования у тех сяньлинов, которые по-прежнему будут полагаться на старые [порядки] и не запретят [старые] монеты. Но поскольку население привыкло [ими] пользоваться, еще долго не удавалось [это] пресечь. В первом месяце 5-го года [эры правления Кайхуан] (585) был дан императорский указ еще строже [придерживаться] установленного порядка. С этого времени деньги впервые стали единообразными. [Они] распространились повсеместно, и это было удобно для населения» (Материалы..., 1980. С. 118–119).

Находки монет «чан пин у шу» на Саяно-Алтае можно связать с периодом возникновения Первого тюркского каганата в середине VI в., когда за короткий срок было создано огромное кочевое государство, быстро включившееся в систему политических и экономических взаимоотношений крупнейших государств того времени, в том числе и Китая (Кляшторный, 2003. С. 91–93). Северные китайские государства, находившиеся в состоянии междоусобной вражды, в том числе Северная Ци, подвергались регулярным набегам тюрков и стали, по сути, данниками каганата: «Со времен Кигиня Дом его сделался богатым и сильным. Он имел намерение разгромить Срединное государство; но Двор поспешил заключить с ним союз мира и родства, и ежегодно давал ему 100.000 кусков шелковых тканей. Тукюесцы, проживавшие в столице, содержимы были с отличными почестями. Они носили шелковое одеяние, ели мясо. Число их иногда простиралось до тысячи человек. Дом Ци страшился их набегов и грабительств, и также истощал свои казнохранилища для платы им. Тобо в счастья очень превоз-

носился, и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика [т. е. Дома: Северный Чжоу и Северный Ци] были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности» (Бичурин, 1950. С. 233).

Несомненно, что уже вскоре после выпуска (553 г.) некоторые монеты «чан пин у шу» могли оказаться на территории Саяно-Алтая, в частности в Туве. Полученные в качестве дани, захваченные в набеге (Северная Ци была разгромлена при участии тюрков), привезенные или выменянные у торговцев в качестве амулета, своеобразного «сувенира» или символа материального благополучия, они оказывались в поясной сумочке кочевника. Использование кочевниками Саяно-Алтая бронзовых китайских монет в это время в качестве некоего эквивалента стоимости товаров и услуг представляется маловероятным. Тем не менее монета вполне могла являться неким символом материальных ценностей (Серов, 2002. С. 49).

В большинстве случаев в древнетюркских погребальных памятниках Саяно-Алтая и Монголии монеты располагаются в районе пояса погребенного (Тишкин, Серегин, 2013. С. 55). В Туве это также подтверждается археологическими находками, например, на могильниках Кара-Тал I, курган 3 — монета в кожаной поясной сумочке (Трифонов, 2013. С. 54), Даг-Аразы V, курган 1 — монета «кай-юань тун-бао» в кожаном мешочке на поясе (Овчинникова, 2013. С. 150).

В самом Китае, в погребальной культуре Северной Ци, монеты «чан пин у шу» также нередко встречаются в погребениях, являясь *terminus post quem* для их датировки, если отсутствуют более точные данные, например эпитафии (Karg, 2002. S. 185, 187).

На территории Тувы монеты «чан пин у шу» ранее не встречались, во всяком случае информацию об этом в специальной литературе найти не удалось. Находка «чан пин у шу» на могильнике Терезин включает Туву в ареал распространения этих монет и является одним из немногих календарно датированных артефактов ранней истории древнетюркского каганата на этой территории.

Литература

Абдулганеев, 2001 — Абдулганеев М. Т. Могильник Горный 10 — памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографиче-

ском измерении: (Западная Сибирь и сопредельные территории). Мат-лы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2001.

Бичурин, 1950 — Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950.

Быков, 1969 — Быков А. А. Монеты Китая. Л., 1969.

Овчинникова, 2013 — Овчинникова Б. Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрков на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) / ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2013.

Илюшин, 2010 — Илюшин А. М. Монеты в средневековых древностях Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. Кемерово, 2010. № 4.

Кляшторный, 2003 — Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Лубо-Лесниченко, 1975 — Лубо-Лесниченко Е. И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск, 1975.

Материалы..., 1980 — Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. Раздел «Ши хо чжи» из династийных историй. Суй-Шу / пер. А. А. Бокщанина и Лин Кюньи. М., 1980.

Серов, 2002 — Серов В. В. «О причинах появления первых монет на Алтае» // Десятая Всероссийская Нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002.

Тишкин, Серегин, 2013 — Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрков Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013. № 1 (7).

Трифонов, 2013 — Трифонов Ю. И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) / ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2013.

Jen, 2000 — Jen D. Chinese cash. lola, 2000.

Karg, 2002 — Karg Ch. Die Grabkultur der Nördlichen Qi-Zeit (550–577). Holzkirchen, 2002.

Leus, 2011 — Leus P. M. Xiongnu Period Finds from Terezin in Central Tuva // Xiongnu Archaeology — Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology, Bd. 5).

П. М. Леус

Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве

В 2010 г. на могильнике Терезин в Центральной Туве была обнаружена китайская бронзовая монета «чан пин у шу» 553 г., изготовленная в государстве Северная Ци. Ранее находок таких монет в Туве не было. На-

ходка «чан пин у шу» включает Туву в ареал распространения этих монет и является одним из немногих календарно датированных артефактов ранней истории древнетюркского каганата на этой территории.

P. M. Leus

'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva

In 2010, a Chinese bronze 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD minted in Northern Qi was found at the cemetery of Terezin in Central Tuva. There had been made no such findings in Tuva before. The find of 'Chang Ping Wu Zhu'

introduces Tuva into the area of distribution of these coins and represents one of the few calendar-dated artefacts of the early history of the Ancient Turkic Khaganate in this territory.

Б. Б. Овчинникова¹

Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы

Ключевые слова: Тува, енисейские кыргызы, могильник Аймырлыг 2, погребально-поминальная обрядность, изделия туюктыатско-аскизского облика.

Keywords: Tuva, Yenisei Kyrgyzs, cemetery of Aymyrylyg 2, funerary memorial rite, objects of Tyukhtyat-Askiz type.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-149-155

В 1972–1978 гг. отряд Уральского государственного университета в составе СТАЭ ЛОИА АН СССР под руководством автора проводил исследования на **могильнике Аймырлыг 2**, расположенном в 10 км к юго-западу от пос. Старый Чаа-Холь (Улут-Хемский кошун). Каменные насыпи находились в межгорных котловинах на левом берегу р. Чаа-Холь. Для планомерного изучения территория памятника была условно разделена на четыре группы, находящиеся в непосредственной близости друг от друга (рис. 1). Всего вскрыто более 70 курганных сооружений (в группах I–II — 25 и в группе III — 45), среди которых встречены захоронения, относящиеся к разным эпохам. Однако большая часть памятников — это захоронения с обрядом трупосожжения и ритуальные выкладки, совершенные в период владычества в Туве енисейских кыргызов. В настоящей статье представлены неопубликованные материалы раскопок **групп I–II**, т. к. группа III полностью раскопана и опубликована (Овчинникова, Длужневская, 2000).

Группа I ближе других расположена к р. Чаа-Холь и состояла из 56 насыпей различной в плане формы — овальной, подчетырёхугольной и неопределённой. В раскопанных курганах 1, 2, 4–7, 10–15, 18, 19, 25, 28–30 обнаружены захоронения *по обряду трупоположения*, относящиеся к гунно-сарматской (курганы 2 и 4 — см. Овчинникова, 2002. С. 240–246) и монгольской (курган 1 — см. Овчинникова, 1987. С. 35–38, рис. I; II) эпохам. В курганах 19 и 25 погребенные располагались на каменной выкладке без сопроводительного инвентаря, что не позволило определить их культурную принадлежность.

В остальных раскопанных курганах группы I обнаружены погребения *по обряду трупосожжения*. Соглас-

но конструктивным особенностям, исследованные наземные сооружения можно разделить на три типа.

Первый тип представлен невысокими каменными насыпями овальной в плане формы, стенка-основа просматривалась среди россыпи камней — ее составляли достаточно крупные камни, порой хорошо подобранные друг к другу, выложенные в один-два ряда. На уровне древней дневной поверхности обнаружены пятна прокаленной почвы, древесные угольки, единичные мелкие кальцинированные косточки (курган 6), иногда кусочки бересты (курган 10) или небольшие коррозированные фрагменты железных предметов неясного назначения (курганы 11 и 18). Однако встречаются и целые предметы: в захоронении кургана 7 вместе с кальцинированными костями человека на уровне древней дневной поверхности находились железные двусоставные удила с однокольчатыми окончаниями и перевитыми грызлами. Они, по типологии Г. В. Длужневской, отнесены к середине IX — первой четверти/середине X в. (Длужневская, 1985а. С. 9).

В отличие от вышеописанных курганов в кургане 30 при аналогичной конструкции наземного сооружения внутренняя площадка была заполнена камнями, уходящими вглубь на 0,25–0,30 м. После выборки камней в северо-восточном секторе обнаружены зольные пятна и следы прокала. Здесь же было встречено большое количество кальцинированных костей человека. Возле сильно прокаленной площадки (0,30 × 0,35 м) обнаружены бронзовая орнаментированная подвесная бляха, три железные пряжки и два железных кольца от торока. Время бытования изделий также не выходит за пределы IX–X вв.

Стоит отметить особенность строительной конструкции кургана 10, который до расчистки представлял собой овальную в плане задернованную каменную насыпь. После разборки были выявлены три небольшие округлые каменные ограды диаметрами 1,1 × 1,2 м каждая. Все три ограды размещались на незначительном расстоянии друг от друга, почти соприкасаясь

¹ 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина. Институт гуманитарных наук и искусств, департамент «Исторический факультет», кафедра истории России. Адрес электронной почты: bovchinnikova@mail.ru.

Рис. 1. План могильника Аймырлыг 2.

Fig. 1. Plan of the cemetery of Aymyrlyg 2.

стенками, составляя некую цепочку. Внутри каждой из них на уровне древней дневной поверхности были рассеяны угольки, а в одной встречен кусок свернутой в рулон бересты шириной 10 см.

Ко **второму типу** отнесены погребения, также совершенные по обряду трупосожжения, но с иной конструкцией наземных построек. Это подчетыреугольные оградки, установленные внутри овального наземного сооружения (*вариант А*) (рис. 2, 2), или оградки подквадратной в плане формы, напоминающие древнетюркские (*вариант Б*) (рис. 2, 1).

Оградки *варианта А*, находящиеся внутри овального (круглого) наземного сооружения, сложены из горизонтально уложенных каменных плит (длиной около 1 м и более), чаще всего в два яруса. По всей площади погребения на уровне древней дневной поверхности встречено достаточно большое количество кальцинированных костей человека, иногда с весьма выразительным сопроводительным инвентарем (курганы 12, 13, 28 и 29). Так, в оградке кургана 12 и за ее пределами, возле стенок, обнаружены изделия от одного сбруйного набора, состоящего из ременных накладок (два на-

конечника и пять бляшек), а также двух Т-образных соединителей ремней и трех маленьких сердцевидных накладок (рис. 3, 1–8). Можно полагать, что эти изделия составляют «серийный» набор тюхтятско-аскизского облика, выполненный в одном орнаментальном стиле, выделенном Г. Г. Король как «пальметты в составе композиций с центральной лепестковой розеткой» (Король, 2008. С. 162). Согласно типологии Г. В. Длужневской, такой набор датируется 950–1000 гг. (Длужневская, 1994. С. 32–33, рис. 11). Отметим, что кроме кальцинированных костей на площади оградки и за ее пределами, возле северной стенки, находились скопления необожженных костей животного.

Курган 13, кроме внутренней оградки и наземного сооружения в виде кольцевой оградки, имел пристройку с внешней стороны. В диаметре пристройка была намного меньше основного кольца, а ее южная стенка составляла общую стенку с основной оградой. В восточной части с внешней стороны пристройки находились два больших золистых пятна. Во всех трех сооружениях на уровне древней поверхности были обнаружены фрагменты керамики, и лишь в северо-восточном углу внутренней четырехугольной оградки с внешней ее стороны обнаружен укороченный бронзовый неорнаментированный ременный наконечник без прорези размерами 2,5 × 1,2 см. Вся площадь оградки на уровне древней дневной поверхности была сплошь усеяна пережженными костями.

Сравнительно мало сопроводительного инвентаря обнаружено и в кургане 28 — железная овальная пряжка с подвижным язычком и фрагменты неорнаментированной керамики в сопровождении пережженных костей.

Рядом с курганной насыпью 28 находилась бесформенная задернованная насыпь кургана 29, при исследовании которой выявлено частично разрушенное наземное сооружение. Здесь после снятия камней на уровне древней дневной поверхности вместе с большим количеством пережженных костей были выявлены два очага прокаленной почвы с остатками древесного угля. В пятнах прокала были обнаружены два «клада» поясной гарнитуры. В пятне № 1 находились семь бронзовых орнаментированных ременных бляшек, одна железная подпружинная пряжка с язычком на вертлюге и обломки трех железных пластинок-подкладок, предназначенных для крепления блях. В пятне № 2 обнаружены 25 бронзовых орнаментированных ременных разных по размеру блях и две пряжки (рис. 4). Оба «клада» соотносятся с наборами тюхтятско-аскизского облика.

В восточной части наземного сооружения кургана 29, за пределами сваленных удлиненных плит (вероятно, остатков от внутренней прямоугольной оградки), обнаружены еще четыре бронзовые бляшки, костяная застежка с желобком, маленький фрагмент костяного предмета с циркульным орнаментом, железные одинарная и двойная обоймы, кольцо на петле.

Несколько обособленно находится квадратная оградка кургана 4 (*вариант Б*). Она сооружена из верти-

кально установленных плит (1,2 × 1,2 м) и типологически близка древнетюркским (рис. 2, 1). Внутренняя площадка оградки заполнена плотной каменной кладкой из уложенных горизонтально плит, уходящих вглубь. Как показало дальнейшее изучение памятника, эти камни составляли засыпку более раннего погребения кокэльского типа гунно-сарматской эпохи (Овчинникова, 2002. С. 240–246). В юго-юго-восточном углу оградки сохранился свалившийся стояк.

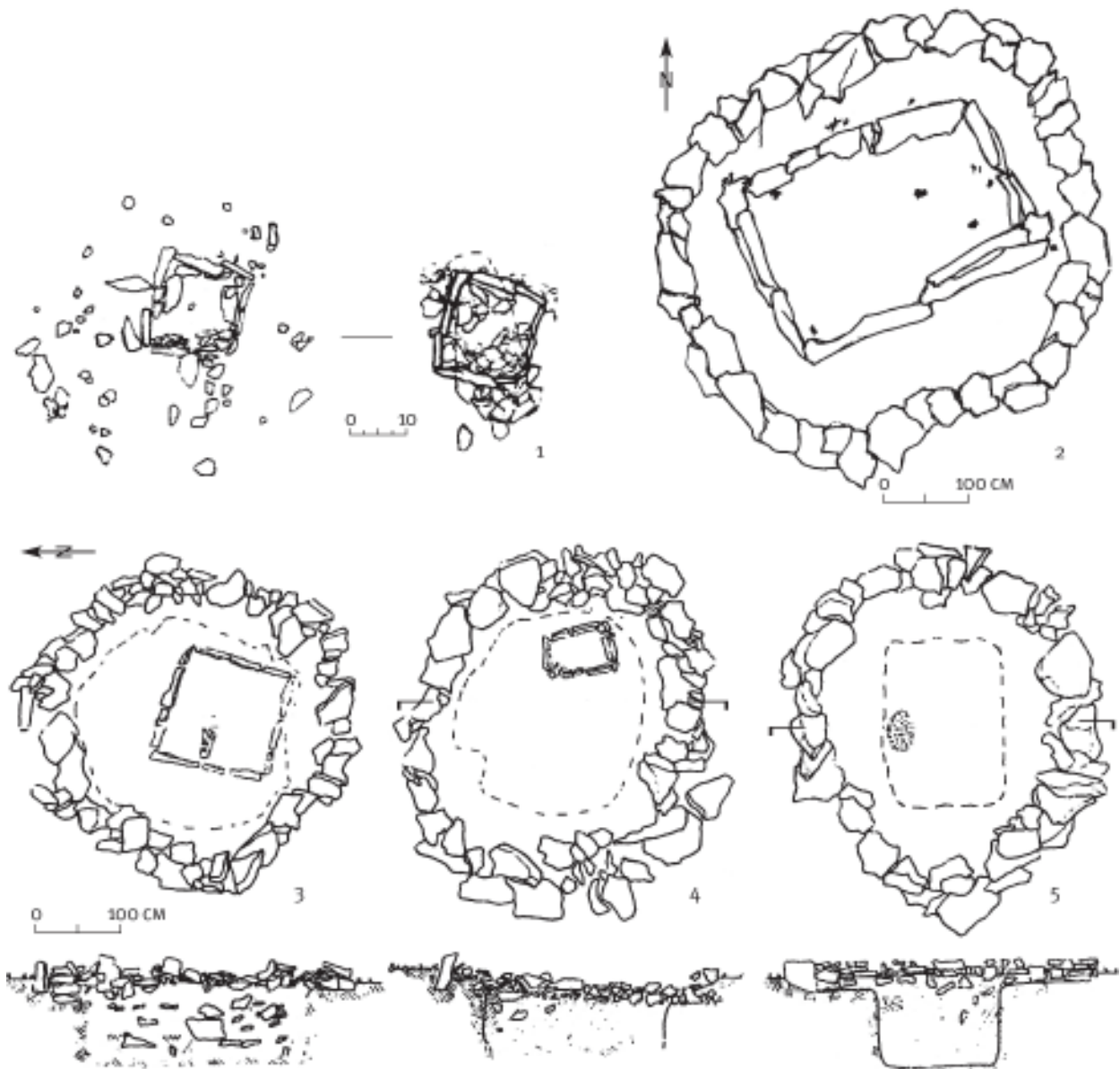

Рис. 2. Аймырлыг 2. 1 — группа I, курган 4, план наземного сооружения после расчистки; 2 — группа I, курган 12, план сооружения; 3–5 — группа II, курганы 6, 5, 4, планы сооружений.

Fig. 2. Aymyrlyg 2. 1 — group I, barrow 4, plan of the surface structure prior after the excavation; 2 — group I, barrow 12, plan of the structure; 3–5 — group II, barrows 6, 5, 4, plans of the structures.

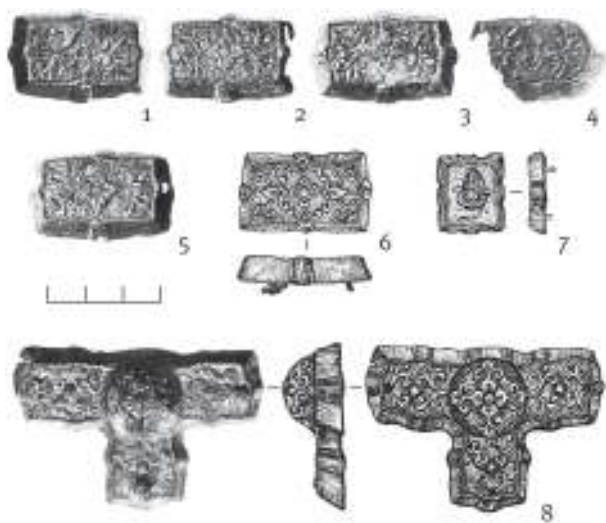

Рис. 3. Аймырлыг 2, группа I, курган 12. 1–8 — бляшки от сбруйного набора (бронза).

Fig. 3. Аумырлыг 2, group I, barrow 12. 1–8 — mounts from a bridle set (bronze).

После снятия торцовых плит оградки под юго-западными плитами на глубине 0,10–0,15 м обнаружены два комплекса вещей, аккуратно уложенных в грунтовых ямках и напоминающих «тайники» или «клады» (Там же).

Первый комплекс содержал пару железных петельчатых стремян, петли которых образованы изгибом дужки и соединяются в петле накладкой одной пластины на другую, подножки стремян подпрямоугольной формы, без прорезей. В этот комплекс также входили: железные двусоставные удила с восьмерковидными окончаниями, имеющие перевитые стержни; железное тесло (10 × 4,5 см); шесть железных черешковых трехлопастных наконечников стрел различных по форме пера, но типичных для енисейских кыргызов периода середины X–XI в.; три бронзовых неорнаментированных ременных наконечника от узды (два — удлиненные и один — укороченный); железные кресало и двойная обойма.

Второй комплекс составили железные фрагменты наконечников стрел, среди которых находился и целый черешковый трехлопастной; фрагменты пряжек, в том числе «тройчатки» — трехдырчатые соединители ремней; бронзовые накладки на ремень: три — укороченные и две — удлиненные. Анализ инвентаря из этого «клада» позволяет связать его с культурой енисейских кыргызов X–XI вв.

К *третьему типу* отнесены бесформенные наземные сооружения, от которых сохранился бесформенный или бессистемный развал камней. Внутри, под каменной выкладкой на уровне древней дневной поверхности, обнаружены либо скопление фрагментов глиняного сосуда и каменный оселок (курган 14), либо вкопанный в грунт глиняный сосуд с отбитой верхней частью (курган 15). При этом какие-либо остеологические остатки, угольки и прокаленная почва отсутствуют. По конструкции наземного сооружения к данному типу можно отнести и курган 5, при исследовании которого встречены лишь один фрагмент неорнаментированного сосуда и необожженная кость животного.

Группа II состоит из 28 курганных насыпей, из которых раскопано 7 (курганы 1–6, 10). После разборки небольшого скопления крупных камней, обозначенных нами как курган 1, он оказался скальным выходом. В кургане 10 находилось захоронение чрезвычайно плохой сохранности, которое по остаткам инвентаря отнесено к монгольскому времени.

Остальные погребения других исследованных курганов 2–6 совершены *по обряду трупосожжения* и различаются, как по конструкции наземных сооружений, так и по обряду захоронения.

Курган 2 представлен бессистемной каменной насыпью, под завалом камней которой по центру кургана была выявлена могильная яма размерами 1,8 × 2,5 м и глубиной 0,5–0,6 м. В яме зафиксированы большое количество кальцинированных костей человека, а также железные «гвоздь», мелкие фрагменты наконечников стрел и предмета неясного значения. Весь вещевой комплекс чрезвычайно плохой сохранности.

Наземное сооружение кургана 3 состояло из двух примыкающих друг к другу кольцевых оград. При этом ограда № 2 (диаметром 2 м) пристроена с запада к ограде № 1 (диаметром 4,8 м), имея с ней общую стенку. В центре ограды № 1 сохранилась удлиненная, вертикально врытая в грунт плита, упирающаяся в горизонтально лежащую плиту. Возможно, это остатки разрушенной внутренней ограды. На этом же участке в грунтовой могильной яме на глубине 0,3–0,4 м встречены достаточное количество древесного угля, необожженные кости животного, кальцинированные кости человека. Из сопровождающего инвентаря, имеющего плохую сохранность, найдены: пять фрагментов глиняного сосуда, два железных трехлопастных наконечника стрел, три фрагмента костяных накладок на лук, железный мусат, бронзовая ременная орнаментированная бляшка сердцевидной

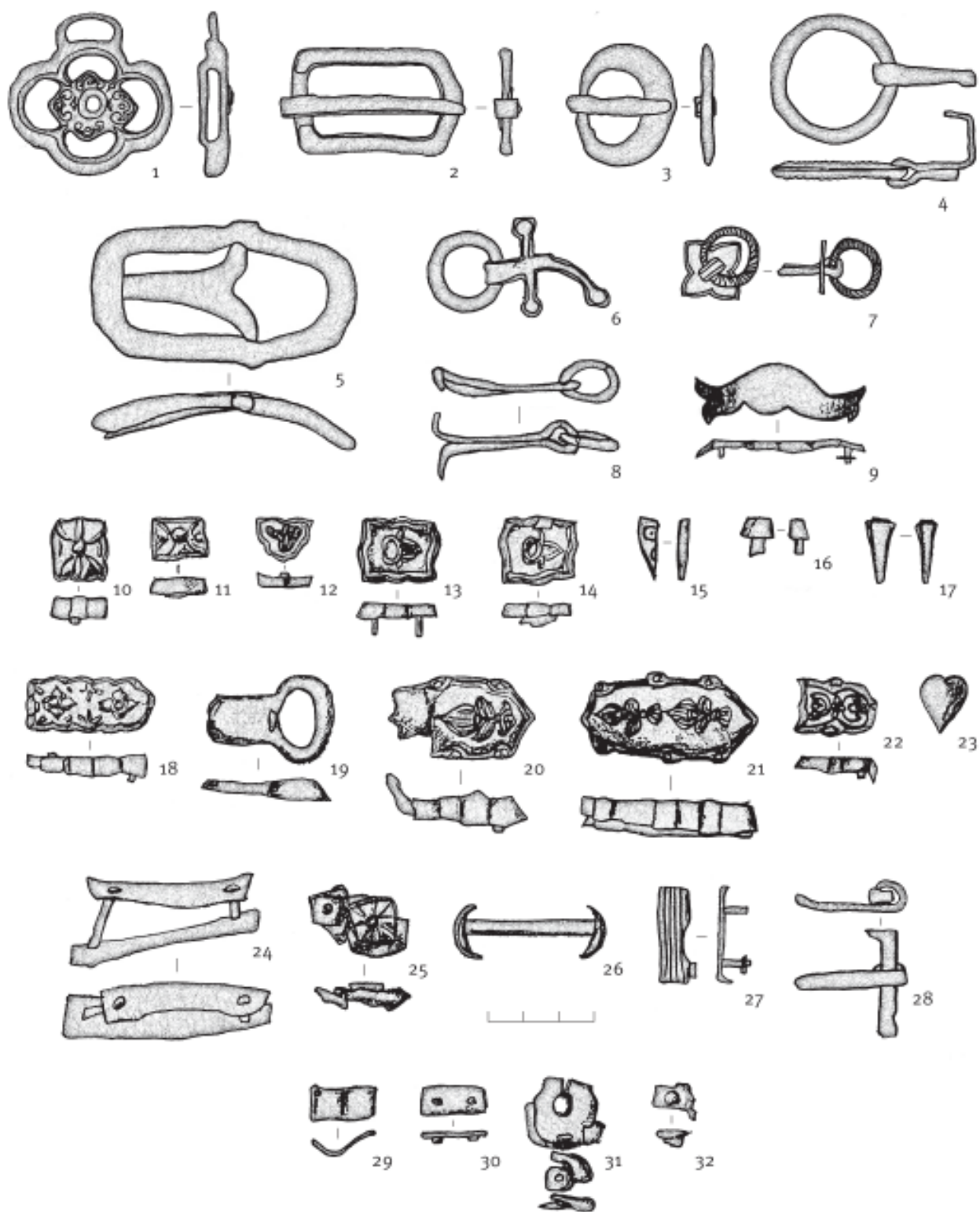

Рис. 4. Аймырлыг 2, группа I, курган 29, пятна № 1 и 2. 1–32 — вещевой комплекс (бронза).

Fig. 4. Aymyrlyg 2, group I, barrow 29, spots no. 1 and no. 2. 1–32 — set of artefacts (bronze).

формы. Относительно фрагментов сосуда отметим, что это типичная «кыргызская ваза», стенка которой совпала с шейкой сосуда из погребения кургана 13 группы I этого могильника.

В пределах ограды № 2 также найдены большое количество кальцинированных костей человека и необожженная кость животного. На глубине 0,5 м в могильной яме обнаружены фрагменты костяных накладок на лук и две серебряные ременные бляшки, а глубже (0,7 м) — еще одна необожженная кость животного и три фрагмента глиняного сосуда.

До раскопок сооружения курганов 4, 5 и 6 представляли единый монолит в виде каменной насыпи длиной более 12 м, вытянутой в направлении север-юг с кольцевыми выкладками на поверхности. После расчистки и разбора завалов от внешних сооружений выявлены три ограды овальной в плане формы, каждая из которых не превышала 4 м в диаметре (рис. 2, 3). Ограды этих сооружений находились на незначительном расстоянии друг от друга — 0,8 и 0,3 м. Стенки сооружений сложены в один-три слоя из хорошо подогнанных друг к другу камней различных размеров. С северной стороны каждой из оград был установлен камень в торец, чуть превышающий общую высоту камней в заполнении и стенки ограды.

Лучше сохранилась ограда кургана 4. Ее стенки сложены способом сухой кладки из горизонтально уложенных, хорошо подогнанных друг к другу камней в один-четыре слоя. Каменное заполнение внутренней площадки по высоте равно стенке, обрамляющей сооружение. В центре находилась грунтовая могильная яма подчетыреугольной в плане формы размерами 1,4 × 1,8 м и глубиной 1 м. В заполнении ямы было встречено несколько камней и две кальцинированные косточки. С глубины 0,3 м в северной части ямы выявлено небольшое прокаленное пятно размерами 0,3 × 0,45 м и толщиной 0,2 м.

Ограда кургана 5 находилась на расстоянии 0,8 м к северу от ограды кургана 4. Стенки данного сооружения сложены из крупных камней в один-два слоя. Внутренняя площадка заполнена камнями довольно плотно, которые по высоте — ниже стенки. Под ними, в середине сооружения, была выявлена грунтовая могильная яма размерами 2,2 × 2 м, в заполнении которой в разных местах и на различной глубине встречены необожженные кости животных. На глубине 0,6 м в юго-восточном углу ямы обнаружена четырехугольная оградка (0,7 × 0,4 м) из вертикально

установленных маленьких плит, ориентированная сторонами по странам света. В заполнении оградки и за ее восточной стенкой находились кальцинированные кости человека и мелкие фрагменты керамики, а также участки прокаленного грунта.

Ограда кургана 6 находилась на расстоянии 0,3 м к северу от ограды кургана 5. Стенки сооружения сложены способом сухой кладки в три-четыре слоя. Каменное заполнение внутренней площадки по высоте равно стенке. После разбора камней в середине площадки обозначилась могильная яма округлой в плане форме диаметром около 2 м и глубиной 0,9 м. На глубине 0,5 м обнаружено скопление костей животного, несколько фрагментов керамики, две железные пластинки, несколько кальцинированных костей человека, рядом с которыми — семь фрагментов изделия из крашеной кожи. Внешняя сторона кусочков кожи красного цвета, а обратная внутренняя — темно-синего. На глубине 0,8 м в могильной яме была выявлена квадратная оградка (1,3 × 1,3 м и высотой 0,1 м), ориентированная углами на север-юг и запад-восток, типологически близкая древнетюркским сооружениям со стенками из вертикально установленных плит. Внутри оградки, возле западной стенки, имелся прокаленный участок (0,32 × 0,45 м), заполненный древесными угольками, золой, кальцинированными костями человека и необожженными костями животных.

Материалы раскопанных курганов групп I–II могильника Аймырлыг 2, с учетом специфической погребально-поминальной обрядности и сопровождающего инвентаря, в том числе убранства коня и человека, позволяют отнести основную их часть к культуре енисейских кыргызов. Анализ материалов из раскопанных курганов, как и привлеченные аналогии (Кызласов Л., 1969; Кызласов И., 1983; Король, 2008), с учетом разработанной типологии Г. В. Длужневской (Длужневская, 1985а; 1985б; 1994. С. 21–43; Длужневская, Савинов, 2007. С. 145–159), подтверждают, что Центральная Тува в IX–XII вв., без сомнения, являлась территорией государственности и культуры енисейских кыргызов. В данном случае речь идет о локальном варианте, когда были сохранены местные традиции в т. н. переходный период от тюхтятской к аскизской культурной общности в X — первой половине XI в., о чем свидетельствуют материалы не только групп I–II, но и группы III — «дружинного захоронения» могильника Аймырлыг 2 (см. Овчинникова, Длужневская, 2000).

Литература

Длужневская, 1985а — *Длужневская Г. В.* Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Длужневская, 1985б — *Длужневская Г. В.* Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Длужневская, 1994 — *Длужневская Г. В.* Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв. н. э.) // *ФАН*. 1994. Fasc. VI.

Длужневская, *Савинов*, 2007 — *Длужневская Г. В.*, *Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.

Король, 2008 — *Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008 (Тр. САИПИ; вып. V).

Кызласов Л., 1969 — *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

Кызласов И., 1983 — *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири (X–XIV вв.). М., 1983 (САИ; вып. Е 3-18).

Овчинникова, 1987 — *Овчинникова Б. Б.* Новые находки средневековых погребений в Туве // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1987. Вып. 12.

Овчинникова, 2002 — *Овчинникова Б. Б.* Клады могильника Аймырлыг-2 в Центральной Туве // Клады: состав, хронология, интерпретация. Мат-лы тематической науч. конф. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2002.

Овчинникова, *Длужневская*, 2000 — *Овчинникова Б. Б.*, *Длужневская Г. В.* «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург, 2000.

Б. Б. Овчинникова

Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы

Могильник Аймырлыг 2 является одним из крупнейших памятников культуры енисейских кыргызов в Центральной Азии, характерными признаками которой является специфическая погребально-поминальная обрядность и комплексы изделий тюхтятско-аскизского облика. По предметам снаряжения всадника и деталям конской узды изученные курганы

датируются серединой IX — первой половиной XI в. Материалы, полученные в результате раскопок курганов групп I–II могильника Аймырлыг в 1972–1978 гг., в большей части публикуются впервые. Группа III была опубликована ранее в совместной монографии Б. Б. Овчинниковой и Г. В. Длужневской.

B. B. Ovchinnikova

Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva

The cemetery of Aymyrlyg 2 is among the largest sites of the culture of the Yenisei Kyrgyzs in Central Asia. The characteristic features of the culture include a specific funerary memorial rite and complexes of objects of the Tyukhtyat-Askiz type. Through items of the horsemen's gear and parts of horse bridle, the barrows under study

are dated to the mid-9th — first half of the 11th century. Most of the finds obtained in 1972–1978 during the excavations of the barrows of the 1st and 2nd groups at the cemetery of Aymyrlyg are here published for the first time. The third group was published earlier in the joint monograph by B. B. Ovchinnikova and G. V. Dluzhnevskaya.

Г. Г. Король¹

Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской²

Ключевые слова: Г. В. Длужневская, исследования, хронология, средневековье, ременная гарнитура, декор, Тува, енисейские кыргызы.

Keywords: G. V. Dluzhnevskaya, archaeological investigations, chronology, Middle Ages, strap mounts, décor, Tuva, Yenisey Kyrgyz.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-156-162

Предисловие

Знакомство автора с Г. В. Длужневской состоялось в конце 1970-х гг., в период сбора материала для работы над темой по орнаменту «средневековых хакасов». Д. Г. Савинов, к которому я приехала в ЛОИА для знакомства с находками из его раскопок в Хакасии, познакомил меня с Галиной Вацлавной. Она показала находки из памятников Тувы, на которых проводила полевые изыскания. Мы обсуждали проблемы декора ременной гарнитуры из цветного металла кыргызов VIII–XI вв., волновавшие меня тогда. И эти разговоры, взаимное уважение и теплое отношение друг к другу со временем переросли в искреннюю дружбу на все последующие годы.

В 1985 г. Галина Вацлавна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.)» (Длужневская, 1985а; 1985б). Работа достойна того, чтобы упомянуть о ее содержании в целом. В ней представлены пять глав: I. История накопления и изучения памятников енисейских кыргызов на территории Тувы; II. Классификация погребально-поминальных комплексов и их датировка; III. Дополнительные источники по истории и культуре кыргызов; IV. Локальные варианты тувинской группы памятников культуры кыргызов; V. Некоторые вопросы истории кыргызов в Туве. Основной текст дополняли два Приложения: Каталоги памятников, сопроводительного инвентаря, тамг и пр.; Альбом иллюстраций. Последний представляется самостоятельным источником информации. По-

мимо планов памятников в нем даны удивительные по точности и тщательности разработки карты, на которых представлены не только локальные варианты памятников, но и направления перемещения племен с востока, миграции которых после возникновения в начале X в. империи Ляо у северо-восточных границ Китая кардинально изменили расклад политических сил в Центральной Азии, заставив кыргызов вернуться на Верхний Енисей и, по всей видимости, перекрыв доступ на Енисей бронзовых декорированных ременных украшений. Кроме того, для исследователей декора бесценны иллюстрации, включающие не только сами предметы, но и таблицы с морфологическими группами декора, с хронологическими построениями, основанными на сопоставлении декора ременной гарнитуры енисейских кыргызов и аналогичных украшений из погребений киданей (рис. 1) (подробнее о рисунках Альбома см. ниже).

Погребально-поминальные памятники кыргызов Тувы интересны тем, что по ним хорошо прослеживаются две сменяющие одна другую археологические культуры и особенно — период их сосуществования, когда в памятниках фиксируются изделия обеих культур. Более ранняя из них — так называемая тюхтятская культура IX–X вв. с характерными для нее бронзовыми ременными украшениями «тюркских» форм с орнаментом определенного стиля. На смену ей пришла аскизская культура, существовавшая вплоть до конца XVII в., с железной ременной гарнитурой, декорированной в соответствии с новой технологией и материалом изделий. Г. В. Длужневская, по достоинству оценив возможности такого источника, предложила подробную хронологию памятников Тувы. Орнамент и технические приемы декорирования были одной из основ ее разработки.

Предварительно выделенные на основе орнаментальных элементов и «скомпонованных из них сложных фигур», т. е. композиций, независимо от культурной

¹ 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Центр палеоискусства. Адрес электронной почты: ggkoro108@rambler.ru.

² Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде».

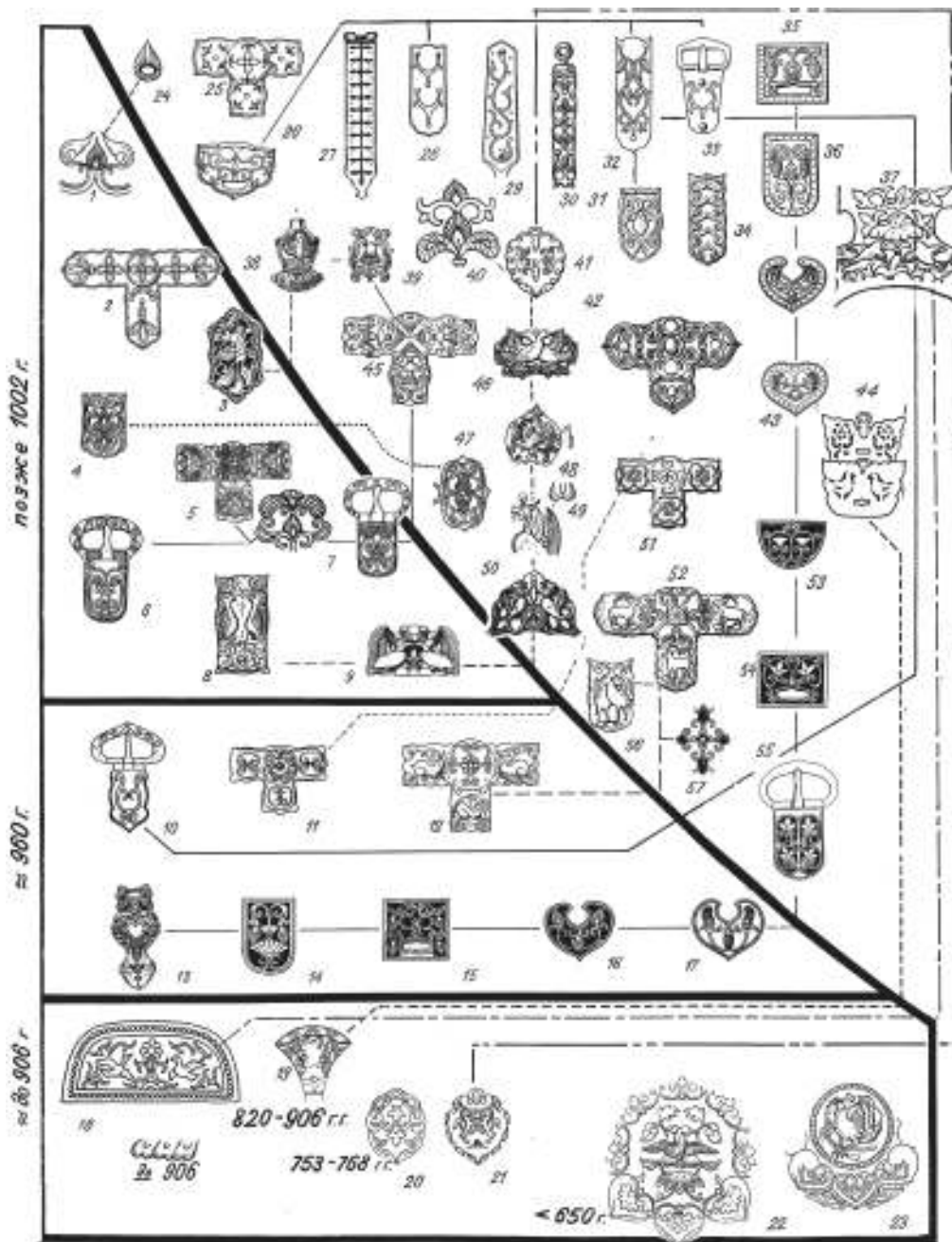

Рис. 1. Схема хронологического сопоставления предметов культуры енисейских кыргызов и строго датированных аналогий: 1–17 — вещи из киданьских гробниц; 18–23 — произведения танского искусства; 24–55 — изделия и элементы их декора из Тувы, Минусинской котловины и Красноярского края. Пределы бытования вещей, обусловленные датой аналогий, показаны сплошной линией. Пунктирная линия, продолжающая сплошную, обусловлена сопряжением комплексов по тем или иным признакам (по: Длужневская, 1985б. С. 107, альбом, рис. 25; НА ИИМК РАН, ФО, альбом 3156-4, нег. II 96260). Публикуется впервые с разрешения автора.

Fig. 1. Scheme of chronological comparison of objects of the culture of Yenisey Kyrgyzs and absolutely dated parallels: 1–17 — finds from Kitan tombs; 18–23 — works of the Tang art; 24–55 — objects and elements of their décor from Tuva, Minusinsk depression and Krasnoyarsk Krai. The chronologically limits of the use of objects defined by the dates of their analogues are shown by a solidline. The dottedline continuing the solid one shows the complexes possessing particular common features (after: Длужневская, 1985б. Р. 107, album, Fig. 25; Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture RAS, Photographic Department, Album 3156-4, Negative II 96260). Published here for the first time with permission of the author.

принадлежности и относительной хронологии декорированных предметов, восемь групп декора были затем соотнесены с известными культурами. В ранний комплекс вошли бронзовые изделия «тютятского облика» (под «обликом» автор понимала единство характерных форм предметов и декора определенного стиля), в поздний — железные изделия характерных форм, украшенные серебряной, реже золотой инкрустацией и аппликацией. На материалах исследуемых памятников можно было проследить морфологию декора и развитие аскизского из тютятского. Г. В. Длужневская отметила и работы предшественников, подробно исследовавших вопросы декора тютятской (Король, 1981) и аскизской культур (Кызласов, 1983).

Несмотря на то что в диссертации лишь один параграф посвящен декору ременной гарнитуры, а в автореферате о нем написано всего две строки (Длужневская, 1985а. С. 5; 1985б. С. 99–103), этот аспект исследования сыграл важнейшую роль в реализации главной задачи — разработки оригинальной типологической схемы в совокупности с привлечением нового круга аналогий из четко датированных центральноазиатских памятников и создания новой археологической периодизации тувинских комплексов IX–XII вв.

Несомненным прорывом в исследовании была разработка дробной абсолютной хронологии памятников кыргызов Тувы с изделиями тютятского облика. Основой для нее, повторимся, послужили точно датированные гробницы киданей — юго-восточных соседей кыргызов периода возвышения Кыргызского каганата. На основе анализа аналогий из нескольких киданьских комплексов их абсолютные даты были взяты за средние точки бытования предметов при построении хронологической шкалы. В итоге выделены частично перекрывающиеся друг друга этапы памятников с изделиями тютятского облика: 1) 925–975 гг.; 2) 950–1000 гг.; 3) 975–1025 гг.; 4) 1000–1050 гг. Изделия аскизского облика начали появляться с середины — второй половины X в. Датированы памятники этой культуры в системе относительной хронологии.

Предложенная Г. В. Длужневской дробная система датирования в рамках нескольких десятилетий, основанная на схемах предполагаемого развития декора и аналогиях элементам и мотивам декора на ременных украшениях киданей, не была всецело поддержана, а тем более принята для датирования материалов из других регионов Саяно-Алтая. Полемика на эту тему в публикациях автору не известна, но устная критика существовала, о чем в разговорах не раз упоминала и сама Галина Вацлавна.

Такие хронологические схемы полезны для определения момента появления другой технологии, времени сосуществования обоих видов ременной гарнитуры (из цветного и черного металлов) и полного замещения одного другим. Но для дробной хронологии памятников эпохи доминирования Кыргызского каганата в Центральной Азии, длившейся менее 100 лет (840 — 20–30-е гг. X в.), когда ременные украшения из цветного металла с характерным декором были наиболее популярны у кыргызов³, такой подход возможен лишь на уровне гипотезы. Созданные хронологические схемы могут в реальности не отражать временных различий, так как варианты мотивов одного типа могли довольно долго сосуществовать. Опора на киданьские аналогии дает заведомое омоложение саяно-алтайских предметов IX — начала X в., так как расцвет киданьского художественного стиля ременных украшений приходится на период сокращения ареала кыргызских памятников и начала постепенного замещения бронзовых изделий на железные на востоке Саяно-Алтая (Средний и Верхний Енисей). При этом на западе региона бронзовые изделия существовали и в XI в., а в Кузнецкой котловине — и в XII в.

Вскоре после защиты диссертации Г. В. Длужневской опубликованы небольшие статьи и тезисы докладов на конференциях. В них введены в научный оборот полученные результаты. И главным из них, при всех оговорках, была разработанная хронология памятников. В каждой статье особое внимание уделено декору ременной гарнитуры как одной из основ хронологического членения памятников (Длужневская, 1987а. С. 100–103; 1987б. С. 179–181; Длужневская, Семенов, 1990. С. 76–85). Отдельная статья посвящена вопросу о времени проникновения «изделий кидане-тютятского облика» в Восточный Казахстан (Длужневская, 1989. С. 168–173). Отметим, что в диссертации также уделено внимание удивительному сходству найденных Галиной Вацлавной в Центральной Туве (могильник Хемчик-Бом II, курган 25) ажурных ременных украшений и некоторых находок из Минусинской котло-

³ Отметим уникальный комплекс из Тувы (Аймырлыг 2), в котором найдены бронзовые изделия именно с таким, самым популярным у кыргызов декором («серийные» — подробнее см. Король, 2008. С. 157–163). Легко узнаваемые композиции (Овчинникова, Длужневская, 2000. Рис. 13), однако, украшают предметы, выполненные в иной технологической традиции. Они отличаются от характерных для тютятской культуры изделий не только очень хорошим качеством отливки и особенностями пластики формы предметов, но и особыми нюансами рисунка декора (угловатость и отсутствие изящества). На наш взгляд, это довольно поздние изделия и не они послужили образцом для распространения на других территориях Саяно-Алтая, а наоборот, рисунок на них — явно не очень умелое подражание оригинальным предметам более раннего времени.

вины (могильник Тепсей III, могила 9, раскопки М. П. Грязнова) с поясным набором из Верхнего Прииртышья (могильник Зевакино, курган 97, раскопки Ф. Х. Арслановой). К материалам из Хемчик-Бома и Зевакино была необходимость не так давно вернуться (Король, 2014. С. 202–215), в том числе обратиться к Галине Вацлавне за некоторыми консультациями (см. ниже).

В 1990-е гг. некоторые положения и таблицы диссертационного исследования были развиты и частично опубликованы. Так, впервые хронологическая шкала памятников енисейских кыргызов с демонстрацией разработанных восьми групп декора была представлена в статье, опубликованной на русском и английском языках (Длужневская, 1990. С. 68–79). Позже усовершенствованные хронологические таблицы, важная таблица соотношения изделий общетюркского, тюхтятского и аскизского обликов, а также некоторые карты передвижений енисейских кыргызов в IX–XII вв. и образцовая карта Центральной Азии в период Ляосской империи, составленные Галиной Вацлавной, были опубликованы в статьях (в том числе на русском языке в зарубежном издании — Длужневская, 1994. С. 21–43; 1995. С. 9–12; 1998. С. 271–277) и в коллективных монографиях (Грач и др., 1998. Табл. XXII–XXVII; Овчинникова, Длужневская, 2000. Рис. 17; 18). Таким образом, Галина Вацлавна вплоть до начала XXI в. (Длужневская, 2002. С. 234–239), когда она занималась уже другими научными проблемами, не забывала и свое прежнее научное увлечение. При этом всегда поддерживала любого, кому были интересны результаты ее раскопок и материалы так и не опубликованной диссертации.

Помимо автора к ним обращалась, например, Т. Г. Горбунова, работавшая в начале 2000-х гг. над кандидатской диссертацией по материалам ременной гарнитуры Алтая, одной из задач которой была корректировка хронологии памятников (в интервалах в 100, 50 или 25 лет), созвучная с задачами Г. В. Длужневской, решенными для одновременных памятников Тувы. Т. Г. Горбунова уже после защиты диссертации в 2004 г. определенно под влиянием идеи Галины Вацлавны о кидане-тюхтятском облике саяно-алтайских предметов раннесредневековой ременной гарнитуры всадников также обратилась к киданским аналогиям, в том числе и к декору. Доступные по публикациям материалы позволили ей выделить лишь одну группу предметов с насыщенной растительной орнаментацией, которая условно была обозначена как «кыргызско-киданская» (Горбунова, 2005. С. 151). На наш взгляд, говорить о «кыргызско-кидан-

ской» орнаментации можно лишь в самых общих чертах — как о стадильном явлении в синкретической культуре государств кочевников (Король, 2009. С. 7–8).

Для реальной оценки декора ременной гарнитуры, во всем доступном объеме привлеченной Г. В. Длужневской для решения поставленных в диссертации 1985 г. задач, важна достоверность рисунков исследуемых предметов. Возвращаясь к упомянутому выше альбому диссертации, отдельно следует сказать о точности и качестве иллюстраций. Невозможно не вспомнить об авторе наиболее сложных из этих рисунков — докторе исторических наук Анатолии Кузьмиче Филиппове, супруге Галины Вацлавны. Он не только достоверно воспроизводил сложный декор предметов с натуры, но и выполнял прорисовки затейливого декора изделий киданей (рис. 1) по публикациям, в которых представлены очень мелкие фото или рисунки, иногда плохого качества.

Важность достоверности рисунков декорированных предметов в публикациях для поиска аналогий другими учеными невозможно переоценить. Поиск аналогий — обязательный этап работы исследователя практически с любыми археологическими находками. Изучение средневековой ременной гарнитуры всадников — не исключение. Для объективной оценки степени сходства важны многие данные: материал и технология изготовления изделий; с одной стороны, орнаментальная композиция целиком, с другой — ее детали, особые декоративные приемы, которые зачастую и позволяют отличить кажущиеся одинаковыми предметы. Важна и точность воспроизведенного в публикации рисунка, что также зависит от многих факторов, включая как объективные, в первую очередь сохранность предмета, возможность рассмотреть его со всех сторон, так и чрезвычайно субъективные — кто и как рисовал, с какой целью, имеются ли фотографии и какого они качества и пр.

В качестве примера приведем рисунок предмета из могильника енисейских кыргызов Эйлиг-Хем III в Туве (Грач и др., 1998. Табл. XXI, 7). Это Т-образная накладка с выпуклой округлой центральной частью — одна из нескольких деталей уздечного набора. Рисунок накладки (рис. 2, 1) сделан художником по фотографии (Кызласов, Король, 1990. Рис. 44, 1). Отметим, что предмет происходит из погребения, совершенного по обряду кремации, находки обожжены, поэтому неровности на поверхности, видимые на черно-белой фотографии, могут восприниматься причудливым образом (усы персонажей), но почему предмет нарисован как ажурный (с отверстиями) — не понятно.

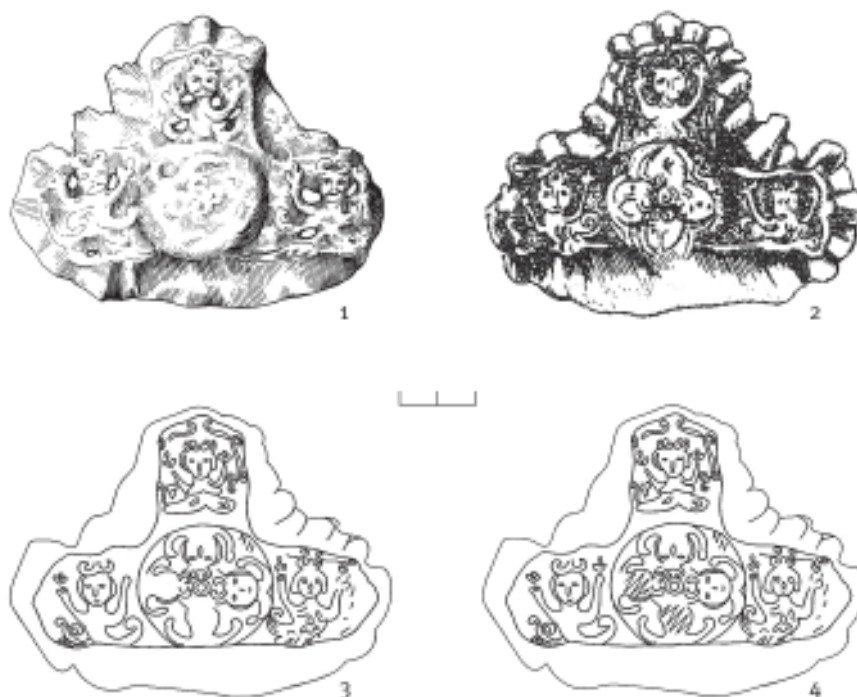

Рис. 2. Образцы рисунков одного предмета (1–4), сделанных разными авторами. Могильник Эйлиг-Хем III, курган № 4, T-образная бронзовая накладка (ссылки на источники даны в тексте).

Fig. 2. Examples of a single object (1–4) drawn by different authors. Cemetery of Eylim-Khem III, barrow № 4, T-shaped bronze mount (source references are given in the text).

Рисунок в публикации материалов памятника 1998 г. достаточно правильно передает сложный «сюжетный» декор, за исключением красивого оформления бортика, которое определенно можно назвать «реконструкцией», так как изначально бортик и был таким, но в действительности фестоны сохранились лишь на отдельных участках, а предмет буквально искорежен огнем. Кроме того, рисунок опубликован в очень мелком масштабе, поэтому трудно понять, что там вообще изображено. Лишь увеличение (рис. 2, 2) показало относительную его достоверность и то, что и как увидел рисовавший.

При тщательной прорисовке деталей декора по оригиналу с использованием контактного копирования на участках предмета, доступных для этой простейшей, но эффективной процедуры, удалось воссоздать композицию (Король, 2008. С. 86, 94, 312). К сожалению, автором допущена досадная невнимательность при прорисовке изделия для публикации, и фигура внизу слева оказалась без трилистника в левой руке (рис. 2, 3). Эта оплошность была устранена при подготовке еще не опубликованной статьи, посвященной проблеме аналогий в исследовании декора (рис. 2, 4), кроме того, штриховкой теперь показаны максимально повреж-

денные участки изображения, что точнее отражает реальную картину сохранности накладки.

Приведенный пример — иллюстрация того, насколько важна достоверность публикуемых сложных (как и простых) композиций декора для возможности аналогий и использования их другими исследователями. Альбом к диссертации Г. В. Длужневской в этом плане абсолютно достоверен, включая все подписи к представленным там рисункам, и по сей день служит неоценимым источником.

Подводя итог, отметим, что Галина Вацлавна не занималась орнаментом или декором ременной гарнитуры монографически, тем не менее именно этому аспекту материальной культуры енисейских кыргызов она уделила особое внимание в исследованиях на определенном этапе своей многогранной научной деятельности. Возможности источника были использованы в полном объеме для решения поставленных научных задач, которые касались более разнообразных проблем, выведших на важные исторические вопросы о причинах, процессе и итогах смены культурных традиций на общеполитическом и культурном фоне Центральной Азии и соседних территорий на рубеже I–II тыс.

Послесловие

Как упомянуто выше, весной 2014 г. автору пришлось обратиться к Галине Вацлавне по поводу материалов могильника Хемчик-Бом, а также возможности публикации некоторых рисунков из альбома к ее диссертации 1985 г. Сохранился текст ее электронного письма от 7 апреля 2014 г. Выдержки из него, думается, уместно привести в настоящей статье:

«...Работы столько, что не вздохнуть, не выдохнуть. Во-первых, срочно надо подготовить книжку по открыткам Билибина — около 300 штук. Работа, как понимаешь, довольно сложная — разместить по уму и красоте. Во-вторых, осенью должна выпустить книжку в нашей серии "Археологические исследования 1859–1919 гг. в Европейской части России, Крыму и на Кавказе (по материалам фотоархива)", но мы ж теперь единый архив, а подобные материалы имеются и в рукописной части. Пока даже не решила, как быть — не смотря на то что начала уже давно, но это Европа, а там этих исследований не то, что у нас в Сибири или в Центральной Азии. Так что, как ты понимаешь, от всяких средневековых дел я нонче далека. Посему — Хемчик-Бом нигде не опубликован. <...> С датировкой ты абсолютно права, это может быть 925–975 гг., в XI в. он никак не вползает. <...> Сходство материала с арслановскими меня поразило "в самом начале жизни археологической". Публикуй из рисунков, что тебе нравится, я возражать не буду. В диссере рисовал Кузьмич, поэтому все наиболее точно и красиво. <...> Я тоже соскучилась. <...> Надеюсь, что можем встретиться по осени (может быть, поеду на конференцию в ИВ). *Твоя Галка*».

Литература

- Горбунова*, 2005 — *Горбунова Т. Г.* Украшения конского снаряжения киданей и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Сб. статей / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2005.
- Грач и др.*, 1998 — *Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы. М., 1998.
- Длужневская*, 1985а — *Длужневская Г. В.* Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Длужневская*, 1985б — *Длужневская Г. В.* Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Длужневская*, 1987а — *Длужневская Г. В.* О смене обликов металлических изделий в культуре енисейских кыргызов в X–XI вв. // Смены культур и миграции в Западной Сибири / отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск, 1987.
- Длужневская*, 1987б — *Длужневская Г. В.* Этапы и связи культуры кыргызов IX–XII вв. // Проблемы археологии Степной Евразии. ТД. Кемерово, 1987. Ч. II.
- Длужневская*, 1989 — *Длужневская Г. В.* О времени и путях проникновения изделий кидане-тюхтятского облика в Восточный Казахстан // Маргулановские чтения. Сб. мат-лов конф. Алма-Ата, 1989.
- Длужневская*, 1990 — *Длужневская Г. В.* Проблема датировки памятников енисейских кыргызов в Туве // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (МАИКЦА). М., 1990. Вып. 16.
- Длужневская*, 1994 — *Длужневская Г. В.* Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв. н. э.) // ФАН. 1994. Fasc. VI.
- Длужневская*, 1995 — *Длужневская Г. В.* Енисейские кыргызы. Историко-культурный аспект // ФАН. 1995. Fasc. VII.
- Длужневская*, 1998 — *Длужневская Г. В.* Типология и датировка металлических изделий енисейских кыргызов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Мат-лы Междунар. конф. СПб., 1998.
- Длужневская*, 2002 — *Длужневская Г. В.* Является ли кладом «Тюхтятский клад»? // Клады: состав, хронология, интерпретация. Мат-лы тематич. науч. конф., Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. / ред. Д. Г. Савинов и др. СПб., 2002.
- Длужневская, Семенов*, 1990 — *Длужневская Г. В., Семенов Вл. А.* Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Сб. науч. трудов / отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск, 1990.
- Король*, 1981 — *Король Г. Г.* Орнамент средневековых хакасов как исторический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- Король*, 2008 — *Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008 (Тр. САИПИ; вып. V).
- Король*, 2009 — *Король Г. Г.* Декор ременных украшений средневековых кочевников востока евразийских степей: синтез культурных традиций // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии: семантика и культурные традиции / отв. ред. и сост. И. С. Жущиховская. Владивосток, 2009.
- Король*, 2014 — *Король Г. Г.* К вопросу о средневековой торевтике малых форм в Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. № 7 (19).
- Кызласов*, 1983 — *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири (X–XIV вв.). М., 1983 (САИ; вып. Е 3-18).
- Кызласов, Король*, 1990 — *Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Овчинникова, Длужневская*, 2000 — *Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В.* «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург, 2000.

Г. Г. Король

Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской

В статье в хронологическом порядке (1985–2002 гг.) рассмотрены труды Г. В. Длужневской, посвященные культуре енисейских кыргызов Тувы IX–XII вв., в которых на фоне общекультурных аспектов исследованных автором памятников в качестве источника привлечен декор ременных украшений: бронзовых — туюхтятской археологической культуры, и железных — аскизской культуры. Сформулированы основные достижения, в первую очередь создание дробной хронологической схемы для раннего периода культуры кыргызов на основе аналогий декорированных предметов из строго датированных погребальных памятников киданей империи Ляо.

Особое внимание в статье уделено альбому кандидатской диссертации Г. В. Длужневской (1985), достоверность рисунков в котором, а также хронологические схемы, построенные с опорой на морфологическое развитие элементов декора и композиций, позволяют использовать его как самостоятельный полноценный источник для других исследователей, обращающихся к подобному материалу. Впервые публикуется один из рисунков — схема хронологического сопоставления предметов культуры енисейских кыргызов и имеющих абсолютную дату аналогий. Приведено также письмо Г. В. Длужневской автору от 7 апреля 2014 г.

G. G. Korol

The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyz of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya

This paper considers, in the chronological order (1985–2002), the works of Galina V. Dluzhnevskaya devoted to the culture of Yenisey Kyrgyz of Tuva of the 9th–12th centuries. She used as the source for her investigations the decoration of strap mounts: bronze objects of the Tyukhtyat archaeological culture and iron fittings of the Askiz culture. These materials were studied against the background of the general cultural aspects of the sites explored by Dluzhnevskaya. Her main achievements are here presented, firstly the creation of a fractional chronological scheme for the early period of the culture of Kyrgyz on the basis of analogues of the decorated objects from reliably dated funerary sites of the Kitans of the Liao

empire. The article pays special attention to the album supplementing the candidate dissertation of G. V. Dluzhnevskaya (1985). The trustworthiness of the drawings in it, as well as the chronological schemes based on the morphological evolution of the elements of the décor and its compositions make it possible to use it as an independent valuable source for other researchers concerned with similar materials. One of the drawings is first published here. It is a scheme of chronological comparison of objects of the culture of the Yenisey Kyrgyz with their parallels absolutely dated. Also a letter of G. V. Dluzhnevskaya, sent to the present author in April 7, 2014, is published here.

В. А. Завьялов¹

От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)

Ключевые слова: оборонительные сооружения, Пор-Бажын, Омайтура, орнаментированные сосуды, Уйгурский каганат.

Keywords: defensive installations, Omaytura, decorated pottery, Por-Bazhyn, Uigur Khaganate.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-163-167

В этой статье речь пойдет о двух весьма близких по форме и орнаментации сосудах, обнаруженных при раскопках фортификационных сооружений в двух «крепостях» — Пор-Бажын и Омайтура. Очевидное сходство обоих сосудов не вызывает сомнений и предполагает, что их изготовление и использование, скорее всего, соотносятся с одной и той же группой древнего населения, для которого форма и, особенно, орнаментация этого типа горшковидной посуды имели какое-то значение. На возможный ареал орнамента, украшающего сосуд из «крепости» Омайтура, совершенно справедливо указала Г. В. Длужневская (*Длужневская*, 1989), привлекая в качестве аналогии орнаментированный фрагмент керамики, обнаруженный в процессе сборов на поверхности городища Орду-балык (Карабалгасун), отождествляемого со столицей Уйгурского каганата (*Худяков, Цевэндорж*, 1982. Рис. 4, 1). Намеченную линию уйгурских аналогий подтверждает и фрагмент керамики с таким же орнаментом, найденный при раскопках городища Шагонар III, также относимого к этому периоду (*Кызласов*, 1969. Рис. 111, 5). Обнаружение полностью реконструируемых сосудов и фрагментов керамики с аналогичными элементами орнамента на территории Тувы и Монголии и отсутствие их в Минусинской котловине позволяет соотносить такую керамику с уйгурскими памятниками.

Следует отметить, что при наблюдающемся близком сходстве элементов орнамента на пор-бажынском и омайтуринском сосудах заметны и незначительные отличия, которые вряд ли могут повлиять на определение его культурной принадлежности. Пор-бажынский сосуд (рис. 1) изготовлен ручной лепкой, возможно ленточным способом, с подправкой венчика на круге или подставке. Обжиг неравномерный: поверхность снаружи красно-коричневого цвета с серыми пятнами,

внутри — темно-серая; черепок в изломе красно-коричневого и серого цвета. В тесте черепка примеси растительности, песка, крупной и мелкой дресвы, слюды, выступающей на поверхность. Черепок рыхлый, стенки заглажены небрежно. Венчик округлый, отогнут наружу, слабо профилирован с небольшим уступом под ним. Ниже плечика тулова сосуда орнаментировано широкой полосой, обозначенной сверху и снизу прочерченными остроконечным инструментом линиями. Внутри полосы тем же инструментом нанесен основной элемент орнамента в виде вертикальных f-образных штрихов со слегка загнутыми концами, расположенными в ряд через примерно выдержанный интервал 2–3 см. По вертикали внутри полосы нанесено четыре ряда f-образных штрихов. В двух верхних рядах проявилось стремление мастера расположить штрихи один под другим, но в третьем и четвертом нижерасположенных рядах уже наблюдаются смещения, особенно заметные в размещении штрихов четвертого ряда, которые верхними окончаниями заходят в третий ряд, располагаясь между его штрихами.

Орнамент в виде f-образных штрихов на омайтуринском сосуде (рис. 2, 1) располагается в два ряда, каждый из которых ограничен сверху и снизу прочерченной по кругу тулова линией. В нижнем, втором ряду f-образные штрихи также нанесены через интервал примерно в 2 см, но со сдвигом так, что оказываются не под штрихами верхнего ряда, а под разделяющим их пространством. Несмотря на эти отличия, необходимость нанесения самого главного, значащего элемента орнамента — f-образных штрихов на пор-бажынском и омайтуринском сосудах — не подлежит сомнению. Это подтверждается и находками на городищах Шагонар III и Орду-балык, указывая на широкий ареал украшенных таким образом сосудов в границах уйгурского каганата.

Целесообразно также остановиться на культурно-хронологических аспектах, связанных со стратиграфиче-

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: vladza77@gmail.com.

Рис. 1. «Крепость» Пор-Бажын. Орнаментированный сосуд, обнаруженный у подножия северного пандуса.

Fig. 1. The 'fortress' of Por-Bazhyn. Decorated vessel found near the foot of the northern ramp.

ским расположением обоих сосудов на памятниках. Фрагменты пор-бажынского сосуда лежали компактной группой в слое строительных отложений у подножия северного пандуса, предназначенного для подъема к надвратной постройке и привратному северному бастиону городища². Возведение, частичное восстановление и оставление городища, согласно полученным данным при раскопках 2007–2008 гг., произошло в достаточно короткий промежуток времени (Arzhantseva et al., 2011). Более определенные и конкретные даты для начала строительства «крепости» Пор-Бажын предложил известный тюрколог С. Г. Кляшторный, сопоставив сведения рунических надписей Тесинской и Терхинской стел, а также стелы Могойн Шине-Усу с перечнем деяний Элетмиш-Бильге кагана, среди которых упоминаются о его победе над чиками, приказ учредить ставку в Косар-Кордане и воздвигнуть там крепость. Эти события, согласно надписи на стеле из Могойн Шине-Усу, могли происходить

«В год Тигра (750 г.)...». Более того, в терхинской надписи дополнительно сообщается, что каган провел в западной ставке и второе лето в год Змеи (753 г.). Еще один сезон на заповедной территории (куруге) мог провести его сын и наследник Бёгю-каган еще до своей интронизации, о чем сообщается в тесинской надписи (Кляшторный, 1987. С. 31, 33). Если полностью принять весьма аргументированную идентификацию (в том числе и географическую) Косар-куруга и Пор-Бажына, которую отстаивает С. Г. Кляшторный, то в нашем распоряжении оказывается короткий временной интервал между 750 и 753 гг., а также предполагаемой датой интронизации Бёгю-кагана в 761–762 гг. (Кляшторный, 1987. С. 31; 2012. С. 94–98).

Фрагменты сосуда, украшенного «уйгурским» орнаментом, в «крепости» Омайтура лежали в отложениях, уверенно отнесенных Г. В. Длужневской ко второму этапу строительства и использования вала в Саянском каньоне, что вызывает закономерный вопрос об этнокультурном составе населения, возводившего и реконструировавшего оборонительные сооружения крепости.

² Публикация результатов исследования оборонительных сооружений крепости Пор-Бажын готовится автором к печати.

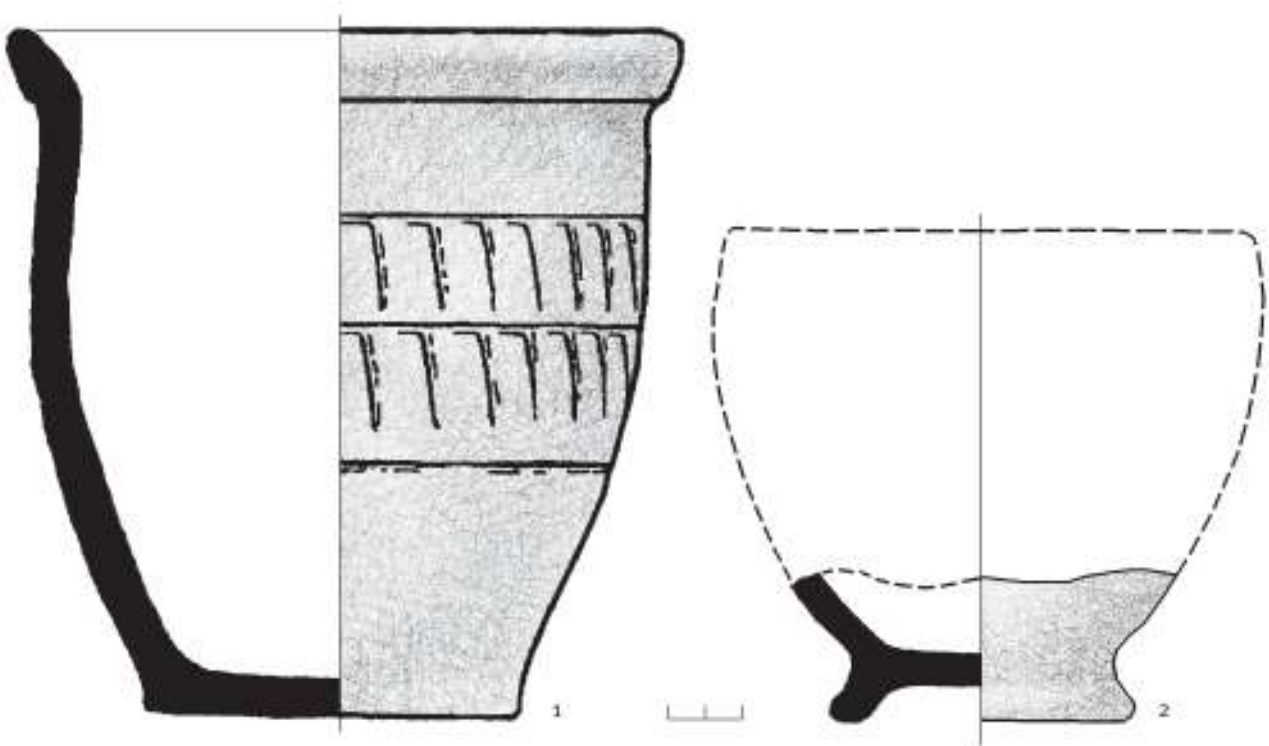

Рис. 2. Сосуды из «крепости» Омайтура: 1 — орнаментированный сосуд, относящийся ко второму этапу существования оборонительной стены; 2 — фрагмент поддона из рва, относящегося к первому этапу существования оборонительной стены.

Fig. 2. Pottery from the 'fortress' of Omaytura: 1 — decorated vessel dated to the second stage of the functioning of the defensive wall; 2 — fragment of a jar base from the ditch dated to the first stage of the functioning of the defensive wall.

Автор раскопок, основываясь на находках керамических сосудов и на первом, и втором этапах строительства и использования вала, приходит к следующим выводам: «Население Минусинской котловины, скорее всего, возводит крепость в наиболее удобном для защиты месте — в Саянском каньоне, опасаясь нападения хунну, в начале II в. до н. э. появляющихся в Туве. Во второй раз население кыргызского каганата укрепляет вал, вероятно, в середине VIII в. н. э. опасаясь продвижения уйгуров, хотя и не исключено, что это происходит несколько раньше и в какой-то мере связано с походами тюрок II каганата в начале VIII в. Видимо, именно с этим периодом функционирования крепости связано ее название Омайтура» (Длужневская, 1989. С. 97). Эти выводы без существенной корректировки повторяются в сравнительно недавнем издании, посвященном памятникам древности на дне Тувинского моря (Длужневская, Савинов, 2007. С. 113–118).

Ответ на вопрос об этнокультурном облике населения, возможно принимавшего участие в строительстве этой оборонительной конструкции на двух первых этапах

ее сооружения, лежит на поверхности. Для начального, первого этапа строительства ключевую роль играет расположение рва, который, как правило, выкапывался перед стеной. Ров в «крепости» Омайтура располагался к северу от вала, и, следовательно, грунт из него выбрасывался к югу и впоследствии использовался при возведении стены. Именно северное расположение рва указывает на то, что он предназначался для защиты от потенциального северного противника, обитавшего в Минусинской котловине. Привлекает к себе внимание и то, что поддон керамического сосуда, найденный во рву (рис. 2, 2), находит параллели не только в керамике тесинской культуры в Минусинской котловине, но и в числе погребального инвентаря одного из хуннских погребений Иволгинского могильника в Забайкалье (Давыдова, 1996. С. 15, табл. 40, 4). Это косвенно подтверждает то, что сооружение вала могло быть инициировано и хунну, появившимися в Туве.

Что же касается второго этапа строительства, то, помимо явно уйгурского орнамента на сосуде, в пользу его сооружения с учетом северного направления

возможного появления противника говорит и реконструированный способ открывания и запираания ворот, обнаруженный нами в архиве (НА ИИМК РАН, ФО, отп. О. 3500-134). Ворота открывались и запирались изнутри, со стороны Саянского нагорья, свободный доступ к которому они и должны были в случае необходимости перекрывать.

Таким образом, несмотря на кажущуюся незначительность публикуемых материалов, они существенно дополняют и освещают картину исторических событий и их археологического контекста для сравнительно короткого временного промежутка от середины VIII в. до 40-х гг. IX в. н. э., когда, согласно свидетельствам письменных и эпиграфических источников, на территории Минусинской котловины, Саянского нагорья и Монголии не всегда мирно сосуществовали уйгурский и кыргызский каганаты. Среди важных итогов нового осмысления известных материалов можно перечислить следующие:

1. Орнамент в виде f-образных штрихов на порбазыном и омайтуринском сосудах может рассматриваться как культурно-хронологический индикатор. Основывается этот вывод, главным образом, на весьма кратких сроках строительства, ремонта и оставления Пор-Бажына вследствие неучтенной специфики природно-климатических факторов.
2. Короткий отрезок времени от начала строительства до оставления городища Пор-Бажын, зафиксированный в процессе раскопок, весьма убедительно согласуется со сведениями датированных рунических надписей.
3. Результаты исследований оборонительной стены в Саянском каньоне позволяют утверждать, что граница между степными культурами Минусинской котло-

В. А. Завьялов

От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)

Несмотря на кажущуюся незначительность публикуемых материалов, они существенно дополняют и освещают картину исторических событий и их археологического контекста для сравнительно короткого временного промежутка от середины VIII в. до 40-х гг. IX в. н. э., когда, согласно свидетельствам письменных и эпиграфических источников, на территории Минусинской котловины, Саянского нагорья и Монголии не всегда мирно сосуществовали уйгурский и кыргыз-

ский каганаты. Среди важных итогов нового осмысления известных материалов можно перечислить следующие:

В заключение, следует отметить огромный вклад Г. В. Длужневской, без полевых изысканий и публикаций которой дальнейшее исследование затронутой темы было бы попросту невозможно.

Литература

- Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1996. Т. 2.
- Длужневская, 1989 — Длужневская Г. В. Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980–1982 гг.) // КСИА. 1989. № 196.
- Длужневская, Савинов, 2007 — Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне тувинского моря. СПб., 2007.
- Кляшторный, 1987 — Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бёгу кагана в северо-западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1987.
- Кляшторный, 2012 — Кляшторный С. Г. Косар-куруг: Западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Бажына // АЭАЕ. 2012. № 2 (50).
- Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Худяков, Цевэндорж, 1982 — Худяков Ю. С., Цевэндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Сб. статей / отв. ред. А. К. Конопацкий, Ю. С. Худяков. Новосибирск, 1982.
- Arzhantseva et al., 2011 — Arzhantseva I., Inevatkina O., Zav'yalov V., Panin A., Modin I., Ruzanova S. and Härke H. Por-Bajin an Enigmatic site of the Uighurs in Southern Siberia // The European Archaeologist. 2011. Is. 35.

ский каганаты. Среди важных итогов нового осмысления известных материалов можно перечислить следующие:

1. Орнамент в виде f-образных штрихов на порбазыном и омайтуринском сосудах может рассматриваться как культурно-хронологический индикатор.
2. Короткий отрезок времени от начала строительства до оставления городища Пор-Бажын убедительно

согласуется со сведениями датированных рунических надписей.

3. Результаты исследований оборонительной стены в Саянском каньоне позволяют утверждать, что грани-

ца между степными культурами Минусинской котловины и культурами Саяно-Алтайского нагорья маркировалась, по крайней мере, дважды. Причем в обоих исторических периодах строительство предпринималось с целью отражения угроз противника с севера.

V. A. Zav'yalov

From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)

Notwithstanding the seeming insignificance of the materials here published they supplement and cover essentially the picture of historical events and their archaeological context over a relatively brief time span from the mid-8th century to the 840s AD when, according to the evidence of written and epigraphic sources, the Uigur and Kyrgyz khaganates coexisted, although not always peacefully, in the territory of the Minusinsk Basin, Sayan Upland and Mongolia. Among the important results of new analysis of the known evidence the following ones are notable:

1. Ornamentation in the form of f-shaped strokes on Por-Bazhyn and Omaytura pottery can be considered as a cultural and chronological indication.

2. The short time span from the beginning of construction to the abandoning of the fortified settlement of Por-Bazhyn shows a convincing accordance with the evidence of the dated runic inscriptions.

3. The results of investigations of the defensive wall in the Sayan Canyon suggest that the boundary between the steppe cultures of the Minusinsk Basin and those of the Sayan-Altay upland was marked at least twice. Moreover, during the two historical periods both, the construction was undertaken with the purpose of repulsing the threats of an enemy from the north.

В. И. Распопова¹

Войлок и мех в живописи Пенджикента

Ключевые слова: *Пенджикент, росписи, одежда, головные уборы, войлок, мех, колпаки.*

Keywords: *Panjakent, painting, clothes, hats, felt, fur, caps.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-168-177

В этой небольшой статье будут рассмотрены войлочные головные уборы и одежда из меха, представленные в росписях Пенджикента. На этих росписях, как всегда в Пенджикенте, изображены предметы, использовавшиеся в реальной жизни. Многие из них соответствуют изделиям, найденным во время раскопок. Отсюда можно предположить, что предметы, изображенные на росписях, могут дать нам представление о реально существовавших вещах из материалов, которые не сохраняются в условиях Пенджикента.

Живопись, некогда украшавшая стены парадного зала (помещение 28 объекта XXV) дома богатого хлеботорговца древнего Пенджикента, неоднократно издавалась (см.: *Маршак, Распопова, 1984. С. 108–118; Маршак, 1999. С. 186, табл. 33, 5; Marshak, Raspopova, 1987. P. 193–199; 1990. P. 123–176*). Время ее создания укладывается в пределы между последними годами VII в. и 720-ми гг. Головные уборы в росписях парадного зала очень разнообразны. В большинстве случаев это высокие конусообразные колпаки в разных вариантах. Несколько раз встречены чалмы, имеются головные повязки, венки из цветов. В статье будет рассмотрен лишь один из видов головных уборов — колпаки-кулохи.

Композиция росписей этого зала сложна. На стене напротив входа изображена чета богов на общем троне, а на боковых стенах помещены несколько похожих сцен, в каждой из которых есть царь, пирующий в окружении своих подданных. Таким образом художник изобразил всемирный пир. Причина этого праздника — увоз зерна нового урожая с гумна под покровительством патрона земледелия — запечатлена на северной стене с входной дверью (рис. 1). Ниже этой сцены изображены пирующие. Верх стены занимает огромное изображение богини Нанайи на льве и другие боги. Патрон земледелия представлен в виде царственного божества, о чем свидетельствует не только трон и пышность его одежд, но и характерная именно для богов поза с полусогнутой ногой и саса-

нидские ленты, отходящие от завязки венка. На голове патрона земледелия простой валяный войлочный колпак с промятым верхом (рис. 2). Колпак высокий, белого цвета, его обвивает венчик из длинных листьев. Этот головной убор заставляет вспомнить крылатую диадему и высокую шапку согдийского царя.

В тронном зале дворца правителя Пенджикента найден фрагмент живописи с изображением момента коронации (рис. 3, 1). Диадему с крыльями и полумесяцем, украшенную жемчугом и драгоценными камнями, завязывают поверх высокого колпака. Колпак плотно сидит на голове, над макушкой поднимается узкая конусообразная верхушка, прошитая многочисленными вертикальными швами, которые придают ему нарядность. Верхушка колпака изготовлена отдельно и пришита к основной части. Снизу шапка прошита горизонтальными линиями. Колпак белый, видимо валяный из войлока. Это изображение соответствует тексту Тан-шу о Самарканде: «Владелец носит валяную шапку, украшенную золотом и дорогими камнями» (*Бичурин, 1950. Т. II, с. 310*).

Также на цитадели Пенджикента при раскопках тронного зала, уничтоженного арабами в 722 г., найдены еще два фрагмента с изображением подобных конусообразных колпаков (*Исаков, 1977, рис. 64*). Они прошиты многочисленными вертикальными швами и сильно вытянуты, как и на шапке правителя Пенджикента. У этих головных уборов узкая верхушка изготовлена отдельно и пришита к основной части (рис. 3, 2). Вполне возможно, что это фрагменты сцен, где был представлен один и тот же персонаж.

Следует также упомянуть, что похожий колпак венчал голову пирующего в пышных одеждах, изображенного в помещении 10 в храме I (*Дьяконов, 1954. С. 104–105, табл. VII*). Изображения головных уборов в виде вытянутых колпаков обычны в живописных сценах первой половины VIII в., иллюстрирующих сказки, басни, притчи (*Marshak, 2002. P. 125, fig. 32; 41; 76; 77; 86; 89–92*).

Вернемся к росписи помещения 28 объекта XXV. Здесь можно увидеть участников обряда-праздника урожая, который совершается ежегодно, а следовательно,

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: bmarshak@yandex.ru.

Рис. 1. Пенджикент. Объект XXV, помещение 28. Северная стена. Прорисовка живописи Т. С. Василенко.

Fig. 1. Panjakent. Structure XXV, room 28. Northern wall. Painting copied in detail by T. S. Vasilenko.

Рис. 2. Пенджикент. Объект XXV, помещение 28. Северная стена. Колпак патрона земледелия.

Fig. 2. Panjakent. Structure XXV, room 28. Northern wall. Cap of patron of agriculture.

художник изобразил своих современников. В сцене пира на северной стене на голове одного из пирующих мы видим конусовидный белый колпак, скорее всего войлочный, поверх которого надета свернутая жгутом повязка из белой, черной, голубой и серой материи (рис. 4, 1). Шапка доходит до верха уха, оставляя лоб открытым. На голове другого участника этого пира также остроконечный колпак, плотно сидящий на голове, закрывающий ухо (рис. 4, 2). Колпак шит из отдельных продольных полос.

На северной части восточной стены сохранились фрагменты росписи двух ярусов (рис. 5). В нижнем ярусе показан пирующий с цветком в правой руке (рис. 6, 1). На голове шапка в виде колпака, скорее всего меховая, окаймленная снизу узкой полосой материи. Шапка плотно сидит на голове, оставляя открытым лоб и закрывая верх уха. Далее на юг в нижнем ярусе росписи для нас представляют интерес изображения еще двух шапок. Одна из них в виде белого плотно прилегающего к голове колпака с околышем (рис. 6, 2). Верхний край околыша окаймлен фестонами, поле околыша украшали вышитые цветы. От изображения колпака другого пирующего сохранился лишь фрагмент (рис. 7). Это белый колпак, сшитый из вертикальных клиньев, с широким околышем, на котором имеются следы вышивки.

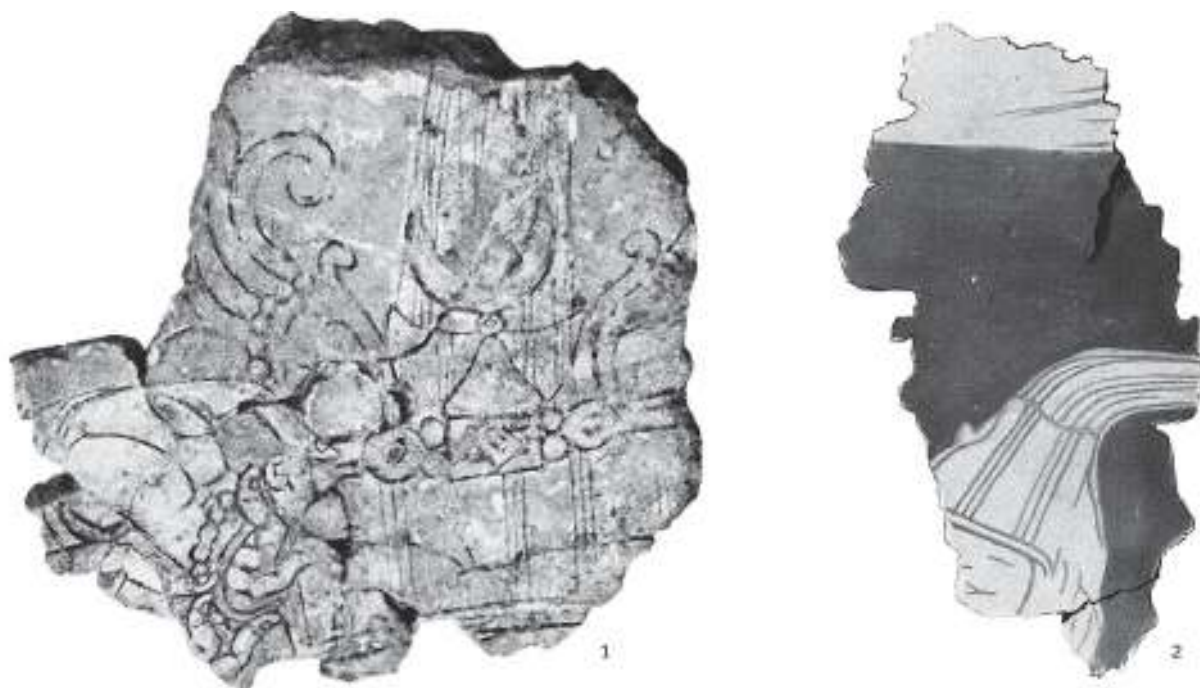

Рис. 3. Тронный зал дворца правителя Пенджикента. 1 — фрагмент живописи с изображением момента коронования; 2 — фрагмент живописи с изображением колпака.

Fig. 3. Throne room of the palace of the ruler of Panjakent. 1 — fragment of painting with a representation of coronation moment; 2 — fragment of painting with a representation of a cap.

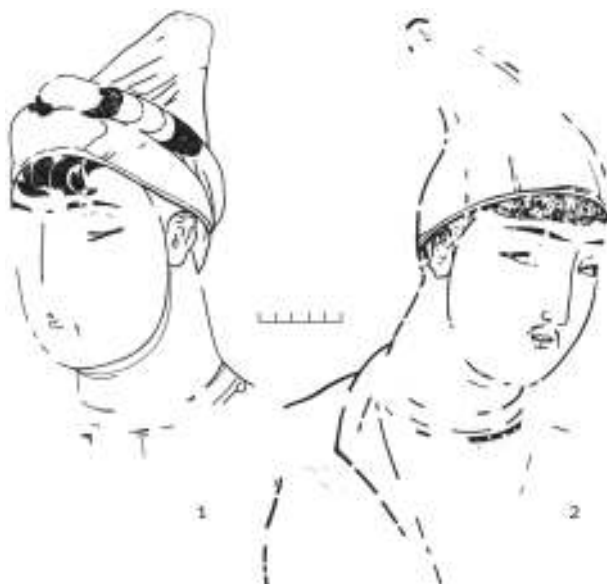

Рис. 4. Пенджикент. Объект XXV, помещение 28. Северная стена. 1 — конусовидный белый колпак с повязкой из белой, черной, голубой и серой материи; 2 — колпак одного из пирующих.

Fig. 4. Panjakent. Structure XXV, room 28. Northern wall. 1 — cone-shaped white cap with a band from white, black, blue and grey cloth; 2 — cap of one of the feasting persons.

В завале перед восточной стеной найдено несколько фрагментов росписи, на которых сохранились изображения шапок. Б. И. Маршак предложил реконструкцию росписи северной части восточной стены (рис. 8), куда вошли все фрагменты живописи, найденные в завале перед этой частью стены. Интересно изображение шапки в виде колпака с широким околышем. Сам колпак, видимо, был сшит из четырех клиньев белой плотной материи — войлока, а околыш меховой (рис. 9). По нижнему краю околыша показана узкая красная полоска. Шапка плотно сидит на голове, закрывая верх уха и оставляя открытым лоб. Изображение похожего головного убора имеется на фрагменте живописи, обнаруженном в завале около западной стены. Это высокий колпак с околышем, по всей вероятности меховым, показаны черные завитки. Поверх шапки надо лбом надет венок из многолепестковых цветов с круглой серединой.

В завале перед восточной стеной найден еще один фрагмент, где от шапки сохранилось лишь изображение околыша, на этот раз не мехового, а, видимо, войлочного с вышивкой (рис. 10). В середине крестообразная фигура, а сбоку полупальметка. Войлок белого цвета, вышивка красного. Сбоку надо лбом околыш имел маленький подтреугольный вырез.

Рис. 5. Пенджикент. Северная часть восточной стены, помещение 28. Прорисовка.

Fig. 5. Panjakent. Northern part of the eastern wall of room 28. Detailed representation.

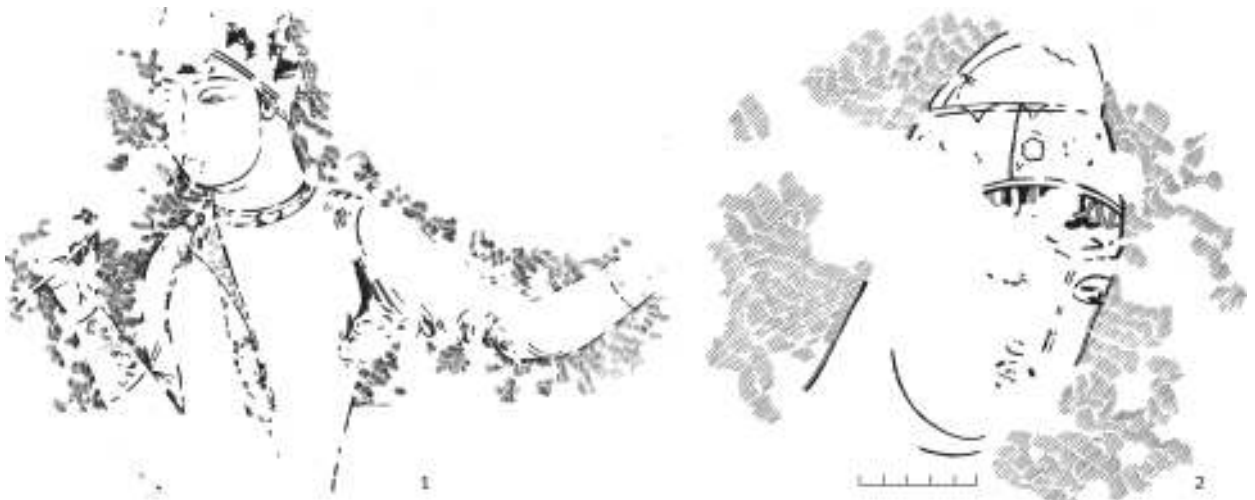

Рис. 6. Пенджикент. Северная часть восточной стены, помещение 28. Нижний ярус. 1 — колпак из меха (?); 2 — колпак с околышем, украшенным вышивкой.

Fig. 6. Panjakent. Northern part of the eastern wall of room 28. Lower level. 1 — cap of fur (?); 2 — cap with a band ornamented with embroidery.

В завале около южной части восточной стены найден другой фрагмент росписи с изображением части лица и шапки (рис. 11; 12). Шапка — колпак белого цвета, плотно сидящий на голове, закрывая верх уха и оставляя лоб открытым. Около уха край колпака имеет маленький подтреугольный разрез. На колпаке красным нарисованы два обращенных друг к другу крыла-

тых верблюда с драконьими хвостами и развевающимися лентами, свисающими изо рта. Скорее всего, художник передал здесь вышивку².

² О вышивании в древнем Пенджикенте у нас имеются лишь косвенные свидетельства (Маршак, Распопова, 2006. С. 53–55). Вышивку на колпаках могли исполнить мастерицы по эскизам, предоставленным художником. Вышивка, скорее всего, имела сакральное значение.

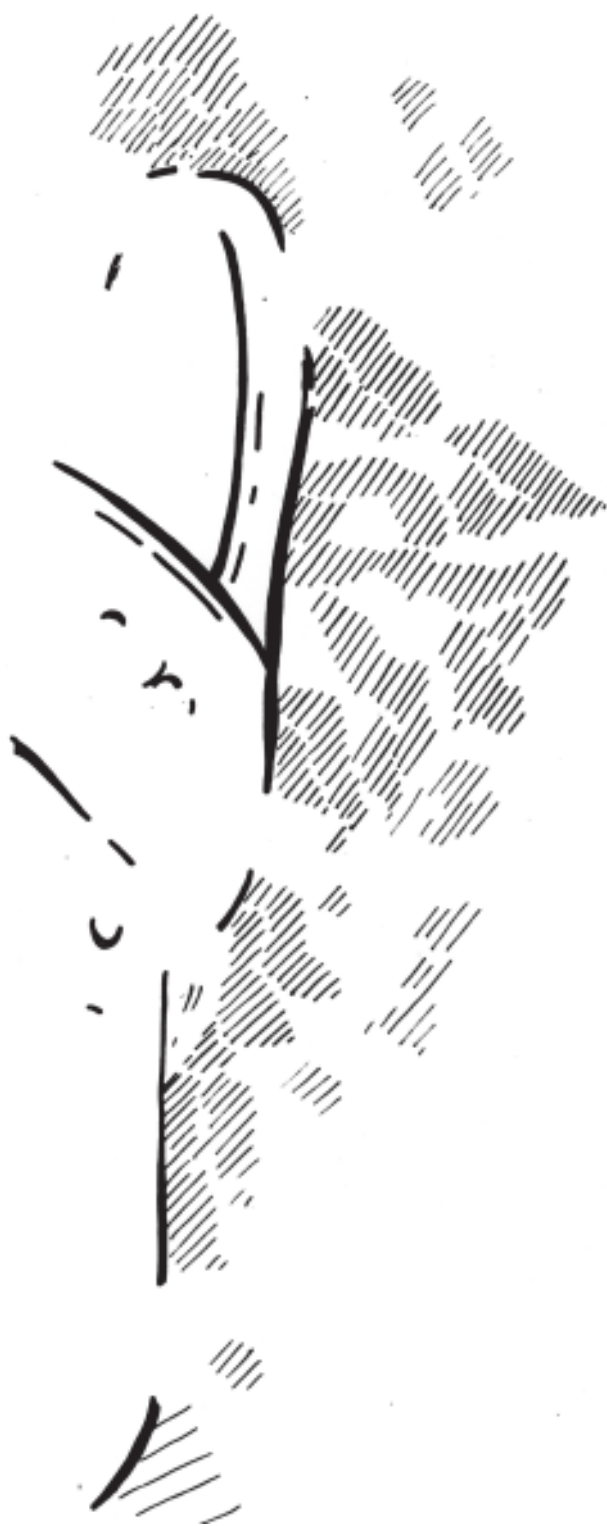

Рис. 7. Северная часть восточной стены, помещение 28. Нижний ярус. Фрагмент изображения колпака. Следы вышивки.

Fig. 7. Panjakent. Northern part of the eastern wall of room 28. Lower level. Fragment with representation of a cap. Traces of embroidery.

Конусообразные колпаки, сшитые из четырех подтреугольных долек, хорошо известны в этнографии Средней Азии. Им посвящено исследование О. А. Сухаревой, которая пришла к выводу о древности этого вида головного убора. Она считала, что конусообразные дервишские кулохи, сшитые из четырех подтреугольных долек, — самый древний тип головного убора, сохранившийся у народов Средней Азии. Он отличается от иранского кулоха, который валяен целиком и не имеет никаких швов. О. А. Сухарева связывала покрой войлочного колпака из четырех долек с влиянием древних тюрков, однако отмечала, что среди всех народов Средней Азии кулох носили лишь таджики и узбеки (Сухарева, 1954. С. 339, примеч. 4).

Росписи Пенджикента свидетельствуют, что подобные шапки были одним из излюбленных видов головных уборов у согдийцев. Тюркские каменные изваяния показывают, что тюрки не носили шапок именно такого типа (Евтюхова, 1952. С. 102–104; Шер, 1966). В помещении 1 объекта XXIV Пенджикента изображена сцена пира (роспись относится к 40-м гг. VIII в.), где между двумя пирующими стоит шапка белого цвета с высоким околышем и конусообразным верхом, сшитым из четырех подтреугольных долек (Belenizki, 1980. S. 125). Контур этой шапки удивительно совпадает с контуром дервишской шапки, изданной О. А. Сухаревой (Сухарева, 1954. Рис 12а; см. также Рассудова, 1989. Рис. 1, 4).

Связывать изделия из войлока только с кочевниками нет никаких оснований. Э. Шефер, основываясь на изысканиях своего учителя Б. Лауфера, пришел к выводу, что подлинная родина войлока «среди иранских народов, там, где древние жрецы-маги и ахеменидские цари носили высокие войлочные шапки, так же как это делали в Согде их позднейшие подражатели» (Шефер, 1981. С. 267–268). У ягнобцев, сохранявших до недавнего прошлого согдийский язык, ваение войлока — обычный домашний промысел (Пещерева, 1976. С. 26–27). О. А. Сухарева считает поздним признаком вышивку на кулохах. Однако колпаки, изображенные на восточной стене помещения, в двух случаях украшены вышивкой, мотивы которой не тюркские. Крылатые верблюды с лентами во рту — известный религиозный символ согдийцев, видимо, это знак бога Победы (Маршак, 1999. С. 182–183). Видимо, считалось, что шапка с таким символом поможет владельцу получить покровительство этого божества.

Надо отметить, что в VII–VIII вв. китайцы изображали в таких шапках именно согдийцев. Например,

Рис. 8. Пенджикент. Реконструкция Б. И. Маршака росписи северной части восточной стены.

Fig. 8. Panjakent. B. I. Marshak's reconstruction of the painting in the northern part of the eastern wall.

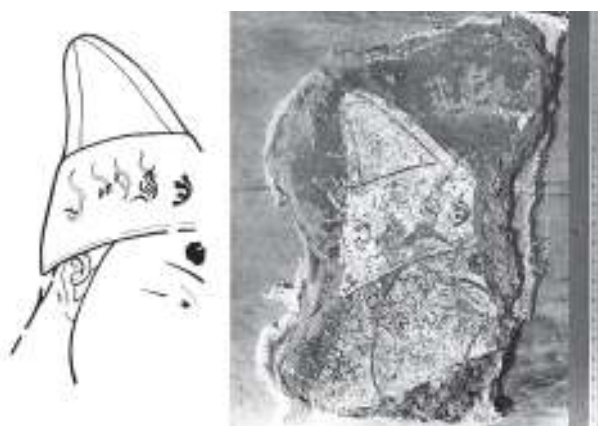

Рис. 9. Пенджикент. Северная часть восточной стены. Колпак с меховым околышем.

Fig. 9. Panjakent. Northern part of the eastern wall. Cap with a fur band.

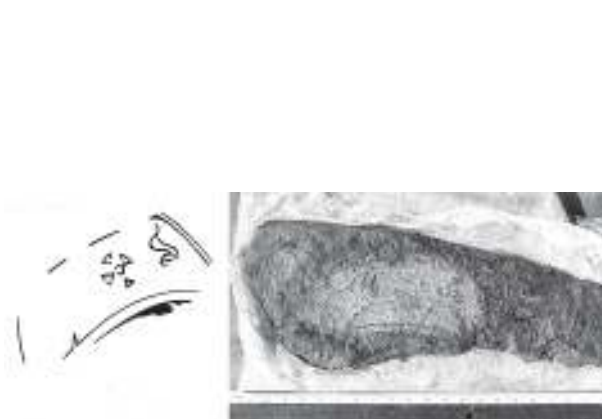

Рис. 10. Пенджикент. Северная часть восточной стены. Колпак с околышем, украшенным вышивкой.

Fig. 10. Panjakent. Northern part of the eastern wall. Cap with a band decorated with embroidery.

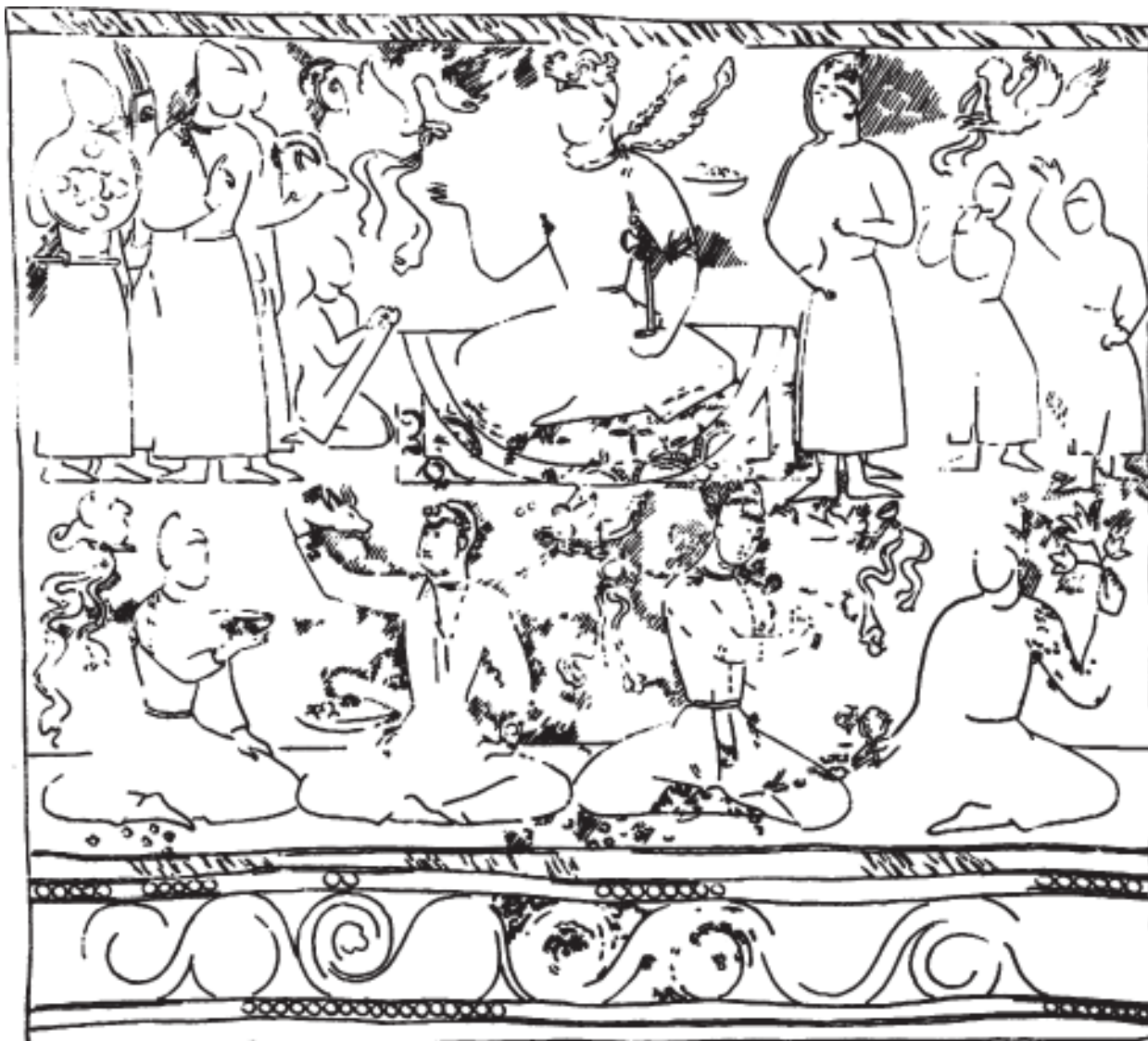

Рис. 11. Пенджикент. Реконструкция Б. И. Маршака росписи южной части восточной стены.

Fig. 11. Panjakent. B. I. Marshak's reconstruction of the painting in the southern part of the eastern wall.

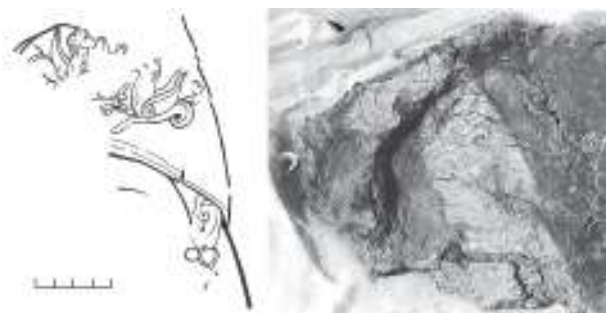

Рис. 12. Пенджикент. Южная часть восточной стены. Колпак с околышем, украшенным вышивкой.

Fig. 12. Panjakent. Southern part of the eastern wall. Cap with a band decorated with embroidery.

погребальная фигурка из Астаны, выполненная китайским мастером, передает согдийца с подчеркнуто европеоидным лицом, одетого по согдийской моде в кафтан с отворотом и боковыми разрезами, в черных сапогах (Каталог, 1986. № 84; *The glory of the Silk Road*, 2003. No. 32). Над верхней губой — узенькие усы, на подбородке — маленький клинышек бороды, хотя щеки гладко выбриты. На голове высокий белый кулех с красным околышем. С двух сторон кулех украшен красной вышивкой по белому фону: над выступом околыша — небольшое колечко, по бокам — ромб, на концах которого и в центре небольшие кружки. Статуэтка происходит из могилы, дата которой не позже 689 г. — даты смерти последней погребенной.

Мастер, изготовивший эту статуэтку, допустил ошибку при изображении костюма: у согдийцев правая пола лежит поверх левой, а здесь наоборот, но он не упустил вытянутость и остроконечность — характерные особенности согдийских головных уборов. Следует заметить, что колпак из Астаны и пенджикентские близки хронологически: 689 г. — последние годы VII — первая четверть VIII в.³

Белый вытянутый остроконечный колпак был признаком этнической принадлежности человека, который носил его. Такие головные уборы мы видим на головах согдийцев на росписи первой половины VIII в. в пещере 45 в сцене нападения разбойников на купцов из Центральной Азии (*Whitfield*, 1995. P. 89–90, il. 109; 110).

Уйгуры, судя по их собственным миниатюрам, в VIII–IX вв. носили совсем другие войлочные шапки (*Along the Ancient Silk Routes*, 1982. P. 180, cat. no. 117).

Неожиданным явилось изображение одежды из меха. В завале перед северной частью восточной стены были найдены фрагменты живописи с изображением короны и руки, держащей топорик (рис. 8; 13, 1, 2). Они, скорее всего, относятся к крупной фигуре, сидящей на ковре. Для нас интересна одежда этой фигуры. Она была меховой, сшитой из пластин меха, расположенных горизонтально. Фон меха палевый, по нему между черными «елочками» помещены черные завитки в виде запятых (рис. 13, 1). Можно предположить, что художник здесь изобразил мех горностая, которого он не видел в натуре. Другими памятниками изобразительного искусства Средней Азии раннего средневековья меховая одежда не засвидетельствована.

В Восточном Туркестане в таких одеяниях изображены иноземцы (*Grünwedel*, 1912. S. 185, Abb. 426). В Отделе Востока ГЭ хранится статуэтка из раскрашенной глины (ГЭ ОВ КУ-260), происходящая из Восточного Туркестана (Кучар) (Пещеры тысячи Будд, 2008. С. 151, кат. № 96; *Expedition Silk Road*, 2014. P. 16–17, 166–167, cat. no. 95). Скульптор изобразил иноземца в распашном кафтане из шкурок горностая (?). Кафтан сшит из прямоугольных пластин меха голубовато-серого цвета, от середины верхней стороны каждой из пластин отходит черный «хвост» горностая (?). На изготовление этого кафтана пошло огромное количество шкурок,

даже если считать, что каждый хвост — это одно животное. Кафтан застегнут так же, как на статуэтке из Астаны: левая пола лежит поверх правой. На голове белый колпак конической формы, но он не имеет околыша.

Веда обширную торговлю с северными народами, согдийцы привозили меха в обмен на серебряные сосуды, которые хорошо известны (*Маршак*, 2006). Однако о мехах, которые поступали в обмен на серебро, мы впервые узнаем благодаря изображениям на пенджикентской росписи. В более позднее время меховая одежда засвидетельствована среднеазиатскими миниатюрами (*Горелик*, 1979. С. 55, рис. 3, 10).

Возвращаясь к стенам парадного зала (помещение 28 объекта XXV), упомянем, что здесь было изображено несколько царей — не менее четырех. Следует отметить, что это не несколько изображений одного царя, скажем, во время различных празднеств, поскольку, изображая одного и того же человека, согдийские художники всегда стремились к узнаваемости персонажа. Для этого они давали такому персонажу одни и те же атрибуты, тогда как здесь наблюдается нарочитое разнообразие деталей. Из этого следует, что изображены разные цари, т. е. цари разных стран. Сюжетом всей росписи западной, восточной и нижней части северной стен было празднество по поводу сбора урожая, охватывающее весь мир. Такой всемирный охват заставляет вспомнить упоминаемое в китайских источниках здание в Кушании в Согде, в котором на северной стене были изображены китайские императоры, на восточной — индийцы и тюрки, а на западной — персидские и римские государи (*Бичурин*, 1950. Т. II, с. 315 [Таншу, гл. 221]). О южной стене ничего не сказано. Возможно, информатор не счел нужным упоминать об изображении богов почти обязательных на одной из стен согдийского зала. Из-за фрагментарности росписи трудно судить о том, в какой степени художник стремился передать особенности разных народов. То, что в северной части восточной стены царь одет в меха, а у двух других персонажей — шапки с меховыми околышами, свидетельствует о том, что хозяин дома, который являлся владельцем крупных хлебных складов, мог иметь какие-то опосредованные торговые дела с народами «мехового пути».

³ В Астанинском могильнике в могиле 206 были обнаружены две идентичные статуэтки грума, которые отличаются материалом, из которого они сделаны: дерево (*The glory of the Silk Road* 2003. No. 32) или глина (Каталог, 1986. № 84), а также цветом кафтанов.

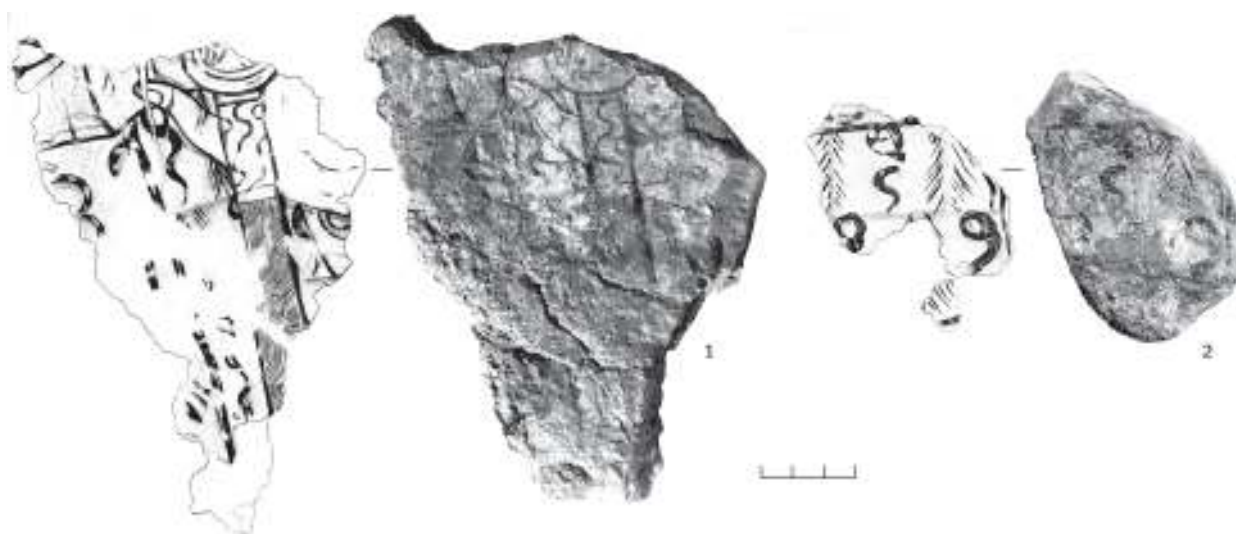

Рис. 13. Пенджикент. Помещение 28. Завал перед северной частью восточной стены. 1, 2 — фрагменты живописи с изображением меховой одежды.

Fig. 13. Panjakent. Room 28. Collapsed structure in front of the northern part of the eastern wall. 1, 2 — fragments of painting with a representation of fur clothes.

Литература

Бичурин, 1950 — Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. II.

Горелик, 1979 — Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки / отв. ред. О. А. Сухарева. М., 1979.

Дьяконов, 1954 — Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.

Евтюхова, 1952 — Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М., 1952 (МИА; № 24).

Исаков, 1977 — Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.

Каталог, 1986 — Каталог выставки памятников Синцзяня из КНР. Токио, 1986 (на яп. яз.).

Маршак, Распопова, 1984 — Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири / отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан, 1984.

Маршак, Распопова, 2006 — Маршак Б. И., Распопова В. И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 году. СПб., 2006 (Материалы Пенджикентской археологической экспедиции; вып. VIII).

Маршак, 1999 — Маршак Б. И. Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток

в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999 (Серия: Археология).

Маршак, 2006 — Маршак Б. И. Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. К XXI Международному конгрессу византистов (Лондон, 21–26 августа 2006 года). СПб., 2006.

Пещерева, 1976 — Пещерева Е. М. Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976.

Пещеры тысячи Будд — Пещеры тысячи Будд. Российские экспедиции на Шёлковом пути. К 190-летию Азиатского музея: каталог выставки / науч. ред. О. П. Дешпанде. СПб., 2008.

Рассудова, 1989 — Рассудова Р. А. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сб. статей. Л., 1989 (Сборник МАЭ; т. 43).

Сухарева, 1954 — Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. Т. I (Тр. Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая; т. XXI).

Шер, 1966 — Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья Л., 1966.

Шефер, 1981 — Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.

Along the Ancient Silk Routes, 1982 — Along the Ancient Silk Routes. Central Asian Art from the West Berlin State Museum. An exhibition lent by the Museum für Indische Kunst, Staatliche Museen Preussischer Kulturbesitz, Berlin. Federal Republic of Germany. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1982.

Belenizki, 1980 — *Belenizki A. M.* Mittelasien. Kunst der Sogden. Leipzig, 1980.

Expedition Silk Road, 2014 — Expedition Silk Road, Journey to the West. Treasures from the Hermitage. Exhibition catalogue. Amsterdam, 2014.

Grünwedel, 1912 — *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan. Berlin, 1912.

The glory of the Silk Road, 2003 — The glory of the Silk Road: art from Ancient China / ed. J. Li, V. Hansen. Dayton, 2003.

Marshak, 2002 — *Marshak B.* Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana (with an Appendix by V. A. Livshits). New York, 2002.

Marshak, Raspopova, 1987 — *Marshak B. I., Raspopova V. I.* Une image sogdienne du dieu-patriarche de l'agriculture // *Studia Iranica*. 1987. Т. 16/2.

Marshak, Raspopova, 1990 — *Marshak B. I., Raspopova V. I.* Wall Paintings from a House with a Granary, Panjikent, 1st Quarter of the Eighth Century AD // *Silk Road Art and Archaeology I*. Kamakura, 1990.

Whitfield, 1995 — *Whitfield R.* Dunhuang: Caves of the Singing Sands: Buddhist Art from the Silk. London, 1995. 2 Vol.

В. И. Распопова

Войлок и мех в живописи Пенджикента

Статья посвящена войлочным головным уборам и одежде из меха, которые представлены в росписях стен парадного зала дома богатого хлеботорговца древнего Пенджикента: помещение 28 объекта XXV; последние годы VII в. — 720-е гг. (рис. 1). Эти росписи представляют несомненный интерес, так как на них изображены изделия, которые использовались в реальной жизни, а многие из них соответствуют найденным во время раскопок предметам. В статье рассмотрен наиболее часто встречающийся в росписях вид головных уборов — высокие конусообразные колпаки в разных вариантах (рис. 2–7; 9; 10; 12). Считается, что конусообразные колпаки, сшитые из че-

тырех подтреугольных долек, — самый древний тип головного убора, сохранившийся у народов Средней Азии. Росписи Пенджикента свидетельствуют, что подобные шапки были одним из любимых видов головных уборов у согдийцев. Изображения одежды из меха (мех горностая? — рис. 8; 13, 1, 2) среди других памятников изобразительного искусства Средней Азии раннего средневековья пока не известны. Присутствие в росписях меховой одежды, а также шапок с меховыми околышами, свидетельствует о том, что хозяин дома (владелец крупных хлебных складов) мог иметь какие-то опосредованные торговые дела с народами «мехового пути».

V. I. Raspopova

Felt and fur in the paintings of Panjakent

This article is devoted to felt headdresses and fur clothes represented in the paintings of the walls of the ceremonious hall in the house of a rich grain merchant in the ancient Panjakent: room 28 of object XXV; the last years of the 7th century — 720s AD (fig. 1). These paintings are of undoubted interest since in them articles used in real life are represented while many of them correspond to objects found during excavations. In this paper, a type of headdress most frequent in the paintings is considered, viz. high conical caps in different variants (figs. 2–7; 9; 10; 12). It is believed that conical caps sewn from four nearly triangular parts is

the earliest type of headdress survived among peoples of Central Asia. Panjakent paintings bear evidence that similar caps were one of the most favourite types of headdress among the Sogdians. Representations of clothes of fur (of ermine? — figs. 8; 13, 1, 2) are so far unknown at other sites of visual art of Central Asia of the early Middle Ages. The presence of fur clothes, as well as caps with fur bands, indicates that the master of the house (owner of large grain warehouses) can have been concerned with some indirect trade with peoples of the 'fur road'.

А. И. Торгоев¹, Д. В. Лужанский²

Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль

Ключевые слова: озеро Иссык-Куль, могильник, подбойные погребения, X–XI вв.

Keywords: Lake Issyk-Kul, cemetery, catacomb graves, 10th–11th centuries.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-178-184

Весной 2010 г. одному из авторов статьи Д. В. Лужанскому стало известно о разрушающихся глиняным карьером погребениях в ущелье Чет-Байсоорун (Каменском) в северо-восточном Прииссыккулье. У входа в это ущелье со стороны озера Иссык-Куль, у с. Караул-Дёбё (быв. Ёгилик Ананьевского сельсовета) находится комплекс археологических памятников, сгруппированных вокруг средневекового Каменского городища (ныне используется название «городище Караул-Дёбё»), о котором было известно уже с конца XIX в. (*Винник*, 1967. С. 106). Наиболее полно это городище исследовалось Д. Ф. Винником в 1950–1960-х гг. (Там же. С. 106–108, рис. 4). Культурный слой городища датирован VIII–XII вв., оно считалось одним из наиболее ранних оседлых памятников в котловине оз. Иссык-Куль.

Само Каменское городище располагается на левом берегу р. Байсоорун на северной окраине с. Караул-Дёбё и состоит из цитадели, находящейся в юго-западном углу четырехугольника валов, который с трех сторон дополнительно обведен вторым рядом валов. Все внутреннее пространство центрального четырехугольника занято современным кладбищем, пространство между валами было засеяно. В пространстве между валами при обследовании городища в 2001 г.³ были осмотрены свежие ямы, выкопанные под опоры столбов, в которых удалось зафиксировать слой мощностью до 0,5 м, изобилующий костями животных. В слое с костями в одной из ям обнаружены два фрагмента закраин керамических котлов, которые на основании аналогий на стратифицированных поселени-

ях Чуйской долины могут быть уверенно датированы в пределах XI — начала XIII в.

Тогда же на правом берегу реки, напротив городища, у подошвы горы Караул-Дёбё, на месте небольшого заброшенного кладбища были зафиксированы остатки вала и неглубокого рва шириной до 3 м, который перегораживал ущелье и находился в створе северной стены городища. Рядом с валом был заложен небольшой стратиграфический раскоп, в котором был выявлен культурный слой мощностью 0,2–0,4 м с небольшим содержанием костей животных и сильно окатанной керамики, которая не отличалась от найденной на городище посуды. Таким образом, Каменское городище, как верно считал Д. Ф. Винник, являлось крепостью, контролирующей и защищающей удобный путь в Иссык-Кульскую котловину с севера из долины р. Чилик (Шилик). Однако нижняя дата для этого городища сейчас может быть скорректирована — этот памятник может датироваться временем не ранее X в.

В 2001 г. к западу от городища, в местности Тёш, был открыт разновременный могильник Караул-Дёбё, ныне практически полностью разрушенный глиняным карьером. В исследованной в 2001–2003 гг. части могильника преобладали погребения в катакомбах Т-образной схемы тянь-шаньского варианта кенкольской культуры (*Торгоев*, 2007а. С. 16–18, рис. I–III; *Кольченко, Ротт*, 2007. С. 23–30), также были исследованы два средневековых погребения, одно из которых относится к IX — началу XI в. (*Кольченко, Ротт*, 2007. С. 21–23, рис. I–III), и остатки погребения коня (*Торгоев*, 2007а. С. 15–16). Лог отделял катакомбную часть могильника от разрушающейся карьером более ранней части могильника Караул-Дёбё, где в 2010 г. в разрезе карьера были зафиксированы грунтовые погребения с деревянными конструкциями типа рамы внутри и каменными кольцами оград, относящиеся, видимо, к раннему железному веку.

После сообщения о разрушении погребений весной 2010 г. место могильника было осмотрено Д. В. Лужан-

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34.

Государственный Эрмитаж. Отдел Востока.

Адрес электронной почты: torgoevasan@mail.ru.

² 720000, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44.

Кыргызско-Российский Славянский Университет им. Б. Н. Ельцина.

³ В 2001 г. на Каменском городище проводилась археологическая практика студентов КРСУ им. Б. Н. Ельцина под общим руководством академика В. М. Плоских, зачистки и раскопки осуществлялись под наблюдением А. И. Торгоева. Данные о Каменском городище из отчета о работах 2001 г. в несколько искаженном виде были опубликованы (см.: *Плоских В. В.*, 2013. С. 109–110).

ским. Оказалось, что уничтожению подвергается новый, ранее неизвестный памятник, находящийся не на месте ранее известного могильника Караул-Дёбё, а выше по течению р. Байсоорун. Тогда был найден вывалившийся из обреза карьера череп одного скелета, рядом с которым находились две серьги. Летом 2010 г. сотрудники Тянь-Шаньской археологической экспедиции ГЭ и Института истории и культурного наследия НАН КР выехали для проведения спасательных исследований на этом памятнике⁴ — за три дня работ были исследованы остатки пяти погребений.

Разрушенный карьером могильник располагался в местности Сары-Жолга, находящейся на левом берегу р. Байсоорун, в 1 км к северу от городища (рис. 1, А). Могильник занимал неровную площадку, имеющую склон к западу. С востока могильник был ограничен горой, с запада пойменным заливным лугом реки, северной его границей является естественный овраг, к которому карьер уже практически подошел (рис. 1, Б). Никаких отчетливых внешних признаков погребальных сооружений на поверхности не было. Наличие на склоне глинистой «подушки» и стало причиной раз-

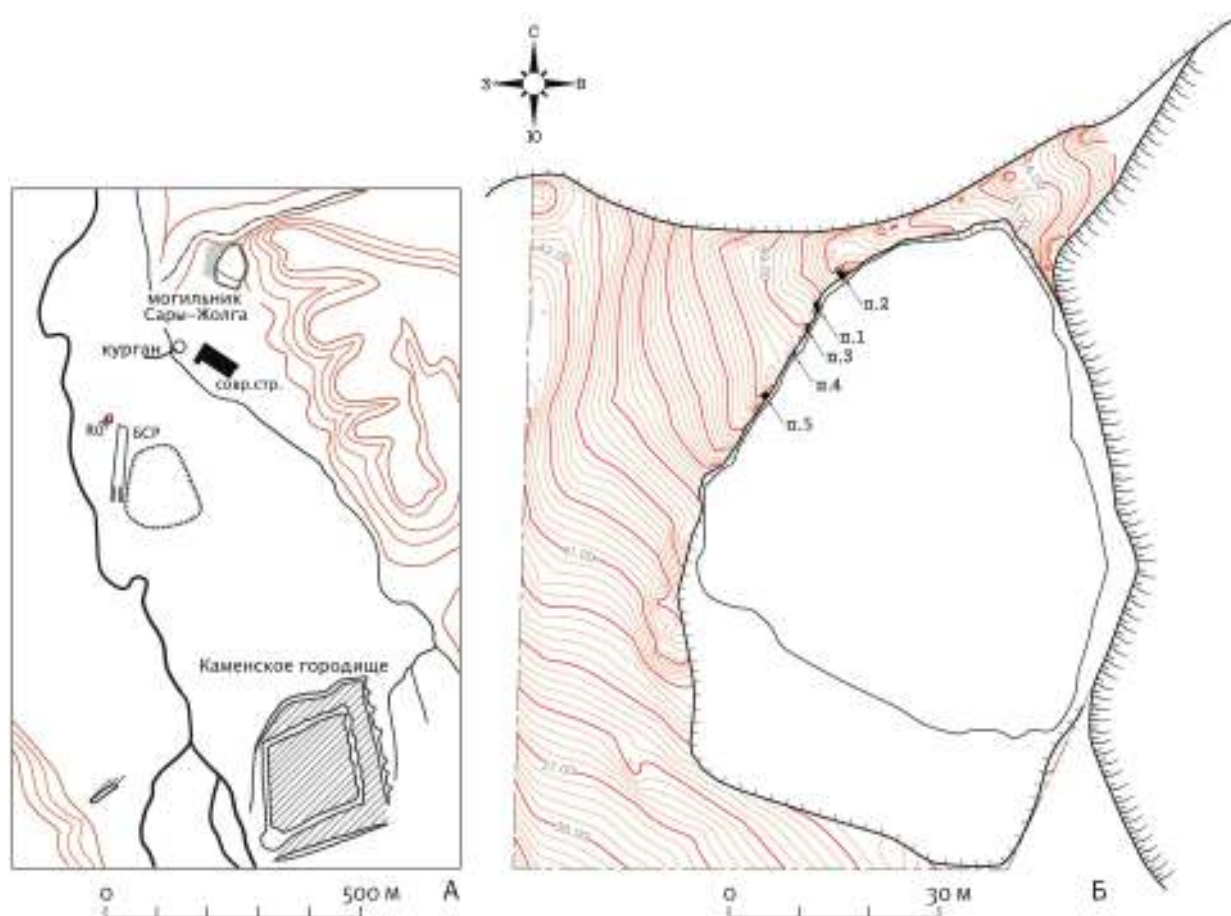

Рис. 1. А — ситуационный план Каменского городища и могильника Сары-Жолга; Б — топографический план остатков могильника Сары-Жолга (съемка А. В. Кулиша и В. А. Кольченко).

Fig. 1. А — Situation plan of the Kamenskoye settlement-site and the cemetery of Sary-Zholga; Б — Topographic plan of the remains of the cemetery of Sary-Zholga (surveys by A. V. Kulish and V. A. Kol'chenko).

⁴ В группу входили археологи А. И. Торгоев, В. А. Кольченко, Л. О. Смирнова, Д. В. Лужанский, архитектор Т-ШАЭ А. В. Кулиш и водитель Т-ШАЭ Е. А. Аринов. Группа работала в составе Иссык-Кульской археологической экспедиции КРСУ под руководством академика НАН КР В. М. Плоских.

работки карьера. Под слоем глины местами прослеживался галечниковый материк. Карьер размерами 90 × 60 м, скорее всего, уничтожил большинство погребений могильника. Погребения, видимо, концентрировались в северной части, где слой лесса был

больше. В южной части могильника лессовая подушка была слабее и следов погребений там не найдено.

Все исследованные в 2010 г. погребения находились у западного борта карьера в северной его части (рис. 1, Б).

В погребении 1 был расчищен скелет коня, обращенный грудной клеткой к югу. Для того чтобы вместить коня в узкую могильную яму, длина которой не превышала 1,4 м, у коня была буквально закручена шея, а ноги были согнуты (рис. 2, А). Осталось не ясным, лежал ли конь вместе с человеком или был положен в отдельную яму, так как вся восточная половина погребения была уничтожена экскаватором, затронувшим частично и конский скелет. Конь был положен не взнузданным, при нем не найдено никакого инвентаря (если имелся, то находился в разрушенной части могилы).

Наиболее интересными оказались погребения 2 и 5.

Погребение 2 (рис. 2, Б) было совершено в подбое, череп из этого погребения находился на краю обрыва и был снят весной 2010 г. Подбой овальной формы, ориентирован в направлении СВ–ЮЗ, вырыт в юго-западной стенке могильной ямы (сама входная яма читалась плохо и целиком разобрана не была). Вход в подбой перекрыт деревянными жердями, дно подбоя, по всей видимости, было ниже дна могильной ямы, так как подбой на уровне дне читался отчетливо на высоту 10–15 см по всему контуру. В подбое, ближе к северо-восточной стенке, лежал скелет человека на спине, головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища, возле правой руки находились бусы и подвески из зубов марала (рис. 3, 4–18). На ногах отчетливо прослеживался тлен войлока, под левой лопаткой находилась круглая ажурная подвеска (рис. 3, 3), вероятно, деталь наконечника украшения.

Погребение 5 было совершено в подбое (рис. 2, В). Вход в подбой, как и в погребении 2, находился в юго-западной стенке могильной ямы. Подбой был перекрыт жердями и вальками комковатой глины, а также обломком сырцового кирпича. Дно могильной ямы и дно подбоя находились на одном уровне. От скелета сохранились оставленные в анатомическом порядке кости ног, судя по которым умерший был положен головой на юго-восток. Кости ступни правой ноги были перекрыты остатками деревянного остова седла и лежащими на его полках двусоставными железными удилами с восьмерковидными окончаниями (рис. 3, 19). С правой стороны от бедренной кости друг на друге лежали стремени (рис. 3, 21, 22), рядом с ними — округ-

лая подпружная пряжка (рис. 3, 20). С левой стороны от погребенного были зафиксированы лежащие на дне могильной ямы несколько лошадиных ребер.

В погребении 4 *in situ* сохранились только кости левой руки, а в погребении 3 — только кости ноги. В последнем случае также удалось зафиксировать остатки подбоя, аналогичные по конструкции подбою погребения 5.

Инвентарь из погребений 2 и 5 позволяет рассмотреть датировку погребений могильника.

В погребении 2 найдены кольцевые серьги с перламутровыми трапециевидными подвесками (рис. 3, 1, 2). В Семиречье серьги такого типа сменяют серьги т. н. салтовского типа, хотя вполне возможно, что некоторое время эти типы серег сосуществовали. Во всяком случае, в одном из подбойных погребений некрополя Краснореченского городища кольцевая серьга с круглой нефритовой подвеской встречена в комплексе с мелкими тухусскими монетами, которые являются типичной находкой в слоях позднего VIII–X в. Подвески кольцевых серег обычно круглые, но известны ромбические и трапециевидные. Практически все типы подвесок к серьгам встречаются в слоях и погребениях XI–XII вв., после чего этот тип украшения, видимо, выходит из употребления.

Круглая подвеска (или амулет?) (рис. 3, 3) не находит прямых аналогий, наиболее близкий экземпляр, но с другим изображением, был найден в одном из средневековых погребений комплекса Бутақты I в г. Алматы (Горячев, Мотов, 2008. Рис. 14, 1).

Несколько скорректировать дату погребения 2 помогает набор бус (рис. 3, 4, 8–13). Уплотненные шаровидные и биконические гагатые бусы (рис. 3, 11–13) являются одними из наиболее часто встречающихся среди бус Пайкенда. Как правило, они присутствуют в слоях второй половины X — первой трети XI в. В данном случае именно эти типы бус дают ориентир к датировке погребения в пределах второй половины X — первой половины XI в.

Сочетание бус находит наибольшие аналогии в комплексах северо-восточного Алтая. Наиболее близким комплексом надо считать курган 3 могильника Корболиха IX (Могильников, 2002. Рис. 177). В последнем, помимо преобладающих гагатых бус, встречены перламутровые подвески, аналогичные по форме подвескам из погребения 2 (рис. 3, 5–7). Могильник Корболиха IX В. А. Могильников склонен датировать второй половиной IX–X в. (Там же. Табл. 8). Однако им была предложена только относительная хронология

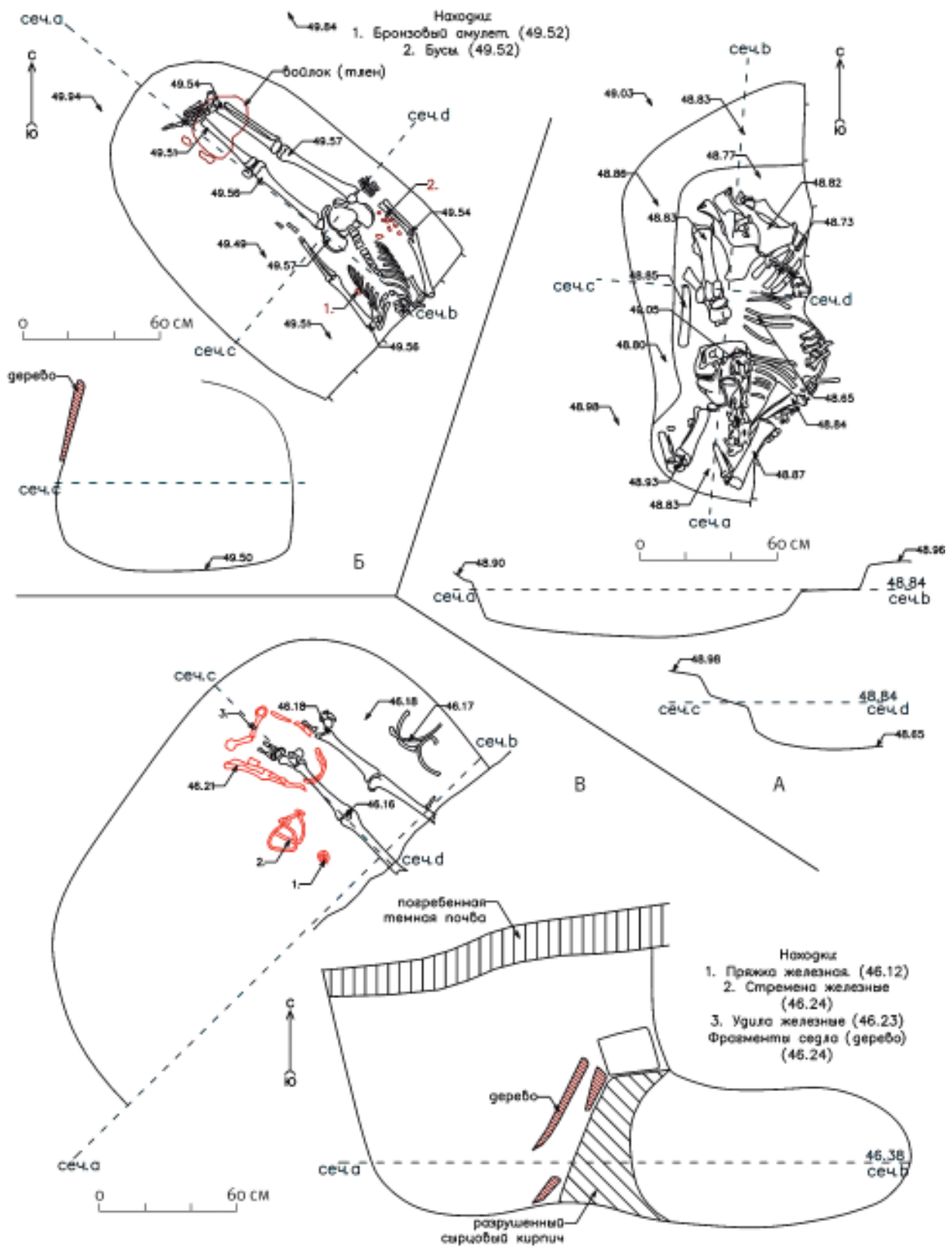

Рис. 2. Могильник Сары-Жолга. А — погребение 1; Б — погребение 2; В — погребение 5.

Fig. 2. The cemetery of Sary-Zholga. A — burial 1; Б — burial 2; В — burial 5.

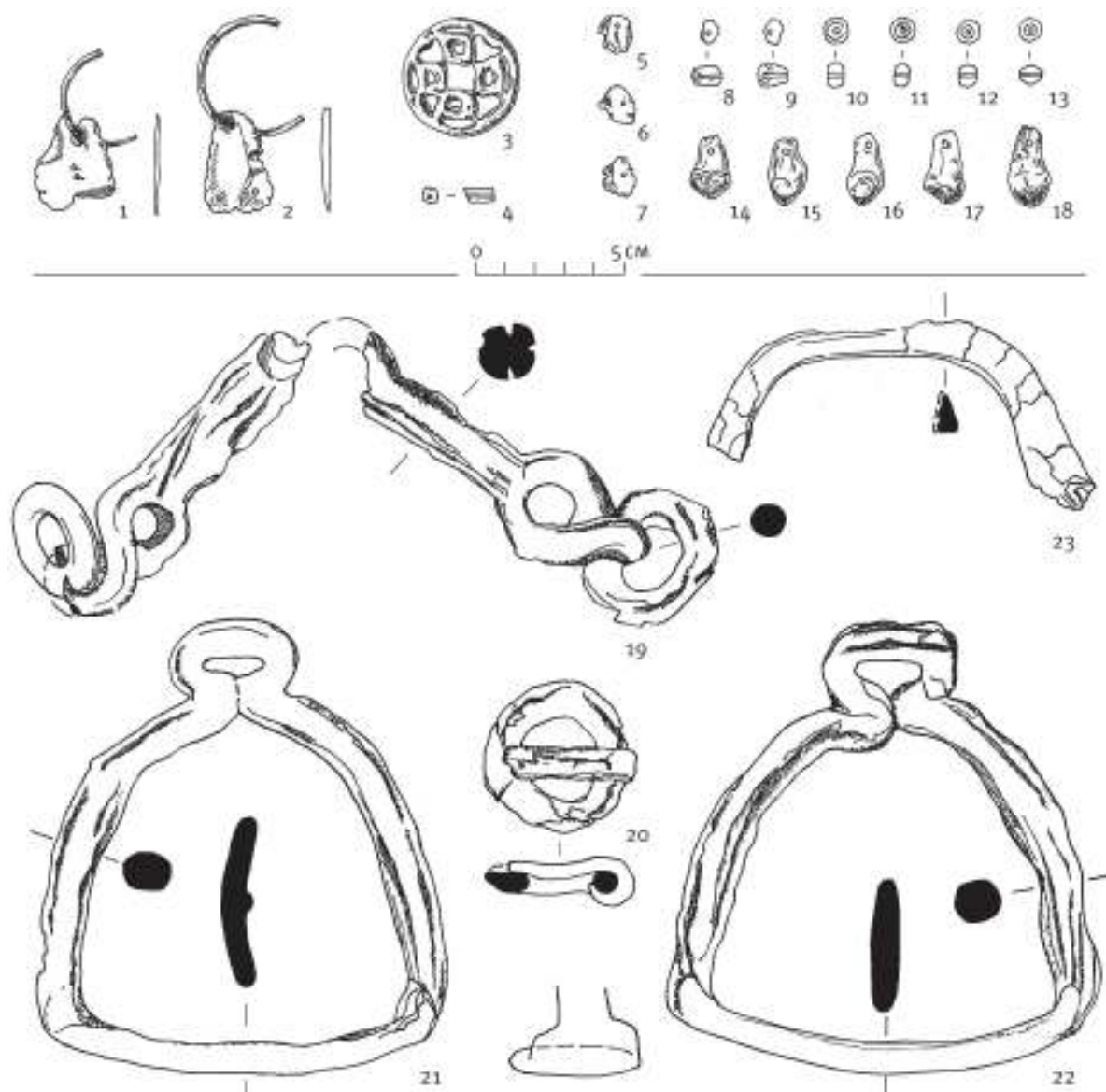

Рис. 3. Могильник Сары-Жолга. 1–18 — инвентарь погребения 2; 19–22 — инвентарь погребения 5. 1, 2 — бронза, перламутр; 3 — низкопробное серебро или белая бронза; 4 — стекло; 5–9 — перламутр; 10 — сердолик; 11–13 — гагат; 14–18 — кость (зубы марала); 19–22 — железо; 23 — дерево.

Fig. 3. The cemetery of Sary-Zholga. 1–18 — grave goods from burial 2; 19–22 — grave goods from burial 5. 1, 2 — bronze, nacre; 3 — low-grade silver or white bronze; 4 — glass; 5–9 — nacre; 10 — cornelian; 11–13 — jet; 14–18 — bone (maral teeth); 19–22 — iron; 23 — wood.

памятников Верхнего Алтая, и в конкретном случае, как допускал и сам исследователь, нельзя исключать и начало XI в. как верхнюю дату для погребений этого могильника.

Характерный мужской инвентарь в погребении 5 также имеет прямые аналогии в памятниках кочевников Южной Сибири. К сожалению, седло, положенное в ноги погребенного, сохранилось лишь в виде тлена; удалось закрепить и снять только лишь остаток перед-

ней луки (рис. 3, 23), по абрису напоминающий передние луки киданьских седел второй половины X — начала XI в.

Стремена восьмерковидной формы с путлищем, образованным изгибом дужки, и выраженным ребром на нижней плоскости овальной подножки (рис. 3, 21) относится к группе I типу 162 (I162), по Г. В. Длужневской. В Туве стремяна такого типа «обнаружены в комплексах, датированных 950–1025 (+25 лет) гг.» (Длужневская,

1994. С. 23, рис. 2). Данные по Северо-Восточному Алтаю (*Могильников*, 2002. С. 95) в целом не противоречат предложенной дате и нет оснований не принимать ее и для тянь-шаньских памятников. Удила, найденные в погребении 5, относятся к группе I подгруппе Б типу 2а (1Б2а), по Г. В. Длужневской, которая предлагает в качестве даты этого типа интервал между 950–1000 гг. (*Длужневская*, 1994. С. 24, рис. 3). Наличие колец вместо псалиев также можно оценивать как хронологический признак, который появляется на Алтае и в приалтайской степи на рубеже X–XI вв. (*Васютин*, *Зимин*, 2005. С. 139). В целом даты тувинских и алтайских памятников дают ориентир, чтобы датировать это погребение, как и погребение 2, в пределах второй половины X — начала XI в. Очевидно, что часть разрушенных погребений в подбоях с ориентировкой погребенного в южный сектор должна датироваться этим же временем.

Любопытно, что дата погребений соотносится с ранней историей карханидского каганата. Как известно, караханидская верхушка, происходящая из племенного объединения карлуков, приняла ислам в 960 г. как государственную религию. Но исламизация тюрков кочевников, как отмечено в источниках, была делом далеко не быстрым и реально произошла только к XII в. На известных некрополях городищ Семиречья погребения в подбоях, часто с инвентарем и ориентацией погребенного в южный сектор, встречаются практически повсеместно. Такой тип захоронений встречается на некрополях Краснореченского городища и городища Беловодская крепость в Чуйской долине (*Мокрынин*, 2010. С. 176), городища Садыр-Курган в Таласской долине (*Торгоев*, 2007б. С. 42–43). Надо отметить, что и в XII в. подбойные захоронения, характерные для тюркского населения, продолжали существовать в Семиречье. В качестве примеров можно привести подбойные захоронения с ориентацией погребенного в северный сектор в комплексе Бутақты I (*Горячев*, *Мотов*, 2012. С. 13–14, рис. 10; 11), а также на некрополе Краснореченского городища. В XII в. погребальный обряд населения Прииссыккуля становится иным, преобладающими становятся безынварные погребения с ориентировкой умершего в северный сектор в могилах, выложенных сырцовым кирпичом, и простых грунтовых ямах (*Ходжайов*, 1975. С. 120–122). Тогда же, видимо, появляются большие мусульманские кладбища, на которых найдены арабграфические кайраки в ущелье Долонту (утрачено, находилось между с. Бактуу-Долонту и Бостери) и на р. Аксу (утрачено, находилось между с. Беловодское и Курменты), о которых сообщал В. В. Бартольд (*Бартольд*, 1966. С. 68–69).

Литература

- Бартольд*, 1966 — *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1966. Т. IV.
- Васютин*, *Зимин*, 2005 — *Васютин А. С.*, *Зимин А. А.* Хронологическое соотношение двух типов удил в погребальных комплексах верхнеобской культуры Кузнецкой котловины // *Снаряжение кочевников Евразии* / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2005.
- Винник*, 1967 — *Винник Д. Ф.* К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // *Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана*. Фрунзе, 1967.
- Длужневская*, 1994 — *Длужневская Г. В.* Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв.) // *ГАН*. 1993. Fasc. VI.
- Горячев*, *Мотов*, 2008 — *Горячев А. А.*, *Мотов Ю. А.* Результаты исследований археологического комплекса Бутақты I на юго-восточной окраине города Алматы в 2007 г. // *Известия НАН РК. Серия общественных наук*. Алматы, 2008. Вып. 1.
- Горячев*, *Мотов*, 2012 — *Горячев А. А.*, *Мотов Ю. А.* Результаты исследований археологического комплекса Бутақты I на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 г. // *Известия НАН РК. Серия общественных наук*. Алматы, 2012. Вып. 3.
- Кольченко*, *Ротт*, 2007 — *Кольченко В. А.*, *Ротт Ф. Г.* Аварийные работы на могильнике Караол-Дёбё в 2003 г. // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. Бишкек, 2007. Вып. 2.
- Могильников*, 2002 — *Могильников В. А.* Кочевники Северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002.
- Мокрынин*, 2010 — *Мокрынин В. П.* Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. Бишкек, 2010.
- Плоских В. В.*, 2013 — *Плоских В. В.* Затонувшие памятники Иссык-Куля (Исследование «Атлантиды» Центральной Азии на Великом Шелковом пути). Бишкек, 2013.
- Торгоев*, 2007а — *Торгоев А. И.* Аварийные работы на могильнике Караол-Дёбё в 2001–2002 гг. // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. Бишкек, 2007. Вып. II.
- Торгоев*, 2007б — *Торгоев А. И.* Некрополь городища Садыр-Курган // Там же.
- Ходжайов*, 1975 — *Ходжайов Т. К.* Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке // *Археологические памятники Прииссыккуля*. Фрунзе, 1975.

А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский

Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль

В статье публикуются результаты спасательных раскопок, проведенных на могильнике Сары-Жолга на озере Иссык-Куль в Киргизии. В могильнике были исследованы остатки пяти частично разрушенных погребений. Захоронения совершались в подбоях.

Умершие укладывались в вытянутом положении, на спине, головой в юго-западном направлении. В двух погребениях обнаружен инвентарь X — первой половины XI в. Могильник оставлен жителями Каменского городища, расположенного рядом.

A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy

Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul

This article is devoted to publication of the results of rescue excavations at the cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul (Kirghizia). At the cemetery under study, the remains of five partly disturbed graves were uncovered. The interred were laying in catacombs, supine on the back,

head to S-W. In two of the five burials, grave goods of the 10th — first half of the 11th century were found. This burial site was left by the residents of the Kamenskoye fortified settlement located nearby.

ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях

И. Л. Тихонов¹

О роли фотографии в изучении истории археологии

Ключевые слова: археология, раскопки, фотография, история археологии, визуализация.

Keywords: archaeology, excavations, history of archaeology, photography, visualization.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-185-193

В какой степени фотография может быть историческим источником? Не раз приходилось замечать, что историки, испытывая священный пиетет перед текстом, часто недооценивают значение фотографии как вида источника. Нередко фотографии воспринимаются как нечто третьестепенное и в научные издания по истории помещаются исключительно в качестве добавочного иллюстративного материала. Используется принцип: «есть — хорошо, а нет — и не надо». Археологи относятся к фотографии со значительно большим пиететом. Говорить о ее большом значении для современной археологии, наверно, просто излишне, поскольку мы прекрасно понимаем, что без фотографии нельзя представить себе ни полевой отчет, ни публикацию, ни доклад. Некоторые разделы археологии, например аэрофотосъемка или трасология, просто не могли бы существовать без фотографии. Фотосъемка в XX в. стала одним из важнейших способов фиксации раскопанных объектов и найденных предметов. В некоторых случаях только она способна сохранить и передать необходимую информацию и изображение как немалого по площади памятника, так и небольшой находки.

Но здесь речь пойдет о значении фотографии как важного и часто незаменимого источника различной информации для истории археологии. Галина Вацлавна Длужневская в своих публикациях и докторской диссертации, пожалуй, одной из первых поставила этот вопрос и обосновала тезис о том, что фотография может являться таковым ценным источником (Длужневская, 2005; 2006; 2008; 2011). Такой подход полу-

чает развитие — в 2016 г. в Санкт-Петербургском государственном университете была успешно защищена кандидатская диссертация О. С. Головиной, посвященная проблеме отражения древнерусского исторического наследия в отечественной дореволюционной фотографии (Головина, 2016).

Фотография в виде первых дагерротипов появилась в 1840-е гг. В коллекции дагерротипов Государственного Эрмитажа хранятся фотопортреты двух поколений графов Бобринских — деда, отца и дяди председателя Императорской археологической комиссии Алексея Александровича Бобринского (1852–1927), сделанные в Санкт-Петербурге в первой половине 1840-х гг. (Дагерротип, 2012. С. 40–47). В России одним из первых применил фотографию для съемки историко-культурных объектов и древностей выпускник Московского университета Петр Иванович Севастьянов (1811–1867). Во второй половине 1850-х гг. он занимался исследованием древностей Палестины, откуда привез коллекцию фотоснимков. С 1857 г. П. И. Севастьянов работал на Афоне, где собрал коллекцию оригинальных древностей и фотографий. В 1858 г. П. И. Севастьянов в Париже в Академии надписей и изящной словесности сделал доклад о необходимости сохранения в библиотеках древних и особо ценных рукописей с помощью фотографии. Его доклад «О светописи в отношении к археологии» был опубликован в издании Русского археологического общества (Севастьянов, 1859. С. 257–261). В докладе предлагалось снаряжать экспедиции в монастыри Европы и Азии с целью фотографического воспроизведения памятников из собраний монастырских библиотек. Фотоснимки П. И. Севастьянова демонстрировались

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7. Музей истории СПбГУ. Адрес электронной почты: iltikhonov@mail.ru.

на специальных выставках в Московском университете и Румянцевском музее, в Синоде и Академии художеств в Петербурге.

Если говорить не о книжных или рукописных собраниях, то ранее всего в объектив фотокамеры стали попадать архитектурные сооружения. Так, одним из первых памятников отечественной фотографии, представляющих культуру Древней Руси, является «Альбом видов и древностей новгородских, снятых фотографами Генерального штаба в 1862 году». Через десять лет к Политехнической выставке, прошедшей в 1872 г. в Москве, был создан «Туркестанский альбом», который включал в себя четыре части: 1) археологическую; 2) этнографическую; 3) промысловую и 4) историческую. С 1882 г. стал вести фотосъемку памятников русской старины И. Ф. Барщевский. В 1888 г. Русское археологическое общество присудило ему малую серебряную медаль «за фотографический альбом снимков с важнейших русских памятников» (Веселовский, 1900. С. 201).

Впервые среди отчетов, присылаемых в Археологическую комиссию, отдельные фотографии находок появляются в отчетах директора Керченского музея А. Е. Люценко еще в 1860-е гг. (ИАК, 2009, приложение. С. 13–16), но это скорее исключение, поскольку в других отчетах они практически не встречаются. Более широко фотография начинает использоваться в полевой археологии для фиксации обнаруженных объектов и для съемки отдельных предметов древности в 1880-е гг. Так, в печатном «Отчете Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг.», изданном в 1891 г., помещены четыре фотоснимка украшений деревянного саркофага, найденного в 1882 г. в кургане близ Анапы (ОИАК, 1891. С. 49). В середине 1880-х гг. фотографии уже нередко фигурируют в отчетах о полевых исследованиях. Например, мы можем встретить их в отчете Н. Е. Бранденбурга о раскопках в Старой Ладоге или рапорте Е. Д. Фелицына об исследованиях дольменов на Кавказе (ИАК, 2009. С. 690, 852). В методическом руководстве по производству раскопок, составленном А. А. Спицыным в 1895 г., несмотря на то что некоторое количество фотографий в нем присутствует, фотографирование как способ фиксации упоминается только дважды: при описании приемов внешнего осмотра городищ и копировании надписей и изображений на скалах (Спицын, 1895. С. 59, 69).

При раскопках Херсонеса, начатых Археологической комиссией в 1888 г., практически сразу же стала применяться фотография. Первое упоминание о сделанной для отчета фотографии относится к февралю

1889 г. — какому-то не названному в финансовой ведомости фотографу было уплачено 6 рублей за два снимка восковых слепков (это были слепки террактотных головок, найденных в 1888 г. в мастерской античного скульптора). Летом 1889 г. во время своего путешествия по Крыму и Кавказу раскопки Херсонеса посетил Я. И. Смирнов, сделавший серию фотоснимков. В апреле следующего года он писал руководителю раскопок К. К. Косцюшко-Валюжиничу: «Я должен извиниться, что не все посылаемые отпечатки вышли одинакового достоинства, занимаясь фотографией менее года, я не вполне овладел еще довольно сложной операцией управления тонами оттисков, почему они и вышли зеленоватыми» (Фотография в Херсонесе).

В 1890-е гг. фотография начинает прочно входить в арсенал археологов. В Археологической комиссии фотододело наладил В. Г. Дружинин, ставший с 1889 г. ее сотрудником (Длужневская, 2007. С. 245–247; Тихонов, 2010. С. 421–422). В то же время следует воздержаться от категоричных утверждений о том, что якобы «уже с середины XIX в. археологи повсеместно старались "дублировать" свои чертежи и рисунки фотографиями, законно претендующими на большую объективность» (Зайцева, 2014. С. 11). Фотография еще не стала обязательным элементом фиксации, но в пособии по производству археологических разведок, изданном в 1908 г., А. А. Спицын уже говорит о том, что «весьма желательно иметь чертежи описываемых курганных групп и фотографические снимки как общего вида курганов, так и детальные» (Спицын, 1908. С. 20). Только в начале XX в. фотоснимки стали все чаще сопровождать отчеты о полевых исследованиях в публикациях археологов.

Какие же аспекты информации, значимые для истории археологии, можно извлечь из старых фотоснимков и негативов? В первую очередь, это сведения об уровне методики полевых исследований и приемах, применяемых при раскопках. По фотоснимкам можно судить о качестве и тщательности их ведения. Рассматривая фотографии раскопок Н. И. Веселовского, как, впрочем, и многих других исследователей того времени, мы видим, что очень часто не соблюдается принцип послойного углубления. Насыпи больших курганов раскапывались траншеями, когда значительные их части не исследовались. Используются способы обрушения больших фрагментов насыпи, прокладки узких «мин» с целью скорейшего обнаружения гробницы или центрального погребения в кургане (рис. 1; 2). В некоторых случаях фотография раскопа свидетельствует о несоблюдении правил уже выработанной методики. Так, фото раскопок В. И. Равдоникаса в первой половине

Рис. 1. Раскопки Чмырёва кургана (НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, 1898 г., д. 76, л. 45).

Fig. 1. Excavations of Chmyrev kurgan (Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Department, archive group 1, 1898, file 76, sheet 45).

Рис. 2. Раскопки Чмырёва кургана (НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, 1898 г., д. 76, л. 53).

Fig. 2. Excavations of Chmyrev kurgan (Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Department, archive group 1, 1898, file 76, sheet 53).

1930-х гг. демонстрируют явные небрежности в их ведении (рис. 3).

Полевые снимки показывают, как постепенно вырабатывалось представление о том, что нужно снимать. Например, Ф. А. Браун при раскопках на Мангупе в 1890 г. делает целую серию панорамных фотографий возвышающейся над земной поверхностью цитадели городища с развалинами дворца, но только два снимка из 19, приложенных к отчету, отражают результаты его собственных исследований. Эти две фотографии изображают найденные во время раскопок архитектурные детали (рис. 4) и апсиду открытого октагонального храма (рис. 5). Во время его же раскопок кургана Чмырёва могила в 1898 г. фотографируются несколько общих планов кургана до раскопок и в ходе таковых, есть заснятые рабочие моменты, запечатлен весь раскопачный коллектив, а фотографии главного обнаруженного объекта в насыпи — захоронения коней с богатой упряжью — нет. То же самое можно сказать и об использовании фотографии при раскопках в 1913 г. кургана Солоха Н. И. Веселовским. Снимков довольно

много, они хорошо известны и не раз публиковались (ИАК, 2009. С. 475–479; Тихонов, 2003. С. 161). Среди фотоснимков есть общие виды раскопок, снимки, запечатлевшие скудный полевой быт ученых, фото А. А. Бобринского в одной из камер кургана; есть фото некоторых находок, как то тележки-жаровни и крупных сосудов *in situ*, есть фото всей большой «кучи» находок. А фотографии главного — самого расчищенного царского погребения — нет! Ее отсутствие породило многочисленные споры о местоположении отдельных вещей в могиле, поскольку тексты отчета и различные чертежи и зарисовки противоречили друг другу (Манцевич, 1987. С. 18). Представление о необходимости фотосъемки всех этапов раскопок и, особенно, полностью расчищенных важных объектов утверждается только в первой трети XX в.

В публикациях археологов фотографии появляются в 1880-е гг. В предшествующих этому времени изданиях, например «Древностях Геродотовой Скифии», выпущенных Археологической комиссией в 1866 и 1873 гг., все иллюстрации выполнены художником

Рис. 3. Раскопки В. И. Равдоникаса. Стоянка Вознесенье (Музей истории СПбГУ).

Fig. 3. Excavations headed by V. I. Ravdonikas. Site of Voznesenye (Museum of History of the St. Petersburg University).

Рис. 4. Архитектурные детали. Раскопки Ф. А. Брауна на Мангуле в 1890 г. (НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, 1890 г., д. 40, л. 38).

Fig. 4. Finds of architectural parts. Excavations headed by F. A. Braun in Mangup in 1890 (Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Department, archive group 1, 1890, file 40, sheet 38).

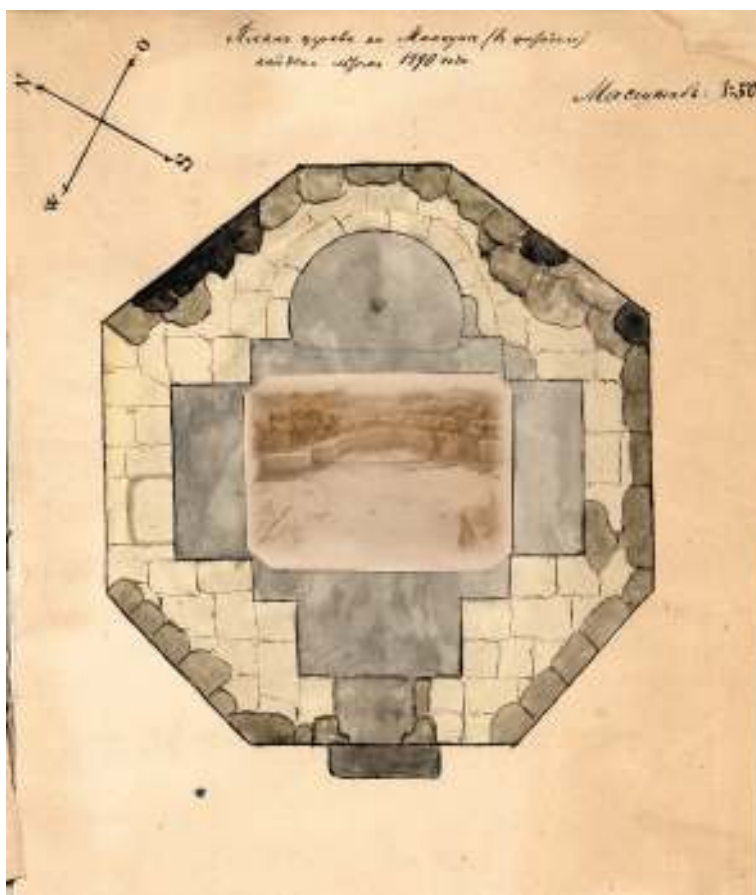

Рис. 5. План церкви на Мангуле. Раскопки Ф. А. Брауна 1890 г. (НА ИИМК РАН. РО, ф. 1, 1890 г., д. 40, л. 34).

Fig. 5. Plan of the church in Mangup. Excavations headed by F. A. Braun in 1890 (Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Department, archive group 1, 1890, file 40, sheet 34).

комиссии Иваном Медведевым. А в книге А. С. Уварова «Археология России. Каменный период» 1881 г., помимо многочисленных рисунков, присутствует несколько «Фото-Гравюр» с изображением черепов из Волосово и Фатьяново, выполненных в известной московской фотомастерской «Шерер, Набгольц и К°». Аналогичные снимки черепов, сделанные там же, представлены в книге А. А. Иностранцева 1882 г. Помимо фотографий черепов, есть и несколько снимков костяных и каменных предметов, найденных при строительстве Ново-Ладожских каналов. Все вместе они составляют 12 таблиц, которыми и заканчивается книга.

В изданиях Археологической комиссии, в частности в ее «Отчете за 1882–1886 гг.», представлены четыре фотографии деревянных скульптур нереид, служивших украшением саркофага, найденного в склепе большого кургана, раскопанного в 1882 г. к северу-западу от Анапы (ОИАК, 1891. С. 47, 49, 54, 59). В отчете комиссии за 1889 г. уже можно найти целую серию иллюстраций находок, в основе которых лежит фотоснимок. В отчете за 1895 г. появляются два снимка не только отдельных предметов, но и фотографии стенки раскопа в Херсонесе для демонстрации мощности культурного слоя и погребальной глиняной урны в положении *in situ* в раскопках под Анапой (ОИАК, 1897. С. 100, 136). Но во многих случаях фотографии не подаются в печатный «Отчет», даже если они были сделаны в процессе исследования. Так, например, как указывалось выше, Ф. А. Браун сделал несколько фотоснимков во время раскопок на Мангупе в 1890 г., но в издании отчета комиссии за этот год мы их не увидим. Также нет и полевых фотографий в публикации информации о его раскопках 1898 г., хотя в это время уже большинство изображений находок в «Отчетах» комиссии делалось с помощью фотографии. В первом томе издания председателя Императорской археологической комиссии графа А. А. Бобринского «Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы», вышедшем в 1887 г., фотографий еще нет, но они появляются во втором томе, увидевшем свет в 1894 г.

В путеводителях или каталогах по археологической экспозиции Императорского Эрмитажа фотографии появляются только в 1890-е гг. Так, в издании 1886 г. никаких иллюстраций нет вообще, а в подготовленном в 1891 г. Н. П. Кондаковым «Указателе отделения Средних веков и эпохи Возрождения» они уже присутствуют. Важнейшей особенностью, отличной от предыдущих изданий четвертого издания каталога древней скульптуры, выпущенного Г. Е. Кизерицким в 1901 г., является как раз фотография каждого про-

изведения, включенного в каталог. Там же мы можем увидеть несколько снимков, показывающих расстановку скульптур в отдельных залах, что помогает составить представление о характере экспозиции музея. О сложности и длительности работы по подготовке иллюстраций Г. Е. Кизерицкий писал в предисловии: «Снятие фотографий со статуй по поводу иллюстраций каталога было очень затруднительно, вследствие недостаточного освещения в залах музея древней скульптуры Императорского Эрмитажа; поэтому пришлось снимать большую часть предметов при свете магния. Приготовление фотографий и автотипий с них продолжалось почти год» (Кизерицкий, 1901. С. X).

Фотография часто оказывается незаменимым источником для реконструкции состава и характера музейных экспозиций и выставок. Так, альбом «Виды Антропологической выставки в Москве 1879 г.», выпущенный Комитетом выставки и изготовленный «Фото-литографией Шерер, Набгольц и К° в Москве», является прекрасным дополнением к описанию выставки, подготовленному под редакцией А. П. Богданова и выпущенному московским Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1879–1880 гг. Визуальный анализ фотографий выставок Императорской археологической комиссии позволяет увидеть отдельные разделы экспозиции и приемы, использовавшиеся при ее подготовке. Например, хорошо видна повсеместно распространенная в то время практика нашивания вещей на планшеты. Фотографии археологической экспозиции академического Музея антропологии и этнографии демонстрируют совершенно иной характер этой экспозиции по сравнению с Императорским Эрмитажем. Она ставила своей основной задачей показ эволюционного развития культуры человека с древнейших времен до исторических эпох и служила как бы введением к этнографическому разделу экспозиций. Соответственно этой задаче демонстрировались рядовые вещи, орудия труда, начиная с палеолитической эпохи, а не яркие произведения древнего искусства. На фотографиях хорошо видно, что витрины максимально насыщены каменными орудиями, лепной керамикой, т. е. такими материалами, которых практически не было в императорском музее. Фотографии выставки Эллино-скифского отделения Государственного Эрмитажа, устроенной в 1927 г., показывают, что она была создана уже по иным принципам и демонстрировала цельные археологические комплексы для иллюстрации процессов культурно-исторического развития. Вместе с подлинными артефактами там присутствовали и дидактические материалы: чертежи, схемы, фотографии.

В путеводителе по Артиллерийскому музею на вклейке между страницами 128–129 помещена фотография с изображением витрины, содержащей взятое *in situ* погребение кочевника с конем. Это был один из первых опытов в отечественной музейной практике экспонирования целого погребения, взятого единым монолитом (Путеводитель, 1912. С. 128).

Нередко фотография способна зафиксировать информацию, которая не отражается в иных источниках. Например, мы бы вряд ли знали полный состав слушателей первого курса по русской археологии, прочитанного А. А. Спицыным в 1909–1910 уч. г. в Петербургском университете, если бы они не оказались запечатлены на фото (рис. 6). Среди студентов можно найти будущих известных историков — профессоров Ленинградского университета С. Н. Валка и Б. А. Романова. Эта фотография — единственный источник сведений о том, что они посещали занятия А. А. Спицына по археологии.

Портретные фотографии исследователей прошлого необходимы для визуализации их образов. С недоумением приходилось встречать в научных публикациях выражения типа: «В. В. Гольмстен писал». Наверно, если бы автор подобных строк хоть раз видел портрет Веры Владимировны Гольмстен, таких ошибок не было бы. Фотография Н. Я. Марра в «генеральской» форме, сделанная в 1916 г. по случаю его экспедиции в Ванскую область, занятую русскими войсками, породила тиражируемую легенду о присвоении ему генеральского звания (рис. 7). На самом деле, если внимательно рассмотреть погоны на этой фотографии, можно увидеть, что это погоны действительного статского советника, каковым с 1914 г. являлся Н. Я. Марр. Гражданские чиновники, находясь в действующей армии, должны были одеваться в свою форму, которую в мирное время они обычно не носили.

В некоторых случаях фотоизображение способно нести информацию о личных пристрастиях и даже полити-

Рис. 6. А. А. Спицын со студентами. 1909–1910 учебный год (Музей истории СПбГУ. Кл. 590.89).

Fig. 6. A. A. Spitsyn with students. 1909. Archives of the Museum of History of the St. Petersburg University.

Рис. 7. Н. Я. Марр в мундире действительного статского советника, в сопровождении жены (Музей истории СПбГУ. А 32).

Fig. 7. N. Ya. Marr in the uniform. Archives of the Museum of History of the St. Petersburg University.

ческих убеждениях персонажа. Так, на групповой фотографии профессоров историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, сделанной в 1913 г., фигура М. И. Ростовцева заметно выделяется и безбородым лицом, и костюмом. Активный деятель партии кадетов, убежденный «западник» облачен в пиджак европейского вида, в то время как остальные профессора — в традиционные сюртуки.

Подводя итоги, нужно заметить, что фотография может быть важным и часто незаменимым источником для истории археологии. Причем речь может идти не только о снимках, представляющих фотофиксацию движимых и недвижимых археологических объектов, но и о фотографиях, которые привыкли называть «бытовыми». Последние также являются значимым источником сведений о различных сторонах деятельности археологов прошлого. Соответственно, они должны быть сохранены, учтены, оцифрованы и, по возможности, опубликованы или доступны через интернет. В этом плане необходимо отметить большую коллекцию фотоматериалов, выставленную на сайте Государственного историко-археологического заповедника «Херсонес Таврический» (Открытие Херсонеса Таврического). Она отражает и полевые исследо-

вания Херсонеса в конце XIX — первой половине XX в., и содержание и характер экспозиций местного музея, и лица сотрудников заповедника, являясь важным пособием для всех изучающих или интересующихся историей археологического изучения такого значимого археологического памятника.

Литература и источники

- Веселовский, 1900* — *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб., 1900.
- Головина, 2016* — *Головина О. С.* Исторические памятники Древней Руси в дореволюционной отечественной фотографии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.
- Дагерротип, 2012* — *Дагерротип: каталог коллекции / Н. Ю. Аветян, Г. А. Миролюбова, Т. А. Петрова; Государственный Эрмитаж.* СПб., 2012.
- Длужневская, 2005* — *Длужневская Г. В.* Древности восточной части Евразии в материалах Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2005.
- Длужневская, 2006* — *Длужневская Г. В.* Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2006.

- Длужневская, 2007* — Длужневская Г. В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. 2007. № 14.
- Длужневская, 2008* — Длужневская Г. В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): автореф. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008.
- Длужневская, 2011* — Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011.
- Зайцева, 2014* — Зайцева О. В. 3D революция в археологии // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4.
- ИАК, 2009 — Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2009.
- Кизерицкий, 1901* — [Кизерицкий Г. Е.] Императорский Эрмитаж. Музей древней скульптуры. Музей древней скульптуры. Четвертое издание исправленное и дополненное с 436 автотипиями. СПб., 1901.
- Манцевич, 1987* — Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.
- ОИАК, 1891 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб., 1891.
- ОИАК, 1897 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1897.
- Открытие Херсонеса Таврического. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.discovering.chersonesos.org/ru/main/> (дата обращения: 21.11.2017).
- Путеводитель, 1912 — Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. Составил Д. П. Струков. СПб., 2012.
- Севастьянов, 1859* — Севастьянов П. И. О светописи в отношении археологии // Известия ИРАО. СПб., 1859. Т. 1; вып. 5.
- Спицын, 1895* — Спицын А. А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895.
- Спицын, 1908* — Спицын А. А. Археологические разведки. СПб., 1908.
- Тихонов, 2003* — Тихонов И. Л. Раскопки Солохи: рассказ участника (Из рукописи А. А. Бобринского) // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2003.
- Тихонов, 2010* — Тихонов И. Л. Воспоминания В. Г. Дружинина о А. А. Спицыне // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2 / ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М., 2010.
- Фотография в Херсонесе в период раскопок Императорской Археологической комиссии (1888–1914 гг.) [Электронный ресурс] // Археологи и фотографы на раскопках Херсонеса Таврического в конце XIX–XX в. URL: <http://www.archaeo-photo.chersonesos.org/history/> (дата обращения: 21.11.2017).

И. Л. Тихонов

О роли фотографии в изучении истории археологии

В статье рассматривается роль и возможности фотографии в изучении истории археологии. Широкое применение фотографии в российской археологии началось только в последнее десятилетие XIX в. Фотография стала применяться как способ фиксации процесса и результатов раскопок и иллюстрации для публикаций археологов. В настоящее время старые

фотографии являются одним из источников для изучения истории археологии. Этот вид источников несет информацию об уровне полевой методики и качестве проведения раскопок, о характере музейных экспозиций и выставок. Анализ визуализации находок и образов археологов прошлого также способствует изучению истории отечественной археологии.

I. L. Tikhonov

Role of photography in studies of the history of archaeology

This paper discusses the role and possibilities of photography in studies of the history of archaeology. The wide application of photography in Russian archaeology began only in the last decade of the 19th century. Photography was used as the means of recording the process and results of excavations as well as for illustration of archaeological publications. Presently, old photographs are among the

sources for studies of the history of archaeology. This kind of information sheds light on the level of field methods and the quality of the conduction of excavations as well as the character of the museum expositions and exhibitions. Analysis of the visualization of finds and persons of archaeologists of the past also promotes the studies of the history of national archaeology.

Е. В. Бархатова¹

Приглашение в Сибирь: ранний фотопроект книгопродавца Карла Риккера

Ключевые слова: *Амур, Восточная Сибирь, Гофман, Западная Сибирь, Ланин, Риккер, фон Брандис, Урал.*

Keywords: *Amur, Eastern Siberia, Hoffmann, Western Siberia, Lanin, Ricker, von Brandis, Urals.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-194-199

В 1870 г. в Петербурге, в известном магазине Карла Риккера, специализировавшемся на продаже научных книг по медицине, гигиене и естествознанию, появилось новое издание — пятитомный альбом «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал». Никакого текста в томах не было — только 371 фотография с параллельными подписями на английском и русском языках. Тираж издания разделялся: часть альбомов имела обложку с заглавием на английском языке, а другая — на русском. Появление двуязычного издания у Риккера не было необычным делом: этот магазин, существовавший в русской столице еще с 1853 г. (в 1853–1861 гг. — магазин А. Мюнкса), торговал главным образом литературой на немецком, английском, французском и других языках. Тот факт, что Риккер, который был комиссионером Медицинской академии, поставщиком Императорской Публичной библиотеки и Императорской академии наук, не просто продавал данный пятитомный альбом, а был его издателем, и особенно то обстоятельство, что все пять томов состояли лишь из наклеенных на бумагу фотоотпечатков, справедливо расценивать как новацию в книжном деле России того времени. Именно так и считали современники, отмечая в статье, посвященной 25-летию деятельности Карла Риккера: «Мы не можем не указать как на редкость нашей русской издательской деятельности — на издание сочинения "Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал", 5 томов с 371 оригинальными фотографиями, один экземпляр которого стоит 450 рублей» (Книжный вестник..., 1886. С. 5).

Во многих странах в это время альбомы с фотографиями, особенно видовыми, снятыми во время далеких путешествий, стоили недешево, но были популярны.

В течение всего нескольких лет после обнародования Л. М. Ж. Дагером в августе 1839 г. подробностей изо-

бретенного им фотографического процесса стали предприниматься попытки размножить на бумаге, тиражировать полученный в камере-обскуре на металлической пластине единственный, подлинно документальный снимок. В 1842 г. француз Л.-Д. Бланкар-Эввар одним из первых стал издавать тетрадями «Дагерротипные экскурсии», на листах которых были воспроизведены с помощью акватинты полученные фотографическим путем изображения.

Усовершенствовал метод калотипии (печать с бумажного негатива), который изобрел англичанин Г. Ф. Тальбот, считающийся еще одним родоначальником фотографии, Бланкар-Эввар в 1852 г. выпустил альбом «Египет, Нубия, Палестина и Сирия. Фотографические рисунки, собранные в 1849, 1850 и 1851 годах ... Максимом Дюканом», в котором были воспроизведены 125 видовых снимков. Еще один образец раннего фотографического издания — вышедшие в 1854 г. в Дрездене три тетради со снимками Акрополя и памятников Афин, сделанные немецким мастером А. Ф. Опшенгеймом.

В России также был задуман аналогичный проект: владелец открытого в 1842 г. первого в столице портретного фотоателье Альфред Давиньон предпринял попытку подготовить альбом «Дагерротипные прогулки по России». В нем он собирался воспроизвести с помощью литографии снимки с изображением городов и сел, памятников архитектуры, быта народов, населяющих просторы Российской империи. Для этой цели Давиньон совершил в 1843 и 1844 гг. поездки по разным губерниям, добравшись до Сибири. Деньги для столь далекого путешествия Давиньон зарабатывал портретной съемкой, и в процессе этого достаточно уже традиционного занятия фотограф запечатлел декабристов, живущих в сибирской ссылке. Эти «государственные преступники» послали родственникам по почте свои дагерротипные изображения, но их перехватила бдительная полиция. III Отделение даже завело дело против Давиньона, и вскоре после столь неприятного инцидента он уехал во Францию. Так

¹ 191069, Россия, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.
Российская национальная библиотека. Отдел эстампов.
Адрес электронной почты: e.barkhatova@nlr.ru.

этому грандиозному по масштабам «русскому проекту» не суждено было осуществиться.

Однако в 1850-е гг. на петербургском книжном рынке — в магазинах Исакова, Дюфура, Ратькова, Бабунова, в эстампных заведениях Дациаро и Фельтена — наряду с продажей отдельных снимков (например, петербургских фотопейзажей Дж. Бианки, который с 1852 г. работал в Северной столице, или видов Москвы, снятых саксонским мастером Ф. Мебиусом) стали продаваться уже целые фотоиздания — в виде тетрадей, папок со снимками, альбомов. Это было знамение времени: во всем мире в это время стали популярны фотоиздания, которые с успехом продавались туристам и в которых запечатлевались не только виды разных стран, но и экспонаты европейских музеев².

Многие современники считали, что «скоро все так называемые роскошные издания будут появляться не иначе как с фотографическими иллюстрациями» (Петербургская летопись, 1859. С. 516). Именно поэтому в 1856 г. директор Императорской Публичной библиотеки в Петербурге М. А. Корф отмечал: «Особенно важно приобретение произведений фотографических, столько же оригинальными листками, сколь и цельными изданиями <...> передающих копии с замечательнейших произведений архитектуры, скульптуры и гравюры, виды примечательных местностей и археологических памятников» (Корф, 1857. С. 87–88).

В том же 1856 г. фонды библиотеки пополнились серией фотопортретов русских литераторов, преподнесенных в дар С. Л. Левицким и А. И. Шпаковским, а в 1859 г. — тетрадь из 10 листов под названием «Фотографические виды Иерусалима и его окрестностей», которую издал А. Н. Яныш. Критик В. В. Стасов считал автором снимков самого Яныша, подчеркивая, что его тетрадь «является редким примером русских снимков с видов и памятников дальних стран» (Стасов, 1885. С. 3)³. В своем каталоге «Фотографические

² Их количество благодаря интенсивному строительству железных дорог в это время значительно увеличивается. Об этом писали современники: «Удобства и быстрота новых путей сообщения дозволили огромной массе наглядно ознакомиться с лучшими произведениями искусства. В прежние времена это было делом решительно невозможным. Ныне миллионы людей из всех стран видели Кёльнский собор и Сикстинскую мадонну Рафаэля. Каждому хочется привезти домой изображения виденных чудес искусства... Новейшие изобретения <...> стремятся содействовать этой популярности... К замечательнейшим из них принадлежит фотография» (Герц, 1858. С. 154–155).

³ Хотя в рецензии, опубликованной в «Светописи», утверждалось, что Яныш переснял виды Иерусалима с фотографий иностранных мастеров, Стасов в каталоге называл автором альбома самого Яныша,

и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки», вышедшем в 1885 г., Стасов указал на «технические достоинства» кадров Яныша, которые даже через 25 лет не побледнели и не выпцвели, имеют «тон» и отличаются «отчетливостью подробностей». Стасов предполагал, что «малый сбыт и недостаток средств» помешали Янышу продолжить выпуск следующих тетрадей (Там же).

Один из первых в стране фотокритиков Стасов не случайно гордился русским происхождением этой серии — было еще крайне мало отечественных фотомастеров, публиковавших свои кадры и занимавшихся их продвижением на книжный рынок.

Между тем за появлением на нем новаторских для того времени фотоизданий современники следили со вниманием. Например, в 1859 г. в журнале «Светопись» сообщалось, что в продаже появился альбом «Виды Петербурга и его окрестностей» со снимками фотографа Омо (Библиография, 1859. С. 66). Этому иностранному мастеру, имевшему ателье в Москве, но запечатлевшему достопримечательности Северной столицы, которые, по всей видимости, имели шанс успешного сбыта, конкуренцию в том же 1859 г. составлял и другой иностранец — французский фотограф П. А. Ришбур. Он сопровождал знаменитого писателя Теофиля Готье, в 1858 г. предпринявшего путешествие в далекую Россию. Было объявлено о подготовке этим французским тандемом иллюстрированного фотоиздания под названием «Trésors d'art de la Russie ancienne et moderne». В «Светописи» публиковались анонсы о планируемом издании: «...с помощью светописи уверим в действительности существования странной и удивительной церкви Василия Блаженного, которая кажется грезой... Мы заставим изумленную Европу уверовать — дагерротип ведь не лжет — и в патриаршие и царские сокровища» (Смесь, 1859. С. 24–25). Интересно реакция русской прессы на эти типично французские рекламные ухищрения: «В разосланной программе, написанной довольно кудряво и вычурно, сказано, что цена назначена в 400 рублей серебром <...> издание будет печататься только на одном французском языке. Кто в состоянии платить такие цены?» (Хроника, 1859. С. 239).

В 1859 г. в Париже с помощью гелиографии были изданы четыре большеформатные тетради с текстом Готье и снимками Ришбура, посвященные Исаакиевскому собору (12 листов), Мариинскому дворцу (14 ли-

с которым был знаком лично. Известно, что Яныш подарил библиотеке свой альбом со снимками, в котором Стасов написал: «Первый опыт фотографии г. Яныша. Подарена им самим в июне 1858 г.».

стов), памятнику Николаю I (5 листов) в Санкт-Петербурге, а также Екатерининскому дворцу (15 листов) и Арсеналу (14 листов) в Царском Селе. Издание, как сообщалось на обложках, выходило под патронатом русского императора Александра II и императрицы Марии Александровны, что, с одной стороны, добавляло ему дополнительное значение и, как следствие, увеличивало экономическую составляющую всего проекта, а с другой — способствовало укреплению за рубежом престижа российской культуры.

Высокая цена фотоиздания Готье и Ришбура, которая была отмечена современниками, соотносится с ценой альбома «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал», выпущенного в свет спустя десятилетие — в 1870 г. Карлом Риккером. 450 или даже 500 рублей, заплаченные Императорской Публичной библиотекой за экземпляр пятитомника Риккера, были очень серьезными деньгами (Стасов, 1885. С. 7). Однако следует заметить, что это издание в сравнении с помпезными тетрадами Готье — Ришбура было значительно объемнее — в пяти томах был 371 снимок. Существенно богаче оно было и по содержащейся визуальной информации, касающейся не отдельных столичных памятников, а обширнейших территорий за Уральским хребтом, куда путешественникам, особенно иностранцам, добираться было намного труднее, чем в Петербург. Если французы использовали как дополнительную рекламу покровительство русского царя, то проект Риккера был его сугубо частным делом, не отягощенным никакими официальными предпочтениями и не решавшим, на первый взгляд, никаких политических задач.

Однако достоверные изображения далеких сибирских городов и земель, о богатстве которых ходили легенды, демонстрация начинавших осваиваться русскими обширных территорий на Дальнем Востоке, на границе с Китаем, были весьма важны для общемирового развития, а также интересны для развивающегося быстрыми темпами в то время русского и иностранного капитала. Имея в виду эти, несомненно, имевшие политические последствия задачи, Риккер создал двуязычное, русско-английское иллюстрированное издание, ставшее одним из первых актуальных визуальных источников своего времени.

Фамилия фотографа не указана ни в одном из пяти томов альбома «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал». Однако есть все основания считать едва ли не основным создателем этого издания замечательного мастера — Владимира Васильевича Ланина, снимки которого преобладают в первом томе

«Амур» и в третьем томе «Восточная Сибирь, вторая часть». Доказательством для этого утверждения служит трехтомный «Альбом Амура и Уссурийского края», который хранится в Российской национальной библиотеке. Все его 154 снимка являются редкими образцами авторской позитивной печати. На них можно увидеть корабли в гавани Владивостока, станицу Хабаровку, ставшую сейчас крупным мегаполисом, выразительные этнографические кадры. Подкупает, однако, не только экзотичность запечатленных персонажей, но и умение фотографа выбрать психологически интересную модель. Значительное место уделено китайским купцам, приказчикам и банкирам, с которыми, видимо, Ланин поддерживал торговые отношения; зафиксирована пограничная с Россией Кяхта, отделенная скромным шлагбаумом. На каждом снимке стоит личная печать (штамп) фотографа — «В. В. Ланин на Амуре», что является большой редкостью в ранней русской фотографии.

Ланин, чьи снимки, по мнению В. В. Стасова, «почти вовсе не получили распространения вне Сибири» (Там же), происходил из сибирских купцов, которые начали активно проникать на Амур после окончательного размежевания границ с Китаем по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам. Предприимчивый коммерсант, Ланин занимался развозной торговлей, продавая товары прямо с лодок по берегам Амура, а зимой — передвигаясь по реке на собачьих упряжках. Он много времени проводил в тайге с поисковыми партиями, а в конце 1850-х гг. судьба свела его с участниками экспедиции Императорского Русского географического общества во главе с ботаником и геологом Ф. Б. Шмидтом, который и приобщил Ланина к фотографии. В 1862 г. Ланин открывает фотоателье в Николаевске-на-Амуре. Он стал родным городом фотографа, который в 1870–1875 гг. был там городским старостой. Приморские исследователи пишут, что Ланин мог сблизиться с французами Евгением и Эмилем Нино, которые останавливались в Николаевске в 1865 г. и открыли свой торговый дом. Эмил Нино был еще и фотографом, членом Парижского географического общества и публиковал свои снимки и заметки о Сибири в журнале «Correspondance» (Свой след..., 2012).

Дальневосточные исследователи справедливо пишут об обязательном знакомстве Ланина с заезжими французами, которые не могли не обогатить его в той или иной форме европейским опытом. Тем более что Ланин также сотрудничал с Русским географическим обществом, для которого снимал не только природу края, но и его коренных жителей — гиляков, тунгусов,

айнов, гольдов и предметы их шаманского культа. Кадры с представителями этих этносов составляют второй том ланинского «Альбома Амура и Уссурийского края». В его первом томе опубликованы четыре снимка, которые можно видеть и в пятитомнике Риккера. Сравнение показывает полную идентичность следующих кадров: «Благовещенск» (Риккер, «Амур», т. 1, № 15 — Ланин, «Альбом Амура...», т. 1, № 4); «Часовня под дубами в Михайлосеменовской станице» (Риккер, «Амур», т. 1, № 29 — Ланин, «Альбом Амура...», т. 1, № 6); «Дом адмирала в Николаевске» (Риккер, «Амур», т. 1, № 57 — Ланин, «Альбом Амура...», т. 1, № 26); «Гиляк» (Риккер, «Амур», т. 1, № 51 — Ланин, «Альбом Амура...», т. 3, № 1). Ввиду авторского штампа Ланина все эти фотографии, бесспорно, принадлежат ему и отпечатаны с негативов этого фотографа. Риккер, конечно же, использовал в своем пятитомнике и другие снимки Ланина, посвященные Сибири и Дальнему Востоку, где Ланин активно работал.

Интересно отметить, что с первых из трех перечисленных «эталонных» негативов Ланина отпечатаны и другие три позитива, которые входят в состав коллекции, хранящейся в фотоархиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН, ФО, Q 173; Q 174). Она происходит из собрания Мраморного дворца и состоит из 107 снимков, сделанных в Сибири и на Дальнем Востоке. В подавляющем большинстве эти кадры идентичны иллюстрациям из первого и третьего томов альбома Риккера. Однако отпечатаны они в гораздо большем формате, значительно сильнее отретушированы и тщательно раскрашены, а также наклеены на одинаковые фирменные паспарту с золотыми виньетками. Это необычное, репрезентативное оформление всей коллекции может объяснить архивный документ, опубликованный приморскими исследователями (Свой след..., 2012).

Собственноручное письмо В. В. Ланина от февраля 1875 г. сообщает, что фотограф подготовил альбом видов и типов Приамурского края для Великого Князя Алексея Александровича, побывавшего там с визитом в 1873 г. В память об этом важном событии — первом после присоединения этой территории к России ее посещении августейшим членом царской семьи — Ланин специально и напечатал серию снимков. Какие-то кадры он, судя по письму, даже снял специально, проехав по историческому маршруту Великого Князя, но большинство снимков уже имелось, вероятнее всего, в фотоархиве Ланина — это были лучшие композиции, ранее оцененные и выбранные для печати Риккером. Они, несомненно, продавались туристам, воспроизводились в периоди-

ке. В письме Ланин отмечает, что «по недостатку технических знаний фотографа-самоучки и по неимению здесь даже потребных материалов работа моя сама по себе слишком далека от того, чтобы быть удостоенной этого высокого внимания», вследствие чего просит военного губернатора Приморской области А. Е. Кроуна «поднести» подарок Великому Князю.

С большой долей вероятности можно утверждать, что именно эта «подносная» серия памятных снимков Ланина оказалась после революции в архиве ГАИМК, где сосредоточились многие фотоматериалы из библиотек членов семьи Романовых. Можно даже предположить, что в обработке ланинских позитивов для подарка принимали участие петербургские специалисты, во всяком случае, в издательстве Риккера за пять лет до создания подносного альбома (в 1870 г.) уже занимались «облагораживанием» ланинских материалов. Сравнение довольно средних по техническому качеству «эталонных» авторских отпечатков со штампом Ланина и фотоиллюстраций из пятитомника Риккера свидетельствует о серьезном вторжении в первоначальный кадр посторонней руки. Скорее всего, издательские мастера обрабатывали или «доводили» ланинские негативы, то есть ретушировали их, убирали пятна, рисовали растения на переднем плане, облака на небе или повозку в центре композиции. С таких «правленных» негативов печатался затем тираж бумажных позитивов — это было распространенной практикой того времени.

Как явствует из каталога Стасова, трехтомный ланинский «Альбом Амура и Уссурийского края» доставил в Петербург приезжий с Амура купец в 1871 г. Но далее Стасов допускает путаницу в датах, отмечая: «коллекция эта, снятая с природы местным фотографом В. В. Ланиным в 1875–1876 гг.» (Стасов, 1885. С. 8). Уникальные снимки дальневосточного фотографа Ланина не могли быть сделаны после 1871 г. (год приобретения альбома в библиотеку), а только до 1871 г., а еще вернее — до 1870 г., когда вышел пятитомник Риккера. Скорее всего, Ланин снимал во второй половине 1860-х гг., а для купленного в 1871 г. трехтомного альбома уже в библиотеке были сделаны новые крепкие переплеты с яркими до сих пор золочеными надписями «Альбом Амура и Уссурийского края. 1875–1876». Дата, видимо, поставленная переплетчиком, могла ввести в заблуждение Стасова, который издал свой каталог значительно позже, в 1885 г.

Однако Стасов допускает еще одну непростительную неточность в своем каталоге, не упоминая имени Ланина в связи с риккеровским пятитомником. Более

того, критик утверждает, что снимки для интересующего нас издания были «сняты на месте бароном Брэном и должны были по первоначальному плану быть изданы петербургским фотографом Бауманом, но по недостатку средств у него перешли в собственность книгопродавца Риккера» (Там же. С. 7).

Как нам удалось узнать, в 1860 г. фотография в Петербурге под названием «Политехнографическое заведение», принадлежащая Алексею Бауману, находилась «под ведением барона Брандиса, фотографа из Дрездена и ученика гг. Мейера и Пирсона» (Санкт-Петербургские..., 1860. С. 1201). Скорее всего, Стасов перепутал фамилии Брэна и Брандиса. Исследователи из Архангельска нашли архивные документы, согласно которым в 1860 г. из Вологодской губернии прибыли в Архангельск два фотографа-компаньона: прусский подданный Герман Локке и Карл Вильгельм барон фон Брандис (из Цилле) — австрийский (ганноверский) подданный, кавалер Королевского Ганноверского ордена Гвельфов IV класса, евангелического вероисповедания, 39 лет от роду (*Бронникова*, 2012). Эти сведения могут помочь в дальнейшем поиске данных об этом иностранном мастере, работавшем в России в 1860-е гг.

«Барон Брандис» упоминается и в другом источнике — каталоге Всероссийской этнографической выставки, состоявшейся в 1867 г. в Москве. На эту выставку прислали фотографии из разных регионов страны, и под № 1 в ее каталоге обозначены: «Тунгусы Енисейской губернии» и подпись «От барона Брандиса» (*Указатель...*, 1867. С. 137). От него же получены, согласно каталогу, и другие снимки: № 25 «Остяки на р. Пите, Енисейской губ.»; № 317 «Татарин Султан Шимов, из первопришедших в Сибирь из Каскарии»; № 318 «Коканские князья»; № 385 «Киргиз-Кайсаки». Сразу несколько фотографий каталога (№ 519 — «Сибирский крестьянин из окр. Семипалатинска»; № 520 «Плотник из г. Омска»; № 521 «Сибирский купец в г. Омске»; № 522 «Вид Гавриловского золотого прииска в северной Тайге Енисейской губернии»; № 523 «Зимовье на реке Пите в северной Тайге») имеют одну подпись — «От барона Брандиса». Поскольку в каталоге неоднократно встречается одна подпись для нескольких фотографий, то логично предположить, что все пять снимков (№ 519–523) сделаны бароном Брандисом. Тем более что именно он фотографировал в тех же географических пунктах тунгусов (в Енисейской губернии, № 1) и остяков (на реке Пите, № 25).

Из данных каталога 1867 г. очевидно, что барон Брандис запечатлевал Сибирь, то есть он добирался до этого далекого края, и именно его снимки, скорее

всего, использованы в пятитомнике Риккера. Например, во втором томе «Восточная Сибирь. Первая часть» находятся снимки: № 85 «Остяки на реке Пите, ловящие рыбу», № 87 «Зимовье на реке Пите», № 98 «Кочевые тунгусы со своими оленями». Эти кадры имеют почти те же названия, что и снимки, присланные бароном Брандисом в Москву на этнографическую выставку 1867 г. Логично предположить также, что и следующие кадры из второго тома Риккера: № 86 «Остятское семейство подле их летней юрты», № 100 «Берега реки Пита», — выполнены тем же мастером и тогда же, когда он снимал вышеперечисленные фотографии.

Можно сделать и еще одно предположение — барон Брандис, приславший в Москву «Вид Гавриловского золотого прииска в северной Тайге Енисейской губернии», не мог не снять во время своего далекого сибирского путешествия и другие попадавшие ему на пути прииски, которых достаточно много представлено во втором томе альбома Риккера. Некоторые из панорамных фотографий состоят из двух частей: на них сняты прииски Рязанова (№ 88–92), Григорова (№ 95–96), Паткуля (№ 93), даниловский прииск (№ 99). Также, судя по названиям снимков, присланных на выставку 1867 г., Брандис фотографировал в Семипалатинске и Омске: панорамные виды этих городов, состоящие из двух или трех частей, присутствуют в четвертом томе альбома Риккера «Западная Сибирь».

Во втором же томе «Восточная Сибирь. Первая часть» издатель опубликовал снимки старейшего иркутского мастера А. К. Гофмана. Как утверждается в одном из справочников, Гофман был польским ссыльным, который одним из первых открыл профессиональное фотоателье в Иркутске, где проработал приблизительно с 1858 г. вплоть до 1906 г. (*Попов*, 2013. С. 357). Им сняты уникальные виды города до пожара 1879 г., которые воспроизвел Риккер: панорама Иркутска со стороны Глазковского предместья от Знаменского женского монастыря (№ 130–132), вид западной части Тихвинской площади (№ 134), вид восточной части Тихвинской площади (№ 135), вид Большой улицы в сторону Ангары (№ 136). Иркутские исследователи датируют эти редчайшие снимки 1860-ми гг. (Иркутск..., 2011. № 2, 22, 26, 39)⁴, что логично объясняет их использование Риккером в издании 1870 г.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о нескольких мастерах, предоставивших снимки для пятитомника: в первую очередь о чрезвычайно интересном дальневосточном фотографе В. В. Ланине, а также

⁴ Факты сообщены А. Ю. Литвинцевым, заместителем директора Нерчинского краеведческого музея.

о работавших в 1860-е гг. в Сибири К. В. фон Брандисе и А. К. Гофмане. Это не исключает участия и других фотографов, у которых Риккер мог приобретать негативы для пятитомника 1870 г. и о которых еще предстоит узнать в процессе продолжающегося в разных регионах изучения фотографического наследия местных мастеров.

Роль раннего иллюстрированного издания Риккера также еще недостаточно изучена и оценена историками, а между тем оно предвосхитило такой широко известный фотографический памятник, как «Туркестанский альбом» 1871–1872 гг., созданный по распоряжению генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана на «казенный счет» всего в шести экземплярах. Пятитомник Риккера «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал» был, как уже подчеркивалось, сугубо частным проектом. Оба эти многотомные фотоальбомы Стасов справедливо считал «монументальными» изданиями (Стасов, 1885. С. 6). Однако «Туркестанский альбом» был доступен лишь очень узкому кругу лиц, а издание Риккера надолго стало наиболее полным визуальным источником для знакомства со значительной частью Российской империи как русских, так и иностранных читателей.

Литература

Библиография, 1859 — Библиография // Светопись. СПб., 1859. № 2.

Бронникова, 2012 — Бронникова Е. П. Первые фотографические заведения Архангельской губернии // Современная

наука: актуальные проблемы теории и практики. М., 2012. № 7–8 (Серия: Гуманитарные науки).

Герц, 1858 — Герц Е. Фотография в отношении к истории искусства // Русский вестник. СПб., 1858. Т. 15, май.

Иркутск..., 2011 — Иркутск до пожара. Фотоальбом. Иркутск, 2011.

Книжный вестник..., 1886 — Книжный вестник. СПб., 1886. № 24.

Корф, 1857 — Корф М. А. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1856 г. СПб., 1857.

Петербургская летопись, 1859 — Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 117 (31 мая 1859 г.).

Попов, 2013 — Попов А. П. Российские фотографии (1839–1930). Словарь-справочник: в 3 т. Коломна, 2013. Т. 1.

Санкт-Петербургские..., 1860 — Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1860. № 226 (18 октября 1860 г.).

Свой след..., 2012 — Свой след на земле Приамурья // Свое дело. Дальний Восток. Хабаровск, 2012 (7 апреля 2012 г.). Электронный ресурс: <http://dv-delo.ru/2012/04/07/svoj-sled-na-zemle-priamurya> (дата обращения: 10.02.2017).

Смесь, 1859 — Смесь // Светопись. СПб., 1859. № 1.

Стасов, 1885 — Стасов В. В. Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1885.

Указатель..., 1867 — Указатель русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском университете. М., 1867.

Хроника, 1859 — Хроника // Иллюстрация. Всемирное обозрение. СПб., 1859. № 65 (9 апреля 1859 г.).

Е. В. Бархатова

Приглашение в Сибирь: ранний фотопроект книгопродавца Карла Риккера

Статья посвящена истории создания пятитомного альбома «Амур, Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Урал», изданного в 1870 г. в Санкт-Петербурге Карлом Риккером. В альбоме помещена 371 фотография, каждая снабжена подписями на английском и русском

языках. Снимки созданы разными фотографами — В. Ланиным, К. В. фон Брандисом, А. К. Гофманом и др. Это издание можно считать одним из наиболее ранних и полных визуальных источников, посвященных далеким землям Российской империи.

E. V. Barkhatova

Invitation to Siberia: An earlier Photoproject of the bookseller Carl Ricker

This article is dedicated to the history of the five-volume album 'Amur, Eastern Siberia, Western Siberia, and the Urals', published in 1870 in Saint Petersburg by Carl Ricker. The album includes 371 photographs each pro-

vided with captions in English and Russian. The photos were taken by different photographers including V. Lanin, C. von Brandis, A. K. Hoffmann et al. This edition can be.

М. Д. Бухарин¹, И. В. Тункина²

«...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»:

Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу²

Ключевые слова: В. М. Успенский, Д. А. Клеменц, эпистолярное наследие, памятники Восточного Туркестана, экспедиции в Центральную Азию.

Keywords: V. M. Uspenskiy, D. A. Klementz, epistolary heritage, sites of East Turkestan, expeditions to Central Asia.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-200-204

В фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) хранятся многочисленные документы по истории изучения Восточного (Китайского) Туркестана конца XIX — начала XX в., принадлежащие перу сотрудников российского дипломатического корпуса в Китае. Русские консулы Н. Ф. Петровский, Н. Н. Кротков, А. В. Богоявленский, С. А. Федоров, С. А. Колоколов, А. А. Дьяков не только оказывали деятельную помощь российским и иностранным исследователям Восточного Туркестана, но и сами внесли существенный вклад в изучение истории этого региона. Усилиями российских дипломатов были собраны обширные коллекции рукописей, предметов материальной культуры, памятников изобразительного искусства, которые стали базой для изучения истории и культуры Восточного Туркестана. Многие дипломаты являлись авторами научных работ по отдельным вопросам истории и археологии Синцзяна, путевых заметок и переводов китайских источников, составителями карт этого тогда слабоизученного региона и пр.

Коллекция документов СПбФ АРАН исключительно богата произведениями эпистолярного жанра. В письмах российских консулов академикам-востоковедам, прежде всего к неперемемному секретарю Петербургской АН в 1904–1930 гг. С. Ф. Ольденбургу, содержится крайне интересная информация по истории изучения Восточного Туркестана. Одно из таких писем было адресовано российским консулом в Урумчи В. М. Успенским археологу Д. А. Клеменцу.

Дмитрий Александрович Клеменц (1847–1914), известный российский путешественник, археолог, исследователь Сибири и Центральной Азии, революционер-народник, учился на физико-математическом факультете Казанского, затем Санкт-Петербургского университетов, но был исключен за революционную деятельность. В 1873 г. Д. А. Клеменц перешел на нелегальное положение, жил в эмиграции (1875–1878), по возвращении в Россию в 1879 г. был арестован и сослан в Сибирь (*Гольдфарб*, 1986). Он жил в Минусинске, где подружился с Н. М. Мартьяновым — основателем Минусинского краеведческого музея. Д. А. Клеменц помогал Н. М. Мартьянову обрабатывать коллекции музея, с 1883 г. принимал участие в его полевых работах, издал книгу «Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох» (Томск, 1886). Затем Д. А. Клеменц перебрался в Томск, печатался в «Сибирской газете»; в 1890-х гг. он жил в Иркутске, в это время стал членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества (1887), действительным членом Западно-Сибирского (1884) и Восточно-Сибирского (1890) отделов Императорского Русского географического общества. Во время сибирской ссылки он участвовал в нескольких экспедициях, в том числе в Орхонской экспедиции академика В. В. Радлова (1891) и в Сибиряковской экспедиции в Якутию (1894–1896) (*Дэвлет*, 1963. С. 3–9; *Якушин*, 1975. С. 169–184). В 1897 г. благодаря В. В. Радлову Д. А. Клеменц перебрался в Санкт-Петербург, где служил под началом академика в Музее антропологии и этнографии Петербургской АН (1897–1901) (*Решетов*, 1998. С. 59–94).

В 1898 г. на средства Петербургской АН была снаряжена экспедиция в Турфан, которую возглавляли Д. А. Клеменц и его супруга Елизавета Николаевна. Непосредственным поводом к ее отправке послужили находки отрывков праkritской и уйгурской версий одного из главных буддийских текстов — «Дхаммапады»,

¹ 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а. Институт всеобщей истории РАН. Центр истории древнего Востока. Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций. Адрес электронной почты: vdi@igh.ras.ru.

² 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 15. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Адрес электронной почты: tunkina@yandex.ru.

³ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00213.

привезенных Тибетской экспедицией М. В. Певцова в 1889–1890 гг. (*Ольденбург*, 1900. С. 28). Экспедиция, длившаяся шесть месяцев (отчеты см.: *Клеменц*, 1899. С. VI–XIII; *Klementz*, 1899. С. 1–53), положила начало отечественным полевым исследованиям в Восточном Туркестане. Уже в 1899 г. путешественник был избран действительным членом РАО, а в 1905 г. действительным членом РГО.

Из Императорской Санкт-Петербургской АН Д. А. Клеменц перешел на службу в Министерство Императорского Двора на должность заведующего вновь организованного Этнографического отдела (1902–1910) Русского музея императора Александра III (*Дубов*, 1998. С. 9–29). В 1910 г. ученый вышел в отставку по болезни и переселился в Москву, где скончался и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Его друг С. Ф. Ольденбург, написавший о супругах Клеменцах прочувствованный некролог (*Ольденбург*, 1915; 2012. С. 217–219), позаботился о сохранении архива путешественника, благодаря чему адресованные ему письма различных корреспондентов сохранились в личном фонде неперемещенного секретаря Петербургской АН в академическом архиве Санкт-Петербурга.

Но вернемся к экспедиции 1898 г. Д. А. Клеменца в Турфан. Ее результаты получили широкий отклик как в академической науке, так и в дипломатических кругах. Результаты русской экспедиции стали стимулом для организации немецкой экспедиции А. Грюнведела в Синцзян. За время пребывания в Восточном Туркестане Д. А. Клеменц установил прочные отношения с представителями российского дипломатического корпуса, в частности с В. М. Успенским.

Автор публикуемого письма Виктор Матвеевич Успенский (1845 – не позднее 1917) был известен как китаист, дипломат, переводчик, член-сотрудник Императорского Русского археологического общества (1888). Являясь учеником синолога, акад. В. П. Васильева, он получил блестящее востоковедное образование на китайско-маньчжурско-монгольском разряде Факультета восточных языков Петербургского университета, затем как студент-стажер при Российской дипломатической миссии в Пекине (1872–1873). Последующая его жизнь была связана с дипломатической службой: секретарь консульства в Тяньцзине (1874–1875), секретарь консульства в Урге (1879–1884), русский консул в Кульдже (1885–1897), генеральный консул в Турфане (1897–1901). Как и другие дипломаты, он стал собирателем книг о Китае и Дальнем Востоке, а также оставил ряд переводов и талантливых сочинений по истории Китая (*Успенский*, 1880; 1884; 1898; 1901; см.: *Благодар*, 2012. С. 39).

Письмо В. М. Успенского к Д. А. Клеменцу, направленное 17 марта 1900 г. из Урумчи — столицы Восточного (Китайского) Туркестана — представляет интерес по целому ряду причин. Откровенное письмо дипломата относится к начальному этапу исследовательской активности европейских ученых в современном Синцзяне. Адресат письма, Д. А. Клеменц, стоял у истоков археологического изучения Восточного Туркестана русскими учеными. В письме без прикрас описано плачевное состояние археологических памятников, разбросанных по обширному региону, и потребительское отношение к ним местного населения. В. М. Успенский, заслуживший у коллег по дипломатическому корпусу репутацию правдивого человека (*Петровский*, 2010. С. 276), сообщает о стремительном разрушении древностей и необходимости предпринять срочные усилия для их спасения. Горькие слова российского дипломата звучали в унисон голосу российских археологов, призывавших научную общественность и государственные власти обратить срочное внимание на положение дел с памятниками археологии в Восточном Туркестане (*Веселовский и др.*, 1900. С. IX–XVIII). Кроме того, в письме отражены непростые отношения между исследователями и путешественниками — как российскими, так и зарубежными — с представителями дипломатического корпуса, к помощи которых они постоянно прибегали.

Текст публикуется по автографу, хранящемуся в фонде академика С. Ф. Ольденбурга (СПбФ АРАН. Ф. 208, оп. 3, д. 731, л. 1–2), в соответствии с правилами издания исторических документов. Подчеркнутые автором слова выделены курсивом.

Урумчи. 17 марта 1900 года.

Многоуважаемый Дмитрий Александрович,

За зоть лет службы в Китае мне пришлось видеть много людей разных вер и наций и сделать каждому из них по силам своим что-нибудь доброе. Одни за хлеб-соль и за добро прямо отплатили мне каверзным злом, — это покойный Пржевальский⁴; другие просто забыли меня, — *nomina sunt odiosa*⁵; а есть и такие, как,

⁴ Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), путешественник, натуралист, генерал-майор (1886), почетный член Петербургской АН (1878), в 1867–1885 гг. предпринял несколько экспедиций в Центральную Азию; собрал обширные минералогические, ботанические и зоологические коллекции.

⁵ «Их имена ненавистны» (*лат.*), т. е. «давайте не будем упоминать их имена».

например, Генрих Орлеанский⁶ и Бонвало⁷, которые задолжали мне 800 франков⁸ и думать об этом не хотят. От этого я научился встречать всякого рода путешественников с некоторого рода предубеждением. Но Вас это не коснулось; потому что первая и мимолетная наша встреча у Позднеева⁹ показала мне в Вас человека с доброй и теплой душой, которого ни с какой стороны опасаться не следует; и верьте, что в последнее время со дня на день я ожидал от Вас сюрприза в виде книги или брошюры. Так оно и случилось! От души благодарю Вас и за милое письмо, и за брошюру¹⁰. Хотя я и не мастак по-немецки; но с пятого на десятое маракую, и при первом досуге займусь Вашими изысканиями в Турфане, так как уже простое перелистывание и некоторые памятники уйгурской письменности обещают мне большой интерес. Как печально, что до сих пор я один и не могу даже на какую-нибудь неделю оторваться от своего места; а, между тем, хорошо было бы убить месяца три–четыре на подробный объезд и осмотр Турфанского оазиса и на сбор сохраняющихся еще там памятников древности. Сделать это надо бы как можно скорее, потому что невежество, нужда, мусульманское презрение ко всему непра<во>верному час за часом и шаг за шагом истребляют нещадно эти памятники. Могильники срываются, штукатурка на развалинах и даже в доступных пещерах обламывается, и все везется на тощие

поля в виде удобрения, потому что содержит в себе много растительного перегноя. Уже Вам удалось захватить лишь какие-то обрывки уйгурских надписей, составлявших, несомненно, нечто целое и осмысленное. Еще несколько лет, и обрывки эти исчезнут. Вы пишете, что на Конгрессе ориенталистов решено было основать международный союз для исследования Средней Азии в археологическом отношении¹¹; недавно в газетах я также прочитал, что Восточное отделение Археологического общества тоже постановило поскорее приступить к изучению древних памятников в Турфане¹²; но улита едет, да когда то еще будет. Да и исследователи исследователям рознь; одни ищут, а другие едут только на готовое. Вот недавно проехал тут с Лобнора Mr. Bonin, chef de mission d'exploration en Asie Centrale¹³; он и не подумал заглянуть в Турфан, а у меня чуть не силой оттягал несколько монет, найденных около Туёка. Сам почтенный Свен Гедин просидел на озерке около Курли¹⁴ почти три месяца и не счел нужным проехать в Турфан хоть на неделю¹⁵;

6 Принц Анри (Генрих) Орлеанский (Henri d'Orléans; 1867–1901), второй сын герцога Шартрского, «из любопытства» путешествовал по Востоку и Центральной Африке: на средства отца вместе с Г. Бонвало в 1889–1890 гг. инкогнито проехал через Европейскую Россию и Сибирь до Кульджинского края, оттуда отправился в Тибет, по Южному Китаю доехал до Тонкина в Индо-Китай.

7 Бонвало Пьер Габриэль Эдуард (Bonvalot Pierre Gabriel Édouard; 1853–1933), французский путешественник, исследователь Средней и Центральной Азии, Тибета.

8 Приехав в Кульджу, французская экспедиция обратилась с рекомендательным письмом к российскому консулу В. М. Успенскому за содействием в завершении подготовки к путешествию. В Джаркенте русские купцы обманули гостей при финансовых сделках, о чем В. М. Успенский сообщил письмом степному генерал-губернатору Г. А. Колпаковскому. Видимо, по этой причине консул финансово помог экспедиции. После недельного пребывания в русском консульстве, 31 августа 1889 г. французская экспедиция отправилась на озеро Лобнор. Подробнее см.: *Кашляк*, 2001. С. 75–80.

9 Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920), востоковед, специалист по монгольской и калмыцкой словесности и маньчжурскому языку; доцент (1881–1884), экстраординарный (1884–1886), ординарный (1886–1899) профессор кафедры монгольской и калмыцкой словесности, секретарь (с 1886) Факультета восточных языков Петербургского университета. Совершил ряд путешествий по Монголии и Китаю. Директор-организатор и редактор «Известий» Восточного института во Владивостоке (1899–1903), где одновременно был профессором кафедры монгольской и маньчжурской словесности. Вышел в отставку после 50 лет педагогической службы в чине тайного советника (1917).

10 Имеется в виду отчет о работе экспедиции Д. А. и Е. Н. Клеменц (*Klementz*, 1899. S. 1–53).

11 В 1899 г. на XII Международном конгрессе востоковедов в Риме академик В. В. Радлов выступил с предложением создать международный союз для исследования культуры Центральной Азии. В сентябре 1902 г. на XIII Международном конгрессе востоковедов в Гамбурге было принято окончательное решение о создании Международного комитета с отдельными комитетами в разных странах, центральным из которых являлся Петербургский — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом, археологическом и этнографическом отношениях (РКИСВА). Председателем РКИСВА был утвержден директор МАЭ академик В. В. Радлов, секретарями — В. В. Бартольд и сотрудник МАЭ Л. Я. Штернберг. Подробнее см.: *Назирова*, 1992.

12 С конца 1880-х гг. в Восточное отделение РАО, которым руководил академик В. Р. Розен, стали поступать древности из Восточного (Китайского) Туркестана от российского консула в Кашгаре Николая Федоровича Петровского (1837–1908), который в 1897 г. на заседании отделения сделал доклад «О коллекции древностей восточных в Кашгаре и сопредельных с ним местностях». Его собрание стали изучать С. Ф. Ольденбург (буддийские тексты и артефакты) и В. В. Радлов (уйгурские тексты). Еще в ноябре 1891 г. общество поставило вопрос об организации русской археологической экспедиции в этот регион, подготовка к которой началась в 1892 г., но в 1893 г. она не состоялась из-за отсутствия источников финансирования. Только в 1909 г. в Восточный Туркестан РКИСВА была отправлена Первая Русская Туркестанская экспедиция под руководством С. Ф. Ольденбурга. Подробнее см.: *Тункина*, 2013. С. 105–123.

13 Бонен Шарль Од (Bonin Charles Eudes; 1865–1929), французский дипломат, путешественник, археолог. В 1895–1896 и 1898–1900 гг. совершил две экспедиции по Монголии, Центральной Азии и Китаю. Chef de mission de exploration en Asie Centrale – «руководитель исследовательской экспедиции в Центральной Азии» (фр.).

14 Город Курла (Курля) расположен приблизительно в 200 км к юго-западу от Урумчи, через центр города течет река Конче-даря. Дорога между Урумчи и Корлой значительно длиннее, так как города разделены горами Тянь-Шань. Озеро Баграш-куль расположено в 57 км от Курли.

15 Гедин Свен Андерс (Hedin Sven Anders; 1865–1952), шведский путешественник, исследователь Центральной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Речь, вероятно, идет об экспедиции 1883–1897 гг.,

а, между тем, с каким телячьим восторгом он описывает открытие им в песках остатки древней культуры, несомненно одинаковой с турфанско-пещерной¹⁶?! Пожалуйста, поторопите с этой стороны Базилая Базилаевича¹⁷; а то ведь будет поздно и малополезно. Мне же, по-видимому, так-таки и не удастся в это пятилетие проехать куда-нибудь в сторону от Урумчи, потому что министерство и не думает серьезно о назначении мне помощника.

Помните ли Вы деревянных *лоханей* (арханов)¹⁸, которых я готовил для Позднеева? Теперь они все 18^{тв} готовы, разрисованы с красками с прекрасной позолотой и въехали мне в 400 с лишком русских рублей. Но Позднеев чисто по-приятельски, не сказав мне о них ни слова, укатил во Владивосток¹⁹ и оттуда тоже не сообщает, нужны ли ему эти арханы или нет? Так они и останутся на моей шее. В бытность в Урумчи Вы мельком как-то буркнули, что, если Позднеев от них откажется, то можно было бы приобрести в музей академии²⁰. Если не найдете назойливым с моей стороны это воспоминание, то не откажитесь переговорить по этой okazji с кем следует в академии и *черкните мне словечка два*. Везти эту обузу в Питер нет

расчета и смысла, потому что и дорого, и питерские квартиры не вмещают таких специфических украшений без ущерба чему-нибудь более изящному или необходимому. А когда будет известная цель, то я смогу испросить разрешение своего министерства прислать их мелкими посылками по почте за №№ и за казенной печатью.

Быть может, от кого-нибудь из моих знакомых или просто из скорбных объявлений Нового времени, Вы узнали, что в начале января минувшего года умер мой старший сын — студент Санкт-Петербургского университета. С тех пор я целый год промучился непрерывными и ужасными головными болями, отстал было совсем и от чтения и от письма. Теперь, слава Богу, стало немного лучше. Не боюсь ни книг, ни бумаги. Если будет случай, то и еще, пожалуй, напишу Вам.

Теперь же до свидания. Будьте здоровы и веселы! Супруге Вашей²¹ мой глубокий поклон и почтение. Для нее хранится у меня какое-то растение точь-в-точь как стрекоза.

Душевно преданный Вам и слуга покорный

В. Успенский

когда С. Гедин прошел через Таримский бассейн, пустыню Такламакан, озера Кара-Кошун и Баграш-куль и далее — к Тибету. В. М. Успенский, вероятно, имеет в виду исследование озера Баграш-куль, открытое Гедином в марте 1896 г. Путешественник полагал, что озеро снабжается водой единственной рекой — Конче-дарьей. С. Гедин в ходе экспедиции останавливался в Кашгаре и Хотане, однако в Турфане, действительно, не был. В конце июня 1896 г. экспедиция С. Гедина отправилась в дальнейший путь — через Северный Тибет в Китай (Heßberg, Schulze, 2014. С. 85). С. Гедин упоминает «русского консула в Урумчи», не называя его, однако, по имени (Гедин, 1899. С. 154).

16 Возможно, Успенский имеет в виду следующие строки книги С. Гедина: «...Мы закончили 41-дневный переход через пустыню Такла-макан, во время которого сделано было много неожиданных открытий. Я до малейших деталей занес на карту течение Керии-дарьи <...> и открыл развалины двух древних городов. <...> В первое путешествие мы напрасно искали какие-либо следы древней культуры, зато во второе мы убедились, что бесчисленные предания о погребенных в пустыне сокровищах и городах не совсем пусты басни» (Гедин, 1899. С. 143). Перевод на русский язык книги Гедина «En färd genom Asien 1893–97» (Stockholm, 1898) вышел в 1899 г. и, возможно, был доступен В. М. Успенскому.

17 Имеется в виду академик Василий Васильевич Радлов (1837–1918), директор МАЭ.

18 Лохань — а лохань (кит. транскрипция от *санскр.* архат, архан), в буддийской мифологии человек, достигший наивысшего духовного развития. В буддийской иконографии лохани выступают обычно в составе обширных групп из 16 или 18 индийских мифологических и легендарных деятелей буддизма (старший сын Шакьямуни и один из первых его учеников Рахула; Пиндола (кит. Биньтоу), задача которых — хранить учение Будды после ухода Шакьямуни в нирвану до появления в мире Майтреи.

19 Имеется в виду А. М. Позднеев.

20 Речь идет о Музее антропологии и этнографии Петербургской АН, ныне — МАЭ (Кунсткамера) имени Петра Великого РАН.

Литература

- Благодер*, 2012 — *Благодер Ю. Г.* Научно-исследовательская деятельность чиновников МИД Российской империи в Китае в конце XIX — начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. Вып. 8.
- Веселовский и др.*, 1900 — *Веселовский Н. И., Клеменц Д. А., Ольденбург С. Ф.* Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. 1900. Т. 13. Вып. 1.
- Гедин*, 1899 — *Гедин С.* В сердце Азии. Памир. — Тибет. — Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 годах / пер. со шведск. А. и П. Ганзен. Т. 2. СПб., 1899.
- Гольдфарб*, 1986 — *Гольдфарб С. И. Д., А. Клеменц* — революционер, ученый, публицист. Иркутск, 1986.
- Дубов*, 1998 — *Дубов И. В.* Российский этнографический музей: прошлое и настоящее // Пигмалион музейного дела. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца) / отв. ред. И. В. Дубов. СПб., 1998.
- Дэвлет*, 1963 — *Дэвлет М. А. Д., А. Клеменц* как археолог // СА. 1963. № 4.
- Кашляк*, 2001 — *Кашляк В. Н.* Инкогнито из Парижа в Китай, через Омск-Семипалатинск // Материалы Международ. научно-практ. конф. «Казахстан на пути к государственной

21 Клеменц (рожд. Зверева) Елизавета Николаевна (1854–1914), писательница, этнограф, археолог, ботаник, жена Д. А. Клеменца. Участница экспедиций мужа по Сибири и Монголии. См.: *Ольденбург*, 1915; 2012. С. 217–219; *Якушин*, 1975. С. 169–184.

- независимости: история и современность», 11–14 апреля 2001 г. Семипалатинск, 2001.
- Клеменц, 1899 — Клеменц Д. А. Предварительные сведения об археологических результатах Турфанской экспедиции // ЗВОРАО. 1899. Т. 12.
- Назирова, 1992 — Назирова Н. Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.
- Ольденбург, 1900 — Ольденбург С. Ф. [Критический разбор работ R. Noerpel о кашгарских рукописях] // ЗВОРАО. 1900 (1899). Т. 12, вып. 1.
- Ольденбург, 1915 — Ольденбург С. Ф. Дм. А. и Елиз. Ник. Клеменцы. Пг., 1915.
- Ольденбург, 2012 — Ольденбург С. Ф. Этюды о людях науки / сост. А. А. Вигасин. М., 2012.
- Петровский, 2010 — Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / отв. ред. акад. В. С. Мясников; сост. В. Г. Бухерт. М., 2010.
- Решетов, 1998 — Решетов А. М. Д. А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца) / отв. ред. И. В. Дубов. СПб., 1998.
- Тункина, 2013 — Тункина И. В. Н. Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем к В. Р. Розену и С. Ф. Ольденбургу) // Восток–Запад: Диалог цивилизаций. Историко-литературный альманах, 2011–2012 / под ред. акад. В. С. Мясникова. М., 2013.
- Успенский, 1880 — Успенский В. М. Страна Кукэ-Нор, или Цин-Хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора: (Преимущественно по китайским источникам). СПб., 1880.
- Успенский, 1884 — Успенский В. М. Остров Хайнань. (Читано в общем собрании РГО 3 октября 1884 г.). СПб., 1884.
- Успенский, 1898 — Успенский В. М. От Суйдина до Урумчи: Отрывки из писем русского генерального консула в Урумчи В. М. Успенского. Сообщено профессором Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеевым. СПб., 1898.
- Успенский, 1901 — Успенский В. М. Краткая записка о возникшем в год Ген-цзы (1900 г.) бедствии: (О беспорядках в Китае). Сочинение «Ленивого отшельника пустынного острова». Пер. с кит. российского генерального консула в Урумчи д.с.с. Успенского. СПб., 1901.
- Якушин, 1975 — Якушин Н. И. Неутомимый исследователь Сибири // Сибирские огни. 1975. № 2.
- Bonvalot, d'Orléans, 1892 — Bonvalot G., d'Orléans H. De Paris au Tonkin à travers le Tibet inconnu. Paris, 1892.
- Klementz, 1899 — Klementz D. Turfan und seine Altertümer // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Sankt-Petersburg, 1899. H. 1.
- Heßberg, Schulze, 2014 — Heßberg A. von, Schulze W. Chinesische Seidenstrasse. Reisen zwischen Xi'an, Ürümchi und Kashgar. Mit Taklamakan, Tian Shan und Altai. Berlin, 2014.

М. Д. Бухарин, И. В. Тункина

«...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»:

Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу

В статье впервые публикуется письмо 1900 г. русского генерального консула в Урумчи Виктора Матвеевича Успенского к археологу и путешественнику, руководителю экспедиции Петербургской Академии наук в Турфан 1898 г. Дмитрию Александровичу Клеменцу. Документ хранится в фонде С. Ф. Ольденбурга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Автор без при-

крас описывает плачевное состояние археологических памятников, разбросанных по обширному региону Восточного (Китайского) Туркестана, и потребительское отношение к ним местного населения. Упомянуты экспедиции в Центральную Азию М. Н. Пржевальского, принца Анри (Генриха) Орлеанского и Г. Бонвало, Ш. Бонена, С. Гедина.

М. D. Bukharin, I. V. Tunkina

«...I happened to meet many persons of different faiths and nations...»:

A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Klementz

This paper is the first publication of a letter of 1900 of the Russian Consul General in Urumchi Viktor Matveevich Uspenskiy to the archaeologist and traveller, head of the Turfan expedition of the Petersburg Academy of Sciences in 1898, Dmitriy Aleksandrovich Klementz. This document is kept in the S. F. Oldenburg archive collection at the Saint Petersburg branch of the Archives of RAS. The au-

thor presents an unadorned description of the poor state of archaeological sites scattered throughout the vast region of the East (Chinese) Turkestan and the exploitative treatment of them by local population. Three expeditions to Central Asia are mentioned, viz. those of Nikolay Mikhailovich Przhevalsky, Prince Henry (Heinrich) d'Orleans and Gabriel Bonvalot, Charles Bonin, Sven Hedin.

Л. Ю. Китова¹, Л. Ю. Боброва²

Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири³

Ключевые слова: С. К. Кузнецов, томский период, археологическая деятельность.

Keywords: S. K. Kuznetsov, Tomsk period, archaeological activities.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-205-211

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов — первый библиотекарь Томского университета, сподвижник В. М. Флоринского, одного из учредителей Сибирского университета и попечителя Западносибирского учебного округа, — был не только видным специалистом в области библиотечного дела, но и заметным археологом. В отечественной истории археологии его вклад в изучение и сохранение культурно-исторического наследия Сибири по достоинству не оценен. Ю. Г. Белокобыльский исключительно отметил его интерес к интерпретации гипсовых и глиняных масок (*Белокобыльский*, 1986. С. 91–93), остальные же исследователи лишь называют его имя в числе других, работавших в Томской губернии (*Матющенко*, 2001. С. 30–31; *Ожередов*, 2008. С. 27). Сведения о памятниках древности, исследованных С. К. Кузнецовым, использовались для составления археологической карты Томской области (*Дульзон*, 1956; *Чиндина и др.*, 1991; *Ожередов*, *Яковлев*, 1993). Краткая информация об археологических изысканиях С. К. Кузнецова в Сибири появилась в связи с выходом материалов к энциклопедии Томской области (*Есипова*, 2001. С. 76–78), а более расширенные данные — в фундаментальной коллективной монографии «Императорская Археологическая Комиссия» (*Длужневская*, *Лазаревская*, 2009. С. 622). Однако до сих пор отечественные археологи меценатскую помощь Томскому университету или археологические изыскания близ с. Асанского в долине р. Абакан в 1884 г. И. П. Кузнецова-Красноярского приписывают С. К. Кузнецову. Есть публикации, в которых переputаны основные вехи жизни и деятельности Степана Кировича (*Филимонов*, 1988. С. 15). Часть памятников, обнаруженных и исследованных Кузнецовым, на сегодняшний день археологи не могут идентифициро-

вать на местности. Мы полагаем, что имеется необходимость обобщить сведения об археологической деятельности исследователя в Томской губернии и восстановить историческую справедливость.

Жизнь и деятельность С. К. Кузнецова условно можно разделить на три значительных периода: казанский (1874–1885), томский (1885–1903) и московский (1903–1913). В данной статье мы подробно остановимся на втором периоде его жизни, главным образом рассмотрим его археологические изыскания, т. к. деятельность С. К. Кузнецова в качестве библиотекаря освещена в работе М. Р. Филимонова (Там же). Тем не менее для понимания причин появления у него интереса к археологии нам придется обратиться и к предшествующему времени.

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов родился 30 июля 1854 г. в Ильинской слободе Малмыжского уезда Вятской губернии (ныне Кировская область) в крестьянской семье. После окончания в 1873 г. Казанской гимназии поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, обучение на котором успешно завершил в 1877 г. со степенью кандидата историко-филологических наук. Был оставлен в университете на два года (1877–1879) для подготовки к профессорскому званию по римской словесности. В ноябре 1879 г. Кузнецов избран на должность хранителя музея этнографии, древностей и искусств и кабинета монет и медалей при Казанском университете, а в декабре 1880 г. утвержден в должности приват-доцента и допущен к чтению лекций по классической филологии (ГАТО, ф. 102. оп. 9, д. 256, л. 62, 134). Собрание музея университета значительно пополнилось в годы его службы (*Назипова*, 2008. С. 33). Именно в Казани Стефан Кирович увлекся археологией, в 1880 г. вступил в Общество археологии, истории и этнографии, действующее при университете, а с 1884 по 1885 г. исполнял обязанности его секретаря, самостоятельно проводил раскопки древних могильников и публиковал результаты. Известно не менее шести его работ археологической тематики, изданных в казанский период жизни (*Смирнов*, 2014. С. 103, 106–107).

1 650043, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6. Кемеровский государственный университет. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: lyudmila.kitova@mail.ru.

2 650000, Россия, Кемерово, пр. Советский, 55. Кемеровский областной краеведческий музей. Фонды. Адрес электронной почты: chaika.laraa@mail.ru.

3 Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, № 33.2597.2017/ПЧ.

С. К. Кузнецов сообразно степени кандидата наук начал движение по служебной лестнице в чине коллежского секретаря, а в июне 1883 г. за выслугу лет был произведен в титулярные советники с жалованием 500 рублей в год. Известно, что он находился в браке с Марией Васильевной, оба были православного вероисповедания, детей не имели (ГАТО, ф. 102, оп. 9, д. 256, л. 62–63, 134).

Томский период (1885–1903) в деятельности С. К. Кузнецова (рис. 1) стал самым продолжительным. В литературе утвердилось мнение, что в Сибирь Стефана (в томских документах его имя изменено на Степана) Кировича пригласил В. М. Флоринский, который был с ним близко знаком по Казани. Однако публикация А. С. Смирновым письма Кузнецова к библиофилу А. Н. Островскому заставляет усомниться в таком близком их знакомстве и раскрывает тяготы и противоречия первого года жизни нашего героя (Смирнов, 2014. С. 103–108).

Как бы то ни было, попечитель Западносибирского учебного округа должен был найти необходимого специалиста, т. к. для строящегося университета было пожертвовано и приобретено около 70 000 томов книг и журналов, которые нужно было подготовить к выдаче будущим читателям: разобрать, систематизировать, каталогизировать (Филимонов, 1988. С. 15).

Стефан Кирович был большим книголюбом и тружеником, перед ним в Томске открывалось новое поле деятельности. К тому же жили они с женой скромно, Кузнецов не имел сторонних доходов, кроме заработанных, семья часто находилась в стесненном материальном положении. Полагаем, что предложенное ему жалование в 1800 рублей в год и бесплатная служебная квартира (ГАТО, ф. 102, оп. 9, д. 256, л. 9) сыграли свою роль в решении вопроса о переезде из Казани в Томск.

Итак, предложение занять место библиотекаря Томского университета было принято, и, согласно ходатайству самого Кузнецова, 12 мая 1885 г. министр народного просвещения утвердил его в этой должности (ГАТО, ф. 102, оп. 9, д. 256, л. 62). Переехал Стефан Кирович в Томск в августе 1885 г. и сразу приступил к разбору, систематизации и описанию накопившейся литературы. Однако интерес к археологии не утих, и, став немного свободнее от библиотечных дел, он вновь был увлечен археологическими разысканиями.

Первые упоминания в архивных документах о сибирских исследованиях С. К. Кузнецова приходится на конец 1880-х гг. В 1887 г. он проводит разведку

Рис. 1. Портрет Стефана Кировича Кузнецова.

Fig. 1. Portrait of Stefan Kirovich Kuznetsov.

в окрестностях города, где помимо Томского могильника фиксирует у Лагерного сада на высоком остроугольном мысу Томское (лагерное) городище позднего бронзового века и составляет его план.

В 1887 и 1889 гг. С. К. Кузнецовым и А. В. Адриановым проводились раскопки самого известного археологического памятника Западной Сибири — Томского могильника. Некрополь знаменит тем, что содержал погребения от неолита до железного века. Вопрос о том, кем был исследован могильник в большей степени, остается открытым — спор двух археологов блестяще освещен в статье А. С. Смирнова (Смирнов, 2013. С. 96–103), — ясно одно, что они оба внесли значительный вклад в изучение памятника. Сначала исследователи неодинаково его идентифицировали. Если С. К. Кузнецов сразу счел его могильником, то А. В. Адрианов долгое время воспринимал его как стоянку (Там же. С. 101).

С. К. Кузнецов применил более совершенную методику раскопок. Так, главной методикой работы после

обнаружения захоронения считалось «снимать землю тончайшими слоями горизонтально...», а слой земли просеивать. Для этого он изобрел специальные приспособления типа решета сначала из кровельного железного листа, а затем из натянутой телячьей сыромятной кожи (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 132, л. 20, 22–23).

Весной 1890 г. Кузнецов представил в ИАК отчет о проведенных исследованиях с общей археологической картой окрестностей Томска, точным планом Томского могильника, разрезами и планами отдельных курганов и могил, литографированными рисунками выдающихся находок. Сообщал также, что все находки сфотографированы и размещены на больших таблицах, которые будут высланы, как наладится почтовое сообщение, нарушенное половодьем (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1. 1889 г., д. 62, л. 18, 20).

М. Н. Комарова, знакомясь с материалами раскопок Томского могильника, справедливо отмечала, что Кузнецов, в отличие от Адрианова, смог установить наличие отдельных погребений и описать расположение найденных в них предметов. Адрианов проводил работы поверхностно, не углубляясь в материк, поэтому, возможно, большая часть погребений осталась недоисследованной. Тем не менее, если по отчету Адрианова можно хотя бы примерно представить планы отдельных погребений и общий план могильника, то по материалам Кузнецова невозможно реконструировать ни плана могил, ни плана самого памятника (Комарова, 1952. С. 10). Артефакты из раскопок Кузнецова хранятся в музее Томского университета.

С. К. Кузнецовым примерно в эти же годы было открыто еще несколько археологических памятников. Это Томское старое мусульманское кладбище с погребениями неолита, эпохи бронзы и средневековья, расположенное на южных окраинах г. Томска. На правом берегу р. Ушайки, правого притока р. Томи, у Толстого мыса Кузнецов обнаружил стоянку каменного века, так называемое Ушайкинское селище. Современные исследователи предполагают на этом месте наличие многослойного памятника. В устье р. Басандайки им были также обнаружены курганы и предприняты их раскопки (Ожередов, 1993. С. 121–122, 131, 134).

В 1889 г. С. К. Кузнецов также проводил раскопки у Тахтамышевских юрт и у д. Чистильщиковой. Он одним из первых правильно датировал курганный могильник у д. Тахтамышевой, отнеся его к XVI–XVII вв. (Кузнецов, 1890. С. 146–149). Он был и первым исследователем Чернильщиковского курганного мо-

гильника, где раскопал пять курганов, один из которых датировал эпохой железа, остальные — бронзовым веком (Ожередов, 1993. С. 102).

В 1889 и 1895 гг. С. К. Кузнецовым было раскопано 13 курганов на могильнике у «Тоянова городка», расположенного в ЮВ части мыса на левом берегу р. Томи, у северной окраины п. Тимирязевского, напротив г. Томска, — отсюда современное его название — Тимирязевский курганный могильник (Дульзон, 1956. С. 115–116; Ожередов, 1993. С. 111).

В 1890 г. С. К. Кузнецов планировал продолжить изучение Томского могильника, Тоянова городка (Тимирязевского могильника), памятников в устье р. Басандайки, некрополей у д. Чернильщиковой и Тахтамышевских юрт и начать новые — городище Шеломок и могильник близ д. Батуриной. Открытый лист от ИАК был получен, но в последних двух пунктах ему не удалось произвести раскопки (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 62, л. 7–8 об.). Тем не менее именно Кузнецовым впервые был отмечен на археологической карте городских окрестностей Батуринский курганный могильник, расположенный у д. Батуриной, на правом берегу Томи, выше г. Томска. Он стал первым картографом и Кисловского курганного могильника на правом берегу р. Кисловки, левого притока Томи, у д. Кисловки (Дульзон, 1956. С. 107).

В 1891 г. Кузнецов произвел раскопки в Уртамской волости Томского округа Кучумова кургана около с. Каштак, курганов у с. Вороново. Курганы оказались ограбленными, находки были незначительные. Исследования восьми курганов у д. Казанки на правом берегу р. Томи дали более представительные результаты: золоченые и серебряные бусы, китайская монета, бронзовые бляшки и кольца, железные кельты и др. Исследователь обратил внимание ИАК на китайскую монету: «...первая в Сибири достоверная находка монеты в кургане». Способ погребения в курганах, раскопанных Кузнецовым, преобладал двухъярусный: нижний ярус — труположение (чаще всего два скелета) «с деревянной обкладкой трупов», а верхний ярус — трупосожжение с мелкими предметами, мельчайшими бусинами. Все находки у с. Вороново и д. Казанки им были высланы в ИАК (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 62, л. 50–51).

Одним из ярчайших памятников, исследованных С. К. Кузнецовым в Сибири, стала Лысая гора, расположенная на р. Яя Ишимской волости Томской губернии в 40–75 км выше с. Жаркова (Шигарское) (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 132). Ныне это — Яйский район Кемеровской области.

Лысая гора заинтересовала Кузнецова характером находок. От местного крестьянина в музей Томского университета поступили предметы, сравнимые, по его мнению, «с лучшими изделиями бронзовой эпохи Минусинского округа» и «близкие к изящным находкам Кавказа (кабан) и особенно скифским древностям Южной России» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 62, л. 38 об.). Он провел разведку вместе с прозектором университета С. М. Чугуновым, который интересовался антропологией, и определил уникальное местоположение памятника. Напротив Лысой горы находился первый порог, очень опасный при прохождении по реке, далее вниз пороги тянулись на 100 км и заканчивались Шайтанским порогом у д. Ломовой. Река Яя была горной, в половодье сильно разливалась и также была губительна для обитателей ее берегов. Исследователи обнаружили массу находок на Лысой горе, в том числе костяные и железные стрелы, воткнутые в землю, бронзовые ножи, и пришли к выводу, что это было культовое место. Они сделали предположение, что стрелы пускали с реки в скалу в честь божества. Таким образом, так происходило почитание духа, поселившегося в горах, откуда начиналось опасное плавание, а обилие находок указывало на то, как велика степень этого поклонения, «ибо каждый плывущий мимо, делал посильные приношения божеству» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 132, л. 21–21 об.; Чугунов, 1891. С. 3). Кузнецов проводил раскопки на культовом месте «Лысая гора» в 1891–1892 гг. Древности, добытые С. К. Кузнецовым на Лысой горе, были распределены между Императорским Эрмитажем и Императорским Российским историческим музеем.

В современных научных публикациях нет точных сведений о координатах этого памятника. «Дело в том, что на Яе и Золотом Китате около десятка Лысых Гор и не ясно, на какой из них проводились раскопки» (Мартынов, 1973. С. 9). Более достоверные сведения о месторасположении культового места имеются у А. П. Дульзона (Дульзон, 1956. С. 142). Однако мы установили, что точное местонахождение памятника Лысая гора при внимательном изучении архивных источников хорошо прослеживается, если сравнить отчеты С. К. Кузнецова, описания С. М. Чугунова (Чугунов, 1891) и геолога А. А. Краснопольского (Краснопольский, 1898). У последнего имеются названия всех возвышенностей по реке Яя и даны точные расстояния между ними.

Рядом с культовым местом находилось два кургана, открытые С. К. Кузнецовым. Один из них был им раскопан и оказался, как позже выяснилось, позднеагар-

ским, с характерным для этого периода инвентарем (Мартынов, Мартынова, 1978, С. 31).

С. К. Кузнецовым и С. М. Чугуновым в 1891 г. были также открыты и частично исследованы курганный могильник в устье р. Катамы, Арышевский курган, Шигарское селище, Шигарский курган (Чугунов, 1891. С. 3).

В сибирской археологии неверно определено местоположение этих памятников, поэтому мы приводим уточненные данные памятников, открытых Кузнецовым и Чугуновым (рис. 2, 1–6).

В 1893 г. С. К. Кузнецов не проводил полевых изысканий по состоянию здоровья и отъезда его в Казань на Научно-промышленную выставку. Он весь год готовил отчет о раскопках на Яе. Из письма в ИАК от 18 февраля 1894 г. мы узнаем, что С. К. Кузнецов собирался закончить исследования по р. Яе и ее притокам, особенно по Кельбесу, Барзасу и нижнему течению р. Золотой Китат (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 132, л. 16).

В 1894 г. С. К. Кузнецов готов был приступить к археологическим исследованиям в Томской губернии и Семипалатинской области. Для этого ИАК выдала ему Открытый лист и 300 рублей на раскопки, порекомендовав сосредоточить изыскания на окрестностях Томска, по берегам Яи и ее притокам (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1894 г., д. 45, л. 1–2). Однако попечитель Западносибирского учебного округа Флоринский был настроен против археологических изысканий Кузнецова в этом году и предлагал, чтобы тот и летом сконцентрировался на подготовке к изданию очередного печатного каталога библиотеки Томского университета. Не помогло и личное обращение председателя ИАК А. А. Бобринского к В. М. Флоринскому о том, чтобы последний проявил интерес к результатам раскопок, проведенных Кузнецовым в 1892 г. на р. Яе и разрешил провести дальнейшее исследование в 1894 г. Флоринский ответил отказом, сославшись на срочную работу, выполняемую Кузнецовым (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1894 г., д. 45, л. 5, 8). Ситуация повторилась и в 1895 г., когда Кузнецов планировал вести археологические изыскания в Семипалатинской области: вновь последовали обращение Бобринского к Флоринскому и отказ из-за работы библиотекаря университета над каталогом (НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 132, л. 44–45).

К археологическим раскопкам Кузнецов возвратился только в 1896 г., проведя разыскания близ Томска, где у Архиерейской заимки открыл группу небольших курганов и 36 раскопал. Чрезвычайно ценно то, что

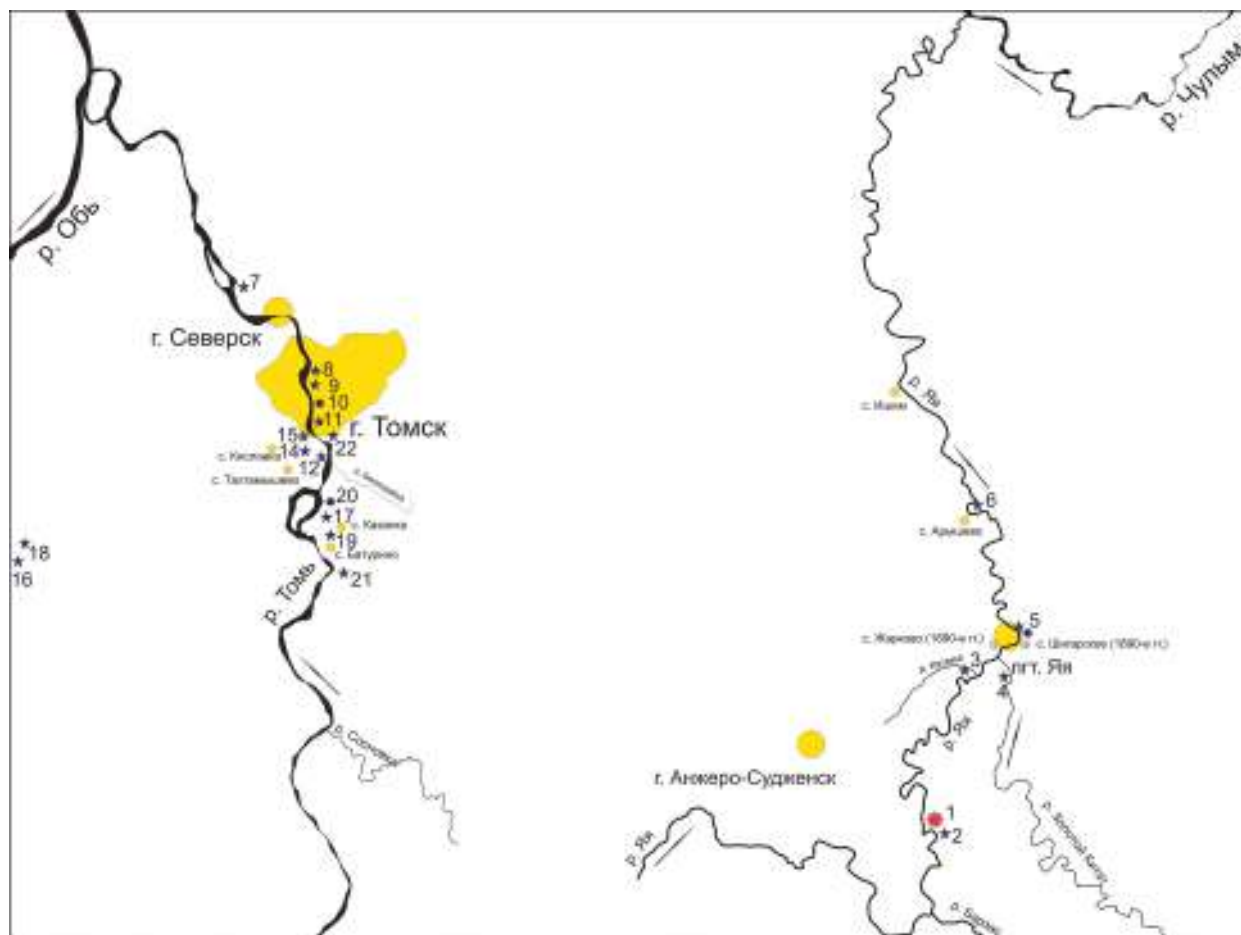

Рис. 2. Археологические памятники, обнаруженные и исследованные С. К. Кузнецовым в Томской губернии: 1 — Лысая гора; 2 — курганы у Лысой горы; 3 — курганы у устья р. Катамы; 4 — курганы у устья р. Золотой Китат (Яя I); 5 — Шигарский курган и Шигарское селище; 6 — курган у с. Арышева; 7 — курганы у Архиерейской заимки; 8 — Старое Мусульманское кладбище; 9 — Томский могильник (состоит из четырех памятников разных эпох: неолит (Малый мыс), бронзовый век, железный век и средневековье (Большой мыс)); 10 — Лагерное городище; 11 — Томский лагерный могильник (состоит из четырех памятников: Лагерное поселение, Лагерная курганная группа II, Лагерное городище и Лагерная курганная группа III); 12 — Тахтамышевские курганы; 13 — Казанкинский могильник; 14 — курганы у с. Кисловка; 15 — Тимирязевские курганы; 16 — курганы у с. Вороново; 17 — Казанкинские курганы; 18 — Кучумов курган; 19 — курганы у д. Батурино; 20 — городище Шеломок; 21 — курганы у д. Чернильщиковой; 22 — Басандайская курганная группа.

Fig. 2. Archaeological sites discovered and investigated by S. K. Kuznetsov in Tomsk Province: 1 — Lysaya Gora; 2 — kurgans near Lysaya Gora; 3 — kurgans near the mouth of the Katama River; 4 — kurgans near the mouth of the Zolotoy Kitat River (Yaya I); 5 — Shigar kurgan and Shigar settlement-site; 6 — kurgan near the village of Aryshevo; 7 — kurgans near Arkhiereyskaya Zaimka; 8 — Old Muslim cemetery; 9 — Tomsky cemetery (constituted by four sites of different periods: Neolithic (Maly Mys), Bronze Age, Iron Age and Middle Ages (Bolshoy Mys)); 10 — townsite of Lagernoye; 11 — Tomsky prison camp cemetery (consists of four sites: Prison Camp settlement, Prison Camp kurgan group II, Prison Camp townsite and Prison Camp kurgan group III); 12 — Takhtamyshovskiye kurgans; 13 — Kazankinsky cemetery; 14 — kurgans near the village of Kislovka; 15 — Timiryazevskiye kurgans; 16 — kurgans near the village of Voronovo; 17 — Kazankinsky kurgans; 18 — Kuchumov kurgan; 19 — kurgans near the village of Baturino; 20 — townsite of Shelomok; 21 — kurgans near the village of Chernilshchikova; 22 — Basandayskaya kurgan group.

был исследован памятник раннего средневековья с богатым инвентарем. По найденной китайской монете династии Тан он отнес его к VIII в. н. э. Коллекция предметов из кургана имела большое значение, т. к. в закрытом комплексе были обнаружены предметы, которые до исследования этого памятника встречались лишь в качестве случайных находок (Кузнецов, 1898. С. 94–98; ГАТО, ф. 102, оп. 9, д. 256, л. 46–51). Могильник Архиерейская заимка долгое время являлся эталонным памятником раннесредневековой истории Томского края (Чиндина, 1991. С. 5). Материалы коллекции хранятся в Государственном историческом музее.

Из архивных материалов известно, что Степан Кирович дважды, в 1889 и 1891 гг., получал незначительные средства от Томского университета на археологические исследования в окрестностях г. Томска и несколько раз его раскопки финансировала ИАК: 1887, 1888, 1891, 1892, 1896 гг. (ГАТО, ф. 102, оп. 9, д. 256, л. 45), однако не все материалы его разведок и раскопок одинаково хорошо сохранились.

Кузнецов, настоящий любитель древностей, был озабочен таким повсеместным явлением в Сибири, как разграбление курганов и уничтожение древних памятников. Он призывал разработать закон, карающий самовольные раскопки и уничтожение историко-культурного наследия. Он писал, что «сообразно важности или повторности преступления, наказание должно повышаться по степеням: денежный штраф, простой арест в полиции, арестантские роты и тюремное заключение», полагая, что сибирского «завязанного курганщика пустяками не напугаешь» (Кузнецов, 1894б. С. 9–11). С другой стороны, он считал, что необходимо популяризировать знания о древностях и их ценности в школах, среди народа (Там же).

С. К. Кузнецов за годы своей службы в Сибири побывал в Кузнецкой крепости, очень высоко оценил значение этого памятника как второй в Сибири после Тобольского кремля постройки из камня. Крепость составляла собственность города и понемногу уничтожалась, и он через печать и обращение в ИАК призывал сохранить ее уцелевшие сооружения (Кузнецов, 1894а; НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1894 г., д. 45, л. 28–30).

1 ноября 1899 г. С. К. Кузнецов в чине статского советника получил выслугу лет (20 лет службы) и мог уйти в отставку, однако новый попечитель Л. И. Лаврентьев дважды оставлял его на занимаемой должности библиотекаря Томского университета. В 1903 г. Кузнецов подал прошение об освобождении от долж-

ности по состоянию здоровья, затем переехал в Москву (ГАТО, ф. 102, оп. 9, д. 256, л. 66, 92, 122).

Таким образом, за томский период деятельности С. К. Кузнецов открыл и исследовал минимум 22 археологических памятника в Томской губернии от неолита до средневековья. Он внес существенный вклад в изучение и сохранение историко-культурного наследия не только современной Томской области, но и отдельных памятников Кемеровской области. Исследователь вынашивал идею собрать материал для монографического описания памятников и составления археологической карты губернии. Сегодня мы видим, что отчасти ему это удалось.

Литература и источники

- Белокобыльский*, 1986 — Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. Новосибирск, 1986.
- ГАТО, ф. 102, оп. 9, д. 256. О службе Степана Кировича Кузнецова (07.09.1888 – 15.10.1903 гг.).
- Длужневская, Лазаревская*, 2009 — Длужневская Г. В., Лазаревская Н. А. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской Археологической Комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2009.
- Дульзон*, 1956 — Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V.
- Есипова*, 2001 — Есипова В. А. Кузнецов Степан (Стефан) Кирович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001.
- Комарова*, 1952 — Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. Т. 1, № 24.
- Краснопольский*, 1898 — Краснопольский А. А. Геологические исследования и поиски каменного угля в Мариинском и Томском округе в 1896 и 1897 годах (Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. Вып. XIV). СПб., 1898.
- Кузнецов*, 1890 — Кузнецов С. К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведенных летом 1889 г. // Известия Томского университета. Томск, 1890. Кн. II.
- Кузнецов*, 1894а — Кузнецов С. К. Город Кузнецк Томской губернии и его древности // Сибирский Вестник. Томск, 1894. № 113.

- Кузнецов, 1894б — Кузнецов С. К. К вопросу об охране древностей от истребления // Сибирский Вестник. Томск, 1894. № 114.
- Кузнецов, 1898 — Кузнецов С. К. Отчет о раскопках курганного кладбища у Архиерейской заимки, близ г. Томска // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898.
- Мартынов, 1973 — Мартынов А. И. Ягуня (учебное пособие) // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973.
- Мартынов, Мартынова, 1978 — Мартынов А. И., Мартынова Г. С. Лесостепная тагарская культура и вопросы происхождения и хронологии кулайской культуры // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978.
- Матющенко, 2001 — Матющенко В. И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск, 2001. Т. I.
- Назипова, 2008 — Назипова Г. Р. К истории кабинета редкостей Императорского Казанского Университета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10, № 1.
- Ожередов, Яковлев, 1993 — Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2.
- НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1889 г., д. 62: О раскопке библиотекаря Томского Университета С. Кузнецова близ Томска. НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 132: О раскопках С. К. Кузнецова на курганном кладбище на р. Яе.
- НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1894 г., д. 45: О поручении г. Кузнецову продолжения археологических раскопок по берегам реки Яи.
- Смирнов, 2013 — Смирнов А. С. Третьейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369.
- Смирнов, 2014 — Смирнов А. С. «...Чего стоила мне эта библиотека!..» [Текст]: письмо первого библиотекаря Томского университета С. К. Кузнецова библиофилу А. Н. Островскому. 1886 г. // Отечественные архивы. 2014. № 2.
- Филимонов, 1988 — Филимонов М. Р. Книжная сокровищница Сибири. К 100-летию со дня открытия Научной библиотеки ТГУ. Томск, 1988.
- Чиндина, 1991 — Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991.
- Чиндина и др., 1991 — Чиндина Л. А. Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1.
- Чугунов, 1891 — Чугунов С. М. Экскурсия на реку Яя (из путевых заметок) // Сибирский Вестник. Томск, 1891. № 85.

Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва

Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири

В статье на основе анализа архивных материалов и литературы восстанавливаются основные вехи жизни и деятельности С. К. Кузнецова, в первую очередь в области археологии. Определяется, что в томский период (1885–1903 гг.) он открыл и исследовал более

20 памятников, в том числе такое известное культовое место, как Лысая гора. Авторами статьи составлена карта археологических памятников, обнаруженных и исследованных С. К. Кузнецовым.

L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova

Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia

Basing on analysis of literature and archive evidence this paper reconstructs the major milestones of the life and activities of Stefan K. Kuznetsov primarily in the sphere of archaeology. It was found that during his Tomsk period (1885–1903) he discovered and investigated over 20 ar-

chaeological sites including the cult place of the Lysaya Gora (Bald Mountain) so famous sometime ago. The authors of this article have compiled a map of archaeological sites revealed and investigated by S. K. Kuznetsov.

Е. Ю. Захарова¹

Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле²

Ключевые слова: Воронежская губерния, история археологии, курган, майдан, Московское археологическое общество, Д. О. Шеппинг.

Keywords: Voronezh Province, History of archaeology, kurgan, maydan (marketplace), Moscow Archaeological Society, D. O. Shepping.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-212-218

Имя Дмитрия Оттоновича Шеппинга специалистам гуманитариям известно, прежде всего, благодаря весьма внушительному списку его трудов по славянской мифологии, фольклору и быту. Они, хоть и получили в научной среде весьма скромную оценку (*Пытин*, 1890. С. 132; *Колесницкая*, 1979. С. 370; *Беловинский*, 2012. С. 21), до сих пор переиздаются (*Шеппинг*, 2007; 2012). В справочной литературе при перечислении сфер интересов Д. О. Шеппинга можно встретить и археологию (*Акиншина*, 2009. С. 608). Для этого есть основания. В середине — третьей четверти XIX в. отечественная археология как наука о древностях в самом широком смысле их понимания объединяла представителей многих гуманитарных наук. Дмитрий Оттонович был не только членом Московского археологического общества (далее — МАО) с первого года его существования (принят 17.11.1864 г.; последнее заседание с его участием — 09.04.1893 г.), но и членом Королевского Копенгагенского общества северных изыскателей древностей, членом-корреспондентом Королевского общества антиквариев Франции.

В первые десятилетия деятельности МАО, судя по протоколам заседаний, рефераты Д. О. Шеппинга, в которых затрагивались отдельные сюжеты из области славянских верований, вполне органично вписывались в тематику занятий остальных членов этого научного сообщества. При составлении ими археологического словаря «мифология» была выделена в отдельный раздел, и Д. О. Шеппинг подготовил для него около десятка статей. Интересовавшие его вопросы «по части славянской мифологии» были внесены в по-

вестку дня и обсуждались участниками первого археологического съезда, а основные выводы затем были опубликованы (*Заседания...*, 1871. С. ХСII–ХСIII; *Шеппинг*, 1871. С. 249–251).

В более узком смысле занятия Д. О. Шеппинга археологией ограничивались двумя эпизодами полевых работ, результаты которых были доложены на заседаниях МАО и опубликованы. Речь идет о раскопках курганов в имении матери в Острогжском уезде Воронежской губернии (1866 г.) и на помещичьей земле у с. Коньково Клинского уезда Московской губернии (1869 г., совместно с А. А. Гатцуком). Их результаты известны специалистам (*Пряхин, Сафонов*, 2003. С. 11; *Захарова*, 2006. С. 74; *Формозов*, 2007. С. 90).

Необходимость возвращения к этому сюжету обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, информация о Д. О. Шеппинге рассыпана по разным публикациям и архивным документам, подчас она неточная и даже противоречивая. Хотелось бы устранить это недоразумение. Во-вторых, упоминаемые в публикациях самого Шеппинга археологические реалии важны для воссоздания ранних страниц воронежской археологии. Результаты поисковой работы в этом направлении также нашли отражение в данной статье.

Сначала несколько уточняющих штрихов к биографии Дмитрия Оттоновича Шеппинга³. Еще современники практиковали употребление двух вариантов имени его отца и, соответственно, отчества: Отто (Оттович) и Оттон (Оттонович). В дальнейшем эта двойность стала проявлять себя и в публикациях. В архивном деле «Документы о правах на дворянское достоинство» Шеппинг именуется Дмитрием Оттоновичем (ГАВО, ф. 29, оп. 146, д. 31, 46 л.), что и следует признать более корректным.

¹ 394006, Россия, Воронеж, Университетская пл., 1. Воронежский государственный университет. Исторический факультет, кафедра археологии и истории древнего мира. Адрес электронной почты: ez@hist.vsu.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-11-48002 «Формирование местной традиции изучения древностей Центрального Черноземья: археологические занятия помещиков (вторая половина XIX – начало XX в.)».

³ Благодарю А. Н. Акиншину за помощь при верификации биографических сведений.

Даты жизни этого человека достоверно известны: он родился 13 июля 1823 г., умер 17 марта 1895 г. (Московский некрополь, 1908. С. 342), поэтому иные даты, приведенные в публикациях (Императорское..., 1915. С. 406; *Колесницкая*, 1979. С. 370; *Формозов*, 2007. С. 90), не верны.

Дмитрий Оттонович Шеппинг родился и провел большую часть своей жизни в Москве, где в разные годы служил в канцелярии губернатора, главном архиве МИД, выступал почетным мировым судьей (ГАВО, ф. 29, оп. 146, д. 31, л. 2–7; *Акиньшин*, 2009. С. 608–609). В мемуарах его именитых современников упоминается о гостеприимстве дома Шеппингов, душой которого была жена Мария Петровна (урожд. Языкова, 08.08.1825–17.02.1875)⁴. Для нас наиболее информативными являются воспоминания Б. Н. Чичерина, где помимо комплиментов в адрес Марии Петровны мы можем найти и характеристику Дмитрия Оттоновича: «...Другая моя большая приятельница из молодых дам была баронесса Шоппинг, рожденная Языкова... Муж ее был человек добрый, обходительный, весьма некрасивый собой, кривой, небольшого ума, но образованный, с несколько славянофильским оттенком. Он был автор исследований по славянской мифологии...» (*Чичерин*, 1929. С. 105). Приводимый в настоящей статье портрет Д. О. Шеппинга (опубл.: *Императорское...*, 1915. Табл. IX) позволяет читателю самостоятельно составить мнение о его внешности (рис. 1).

Характеризуя родственные связи Дмитрия Оттоновича, исследователи уже указывали, что по материнской линии он является правнуком Василия Алексеевича Черткова (1726–1793) — наместника Воронежского и Саратовского; племянником известного библиофила Александра Дмитриевича Черткова (1789–1858) и двоюродным братом авторитетного нумизмата Дмитрия Петровича Сонцова (1803–1875) (*Фролова*, 2007. С. 237; *Акиньшин*, 2009. С. 608). Благодаря жеманности его отца Оттона Дмитриевича Шеппинга (1790–1874) на Марии Дмитриевне Чертковой (1799–1874) были обретены крупные земельные владения в Воронежской губернии. Ко времени появления на свет Дмитрия, как сообщает М. М. Фролова, А. Д. Черткову принадлежало имение в Ольховатке, неподалеку в слободе Россошь находились владения его брата Николая, а расположенная поблизости слобода Марьевка с хуторами была отдана в качестве приданого Ма-

рии Дмитриевне Чертковой, вышедшей замуж в сентябре 1823 г. за барона Оттона Дмитриевича Шеппинга. С последним у Александра Дмитриевича сложились очень хорошие отношения, он его в письмах к сестре Екатерине Дмитриевне называл «брат Шеппинг» (*Фролова*, 2007. С. 181–182). Два комментария позволю себе относительно приведенных выше сведений. Во-первых, неверно указана дата свадьбы родителей Д. О. Шеппинга, она противоречит дате рождения его самого. Скорректировать ее позволяет следующая информация: Шеппинг Мария Дмитриевна «скончалась 25 июля 1874 года на 74 году своей жизни после 52 лет супружества и шести месяцев вдовства» (*Русский некрополь...*, 2010. С. 176). Таким образом, устанавливается дата свадьбы не позднее 1822 года. Во-вторых, есть возможность конкретизировать сведения о владениях Д. О. Шеппинга в Воронежской губернии по данным «Формулярного списка о службе». Его родовым владением был хутор Развилки (Постоялый) в Острогжском уезде (4000 десятин земли). Поблизости, в том же уезде, он унаследовал от матери слободу Марьевку с хуторами (в их числе и Ясиновский, и Гвоздовка, о которых речь пойдет ниже) (всего 18 288 десятин земли) (ГАВО, ф. 29, оп. 146, д. 31, л. 2–7). В настоящее время все эти населенные пункты относятся к Ольховатскому району Воронежской области.

М. М. Фролова справедливо полагает, что и Д. О. Шеппинг, и его брат Д. П. Сонцов испытали благотворное влияние своего родного дяди Александра Дмитриевича, а названы были, по ее мнению, «в честь своего славного деда Дмитрия Васильевича Черткова» (*Фролова*, 2007. С. 237). Последняя ремарка спорна, учитывая, что у Шеппинга и по отцовской линии дед с именем Дитрих Эрнст (в Российской империи — Дмитрий Федорович) был не менее славным. На мой взгляд, важно то обстоятельство, что в этой семье, по мнению А. Н. Акиньшина и О. Г. Ласунского, жили «с чувством сопричастности к благоденствию державы, дорожили семейными традициями. <...> Чертковы так и вошли в национальное общественное сознание как несколько поколений ревнителей просвещения и культуры, поборников русской самобытности, не исключая лучшей европейской традиций» (*Акиньшин, Ласунский*, 2009. С. 115, 144). В этом смысле Дмитрий Оттонович является достойным представителем своей знатной семьи.

Он относится к тому типу деятелей отечественной культуры, о которых А. А. Формозов писал следующее: «Это просвещенные дворяне — любители старины,

⁴ Их свадьба состоялась 28 сентября 1847 г. В браке родилось четверо детей: Мария (17.12.1848–1916), Елизавета (17.04.1850–?), Владимир (01.08.1853–16.01.1921), Аглайда (08 или 11.02.1856–?).

Рис. 1. Дмитрий Оттонович Шеппинг (13.07.1823–17.03.1895).

Fig. 1. Dmitriy Ottonovich Shepping (13.07.1823–17.03.1895).

образованные, начитанные, но не влившиеся в ряды профессиональных ученых, а оставшиеся дилетантами, в добром значении этого слова...» (Формозов, 2007. С. 50). В литературе уже был отмечен один из самых «устойчивых генетических признаков Чертковых» — «страсть к чтению и собирательству книг» (Акинъшин, Ласунский, 2009. С. 127). Вероятно, имея в виду эту семейную черту и опыт Шеппинга (в 1848–1850 гг. служил чиновником в библиотеке гл. архива МИД), 26 апреля 1870 г. Дмитрий Оттонович был избран библиотекарем и хранителем музея МАО (Протоколы..., 1871. С. 259). Эту должность он исполнял с некоторыми перерывами (заграничные поездки) до 25 февраля 1874 г. (Протоколы..., 1875. С. 19), когда «по разным домашним обстоятельствам сложил полномочия» (Отчет..., 1877. С. 23). По времени это совпадает со смертью его отца, за которой последовала череда потерь самых близких людей — матери и жены. Его работа в качестве библиотекаря была высоко оценена А. С. Уваровым: «Как музей наш, так и наша библиотека, благодаря заботам и усердию хранителя

их барона Д. О. Шеппинга, приведены в порядок, и к одному из будущих выпусков наших Древностей можно будет уже приложить каталог нашей библиотеки» (Протоколы..., 1873. С. 317). Действительно, 17 ноября 1871 г. Шеппинг представил составленный им каталог и приложенные к нему пожелания (*desiderata*) (Там же. С. 324). Спустя год по его инициативе были регламентированы правила пользования библиотекой Общества (Протоколы..., 1874. С. 18). Оставляя в стороне иные интересы Дмитрия Оттоновича, охарактеризуем его археологические занятия (в узком понимании этой сферы деятельности), связанные с воронежской землей.

Поразительный факт! Первая публикация, посвященная раскопкам курганов в Воронежской губернии, увидела свет в Брюсселе. Это брошюра небольшого формата на французском языке: «Письмо о раскопках, произведенных в Воронежской губернии, опубликованное, с некоторыми примечаниями, бароном Дмитрием Шеппингом, членом-корреспондентом Королевского общества антиквариетов Франции, и т. д.» (Lettre..., 1847). В ней воспроизведен текст собственно письма от 23 апреля / 5 мая 1847 г., в котором изложены результаты раскопок «городка у хутора Ясиновка в Острогжском уезде», а затем следуют авторские комментарии. Публикация не издавалась в России, не переводилась на русский язык и еще при жизни автора стала библиографической редкостью, чем и объяснялось краткое изложение ее содержания спустя два десятка лет в примечаниях издателя к тексту реферата Д. О. Шеппинга по сходной тематике (Котляревский, 1867. С. 65–66).

До сих пор остается невыясненным вопрос об авторе указанного письма. Признаю неправомочность своего первоначального предположения о том, что эти раскопки мог проводить Дмитрий Оттонович (Захарова, 2006. С. 74). По «Формулярному списку о службе» можно установить его сроки пребывания за границей — с мая 1844 г. по февраль 1848 г. с очень непродолжительными перерывами (ГАВО, ф. 29, оп. 146, д. 31, л. 3). Более корректный перевод текста с французского языка также исключает первоначальную гипотезу, поскольку в письме неизвестный обращается к Д. О. Шеппингу со следующими репликами: «Я всегда сопротивлялся желанию, которое мучило меня с давнего времени, узнать, что же содержат наши курганы, и что было там, в глубине. <...> Теперь, опираясь на ваши данные, я, наконец, закусив удила моего любопытства, могу разрешить отчасти эти археологические вопросы...» (Lettre..., 1847. Р. 1). Таким

образом, первые документированные раскопки курганов Воронежской губернии были проведены во владениях Шеппингов, и представитель именно этой семьи опубликовал их результаты, но кто провел полевые работы, пока остается невыясненным. В этой связи важно замечание М. М. Фроловой, относящееся к событиям, близким по времени: «...Упорядочился и семейный уклад: по маю на лето выезжали в загородные имения, а на зиму вновь возвращались в Москву, как и было заведено между московскими помещиками. Мария Дмитриевна Шеппинг с супругом, избравшим Москву для жительства, также следовали этому порядку» (Фролова, 2007. С. 201). Можно также предполагать, учитывая сложившиеся в семье традиции, что стимулом для раскопок в Острогожском уезде стали исследования А. Д. Чертковым несколькими годами ранее курганов в Подмоскowie. Но, в отличие от последнего, Шеппинг вслед за З. Ходаковским стремился аргументировать культовое (храмовое) предназначение раскопанного объекта.

Сам Д. О. Шеппинг организовал раскопки в середине 1860-х гг. в том же острогожском имении матери при слободе Марьевка, у хутора Гвоздовка. О результатах было доложено на заседании МАО 12 января 1867 г. (Протоколы..., 1870. С. 342). Увидели свет и две публикации по итогам работ (Шеппинг, 1866; 1867). Содержание публикаций почти идентично: описаны ход раскопок и найденные при этом артефакты (рис. 2). Повторю уже высказанное мною в печати мнение о том, что все три кургана к моменту проведения археологических работ пострадали от селитроваренного производства (именно такие насыпи у местных жителей именовались майданами)⁵. Некоторые из обнаруженных захоронений по своему обряду и сопутствующей керамике могут быть отнесены к кругу катакомбных древностей среднего бронзового века (Захарова, 2006. С. 74). Мною предпринимаются усилия по поиску коллекции древностей Д. О. Шеппинга, но пока безрезультатно.

В анализируемых публикациях Д. О. Шеппинг говорит об отсутствии в «Гвоздовских Майданах» всяких посторонних вещей при мертвецах, за исключением глиняных горшков, как о «типической черте». При этом он пишет, что «этот факт встретился и в раскопках подобных же курганов при слободе Россось не-

сколько лет тому назад» (Шеппинг, 1867. С. 65). К настоящему времени мне удалось только установить имя помещика, по инициативе которого проводились указанные раскопки. В статье воронежского краеведа Т. М. Олейникова читаем: «В настоящее время о татарах свидетельствуют попадающиеся в Россошанской местности курганы. Некоторые из этих курганов, по раскопкам Г. А. Черткова, оказались могилами; другие, очевидно, были сторожевыми пунктами» (Олейников, 1915–1916. С. 2). Григорий Александрович Чертков (1832–1900) — сын упоминавшегося выше Александра Дмитриевича. Пока это единственное свидетельство его интереса к археологии.

Наблюдения Д. О. Шеппинга о внешнем сходстве памятников и культурной близости некоторых захоронений в них подтвердили впоследствии аспирант РАИМК С. Н. Замятнин и сотрудник Воронежского музея Д. Д. Леонов, проводившие «небольшие раскопки у г. Россоси» в июне-июле 1925 г. Они зафиксировали на выгоне, к северу от города, группу курганов — «около 20 насыпей». С. Н. Замятнин писал: «Три более крупных раскопаны в древности в целях селитроварения и представляют из себя так называемые майданы» (Замятнин, 1925. С. 20). Сами они раскопали четыре насыпи, три из которых содержали захоронения «времени "скорченных" костяков», где основным инвентарем были сосуды. Аналогии им С. Н. Замятнин, как и А. А. Котляревский, нашел среди катакомбных древностей бассейна Северского Донца (Котляревский, 1867. С. 66; Замятнин, 1925. С. 20–21).

Д. О. Шеппинг считал целью своей статьи «обратить внимание землевладельцев края на эти любопытные памятники доисторической старины и вызвать тем — со временем — новые розыски и сведения по важной отрасли нашей туземной археологии, каковы майданы и городища» (Шеппинг, 1867. С. 65). Во владениях самого Шеппинга, надо полагать, такие «розыски» поощрялись. 21 октября 1871 г. на заседании МАО было сообщено о пожертвовании им в музей Общества древней кольчуги, найденной на хуторе Развилки (Протоколы..., 1873. С. 320).

В заключение хочу привести слова Л. В. Беловинского: «Конечно, это ученый не первого ряда. <...> Это имя вписывается в историю русской науки о древней словесности и верованиях русского народа с такой же точностью, как патрон входит в патронник» (Беловинский, 2012. С. 21). В полной мере его оценка отражает и место Дмитрия Оттоновича Шеппинга в истории отечественной археологии.

⁵ Проблема атрибуции майданов в археологии имеет собственную историографию. Отмечу лишь, что признание получила точка зрения В. А. Городцова, дополнительно аргументированная А. А. Спицыным (Городцов, 1904. С. 29–39; Спицын, 1906. С. 1–28).

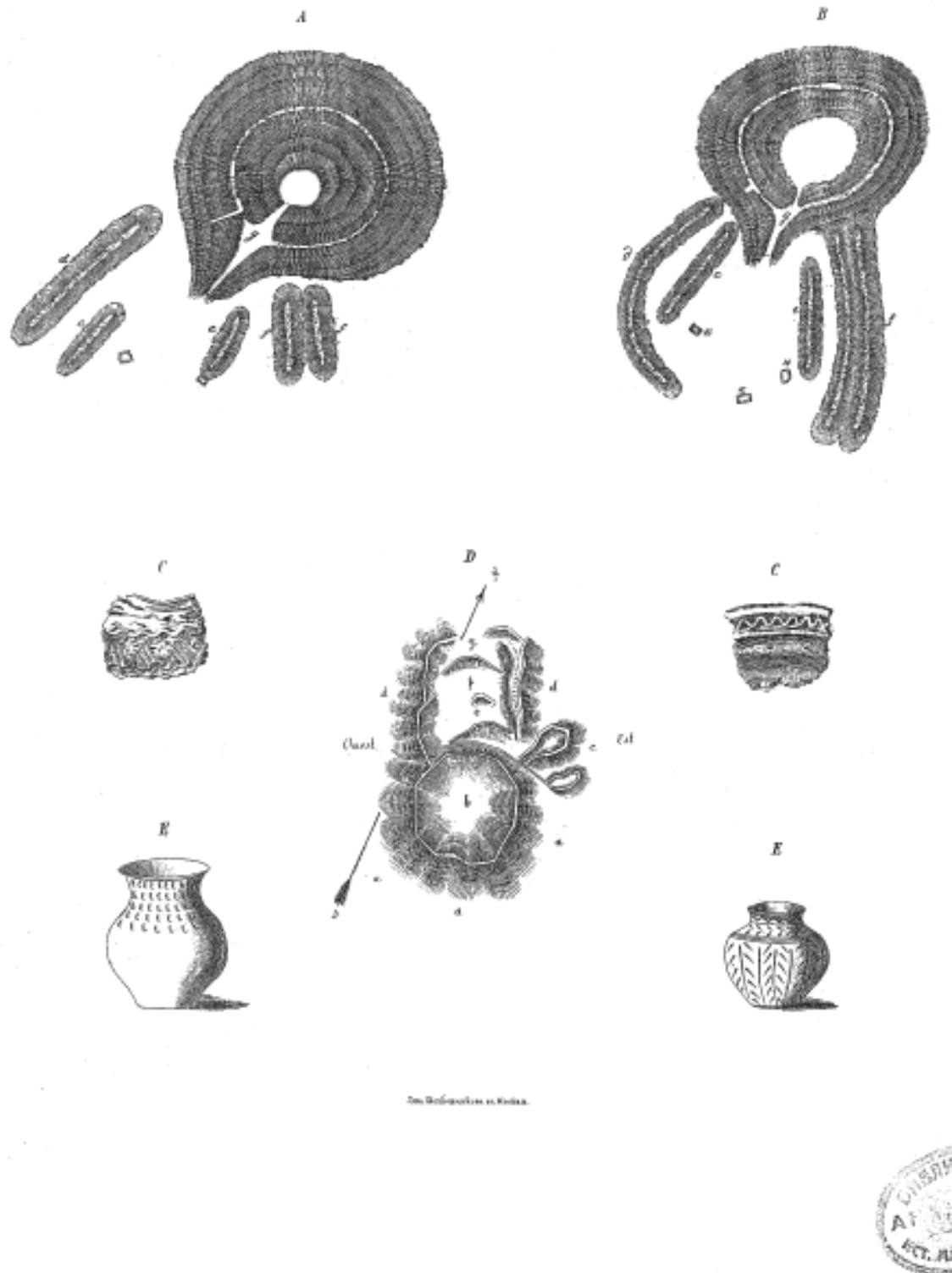

Рис. 2. Майданы у сел. Марьевка Острогожского уезда Воронежской губернии (по: Шеннинг, 1867. Рис.):
A, B — планы майданов у хутора Гвоздовка; *C* — фрагменты керамики из Гвоздовских майданов; *D* — план майдана
у хутора Ясиновского; *E* — реконструкции сосудов из Ясиновского майдана.

Fig. 2. *Maydans* (marketplaces) near the village of Maryevka, Ostrogozh district of Voronezh Province (after: Шеннинг, 1867).
A, B — plans of *maydans* near the farmstead of Gvozdovka; *C* — fragments of pottery from Gvozdovo *maydans*;
D — plan of the *maydan* near the farmstead of Yasinovsky; *E* — reconstructions of pottery from the *maydan* of Yasinovsky.

Литература и источники

- Акинъшин*, 2009 — *Акинъшин А. Н.* ШЕППИНГ Дмитрий Оттонович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Воронеж, 2009.
- Акинъшин, Ласунский*, 2009 — *Акинъшин А. Н., Ласунский О. Г.* Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж, 2009.
- Беловинский*, 2012 — *Беловинский Л. В.* Процесс изучения русской народности в XIX – начале XX в. // Шеппинг Д. О. Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М., 2012.
- ГАВО, ф. 29, оп. 146, д. 31: Документы о правах на дворянское достоинство Губернского секретаря барона Дмитрия Оттоновича Шеппинг.
- Городцов*, 1904 — *Городцов В. А.* Майданы // Древности. Труды MAO. М., 1904. Т. XX, вып. 2.
- Замятнин*, 1925 — *Замятнин С. Н.* Археологические исследования в Острогожском и Россошанском уездах в июне-июле 1925 г. // Известия Воронежского краеведческого общества. 1925. № 2.
- Заседания..., 1871 — Заседания I отделения: Древности первобытные // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. I.
- Захарова*, 2006 — *Захарова Е. Ю.* История изучения памятников эпохи бронзы Воронежской губернии (середина XIX в. – начало XX в.) // АВЕЛ. Воронеж, 2006. Вып. 20.
- Императорское..., 1915 — Императорское Московское Археологическое Общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. II: Биографический словарь членов общества / под ред. графини П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915.
- Колесницкая*, 1979 — *Колесницкая И. М.* ШЕППИНГ Дмитрий Оттонович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
- Котляревский*, 1867 — *А. К.* Примечание // Древности. Археологический вестник, издаваемый MAO / под ред. д. чл. А. А. Котляревского. М., 1867. Т. 1.
- Московский некрополь, 1908 — Московский некрополь / Великий князь Николай Михайлович. СПб., 1908. Т. 3.
- Олейников*, 1915–1916 — *Олейников Т.* Слобода Россошь Острогожского уезда и ее Крестовоздвиженская церковь // Воронежская старина. Приложение. Воронеж, 1915–1916. Вып. 14.
- Отчет..., 1877 — Отчет о деятельности MAO (15.01.1874–17.02.1875) // Древности. Труды MAO. М., 1877. Т. VII, вып. 1.
- Протоколы..., 1870 — Протоколы заседаний MAO // Древности. Труды MAO. М., 1870. Т. 2, вып. 3.
- Протоколы..., 1871 — Протоколы заседаний MAO // Древности. Труды MAO. М., 1871. Т. 3, вып. 2.
- Протоколы..., 1873 — Протоколы заседаний MAO // Древности. Труды MAO. М., 1873. Т. 3, вып. 3.
- Протоколы..., 1874 — Протоколы заседаний MAO // Древности. Труды MAO. М., 1874. Т. 4, вып. 1.
- Протоколы..., 1875 — Протоколы заседаний MAO // Древности. Труды MAO. М., 1875. Т. VI, вып. 1.
- Пряхин, Сафонов*, 2003 — *Пряхин А. Д., Сафонов И. Е.* Изучение и оценка памятников эпохи бронзы доно-донецкого региона во второй половине XIX — первой половине XX вв. // АВЕЛ. Воронеж, 2003. Вып. 17.
- Пыпин*, 1890 — *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1.
- Русский некрополь..., 2010 — Русский некрополь в Висбадене / сост. Н. А. Дубовицкий. СПб., 2010.
- Спицын*, 1906 — *Спицын А.* Майданы // ЗОРСА РАО. СПб., 1906. Т. VIII.
- Формозов*, 2007 — *Формозов А. А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007.
- Фролова*, 2007 — *Фролова М. М.* Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М., 2007.
- Чичерин*, 1929 — *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Т. 2: Москва сороковых годов. М., 1929.
- Шеппинг*, 1866 — *Шеппинг Д.* Раскопка двух майданов Острогожского уезда // Воронежский листок. 18 сентября 1866 г. № 50.
- Шеппинг*, 1867 — *Шеппинг Д.* Известие о раскопке двух майданов // Древности. Археологический вестник, издаваемый MAO / под ред. д. чл. А. А. Котляревского. М., 1867. Т. 1.
- Шеппинг*, 1871 — *Шеппинг Д. О.* О мифологии русских славян // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. I: Приложения.
- Шеппинг*, 2007 — *Шеппинг Дм.* Мифы славянского язычества. М.; Екатеринбург, 2007.
- Шеппинг*, 2012 — *Шеппинг Д. О.* Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М., 2012.
- Lettre..., 1847 — Lettre sur une fouille faite dans le gouvernement de Voronège, en Russie, publiée, avec quelques observations, par le V. Dmitry de Schoeppingk. Bruxelles, 1847.

Е. Ю. Захарова

Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле

Дмитрий Оттонович Шеппинг (13.07.1823–17.03.1895) относится к числу просвещенных дворян — любителей старины. Его имя известно, прежде всего, благодаря трудам по славянской мифологии, фольклору и быту. Он был членом Московского археологического общества (в 1870–1874 гг. библиотекарем и хранителем музея), Королевского Копенгагенского общества северных изыскателей древностей, членом-корреспон-

дентом Королевского общества антиквариетов Франции. Занятия Д. О. Шеппинга археологией ограничивались двумя эпизодами полевых работ в Воронежской и Московской губерниях, результаты которых опубликованы. В данной статье верифицированы биографические сведения о Д. О. Шеппинге и проанализированы его археологические публикации с позиций воссоздания ранних страниц воронежской археологии.

Е. Yu. Zakharova

Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezh land

Baron Dmitriy Ottonovich Shepping (von Schöppingk, 13.07.1823–17.03.1895) belonged to the number amateurs of antiquities among the educated noblemen. His name is known primarily owing to his works on the Slavic mythology, folklore and life mode. He was a member of the Moscow Archaeological Society (in 1870–1874 he was a librarian and a curator in its museum), of the Royal Copenhagen Society of the Northern Researchers of Antiquities, Corre-

sponding Member of the Society of Antiquarians of France. In the narrower sense, D. O. Shepping's studies in archaeology were limited by two field seasons in the Voronezh and Moscow Provinces, of which the results have been published. In the present paper, the biographic information about D. O. Shepping is checked and his archaeological publications are analysed in terms of reconstruction of the earlier pages of the Voronezh archaeology.

В. А. Алёкшин¹

Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)

Ключевые слова: антропология, Ф. К. Волков, Высшая школа антропологии, доисторическая археология, курган, методика раскопок, А. А. Миллер, Париж, Русская высшая школа общественных наук, этнография.

Keywords: Anthropology, F. K. Volkov, the Higher School of Anthropology, primeval archaeology, kurgan, method of excavations, A. A. Miller, Paris, Russian Higher School of Social Sciences, ethnography.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-219-226

Александр Александрович Миллер (1875–1935), талантливый русский археолог, этнограф и музейвед, вошел в науку зрелым тридцатилетним человеком. Он получил среднее образование в Донском кадетском корпусе (Новочеркасск, 1886–1893), а затем продолжил учебу в Николаевском инженерном училище (Санкт-Петербург, 1893–1896) (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. I. Л. 1, 14 об.; оп. 6, д. 882, л. 76 об.; *Корягин*, 1999. С. 41; НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 3; *Тихонов*, 2003. С. 162), куда поступил в соответствии с традициями своего рода, согласно которым молодой человек должен был проявить себя на военном поприще. Все предки А. А. Миллера по мужской линии, исключая жившего в первой половине XVIII в. армейского врача Абрама Егоровича, служили казачьими кавалерийскими офицерами (*Корягин*, 1999).

Однако веяния времени скорректировали выбор А. А. Миллером военной специальности. Окончив третий класс училища по первому разряду (инженерные части), он был произведен 12 августа 1896 г. в подпоручики и направлен на службу в 4-й железнодорожный батальон, дислоцированный в местечке Барановичи Новогрудского уезда Минской губернии (ныне административный центр Барановичского района Брестской области Республики Беларусь) (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. I, л. 1, 1 об., 14 об.; оп. 6, д. 882, л. 76 об.; *Корягин*, 1999. С. 41; НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 3; *Тихонов*, 2003. С. 162). Таким образом, молодой человек, овладев техническими знаниями, стал первым в истории своего рода офицером инженерных войск. 1 августа 1899 г.

А. А. Миллер был произведен в поручики (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. I, л. 18 об.).

Весной 1901 г. он решил оставить армию. В сохранившихся источниках ничего не сказано об обстоятельствах, побудивших молодого офицера уйти со службы. Можно предположить, что в душе поручика взяла верх тяга к совершенно иной сфере деятельности. Трудно сказать, когда у него возник интерес к древностям южных и юго-западных губерний России, к быту и обычаям населяющих их народов, а также увлечение живописью. Но, очевидно, к началу XX в. эти стремления уже твердо оформились. Отдав дань семейным традициям, А. А. Миллер, вероятно, почувствовал в себе силы порвать с ними и связать себя с наукой, увлечение которой давно гнездилось в его сердце. Так или иначе, А. А. Миллер, отойдя от неписаных законов семьи, воспитавшей не одно поколение боевых офицеров, оставил службу в мае 1901 г. И хотя свидетельство об его увольнении было выдано лишь на 11 месяцев, с армией поручик расстался на несколько лет. Позднее он, очевидно, подал прошение о переводе в запас. 12 мая 1902 г. в соответствии с приказом, подписанным императором, А. А. Миллер был зачислен в запас по Таганрогскому округу Области Войска Донского (Там же, л. 12, 20 об.).

Уйдя с военной службы, он отправился в Париж, чтобы получить «специальное образование» (Там же, ч. II, л. 2; *Тихонов*, 2003. С. 162). Точка зрения о том, что главным мотивом отъезда А. А. Миллера за границу стало его желание совершенствоваться в искусстве рисования (*Платонова*, 2010. С. 165), мне кажется весьма спорной. В документах, относящихся к 1918–1933 гг., ученый лишь дважды кратко упоминает о том, что посещал частную Академию художеств (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 1; НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3,

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: valyokshin1@yandex.ru

д. 430, л. 7), основанную в 1868 г. художником Р. Жульеном и носящую его имя, причем нигде не указан срок, в течение которого А. А. Миллер обучался в этом учебном заведении.

Принципиально иное значение А. А. Миллер придавал своим занятиям в Высшей школе антропологии в Париже, информация о которой часто встречается в сохранившихся документах. В письме товарища управляющего Русского музея графа Д. И. Толстого, адресованном 24 января 1909 г. А. А. Мосолову, начальнику канцелярии Министерства Императорского двора и уделов, сообщается, видимо, со слов самого А. А. Миллера, что он слушал в парижской школе систематические курсы по антропологии, этнологии, этнографии, археологии и истории культуры (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. I, с. 25). В собственноручно написанном в начале 1920-х гг. Curriculum Vitae (далее CV) ученый пишет, что работал в этом учебном заведении и музеях до 1905 г. (Там же. Ч. II, с. 2). В личном деле члена ГАИМК А. А. Миллера имеется листок по учету кадров, заполненный 29 марта 1931 г. В нем исследователь указал, что после окончания археологического отделения Антропологической школы получил специальность «археолог-доисторик» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 3). В анкете, представленной в 1931 г. в администрацию ГРМ по случаю переписи научных и научно-технических работников, ученый отметил, что учился в течение трех лет в Высшей школе антропологии на факультете доисторической археологии, а после ее завершения в 1904 г. стал специалистом в этой области (АГРМ (I), оп. 6, д. 882, л. 76 об.). В личном листке по учету, оформленном в ГРМ 24 января 1932 г., также дана информация о том, что А. А. Миллер занимался в парижском учебном заведении в течение трех лет (1901–1904), специализируясь по доисторической археологии. Впоследствии он относил начало своей научной работы именно к 1901 г. (СПФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 472, л. 9). Полностью окончив курс этой школы, отставной офицер приобрел познания в сфере материальной культуры, благодаря чему мог профессионально заниматься археологией и этнографией (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 79).

Сведения о научной специализации А. А. Миллера сохранились и в других документах. В заполненной 15 августа 1922 г. учетной карточке ПГУ/ЛГУ профессией исследователя названа доисторическая археология (АСПбГУ, ф. 1, оп. личных карточек профессорско-преподавательского состава за 1920–1940 гг., д. 628, л. 764), в датированном октябрём 1923 г. документе из собрания РАН — доисторическая археология и этнография (СПФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 472, л. 7), в неда-

тированном документе из этого же собрания — этнография и археология (Там же. Л. 8), в оформленном 24 мая 1931 г. опросном листе, предназначенном для справочника «Наука и научные сотрудники СССР», — археология и этнография (история материальной культуры) (Там же. Л. 9).

После окончания Высшей школы антропологии слушатель до 1905 г. находился во Франции (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 79). В какой именно месяц 1901 г. он приступил к занятиям в этом учебном заведении, в документах не указано, но, вероятнее всего, это произошло в конце лета или в начале осени. К этому же времени года, видимо, относится и завершение им здесь образования в 1904 г. В монографии Л. С. Клейна приведена неверная дата завершения слушателем курса обучения — 1906 г. (Клейн, 2014. С. 29).

А. А. Миллер посещал в Париже еще одно учебное заведение, о котором он упоминает в трех документах. Речь идет о Русской высшей школе общественных наук (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 2; оп. 6, д. 882, л. 76 об.; НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 3; Тихонов, 2003. С. 162), которая возникла при французской Высшей школе социальных наук и возглавлялась видными русскими учеными (биолог И. И. Мечников, историк и правовед М. М. Ковалевский, юрист Ю. С. Гамбаров), лишёнными права преподавать в университетах России по политическим мотивам. Эти профессора продолжили свою деятельность в Париже, куда стали приезжать молодые люди из России, не имеющие по различным причинам возможности получить образование на родине. Русская высшая школа общественных наук, в которой преподавание велось на русском языке, уже в 1902 г. насчитывала 250 слушателей, две трети которых приехали из России. Это учебное заведение, осуществлявшее общую гуманитарную подготовку слушателей и обучавшее их теоретическим методам, имело, однако, существенный недостаток. Лекции здесь носили характер конференций и отдельных бесед по разным вопросам, причем занятия шли неравномерно, отчего студенты не получали в школе цельного систематического образования. Самым негативным фактором, повлиявшим на деятельность этой школы, стала ее политизация, выразившаяся в конфликтах, которые иногда переходили в кулачные потасовки между слушателями прямо в аудиториях. В школе яростно враждовали сторонники социал-демократов и социалистов-революционеров — двух нелегальных в то время политических партий России. В 1903 г. в числе лекторов данного учебного заведения значились эсер В. М. Чернов и большевик В. И. Ленин, а в числе слушателей —

социал-демократ Л. Д. Троцкий и даже жена Е. Ф. Азефа, главы боевой организации эсеров. Раздираемая политическими склоками и недостаточно финансируемая Русская школа, отдельные преподаватели которой подвергались преследованиям со стороны императорского правительства, прекратила свое существование в январе 1906 г. (Гутнов, 2001. С. 243–247, 250, 252, 254–257; 2003. С. 215, 217, 221, 223–229; Долгова, 2011. С. 270–272, 274–275, 277–278).

А. А. Миллер сообщает в CV, что в упомянутом учебном заведении он слушал лекции по доисторической археологии и истории первобытной культуры (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 2). Позднее А. А. Миллер указывал, что в течение двух лет занимался в Русской школе по специальности «древний мир» (1901–1903), но не окончил это учебное заведение (Там же. Оп. 6, д. 882, л. 76 об.; НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 3). Хотя в программе последнего значились курсы по всеобщей и русской истории (Гутнов, 2001. С. 252; 2003. С. 220; Долгова, 2011. С. 272), А. А. Миллер под названием «древний мир» подразумевал, видимо, лекции по археологии и этнографии, поскольку исторические курсы в Русской школе читали специалисты по средневековью и новому времени, а эти области гуманитарного знания лежали вне сферы научных интересов уволенного в запас офицера, который в 1903 г. оставил такое необычное образовательное учреждение, очевидно, из-за упомянутой выше его чрезмерной политизации.

По мнению Н. И. Платоновой, прибыв в 1901 г. в столицу Франции, А. А. Миллер стал слушателем Академии Жульена и параллельно начал посещать лекции в Русской высшей школе общественных наук, а затем под влиянием знакомых профессоров поступил в Высшую школу антропологии в Париже (Платонова, 2010. С. 165–166). Однако вряд ли можно реконструировать именно такую последовательность событий, связанных с получением А. А. Миллером образования за границей. Увольнение его в запас и отъезд во Францию, вероятно, не были разделены большим промежутком времени, а следовательно, отставной офицер оказался в Париже уже летом 1901 г. Русская высшая школа общественных наук еще не функционировала к моменту его приезда, так как открылась лишь в ноябре 1901 г., и, таким образом, явилась последним в очередности поступления учебным заведением, слушателем которого А. А. Миллер стал за границей. Время его зачисления в Академию Жульена и в Высшую школу антропологии в Париже не указано в документах, отложившихся в архивах Санкт-Петербурга.

В целом рассмотренные сведения позволяют сделать вывод, отчасти разделяемый и Л. С. Клейном (2014. С. 29), о том, что главная цель длительного пребывания в Париже отставного офицера заключалась в получении им здесь археологического и этнографического образования. На родине ученого этим гуманитарным специальностям обучали только в университетах, но в России в соответствии с университетским уставом 1884 г. право поступления в эти учебные заведения предоставлялось лишь лицам, окончившим гимназию или приравненное к ней образовательное учреждение (Аврус, 2001. С. 32; Новиков, Перфилова, 2014. С. 33). А. А. Миллер получил среднее образование в одном из кадетских корпусов, целью которых было «доставлять малолетним, предназначенным к военной службе в офицерском звании и, преимущественно сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание» (Брокгауз, Ефрон, 1894. С. 874–875), что исключало возможность приравнивания кадетского корпуса к гимназии. Не имело гимназического статуса и военное инженерное училище, полный курс которого окончил А. А. Миллер. Поэтому на родине ему был заказан путь к университетскому образованию. Чтобы получить профессиональную гуманитарную подготовку, молодому человеку пришлось покинуть военную службу и отправиться на чужбину. Достойны восхищения стойкость и упорство уволенного в запас офицера, благодаря которым он сумел обойти, казалось бы, непреодолимую преграду и, в конечном счете, получил возможность заниматься любимым делом.

В пользу такого объяснения замысла А. А. Миллера свидетельствуют и другие факты. Например, приехав в Россию на первые летние каникулы (1902 г.), он немедленно приступает к исследованию курганов в Таганрогском округе Области Войска Донского: у села Покровского (ныне районный центр Неклиновского района Ростовской области), а также близ поселка Гусельщикова около станицы Новониколаевской (ныне село Гусельшиково Новоазовского района самопровозглашенной Донецкой Народной Республики) (Ларенок, 1998. С. 77; Миллер, 1903; 1905; Miller, 1904). Эти раскопки начались, вероятно, по заданию Подготовительного комитета, проводившего работы по организации XII Археологического съезда, который состоялся в Харькове с 15 по 27 августа 1902 г. (Volkov, Miller, 1903. P. 110).

В 1903 г., как свидетельствует запись в личном деле члена ГАИМК, начинающий ученый становится членом Французского доисторического общества (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 7), о чем имеется

также сведение в CV, но без указания даты вступления (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 4), причем в последнем документе название общества приведено по-французски: «Société préhistorique de France». Однако в 1903 г. проходила лишь подготовительная работа по его организации, а создано оно было в начале следующего года (Wartelle, 2004. P. 170, fig. 2), поэтому вступление молодого исследователя во Французское доисторическое общество не могло состояться ранее 6 января 1904 г.

В официальных документах, например в анкете переписи научных и научно-технических работников в 1931 г., сообщается также о членстве А. А. Миллера во Французском антропологическом обществе (АГРМ (I), оп. 6, д. 882, л. 77), что подтверждается справкой от 7 декабря 1930 г., подготовленной администрацией ГРМ для сектора науки Народного комиссариата просвещения, и в этом случае название общества, созданного еще в 1859 г. (Wartelle, 2004. P. 170, fig. 2), дано в справке по-французски: «Société d'anthropologie de Paris» (АГРМ (I), оп. 6, д. 774, л. 113). Дата вступления А. А. Миллера в это общество не упомянута в источниках. Скорее всего, он стал его членом в период своего обучения в Высшей школе антропологии, которая была учреждена при Антропологическом обществе. Следовательно, отставной офицер состоял одновременно в двух научных обществах Франции, но по какой-то причине указал в каждом из сохранившихся документов свою принадлежность лишь к одному из них.

Итак, род занятий А. А. Миллера во Франции и в России на протяжении 1901–1905 гг. указывает на то, что уже тогда изыскания в области археологии и этнографии сделались для него приоритетными. Но эта деятельность не исключала увлечения молодого исследователя живописью, о чем известно из его частной переписки тех лет (Тихонов, 2015. С. 40). В ходе обучения начинающий ученый не ограничивал себя занятиями в Париже. Он также выезжал в Берлин и Лондон, видимо, для работы в библиотеках и музеях этих европейских столиц (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 3).

В зарубежный период своей жизни А. А. Миллер сблизился с русским эмигрантом, профессором Федором Кондратьевичем Волковым (1847–1918), а также французским археологом и художником Адрианом де Мортилье. Под их непосредственным руководством отставной офицер работал в Высшей школе антропологии в Париже (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 2; НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 6). В Русской

высшей школе общественных наук молодой исследователь также слушал лекции профессора Ф. К. Волкова (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 2), количество курсов которого здесь неуклонно нарастало в течение 1901–1903 гг. (Долгова, 2011. С. 272, 274).

Некоторые историографы полагают, что именно эмигрант из России стал научным наставником А. А. Миллера (Клейн, 1997. С. 50; Платонова, 2010. С. 149, 153; Семенов, 1997. С. 38; Таран, 2012. С. 10; Тихонов, 2003. С. 121, 130, 162), предопределив его формирование как археолога. Другие исключают отставного офицера из числа учеников Ф. К. Волкова (Крикуненко, 2012. С. 5; Тишкин, Шмидт (Льжжикова), 2001. С. 19; Франко А., Франко О., 1990. С. 94; 1997. С. 21). Чтобы вынести верное суждение по данному вопросу, следует ознакомиться с общественной и профессиональной деятельностью последнего.

Ф. К. Волков окончил полный курс отделения естественных наук физико-математического факультета Киевского университета Святого Владимира (1867–1871), специализируясь по химии и ботанике. Однако интерес к этнографии, проявившийся у него еще в гимназические времена, побудил его предложить свои услуги собирателя фольклорных материалов существовавшему в Киеве в 1873–1876 гг. Юго-Западному отделу ИРГО.

В августе 1874 г. Ф. К. Волков принял участие в подготовке и проведении III Археологического съезда в Киеве, на котором выступил с сообщением об отличительных чертах южнорусской орнаментики. В 1875–1876 гг. он собирал в Киевской и Волынской губерниях, расположенных на юго-западе Российской империи, фольклорный и этнографический материал, будучи участником археологической экспедиции, которой руководил известный киевский историк и археолог профессор В. Б. Антонович. Однако, несмотря на свои занятия этнографией, Ф. К. Волков оставался, в сущности, дилетантом в гуманитарных науках.

Позднее он сблизился с движением радикальных народников, что на долгое время прервало его связи с наукой. Из-за своего участия в антиправительственной деятельности Ф. К. Волков был вынужден эмигрировать в 1879 г. На чужбине беглец провел 27 лет, живя в Румынии и Швейцарии.

В 1887 г. эмигрант перебрался в Париж. Здесь он постепенно отошел от социалистического движения и решил вновь заняться наукой, на этот раз антропологией и этнографией. Ф. К. Волков намеревался изучать быт украинского населения Добруджи, Галиции,

Буковины, Закарпатья и Сербии. Чтобы реализовать свою цель, выходец из России, несмотря на сорокалетний возраст, становится слушателем Высшей антропологической школы, созданной в 1876 г. французским ученым П. Брока при Антропологическом обществе в Париже, членом которого русский эмигрант стал позднее, получив рекомендации знаменитого исследователя древностей каменного века Франции Габриеля де Мортилье. Благодаря речательству последнего и поддержке антрополога Л. Манувриэ изгнанник из России вступил также во Французское доисторическое общество и в комитет Общества научных экскурсий. Кроме того, он являлся членом редколлегии журнала «L'Anthropologie».

Ф. К. Волков получал высшее гуманитарное образование в 1888–1896 гг., углубленно изучая в течение почти десяти лет славянскую этнографию, доисторическую и географическую антропологию, сравнительную анатомию, этнологию, геологию и социологию. Таким образом, его становление как ученого, имеющего концептуальный взгляд на объект и предмет антропологии и этнографии, а также собственную методику изучения эмпирического материала, приходится лишь на конец XIX – начало XX в.

Значительно реже исследователь обращался к вопросам доисторической археологии, хотя, прослушав ее курс в Высшей антропологической школе, он стал читать эту дисциплину наряду с антропологией, славянской и сравнительной этнографией в Русской высшей школе общественных наук в Париже в течение всего периода существования последней.

После амнистии политическим эмигрантам, объявленной в России 21 октября 1905 г., Ф. К. Волков получил возможность вернуться на родину. Официальное разрешение на это он получил в январе 1906 г., однако ему запретили проживание на Украине. В январе 1907 г. ученый занял должность приват-доцента по кафедре географии и этнографии физико-математического факультета ИСПБУ, где начал читать лекции по антропологии и доисторической археологии, а также обрел должность хранителя ЭО РМ. С этого времени и вплоть до начала Первой мировой войны Ф. К. Волков организовал несколько этнографических экспедиций как на юго-запад России, так и в Австро-Венгрию (Восточная Галиция, Буковина и Угорская Русь), где проводил антропологические и этнографические исследования украинских крестьян (Карпова, 1997; Крикуненко, 2012; Платонова, 2010. С. 152–153; Решетов, 1997; Тихонов, 2003. С. 115–117, 124–125, 129–130; Франко А., Франко О., 1990; 1997; Черунова, 1997).

В области доисторической археологии Ф. К. Волкова интересовали, прежде всего, палеолитические памятники (Платонова, 2010. С. 157–161; Тихонов, 2003. С. 120–121), что не удивительно, так как его учителем был Г. де Мортилье. Ученый основал петербургскую школу изучения палеолита и разработал методы его исследования (Васильев, 2008. С. 13–14; Григорьев, 1997. С. 32).

Курс лекций, которые Ф. К. Волков читал в ИСПБУ, был также, в основном, посвящен обзору палеолитических памятников. Достаточно времени уделено в нем и древностям эпохи неолита, которыми ученый издавна интересовался. Однако памятникам бронзового и железного веков в лекциях Ф. К. Волкова дана лишь самая общая характеристика (Платонова, 2010. С. 154–155; Тихонов, 2003. С. 118).

Все изложенное позволяет мне прийти к выводу о том, что А. А. Миллер не являлся учеником Ф. К. Волкова в общепринятом смысле этого слова. Во-первых, формирование эмигранта из России как ученого и получение отставным офицером высшего образования происходило в Париже синхронно. Во-вторых, их научные интересы никогда не совпадали. В то время как Ф. К. Волков занимался преимущественно антропологией и этнографией украинцев, А. А. Миллер изучал археологию и этнографию народов Кавказа, а также древности лежащих к северу от него степей. В-третьих, в единственной их совместной публикации, вышедшей в свет во Франции (Volkov, Miller, 1903) в самом начале научной карьеры А. А. Миллера, когда влияние учителя на ученика обычно несложно обнаружить, вклад Ф. К. Волкова никак не прослеживается. Более того, внимательное прочтение этой небольшой заметки, которая посвящена описанию раскопок кургана под Таганрогом, осуществленных М. А. Миллером, младшим братом отставного офицера, позволило мне заключить, что изначально сообщение было написано А. А. Миллером. На это указывает текст первой части статьи, где дважды сообщается, что М. А. Миллер ознакомил «меня», то есть А. А. Миллера, с результатами своих изысканий (Там же. С. 110). Однако конечные выводы публикации написаны уже от имени Ф. К. Волкова и А. А. Миллера (Там же. С. 111). Не исключено, что соавторство было необходимым условием печатания этой заметки в журнале «L'Anthropologie», член редколлегии которого Ф. К. Волков содействовал выходу сообщения в свет. Очевидно, подписанную двумя фамилиями статью плохо отредактировали перед публикацией.

На мой взгляд, характер взаимоотношений А. А. Миллера и Ф. К. Волкова очень точно оценил А. М. Реше-

тов, подчеркнув, что первый учился у последнего (2001. С. 9), т. е. профессор обучал студента. Следовательно, А. А. Миллер принадлежал к той редкой категории людей, которые сделали себя сами.

Вместе с тем нельзя отрицать, что оба ученых сошлись довольно близко, несмотря на то что Ф. К. Волков был на 28 лет старше А. А. Миллера. Их тесные контакты были обусловлены житейскими причинами. Оба являлись выходцами из России, которых стечение обстоятельств занесло в чужие края. Оба были уроженцами южнорусской земли и живо интересовались ее древностями, а также традиционной культурой народов, ее населяющих. Оба после возвращения из-за рубежа обосновались в Санкт-Петербурге и стали служить хранителями в ЭО РМ. Вполне естественно, что судьбы двух исследователей оказались переплетенными (Платонова, 2010. С. 166; Семенов, 1997. С. 39–41; Тихонов, 2015).

Лишь в одном, но очень важном деле Ф. К. Волков, несомненно, повлиял на отставного офицера с самых первых его шагов на поприще археологии, впрочем, не только на него. Речь идет о стремлении Ф. К. Волкова привнести в российскую науку современные методы раскопок археологических памятников. Однако и в этой области его вклад в большей степени связан с использованием в нашей стране новой, освоенной им во Франции методики раскопок палеолитических стоянок (Волков, 1900. С. 237; Платонова, 2003. С. 370; Тихонов, 2003. С. 129; Франко А., Франко О., 1990. С. 89). В этой отрасли французской полевой археологии, вопреки мнению Л. С. Клейна (Клейн, 2014. С. 29), было что заимствовать.

Ф. К. Волков дал также несколько практических советов относительно раскопок трипольских площадок (Волков, 1900. С. 237, 242–245; Платонова, 2010. С. 156). По свидетельству А. А. Миллера, приведенному в одной из его первых публикаций (1903. С. 94), он получал от Ф. К. Волкова советы и указания по поводу раскопок курганов, предпринятых молодым исследователем в 1902 г. в Таганрогском округе Области Войска Донского. Эти рекомендации, видимо, основывались на том опыте, который Ф. К. Волков мог приобрести, наблюдая изучение подобных памятников как участник экспедиции, возглавляемой В. Б. Антоновичем. Однако методика, которую, по советам Ф. К. Волкова, использовали во время исследования таганрогских курганов А. А. Миллер и его брат М. А. Миллер, не была описана ни в упомянутой работе, ни в трудах XII Археологического съезда (Мил-

лер, 1905), ни в заметках, изданных во Франции (Volkov, Miller, 1903; Miller, 1904).

Вернусь к описанию заграничного периода жизни А. А. Миллера. Завершив, вероятно, осенью 1904 г. курс Высшей школы антропологии (Париж), ученый, как уже упоминалось выше, работал в ней в течение зимы и, возможно, весны 1905 г. К этому времени Русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 г., приобрела неблагоприятный для Российской империи характер. Русская армия понесла потери на Дальнем Востоке и ей требовались подкрепления. Военнослужащих, прежде всего офицеров, возвращали на службу из запаса. Дошла очередь и до А. А. Миллера. 27 июня 1905 г., как сказано в его формулярном списке, датированном 1 апреля 1916 г. (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. I, л. 20 об.), он был призван в армию и отправлен на прежнее место службы в распоряжение командира 4-го железнодорожного батальона. Следовательно, к этому времени А. А. Миллер уже должен был находиться в России. Утверждение Л. С. Клейна о том, что поручик вернулся в Россию лишь в начале 1906 г. (Клейн, 2014. С. 29), ошибочно.

9 января 1906 г. А. А. Миллер получил звание штабс-капитана, но уже 30 марта 1906 г. он вновь уволился в запас (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. I, л. 21 об.; Тихонов, 2003. С. 162–163). В CV ученый сообщает, что оставил военную службу, чтобы всецело посвятить себя науке (АГРМ (I), оп. 10, д. 298, ч. II, л. 2). В автобиографии, хранящейся в личном деле члена ГАИМК, он добавил, что после призыва в армию вернулся в Россию, но весной 1906 г. окончательно оставил военную службу (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 430, л. 7). После демобилизации А. А. Миллер связал свою судьбу с Этнографическим отделом Русского музея. Но это уже тема иного исследования.

Литература

- Аврус, 2001 — Аврус А. И. История российских университетов. Очерки. М., 2001.
- Брокгауз, Ефрон, 1894 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (изд.). ЭС. СПб., 1894. Т. 26.
- Васильев, 2008 — Васильев С. А. Древнейшее прошлое человека: поиск российских ученых. СПб., 2008.
- Волков, 1900 — Волков Ф. По поводу наших неолитических находок с керамикой до-микенского типа // КиСт. 1900. Т. LXX. Кн. первая и вторая, июль-август.
- Григорьев, 1997 — Григорьев Г. П. Ф. К. Волков, его ученики и запад // Традиции..., СПб, 1997.

- Гутнов, 2001 — Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже. 1901–1906 гг. // История и историки. Историографический вестник. К 100-летию академика М. В. Нечкиной / отв. ред. чл.-корр. РАН А. Н. Сахаров. М., 2001.
- Гутнов, 2003 — Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже. 1901–1906 гг. // Новое и старое в теоретической социологии / ред. Ю. Н. Давыдов. М., 2003. Кн. 3.
- Долгова, 2011 — Долгова Е. А. Образовательная концепция Русской высшей школы общественных наук в Париже // ВО. 2011. № 2.
- Карпова, 1997 — Карпова О. В. Ф. К. Волков и его ученики на Украине // Традиции..., СПб, 1997.
- Клейн, 1997 — Клейн Л. С. Российское палеозтнологическое направление в контексте мировой археологии // Там же.
- Клейн, 2014 — Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Археология советской эпохи / науч. ред. С. В. Кузьминых. СПб., 2014. Т. 2.
- Корягин, 1999 — Корягин С. В. Миллеры. Материалы к истории и генеалогии донского дворянского рода. Ч. 1. СПб., 1999 (Генеалогия и семейная история донского казачества; вып. 2).
- Крикуненко, 2012 — Крикуненко В. Г. (сост.). Личность в истории культуры. Фёдор Вовк: незабытое наследие. Информ-блок, посвящ. 165-й годовщ. со дня рожд. укр. и росс. этнографа, фольклориста, антрополога // Электронное издание БУЛ ГУК г. Москвы. Вып. 16 марта 2012 г. www.mosbul.ru/dig/2012.03%20ovvk.doc.
- Ларенок, 1998 — Ларенок В. А. Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров в начале XX в. (по материалам архива Таганрогского музея-заповедника) // ДА. 1998. № 1.
- Миллер, 1903 — Миллер А. Археологические изыскания в окрестностях Таганрога // АЛЮР. 1903. № 2.
- Миллер, 1905 — Миллер А. Раскопки в Таганрогском округе // Труды XII АС в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т. 1.
- Новиков, Перфилова, 2014 — Новиков М. В., Перфилова Т. В. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Ч. I) // ЯПВ. 2014. № 4, т. I (Гуманит. науки).
- Платонова, 2003 — Платонова Н. И. Фёдор Кондратьевич Волков глазами ученика (к публикации очерка С. И. Руденко) // АВ. 2003. № 10.
- Платонова, 2010 — Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Решетов, 1997 — Решетов А. М. К оценке деятельности Ф. К. Волкова // Традиции..., СПб, 1997.
- Решетов, 2001 — Решетов А. М. Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музеевед // Интеграция археологических и этнографических исследований / отв. ред. Н. А. Томилов. Омск, Нальчик, 2001.
- Семенов, 1997 — Семенов А. И. Фёдор Волков, Александр и Михаил Миллеры // Традиции..., 1997.
- Таран, 2012 — Таран О. Федір Вовк – про місце в історії української антропології (до 160-річчя від дня народження) // Личность в истории культуры. Фёдор Вовк: незабытое наследие. Информ-блок, посвящ. 165-й годовщ. со дня рожд. укр. и росс. этнографа, фольклориста, антрополога / Крикуненко В. Г. (сост.). Электронное издание БУЛ ГУК г. Москвы. Вып. 16 марта 2012 г. www.mosbul.ru/dig/2012.03%20ovvk.doc.
- Тихонов, 2003 — Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003.
- Тихонов, 2015 — Тихонов И. Л. Александр А. Миллер и его учитель Фёдор К. Волков // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур и культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера). Матер. Междунар. науч. конф. и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 г., Санкт-Петербург). СПб., 2015.
- Тишкин, Шмидт (Лыжникова), 2001 — Тишкин А. А., Шмидт (Лыжникова) О. Г. Воспоминания С. И. Руденко о своем учителе – Фёдоре Кондратьевиче Волкове // Интеграция археологических и этнографических исследований / отв. ред. Н. А. Томилов. Омск, Нальчик, 2001.
- Франко А., Франко О., 1990 — Франко А. Д., Франко О. Е. Фёдор Кондратьевич Вовк (Волков). Биографический очерк // СЭ. 1990. № 1.
- Франко А., Франко О., 1997 — Франко А. Д., Франко О. Е. Международные научные связи Фёдора Кондратьевича Вовка (Волкова) // Традиции..., СПб, 1997.
- Черунова, 1997 — Черунова Н. К. Ф. К. Волков и его вклад в развитие отечественной науки конца XIX – начала XX в. // Там же.
- Miller, 1904 — Miller A. Fouilles de Kourgans en Russie Méridionale // L'Homme Préhistorique. 1904. 2e année. No 7.
- Volkov, Miller, 1903 — Volkov Th., Miller A. Les fouilles récentes près du Takanrog et les Kamennya baby // Bulletins et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris. 1903. Ve Série. Vol. 4, No 1.
- Wartelle, 2004 — Wartelle J.-C. La Société d'Anthropologie de Paris de 1859 à 1920 // Revue d'histoire des sciences humaines. 2004. 1 (№ 10).

В. А. Алёкшин

Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)

Александр Александрович Миллер (1875–1935), талантливый русский археолог и этнограф, гуманитарным наукам обучался в Париже в 1901–1904 гг. в Высшей школе антропологии, где слушал курсы по антропологии, этнографии, археологии и истории культуры; работал при ней до весны 1905 г., а также в 1901–1903 гг. посещал в Париже Русскую высшую школу общественных наук. Во Франции отставной офицер получил археологическое и этнографическое образование. На родине этим специальностям обучали лишь в университетах, куда могли поступать только лица, окончившие гимназию. А. А. Миллер не имел гимназического аттестата.

В Париже А. А. Миллер сблизился с русским эмигрантом, профессором Фёдором Кондратьевичем Волковым

(1847–1918). Однако А. А. Миллер не являлся его учеником в общепринятом смысле этого слова. Во-первых, формирование эмигранта из России как ученого и получение отставным офицером высшего образования происходило в Париже синхронно. Во-вторых, их научные интересы никогда не совпадали: Ф. К. Волков занимался преимущественно антропологией и этнографией украинцев, А. А. Миллер изучал археологию и этнографию народов Кавказа, а также древности лежащих к северу от него степей. Характер взаимоотношений А. А. Миллера и Ф. К. Волкова верно оценил А. М. Решетов, подчеркнув, что первый учился у последнего, то есть профессор обучал студента. Следовательно, А. А. Миллер принадлежал к той редкой категории людей, которые сделали себя сами.

V. A. Alyokshin

Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)

The talented Russian archaeologist and ethnographer Alexander Aleksandrovich Miller (1875–1935) studied humanities in Paris in 1901–1904 in the Higher School of Anthropology where he attended courses in anthropology, ethnography, archaeology and history of culture. He worked at the School until the spring of 1905, and in 1901–1903 he attended the Russian Higher School of Social Sciences in Paris. In France, the retired officer acquired archaeological and ethnographic education. In the Fatherland, these disciplines were taught only in universities, which only persons who had finished a gymnasium were allowed to enter. A. A. Miller had not a gymnasium leaving certificate.

In Paris, A. A. Miller became close to a Russian emigrant Prof. Feodor Kondrat'yevich Volkov (1847–1918). How-

ever A. A. Miller, was not his disciple in the conventional sense. Firstly, the formation of the emigrant from Russia as a scientist and the higher education of the retired officer were taking place synchronously in Paris. Secondly, their scientific interests never coincided: F. K. Volkov was occupied primarily with anthropology and ethnography of the Ukrainians, A. A. Miller studied archaeology and ethnography of peoples of the Caucasus as well as antiquities from the steppe lying to the north of it. The character of interconnections between A. A. Miller and F. K. Volkov was rightly evaluated by Alexander Mikhaylovich Reshetov, who stressed that the first learned from the latter, i. e. the professor taught the student. Hence, A. A. Miller belonged to that rare category of persons who themselves had made themselves.

Н. Ю. Смирнов¹, П. Г. Гайдуков²

Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву³

Ключевые слова: Императорская археологическая комиссия, захоронения у стен Московского Кремля, В. В. Латышев, Москва, обстрел Московского Кремля, А. В. Орешников, переписка, Петроград, революция 1917 г., эвакуация художественных ценностей.

Keywords: Imperial Archaeological Commission (IAC), burials near the wall of the Moscow Kremlin, V. V. Latyshev, Moscow, bombardment of the Moscow Kremlin, A. V. Oreshnikov, correspondence, Petrograd, revolution of 1917, evacuation of artistic valuables.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-227-239

«Кончаю письмо, но когда его пошлю — не знаю. Полученные вечерние телеграммы из П-града принесли очень тревожные вести».

25 октября 1917 года, вечер

Из письма А. В. Орешникова к В. В. Латышеву

Обращение к частной переписке двух ярких представителей академической школы дореволюционной России, ведшейся в год, ставший переломным в истории страны, представляется нам весьма перспективным. Переписка В. В. Латышева и А. В. Орешникова имеет значение не только как история повседневности, но также дает возможность осознать те критерии, которые имели значение в оценке катастрофических изменений окружающего мира для обоих собеседников — достаточно известных личностей с хорошо документированными биографиями. Сюжеты переписки, прежде всего касающиеся революционных событий и их восприятия собеседниками, помещены в контекст поденных дневниковых записей, отражающих события, происходившие в Москве (дневник А. В. Орешникова), и документооборота ИАК — РАК — РГАК, где отложилась информация о трудах и заботах товарища председателя Комиссии в Петрограде (НА ИИМК РАН, ф. 1).

Авторы писем: В. В. Латышев и А. В. Орешников — ровесники. Оба родились в 1855 г. Первый — в с. Диеве Бежецкого уезда Тверской губернии в «мещанской семье», второй — в г. Москва, на Маросейке, неподалеку от Ильинских ворот, «в семье купца 3-й гильдии» (Латышев...; Гайдуков; Гайдуков и др., 2010. С. 5).

При всей разности их судеб и служебного пути есть и парадоксальные схождения. В середине 1870-х гг. А. В. Орешников проводит полгода в Риме (Гайдуков и др., 2010. С. 6), а в начале 1880-х гг. В. В. Латышев на два года уезжает на стажировку в Афины (Латышев...). И тому, и другому особенно дороги древности классического периода Юга России: в своих трудах Латышев обращается к северопричерноморской эпиграфике, а Орешников уделяет немало внимания монетному делу греческих колоний.

К 1917 г. авторы переписки заняли прочное положение в русской научной среде. Эпиграфист В. В. Латышев — академик Петербургской академии наук, член-корреспондент Прусской академии наук, член Германского археологического института, директор Петербургского историко-филологического института и, наконец, товарищ Председателя Императорской Археологической комиссии. За спиной у него годы работы в Министерстве народного просвещения на высоких и ответственных постах (Латышев...). Нумизмат А. В. Орешников, старший хранитель Российского исторического музея, построив более скромную карьеру, обладал не меньшим научным авторитетом в своей области. Он не только был почетным и действительным членом целого ряда научных обществ, в том числе являлся инициатором создания Московского нумизматического общества, но и занимался общественной гражданской деятельностью (Гайдуков и др., 2010. С. 7).

1 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Администрация. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

2 117036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Администрация. Адрес электронной почты: russianchange@yandex.ru.

3 Настоящая статья является дополненным изложением доклада, прочитанного авторами на Международной научной конференции «1917 год: российская археология на переломе эпох» в Москве в 2017 г. (Смирнов, Гайдуков, 2017).

Февральская революция пробудила в широких кругах общественности что-то подобное состоянию эйфории. 2 марта 1917 г. Орешников записывает в своем дневнике: «Давно ожидаемая революция наступила; удар старому режиму нанесен, но остается еще совсем упразднить старый порядок, авось удастся сделать...» (Дневник. Кн. 1. 2010. С. 108). Уже 6 марта 1917 г. сотрудники ИАК отправляют официальное обращение к Председателю Совета Министров, в котором извещают, что «в экстренном заседании 6 сего марта (Археологическая комиссия. — Н. С., П. Г.) единогласно постановила всецело руководствоваться в своей дальнейшей деятельности распоряжениями Временного Правительства» (Дело о переходе... Л. 5; ИАК. У истоков..., 2009. С. 1065). Первая подпись под текстом обращения принадлежит товарищу Председателя академику В. В. Латышеву. Кроме Латышева этот документ подписали еще семь человек, в том числе старший член АК профессор Н. И. Веселовский, приват-доцент А. А. Спицын, профессор Б. В. Фармаковский, архитектор П. П. Покрышкин, делопроизводитель И. С. Сутулло, библиотекарь А. С. Раевский и регистратор Н. В. Суходольский. Характерно, что под этим демократическим по сути, но охранительным по факту документом⁴, отсутствует подпись председателя бывшей ИАК — графа А. А. Бобринского⁵.

Весна, лето и начало осени 1917 г. — сложный и насыщенный период деятельности АК (см.: ИАК. У истоков..., 2009. С. 1065–1072) и лично В. В. Латышева, исполнявшего обязанности руководителя Комиссии в период отсутствия Председателя А. А. Бобринского. Связано это было с различными организационными изменениями революционного периода, с созданием по инициативе, идущей как сверху, так и снизу, различных союзов, обществ и комиссий, направления деятельности которых пересекались с интересами ИАК. Так, уже 8 марта в АК поступает предложение принять участие

⁴ Учитывая перечисление в начале документа всех задач АК: «заведывание археологическими исследованиями на всем пространстве нашего Великого Отечества», охрана, реставрация и ремонт «памятников старины и искусства народов, живших на территории России» (Там же) понятно, что этот документ, демонстрирующий лояльность бывшего учреждения Министерства Двора новой власти, должен был одновременно и охранить АК от возможных посягательств на ее деятельность и сам факт существования, а также обеспечить сохранение ее монополии на контроль за археологическими исследованиями на территории России.

⁵ С февраля по ноябрь 1917 г. председатель АК граф А. А. Бобринский находился в командировке, на раскопках. Однако, как справедливо отмечают Н. И. Платонова и А. Е. Мусин (ИАК. У истоков..., 2009. С. 1067), вряд ли именно это обстоятельство помешало ему поставить подпись под упомянутым документом.

в организации Союза деятелей искусств, создание которого для «решения вопросов художественной жизни в обновленной России» инициировало Общество архитекторов-художников (Дело о переходе... Л. 7). Общее собрание делегатов 91 учреждения (в числе крупнейших, кроме Академии художеств, значились Эрмитаж, Русский музей, Институт истории искусств, Археологический институт), составивших Союз деятелей искусств, имело место 12 марта. От АК присутствовал Б. В. Фармаковский. Представителями АК в образованном Союзе стали два члена Комиссии: Б. В. Фармаковский и А. А. Спицын (Там же. Л. 7, 10 об., 13).

В начале апреля 1917 г. уже товарищ Председателя АК В. В. Латышев обращается к Ф. А. Головину, Комиссару Временного правительства по делам бывшего Министерства Двора, с просьбой содействовать в деле согласования работы АК и Особого совещания по делам искусств, которое было создано под руководством последнего. Представителем АК, который должен был участвовать в работе этого совещания, был избран академик архитектуры П. П. Покрышкин (Там же. Л. 14, 14 об.). Продолжает АК и свою обычную работу по выдаче Открытых листов, сношениям с разнообразными обществами любителей древностей и родного края и различными лицами (ИАК. У истоков..., 2009. С. 1069; Дело с разными бумагами... Л. 17–29).

Это же время — период активных действий на фронтах Первой мировой войны, все перипетии которой достаточно подробно отражены на страницах дневника А. В. Орешникова. Здесь он сообщает и о свежих политических новостях, и о судьбе коллег и знакомых (Дневник. Кн. 1. 2010. С. 108–129). В те же дни Орешникова активно привлекают к различной общественной деятельности по охране памятников истории и культуры.

28 марта 1917 г. он пишет В. В. Латышеву о том, что МАО обратилось к Нумизматическому обществу (видимо, в его лице) с просьбой «принять участие в обсуждении вопроса, какие принять меры к охране русских памятников от вывоза их за границу» (Дело с разными бумагами... Л. 14). Отмечая, что предпринять что-то против вывоза монет практически невозможно, да, по его опыту, и не нужно, так как за прошедшее время очень мало русских монет оказалось в иностранных собраниях, Орешников все же обращается к Латышеву с просьбой прислать «Положение (или Устав) об Археологической Комиссии (буде имеется в оттисках) из которого можно кое что почерпнуть» для участия в готовящемся обсуждении (Там же. Л. 14 об.). В ответ на это обращение по поручению Латышева Канцелярия АК отправляет на имя Орешникова два документа:

1) Положение об Археологической Комиссии и 2) № 43 Собрания узаконений и распоряжений Правительства от 9 мая 1889 г. (Там же. Л. 15).

18 и 23 мая 1917 г. состоялись «пленарные собрания» АК, посвященные выработке Положения, более соответствующего новым историческим условиям (Положение... Л. 1–3). Основные положения обновленного документа уже разбирались в печати (см. ИАК. У истоков..., 2009. С. 1067–1069). Обращает на себя внимание лишь одна любопытная деталь: в машинописном тексте проекта нового Положения во всех трех (*sic!*) местах, где речь шла об официальном названии учреждения, Археологическая комиссия именовалась первоначально «Государственной». В процессе правки этого документа, скорее всего имевшей место вскоре после его создания или в самый его момент, слово «Государственная» было тщательно счищено, а поверх подчистки напечатано «Российская». Это характерное исправление может свидетельствовать о том, что название обновленного учреждения должно было, по мнению авторов документа, во-первых, подчеркивать общероссийский характер его деятельности (что непосредственно было отражено в § 6), а во-вторых, демонстрировало определенный демократический дух⁶.

25 августа 1917 г. А. В. Орешников делает в своем дневнике следующую горькую запись: «Отступление от Риги идет с успехом! Началась эвакуация Петрограда. Дело идет к развязке, света не видать» (Дневник. Кн. 1, 2010. С. 128). Спустя шесть дней, 1 сентября 1917 г., выходит приказ Временного правительства № 54 об эвакуации из Петрограда художественных и архивных ценностей в Москву. Особо ценные предметы, хранившиеся в АК, а также ее архив попали в перечень подлежащих вывозу культурных сокровищ (Дело об эвакуации... Л. 4–13, 23–24). С целью обеспечить перевозку архива в целостности, в течение сентя-

бря и октября АК развила бурную деятельность по получению дополнительных ассигнований на закупку материалов для изготовления ящиков и упаковки архива от комиссара бывшего Министерства Императорского Двора, что удалось сделать в краткие сроки (Там же. Л. 27–28, 32–33, 35–39).

В это же время сам Латышев, в качестве директора Историко-филологического института, передает на хранение в АК для последующей передачи в Эрмитаж и эвакуации в Москву археологические ценности из собрания руководимого им института (Там же. Л. 44–45). Судя по всему, при посредничестве Эрмитажа, где аккумулировались ценности, предназначенные для отправки, АК, по всей видимости, удалось переслать в Москву несколько ящиков с археологическими древностями — золотые и серебряные изделия (Там же. Л. 4–13). В бумагах АК присутствуют распоряжения об этом, указано количество ящиков, передаваемых в Эрмитаж, и имеются полные описи эвакуируемых предметов из золота и серебра. В этом отношении представляет интерес запись Орешникова от 17 сентября 1917 г.: «Утром приехал из Петрограда Яков Иванович Смирнов; приехал с несколькими сотнями (кажется, 540) ящиков из Эрмитажа...» (Дневник. Кн. 1, 2010. С. 131). Не исключено, что в составе этого груза и были два ящика с золотыми и серебряными вещами АК. Еще часть коллекций была отправлена в Томский университет, например коллекция ольвийских монет, которую увез с собой профессор Э. Диль (Дело об эвакуации... Л. 73–74). В середине октября комиссия подготовила к отправке в Москву через Эрмитаж еще одну партию ящиков, один из которых содержал коллекцию минусинских бронз Лопатина. Однако, так как 19 и 23 октября эти ящики все еще находились в Петербурге, вероятность их отправки в Москву представляется сомнительной (Там же. Л. 55).

Были у осенней эвакуации ценностей и положительные стороны: 9 октября Орешников записывает в дневнике: «Получил из Археологической комиссии и Русского Археологического общества все последние издания, авось, за любимым чтением отвлекусь от тяжелой действительности (привез книги Макаренко, сопровождающий эвакуируемые из Эрмитажа ящики с сокровищами)» (Дневник. Кн. 1, 2010. С. 133).

Вплоть до 31 октября 1917 г. АК ведет переговоры об эвакуации из Петрограда не только архива, наиболее ценной части библиотеки и документов Канцелярии, но и самих сотрудников (Там же. Л. 62, 62 об., 66, 68–69). При этом на имя В. В. Латышева, про которого было указано в анкете, что он женат, детей не имеет

⁶ Против использования в названии АК определения «Государственная», возможно, сыграло то соображение, что в памяти людей дореволюционной эпохи оно четко увязывалось с казенщиной, установлениями сверху: Государственный совет Российской империи, Государственная Дума Российской империи и т. д. Этот же документ был порожден условиями демократических (пока еще) перемен. Соответственно, в его тексте, но уже путем рукописной карандашной правки, заменены и другие приметы старого строя, такие как «чиновник», ставший «представителем», «министр», ставший «комиссаром», и, наконец, «св. Синод», ставший «Православной Церковью» (Проект... Л. 1–3). Демократический дух в наименовании АК просуществовал лишь до 1918 г., когда в ее официальное название было включено определение «Государственная». Парадоксально, но в точности такая же история повторилась всего восемь лет спустя с названием преемника ИАК — РАК — РГАК — Российской академией истории материальной культуры, впоследствии переименованной в Государственную.

и есть одна прислуга, Канцелярия АК просила забронировать «два билета I класса, один билет III класса и 35 п. (полок? — Н. С., П. Г.) багажа». (Там же. Л. 68). Эвакуация архива АК, вероятно, ввиду общей напряженной ситуации с нехваткой подвижного состава, с запретом перевозить архивы водным путем, а также вследствие политических событий конца октября 1917 г., так и не состоялась, и он остался на месте. Позднее, уже в феврале 1918 г., перед АК был поставлен вопрос о продаже неиспользованных упаковочных материалов для пополнения бюджета (Там же. Л. 80).

Учитывая происходящие события, достаточно легкомысленными выглядят два приглашения, полученные АК в октябре 1917 г., за неделю до переворота. Первое, пришедшее 20 октября, касалось празднования 10-летия Московского археологического института, которое должно было состояться 12 ноября в Москве (Дело с разными бумагами... Л. 43). Второе, полученное уже 27 октября, после переворота, касалось 50-летнего юбилея Московского архитектурного общества, празднование которого было намечено на 29 октября (Там же. Л. 44). Эти приглашения очень достоверно показывают, что ни угроза продолжения военных действий и взятия Петрограда, ни революционная сумятица 1917 г. в целом в стране не так уж сильно влияли на умонастроения руководства московских научных обществ. Оптимизм еще преобладал.

25 октября Орешников записывает в дневник краткие новости: «В Петрограде неспокойно: Керенский заявил о необходимости немедленной ликвидации партий, осмелившихся поднять руку на свободную волю народа. В Москве сегодня ходят тревожные слухи: утром говорили об аресте обоих "советов", а днем, что премьером назначен, вероятно, "советами", Ленин...» (Дневник. Кн. 1, 2010. С. 135). 26 октября слухи в Москве спущаются, так как «Редакции "буржуазных" газет захвачены большевиками, поэтому никаких известий о петроградских событиях не получено; по слухам Временное правительство свергнуто...» (Там же).

Через два дня после Октябрьского переворота, 27 октября 1917 г., Канцелярия АК выдала сотрудникам Комиссии своего рода «охранные грамоты» — «Удостоверения» личности. Получил подобную бумагу и В. В. Латышев: «Дано от Канцелярии Археологической Комиссии Товарищу Председателя Комиссии, Тайному Советнику академику Василию Васильевичу ЛАТЫШЕВУ для удостоверения личности в тех случаях, когда будет предоставляться в том надобность...» (Дело с разными бумагами... Л. 45). Показательно, что

документ был заверен печатью Императорской археологической комиссии с гербом Российской империи. За демократический период своего существования АК так и не успела обзавестись новой печатью.

В вихре революционных событий переписка А. В. Орешникова и В. В. Латышева, имевшая место и в более ранние годы, но заметно активизировавшаяся в период 1917–1919 гг., образует своего рода закрытый мир двух давно и хорошо знакомых ученых, искренне уважающих друг друга и явно схожим образом относящихся к окружающим их событиям политической истории страны. Переписка в большой степени посвящена частным научным сюжетам: ошибкам копирования и уточнению эстампажей опубликованных В. В. Латышевым надписей, хранящихся в Историческом музее и в Эрмитаже, выяснением времени и обстоятельств их попадания в коллекции, судьбе некоторых частных собраний, вопросам публикации статей Орешникова в петроградских изданиях. В то же время где-то между строк, а иногда и вполне явно проскальзывает недвусмысленная оценка собеседниками той эпохи, в которую они вступили вместе с Россией. Так, в письме от 22 октября 1917 г., отвечая на вопрос Орешникова о судьбе 63 выпуска Известий ИАК, Латышев отмечает, что он напечатан еще летом, но «вследствие переживаемой нами разрухи, до сих пор не окончен брошюровкой, несмотря на мои многократные просьбы и напоминания», а относительно других запланированных изданий высказывает сомнения в том, что успеет завершить их «до эвакуации, которою теперь бредит весь Пград.» (Письма В. В. Латышева... Л. 146 об.).

В период с конца октября до начала ноября 1917 г. А. В. Орешников регулярно заносил в дневник лапидарные, но насыщенные подробностями революционной сумятицы записи. Писал он и В. В. Латышеву в Петроград (рис. 1; Приложение). К сожалению, подавляющего большинства ответных писем Латышева за этот период пока выявить не удалось⁷. Поэтому его петроградская жизнь реконструируется лишь по косвенным данным, связанным с деятельностью АК (см. выше).

Большое значение для понимания того, как оценивали собеседники происходящие вокруг них события, имеют два письма А. В. Орешникова к В. В. Латышеву,

⁷ В настоящий момент авторами выявлено только одно письмо В. В. Латышева к А. В. Орешникову, относящееся к этому периоду — от 22 октября 1917 г., цитированное выше. Письмо хранится в составе архива А. В. Орешникова в фондах ОПИ ГИМ (Письма Латышева...).

Рис. 1. Письмо А. В. Орешникова к В. В. Латышеву. Конверт. Лицевая и оборотная сторона. НА ИИМК РАН. РО. ф. 1, оп. 1917 г., д. 72, л. 1–1 об. Публикуется впервые.

Fig. 1. Letter of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev. Envelope. The obverse and rear side. Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Department. Collection 1, inventory of 1917, file 72, sheets 1–1 rev. First publication.

написанные в разные дни конца октября — начала ноября 1917 г., но в условиях событий октябрьского восстания в Москве, отправленные, видимо, в одном конверте в начале ноября месяца (рис. 2–5; Приложение). Важны они и в том смысле, что дополняют дневник А. В. Орешникова, в котором имеется лакуна в записях начала ноября (Дневник. Кн. 1, 2010. С. 137).

Первое письмо датировано вечером 25 октября, т. е. днем переворота в Петрограде. Посвящено оно в целом тем же вопросам, которым вообще уделяется более всего места в этой переписке — уточнению надписей, опубликованных В. В. Латышевым, и изготовлению новых эстампажей для их более точного прочтения, обсуждению начертания отдельных букв и общему количеству надписей из конкретных коллекций. Просит Орешников и прислать новую литературу — вышедшие тома «Известий» (Письма А. В. Орешникова... Л. 4–5 об.). В конце же письма — беспокойная мысль: «Кончаю письмо, но когда его пошлю — не знаю. Полученные вечерние телеграммы из П-града принесли очень тревожные весты. Дай Бог Вам сил перенести это ужасное время» (Там же. Л. 5 об.). Цитируемое письмо Орешников не отправил и в следующем объясняет почему.

Это второе письмо состоит из двух частей: первая написана 3 ноября утром, а вторая — 5 ноября вечером. Оно очень откровенно живописует все ужасы московских событий. 3 ноября Орешников пишет Латышеву: «Письмо не решился послать Вам 26 октября. Сначала я был встревожен самыми неприятными слухами о Петрограде: уверяли, что Зимний дворец разрушен выстрелами с "Авроры" <...> тем более, что газеты так наз. "буржуазного" направления с этого числа (26 октября) не выходят, все редакции заняты большевиками и Москва теперь в их руках» (Там же. Л. 6). Далее следует описание событий прошедшей недели: «Целую неделю сидим в домах, боясь выйти на улицу; кругом стрельба из пушек, пулеметов, ружей; трамваи не ходят, телефон не действует, почты нет, газет из П-гр. не имеем, не знаем, что делается не только на белом свете, но и на соседней улице. Такого ужаса Москва давно не переживала и когда все это кончится, никто не знает, помощи нам не дают, только некоторые храбрецы (говорят юнкера) еще держатся, защищая Кремль» (Там же). Политические и человеческие симпатии автора письма очевидны. Понятно, что и петроградский адресат, скорее всего, склонялся к таким оценкам.

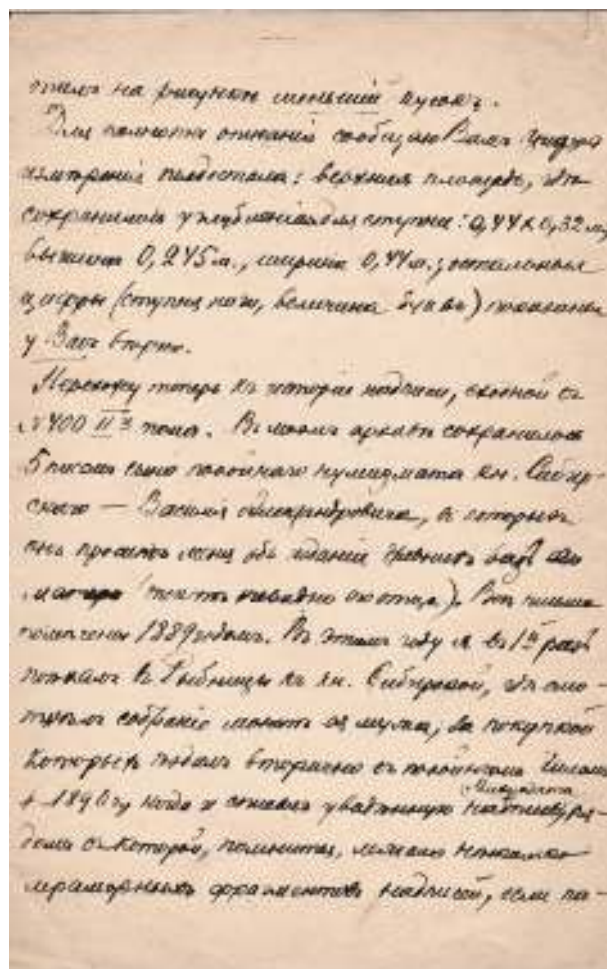
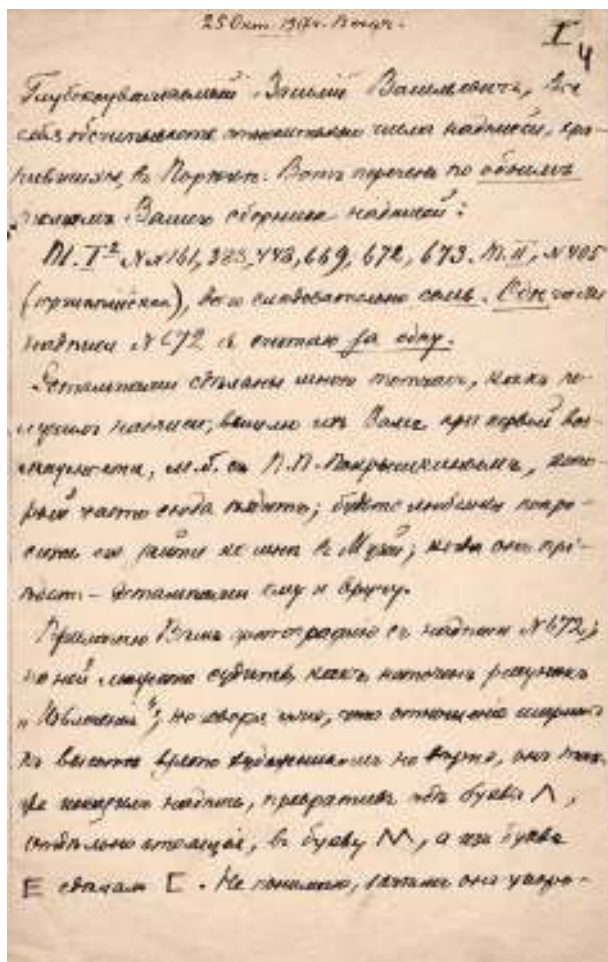

Рис. 2. Письмо А. В. Орешникова к В. В. Латышеву от 25 октября – 5 ноября 1917 г. НА ИИМК РАН. РО. ф. 1, оп. 1917 г., д. 72, л. 4–7 об. Публикуется впервые.

Fig. 2. Letter of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev of October – November 5, 1917. Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Department. Collection 1, inventory of 1917, file 72, sheets 4–7 rev. First publication.

Орешников надеялся отправить это и предыдущее письмо с отъезжающим в Петроград знакомым, но сделать этого не удалось, и он продолжает это же письмо 5 ноября вечером; к этому моменту судьба московского восстания стала ясна окончательно. В строках письма от 5 ноября много горечи: «Глубокоуважаемый Василий Васильевич, доблестные воины, позорно бежавшие от немцев, раздавили наших храбрых юнкеров и ту небольшую кучку офицеров, которые с ними сражались» (Там же. Л. 7). Далее, описывая последствия военных действий в центре Москвы, Орешников много внимания уделяет состоянию здания Исторического музея, пострадавшего от обстрелов, а также описанию разрушений, причиненных артиллерийским обстрелом Кремля. «...Никольская башня, стоящая рядом с Музеем, порядком изувечена ядрами; чтимая икона Спасителя над

воротами, уцелевшая при взрыве прежней башни в 1812 г., теперь вырвана снарядом» (Там же). Он сообщает адресату и о местах, связанных с его бытностью в Москве: «Слышал, будто снаряд попал в собор 12 Апостолов; рядом с Патр. библиотекой, где Вы занимались рукописями...» (Там же. Л. 7 об.).

В письме упоминаются два человека, близко знакомых Орешникову — это сын его петроградских родственников по линии жены офицер Дмитрий Бруни, погибший при защите от большевиков телефонной станции, и давний знакомый и петроградский коллега, эрмитажник Яков Иванович Смирнов, возвращавшийся в столицу после доставки в Москву эвакуируемых ценностей из Эрмитажа. Обращаясь к Латышеву и полагая, что ему все расскажет Смирнов, отъезжающий в Петроград, Орешников все же внутренне надеется, что катастрофа еще не окончательна и его адресат «все еще

3 ноября 1917. фрагм. Письмо по румынскому повелению
Ваше Л. В. От. Сначала я была вступительным словом
или вступительным словом в Петербурге, а по-
том эта процедура была: «Вот так, что зашел
Хорошо раздвинули восточными са «Австрия»
ета. ет., так же было, что зашел так. как. и бур-
жуазная «направление» от этого письма. (26 с.к.) не
высказано, как же дело? (как бы было сказано
и Москва тогда в это время. Кто это читал
сначала и потом, было в этом на чужих; кру-
жить турки и в России, приехали, румын;
труднее не сказать, поэтому не выговаривать,
вот так было, зашел так П. Ф. и зашел, на-
двинуло, что вылетело на только на Балканском
не и не только в России. Письмо ушло. Москва
даже не передала и когда бы это случилось,
несколько на фронте, поэтому можно не думать, только
Маленькая крабровка (заборная линия) еще в
улице, зашуршал в России.
Сегодня есть случаи, которые были слышны

со стороны (один из них), но все
не было — так же, когда было восточным.
В восточной части было Число, что в Петербурге.
Т. А. армия. События в Москве в 1917-1918, со-
здали от приехавших людей. Когда же это произошло
или восточная, что тогда было на берегу реки Волга
или восточная (восточная часть). Утром ушел человек
Сколько было (или было в 2. Крестовый). Число, —
но это в Петербурге. Утром ушел человек
но не ответил по в. П. Ф. 1917.
События были еще о многих. Митинг отво-
считанно инициатива № 343 П. Ф. 1917, кото-
рое это было восточным в Москве на горах
булицы «История». Она пишет, что восточная
булицы была отвлечена от восточной части
История и Москва в румынском городе, в при-
бытии; писательство было восточным,
но не было отвлечено от восточной части
История и Москва в румынском городе, в при-

Рис. 4. Письмо А. В. Орешникова к В. В. Латышеву от 25 октября – 5 ноября 1917 г. (Продолжение).

Fig. 4. Letter of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev of October – November 5, 1917 (Continuation).

вину Ризницы, где находится Мстиславово Евангелие XI в., в знаменитом окладе, частью того же времени; Евангелие засыпано кирпичной пылью, видели только угол верхней доски оклада, оторванный и измятый...» (Там же. Л. 106). Самая примечательная деталь протокола, характеризующая и отношение его авторов к наступившим переменам, — последний абзац, беспристрастно гласящий, что «У стен Кремля, в день нашего осмотра, производились похороны "большевиков", убитых во время беспорядков, вырыты обширные ямы, вероятно останутся насыпи. Необходимо что-либо предпринять для устранения этих насыпей, которые, вне всякого сомнения, исказят вид на Кремль» (Там же. Л. 107 об.). Могли ли предполагать тогда просвещенные члены Комиссии, что именно эти «искажающие вид» могилы положат начало главному некрополю страны Советов, материализовав в первой четверти XX в. весьма архаические представления

о сохранении костей почитаемых предков в пределах пространства обитания живых, их выставления и использования в квазирелигиозных целях?

Свидетельство Визеля и Покрышкина дополняется лаконичной дневниковой записью Орешникова, сделанной 11 декабря, месяцем позже составления протокола: «Прошел в первый раз мимо могил погребенных у кремлевской стены большевиков; неопрятно, занесено снегом, около изгороди писсуары!» (Дневник. Кн. 1, 2010. С. 138–139)⁸. Так зримо заканчивалась старая Россия и накатывалась свинцовая, припорошенная снегом пора, начало которой положил красный Октябрь.

⁸ Показателен и тон более поздней дневниковой записи Орешникова, касающейся развития этой же традиции, сделанной 27 февраля 1918 г. по н. ст.: «На Красной площади зарывали у стены 3-х убитых милиционеров, причем какой-то солдат застрелил другого» (Дневник. Кн. 1, 2010. С. 147).

Которая и, впрочем, не была,
 Жития моего, как известно, оспаривать не
 приходится, но ~~было бы~~ интересно, что это было бы
 кин. Мамы невинности ~~и~~ ~~каким-то~~ ~~испол-~~
 фане лавруши Д. М. Бруни (сын картографов
 Н. Ф. Бруни в Ав. Им.), занулу, бывший ~~пос-~~
 сроднику отменил отъ ~~Балтийская~~
 Бурге Воры, фане ~~Алекс~~ не переживает то,
 то ~~или~~ переживает. Крайне фане ~~Ману~~ ~~руку~~.
 Сердечно преданный Вам
 А. Орешников
 Сидимая Бурге Воры, ~~Поман~~ в ~~Собор~~
 12 ~~Шностаков~~, ~~рыбам~~ в ~~Пом.~~ ~~Сидимая~~ ~~Вор~~
 Ця ~~фамилия~~ ~~испол~~ ~~в~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~
~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~
 Не ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~
 Бурге Воры, фане ~~Алекс~~ не переживает то,
 то ~~или~~ переживает. Крайне фане ~~Ману~~ ~~руку~~.
 Сердечно преданный Вам
 А. Орешников

Которая и, впрочем, не была,
 Жития моего, как известно, оспаривать не
 приходится, но ~~было бы~~ интересно, что это было бы
 кин. Мамы невинности ~~и~~ ~~каким-то~~ ~~испол-~~
 фане лавруши Д. М. Бруни (сын картографов
 Н. Ф. Бруни в Ав. Им.), занулу, бывший ~~пос-~~
 сроднику отменил отъ ~~Балтийская~~
 Бурге Воры, фане ~~Алекс~~ не переживает то,
 то ~~или~~ переживает. Крайне фане ~~Ману~~ ~~руку~~.
 Сердечно преданный Вам
 А. Орешников
 Сидимая Бурге Воры, ~~Поман~~ в ~~Собор~~
 12 ~~Шностаков~~, ~~рыбам~~ в ~~Пом.~~ ~~Сидимая~~ ~~Вор~~
 Ця ~~фамилия~~ ~~испол~~ ~~в~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~
~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~
 Не ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~ ~~Воры~~ ~~не~~ ~~Мо~~
 Бурге Воры, фане ~~Алекс~~ не переживает то,
 то ~~или~~ переживает. Крайне фане ~~Ману~~ ~~руку~~.
 Сердечно преданный Вам
 А. Орешников

Рис. 5. Письмо А. В. Орешникова к В. В. Латышеву от 25 октября – 5 ноября 1917 г. (Окончание).

Fig. 5. Letter of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev of October – November 5, 1917 (Ending).

«Будьте здоровы, желаю Вам не переживать того, что мы пережили» (Письма А. В. Орешникова... Л. 7 об.). Повторяя через 100 лет после революции 1917 года это пожелание Алексея Васильевича Орешникова, адресованное Василию Васильевичу Латышеву, авторы отдают дань его непреходящей верности.

Приложение

Письмо А. В. Орешникова к В. В. Латышеву от 25 октября – 5 ноября 1917 года. Публикуется впервые.

При переводе рукописного письма в машинописный текст был полностью сохранен авторский стиль, в том числе пунктуация; частично сохранена дореформенная орфография. Расшифровки сокращений, сделанные публикаторами, помещены в квадратные скобки. Авторские вставки в текст письма заключены в фигурные скобки. Слова, вымаранные автором письма, даны перечеркнутыми. Слова, подчеркнутые в машинописи, отмечены так и в авторском рукописном тексте.

I

25 Окт[ября] 1917 г[ода]. Вечер.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич, Вы себя обчитываете относительно числа надписей, хранившихся в Поречье. Вот перечень по обоим томам Вашего сборника⁹ надписей:

Т. I² NN 161, 383, 448, 669, 672, 673. Т. II, N 405 (горгиппийская), всего следовательно семь. Обе части надписи N 672 я считаю за одну.

Эстампажи сделаны мною тотчас, как я получил надписи; вышлю их Вам при первой возможности,

⁹ Речь идет о томах «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussuet impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyshev», вышедших в Санкт-Петербурге в 1885–1901 гг. (Inscriptiones..., 1885; 1890; 1901).

м[ожет] б[ыть] с П. П. Покрышкиным¹⁰, который часто сюда ездит; будьте любезны попросить его зайти ко мне в Музей¹¹; когда он придет — эстампажи ему и вручу.

Прилагаю Вам фотографию с надписи N 672; по ней можете судить, как неточен рисунок «Извлечения»; не говоря уже, что отношение ширины к высоте взято художником не верно, он также искажил надпись, превратив обе буквы А, отдельно стоящие, в букву М, а из буквы Е сделал Г. Не понимаю, зачем он укоротил на рисунке меньший кусок.

Для полноты описания сообщаю Вам цифры измерения пьедестала: верхняя площадь, где сохранилось углубление для ступни: 0,44 × 0,32 м.; высота 0,245 м., ширина 0,44 м.; остальные цифры (ступня ноги, величина букв) показаны у Вас верно.

Перехожу теперь к истории надписи, сходной с N 400 II^{го}-тома. В моем архиве сохранилось 5 писем сына покойного нумизмата кн[язя] Сибирского¹² — Василия Александровича, в которых он просит меня об издании древних ваз его матери (текст очевидно его отца). Все письма помечены 1889 годом. В этом году я в 1^й раз поехал в Рыбницы к кн[язне] Сибирской, где смотрел собрание монет ее мужа, за покупкой которых ездил вторично с покойным Гилем¹³ в 1890 г[оду], когда и списал увиденную надпись {Мифридата}, рядом с которой, помнится, лежало несколько мраморных фрагментов надписей, если память не изменяет, из Анапы. Копию я сделал на внутренней стороне переплета одной взятой туда книги^(*); факт, что я сделал именно там копию, был мной основательно забыт и только на днях случайно увидел копию и тотчас же Вам написал о своей находке.

Посылаю Вам новую копию со всеми ошибками, видимыми теперь по транскрипции Вашей надписи N 400, которые Вы благоволите сами исправить, не клая, выражаясь по летописному, написавшего.

¹⁰ Петр Петрович Покрышкин (1870–1922) — архитектор, реставратор, фотограф. Штатный член Императорской археологической комиссии. Подробнее — см. Платонова, 2014; 2015.

¹¹ Императорский российский исторический музей имени императора Александра III, ныне — Государственный исторический музей, в котором должность старшего хранителя занимал А. В. Орешников.

¹² Князь Александр Александрович Сибирский (1824–1879) — русский археолог, нумизмат и коллекционер. Владелец поместья в Рыбницах. Подробнее о нем — см. ЭСБЕ, т. XXIXа, с. 747.

¹³ Христиан Христианович Гиль (1837–1908) — русский нумизмат и коллекционер. После смерти кн. Сибирского выкупил у его вдовы большую часть нумизматической коллекции покойного.

Я был бы Вам очень признателен за сообщение Вашего взгляда на надпись княгини Сибирской в связи с изданной Вами под N 400. Ясно, что это самостоятельная надпись, м[ожет] б[ыть] парная, т[о] е[сть] другой экземпляр, повторяющий первую. Но какой она величины, т[о] е[сть] в 0,29 м[етра] выш[ины] или выше, совершенно не помню; помню, что сохранность ее была хорошая и имя Мифридата ясно читалось. Хорошо, если бы Археол[огическая] Комиссия навела справки в Рыбницах через Орловскую Архивную Комиссию или через тамошний Музей; ведь ст[анция] Куракино (М[осковско]-Курск[ой] ж[елезной] [дороги]) лежит не вдалеке от Орла. А Рыбницы от станции верстах в 6–7. Думаю, что надпись и фрагменты владельцы подарят Комиссии.

Кто кроме Вас, может выпустить 2^е изд[ание] II^{го} тома Сборника надписей? Эта «великая радость» будет не только Вам, но и всему учёному миру; не скупитесь только на ваши драгоценные комментарии или уважите подробностями Ваше Introductio; ведь дополнений и артефактов накопилось с 1890 г[ода] не мало.

За обещание Ваше прислать новые выпуски «Известий»¹⁴ сердечно благодарю Вас.

Кончаю письмо, но когда его пошлю — не знаю. Полученные вечерние телеграммы из П[етро]града принесли очень тревожные вести. Дай Бог Вам сил перенести это ужасное время.

Сердечно Вам кланяюсь. Преданный Вам А. Орешников [подпись]

(*) Книга эта — Описание мон[етного] собр[ания] гр[афа] Уварова, которую я брал должно быть для справок.

II

3 ноября 1917 г[ода]. Утро.

Письмо не решился послать Вам 26 октября. Сначала я был встревожен самыми невероятными слухами о Петрограде, которые здесь циркулировали: уверяли, что Зимний дворец разрушен выстрелами с «Авроры», etc. etc., тем более, что газеты так наз[ываемого] «буржуазного» направления с этого числа (26 окт[ября]) не выходят, все редакции заняты большевиками и Москва теперь в их руках. Целую неделю сидим в домах, боясь выйти на улицу; кругом стрельба из пушек, пу-

¹⁴ Имеются в виду выпуски «Известий Императорской археологической комиссии», издававшиеся ИАК и выходившие в Санкт-Петербурге — Петрограде с 1900 по 1918 г.

леметов, ружей, трамваи не ходят, телефон не действует, почты нет, газет из П[етро]града не имеем, не знаем, что делается не только на белом свете, но и на соседней улице. Такого ужаса Москва давно не переживала и когда все это кончится, никто не знает, помощи нам не дают, только некоторые храбрецы (говорят юнкера) еще держатся, защищая Кремль.

Сегодня есть случай послать Вам письмо с отъезжающим (если придется), но если не возьмет — пошлю, когда будет возможно.

В заключение напомним Вам, что в Трудах IX археологического съезда в Вильне, т[ом] I, стр[аница] 280–281, издан с приложением таблицы рельефов с изображением всадника, охотящегося на вепря и с двухстрочной греческой {посвятительной} надписью внизу. Принадлежит музею Скаржинской¹⁵ (близ Лубен в д[еревне] Круглике). Найден по словам издателя А. И. Маркевича, {где то на северном берегу Черноморья} не то в около Керчи, не то в Предкавказье. Может быть неопределённость местонахождения заставила Вас умышленно не отметить его в IV т[оме] IosPE¹⁶.

Сообщу Вам еще о мнении Minns'a¹⁷ относительно надписи N 363 II^{то} тома IosPE, которое он мне давно написал в ответ на посылку ему «Экскурсов»¹⁸. Он пишет, что склоняется к моему взгляду относительно чеканки монет Агриппы и Кесарии в разных городах и прибавляет: палеографически очень возможно, что {в надписи N 363} καи просто опущено между Αυριλλεων и Καισαρεων — явление называется Нарлогraphia.

¹⁵ Екатерина Николаевна Скаржинская (1852–1932) — русская меценатка, основательница первого общедоступного частного краеведческого музея Левобережной Украины. Подробнее о ней — см. *Сергієнко*, 2015.

¹⁶ См. примеч. 1.

¹⁷ Сэр Эллис Ховелл Миннс (1874–1953) — британский историк античности и славист, автор знаменитого труда «Scythians and Greeks» (1913). Друг и корреспондент значительного числа русских археологов первой четверти XX в. Подробнее о нем — см. *Clark*, 1985.

¹⁸ Речь идет о труде А. В. Орешникова «Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья» (*Орешников*, 1914).

5 Ноября. Вечер.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич, доблестные воины, позорно бежавшие от немцев, раздавили наших храбрых юнкеров и ту небольшую кучку офицеров, которые с ними сражались. Вчера пальба утром прекратилась и сегодня я решился выползти на улицу и отправился в Музей, который уцелел, но стекло побито в нем порядочно от сотрясения воздуха и частью простреленных ружейными пулями. Но зато Никольская башня, стоящая рядом с Музеем, порядком изувечена ядрами; чтимая икона Спасителя над воротами, уцелевшая при взрыве прежней башни в 1812 г[оду], теперь вырвана снарядом.

Не буду описывать подробностей, обо всем прочтете, когда большевики разрешат издавать «буржуазные» газеты, да верно, расскажет Я. И. Смирнов¹⁹, бывший здесь, но которого я, впрочем, не видел.

Убитых масса, называют страшные цифры погибших, но боюсь думать, что это преувеличение. Между павшими — племянник моей жены, офицер Д. Н. Бруни (сын петроградца Н. А. Бруни²⁰ в Ак[адемии] Худ[ожеств]), защищавший телефонную станцию от большевиков.

Будьте здоровы, желаю Вам не переживать того, что мы пережили. Крепко жму Вашу руку.

*Сердечно преданный Вам
А. Орешников [подпись]*

Слышал будто заряд попал в Собор 12 Апостолов, рядом с Патр[иаршей] библиотекой, где Вы занимались рукописями, но верно ли это известие — не знаю; в Кремль я не входил.

Не решился писать Вам в Комиссию, не будучи уверен, ходите ли Вы туда.

¹⁹ Яков Иванович Смирнов (1869–1918) — русский археолог-востоковед, историк искусства, ординарный академик РАН. Многолетний сотрудник Эрмитажа, старший смотритель Отдела средних веков. Подробнее о нем — см.: *Сотрудники...*, 2004. С. 134–136.

²⁰ Николай Александрович Бруни (1856–1935) — русский художник, сын академика архитектуры А. К. Бруни, академик. С 1912 г. — заведующий Мозаичным отделением Академии художеств.

Литература и источники

Гайдуков, — Гайдуков П. Г. А. В. Орешников. Автобиография // Древнерусская нумизматика и сфрагистика. Интернет-ресурс (дата обращения: 01.03.2017).

Гайдуков и др., 2010 — Гайдуков П. Г., Зубова Н. Л., Юшко А. Г. А. В. Орешников и его дневник // Алексей Васильевич Орешников. Дневник 1915–1933 гг. В двух книгах. Кн. 1. 1915–1924. М., 2010 (Научное наследство; т. 34).

Дело об эвакуации... — Дело об эвакуации Археологической Комиссии из Петрограда. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1917 г. Д. 60.

Дело о доставлении... — Дело о доставлении в Участковое по государственному подоходному налогу Присутствие сведений о служащих Комиссии. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1916 г. Д. 123.

Дело о переходе... — Дело о переходе Археологической Комиссии из ведомства Министерства Двора в ведение Временного Правительства. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1917 г. Д. 22.

Дело с разными бумагами... — Дело с разными бумагами, не составляющими особых дел. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1917 г. Д. 6.

Дневник. Кн. 1, 2010 — Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933 гг. В двух книгах. Кн. 1. 1915–1924.

ИАК. У истоков..., 2009 — Императорская археологическая комиссия (1959–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред. Е. Н. Носов, А. Н. Мусин. СПб., 2009.

Латышев Василий Васильевич (1855–1921) // Санкт-Петербургские антиковеды. Интернет-ресурс (дата обращения: 01.03.2017).

Орешников, 1914 — Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. М., 1914.

Письма А. В. Орешникова... — Письма А. В. Орешникова к В. В. Латышеву. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1917 г. Д. 72.

Письма В. В. Латышева... — Письма В. В. Латышева к А. В. Орешникову. ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29.

Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков

Переписка из двух столиц:

1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву

В основу статьи положена небольшая по объему часть неопубликованного эпистолярного наследия двух выдающихся русских ученых конца XIX — начала XX в.: петербургского антиковеда Василия Васильевича Латышева и московского нумизмата Алексея Васильевича Орешникова, относящаяся к 1917 — началу 1918 г. Общую картину революционных событий, отражившуюся в письмах, дополняют поденные записи соот-

ветствующего периода из опубликованных дневников А. В. Орешникова и скупая хроника деловой документации бывшей Императорской археологической комиссии за 1917 — начало 1918 г., где товарищем Председателя служил В. В. Латышев.

Платонова, 2014 — Платонова Н. И. Первые шаги в деле охраны памятников революционного Петрограда (к публикации документов из личного архива П. П. Покрышкина) // РАЕ. 2014. № 4.

Платонова, 2015 — Платонова Н. И. Архитектор-археолог П. П. Покрышкин: страницы биографии // КСИА. 2015. Вып. 241.

Положение... — Положение о Российской Археологической Комиссии 1859 года с изменениями и дополнительными распоряжениями по 1917 год. НА ИИМК РАН. РО. Д. 1. Оп. 1917. Д. 71.

Сергієнко, 2015 — Сергієнко Д. В. Меценатське подвижництво Катерини Скаржинської (1852–1932) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2015. Вып. 43.

Смирнов, Гайдуков, 2017 — Смирнов Н. Ю., Гайдуков П. Г. Труды и дни ученого в эпоху революций: 1917 г. в переписке В. В. Латышева и А. В. Орешникова // ТД Междунар. науч. конф. «1917 год: российская археология на переломе эпох» (Москва, 4–6 апреля 2017 г.). М., 2017.

Сотрудники..., 2004 — Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Библиографический справочник. СПб., 2004.

Clark, 1985 — Clark G. Ellis Hovell Minns // Proceedings of the British Academy. 1985. № 71.

Inscriptiones..., 1885 — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussuet impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Vol. primum. Petropoli, VIII, 1885.

Inscriptiones..., 1890 — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Volumen secundum. Inscriptiones regni Bosporani continens. Accedunt tabulae duae geographicae. Petropoli, LVI, 1890.

Inscriptiones..., 1901 — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et latinae. Volumen quartum, supplementa continens per annos 1885–1900 collecta. Accedit tabula zyncotypica. Petropoli, X, 1901.

Обращение к частной переписке двух ярких представителей академической школы дореволюционной России, ведшейся в год, ставший переломным в исто-

ветствующего периода из опубликованных дневников А. В. Орешникова и скупая хроника деловой документации бывшей Императорской археологической комиссии за 1917 — начало 1918 г., где товарищем Председателя служил В. В. Латышев.

рии страны, представляется весьма перспективным. Переписка В. В. Латышева и А. В. Орешникова имеет значение не только как история повседневности, но также дает возможность оценить те критерии, которые

имели значение в оценке катастрофических изменений окружающего мира для обоих собеседников — достаточно известных личностей с хорошо документированными биографиями.

N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov

Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev

This paper is based on a small part of the unpublished epistolary heritage of two prominent Russian scholars of the late 19th — early 20th century, viz. the St. Petersburg researcher of antiquity Vasily Vasilyevich Latyshev and Moscow numismatist Aleksey Vasilyevich Oreshnikov. This correspondence is dating from 1917 — early 1918. The general view of the revolutionary events shown in these letters is supplemented by the daily records of the corresponding period from the published diaries of A. V. Vasilyev and brief chronicles of the business documents from the former Imperial Archaeological Commission covering 1917 — early 1918. V.V. Latyshev then served as the assistant of the President of the Commission.

The study of the private correspondence of the two brilliant representatives of the academic school of the pre-revolutionary Russia in the year which became a turning point in the history of the country seems very prospective. The correspondence between Latyshev and Oreshnikov is important not only and not so much in the light of the increased attention of present-day researchers to the everyday history. Here we are dealing with two famous persons with well documented biographies. This study also allows us to estimate those criteria which were important for consideration of the catastrophic changes in the surrounding world for the two interlocutors.

А. Е. Мусин¹

Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге

Ключевые слова: реставрация, охрана культурного наследия, оборонное зодчество, фресковые росписи, Белостокское воеводство, польско-российские отношения.

Keywords: restoration, protection of cultural heritage, fortified church, frescoes mural painting, Białystok voivodeship, Polish-Russian relationship.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-240-263

В истории Императорской археологической комиссии, наследие которой хранила Г. В. Длужневская, чей род принадлежал «herbu Dołęga», есть одна достаточно деликатная и малоизученная тема. Речь идет об участии Комиссии в реставрации и охране национального культурного наследия и сложении археологии на территориях независимых государств, которые возникли или возродились после распада Российской империи. Несмотря на факт такого участия и определенное влияние на эти процессы, дать им объективную оценку подчас затруднительно в силу различных подходов к совместному сложному прошлому. Российское общество и исследователи отказываются рассматривать деятельность империи на присоединенных или оккупированных территориях как колониальную и предпочитают не применять к внешней политике России XVIII — начала XX в. понятия «колониализм» и «оккупация». Общественное мнение и национальная историография государств Центральной и Восточной Европы оперирует этими или близкими понятиями, что влечет за собой негативно окрашенную оценку российской культурной активности на этих землях.

Охрана, реставрация и изучение памятников польской культуры как на территории современной Польши, так и на землях Литвы, Беларуси и Украины, некогда входивших в состав Первой Речи Посполитой, в полной мере относятся к подобным непростым и малоизученным сюжетам. Дополнительную сложность в эту тему вносят частые изменения государственных границ в XX в. на востоке Польши и исход польского населения с территории т. н. Восточных Кресов. Однако местные памятники, опекой которых в свое

время занималась ИАК, продолжают сохранять значение для польской культуры. В данном случае важно понять, насколько в условиях «zabóru gosijskiego» и режима «zabórstwa», а именно эти термины польское общество использует для описания польско-российских отношений в 1772–1915 гг., результаты деятельности ИАК могли иметь позитивное значение для польской культуры.

Необходимо отметить, что деятельность Императорской археологической комиссии мало известна не только в Польше, но и в России. Только в 2009 г. появился коллективный труд, где была дана в целом объективная оценка истории и деятельности Комиссии как в области археологии, так и в сфере охраны и реставрации культурного наследия (Носов, Мусин, 2009). В рамках этого издания впервые была сделана попытка охарактеризовать деятельность Комиссии по сохранению культурного наследия государств, образовавшихся или возродившихся после распада Российской империи и СССР (Длужневская, Кирчо, 2009. С. 783–812; Медведева, Мусин, 2009. С. 970–973, 1030–1060).

Интересно отметить, что как в польской, так и в советской историографии можно найти схожие оценки деятельности Комиссии, носившей название «императорской»: в обоих общественных дискурсах, но по разным причинам имперское наследие оценивалось негативно. Так, в польской науке ИАК иногда рассматривалась как «реперссивный орган» Российской империи, препятствовавший свободным исследованиям (Abramowicz, 1991. S. 12–15). Польские ученые, проводившие в XIX–XX вв. исследования на территории России (Blombergowa, 1993), предпочитали сотрудничать с Московским археологическим обществом

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии. Адрес электронной почты: aleksandr_musin@mail.ru.

(*Blombergowa*, 1988), которое они считали более демократичным. В трудах по истории архитектуры подчеркивается, что ИАК на территории Польши провела несколько реставрационных мероприятий, интересуясь главным образом памятниками культуры византийского круга и обращая меньше внимания на исторические здания, относящиеся к культуре западноевропейской (*Dettloff*, 2010a. S. 127–128). Пожалуй, лишь участие Комиссии в сохранении замка в Черске получило позитивную оценку (*Jamski*, 2010. S. 199–212). Только в последнее время в польской науке появились статьи и монографии, посвященные оценке деятельности Комиссии в Российской империи в целом (*Szczerba*, 2010. S. 7–21), однако ее роль в охране археологических памятников на землях Речи Посполитой практически не затрагивалась (*Szczerba*, 2012a).

Необходимо признать, что польские исследователи много сделали для правильного понимания значения и роли ИАК для сохранения культурного наследия Центральной и Восточной Европы. Они справедливо отметили недостатки в деятельности Комиссии, которой не хватало системности. Часть проблем была связана с противоречиями в имперском законодательстве (*Szczerba*, 2012b. S. 1–17), в частности, функции охраны памятников дублировались администрацией местных губернаторов. Комиссии не хватало сотрудников и финансовых средств для эффективного надзора за качеством реставрации. Российская администрация на территории Царства Польского не хотела осложнять отношения с Римско-Католическим Костелом и старалась не привлекать ИАК к реставрации католических святынь. В ряде случаев деятельность ИАК была вписана в политическую активность империи по поиску «русских корней» местного населения и его культуры на землях Речи Посполитой. В деятельности Комиссии присутствовала и негативная оценка православно-католических форм культуры, связанных с деятельностью Греко-Католической Церкви, третируемых как «униатские», тогда как «русское православное искусство» рассматривалось в качестве эстетического образца. Все это необходимо учитывать при общей оценке деятельности Комиссии.

Однако у многих работ по истории ИАК есть одна особенность. Большой частью они основываются на печатных изданиях Комиссии — регулярно издававшихся «Отчетов» (1859–1918) и «Известий» ИАК (1901–1918) — и практически не учитывают богатейший материал рукописного и фотографического архива ИАК, который хранится сегодня в ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. В кратких публикациях Комиссии не нашли отражения важные подробности, касающиеся как мер по сохране-

нию памятников польской культуры, так и уникальных сведений об этих памятниках.

Это относится и к истории монастыря в Супрасле под Белостоком, основанного на Подляшье в 1498 г. маршалом Великого княжества Литовского Александром Ходкевичем и в 1500 г. перенесенного на нынешнее место (*Модест [Стрельбицкий]*, 1867; *Летопись...*, 1870. С. 1–408; *Батюшков*, 1890; *Николай [Долматов]*, 1892; *Святыни...* 1903; *Покрышкин*, 1911. С. 222–237; *Stawicki*, 1995. S. 5–24; *Szczawińska*, 2002. С. 145–150; *Mironowicz*, 2012. S. 11–35; *Siemaszko*, 2015. S. 43–73). Главный монастырский храм во имя Благовещения Богородицы, построенный в 1509–1510 гг. в стиле «оборонного зодчества» и расписанный сербским иконописцем Нектарием в 1557 г. (*Szymański*, 1972. S. 161–182; *Рогов*, 1980. С. 343–358; *Petkowić*, 1989. S. 293–319; дискуссию о личности иконописца см.: *Петров*, 1899. С. 1–51; *Stawicki*, 1972. S. 30–35), был взорван 23 июля 1944 г. отступавшими войсками Германии в ходе систематического уничтожения материальных и культурных ценностей города Супрасля. Его руины были окончательно разобраны в процессе консервации 1956–1960 гг. Строительство новой церкви, подражающей историческим формам погибшего здания, было осуществлено местной епархией Польской православной церкви в 1983–1998 гг. (*Tokajuk*, 2007. S. 176–188; *Tichoniuk*, 2008; *Musiuk*, 2009. S. 145–146; 2016. S. 171–175; 2017. S. 15–20; *Uściłowicz*, 2014. S. 155–171; *Устинович*, 2015. С. 144–155), причем предшествующие этому «археологические исследования» на практике ограничились разборкой завалов щебня и уничтожением сохранившихся реликтов здания для подготовки площадки для нового строительства, что уничтожило какие-либо шансы на изучение оригинальных фрагментов стен (*Kunkel*, 2016. S. 183–184). Немногочисленные сохранившиеся фрески, снятые под руководством архитектора Владислава Пашковского с руин храмовых столбов в 1947 г.² и ныне хранящиеся в Музее икон в Супрасле, являющимся отделом Музея земли Подляшской в Белостоке,

² Несмотря на эти меры, остальные фрески безвозвратно погибли во время разборки развалин перед консервацией фундаментов в 1956–1960 гг. Однако примерно в это же время в Восточной Европе были опробованы методики переборки завалов руинированных средневековых церквей с целью сбережения сохранившихся в завалах фрагментов фресок и их последующей реставрации. Примером результативности такой методики служат частично восстановленные под руководством Александра и Валентины Грековых фрески церкви Спаса-на-Ковалево под Новгородом. Работа по их реставрации началась в 1965 г., тогда как сами завалы были тщательно разобраны в 1962–1965 гг. (*Греков*, 1987; *Дмитриева*, 2011). Впрочем, это был лишь первый и уникальный опыт таких работ, для усвоения которого реставрационными практиками требовалось время.

неоднократно проходили консервацию: в 1964–1965, 2012 и 2014 гг. (*Rudniewski*, 1965. S. 96–102; *Lebiedzińska*, 1968; *Kotyńska*, 1986. S. 33–47; *Stawicki*, 1994. S. 5–6, 15; *Stawicki*, 2003. S. 185–207; *Siemaszko*, *Sawicka*, 2006; *Musiuk*, 2009. S. 145–146; *Stawecka*, 2017. S. 139–148; *Kadhubowska et al.*, 2018)³. Однако только в 2011–2012 гг. материалами архива ИАК, посвященными Супраслю, заинтересовались польские исследователи, в частности профессор Политехнического института в Белостоке Ежи Устинович (см.: *Uściłowicz*, 2015. S. 212–225) и Петр Ямски из Института искусств Польской академии наук в Варшаве.

К сожалению, эта информация не была востребована при проведении реставрационных работ⁴. Гораздо чаще она использовалась в научных исследованиях. Так, при реконструкции иконографической программы росписи Благовещенской церкви сотрудник Ягеллонского университета в Кракове Александр Семаш-

ко использовал фотографии, полученные в начале 1990-х гг. из архива ИИМК через Михаила Мильчика (*Siemaszko*, 1995. S. 13–63, гус. 4–18, 20–23, 26, 29–30, 32–34, 36, 38). Эти же фотографии сыграли важную роль на новом этапе изучения иконографии Акафиста Пресвятой Богородицы, представленного в супрасльских росписях (*Kozak*, 2016. P. 81–95). Однако даже предварительное знакомство с архивными материалами ИАК, касающимися Супрасля, позволяет заключить, что они содержат уникальные сведения об архитектурных и стилистических особенностях памятника.

Потребность во введении в научный оборот и во всестороннем изучении документов ИАК, связанных с Супрасльской святыней, ощущается особенно остро после недавней публикации анонимной коллекции фотографий монастыря и его росписей (*Jamski, Zalewski*, 2016). Эта коллекция из 42 снимков находится сегодня в собрании Института искусств ПАН в Варшаве. Весьма вероятно, что она связана с деятельностью археолога Йозефа Иодковского (1890–1950), посетившего монастырь в 1913 г. Несмотря на важность изданных материалов и представительный коллектив профессионалов, участвовавших в издании, нельзя не отметить, что книга не свободна от необъяснимых противоречий и досадных ошибок. Деятельность Комиссии и ее сотрудников по изучению и сохранению церкви Благовещения в Супрасле никак не отражена на страницах книги, а сама Комиссия, которой с 1889 г. принадлежал контроль за ремонтом и реставрацией памятников культуры Царства Польского, едва упомянута. Так, некоторые авторы считают, что П. П. Покрышкин, производивший в 1907 г. обмеры храма, был сотрудником Императорского Московского археологического общества (*Kunkel*, 2016. S. 177; ср. присутствующее в том же издании мнение, что П. Покрышкин все же был связан с ИАК: *Jamski*, 2016. S. 74)⁵.

При этом основной нарратив публикации организован вокруг известия о решающем участии МАО и непосредственно Прасковьи Уваровой и Йозефа Иодковского в спасении барочного иконостаса XVII в. монастырской церкви от уничтожения православным духовенством. Так, утверждается, что после смерти ценителя старины архимандрита Николая (Довлатова) в 1906 г. новое руководство монастыря в лице епископа Владимира (Тихоницкого) начало искать возмож-

³ В июле 2016 г. под руководством Горана Иваничевича (*Goran Janićijević*), профессора кафедры фресковой живописи Академии церковного искусства в Белграде, Сербия, в Благовещенской церкви была выполнена роспись купола храма, а именно образ Христа Пантократора и регистры с изображениями серафимов, херувимов, ангелов, пророков, апостолов и мучеников общей площадью 2500 кв. м. По общему мнению, новая живопись лишь симулирует иконографическую программу средневековых фресок, существенно отличаясь от них стилистикой и цветовой гаммой, а с погибшими росписями ее «роднит» лишь принадлежность кисти сербского иконописца.

⁴ Существует еще один малоизвестный эпизод, связанный с попыткой реставрации фресок церкви Благовещения в Супрасле. В 2006 г. архитектор Якуб Котович (сотрудник Политехнического университета Белостокской) и специалист по византийскому искусству д-р Петр Гротовский (Папская теологическая академия, Краков) подготовили проект полноцветной реконструкции стеной росписи храма и иконостаса на основе черно-белых фотографий из собрания ИАК, опубликованных А. Семашко (*Semaszko*, 1995. S. 13–63), с помощью компьютерной графики и последующего проецирования изображений на стены храма. В феврале 2007 г. идея такого восстановления обсуждалась непосредственно с митрополитом Варшавским и всея Польши Саввой (Грыцуняком) и получила его одобрение. Однако во время посещения Супрасля 25 июля того же года с целью сделать обмеры внутреннего пространства восстановленного храма авторы проекта выяснили, что перед строительством новой церкви по современным технологиям Служба консервации Белостокского воеводства разрешила разборку сохранившихся средневековых фундаментов и крипты (ср.: *Uściłowicz*, 2014. S. 155–171; *Kunkel*, 2016. S. 183–184). Еще ранее, между 1947 и 1956/1960 гг., в связи с консервацией руин храма (*Musiuk*, 2009. S. 181) были разобраны остатки столпов и стен, в некоторых местах сохранившиеся на значительную высоту вплоть до основания сводчатых арок. В результате план и объем храмового «новодела» перестали соответствовать изначальным пропорциям исторического здания, в том числе и в подкупольном пространстве. Это сделало невозможным аутентичное восстановление храмовой росписи по сохранившимся фотографиям, о чем авторы проекта сообщили епископу Белостокскому Иакову (Костючку), а сам проект не получил дальнейшего развития. Благодарю д-ра П. Гротовского за этот интересный факт, связанный с историей восстановления Супрасльского монастыря.

⁵ Это не единственная неточность в издании. Так, Институт истории материальной культуры, где хранится архив ИАК, назван «Институтом материальной культуры», а многолетняя заведующая архивом Галина Длужневская, с которой один из авторов альбома неоднократно общался, поименована «Марией» (*sic!*) (ср.: *Jamski*, 2016. S. 74, 77, 82).

ность ликвидировать оставшиеся элементы униатского убранства в храме, для чего намечался крупный ремонт. Лишь решительный протест МАО, которому, согласно царскому законодательству, якобы принадлежало решающее мнение в вопросе ремонта и реставрации памятников архитектуры, а также телефонный звонок П. С. Уваровой, симпатизировавшей Польше и полякам, в Святейший Синод в Санкт-Петербурге спас иконостас от разборки. Важную роль в этих событиях, согласно нарративу, сыграла поездка Й. Иодковского в Супрасль в 1910 г., сделанные им фотографии и основывающееся на них экспертное заключение московского общества (*Jamski, Zalewski*, 2016. S. 11, 76, 172, 245, 249, 253). Основным источником этой версии являются воспоминания о Й. Иодковском, оставленные Александром Снежко (1896–1975) (*Śnieżko, Hoppe*, 2016. S. 13–16; ср.: *Śnieżko*, 2000), который познакомился со своим героем в 1930-е гг., занимаясь краеведением Гродненской земли. Впоследствии он писал на темы истории филателии в Польше и основал Музей почты и телекоммуникации во Вроцлаве. Воспоминания были закончены там же в 1966 г.

Насколько изложенная версия событий соответствует действительности, отраженной в документах эпохи? Попробуем восстановить историю обновления стеной живописи и ремонта монастырской церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в 1907–1910 гг. и охарактеризовать участие Комиссии в этих событиях. Первые материалы о Супрасльском монастыре в архиве Комиссии появились в 1907 г. Шестого августа в ИАК было направлено письмо епископа Белостокского Владимира (Тихоницкого, 1873–1959), настоятеля Супрасльского монастыря, впоследствии главы Архиепископии русских православных церквей Константинопольского патриархата во Франции. В этом письме описывалось бедственное состояние храма (покосившиеся в южную сторону купол и башни, выветривание кирпичной кладки, трещины на южной и северной стене, закрашенные и страдающие от сырости росписи, требующие побелки стены, прогнившие стропила сложной конструкции и деревянные винтовые лестницы в угловых башнях) (рис. 1, 2). Епископ предполагал перекрыть здание новой крышей с рациональным распределением водосточных желобов и сделать необходимый ремонт. При этом он счел нужным обратиться к ИАК как к «верховой блюстительнице памятников старины» в Российской империи с просьбой прислать для осмотра храма специалистов по церковной археологии и архитектуре, поскольку в местном «разноверном и разноплеменном крае» таких экспертов не было (РО НА ИИМК РАН.

Ф. 1, 1907, д. 106, л. 1–2 об)⁶. Епископ действительно упоминал в своем письме элементы литургического убранства, созданные под влиянием униатской Греко-Католической Церкви и закрывавшие древние фрески, однако об их уничтожении не было и речи. Судя по всему, Владимир понимал их историческую ценность. Мнение, что ремонт преследовал цель вернуть церкви православный облик и уничтожить позднеренессансные и барочные элементы, не имеет документального подтверждения (ср.: *Kunkel*, 2016. S. 177).

Похоже, этот «историографический миф» восходит к публикации Й. Иодковского, где он утверждал, что в 1907 г. настоятель монастыря просил ИАК разрешить удалить униатский иконостас для замены его новым, на что Комиссия не согласилась, якобы указав лишь на то, что «западноевропейских иконостасов имеется значительное количество даже в московских храмах» (*Иодковский*, 1915. С. 263). При этом автор ссылается на протокол заседания Комиссии (Протоколы... 1908. С. 26), хотя на указанной странице размещена только фотография Благовещенской церкви, а сам текст отсутствует. Очевидно, приписываемая Й. Иодковским епископу Владимиру инициатива уничтожения барочного иконостаса есть лишь его не подтвержденная документами догадка. Основанием для нее послужило запрещение разборки иконостаса, исходящее от ИАК. Как мы увидим, оно было продиктовано, во-первых, принципиальной совместимостью барочного искусства с православной литургией (см.: *Мусин*, 2002. С. 279–302; *Musin*, 2005. P. 5–25), во-вторых, соображениями финансового характера, поскольку замена церковного убранства потребовала бы серьезных расходов, в-третьих, необходимостью научного изучения этих элементов церковного интерьера. В любом случае иконостас, как и прочее барочное и ренессансное убранство храма, рассматривался Комиссией как ценный памятник христианской культуры.

Это подтверждает дальнейшее знакомство с документами архива. Руководство ИАК достаточно быстро отправило в Супрасль члена Комиссии архитектора Петра Покрышкина (1870–1922) (Ф. 1, 1907, д. 106, л. 6). Он осматривал собор 24–26 августа 1907 г. На основании этого посещения П. Покрышкин не позднее 22 сентября составил объяснительную записку о состоянии памятника (Ф. 1, 1907, д. 106, л. 17–18). Именно она легла в основу обсуждения судьбы храма на реставрационном заседании Комиссии 10 октября. Интересно, что записка почти дословно копирует

⁶ Далее при ссылке на материалы Научного архива ИИМК РАН его название не повторяется.

Рис. 1. Вид на западный фасад Благовещенской церкви Супрасльского монастыря с северо-запада. Фотография И. Ф. Чистякова, 1908 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. № II 28894).

Fig. 1. View from north-west at the western façade of the Church of the Annunciation in the Supraśl monastery. Photograph by I. F. Chistyakov, 1908 (Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS. Negative no. II 28894).

письмо епископа Владимира. Это стоит объяснить не равнодушием исследователя к памятнику, а особенностями бюрократической процедуры, поскольку непосредственным поводом для заседания Комиссии служило именно это обращение епископа. По сути дела П. Покрышкин подтвердил содержащиеся в обращении сведения, дополнительно отметив строгий «византийский» стиль фресковой росписи.

На реставрационном заседании П. Покрышкин дополнил содержащуюся в записке информацию, упомянув иконостас «отличной данцигской работы», который, как он тогда полагал, возводился в период между 1630-е гг. и 1664 г. (наиболее вероятные даты постройки 1635–1652 гг., дискуссию о датировке см.: Ярошевич, 2010. С. 98–100; Постернак, 2013. С. 79–86; Tomalska, 2016. S. 211–224) (рис. 3), а также оригинальную конструкцию стропил на чердаке. При этом он считал, что башни храма, относящегося к типу «оборонных церквей», имели не оборонительный, а дозорный характер.

Особый интерес на заседании вызвала храмовая роспись (рис. 4). Директор Института гражданских инженеров архитектор Николай Султанов (1850–1908)

считал, что храм был расписан афонскими или южнославянскими мастерами «с явными следами влияния итальянской живописи». Однако П. Покрышкин не нашел свидетельств обновления средневековых фресок в итальянском стиле, впервые сравнил роспись с фресками сербских церквей, специалистом по архитектуре которых он являлся (Покрышкин, 1906). Если Н. Султанов считал, что деревянные панели (табулятуры), закрывавшие фрески в нижней части стен, стоит убрать, то архитектор Хозяйственного управления Святейшего Синода Михаил Преображенский (1854–1930) предлагал их оставить, снабдив открывающимися створками. В результате ИАК разрешила церковным властям произвести немедленный ремонт. Однако замена убранства храма, выполненного в духе униатской культуры с православными элементами, равноценными в художественном отношении, не разрешалась, поскольку это потребовало бы значительных финансовых средств. К тому же барочные иконостасы были привычны и многим храмам православной Москвы. Это спасло барочный иконостас от уничтожения (Протоколы... 1908. С. 25–27). Как мы уже отмечали, официальное письмо епископа Владимира не ставило вопрос о ликвидации униатского убранства.

Рис. 2. Вид на нижнюю часть западного фасада Благовещенской церкви и группу прихожан с северо-запада. Фотография И. Ф. Чистякова, 1908 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. № II 28899).

Fig. 2. View from north-west at the lower part of the western façade of the Church of the Annunciation and a group of parishioners. Photograph by I. F. Chistyakov, 1908 (Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS. Negative no. II 28899).

Рис. 3. Вид на центральную часть иконостаса (1635–1652 гг.) Благовещенской церкви.
Фотография И. Ф. Чистякова, 1908 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. № II 29617).

Fig. 3. View at the central area of the iconostasis (1635–1652) of the Church of the Annunciation.
Photograph by I. F. Chistyakov, 1908 (Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS. Negative no. II 29617).

Возможно, эти пожелания были высказаны П. Покрышкину устно во время его пребывания в Супрасле.

Итак, именно Комиссия, а не МАО и не графиня П. С. Уварова встали на защиту иконостаса. При этом частичное снятие деревянных табулятуров в южной части храма было связано с мероприятиями по сохранению фресок и необходимостью их обозрения, а не стремлением к уничтожению униатской культуры, как это иногда представляется в историографии (ср. *Kunkel*, 2016. С. 183). Знакомство с документами МАО, в частности с протоколами заседаний Комиссии по сохранению древних памятников и ее отчетами за 1907–1912 гг., позволяет прийти к заключению, что Общество в это время не занималось вопросами истории, сохранения или реставрации Супрасльского монастыря. Более того, здесь отмечалось, что церковные власти по вопросам ремонта и реставрации храмов, в силу императорского и синодального указов 1889 и 1910 гг., должны были обращаться в Комиссию в Санкт-Петербурге, а не в Общество в Москве (Древности, 1909. С. III, 394; 1912. С. VIII, 287; 1914. С. V).

Этому и было посвящено письмо ИАК от 2 ноября за подписью товарища председателя Комиссии Василия Латышева (1855–1921), направленное епископу Владимиру. Здесь говорилось, что со стороны Комиссии не встречается препятствий к ремонту крыши и стропил, заделке трещин и исправлению цокольных частей, однако при обязательном условии сохранения существующих архитектурных форм храма и осуществления надзора со стороны техников-специалистов. Ликвидация элементов католической культуры была запрещена не только в силу больших затрат, но и необходимости детального изучения храма. Оценка результатов работ и последующее обследование церкви были поручено П. Покрышкину, который намеревался приехать в Супрасль уже летом 1908 г. (Ф. 1, 1907, д. 106, л. 8–8 об). Таким образом, ИАК возлагала ответственность за ремонт на местные церковные власти, оставляя за собой право оценки его результатов.

Однако уже 3 ноября в ИАК поступило письмо члена Комиссии, крупнейшего знатока восточно-христианской живописи Николая Покровского (1848–1917), профессора Санкт-Петербургской духовной академии и директора Археологического института в Санкт-Петербурге, который не был на заседании (Ф. 1, 1907, д. 106, л. 9–10 об). Он решительно не согласился с мнением Н. Султанова об итальянском влиянии на фресковую роспись Супрасльского монастыря. Н. Покровский напомнил, что на VII археологическом съезде в Ярославле в 1887 г. Василий Грязнов

(ок. 1840–1909), архитектор из Вильно, представил доклад «О древних церквях Северо-Западного края» (Протоколы... 1892. С. 78–79), где продемонстрировал цветную копию образа Вознесения Господня из церкви Благовещения. Эти рисунки свидетельствовали, что фрески были выполнены в византийской традиции, представленной «в русском исполнении» «без всяких следов итальянщины». Интересно, что протоколы этого заседания съезда 1887 г. вел сам Н. Султанов (Султанов, 1887. С. 10), что не помешало ему впоследствии неверно оценить роспись. В заключении Н. Покровский призвал ИАК отнестись к вопросу о супрасльских фресках с особенным вниманием, принять меры по их сохранению, продолжить их детальное изучение, после чего осуществить правильную реставрацию. Он намеревался лично принять участие в этих работах, однако так и не смог осуществить задуманное.

Среди официальных документов Комиссии информации о ремонтных работах в Супрасле не сохранилось. Однако весной 1908 г. член ИАК археолог Александр Спицын (1858–1931) обратился к известному московскому иконописцу Василию Гурьянову (1867–1920) с предложением заняться расчисткой фресок Благовещенской церкви. Изначально художник согласился приехать в Супрасль 24 мая. Однако, опасаясь путешествовать, по собственному определению, в «польско-еврейском крае», он настаивал на поездке по железной дороге. Узнав, что ему придется проехать 14 километров от Белостока до Супрасля на лошади, уже 19 мая он отказался от этой работы.

После этой неудачи ИАК намеревалась рекомендовать церковным властям для восстановления фресок другого известного иконописца и реставратора — Григория Чирикова (1882–1936) (Ф. 1, 1907, д. 106, л. 11, 13, 14). Однако судьба переговоров нам неизвестна. Очевидно, Комиссии не удалось привлечь этого талантливого реставратора к работе в Супрасле. В результате в 1910 г. обновление росписи произвел художник Федор Бодалев, который руководил иконописной школой на подворье Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии в Санкт-Петербурге. Эти работы получили отрицательную оценку у общественности и специалистов (Иодковский, 1915. С. 267). У нас нет сведений о причастности ИАК к выбору его кандидатуры в качестве реставратора. Очевидно, художник был приглашен церковной администрацией, однако в материалах ИАК имеется информация, которая, к сожалению, указывает, что позиция Комиссии в некоторой степени легализовала произведенное Ф. Бодалевым «поновление».

Эти дополнительные сведения о храме и росписях Супрасальского монастыря связаны с личным архивом П. Покрышкина. Он побывал на Подляшье как минимум трижды — в 1907, 1908 и 1910 гг. В октябре 1910 г. после посещения монастыря он делает запись в своих пометках, где критикует художника лишь за частные детали: «О работе Бодалева. Поправка стенописи у мощей св. младенца Гавриила. Обще недурное впечатление, лики заботливо поправлены, но «доличка» — очень небрежно, в особенности же драпировки в панели поправлены наспех по черным контурам горизонт[альные] полосы красным. Впрочем, все это может быть удалено (масл[яная] краска). Надписи не соответствуют по очертаниям древним, в общем же издали — колоритно и не худо» (Ф. 21, д. 542, л. 9). Свои наблюдения он подтвердил соответствующей фотографией (Ф. 1, 1907, д. 106, л. 3). Впрочем, позднее П. Покрышкин более критично оценил эти работы, произведенные «без ведома» ИАК. Он посчитал, что Ф. Бодалев «удовлетворительно исправил только лики», тогда как доличное письмо, надписи и «панель» были сделаны наспех, небрежно и неверно с точки зрения цвета и контура (Покрышкин, 1911. С. 232). Покрышкин даже выступал за то, чтобы «считать эту небрежную и неверную реставрацию», однако ситуацию такое предложение, судя по всему, не исправило.

До этого П. Покрышкин посетил монастырь с 18 по 26 июня 1908 г. (Ф. 21, д. 542, л. 12). Эти дни стали самыми результативными в проведенном им обследовании церкви, которую он постоянно называет «костелом» (ср. рис. 2). Очевидно, именно в это время сделана большая часть фотографий церкви Благовещения и его фресок, а не в 1907 г., как указано в архивных описях ИИМК, составленных только в 1950-е гг., и не в 1909 г., как указано в публикации П. Покрышкина 1911 г., и как, вследствие этого, полагал А. Семашко. Сегодня эти фотографии представлены в архиве как в виде отпечатков, так и в виде стеклянных и пленочных негативов (см. Приложение)⁷. Именно тогда он идентифицировал изображения храмовых росписей, в том числе и в куполе (Ф. 21, д. 542, л. 35). Результатом

⁷ В процессе работы над коллекцией удалось уточнить атрибуцию некоторых снимков. Так, фотография юго-восточного угла церкви «оборонного» стиля во время ремонтных работ (инв. № 7550, нег. П 28769, О.667/28) на самом деле относится к церкви Рождества Богородицы в д. Мурованка (Щучинский район, Гродненская область, Беларусь). Пути попадания снимка в коллекцию П. П. Покрышкина остаются неясными, поскольку сведений относительно участия ИАК в ее ремонтах не сохранилось. Благодаря директору Музея икон в Супрасле Кристину Ставецкую (Krystyna Stawecka), обратившую мое внимание на этот факт.

работ П. Покрышкина стала его статья, посвященная архитектуре Благовещенской церкви и ее росписям (Покрышкин, 1911. С. 222–237).

Фотографии памятников Супрасля попадали в ИАК и другими путями. Так, по просьбе Комиссии наместник монастыря архимандрит Авраамий (Дернов, 1874–1939) в 1907–1908 гг. присылал в Санкт-Петербург для изготовления копий фотографии иконостаса и деревянного креста с реликвией Креста Господня (Ф. 1, 1907, д. 106, л. 7, 15, 16; ср.: ФО НА ИИМК РАН. О.667/33, 33а [инв. № 8775, 8776]), однако запрашиваемая фотография Супрасльской иконы Божией Матери в собрание ИАК так и не поступила. Известно также, что в монастыре сохранялись дарохранительницы 1557 и 1645 гг., фотография одной из которых, судя по всему, есть в архиве ИАК (ФО НА ИИМК РАН, инв. № 7544, нег. П 28286, О.667/22).

К этому же времени относится и большинство дневниковых записей, которые перемежаются со сведениями библиографического характера по истории монастыря. Эти материалы архитектор достаточно полно использовал в своей статье⁸. Однако среди заметок П. Покрышкина встречается и уникальная информация. Так, во время его посещения Супрасля в 1908 г. им были частично открыты фрески за деревянной панелью на северной стене церкви, в которой позднее была вырублена ниша, повредившая роспись. Благодаря этому он смог увидеть камни в забутовке храмового цоколя, связанные с закладкой церкви в XVI в. (Ф. 21, д. 542, л. 23).

П. Покрышкин сделал наброски и обмеры ныне утраченных элементов церковного интерьера и помещений: основания купола с распалубкой (Ф. 21, д. 542, л. 7), орнамента западных дверей (Ф. 21, д. 542, л. 18 об), монастырского сарая (Ф. 21, д. 542, л. 6), надалтарного тайника (Ф. 21, д. 543, л. 40б), чертеж разреза по северо-восточной оси одного из храмовых окон (Ф. 21, д. 543, л. 1) и разреза северного подпружного свода в западной части с иконографическими пометками (Ф. 21, д. 542, л. 8 об). Он сохранил в своих записях разрез и план средней главы с размерами и замечаниями, что здесь необходимо сделать отдушины, которые не давали бы доступ дождевой воде (Ф. 21, д. 543, л. 2, 2 об) (рис. 5), и план и разрез крипты (Ф. 21, д. 543, л. 3). При этом он специально отметил, что «метрами мерили» (Ф. 21, д. 542, л. 7), в отличие от аршинов и саженей, в которых осуществлялось измерение в Российской

⁸ Ср. черновые записи и описание фресок в архивном деле (Ф. 21, д. 540, л. 1-3; д. 542, л. 1-8, 19-21 32-35) и в публикации (Покрышкин, 1911. С. 232–237).

Рис. 4. Вид на северо-восточный подкупольный парус и северный край иконостаса Благовещенской церкви. Фотография И. Ф. Чистякова, 1908 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. № II 28290).

Fig. 4. View at the north-eastern under-cupola pendentive and the northern edge of the iconostasis of the Church of the Annunciation. Photograph by I. F. Chistyakov, 1908 (Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS. Negative no. II 28290).

империи. Среди его бумаг сохранился схематичный набросок разреза основания купола с зафиксированной высотой и шириной каждого иконописного регистра: нижний пояс орнамента достигал высоты 2,425 м от основания купола при ширине регистра 46 см. Высота изображений пророков достигала 3,52 м при ширине регистра 1,095 м. Второй пояс орнамента достигал высоты 3,92 м при ширине 40 см (Ф. 21, д. 543, л. 5). Ангельский регистр не был измерен. Подробные обмеры легли в основу опубликованных чертежей плана, северного фасада и разреза церкви Благовещения (Р-І. Арх. № 5, л. 1–3; Арх. № 597, л. 1–6; ср.: *Покрышкин*, 1911. Рис. 2–4).

Некоторые из набросков П. Покрышкина посвящены иконографии фресок. Так, он сделал эскиз образа Христа в мандорле в сцене явления женам-мироносицам на западной стене церкви («у входа в приделе с юга Христос в сиянии, у ног его две жены» (Ф. 21, д. 542, л. 4) (рис. 6). Среди фотографий в архиве ИАК эта сцена не запечатлелась, однако А. Семашко сумел найти снимок этой сцены, сделанный до 1936 г. (*Siemaszko*, 1995. II. 27). Стоит отметить, что именно А. Семашко впервые связал анонимную коллекцию фотографий из собрания Института искусств ПАН, по крайней мере, частично, с именем Й. Иодковского, используя их в своей статье и датировав 1915 г. (*Siemaszko*, 1995. S. 14, рзур. 10, il. 25, 28, 31, 35, 37, nr. inw. 9424–9428; ср. *Иодковский*, 1915. List XXVI, 4, XXVII: 1, 2, 4; *Jamski, Zalewski*, 2016. S. 128–129, nr. kat. 23, nr. inw. 9428, 124–125, nr. kat. 21, nr. inw. 9426, 126–127, nr. kat. 22, nr. inw. 9427, 132–133, nr. kat. 25, nr. inw. 9424). В новом издании эта честь приписана профессору Белостокского университета историку Йозефу Марошке (*Jamski, Zalewski*, 2016. S. 12, 71, 77; ср. *Maroszek*, 2001. S. 1360–1361).

Так материалы архива ИАК могли послужить качественному восстановлению и научной реставрации архитектурных форм храма и его уникальных фресок. Здесь же, среди личных бумаг, сохранилось адресованное П. Покрышкину письмо Й. Иодковского от 8 мая 1912 г., которому Московское археологическое общество, давний оппонент ИАК, поручило исследовать оборонные церкви в Литве, Белоруссии и Польше (Ф. 1, д. 541, л. 7–8). Й. Иодковский запрашивал у ИАК чертежи и фотографии для работы, однако, судя по опубликованным им материалам, так и не получил просимого. Об этом же свидетельствует и место хранения письма в личном архиве самого П. Покрышкина. Очевидно, оно не было официально передано в Комиссию адресатом. Эти наблюдения противоречат убежденности некоторых авторов в «удовлетворитель-

ном ответе» и высылке ему необходимых снимков из Петербурга (*Jamski*, 2016. S. 75). Все фотографии для своей статьи ему пришлось делать или заказывать заново (*Иодковский*, 1915. Рис. 45–52, листы XXII–XXIX; ср.: *Jamski, Zalewski*, 2016. S. 84–167). Фотографии, связанные с деятельностью ИАК в Супрасльском монастыре, были позаимствованы им из статьи П. Покрышкина (ср.: *Покрышкин*, 1911. С. 222–237).

Возможно, здесь сказалось старое соперничество между ИАК и МАО, которое и побудило П. Покрышкина отказать Й. Иодковскому в его просьбе. Мы не располагаем данными, что выпускник Московского археологического института Й. Иодковский постоянно сотрудничал с ИАК, став ее корреспондентом в Гродненской, Виленской и Минской губерниях, и посетил монастырь в 1910 г. с целью фотосъемки и производства архитектурных обмеров, имея на руках направление Комиссии (ср.: *Jamski*, 2016. S. 73–74, 75).

История переписки Й. Иодковского и П. Покрышкина в 1912 г., как и материалы архива ИАК, позволяет поставить под сомнение уже известную нам версию об участии МАО и лично П. Уваровой в спасении богослужебного убранства Благовещенской церкви. А. Снежко, который мог услышать об этом от самого Й. Иодковского в 1930-е гг., т. е. через 20 лет после событий, записал свои воспоминания лишь спустя 20–30 лет. Избирательность человеческой памяти, возможная обида Й. Иодковского на П. Покрышкина и традиционный конфликт ИАК и МАО привели к тому, что честь спасения монастырской святыни досталась в этих воспоминаниях не Петербургу, а Москве. Добавим, судьба иконостаса решалась не в 1910-м, а в 1907 г. Такой сдвиг исторической памяти хорошо соответствовал идеализированным представлениям о «демократическом» и «полонофильском» характере МАО, прочно утвердившимся в польской историографии. Как мы уже отмечали, нам остаются неизвестны документы, подтверждающие участие П. Уваровой в судьбе Супрасльского монастыря. Нельзя не отметить, что история с «телефонным звонком» П. Уваровой в Санкт-Петербург, решившим дело, весьма напоминает особенности взаимных отношений Москвы и Варшавы эпохи Болеслава Берута, т. е. написания мемуаров.

Несмотря на то что непосредственное участие Й. Иодковского в сохранении иконостаса XVII в. в Супрасле, как и его поездка в монастырь в 1910 г. представляются неverified, в опубликованном им исследовании содержатся справедливые замечания, касающиеся взглядов П. Покрышкина на архитектуру Благовещенской церкви (*Иодковский*, 1915. С. 258).

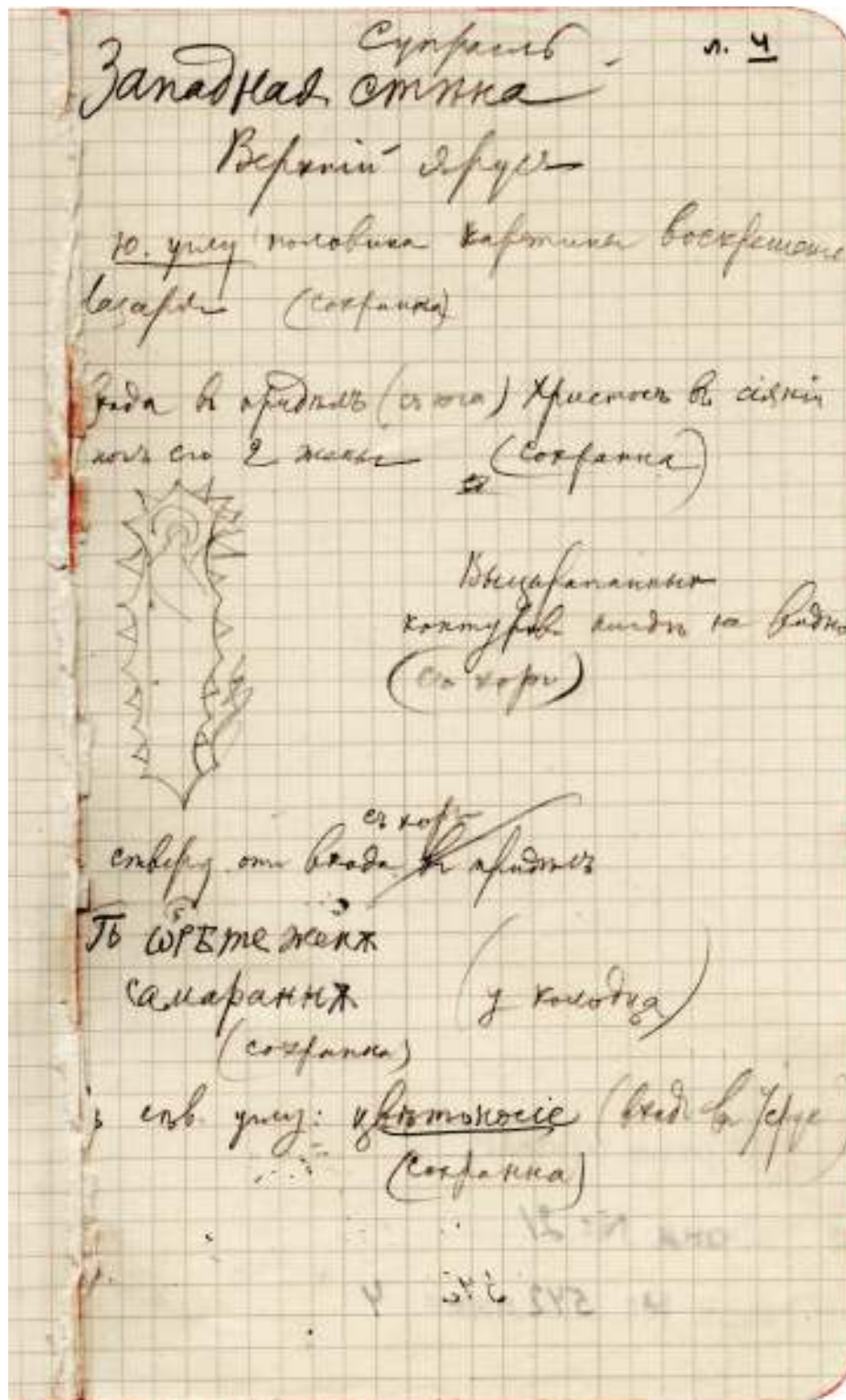

Рис. 6. Страница из дневника П. П. Покрышкина с наброском фигуры Христа в сиянии на фреске «Явление женам-мироносицам», западная стена Благовещенской церкви, 1910 г. (?) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 21, д. 542, л. 4).

Fig. 6. A page from P. P. Pokryshkin's diary with a sketch of the figure of Christ in the aureole in the fresco "Appearance of Christ before the women at the tomb", western wall of the Church of the Annunciation, 1910 (?) (Manuscript Department of the Scientific Archives of IIMK RAS. Archive group 21, file 542, sheet 4).

Так, сегодня его мнения о том, что зодчий храма был мало знаком с готическим зодчеством, а пятибашенное завершение храма является «декоративным подражанием пятиглавию русских церквей», не могут быть восприняты иначе, чем исторически и идеологически ангажированные.

Обзор архивных материалов показывает, что Комиссия и ее члены сыграли неоднозначную роль в реставрации церкви. В материалах ИАК присутствует и общая идейная негативная оценка влияния униатской культуры на православное убранство храма, хотя позиция Комиссии и не позволила разрушить эти уникальные памятники. Нельзя не признать, что закрепленное в законодательстве право ИАК разрешать или запрещать реставрационные работы играло роль сдерживающего фактора при ремонте и переустройстве древних памятников, что способствовало их сохранению. Следование решениям и рекомендациям Комиссии приводило к сбережению культурного наследия Польши.

Это понимали представители польской науки и искусства. В результате обращения директора Национального музея в Кракове Феликса Коперы (1871–1952) к председателю ИАК Алексею Бобринскому (1852–1927) был спасен от перестройки, задуманной местным епископом (Ф. 1, 1904 г., д. 25), романский костел св. Николая начала XIII в. Высочицах (Меховский уезд, Келецкая губерния, сегодня гмина Ивановице, повят Краков, Малопольское воеводство) (*Świechowski*, 2000. S. 309–311). Однако почти одновременно другой романский храм 1154 г. — костел св. Иоанна Предтечи в с. Стара Загосч (Пинчувский повет, Келецкая губерния; сегодня гмина Пинчув, повят Пинчув, Свентокшыжское воеводство) был радикально перестроен в 1900–1901 гг. (*Świechowski*, 2000. S. 311–312). Поскольку ИАК своевременно не была поставлена в известность о планируемом ремонте, она не имела возможности остановить эти работы. Похожим образом ИАК могла сыграть свою положительную роль в реставрации костела св. Иакова в Сандомире. В 1907 г. Комиссия разрешила здесь проведение исключительно необходимого ремонта и запретила отбивать наружную штукатурку костела на случай будущей реставрации находящейся здесь полихромии (Протоколы..., 1908. С. 34–36; Ф. 1, 1907, д. 51). Несмотря на тот факт, что общий контроль за ремонтом был поручен Комиссией Товариществу

охраны памятников прошлого, организованному в 1906 г. в Варшаве, архитектор Ярослав Войцеховский (1874–1942) произвел радикальную «готизацию» костела, отбив со стен позднесредневековые фрески. Этот опыт получил негативную оценку в польской науке (*Frycz*, 1975. S. 232; ср.: *Dettloff*, 2010b. S. 189–197; в последней из публикаций ничего не сообщается о роли ИАК в попытке сохранить росписи древнего храма).

Это не единственные примеры такой деятельности Комиссии и ее противоречивых оценок. Сегодня продолжается дискуссия о характере трудов ИАК в 1902–1914 гг. по консервации фресок 1407–1418 гг. в костеле Святой Троицы Люблинского замка (*Bilewicz*, 1999. S. 175–207, *Белковская*, 2015. С. 121–128). Эти труды некогда были оценены как поспешная расчистка живописи на большой площади без надлежащего старания и необходимого применения реставрационных методов (*Różycka-Bryzek*, 2000. S. 18). Такая полемика является частью более широкого обмена мнениями о «трудных моментах» совместной истории Польши и России, которая нуждаются в новых подходах (*Kieniewicz*, 2005. S. 71–76; *Rotfeld, Torkunow*, 2010).

Конечно, роль ИАК в деле сохранения памятников польской культуры не следует переоценивать. Представляется, что гораздо более эффективной на землях Польши, входивших некогда в состав Австро-Венгрии, была деятельность Императорско-Королевской Центральной комиссии по изучению и охране художественных и исторических памятников в Вене, которая располагала службой региональных консерваторов (Тека... 1900–1916; *Koller*, 1991. S. 65–85). Ее опыт лег в основу охраны культурного наследия II Речи Посполитой в междувоенное двадцатилетие (*Dettloff*, 2006). Однако в ряде случаев заслуги ИАК перед польской культурой очевидны, а ее архив сегодня может служить источником по истории и реставрации польского культурного наследия.

В заключение автор хотел бы поблагодарить руководство Музея земли Подляшской в Белостоке и его отдел в Супрасле (Музей икон) за помощь в исследовании, а Международный Центр культуры, Краков — за поддержку исследовательского проекта «Забывтое сокровище польской культуры: архив ИАК в Санкт-Петербурге (1859–1917) и его значение для культурного наследия Польши».

Приложение

Фотографии и чертежи Супрасльского Благовещенского монастыря в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге

Appendix

Photographs of the Supraśl Annunciation Monastery in the Scientific Archives of the Institute of Material Culture RAS in Saint Petersburg

№№ п/п	Описание снимка	Номер негатива ФО НА ИИМК РАН	Номер отпечатка ФО НА ИИМК РАН	Инвен- тар- ный номер ФО НА ИИМК РАН	Воспро- изведение фотографий в статье П. П. Покрыш- кина (Покрыш- кин, 1911)	Воспро- изведение фотографий в статье А. Семашко (Semaszko, 1995)
1	Деталь резной орнаментики внутреннего убранства Благовещенского собора, 1908 г. (?)	П 30045	О.315/90	9332		
2	Ворота монастыря, 1908 г. (?)	І 21464	О.315/91	9333		
3	Монастырское двухэтажное здание с двускатной крышей, 1908 г. (?)	П 30056	О.315/92	9344		
4	Общий вид церкви издали, 1908 г. (?)	П 30052	О.315/ 93	9340		
5	Общий вид церкви, 1908 г. (?)	П 30046	О.315/94	9334		
6	Двое святых в медальонах, 1908 г. (?)	П 30051	О.315/ 95	9339		Рис. 18
7	Фреска в восьмерике купола, свв. Евлогий и Василиск, 1908 г. (?)	П 30049	О315/96	9337		Рис. 15
8	Вид на главы церкви и окружающие постройки из-за деревьев, 1908 г. (?)	П 30057	О.324/498	9345		
9	Роспись у раки св. мл. Гавриила (реставрация Ф. Бодалева), поездка П. Покрышкина 1910 г.	П 31236, П 31237	О.324/499 = РО НА ИИМК РАН. Ф. 1, 1907 г., д. 106, л. 3	11457, 11458		Рис. 32
10	Купольная роспись, Спаситель, поездка П. П. Покрышкина 1910 г.	П 30054	О.324/500	9342	Рис. 20	Рис. 4
11	Двое святых в медальонах, 1908 г. (?)	П 30050	О.324/501	9338		Рис. 17

12	Деталь ремонтных работ в верхней части башни, 1908 г. (?)	II 30042	О.324/502	9329		
13	Деталь ремонтных работ на чердаке, 1908 г. (?)	II 30043	О.324/503	9330		
14	Деталь ремонтных работ на чердаке, 1908 г. (?)	II 30048	О.324/504	9336	Рис. 18	
15	Ремонтные работы на чердаке, 1908 г. (?)	II 30053	О.324/505	9341		
16	Общий вид с юго-востока из-за ворот ограды, 1908 г. (?)	II 30047	О.324/506	9335		
17	Вид на купола из-за ограды монастыря, 1908 г. (?)	II 30055	О.324/507	9343		
18	Фреска за панелью северной стены, 4 святых в рост, 1908 г.	II 29603 = II 29615	О.371/258 = О.385/34	8876, 8888		Рис. 33
19	Деталь фрески за панелью северной стены два святых, 1908 г.	II 29612	О.371/259	8885		
20	Деталь фрески за панелью северной стены два святых, 1908 г.	II 29613	О.371/260	8886		
21	Фреска за панелью северной стены, 1908 г.	II 29610	О.371/261	8883		Рис. 34
22	Деталь иконостаса, Царские врата, 1908 г. (?)	II 29617	О.371/262	8890		
23	Внутренний вид на кафедру XVIII в. и резную панель, 1908 г. (?)	II 29618	О.385/16	8891		
24	Внутренний вид на балконы XVII в. и западные паруса роспись в купольном восьмирике, 1908 г. (?)	II 29605	О.385/17	8878	Рис. 9	Рис. 8
25	Вид на северо-восточный столб и северный конец иконостаса, 1908 г. (?)	II 29620	О.385/18	8893		
26	Вид на юго-восточный купольный парус и южный конец иконостаса, 1908 г. (?)	II 29619	О.385/19	8892		
27	Вид на северо-восточный угол литийного притвора, 1908 г. (?)	II 29621	О.385/20	8894	Рис. 7	
28	Внутренний вид чердака, 1908 г. (?)	II 29622	О.385/21	8895		

29	Внутренний вид чердака, 1908 г. (?)	II 29623	O.385/22	8896		
30	Внутренний вид чердака, 1908 г. (?)	II 29624	O.385/23	8897		
31	Роспись в восьмерике купола, 1908 г. (?)	II 29607	O.385/24	8880		Рис. 9
32	Роспись в юго-восточной стене купольного восьмерика, 1908 г. (?)	II 29601	O.385/25	8874		Рис. 7
33	Роспись нижней части купольного восьмерика, свв. Марк, Матфей, Кондрат и Агафон, 1908 г. (?)	II 29609	O.385/26	8882		Рис. 13
34	Роспись на юго-восточной стене купольного восьмерика, свв. Андрей, Лука, Василий, Ферапонт, 1908 г. (?)	II 29604	O.385/27	8877	Рис. 22	Рис. 11
35	Нижняя часть росписи на восточной стене купольного восьмерика, свв. Марк, Корнут, Тимофей, 1908 г. (?)	II 29614	O.385/28	8887		Рис. 14
36	Роспись нижней части купольного восьмерика, свв. Кондрат и Агафон, 1908 г. (?)	II 29602	O.385/29	8875		Рис. 16
37	1908 г., роспись в восьмерике купола, свв. Петр, Павел, Иоанн, Марк, Тимофей и Иустин, 1908 г. (?)	II 29608	O.385/30	8881	Рис. 21	Рис. 10
38	Роспись нижней части западной стены купольного восьмерика, свв. Арес и Олимпий, 1908 г. (?)	II 29611	O.385/31	8884	Рис. 23	Рис. 12
39	Роспись в верхней части купольного восьмерика, пророки Илья, Елисей, Иона и др., 1908 г. (?)	II 29616	O.385/32	8889		Рис. 5
40	Роспись в верхней части купольного восьмерика, пророки Агей, Софроний, Михей и др., 1908 г. (?)	II 29606	O.385/33	8879		Рис. 6
41	Общий вид на церковь с северо-запада (фотография с литографии Перли 1867 г.), фотограф И. Ф. Чистяков, 1910 г.	III 11633	O.424/216, O.427/7	11471		

42	Амбразура окна в башне, 1908 г. (?)	II 300044	0.582/90	9331		
43	Общий вид церкви с северо-востока, 1908 г. (?)	II 28264		7522		
44	Общий вид церкви с юго-востока, 1908 г. (?)	II 28265	0.667/1	7523		
45	Общий вид церкви с северо-запада, 1908 г. (?)	II 28266	0.667/2	7524		
46	Общий вид церкви с запада, 1908 г. (?)	II 28267	0.667/3	7525		
47	Общий вид церкви с востока, 1908 г. (?)	II 28268	0.667/4	7526	Рис. 19	
48	Общий вид церкви с востока, 1908 г. (?)	II 28269	0.667/5	7527		
49	Общий вид церкви с северо-востока, 1908 г. (?)	II 28270	0.667/6	7528		
50	Вид на северный фасад, 1908 г. (?)	II 28271	0.667/7	7529		
51	Восточная часть северного фасада, 1908 г. (?)	II 28272	0.667/8	7530		
52	Общий вид церкви с северо-запада, 1908 г. (?)	II 28273	0.667/9	7531		
53	Общий вид церкви с востока, 1908 г. (?)	II 28274	0.667/10	7532		
54	Общий вид церкви с северо-востока, 1908 г. (?)	II 28275	0.667/11	7533		
55	Общий вид церкви с северо-востока-востока, 1908 г. (?)	II 28276	0.667/12	7534		
56	Алтарная апсида с северо-востока, 1908 г. (?)	II 28277	0.667/13	7535		
57	Внутренний вид на балконы XVII в. и западные паруса со стенописью, 1908 г. (?)	II 28278	0.667/14	7536		
58	Вид на арки, расходящиеся от юго-восточного столпа, 1908 г. (?)	II 28279	0.667/15	7537		
59	Вид на свод перед иконостасом с росписью, 1908 г. (?)	II 28280	0.667/16	7538		Рис. 20

60	Вид на северную половину предиконостасных сводов, роспись 1557 г., орнаменты исправлены в XIX в., 1908 г. (?)	II 28281	O.667/17	7539	Рис. 13	Рис. 22
61	Роспись на софите подпружной арки, 1908 г. (?)	II 28282	O.667/18	7540		Рис. 36
62	Вид на юго-восточный подкупольный парус и фрески южной стены, 1908 г. (?)	II 28283	O.667/19	7541		Рис. 26
63	Убранство алтарной стены, 1908 г. (?)	II 28284	O.667/20	7542	Рис. 17	
64	Вид на балконы церкви и западный вход, 1908 г. (?)	II 28285	O.667/21	7543	Рис. 10	
65	Алтарь, 1908 г. (?)	II 28286	O.667/22	7544		
66	Вид на кафедру XVIII в., 1908 г. (?)	II 28287	O.667/23	7545	Рис. 15	
67	Внутренний вид на северо-западный угол, 1908 г. (?)	II 28288	O.667/24	7546		
68	Роспись в купольном восьмерике, 1908 г. (?)	II 28289	O.667/25	7547		
69	Вид на северо-восточный подкупольный парус и северный конец иконостаса, 1908 г. (?)	II 28290	O.667/26	7548	Рис. 24	Рис. 23
70	Восточная половина росписи в софите южной подпружной арки, 1908 г. (?)	II 28291	O.667/27	7549	Рис. 25	Рис. 38
71	Роспись в куполе, Спаситель, 1908 г. (?)	II 28770	O.667/29	7551	Рис. 20	Рис. 21
72	Литийный притвор, вид на восток, 1908 г. (?)	II 28771	O.667/30	7552		
73	Ворота монастыря, служащие колокольной, вид с запада, 1908 г. (?)	II 28772	O.667/31	7553		
74	Вид на ворота монастыря с северо-востока, 1908 г. (?)	II 28773	O.667/32	7554		
75	Вид на иконостас (репродукция с фото, присланного из Супрасля), фотограф И. Ф. Чистяков, 1908 г.	III 10660	O.667/33	8775	Рис. 26	

76	Серебряный крест на подставке, украшенный камнями и терновым венцом (репродукция с фото, присланного из Супрасля), фотограф И. Ф. Чистяков, 1908 г.	III 10661	O.667/33a	8776		
77	Входной портал церкви, 1908 г. (?)	II 28899	O.667/34	7703		
78	Нижняя часть угловых башен и стены церкви, 1908 г. (?)	II 28893	O.667/34	7697		
79	Лицевой фасад церкви, 1908 г. (?)	II 28894	O.667/35 [1]	7698		
80	Шатер угловой башни церкви, 1908 г. (?)	II 28896	O.667/35[2]	7700		
81	Верхняя часть иконостаса и арка алтарной аспиды, 1908 г. (?)	II 28895	O.667/36[1]	7699		
82	Часть столба и восточная подпружная арка с изображениями свв. Пимена и Иоанна в медальонах, 1908 г. (?)	II 28897	O.667/36[2]	7701		
83	Деталь стенной росписи, Богоматерь и два ангела, 1908 г. (?)	II 28892	O.667/37 [1]	7696		Рис. 29
84	Роспись на северной стене, Сошествие Святого духа на Апостолов, Богоматерь и два ангела, 1908 г. (?)	II 28898	O.667/37 [2]	7702		Рис. 30
85	Собор Благовещенский (1503–1510 гг.) в Супрасле, Белостокский уезд. Гродненская губерния: общий вид с юго-запада, фото художника Петрова, 1864 г. (?)	II 81678	Q.379/14	190-10534		
86	Чертеж церкви работы П. П. Покрышкина, план, снимок 1971 г.	II 85658	РО НА ИИМК РАН. Р-І. Арх. 5, л. 1	1802/713		Рис. 2
87	Чертеж церкви работы П. П. Покрышкина, северный фасад, снимок 1971 г.	II 85659	РО НА ИИМК РАН. Р-І. Арх. 5, л. 3	1802/714		Рис. 3
88	Чертеж церкви работы П. П. Покрышкина, разрез, снимок 1971 г.	II 85660	РО НА ИИМК РАН. Р-І. Арх. 5, л. 2	1802/715		Рис. 4

Литература

- Батюшков*, 1890 — *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.
- Белковская*, 2015 — *Белковская В. М.* Архитектор П. Покрышкин и его исследования Люблинского тюремного замка // *Sztuka Europy Wschodniej. T. III. Polscy i rosyjscy artyści i architekci w koloniach artystycznych zagranicą i na emigracji politycznej 1815–1990* / red. J. Malinowski et al. Warszawa; Toruń, 2015.
- Бобринский*, 1910 — *Бобринский А. А.* (ред.). Отчет Императорской археологической комиссии за 1907 г. СПб., 1910.
- Греков*, 1987 — *Греков А. П.* Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалева. М., 1987.
- Длужневская*, *Кирчо*, 2009 — *Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2009. Т. 1.
- Дмитриева*, 2011 — *Дмитриева С. О.* Фрески храма Спаса Преображения на Ковалева в Новгороде 1380 года. М., 2011.
- Древности*, 1909 — *Древности: труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества* / ред. И. П. Машков. М., 1909. Т. III.
- Древности*, 1912 — *Древности: труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества* / ред. И. П. Машков. М., 1912. Т. IV.
- Древности*, 1914 — *Древности: труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества* / ред. И. П. Машков. М., 1914. Т. V.
- Иодковский*, 1915 — *Иодковский И. И.* Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси // *Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при Императорском Московском археологическом обществе* / ред. И. П. Машков. М., 1915. Т. 6.
- Летопись*, 1870 — *Летопись Супрасльської лавры* // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильно, 1870. Т. 9.
- Медведева*, *Мусин*, 2009 — *Медведева М. В., Мусин А. Е.* Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2009. Т. 1.
- Модест (Стрельбицкий)*, 1867 — *Модест (Стрельбицкий)*, архим. Супрасльський Благовещенський монастирь // *Вестник Западной России*. 1867. Т. 8. Кн. 2; Кн. 3; Кн. 4; Кн. 5; Кн. 6; Кн. 7.
- Мусин*, 2002 — *Мусин А. Е.* Богословие образа и эволюция стиля. К вопросу о догматической и канонической оценке церковного искусства XVIII–XIX вв. // *Искусствознание*. 2002. № 2.
- Николай (Далматов)*, 1892 — *Николай (Далматов)*, архим. Супрасльський Благовещенський монастирь: историко-статистическое описание. СПб., 1892.
- Носов*, *Мусин*, 2009 — *Носов Е. Н., Мусин А. Е.* (ред.). Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. Т. 1–2.
- Петров*, 1899 — *Петров Н. И.* Типик о церковном и настенном письме епископа Нектария из сербского града Велеса 1599 года, и значение его в истории русской иконописи // ЗРАО. Новая серия. 1899. Т. XI.
- Покрышкин*, 1906 — *Покрышкин П. П.* Православная церковная архитектура XII–XVIII стол. в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906.
- Покрышкин*, 1911 — *Покрышкин П. П.* Благовещенская церковь в Супрасльском монастыре // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической комиссии (01.02.1886–01.02.1911). СПб., 1911.
- Постернак*, 2013 — *Постернак К. В.* К вопросу об эволюции форм алтарной преграды униатских храмов на территории Речи Посполитой // *Славяноведение*. 2013. № 4.
- Протоколы... 1892* — *Протоколы [VII Археологического съезда в Ярославле]* // *Труды VII Археологического съезда в Ярославле*. 1887 г. / ред. П. С. Уварова. М., 1892. Т. 3.
- Протоколы... 1908* — *Протоколы реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии* // *Известия Императорской археологической комиссии*. 1908. Вып. 26. Вопросы реставрации. Вып. 1.
- Рогов*, 1980 — *Рогов А. И.* Фрески Супрасля // *Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVIII вв.* [Т. 11] / отв. ред. О. И. Подобедова. М., 1980.
- Святыни... 1903* — *Святыни Супрасльської обители и хранящиеся в ней древние письменные печатные и иные памятники*. СПб., 1903.
- Султанов*, 1887 — *Султанов Н. В.* Художественный Отдел VII археологического съезда в Ярославле: отчет. СПб., 1887.
- Устинович*, 2015 — *Устинович Е.* Монастырская церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в Супрасле как феномен архитектуры пограничья. Рождение, падение и возрождение // *Проблемы. Исследования. Тенденции развития региональной архитектуры: сб. науч. трудов* / ред. В. Ф. Морозов. Брест, 2015.
- Ярошевич*, 2010 — *Ярошевич А. А.* Два белорусских иконостаса эпохи барокко // *X Филевские чтения. Тезисы конференции*. 14–16 декабря 2010 г. М., 2010.

- Abramowicz*, 1991 — *Abramowicz A.* Historia archeologii polskiej: XIX i XX ww. Warszawa; Łódź, 1991.
- Bilewicz*, 1999 — *Bilewicz H.* Między Krakowem a Petersburgiem. Casus bizantyńsko-ruskich malowideł lubelskich w pierwszych dekadach XX wieku // Kaplica Trójcy Świętej na Zamku Lubelskim. Historia, teologia, sztuka, konserwacja. Materiały sesji zorganizowanej w Muzeum Lubelskim 24–26 kwietnia 1997 roku / red. B. Paprocka, J. A. Sil. Lublin, 1999.
- Blombergowa*, 1988 — *Blombergowa M. M.* Polscy członkowie rosyjskich towarzystw archeologicznych 1839–1914. Wrocław, 1988.
- Blombergowa*, 1993 — *Blombergowa M. M.* Badania archeologiczne Polaków na terytorium Imperium Rosyjskiego w XIX i początku XX wieku. Łódź, 1993.
- Dettloff*, 2006 — *Dettloff P.* Odbudowa i restauracja zabytków architektury w Polsce w latach 1918–1939. Teoria i praktyka. Kraków, 2006.
- Dettloff*, 2010a — *Dettloff P.* Działalność konserwatorska Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości // Polskie dziedzictwo kulturowe u progu niepodległości. Wokół Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości / red. E. Manikowska, P. Jamski. Warszawa, 2010.
- Dettloff*, 2010b — *Dettloff P.* Restauracja kościoła św. Jakuba w Sandomierzu // Polskie dziedzictwo kulturowe u progu niepodległości. Wokół Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości / red. E. Manikowska, P. Jamski. Warszawa, 2010.
- Frycz*, 1975 — *Frycz J.* Restauracja i konserwacja zabytków architektury w Polsce w latach 1795–1918. Warszawa, 1975.
- Jamski*, 2010 — *Jamski P.* Ochrona ruin zamkowych. Przykład Czerna // Polskie dziedzictwo kulturowe u progu niepodległości. Wokół Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości / red. E. Manikowska, P. Jamski. Warszawa, 2010.
- Jamski*, 2016 — *Jamski P.* Dokumentacja fotograficzna Józefa Jodkowskiego w Supraślu // Jamski, Zalewski, 2016.
- Jamski, Zalewski*, 2016 — *Jamski P. J., Zalewski M.* (wyd.). Supraśl 1913. Dokumentacja fotograficzna Józefa Jodkowskiego cerkwi Zwiastowania Najświętszej Marii Pannie. Warszawa, 2016.
- Kieniewicz*, 2005 — *Kieniewicz J.* Inni czy obcy? (głos w debacie „Pytania o stosunki polsko-rosyjskie”) // Arcana. 2005. Nr. 4–5.
- Kadłubowska et al.*, 2018 — *Kadłubowska J., Koczorowska M., Kozarzewski M.* Historia konserwacji fresków supraskich // Szesnastowieczne freski supraskie: katalog kolekcji / red. A. Jurgilewicz-Stępień, K. Stawecka; Białystok, Szesnastowieczne freski supraskie: katalog kolekcji / red. A. Jurgilewicz-Stępień, K. Stawecka. Białystok, 2018 (в печати).
- Koller*, 1991 — *Koller M.* Zur Geschichte der Restaurierung in Österreich // Geschichte der Restaurierung in Europa. Bd. 1. Akten des internationalen Kongresses Restaurierungsgeschichte, XIII, Interlaken 1989. Worms, 1991.
- Kotyńska*, 1986 — *Kotyńska J.* Bizantyńskie freski z cerkwi Zwiastowania w Supraślu // Roczniki Humanistyczne. 1986. T. 34 (4).
- Kozak*, 2016 — *Kozak N.* Akathistos cycle in Supraśl revisited // Series Byzantina: Studies on Byzantine and Postbyzantine Art. Warszawa, 2016. Vol. XIV.
- Kunkel*, 2016 — *Kunkel R.* Architektura cerkwi w Supraślu // Jamski, Zalewski, 2016.
- Lebiedzińska*, 1968 — *Lebiedzińska L.* Freski z Supraśla. Katalog wystawy. Białystok, 1968.
- Maroszek*, 2001 — *Maroszek J.* Józef Jodkowski i jego wizja i realizacja grodzieńskiego Muzeum Narodowego Kresów Polskich // Przegląd Wschodni. 2001. T. 7. Z. 4.
- Mironowicz*, 2012 — *Mironowicz A.* Powstanie ławry Supraskiej // Białostockie Teki Historyczne. 2012. T. 10.
- Musin*, 2005 — *Musin A.* Theology of the Image and the Evolution of Style. The dogmatic and canonical evaluation of Russian ecclesiastical art of the Synodal Period // Iconofile (Willits, California). 2005. No. 7.
- Musiuk*, 2009 — *Musiuk A.* XXV lat odbudowy monasteru supraskiego. Jego odrodzenie oraz wzrost znaczenia // Czasopismo Teologiczne Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku. 2009. R. XI (XXII). Z. 19–20 (32–33).
- Musiuk*, 2016 — *Musiuk A.* Rekonstrukcja części ołtarzowej cerkwi Zwiastowania NMP w Supraskiej ławrze // Elpis [Czasopismo Teologiczne Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku]. 2016. Nr. 18.
- Musiuk*, 2017 — *Musiuk A.* Technologiczne aspekty rekonstrukcji wnętrza cerkwi Zwiastowania w Supraślu // Elpis [Czasopismo Teologiczne Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku]. 2017. Nr. 19.
- Petkowić*, 1989 — *Petkowić S.* Nektarij Serb, malarz z XVI wieku i jego działalność w klasztorze w Supraślu // Rocznik Białostocki. 1989. T. XVI.
- Rotfeld, Torkunow*, 2010 — *Rotfeld A. D., Torkunow A. W.* (red.). Białe plamy – czarne plamy: sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich 1918–2008. Polsko-Rosyjska Grupa do Spraw Trudnych. Warszawa, 2010.
- Różycka-Bryzek*, 2000 — *Różycka-Bryzek A.* Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagielly w kaplicy Zamku Lubelskiego. Lublin, 2000.
- Rudniewski*, 1965 — *Rudniewski P.* Technika malowideł bizantyńsko-ruskich na przykładzie polichromii ściennych w Lublinie i Supraślu // Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków. 1965. Seria B. T. XI.
- Siemaszko*, 1995 — *Siemaszko A.* Malowidła ścienne cerkwi Zwiastowania w Supraślu: rekonstrukcja programu ikonograficznego // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego. 1995. T. MCLXXIII. Prace z historii sztuki. Z. 21.

- Siemaszko*, 2015 — *Siemaszko A.* Pierwsze stulecie historii klasztoru w Supraślu: daty, fakty, interpretacje // *Dzieje opactwa supraskiego. Acta Collegii Suprasliensis* 18 / eds. R. Dobrowolski, M. Zemło. Rzym; Lublin; Mińsk, 2015.
- Szczawińska*, 2002 — *Szczawińska L.* Habent sua fata manuscripta: Pierwsze lata klasztoru supraskiego // *Studia Polonica: K 70-letiu B. A. Хорева / ред. В. К. Волков. М., 2002.*
- Siemaszko, Sawicka*, 2006 — *Siemaszko A., Sawicka K.* Freski z Supraśla: unikatowy zabytek XVI-wiecznego pobizantyńskiego malarstwa ściennego. Białystok, 2006.
- Śnieżko*, 2000 — *Śnieżko A.* Wydobyt z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział: wspomnienie o Józefie Jodkowskim // *Prace Białostockiego Towarzystwa Naukowego. Białystok, 2000. Nr. 45.*
- Śnieżko, Hoppe*, 2016 — *Śnieżko A., Hoppe S.* Wspomnienie o Józefie Jodkowskim // *Jamski, Zalewski, 2016.*
- Stawecka*, 2017 — *Stawecka K.* Szesnastowieczne pobizantyńskie freski z Supraśla w świetle dokumentacji konserwatorskiej // *Elpis [Czasopismo Teologiczne Katedry Teologii Prawosławnej Uniwersytetu w Białymstoku]. 2017. Nr. 19.*
- Stawicki*, 1972 — *Stawicki S.* Czy Nektarij autor "Tipika" był twórcą malowideł supraślskich // *Biuletyn Historii Sztuki. 1972. Nr. 1.*
- Stawicki*, 1994 — *Stawicki S.* Przyczynki do historii ściennych malowideł bizantyjsko-ruskich w Polsce: technika i konserwacja // *Ochrona Zabytków. 1994. Nr. 47/1 (184).*
- Stawicki*, 1995 — *Stawicki S.* Szkice z dziejów unickiego klasztoru w Supraślu w świetle Kroniki Lawry Supraslskiej // *Biuletyn konserwatorski województwa białostockiego. Białystok, 1995.*
- Stawicki*, 2003 — *Stawicki S.* Malowidła ścienne z dawnej cerkwi oo. Bazylianów w Supraślu – problemy techniczne i technologiczne // *Ars longa – vita brevis. Tradycyjne i nowoczesne metody badania dzieł sztuki. Materiały z sesji naukowej poświęconej pamięci profesora Zbigniewa Brochwicza [1924–1992]. Toruń, 18–19 X 2002 / red. J. Flik. Toruń, 2003.*
- Świechowski*, 2000 — *Świechowski Z.* Katalog architektury romańskiej w Polsce. Warszawa, 2000.
- Szczerba*, 2010 — *Szczerba A.* Rola Carskiej Komisji Archeologicznej w ochronie zabytków archeologicznych na obszarze Imperium Rosyjskiego // *Analecta. Studia i materiały z dziejów nauki. 2010. R. XIX. Z. 1–2.*
- Szczerba*, 2012a — *Szczerba A.* Problem ochrony zabytków archeologicznych na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej pod panowaniem rosyjskim. Łódź, 2012. Monografie Instytutu Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. Vol. IX.
- Szczerba*, 2012b — *Szczerba A.* Prawno administracyjna ochrona zabytków w Królestwie Polskim // *Analecta. Studia i materiały z dziejów nauki. 2012. R. XX. Z. 1.*
- Szymański*, 1972 — *Szymański S.* Freski z Supraśla: próba rekonstrukcji genealogii // *Rocznik Białostocki. 1972. T. 11.*
- Teka... 1900–1916* — *Teka Grona Konserwatorów Galicji Zachodniej. Kraków, 1900–1916. T. 1–6.*
- Tichoniuk*, 2008 — *Tichoniuk A.* Monasterska Cerkiew p.w. Zwiastowania NMP w Supraślu. Studium porównawcze z dziejów architektury sakralnej Wielkiego Księstwa Litewskiego. Praca magisterska. Wrocław, 2008.
- Tokajuk*, 2007 — *Tokajuk A.* Architektura monasteru Supraskiego jako wyraz tożsamości czasu i przestrzeni. Problemy odbudowy i rewitalizacji zespołu // *Teka Komisji Architektury, Urbanistyki i Studiów Krajobrazowych. 2007. T. 3.*
- Tomalska*, 2016 — *Tomalska J.* Ikonostas cerkwi w Supraślu // *Jamski, Zalewski, 2016.*
- Uścińowicz*, 2014 — *Uścińowicz J.* Zabytkowa cerkiew prawosławna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu. Uwarunkowania rekonstrukcji // *Архитектурное наследие Прибужского региона. Проблемы. Исследования / ред. В. Ф. Морозов. Брест, 2014.*
- Uścińowicz*, 2015 — *Uścińowicz J.* Ławra Supraska 1500–2014 – w stanie permanentnego niezrównoważenia. Pomędzy destrukcją a odnowieniem // *Архитектура: сборник научных трудов / ред. А. С. Сардаров. Минск, 2015. Вып. 8.*

A. E. Мусин

Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге

В истории Императорской археологической комиссии существует деликатная тема, которая порождает противоречивые оценки. Речь идет об участии ИАК в охране и реставрации культурного наследия государств Восточной и Центральной Европы, некогда входивших в состав Российской империи, в частности Польши. Материалы архива ИАК способны предоставить дополнительную информацию о роли

Комиссии в этой сфере. Ее роль может быть оценена как неоднозначная, чему способствовали как субъективные, так и объективные причины. В настоящей статье участие Комиссии в сохранении польского культурного наследия анализируется на примере реставрации церкви Благовещения Супрасльского монастыря (XVI в.) под Белостоком в 1907–1910 гг. Деятельность П. П. Покрышкина в Супрасле носила

фиксационный характер. Он не мог контролировать процесс ремонта древнего храма. Однако фотографические, графические и письменные материалы,

собранные П. П. Покрышкиным, являются важными как для истории памятника, так и для его научной реставрации.

A. E. Musin

The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mather of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg

In the history of the Imperial Archaeological Commission (IAC) there is one delicate subject engendering discrepant opinions. The case in question is the participation of IAC in the protection and restoration of the cultural heritage in the states of Eastern and Central Europe, in particular Poland, sometime constituting part of the Russian Empire. Materials from the archives of IAC can present additional information on the role of the Commission in this sphere. This role may be considered as an ambiguous one due to certain both subjective and objective causes. In the present paper, the activities of IAC for the preservation of the Polish cul-

tural heritage are analyzed at the example of the restoration of the Church of the Annunciation in the Supraśl monastery (16th century) near Białystok in 1907–1910. The activities of P. P. Pokryshkin in Supraśl were of a recording character. In fact, he was not able to control the process of the repairs of the old temple. His generally positive estimation legalized the renovation of the fresco painting carried out by the church authorities disturbing its style. Nevertheless, the photographic, graphic and written evidence collected by P. P. Pokryshkin are of high importance both for the history of the monument and for its scientific restoration.

Н. Д. Моисеева¹

Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма

Ключевые слова: *Петр Петрович Покрышкин, Сербия, православная церковная архитектура, фотографии, открытки.*

Keywords: *Petr Petrovich Pokryshkin, Serbia, Orthodox church architecture, photographs, postcards.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-264-269

Основу собрания фотоотдела НА ИИМК РАН составляют бесценные фотодокументы Императорской археологической комиссии (Длужневская, 2013). Среди них особое место занимают материалы, связанные с именем Петра Петровича Покрышкина (рис. 1).

В начале XX в. П. П. Покрышкин был главным специалистом ИАК в деле изучения и сохранения архитектурного богатства России, его научная деятельность оказала значительное влияние на становление методов научной реставрации архитектуры (Подъяпольский и др., 1988. С. 38–40; Беляев, 1998. С. 461–462; Медведева, 2004; Медникова, 1995). Все годы своей работы он кропотливо собирал фотографический архив по архитектурной тематике, прекрасно осознавая ценность документальной точности фотосъемки для архитектурно-археологических исследований.

Исторически сложилось так, что коллекция П. П. Покрышкина в фотоархиве не обособлена, материалы сохранились в различных фондах, прежде всего в фонде ИАК, членом которой с 1902 г. (уже после поездки в Сербию) являлся Петр Петрович. Есть они и в личных фондах искусствоведа Н. П. Сычева и архитектора К. К. Романова. Фотографии, составлявшие собранную им коллекцию, П. П. Покрышкин помечал, иногда обыгрывая свои инициалы — три «П» (иногда как «П в кубе»). Эти надписи, встречающиеся на фотографиях из разных коллекций, позволяют определить, кому они принадлежали изначально.

В фотоотделе хранятся пять альбомов (О.671а; О.671б; О.676; О.1701; О.2357), которые содержат 268 фотографий и 118 негативов к ним — результат командировки архитектора П. П. Покрышкина от Академии художеств в Сербию в 1902 году (Васильев и др., 2004). Итогом командировки стала книга, принесшая автору

Рис. 1. Портрет Петра Петровича Покрышкина, фотограф И. И. Недешев, Санкт-Петербург, год неизвестен (фото О.1638/24).

Fig. 1. Portrait of Petr Petrovich Pokryshkin, photographer I. I. Nedeshev, Saint-Petersburg, year unknown (photo О.1638/24).

европейскую известность: «Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве» (Покрышкин, 1906). В 1906 г., в год

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив.
Адрес электронной почты: mavricievn48@mail.ru.

выхода из печати, книга П. П. Покрышкина, посвященная архитектурным памятникам Сербии, наряду с «Отчетом о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг.», была выдвинута для награждения медалью Императорского Русского археологического общества. Общество высоко оценило значение этих работ «как выдающихся трудов по обмеру, исследованию, описанию и истории памятников»: было решено представить их «годовому собранию для награждения золотой медалью» (*Медникова*, 1995. С. 306), «...обмеры Покрышкина заслуженно характеризовались специалистами как лучшие в Европе; его научная четкость, техническая находчивость, требовательность к научной обоснованности реставраций получили общее признание» (*Беляев*, 1998. С. 461). В 1907 г. П. П. Покрышкину была присуждена не золотая, но Большая серебряная медаль. На окончательное решение, вероятно, повлияли споры по проблемам реставрации Спасо-Нередицкой церкви, вызванные разными взглядами членов Общества на методы реставрации памятников архитектуры (*Медникова*, 1995. С. 306).

Из 268 фотографий, хранящихся в фотоотделе и сделанных во время командировки П. П. Покрышкина в Сербию в 1902 г., в книгу 1906 года вошли не все. Как написал сам автор во введении: «В 1902 году я имел возможность провести в Сербском Королевстве два с половиной летних месяца. Результатом моего путешествия были: около 200 фотографий и обмеры 4 церквей. <...> теперь же спешу сообщить краткое описание, сопровождая его необходимыми чертежами и вышеупомянутыми фотографиями, из которых выбираю 106 наиболее интересных» (*Покрышкин*, 1906. С. 2). Фотосъемкой во время путешествия П. П. Покрышкин занимался самостоятельно. Им запечатлены внешние и внутренние виды православных храмов Сербии, крепостные стены. На фотографиях видны остатки старинных фресок, детали кладки стен, резные каменные узоры порталов, наличники окон, церковная утварь из ризниц. Снимки из поездки послужили рабочим материалом, которым пользовался Петр Петрович при подготовке к изданию книги «Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве». Фотоотпечатки снабжены аннотациями, часто «многослойными»: надписи сделаны и карандашом, и чернилами, иногда отпечатаны на машинке. В подписях проставлены ударения в географических названиях, имеются пометки типа «къ стр. 29» или «табл. XLVIII». На многих паспарту с обратной стороны стоит оттиск именного штампа «П. П. Покрышкина».

Интересно, что Петр Петрович фотографировал не только архитектурные памятники, являющиеся главной целью обследования, но и различные бытовые сюжеты и местных жителей — служителей церкви, монахов, детей, крестьян, семью учителя; пасеку на старой монастырской стене, котят, копошащихся у миски с молоком.

«В Благовещенской Кабларской церкви вместо старого, поврежденного червоточинной, поместили иконостас из Троицы (под Овчаром), который в настоящий момент гибнет от сползания почвы. Считаю долгом отметить, что эти жалкие остатки древнего иконостаса высокохудожественной работы рискуют исчезнуть, если какой-либо из музеев не сжалится и не приютит его у себя. Стенопись и иконостас этой церкви — суть произведения истинных художников XVII столетия» (Там же. С. 49) (рис. 2).

Среди фотоматериалов научной поездки в Сербию сохранилась интересная серия почтовых открыток (фотоальбом из фонда ИАК, О.580/70-73, 76). На них изображены виды архитектурных памятников Сербии. Четыре открытки являются короткими посланиями Петра Петровича матери, Анне Дмитриевне. Они характеризуют его не только как исследователя-архитектора, но, в первую очередь, как глубоко любящего сына. При колоссальной нагрузке в течение двух с половиной месяцев работы в Сербии (надо было добраться до архитектурного памятника, сфотографировать его, скрупулезно обмерить, описать) Покрышкин всегда находил время, чтобы написать маме несколько теплых слов. За простыми словами, обращенными к матери, скрывается сильная привязанность к семье. Родом П. П. Покрышкин был из Иркутска, вероятно, мать продолжала жить там и после его переезда в Санкт-Петербург. Конверты, в которых пересылались открытки, не сохранились, а в текстах даты отсутствуют, поэтому их датировка требует дополнительных исследований, а пока приходится располагать их в произвольном порядке без соблюдения хронологии. Некоторые открытки обрезаны, вероятно, для более удобного помещения в альбом, в котором они хранились.

На лицевой стороне этой открытки с видом Михайловой улицы города Крагуевца рукой Покрышкина написано: «Это вид из моего окна». Далее текст, переходящий на обратную сторону: «Милая моя, дорогая мама! Ты правду говоришь, что я в Сербии. Сейчас я в Крагуевце, который уподобляется Москве, как Белград — Петербургу в том отношении, что Крагуевец — 1-я столица Сербии (после освобождения от турецкого владычества), а Белград — 2-я. Я, слава

Рис. 2. Остатки иконостаса 1633 г. Благовещенской церкви (Каблар, сербская Святая Гора) (фото О.671.95).

Fig. 2. Remains of iconostasis of 1633 of the Church of the Annunciation (Kablar, Serbian Sacred Mountain) (photo O.671.95).

Богу здоров, имею много интересной работы и Господь мне помогает. Целую тебя и обнимаю крепко, горячо. Поцелуй и Сереженьку и Наташу². Твой сынка Петя» (рис. 3).

Открытка, изображающая Королевский дворец в Таково (О.580.70), — это единственная открытка, написанная карандашом, остальные — черными чернилами. «Милая моя, дорогая мама! Я теперь в городке, именуемом Арилье. Это на Западе Сербии, недалеко от Турецкой границы. Здесь интересная церковь 13-го века; вероятно останусь здесь на неделю. Целую тебя и обнимаю крепко, горячо. Твой сынка Петя».

² Из архивных материалов известно, что у Покрышкина был брат Сергей, на 5 лет старше его, и младшая сестра Наталья, младше на 5 лет (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1902, д. 271, л. 6).

На страницах его книги «Православная церковная архитектура Сербского Королевства...» находим упоминание о Великой Арильской церкви (рис. 4):

«В Сербии нет громадных церквей. Ее "великие церкви", сравнительно совсем не велики. Малые размеры сербских церквей обуславливались тем, что всякий государь спешил при жизни закончить свою "задужбину", т. е. храм, в котором бы вечно молились за упокой его души. Главные художественные достоинства их — изящество, стройность и живописное расположение среди окружающей местности» (Там же. С. 7) «Третья по старшинству, из известных мне, церковь расположена с краю местечка Арилье, в углу между сливающимися реками Моравой и Рзавой, на красивом возвышенном холме, среди роскошной долины, обрамленной горами. Здесь мне посчастливилось пробыть ровно неделю. <...> Снаружи он [храм] чрезвычайно живописен, когда смотришь на него с востока» (Там же. С. 32).

Следующая открытка (О.580.73) изображает монастырь Любостыня. «Милая моя, дорогая мамочка! Здесь изображен один из красивейших монастырей Сербии, которые я видел. Я накануне возвращения в Россию. Поздравляю вас с новорожденным Митенькой. Целую тебя и обнимаю крепко, горячо. Твой сынка Петя».

С письмом перекликаются слова книги: «После геройской смерти царя Лазаря на Косове, вдова его, царица Милица, воздвигла себе задужбину — Любостыньский монастырь — одну из красивейших сербских церквей. <...> Храм построен из песчаника, хорошо сохранился снаружи» (Там же. С. 68–69).

Последнее письмо (О.580.71), открытка с видом гимназии Милоша Великого в Крагуевце, начинается на полях лицевой стороны открытки и, судя по содержанию, отправлено уже из Петербурга: «Милая моя дорогая мама! Посылаю тебе сербскую карточку. Это гимназия в г. Крагуевце. Я теперь очень занят изготовлением отчета по моей поездке по Сербии. Матерьяла (орфография автора. — Н. М.) много, а времени мало, так как уроки и лекции сильно отрывают от этого дела. Целую тебя. Твой сынка Петя».

Одна открытка, с изображением Триумфальных ворот принца Евгения в Белграде, осталась ненадписанной, на ее обороте фиолетовый оттиск штампа «П. П. Покрышкина».

Открытки, имеющие непосредственное отношение к П. П. Покрышкину, можно встретить и в других альбомах из фонда ИАК. Вероятно, Петр Петрович

Рис. 3. Вид Михайловой улицы города Крагуевца (1) и письмо П. П. Покрышкина к матери (2) (фото 0.580.72, 0.580.72 об.).

Fig. 3. View of Mikhailova Street in the city of Kragujevac (1) and P. P. Pokryshkin's letter to mother (2) (photo 0.580.72, 0.580.72 rev.).

Рис. 4. Арилье, церковь, вид с востока (фото 0.671.61).

Fig. 4. Arilje, church, view from east (photo 0.671.61).

собирал открытки по истории архитектуры, а его родные ему в этом помогали. На обороте некоторых открыток стоит чернильный штамп «П. П. Покрышкина», другие адресованы его родным или ему самому на Матвеевскую улицу Петроградской стороны в Петербурге (домашний адрес Петра Петровича). К сожалению, в фонде ИАК они в большинстве случаев учтены только как изображения архитектурных памятников и распределены в альбомы с фотоснимками по архитектуре по географическому признаку. Задача будущих исследований — выявить и изучить все данные из переписки Петра Петровича Покрышкина, сохранившейся на открытках в фотофонде НА ИИМК РАН, что откроет нам новые сведения о личности и биографии архитектора.

Литература и источники

Беляев, 1998 — Беляев Л. А. Христианские древности. М., 1998.

Васильев и др., 2004 — Васильев Д. Д., Длужневская Г. В., Малевинская М. Е. Православные святыни Балкан. СПб., 2004.

Длужневская, 2013 — Длужневская Г. В. Научный архив ИИМК РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИИМК до ИИМК РАН) / отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2013.

Медведева, 2004 — Медведева М. В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. СПб., 2004. Вып. 11.

Медникова, 1995 — Медникова Е. Ю. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. СПб., 1995. Вып. 4.

Подъяпольский и др., 1988 — Подъяпольский С. С., Бессонов Г. Б., Беляев Л. А. Реставрация памятников архитектуры. М., 1988.

Покрышкин, 1906 — Покрышкин П. П. Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском Королевстве. СПб., 1906.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1902, д. 271.

Н. Д. Моисеева

Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма

Статья посвящена научной поездке Петра Петровича Покрышкина летом 1902 г. с целью изучения памятников архитектуры Сербии. Статья основана на материалах НА ИИМК РАН, где среди фотоматериалов к ито-

говой книге «Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве» сохранилась интересная серия почтовых открыток, содержащих информацию личного характера.

N. D. Moiseeva

Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards

This paper deals with the scientific trip of Petr Petrovich Pokryshkin in Summer, 1902, with the purpose of examination of architectural monuments of Serbia. The paper is based on materials from the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture RAS where, among the photographic documents in the

summary volume “Pravoslavnaya tserkovnaya arkhitektura XII–XVIII stoletiy v nyneshnem Serbskom korolevstve” (The Orthodox church architecture in the present-day Serbian kingdom), an interesting series of postcards is preserved containing information of a personal nature.

В. Н. Седых¹

Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)

Ключевые слова: ярославские могильники, IX–XI вв., курганы, раскопки, архивные данные, И. М. Новицкий, научные общества, археологические съезды.

Keywords: Yaroslavl burial grounds, 9th–11th centuries, kurgans, excavations, archive evidence, I. M. Novitskiy, scientific societies, archaeological congresses.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-270-279

Тема археологического изучения Ярославского края неоднократно освещалась в литературе (Аграфонов, 1993а. С. 40–42; 1993б. С. 28–31; 1998. С. 5–10; 2002. С. 3–6; 2005. С. 41–49; Аграфонов и др. 2009; Спиридонова, 2002. С. 74–78; Дубов, Седых, 1986. С. 16–21; 2005. С. 19–29; Седых, 2010. С. 30–41; и др.). Работа в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН (далее — РО НА ИИМК РАН) позволила конкретизировать некоторые моменты в истории археологического изучения известных ярославских могильников периода раннего средневековья, выявить неизвестных исследователей, определить комплексы погребений, открытых до событий 1917 г. и по-прежнему хранящихся в фондах музеев и архивов России.

Археологическое изучение Ярославской земли начинается в середине XIX в., причем на первом этапе ведущую роль в этом играла деятельность местных археологов-краеведов. Они проводили раскопки курганов по р. Сить и курганных могильников в Мологском, Углическом и Рыбинском уездах, поставив своей целью разыскать, зафиксировать и сохранить памятники древности. Еще в 1835 г. в числе первых среди российских губерний был организован Ярославский губернский статистический комитет (ЯГСК). Согласно циркуляру МВД от апреля 1863 г., статистические комитеты должны были собирать материалы для составления полной археологической карты России, обратить внимание общества на сохранение и исследование памятников старины, содействовать образованию местных археологических комиссий. Однако этот план надолго остался благим пожеланием, хотя к нему была приложена программа археологических исследований для статистических комитетов и книги

по обзору русских древностей. Вместе с тем часть перечисленных выше исследований была проведена либо по поручению ЯГСК, либо его членами. Таковы исследования членов ЯГСК: выдающегося натуралиста и археолога-дилетанта Л. П. Сабанеева (1868), помощника председателя ЯГСК Е. И. Якушкина (Спицын, 1899. С. 222), секретаря ЯГСК Я. А. Ушакова (Ушаков, 1878а. С. 1–7; 1878б. С. 280–287; 1890. С. 24–34) и др. (например, Никольский, 1859; 1860. № 31). Сообщения о памятниках археологии и древности Ярославщины появляются не только в местной печати: в Трудах ЯГСК, в «Вестнике Ярославского земства» (ВЯЗ) и на страницах неофициальной части «Ярославских епархиальных ведомостей» (ЯЕВ) и «Ярославских губернских ведомостей» (ЯГВ) (Головщиков, 1890, 1893а, 1893б, 1899; Лествицын, 1864, 1868, 1869, 1882, 1883, 1885), — но и в центральной прессе (Стрелков, 1854. № 110; Лествицын, 1873. С. 48–50). Именно используя данные, полученные местными исследователями, в дальнейшем к активным раскопкам приступили археологи других научных центров России (ИАК, МАО, ПАИ, КГУАК и др.) и из-за рубежа.

Так, первые раскопки одного из известных ярославских курганных могильников: Тимерёвского, Михайловского и Петровского, включенных в список памятников губернии в конце 60-х гг. XIX в. Л. П. Сабанеевым, — произвел Йоханнес Рейнхольд Аспелин (1842–1915) — финский исследователь, профессор Хельсинкского университета, основоположник изучения финно-угорских древностей на огромной территории Российской империи, автор многотомного издания «Древности северных финно-угров» (Aspelin, 1877–1884), не потерявшего своей актуальности и поныне. В 1872 г. ученый исследовал две насыпи Тимерёвского могильника (Aspelin, 1874. S. 27–32). Примечательно, что до исследований И. Аспелина могильник раскопкам не подвергался.

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. Институт истории СПбГУ. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: valseykh@yandex.ru.

Значительным событием в истории становления отечественной и ярославской археологии стала общероссийская Антропологическая выставка, открывшаяся в 1879 г. в Москве по инициативе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ОЛЕАЭ), основанного в 1863 г. В 1878 г. в рамках подготовки выставки Я. А. Ушаковым по поручению и на средства ЯГСК проводились исследования курганов в Углическом уезде, в Трудах комитета печатались отчеты об археологических раскопках. Раскопки в Тимерёво в том же году продолжил тогда хранитель Московского политехнического музея, а впоследствии секретарь Антропологического отдела ОЛЕАЭ Александр Иванович Кельсиев (?–1885), исследовавший 34 кургана в разных частях могильника (Кельсиев, 1878–1879. С. 306–308; 1880. С. 53–68). Всего он насчитывал в могильнике около 200 насыпей. В отчете А. И. Кельсиева мы впервые встречаем сведения о курганном могильнике, расположенном между деревнями Малое Тимерёво и Гончарово — «...остатки некогда большого кладбища». В 1878 г. им было там зафиксировано 20 с небольшим «горбышей» (Кельсиев, 1878–1879. С. 308). Материалы этих раскопок частично сохранились в коллекции ГИМ².

В 1880 г. слушателями Археологического института в Санкт-Петербурге было раскопано семь курганов в могильнике у дер. Петровской (Черневский, 1880; Калачов, 1881. С. 4–5; Спицын, 1899. С. 221). Н. В. Калачов сообщает, что несколько курганов этого могильника были ранее раскопаны председателем Ростовской земской управы Андреем Александровичем Титовым (1844–1911) — исследователем местной истории, археологом, коллекционером и меценатом³. Раскопки слушателей производились в присутствии председателя губернской земской управы А. В. Скульского⁴, по указанию которого тремя годами раньше техником Д. Раевским было составлено описание этих курганов (Кельсиев, 1878–1879. С. 308). Очевидно, из этих раскопок происходят материалы, хранящиеся ныне в Эрмитаже⁵.

Инициатором создания Санкт-Петербургского Археологического института (далее — ПАИ) был известный русский историк и архивист Николай Васильевич Калачов (1819–1885). Основной целью нового учреждения, согласно Положению, была подготовка специали-

стов по разным отраслям археологии и архивного дела. Поскольку институт должен был готовить специалистов для провинциальных архивов, они должны были обладать, по мысли его организаторов, познаниями в области раскопок и охраны памятников древности. В составе Института были действительные слушатели и вольнослушатели, социальный состав их был разнообразным — дворяне, чиновники, офицеры, представители духовенства, студенты других учебных заведений. В числе Почетных членов ПАИ в разные годы были известные ученые Д. Н. Анучин, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, И. И. Срезневский и др. Институт почти ежегодно устраивал археологические экскурсии слушателей — поездки для знакомства с памятниками древности и раскопок. Исследования 1880 г. были проведены во время такой поездки, в которой принял участие тогдашний вольнослушатель, выпускник 1881 г., сотрудник ПАИ дворянин Петр Черневский. Впоследствии этот опыт был заимствован преподавателями Ярославского кадетского корпуса.

Состоявшийся в 1887 г. в Ярославле VII Всероссийский Археологический съезд дал новый импульс для археологического изучения древностей края (Дубов, 2005). Была подготовлена выставка археологических находок, происходящих из раскопок на территории губернии. 15 августа 1887 г. большая часть участников съезда побывала на раскопках курганов Тимерёвского некрополя, где они раскопали два кургана «у западного края кладбища» (Известия о занятиях... 1887. С. 4). Материалы раскопок частично сохранились в фондах Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее — ЯИАХМЗ)⁶. В литературе нет сведений о раскопках участниками съезда курганов еще одного ярославского могильника у с. Михайловского (левый берег р. Волги, близ Толгского монастыря), однако в фондах ЯИАХМЗ хранятся материалы раскопок⁷; а также материалы раскопок членами съезда курганов Ростовского уезда⁸.

В большей степени выполнению актуальных задач сохранения и исследования памятников древности способствовала деятельность губернских ученых архивных комиссий, которые стали появляться в России с 1884 г. с целью собирания и приведения в порядок архивных дел и документов. По всей стране создавалась целая сеть комиссий, призванных объединить все

2 ГИМ. Инв. № 78607.

3 К сожалению, сведениями об этих раскопках мы не располагаем.

4 Скульский Андрей Васильевич (1831–1887) — ярославский краевед, автор трудов по истории края, переводчик поэмы «Слово о полку Игореве», член многих научных обществ, участник VII АС в Ярославле.

5 ГЭ. ОАВЕС. Кол. № 629/1-43.

6 ЯРМЗ-7060 (17 ед. хр.). В литературе имеется чрезвычайно краткая информация об итогах раскопок (см. Абрамов, 1908. Л. 6–11).

7 ЯРМЗ-7061. Кол. № 25.

8 ЯРМЗ-7061 (58 ед. хр.).

силы местной интеллигенции и меценатов с целью сохранения, изучения и пропаганды истории и культуры родного края, его научных, культурных ценностей и, наконец, формирования отечественной музейной структуры.

В 1895 г. при созданной в 1889 г. Ярославской губернской ученой архивной комиссии (далее — ЯГУАК) был открыт исторический музей — Древлехранилище. О его задачах говорилось следующее: «Музей при архивной комиссии должен быть культурно-историческим. В нем должно быть собрано все, что дает нам представление о деталях жизни минувших поколений» (Труды ЯГУАК, 1899. С. 208; Багрова, 1984. С. 44). Коллекции музея пополнялись в основном благодаря пожертвованиям частных лиц и членов комиссии, а также материалами исследований комиссии, происходящими из археологических раскопок и сборов случайных находок и подъемного материала на территории губернии, в том числе краеведами и любителями старины.

Ярославская губернская ученая архивная комиссия вела большую работу по изучению и сохранению памятников края. С 1897 г. в архивной комиссии существовала постоянно действующая, созданная по инициативе И. А. Тихомирова, И. Ф. Барщевского и др. подкомиссия по охране и надзору за памятниками старины. На заседании, посвященном десятилетнему юбилею ЯГУАК в 1899 г., отмечалась ее большая заслуга в области исследования истории края, его памятников, а также важная роль, которую играла комиссия в деле просвещения населения Ярославской губернии. В ее деятельности принимал участие весь цвет местной интеллигенции, многие были ее действительными членами. Особую роль играла профессура Ярославского Демидовского юридического лица (далее — ДЮЛ) — крупного учебного заведения, где изучалась история права и работала группа любителей древностей и знатоков местной истории: В. И. Лествицын, Л. Н. Трефолев, Е. И. Якушкин, И. А. Вахрамеев, А. А. Титов, А. В. Скульский, Э. Н. Берендтс и др. Высокую оценку состояния местного краеведения дал еще *Дмитрий Александрович Корсаков* (1843–1919) — в реферате, подготовленном для VII АС, он отмечал, что история Ярославского края в такой мере богата трудами, как «редко встречается в других областях». При этом на первом месте по значению он выделил труды профессоров ДЮЛ (*Алексеев*, 1991. С. 50).

Среди разнообразных направлений работы комиссии (подробнее см.: *Седых*, 2010. С. 30–41), пожалуй, главным были археологические изыскания, проводившиеся только благодаря неутомимой деятельности

Василия Алексеевича Городцова (1860–1945), проходившего в 1890-е гг. военную службу в Ярославле, а также ярославского археолога, краеведа, археографа и реставратора *Илариона Александровича Тихомирова* (1861–1933). Именно с раскопками курганов Михайловского могильника в 1896–1898 гг., которые проводил И. А. Тихомиров (*Тихомиров*, 1897; 1898), связано появление в конце XIX — начале XX в. научного интереса к ярославским могильникам. Им были исследованы курганы Тимерёвского и Михайловского могильников, а также открытые А. И. Кельсиевым курганы у дер. Малое Тимерёво и Гончарово (*Тихомиров*, 1900). В одном из отчетов Тихомиров указывал, что 2–3 раза кладбища, в том числе Тимерёвское, раскапывались под руководством председателя Ростовской земской управы А. В. Скульского (*Тихомиров*, 1900. Л. 17). При описании Тимерёвского могильника И. А. Тихомиров, кроме общей характеристики могильного поля («орешника») и насыпей («от едва заметных, могущих быть принятыми за кочки, до огромных насыпей 4-х аршин высоты и 28 аршин в поперечнике»), отмечает: «Кладбище является весьма удобным пунктом для образовательных прогулок учащейся молодежи под руководством сведущего лица, которое может им на месте, даже при соответствующей демонстрации, прочесть маленькую лекцию» (*Тихомиров*, 1900. Л. 14). Это замечание подтверждает данные о том, что в исследовании ярославских курганов активное участие принимали воспитанники Ярославского кадетского корпуса (далее — ЯКК) и студенты ДЮЛ.

В Дневнике раскопок (*Тихомиров*, 1900. С. 65–66)⁹ мы находим подробное описание разрушения курганных кладбищ у д. Малое Тимерёво и Гончарово: «Кладбище, как и предыдущее (у дер. М. Тимерёво. — В. С.), было гораздо значительнее и до нынешних размеров доведено распашкой и срывкой курганов. Близость деревень и малость насыпей способствовали этому» (Там же. С. 66).

Большинство дореволюционных раскопок курганов надо признать несовершенными, ибо полное вскрытие насыпей не производилось. Особенности погребального обряда и состав сопровождающего инвентаря полностью восстановить при раскопках траншеями или колодцем было невозможно. О значении раскопок курганов на снос писал И. А. Тихомиров, указывая, что «раскопки на снос показывают, что в полах курганов остаются вещи при раскопках траншеями» (*Тихомиров*, 1898. Л. 30).

⁹ Материалы раскопок частично сохранились в фондах ЯИАХМЗ — ЯРМЗ-7059 (19 ед. хр.).

Будучи действительными членами ЯГУАК, И. А. Тихомиров и В. А. Городцов проводили исследования археологических памятников губернии по плану комиссии и на ее средства (Дубов, Седых, 1986. С. 16–21). Одним из результатов археологического направления деятельности комиссии стала карта археологических памятников Ярославской губернии, составленная в 1900 г. И. А. Тихомировым¹⁰. Средства на раскопки курганов Тимерёвского могильника были получены исследователем от ПАИ (Тихомиров, 1900. Л. 5).

Есть краткие сведения о раскопках в районе д. Б. Тимерёво и Гончарово, которые производила ЯГУАК в 1901–1903 гг. (число исследованных курганов, к сожалению, неизвестно), вероятно, под руководством В. А. Городцова силами воспитанников ЯКК (Новицкий, 1912. Л. 8).

Широко известны общероссийские Археологические съезды, один из которых — Седьмой — проходил в Ярославле в 1887 г. Однако не меньшее значение в развитии исторической науки, краеведения, музейного строительства и просвещения имели Областные историко-археологические съезды, первый из которых был проведен в Ярославле в 1901 г. (Дубов, Седых, 2005). Следует отметить, что и последующие съезды состоялись здесь, в городах Залесского края: Тверь (1903 г.), Владимир (1906 г.), Кострома (1909 г.).

Инициатором проведения первого в России Областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской земли была ЯГУАК. Состоявшийся съезд был признан «удачным и желательным в дальнейшем» (Отчет... 1914. С. 4). В его работе приняли участие представители Ярославской, Костромской, Тверской и ряда других губерний, известные историки и археологи, изучающие древнейшее прошлое региона. Деятельность Ученых архивных комиссий была отмечена на съезде следующими словами: «...это самые дешевые учреждения в России, которые сделали самое дорогое дело» (Дубов, Седых, 2005. С. 19–29; Труды Ярославского... 1902. С. 100).

Кроме работы в заседаниях съезда, его участники 12 августа совершили поездку в с. Михайловское, где два кургана были уже открыты, а пять насыпей с остатками трупосожжения (на месте и на стороне) и трупоположения были ими вскрыты под руководством графа А. А. Бобринского, Д. А. Ушакова, И. А. Тихомирова, Н. М. Бекаревича и В. И. Колосова в могильнике на церковной земле («в роще». — В. С.), насчитываю-

щем до 500 насыпей. Часть участников съезда отправилась на раскопки курганов в лесу, принадлежащем помещику Мирковичу (группа «в лесу». — В. С.), в ходе которых были найдены бронзовое кольцо, застежка и череп (Труды Ярославского... 1902. С. XXVIII).

В 1902–1903 гг. раскопки Михайловского могильника продолжались под руководством В. А. Городцова силами воспитанников ЯКК с целью прохождения учебной практики (Городцов, 1902; 1903а. С. 85–87; 1903б)¹¹. В Ярославль В. А. Городцов был переведен по службе из Рязани, где он уже проявил себя как талантливый и работоспособный археолог, ясно показавший, что его призванием является не военное дело, а археология в самом широком ее понимании. Работы проводились на высоком методическом уровне, а полученные в ходе раскопок материалы получили всеобъемлющую характеристику и интерпретацию. Именно в эти годы закладывались городцовская полевая методика, его принципы изучения, классификации и интерпретации археологических материалов (Дубов, Седых, 1986. С. 16–21).

В 1908 г. разведку по р. Которосль и раскопки курганов у д. Б. Тимерёво, Гончарово и Петровской осуществил сотрудник Археологического института в Санкт-Петербурге Иван Спиридонович Абрамов (1874– ? гг.), исследовавший в первом и во втором пунктах по две насыпи и девять — в последнем (Абрамов, 1908 г. Л. 1–25). По мнению И. С. Абрамова, Тимерёвский могильник насчитывал тогда до 1500 курганов. Материалы раскопок не сохранились, однако в отчете исследователя при характеристике раскопанного кургана № 11 Петровского могильника (нумерация исследователя. — В. С.) среди инвентаря погребения находим описание и изображение глиняного горшка (Абрамов, 1908. Л. 24), который нами отнесен к скандинавской керамической традиции (Седых, 2001. С. 153–158).

В начале 1900-х гг. небольшие раскопки, очевидно учебного плана, проводил выпускник Императорской военной академии, действительный член Санкт-Петербургского Археологического института, преподаватель ЯКК подполковник Иван Михайлович Новицкий (Яковлев, 1911. С. 59). Это новое имя в списке исследователей Ярославского края (Седых, 1991). Переведенный по службе в Ярославль, прошедший школу «археологических экскурсий» ПАИ, И. М. Новицкий (1904; 1912; 1913) проводил раскопки на Михайловском и Тимерёвском могильниках (рис. 1). В 1908 и 1910 гг. им были раскопаны два кургана в Ярославском уезде

¹⁰ Хранится в фондах отдела карт и рукописей Научной библиотеки ЯИАХМЗ.

¹¹ Материалы раскопок частично хранятся в фондах ЯИАХМЗ — ЯРМЗ-7117 (20 ед. хр.) и ЯРМЗ-52927 (5 ед. хр.).

Рис. 1. Открытый лист, выданный Императорской археологической комиссией на имя подполковника Ивана Михайловича Новицкого 2-го. Январь 1913 г.

Fig. 1. Archaeological licence issued by the Imperial Archaeological Commission to the name of the lieutenant-colonel Ivan Mikhailovich Novitskiy 2. January 1913.

(Новицкий, 1912)¹², причем в обоих случаях к участию в раскопках был приглашен тогдашний делопроизводитель ЯГУАК И. А. Тихомиров.

Нужно отметить высокий методический уровень проведенных И. М. Новицким раскопок. Согласно отчетам, курганы раскапывались на снос «лопатами, по пластам толщиной около двух-трех вершков», а то и «руками», «разминая осторожно пальцами комья земли и песку» (Новицкий, 1912. Л. 8; 1913. Л. 1–15). При раскопках кургана Тимерёвского могильника в сезоне 1912 г., кроме «перегнивших костей, кусочков угля и лошадиных зубов», был найден только «маленький обломок глиняного предмета с орнаментом кружками» (Новицкий, 1912. Л. 8). Этот предмет был приложен к Отчету Новицкого и хранится в деле № 169 (рис. 2). Он представляет собой фрагмент накладки костяного орнаментированного одностороннего гребня с циркульным орнаментом, датирующегося, преимущественно, X — началом XI в., который подвергся обжигу, т. е., вероятнее всего происходящий из погребения по обряду трупосожжения¹³. В отчете мы находим сведения о продолжающемся разрушении другого некрополя, входящего в состав Тимерёвского археологического комплекса, — могильника у дер. Гончарово: «За последние 5 лет местные крестьяне раскопали несколько курганов около дер. Гончарово, интересуясь их содержанием. Результатом таких раскопок явилось несколько испорченных курганов с ямами на вершине и склонах, но, повидимому, недокопанных. В нескольких местах курганы начинают запахиваться крестьянами. С сожалением устанавливаю, что, благодаря всему этому, многие из этих памятников древности бесследно исчезнут, не быв исследованными в археологическом отношении»¹⁴ (Там же. Л. 8 об).

Во время работ 1912 г. был составлен план местности с обозначением курганных могильников у д. Б. Тимерёво и Гончарово (рис. 3). В письме в ИАК директор корпуса писал, что предметы, происходящие из раскопок подполковника Новицкого, «...хранятся в музее корпуса, где и служат для преподавателя истории наглядным пособием при прохождении с кадетами курса русской истории» (Там же. Л. 3, 3 об), а раскопки эти предпринимаются с целью «...дать кадетам

¹² Можно предположить, что раскопки были проведены, как и в 1902–1903 гг. под руководством В. А. Городцова на Михайловском могильнике. Очевидно, именно о них упоминает Н. Г. Недошивина (1963. С. 24). Кроме того, в фондах ЯИАХМЗ хранятся опись и акт о передаче в ГИМ 20 ед. хр., происходящих из раскопок в Михайловском Ярославского кадетского корпуса в 1910 г.

¹³ В настоящее время артефакт практически разрушился.

¹⁴ Приведенные цитаты даны в авторской редакции.

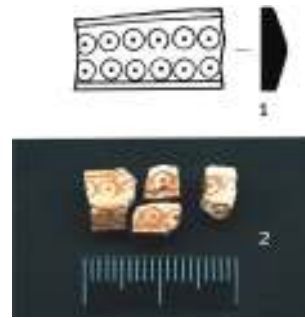

Рис. 2. Фрагмент накладки костяного гребня. 1 — рисунок автора, 1986 г.; 2 — фото автора, настоящее время.

Fig. 2. Fragment of the cover plate of a bone comb. 1 — drawing by the author, 1986; 2 — photograph by the author, present time.

вверенного мне корпуса во время их пребывания на даче разумное занятие» (Новицкий, 1904. Л. 1).

В отчете (Новицкий, 1913) мы находим подробные сведения о раскопках кадетами двух курганов Тимерёвского могильника в мае 1913 г. В первом кургане, кроме костей животных, были обнаружены фрагменты горшка-урны с простым орнаментом по краю, железная «шпора», по терминологии автора раскопок (ледоходный шип для обуви. — В. С.), три бусины: две восьмигранные сердоликовые и одна шарообразная из горного хрусталя¹⁵, оплавленные «железные и медные предметы» (Там же. Л. 5). Во втором кургане были обнаружены лишь «черепки маленького горшка из слабообожженной глины с примесью кварцевых крупинок». Оба кургана были отнесены им к славянским трупосожжениям X–XII вв. (Там же. Л. 6). В дополнении к отчету, направленном Новицким в ноябре 1913 г. с нового места службы (Вольский кадетский корпус), он отмечает, что подобное погребение было встречено им при раскопке кургана у с. Михайловского Толгобольской волости Ярославского уезда, где черепки двух горшков и осколки точильного камня в беспорядке были разбросаны по зольному слою (Там же. Л. 11). Автор предполагает, что вскрытые им курганы были остатками погребений по обряду трупосожжения на стороне (Там же).

Яркие материалы раскопок ярославских могильников вызвали интерес не только отечественных, но и зарубежных исследователей. В том же 1913 г. раскопки 18 курганов на Михайловском могильнике в один из приездов в Россию осуществляет известный шведский ученый, хранитель археологического музея

¹⁵ В отчете присутствуют рисунки артефактов.

Рис. 3. Карта местности с указанием курганных могильников у д. Большое Тимерёво, Малое Тимерёво и Гончарово, созданная подполковником И. М. Новицким 2-м.

Fig. 3. Map of the locality with indication of kurgan burial grounds near the villages of Bolshoye Timerevo, Maloye Timerevo and Goncharovo drawn by lieutenant-colonel I. M. Novitskiy 2.

в Стокгольме проф. *Туре Арне* (1879–1965)¹⁶. Он работал в фондах ЯГУАК, вел полевые исследования, добывая материалы для обоснования тезиса о наличии скандинавской колонии на территории Ярославского Поволжья (*Арне*, 1914; 1917. S. 58–60; 1918. S. 31–47). Материалы раскопок частично хранятся в фондах МАЭ (Кунсткамера) РАН¹⁷. Благодаря публикации (*Арне*, 1914), материалы ярославских могильников были включены в контекст восточно- и североевропейских древностей.

Оценивая результаты археологического изучения Ярославского края в дореволюционный период, необходимо отметить значительные успехи. Были открыты и исследованы памятники различных эпох — от неолита до средневековья; собраны сведения и описаны наиболее важные памятники старины края; сложилась концепция реставрации и охраны культурного наследия; собраны материалы для историко-археологической карты Ярославской земли; материалы раннесредневековых памятников округа Ярославля получили европейскую известность; краеведы-археологи Ярославщины принимали участие во всех Всероссийских археологических и областных историко-археологических съездах. Выяснению важных моментов в истории изучения памятников древности Ярославского края мы обязаны рукописному наследию наших предшественников, хранящемуся в фондах Научного архива ИИМК РАН.

¹⁶ В местной печати мы находим отклики на эти работы. Так, в газете «Голос» от мая 1913 г. в разделе «Ярославская жизнь» были опубликованы заметки «Приезд шведского ученого» и «Археологические раскопки», в которых сообщалось, что «ИАК выдала Музею антропологии и этнографии Петра Великого при Императорской Академии наук Открытый лист на право производства в текущем году археологических раскопок на землях казенных и общественных около села Михайловского в 6-ти верстах от г. Ярославля» (21 мая 1913 г.).

¹⁷ Кол. № 2693/1-94.

Литература и источники

- Абрамов*, 1908 — *Абрамов И. С.* Отчет о раскопках в Ярославской и Владимирской губерниях в июне и июле 1908 г. РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1908, д. № 71.
- Аграфонов*, 1993а — *Аграфонов П. Г.* Археология Ярославской губернии в начале XX в. // «Минувшее, сливаясь с настоящим...» (Тихомировские чтения). Ярославль, 1993.
- Аграфонов*, 1993б — *Аграфонов П. Г.* История археологического изучения Ярославского края (сер. XIX – нач. XX вв.) // Проблемы истории отечественной археологии. ТД. СПб., 1993.
- Аграфонов*, 1998 — *Аграфонов П. Г.* Начало ярославской археологии // Археология Ярославского края. Рыбинск, 1998. Вып. 1.
- Аграфонов*, 2002 — *Аграфонов П. Г.* Археологическая деятельность Ярославского статистического комитета // Археология Ярославского края. Рыбинск, 2002. Вып. 2.
- Аграфонов*, 2005 — *Аграфонов П. Г.* Ярославское отделение Московского археологического института // КЗ. Ярославль, 2005. Вып. VIII: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений.
- Аграфонов и др.*, 2009 — *Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В.* История ярославской археологии. М., 2009.
- Алексеев*, 1991 — *Алексеев В. П.* Профессора Демидовского юридического лицея – соратники И. А. Тихомирова по Ярославской губернской ученой архивной комиссии // КЗ. Ярославль, 1991. Вып. VII.
- Багрова*, 1984 — *Багрова Н. В.* Из истории первых музеев Ярославля // КЗ. Ярославль, 1984. Вып. V–VI.
- Головщиков*, 1890 — *Головщиков К. Д.* Город Данилов и его уезд // ВЯЗ. 1890. № 215–216.
- Головщиков*, 1893а — *Головщиков К. Д.* Очерк жизни и литературных трудов бывших питомцев Ярославской духовной семинарии // ЯЕВ. 1893. № 7–29, часть неоф.
- Головщиков*, 1893б — *Головщиков К. Д.* Ростовско-Ярославские иерархи (992–1893 гг.) // ЯЕВ. 1893. № 42–45, 47, часть неоф.
- Головщиков*, 1899 — *Головщиков К. Д.* Черты жизни и деятельности Ярославского Демидовского высших наук училища и потом лица с краткою биографией П. Г. Демидова // ЯГВ. 1899. № 26–33, часть неоф.
- Городцов*, 1902 — *Городцов В. А.* Описание раскопок в окрестностях с. Михайловского, Ярославской губернии и уезда, 12 мая 1902 г. // Труды Ярославского естественно-исторического общества. Ярославль, 1902. Вып. 1.
- Городцов*, 1903а — *Городцов В. А.* Археологическая экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса // ИАК. СПб., 1903. Вып. 6.
- Городцов*, 1903б — *Городцов В. А.* Раскопки у с. Михайловского // Северный край. 1903, 22 мая, № 132.
- Дубов*, 2005 — *Дубов И. В.* VII археологический съезд в Ярославле // КЗ. Ярославль, 2005. Вып. VIII: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений.
- Дубов, Седых*, 1986 — *Дубов И. В., Седых В. Н.* В. А. Городцов и Ярославская губернская ученая архивная комиссия // Вестник ЛГУ. Л., 1986. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4.

- Дубов, Седых*, 2005 — *Дубов И. В., Седых В. Н.* I Ярославский областной историко-археологический съезд и его роль в развитии исторической науки и краеведения в России // КЗ. Ярославль, 2005. Вып. VIII: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений.
- Известия о занятиях... 1887 — Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 года. Ярославль, 1887.
- Калачов*, 1881 — *Калачов Н. В.* Об осмотре летом и осенью 1880 г. членами и слушателями Археологического Института памятников древностей и их работах в архивах // Сборник Археологического Института. СПб., 1881. Кн. 5, первая половина.
- Кельсиев*, 1878–1879 — *Кельсиев А. И.* Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведённых в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1878–1879. Т. II.
- Кельсиев*, 1878–1879 — *Кельсиев А. И.* Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведённых в 1878 г. // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1880. Т. III, ч. I.
- Лествицын*, 1864 — *Лествицын В. И.* Диргема на Юхоти // ЯГВ. 1864. № 29, 32, часть неоф.
- Лествицын*, 1868 — *Лествицын В. И.* Место побоища на Сити // ЯГВ. 1868. № 41, часть неоф.
- Лествицын*, 1869 — *Лествицын В. И.* От Ярославля до Москвы. Поездка на Съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869.
- Лествицын*, 1882 — *Лествицын В. И.* Фатьяновская стоянка // ЯГВ. 1882. № 31, 32, 34, 36, часть неоф.
- Лествицын*, 1883 — *Лествицын В. И.* Сицкие курганы // ЯГВ. 1883. № 77, часть неоф.
- Лествицын*, 1885 — *Лествицын В. И.* Курганы близ села Елохова в Рыбинском уезде // ЯГВ. 1885. № 15, часть неоф.
- Лествицын*, 1873 — *Лествицын В. И.* Ярославская губерния. Курганы Ярославской губернии // Древности. М., 1873. Т. III.
- Недошивина*, 1963 — *Недошивина Н. Г.* Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. / под ред. А. П. Смирнова. М., 1963.
- Никольский*, 1859 — *Никольский Ф. Я.* (сост.). Путеводитель по Ярославской губернии, составленный под руководством начальника Ярославской губернии А. П. Бутурлина, членом-корреспондентом Ярославского губернского статистического комитета Ф. Н-м. Ярославль, 1859.
- Никольский*, 1860 — *Никольский Ф. Я.* Курганы на р. Юхоти в Угличском уезде // ЯГВ. 1860. № 31.
- Новицкий*, 1904 — *Новицкий И. М.* О раскопках в Борисоглебском уезде Ярославской губернии. РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1904, д. № 117.
- Новицкий*, 1912 — *Новицкий И. М.* О раскопках Ярославского кадетского корпуса в Ярославской губернии в 1912 г. РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1912, д. № 169.
- Новицкий*, 1913 — *Новицкий И. М.* О раскопках Ярославского кадетского корпуса в Ярославской губернии в 1913 году. РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. № 41.
- Отчет о деятельности... 1914 — Отчет о деятельности ЯГУАК за 1900–1914 гг. // Труды ЯГУАК. 1914. Кн. VII, вып. 2.
- Сабанеев*, 1868 — *Сабанеев Н. П.* [правильно — Л. П.]. Описание курганов Мологского уезда // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1868. Вып. V.
- Седых*, 1991 — *Седых В. Н. И. А.* Тихомиров и некоторые вопросы методики исследования и интерпретации археологических источников // КЗ. Ярославль, 1991. Вып. VII.
- Седых*, 2001 — *Седых В. Н.* Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4, т. II.
- Седых*, 2010 — *Седых В. Н.* Вклад ярославских краеведов и интеллигенции в изучении родного края // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов. СПб., 2010. Т. 2.
- Спиридонова*, 2002 — *Спиридонова Е. В.* Археологическое изучение Ярославского края во второй половине XIX века: методика и практика // Археология Ярославского края. Рыбинск, 2002. Вып. 2.
- Спицын*, 1899 — *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении (продолжение) // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1 и 2. Новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии. СПб., 1899. Кн. 4.
- Стрелков*, 1854 — *Стрелков.* Курганы на р. Сить // Московские ведомости. 1854. № 110.
- Тихомиров*, 1897 — *Тихомиров И. А.* Отчет о раскопках курганных кладбищ под селцом Михайловское Сереновской волости Ярославских уезда и губернии. РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1897, д. № 52.
- Тихомиров*, 1898 — *Тихомиров И. А.* Отчет о раскопках курганных кладбищ под селцом Михайловское Сереновской волости Ярославских уезда и губернии. РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1898, д. № 187.
- Тихомиров*, 1900 — *Тихомиров И. А.* Раскопки курганных кладбищ под деревней Большое Тимерево, Малое Тимерево и Гончарово 1900 года Ил. Ал. Тихомирова (отчет). РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1900, д. № 82.
- Труды Ярославского... 1902 — Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902.
- Труды ЯГУАК, 1899 — Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1899. Кн. III, вып. 1.

- Ушаков*, 1878а — *Ушаков Я. А.* Раскопки курганов в Угличском уезде, произведенные в 1878 г. М., 1878.
- Ушаков*, 1878б — *Ушаков Я. А.* Отчет о раскопках в Угличском уезде, произведенных в 1878 году // ИОЛЕАЭ. 1878. Т. XXXI.
- Ушаков*, 1890 — *Ушаков Я. А.* Раскопки в Мышкинском уезде 1887 года // Труды VII АС. М., 1890. Т. I.
- Черневский*, 1880 — *Черневский П. О.* Археологические исследования в Ярославской губернии // ЯГВ. 1880. № 99.
- Яковлев*, 1911 — *Яковлев П. С.* (сост.). Памятная книжка Императорского Археологического Института в С.-Петербурге. 1878–1911. СПб., 1911.
- Arne*, 1914 — *Arne T. J.* La Suède et l' Orient. Uppsala, 1914.
- Arne*, 1917 — *Arne T. J.* Det stora Svitjod Essayer om gangna tidens. Svensk-Ryska kulturförbindelser. Stockholm, 1917.
- Arne*, 1918 — *Arne T. J.* Ett svenskt gravfält i guvernementet Jaroslavl Rusland // Fornvännen. 1918.
- Aspelin*, 1874 — *Aspelin J. R.* Kumpukalmisto Timerevon kylän luona Jaroslavin läänissä // Finska Fornminnesföreningens. Helsingfors, 1874. Tidskrift. I–IV.
- Aspelin*, 1877–1884 — *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. I–V. Helsingfors, 1877–1884.

В. Н. Седых

Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)

В статье на основе анализа данных Научного архива ИИМК РАН удалось конкретизировать некоторые моменты в истории археологического исследования известных ярославских могильников периода ранне-средневековья. Показана роль Ярославского губернского

статистического комитета и Ярославской губернской ученой архивной комиссии в изучении края, выявлены имена неизвестных ранее исследователей, определены комплексы погребений, изученных до событий 1917 г.

V. N. Sedykh

A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)

This study, analyzing the evidence from the Scientific Archives of IIMK RAS, succeeded to instantiate certain moments in the history of archaeological investigation of the well known Yaroslavl cemeteries of the early mediaeval period. The article demonstrates the role of the Yaroslavl

Province Statistic Committee and Yaroslavl Scientific Archive Commission in local studies reveals the names of unknown earlier researchers and defines the complexes of burials studied before the events of 1917.

С. В. Белецкий¹

Неизвестные фотографии Пскова 1946 года

Ключевые слова: каменные палаты, крепостные сооружения, П. С. Малевский-Малевиц, негативы, монастыри, Псков, фотографии, храмы.

Keywords: stone houses, fortifications, P. S. Malevskiy-Malevich, photo negatives, monasteries, Pskov, photographs, churches.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-280-284

В середине 1990-х гг. М. В. Малевская-Малевиц передала мне негативы фотоснимков (260 ед.), сделанных ее мужем П. С. Малевским-Малевицем во время их поездки в Псков в 1946 г. Одна фотография была, с разрешения Марианны Владимировны, опубликована в книге В. Д. Белецкого (*Белецкий*, 1997. С. 35, рис. 37), остальные снимки остаются не только не изданными, но и неизвестными большинству исследователей памятников псковской старины.

В статье публикуется каталог негативов 1946 г. Большинство снимков по выбору точек съемки представляют собой так называемые открыточные виды памятников Пскова, аналогичные или близкие известным фотографиям конца XIX – первой половины XX в. (напр.: *Левин*, 2004; *Длужневская*, 1997). Главное значение рассматриваемой коллекции в уникальности периода съемки. Судя по огороду, попавшему на кадры IV/12/10–11 (рис. 1, 1), поездка состоялась в конце лета или в начале осени 1946 г. Таким образом, на снимках зафиксировано состояние ряда храмов, монастырей, каменных палат и крепостных сооружений Пскова не позднее середины первого послевоенного года. По сути дела съемки, проведенные П. С. Малевским-Малевицем, стали той фотографической фиксацией памятников Пскова, которая предшествовала масштабным строительным и реставрационным работам, проводившимся в городе в 1950-е гг.

Добавлю к сказанному, что снимки 1946 г. позволили уточнить некоторые моменты истории памятников псковской архитектуры. Так, на кадрах III/2/5–10 хорошо видно, что каменное крыльцо Поганкиных палат, сооруженное в 1902 г., уже разобрано (рис. 1, 2), хотя на фотографии 1945 г. (*Левин*, 2004. С. 168, верхний снимок) оно еще не разобрано². Кучи строитель-

ного мусора в центре двора и очищенная от завала разрушенная часть трехэтажного корпуса Поганкиных палат (рис. 1, 3) свидетельствуют о том, что ремонтно-восстановительные работы на памятнике в 1946 г. уже начались, хотя в литературе реставрацию палат обычно датируют 1951–1952 гг. (*Снегальский*, 1963. С. 43). На кадрах II/2/1–2 из-за руин крепостной стены виден куполок и шатер (рис. 1, 4) ныне не сохранившейся часовни Скорбящей Божией Матери (1871 г.), так что часовня была разрушена после 1946 г.³

Каталог

1. Общие виды

1. Долина р. Псковы.

1–2. Берег р. Псковы⁴.

3. Левый берег р. Псковы от подножия Гремячей башни. Вид с востока.

4. Дамба на р. Пскове. Вид с востока.

5–6. Правый берег р. Псковы и церковь Богоявления с Запсковья. Вдалеке — Троицкий собор. Вид с востока.

7–8. Советский (Троицкий) мост на р. Пскове. Общий вид с северо-запада.

2. Запсковье.

1–2. Набережная правого берега р. Псковы. Общий вид с запада. На заднем плане церковь Козьмы и Дамиана с Примостья.

3. Кремль и Троицкий собор.

1–5. Общий вид с север-северо-запада.

чального крыльца к стене палат, скрытых ранее за крыльцом 1902 г., отмечал, что зарисовка была сделана в 1945 г. (*Снегальский*, 1963. С. 44, рис. 25). Правда, исследователь писал, что осмотр палат он производил «в 1946, 1948 и 1950 гг.» (Там же. С. 43), так что не исключено, что в подрисовочную подпись вкралась опечатка.

³ Время разрушения часовни считается неустановленным (Псков. Часовня...).

⁴ Возможно, точкой съемки стал берег р. Псковы у подножия Гремячей башни, тогда на фотографии зафиксирован левый берег Псковы. Но не исключено, что снимок мог быть сделан с противоположного берега реки.

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии. Адрес электронной почты: serge_beletsky@mail.ru.

² Возможно, крыльцо было разобрано в 1945 г. Во всяком случае, Ю. П. Снегальский, публикуя зарисовку следов примыкания первоначального

Рис. 1. Неизвестные фотографии Пскова 1946 г. 1 — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Вид с юго-запада (кат. № IV/12/11); 2, 3 — Поганкины палаты (2 — внутренний двор. Вид с юго-востока (кат. № III/2/9); 3 — разрушенная часть трехэтажного корпуса. Вид с востока (кат. № III/2/11)); 4 — Варламовские ворота. Вид с северо-запада. Из-за стены виден купол и шатер часовни Скорбящей Божией Матери (кат. № II/2/1).

Fig. 1. Unknown photographs of Pskov of 1946. 1 — the church of the Transfiguration of the Saviour in the Mirozh monastery. View from south-west (catalogue № IV/12/11); 2, 3 — Palace Pogankiny Palaty (2 — interior courtyard, view from south-east (catalogue № III/2/9); 3 — the destroyed part of a three-storey building, view from east (catalogue № III/2/11)); 4 — Varlaam Gate. View from north-west. Behind the wall, the cupola and tabernacle of the chapel of Our Lady of Sorrows are visible (catalogue № II/2/1).

6–9. Общий вид с север-северо-востока.

4. Центр города.

1. Городские кварталы⁵.

II. Фортификации

1. Варламовская наугольная башня.

1. Вид с северо-востока.

⁵ Снимок городских кварталов был сделан с крыши здания. Справа, на заднем плане у самого края снимка, виден контур храма с большим куполом и как будто отдельно стоящей звонницей (церковь Успения с Пароменья?), а в центре снимка на заднем плане угадывается братский корпус Мирожского монастыря. В таком случае снимок сделан, вероятнее всего, с востока — с территории Полоница.

2. Вид с юго-востока.

3. Вид с востока.

2. Варламовские ворота.

1–2. Вид с северо-запада. Из-за стены виден куполок и шатер часовни Скорбящей Божией Матери (1871 г.).

3. Великие ворота на Кромю.

1–2. Вид с юга.

4. Волковская башня.

1–2. Общий вид с востока. На заднем плане Загрязский захаб.

3–4. Северо-восточный фасад. Вид с северо-востока.

5. Высокая башня.

1–2. Вид с северо-запада. На заднем плане церковь Козьмы и Дамиана с Примостью.

6. Глухая башня.

1–2. Северо-восточный фасад. Вид с востока.

3. Общий вид с севера.

4–5. Общий вид с юго-востока.

7. Гремячая (Козмодемьянская) башня. 1525 г.

1–7. Башня и церковь Козьмы и Дамиана с Гремячей горы. Общий вид с юго-востока.

8–10. Общий вид с юго-востока.

11–12. Западная (лестничная) пристройка. Вид с юго-запада.

13–14. Внутрстенный проход. Вид с запада.

15. М. В. Малевская-Малевич у стен башни.

8. Довмонтова башня. XIX в.

1–2. Общий вид с юго-востока.

3–4. Общий вид с севера.

5–6. Общий вид с северо-востока.

9. Загряжский захаб.

1–2. Общий вид с востока.

10. Михайловская башня.

1–4. Общий вид с юго-запада.

5–6. Общий вид с юго-востока.

7–11. Интерьер (фрагменты).

12. Прясло стены к юго-западу от Михайловской башни. Вид с юго-запада.

11. Мстиславская башня.

1–2. Общий вид с юго-запада.

12. Образский захаб.

1–2. Общий вид с востока. На заднем плане церковь Нерукотворного образа.

13. Петровская башня.

1–3. Вид с юго-запада.

4–5. Башня и прясло стены. Вид с юго-запада.

14. Покровская башня.

1. Вид с юго-востока. На заднем плане (на левом, противоположном берегу р. Великой) — Мирожский монастырь.

2. Вид с северо-запада. На переднем плане — Покровские ворота.

15. Покровские ворота.

1–2. Вид с юго-востока (изнутри крепости).

16. Соколы ворота.

1–2. Вид с запада.

17. Прясло стены близ Быковской башни.

1. Деталь кладки.

18. Прясло стены между Варламовской и Высокой башнями.

1–2. Общий вид с северо-запада.

19. Прясло стены между Ильинскими воротами и Волковской башней.

1–6. Детали кладки.

20. Прясло стены между Ильинскими воротами и Гремячей башней.

1–3. Детали кладки.

21. Прясло стены между Михайловской и Никольской башнями.

1–4. Детали кладки.

22. Прясло стены между Трупеховскими воротами и Петровской башней.

1–6. Детали кладки.

III. Гражданские постройки**1. Вторые палаты Меншиковых («дом Яковлева»). XVII в.**

1–2. Западный (торцевой) фасад. Вид с юго-запада.

3–4. Окна южного фасада. Вид с юга.

2. Поганкины палаты. XVII в.

1–2. Общий вид с юго-запада.

3–4. Северо-западный фасад (фрагменты). Вид с северо-запада.

5–9. Внутренний двор. Вид с северо-востока.

10. Разрушенная часть трехэтажного корпуса. Общий вид с юго-востока.

11. Разрушенная часть трехэтажного корпуса. Общий вид с востока.

12–14. Разрушенная часть трехэтажного корпуса. Вид с юго-востока.

15–16. Разрушенная часть трехэтажного корпуса. Фрагменты интерьера второго этажа.

17–18. Чердачное помещение трехэтажного корпуса (фрагмент). Вид с северо-востока.

3. Солодежня. XVII в.

- 1–3. Общий вид с юго-запада.
- 4–8. Юго-западный («дворовый») фасад. Вид с юго-запада.
- 9–10. Крыльцо. Вид с юга.

IV. Храмы и монастыри**1. Церковь Анастасии в Кузнецах («Анастасии римлянки»). Конец XV–XVI в.**

- 1. Апсиды. Вид с северо-востока.
- 2. Апсиды. Вид с юго-востока.
- 3–4. Апсиды и кровля. Вид с востока.

2. Церковь Богоявления с Запсковья. 1495 г.

- 1–2. Общий вид с северо-запада.
- 3–4. Общий вид с востока.
- 5–6. Апсиды. Вид с востока.
- 7. Вход. На переднем плане — звонница. Вид с запада.
- 8–9. Северный придел и барабан. Вид с северо-запада.
- 10–11. Звонница. Вид с запада.
- 12–13. Звонница. Вид с северо-запада.
- 14–22. Интерьер (фрагменты).

3. Церковь Варлаама Хутынского. 1495 г.

- 1–2. Общий вид с запада.
- 3–4. Купол и барабан. Вид с северо-запада.

4. Церковь Василия на Горке. XVI в.

- 1–2. Общий вид с северо-востока.
- 3–4. Общий вид с юга.

5. Церковь Воскресения со Стадища. 1532 г.

- 1–2. Общий вид с северо-запада.
- 3. Апсиды. Вид с юго-востока.
- 4–5. Южный фасад придела. Вид с юго-востока.

6. Церковь Георгия со Взвоза. 1494 г.

- 1–2. Общий вид с северо-запада.
- 3–5. Общий вид с юго-востока.

7. Церковь Иоакима и Анны. XVI в.

- 1. Общий вид с северо-запада.
- 2–3. Общий вид с востока.
- 4. Апсиды. Вид с востока.

8. Церковь Иоанна Богослова на Мишариной горе. XVI в.

- 1. Общий вид с юго-запада.

9. Церковь Климента папы Римского. XVI в.

- 1–2. Общий вид с юго-востока.

10. Церковь Козьмы и Дамиана с Гремячей горы. XVI, XIX вв.

- 1–2. Общий вид с северо-запада.
- 3–5. Общий вид с юго-востока.
- 6–7. Общий вид с северо-запада.

11. Церковь Козьмы и Дамиана с Примостья. XV–XVI вв.

- 1–2. Общий вид с северо-запада.
- 3–4. Общий вид с востока.
- 5–6. Ворота и церковная ограда. Вид с юго-запада.
- 7. Вход в храм. Вид с северо-запада.

12. Мирожский монастырь. XII, XVI вв.

- 1–2. Общий вид с северо-запада.
- 3–4. Общий вид с юго-востока.
- 5–8. Спасо-Преображенский собор. Общий вид с северо-запада.
- 9. Спасо-Преображенский собор. Вход и звонница. Вид с юго-запада.
- 10–11. Спасо-Преображенский собор. Общий вид с юго-запада.
- 12–13. Стефановская церковь и монастырские ворота. Вид с северо-запада.
- 14–15. Монастырские ворота. Вид с юга. В воротном проеме видна ц. Климента папы Римского.

13. Церковь Михаила и Гавриила архангелов с Городца. XV–XVII вв.

- 1–2. Общий вид с северо-востока.
- 3–4. Вход в храм. Вид с запада.

14. Церковь Нерукотворного Образа. XVII в.

- 1–2. Общий вид с юго-востока.
- 3–4. Общий вид с северо-запада.

15. Церковь Николы Каменоградского. XV–XVI в.

- 1–2. Общий вид с юго-востока.

16. Церковь Николы со Усохи. 1536 г.

- 1–3. Общий вид с северо-востока.
- 4–6. Общий вид с восток-северо-востока.

17. Церковь Николая Явленного на Торгу. 1676 г.

1–2. Общий вид с юго-запада.

18. Церковь Новое Вознесение. XVI в.

1. Притвор и звонница храма. Вид с юга.

19. Церковь Петра и Павла с Буя. 1540 г.

1–2. Общий вид с юго-запада.

20. Церковь Сергия с Залужья. Конец XVI в.

1–2. Общий вид с северо-востока.

21. Церковь Старое Вознесение. 1467 г.

1–2. Общий вид с востока.

22. Троицкий собор. 1699 г.

1–5. Общий вид с юго-запада.

6. Общий вид с восток-юго-востока.

23. Церковь Успения с Пароменья. 1521 г.

1–2. Общий вид с севера.

3. Южный придел. Вид с юго-востока.

4–5. Алтарная апсида и киот над апсидой. Вид с востока.

6–7. Звонница. Вид с востока.

Литература

Белецкий, 1997 — *Белецкий В. Д.* Псковский кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб., 1997.

Длужневская, 1997 — *Длужневская Г. В.* Псков в материалах фотоархива ИИМК РАН // Белецкий В. Д. Псковский кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв. СПб., 1997.

Левин, 2004 — *Левин Н. Ф.* Псков на старых открытках. Псков, 2004.

Псков. Часовня... — Псков. Часовня «Всех скорбящих Радость», иконы Божией Матери у Варламовских ворот // *Соборы.ру*. Народный каталог православной архитектуры. Электронный ресурс: <http://sobory.ru/article/?object=35166> (дата обращения: 01.11.2016).

Спегальский, 1963 — *Спегальский Ю. П.* Псковские каменные жилые здания XVII в. М.; Л., 1963 (МИА; № 119).

С. В. Белецкий

Неизвестные фотографии Пскова 1946 года

В статье публикуется каталог фотоснимков (негативов), сделанных П. С. Малевским-Малевичем во время поездки в Псков в 1946 г. Большинство снимков повторяет «открыточные виды» памятников архитектуры Пскова, известные по фотографиям конца XIX – первой половины XX в. При этом на снимках

Малевского-Малевича зафиксировано послевоенное состояние ряда храмов, монастырей, каменных палат и крепостных сооружений Пскова до начала масштабных строительных и реставрационных работ, проводившихся в городе в 1950-е гг.

S. V. Beletskiy

Unknown photographs of Pskov of 1946

This paper presents a publication of a catalogue of photographs (negatives) taken by Malevskiy-Malevich during his trip to Pskov in 1946. Most of the photos repeat the ‘view cards’ of the architectural monuments of Pskov known through photographs of the late 19th – first half of the 20th

century. However, the pictures of Malevskiy-Malevich show the post-War state of a number of churches, monasteries, stone houses and fortifications of Pskov before the large-scale construction and restoration works conducted in the city in the 1950s.

Н. И. Платонова¹

Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)

Ключевые слова: РАИМК, ГАИМК, Институт археологической технологии, М. В. Фармаковский, Н. П. Тихонов, В. Н. Кононов, В. В. Данилевский, реставрация тканей, реставрация документов, анализ металлических сплавов, изучение археологического угля.

Keywords: RAIMK, GAIMK, Institute of Archaeological Technology, M. V. Farmakovskiy, N. P. Tikhonov, V. N. Kononov, V. V. Danilevskiy, restoration of textiles, restoration of documents, analysis of metal alloys, investigation of archaeological charcoal.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-285-293

В начале XX в. идея интеграции естественно-научных и исторических дисциплин буквально носилась в воздухе. В представлениях российской академической элиты «научные методы» в области истории культуры прочно ассоциировались с комплексом естественно-научных и технических методик. За этим отчетливо просматривалось «...стремление к созданию своеобразного универсального — позитивистского по своей сути — научного знания, базирующегося, прежде всего, на естественно-научной методологической основе, но распространяющегося и на гуманитарную — историческую и историко-культурную проблематику...» (Цыпкина, 2009. С. 109).

Первым и совершенно уникальным на тот момент опытом институционализации естественно-научного подхода в археологии стало создание при РАИМК в 1919 г. *Института археологической технологии* (ИАТ²). Здесь должны были изучаться «с естественнонаучной точки зрения все вопросы, <...> не разрешимые при условии применения одних лишь филологических, археологических и историко-художественных методов» (НА ИИМК РАН³. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 4, л. 39).

Наиболее подробный и адекватный анализ научной концепции ИАТ содержится в диссертационной рабо-

те Д. О. Цыпкина (Цыпкина, 2009. С. 87–171). Однако детально там рассмотрены лишь работы в области фотоанализа археологических материалов, представляющие интерес в контексте проблемы становления экспертного направления изучения документов. В археологической литературе история ИАТ и его научных поисков почти не отражена. Обращение к этой теме в рамках мемориального сборника Г. В. Длужневской представляется мне уместным.

Первым директором ИАТ был назначен в 1919 г. *Николай Петрович Сычѳв* (1883–1964), но его почти сразу сменил на этом посту акад. *Александр Евгеньевич Ферсман* (1883–1945). Душой всего дела оказался ученый секретарь института, художник и реставратор *Мстислав Владимирович Фармаковский* (1873–1946). Именно он, по большей части, осуществлял повседневное руководство.

«С первого момента выяснилось различие в понимании задач, — писал М. В. Фармаковский в 1922 г., — были, правда, весьма немногочисленные сторонники придания Институту чисто практического значения, как бы большой реставрационной мастерской, но подавляющее большинство высказалось категорически за чисто научную постановку дела, за создание ученого учреждения с совершенно самостоятельной задачей изучения технологии объектов археологии... Не подсобное разрешение задач, возникающих у археологов, а самостоятельная деятельность по изучению вопросов, диктуемых самим материалом, типом обработки, вопросов распространения производственной традиции и т. д. — вот цель такого института. При нем могут быть лаборатории, реставрационные мастерские и другие вспомогательные учреждения... Но Институт, как таковой, должен остаться учреждением ученым...» (Фармаковский, 1922. С. 2).

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии. Адрес электронной почты: niplaton@gmail.com.

² В 1929 г. ИАТ ГАИМК был переименован в Технологическое отделение ГАИМК, а в 1932 г. — в ИИТ (Институт исторической технологии). Характер его деятельности от перемены названий мало изменялся. В 1937 г., в связи с преобразованием Академии в Институт истории материальной культуры АН СССР, ИИТ стал Лабораторией археологической технологии, которая в 1938 г. окончательно исчезла из структуры ИИМК за отсутствием финансирования и помещений для ее развертывания.

³ Далее при ссылке на материалы Научного архива ИИМК РАН его название не повторяется.

Отчетливо понимая, что без заинтересованной государственной поддержки и партнерства все дело неминуемо погибнет, руководители ИАТ отчаянно боролись за свое детище. В период катастрофического сокращения штатов в 1921 г. в их отчетном докладе прозвучало: «Военные бури, сокрушая благосостояние, унося миллионы жертв, производят в организме народов, <...> взрыв всех таящихся сил, всей динамики, заложенной в этом организме; в иных случаях это называется подъемом духовных сил, в других — революцией. В эти моменты послевоенной грозы, мысль народа работает <...> с исключительной глубиной. При таких обстоятельствах родилась идея Института Археологической Технологии; мысль, которая показала бы совершенно парадоксальной, если бы не могла найти реальных форм: дать археологический материал естественнику, дать археологу методы естественных наук. Мысль революционная не по внешним своим формам, но по всей своей глубине. Работники Института могут быть совершенно аполитичны по своим гражданским убеждениям, но работая в Институте, они оказываются революционерами в научных своих приемах... (курсив мой. — Н. П.)» (Ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 49, л. 20).

Особый акцент на «революционность» ИАТ, конечно, был рассчитан на интерес со стороны Наркомпроса. Однако руководство не торопилось с финансированием нового направления. Удерживать ИАТ на плаву помогало лишь привлечение внештатных сотрудников и обращение к проблемам, наиболее актуальным для учреждений-смежников. В тоненьком втором выпуске «Известий» ИАТ, вышедшем в 1924 г., приведено *credo* основателей Института, сформулированное ими в те тяжелые, отчаянные для археологии времена: «Пока Государство считает необходимым содержать музеи и сохранять исторические памятники, оно заинтересовано в том, чтобы музейные коллекции сохранялись от разрушающих явлений и чтобы разрушенное по мере сил восстанавливалось, чтобы монументальные памятники не падали, не шелушились, не трескались. Таким образом, пока есть государственные музеи и охраняемые Государством памятники, до тех пор Государство заинтересовано в том, чтобы где-то разрабатывались настоятельные вопросы археологической технологии...» (Ферсман, Фармаковский, 1924. С. 49).

Все это долго оставалось гласом вопиющего в пустыне. Однако ситуация изменилась, когда в 1924 г. страшное наводнение затопило подвалы Этнографического отдела Русского музея. Там находились, в частности,

археологические ткани из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (курганы Ноин-Ула). В ходе их очистки выяснилось, что методы, апробированные на этнографических тканях, в данном случае приводят к разрушению артефактов.

При активной поддержке Н. Я. Марра и Монгольской комиссии⁴ М. В. Фармаковский в 1925 г. организовал в ИАТ специальную «Лабораторию по изучению способов хранения и реставрации древних тканей». Ее деятельность способствовала внедрению в практику исследований археологических материалов целого ряда принципиально новых методов — микроскопического, спектрального, микрохимического, гистологического анализа и пр.

Описывая эти события 90 лет спустя, реставратор Н. В. Ермакова констатировала: «...Первоначально ткани поступили на реставрацию в Этнографический отдел Русского музея. Однако памятники, возраст которых около двух тысяч лет, потребовали иных методов очистки, чем применявшиеся при реставрации этнографических коллекций. <...> Сохранности археологического текстиля могли способствовать только реставрационные приемы, находящиеся в соответствии с технологическими свойствами раскопчного материала... Микрохимические исследования позволяли выявлять типы протрав, использовавшихся при крашении. При изучении шерсти использовался гистологический анализ. После очистки текстиля парами органических растворителей специалисты ИАТ исследовали образцы с помощью световых фильтров и ультрафиолетового излучения, что позволило получить фотографии рисунков тканей Ноин-Улы. Изучение окраски волокон дало возможность выполнить их графическую реконструкцию в цвете...» (Ермакова, 2005. С. 17).

Результаты были достигнуты впечатляющие. Следует особо отметить значение работ по фотоанализу археологических тканей из монгольских раскопок. В основу их легли эксперименты в области физических способов исследования красок, начатые здесь же, в ИАТ, еще в 1920–1921 гг. *Василием Александровичем Шавинским* (1868–1924), *Александром Александровичем Поповицким* (1968–1923) и *Василием Николаевичем Кононовым* (1882–1957). Но тогда речь шла, в первую

⁴ Так называлась в обиходе Комиссия по научному изучению Монголии, организованная 31 марта 1925 г. под руководством управделами Совнаркома Н. П. Горбунова. Заместителями председателя являлись там акад. С. Ф. Ольденбург и акад. А. Е. Ферсман.

очередь, о живописных красках и истории живописного дела. Тем не менее уже в те годы в разряде живописи и красок началось «изучение отраженных спектров различных пигментов» путем фотографирования этих спектров (Ферсман, Фармаковский, 1924. С. 29). Было проведено исследование различных образцов красок, фотографирование спектров через светофильтры и в лучах, окрашенных парами металлов (Поповицкий, 1922). В середине 1920-х гг. работы по фотоанализу цветности были возобновлены уже на материалах монгольских археологических тканей. Проблема была вынесена на обсуждение в докладе Николая Петровича Тихонова (1882–1942) в 1927 г.

Стенограмма заседания Президиума ИАТ гласит: «Докладчик, сделав указание на то, что в западной литературе нет никаких данных относительно метода фотоанализа цветности, считает этот вопрос новым в науке и лишь в некоторых своих основных частях вытекающим из русских работ, проделанных в области судебной фотографии Буринским, Поповицким и Фаворским (область чтения скрытых писем). В применении их метода делаются попытки выйти за пределы расширения зрительной способности путем фотографии не только в области тональности, но и чтения цветностей...» (Ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 36, л. 8).

Большой удачей оказалось открытие и реставрация фрагмента портретной вышивки из Ноин-Ула, о котором М. В. Фармаковский писал так: «...Между прочим, в коллекции Козлова имеется ткань с изображением головы воина. Это первый и единственный портрет подлинного владельца вещи. Ткань в свое время была получена мною из ГАИМК для опытов: она представляла тогда черный, небольшой, совершенно твердый комок. <...> Этот кусочек был выбран, как совершенно негодный, безнадежный. Попеременным действием пара и обработкой растворителем <...> удалось довести вещь до состояния, когда можно видеть прекрасную вышивку, изображающую голову воина; эта вещь составляет своего рода гордость Эрмитажа...» (Фармаковский, 1947. С. 95–96).

Тот же случай описывает в публикациях и Н. П. Тихонов, под непосредственным руководством которого проводился фотоанализ фрагмента: «...Прежде, чем начинать какую-нибудь реставрацию, необходимо было поставить опыты над действием различных растворителей; а так как результаты применения <...> были гадательны ввиду крайней ветхости, засоренности и вероятного перерождения тканей, то для эксперимента следовало брать материал, лишь абсолютного лишённый археологической ценности; поэтому

были взяты бесформенные куски, обрывки и свертки, которые были отброшены при разборке инвентаря, как безнадежный мусор...» (Тихонов, 1931а. С. 17).

Далее, по его словам, шаг за шагом стали нащупываться и проверяться способы применения растворителей, их комбинации, последовательность, дозировка и т. д. Спекшийся комок шерстяной ткани, на котором затем обнаружилась вышивка, вдобавок ко всему, был загрязнен какой-то черной восковой смолообразной массой. Микроскопический и микрохимический анализ фрагмента позволил установить, что изначально это была какая-то душистая мазь или смола. Ее удалось совершенно растворить в четыреххлористом углероде. «...После этого подготовительного опыта был погружен в тот же растворитель и весь испытываемый объект. <...> Повторяя размягчение в ванне и обработку паром, удалось весь спекшийся комок совершенно размягчить... На ней оказалась превосходно выполненная вышивкой гладью голова воина...» (Там же. С. 18).

В лабораторию фотоанализа исследуемый кусок поступил в вычищенном виде, но на его темной поверхности лишь с трудом улавливались пятна, свидетельствующие о наличии портретного изображения. Применяя метод повышенной тональности, при помощи которого аккумулировалось световое впечатление на пластинку, исследователям удалось выявить на фотографиях изящный рисунок в оттенках серых тонов. Однако «стояла труднейшая задача определить цвет объекта и по возможности реконструировать сам объект в красках. Сам объект по своей высокой художественной и археологической ценности этого требовал...» (Там же).

Допустив, что краска исчезла не вся, а частично сохранилась, специалисты ИАТ начали спектральный анализ отдельных волокон ткани, подтвердивший их предположение. Далее, используя реакцию специальных панхроматических пластинок на разные цвета спектра, они стали экспериментировать над установлением дозировки экспозиций и плотностей выделяющих фильтров для выделения отдельных цветных участков.

«...Полученные частичные негативы, почти не содержащие видимого изображения, дали нам возможность перейти ко второй части работы — повышению тональности имеющихся частичных снимков. Это шло обычным, детально разработанным в нашей лаборатории путем последовательного наложения светочувствительных слоев... Результаты, несмотря на всю их сложность, оправдали наши надежды...» (Там же. С. 19; Тихонов, 1934. С. 90).

Не менее сложная работа была осуществлена в ИАТ В. Н. Кононовым для ковра из Ноин-Ула, украшенного аппликациями в виде стилизованных растений и сцен борьбы животных — лося с грифоном, яка с хищником (*Воскресенский, Кононов, 1932*). В 1929 г. все эти работы по очистке, восстановлению цветности и графической реконструкции тканей демонстрировались на Берлинской археологической выставке.

Деятельность ИАТ в области фотоанализа на практике пролагала новые пути изучения археологического материала. Начинания Института достаточно быстро были подхвачены учреждениями-смежниками. В частности, уже в 1931 г. Н. П. Тихонов упоминает о попытках организации в Русском музее собственной лаборатории фотоанализа (*Тихонов, 1931б. С. 47*). Дальнейшее развитие и внедрение указанного метода, ввиду его важности для реставрации живописи (в т. ч. иконописи), а также открытия «потухших записей» в рукописях и т. д., происходило быстрыми темпами — и в СССР, и за рубежом. Не лишне отметить, что начало отечественным разработкам такого рода было положено именно в ГАИМК.

Еще одним важным начинанием, тоже напрямую связанным с работами по археологическому текстилю, было исследование древних красителей. Работы проводились группой красок и техники живописи «...в направлении разработки методики открытия красок на археологических объектах, систематизации результатов опытов по открытию индиго, пурпурина и ализарина, пользуясь восточным материалом и методом анализа минеральных красок» (*Тихонов, 1931б. С. 47*). На рубеже 1920–1930-х гг. в институте уже была собрана коллекция образцов из 388 красок с их подробным химическим анализом; выполнено около 1000 опытов, призванных выяснить точный характер действия на них различных химических веществ, в том числе дезинсекторов (Там же).

Важным пионерным направлением ИАТ явилось изучение «археологического угля» из раскопок путем изучения микроструктуры древесного угля в прозрачных шлифах с целью определения исходных древесных пород. Изобретателем методики стал профессор Уральского университета *Владимир Онисимович Клер* (1878–1958). Исследования свойств древесного угля были связаны с его работами по технологии углежжения. Впрочем, тут сказались и широта интересов В. О. Клера. По его словам, «близко интересуясь экологией доисторического человека на Урале», он в начале 1920-х гг. работал над материалами различной сохранности (кость, уголь, истлевшая древесина) и «убедился в том, что возможно почти во всех случаях, с очень

малой затратой времени и без сложных приспособлений, изготавливать весьма демонстративные препараты» (*Клер, 1926. С. 6*).

В 1926 г. В. О. Клер лично изготовил первые препараты угля из раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского в гроте Киик-Коба в Крыму. По ним удалось определить породу дерева (можжевельник), горевшего в гроте в эпоху среднего палеолита. Тогда же он описал свою методику в брошюре, изданной ИАТ (Там же). Это было совершенно новое слово в палеоботанических исследованиях. Далее методику В. О. Клера стали применять и развивать уже другие ученые, работавшие по совместительству в биологическом разряде ИАТ: выдающийся ботаник и палеоботаник *Иван Владимирович Палибин* (1872–1949) (в 1920-х гг. — старший хранитель Ленинградского ботанического сада) и его ученица *Адель Федоровна (Адель-Луиза Фридриховна) Гаммерман* (1888–1978). Именно они продолжили работу с материалами крымского палеолита, а заодно успешно апробировали методику на материалах коллекции углей и дерева, собранных в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (*Тихий, 1926. С. 5*). Микроснимки шлифов, сделанных «сухим путем по способу проф. Клера», выполнялись в лаборатории фотоанализа ГАИМК (*Гаммерман, 1931. С. 22*).

Значительный интерес представляли исследования разряда керамики и стекла. Главной задачей их считалось выявление и изучение «технологических типов» и создание универсальной технологической классификации керамического материала (*Фармаковский, Красников, 1926; Фармаковский, 1995*⁵). По документам, сохранившимся в архиве ИИМК РАН, можно заключить, что в ИАТ уже в 1920-х гг. отработывалась методика технологического исследования керамики путем изготовления шлифов и изучения микроструктуры в проходящем и поляризованном свете (Ф. 35, оп. 5, д. 329, л. 72; *Тихонов, 1931б. С. 47*).

М. В. Фармаковский был знаком с французской традицией технологической классификации керамических изделий, мало известной русским археологам. Эта традиция развивалась во Франции не историками культуры, а в первую очередь практиками-мануфактурщиками. Речь идет о т. н. «системе Броньяра»⁶,

⁵ Данная публикация содержит отрывки из большой работы М. В. Фармаковского, рукопись которой хранится в ИИМК РАН (Ф. 59, д. 14).

⁶ А. Броньяр (Brongniart, Alexandre) (1770–1847) — французский химик и геолог, создатель Национального музея керамики при Севрской фарфоровой мануфактуре.

построенной на признаках спекания керамической массы, и ее последователях.

«Оценить её (систему А. Броньяра. — *Н. П.*) и практически применить к археологическому материалу может лишь человек, имеющий технологические знания, — писал М. В. Фармаковский. — Она опирается на испытание материалов, химический анализ, технический разбор громадного материала археологического и этнографического, но она оперирует понятиями, слишком специфическими и чуждыми для историков. Но и помимо того, в ней есть недостаток органический, <...> она, как бы ни была велика её ценность, только констатирует факт, сорт изделия, а не изучает вопроса об историческом месте этого факта. Броньяр наметил черты эволюционного процесса в области керамики, ибо степень спекания уже относится к области эволюции технологической идеи, но когда он построил всю свою систему классификации, она оказалась слишком узко технологичной...» (Ф. 59, д. 14, л. 11).

Сам М. В. Фармаковский предлагал положить в основу классификации «диалектическое развитие технологической идеи, обнаруженное данным керамическим типом». Важнейшими признаками, влияющими на характер подразделений, являются у него химический состав массы и обжиг. «Поскольку и первый, и второй признак регулируются человеческим трудом, приложенным к сырому материалу и керамической массе, и уровнем технологических знаний, <...> то вся классификация <...> может строиться на систематике работы человека и выяснении её активной и сознательной роли в процессе превращения сырья в продукт. Меня интересует не столько самый продукт, сколько созревание технологических знаний человека... Задачей в классификационной работе мне представляется вскрытие динамики, заложенной в каждом продукте человеческого труда... Это моя рабочая гипотеза, оказавшая мне лично большую пользу в понимании многих вопросов технологии керамики» (Там же. Л. 18–19).

«Тип», по Фармаковскому, — это не статическое неизменяемое явление, а количественное накопление до пределов качества, т. е. нечто, заключающее в себе динамическое начало. Автор выделяет пять основных технологических типов керамической массы — красный, белый (каолиновый), желтый, кремнеземистый и черный. Тип «созревает» по линии подбора материала, выявляющего те производственные свойства, которые данному типу присущи. Созревает тип и по линии обжига, проходя в своем развитии разные ста-

дии — докерамическую, примитивную, зрелую и совершенную (Там же. Л. 40–42).

В оригинале работы, открывающейся большим методологическим разделом, приведены таблицы результатов химического анализа образцов упомянутых пяти основных типов массы. Каждому из них дана развернутая характеристика с точки зрения химического состава и свойств. Сами анализы были произведены в лаборатории ИАТ А. А. Жирновой и повторены З. И. Лавровой, которых, безусловно, следует признать соавторами М. В. Фармаковского.

В этой части работы явно прослеживаются «веяния времени», стремление выработать научный метод, способный полностью заменить собой прежний «формальный анализ». Есть даже попытка дать определение «стадиальности» в приложении к данному материалу. Это, по Фармаковскому, «повторный путь превращения количества в качество, случайности в постоянство» (Там же. Л. 41).

Разумеется, эта цель не была достигнута. «Универсальная классификация по диалектическому принципу» не смогла вытеснить все иные формы классификации. Но для своего времени предложенная модель, даже недоработанная, была новаторской. Она открывала новые аспекты анализа керамического материала, изобиловала нестандартными мыслями, давала информацию о французской традиции технологической классификации керамики, почти не известной отечественным специалистам. Последующие поколения археологов-керамистов, на мой взгляд, немало потеряли от того, что этой рукописи выпало осесть без движения на архивной полке.

Спектр работ ИАТ 1920-х гг. был достаточно широк и не исчерпывался описанными выше направлениями. Еще до начала сотрудничества с Монгольской комиссией в 1923 г. Институт включился в большую работу по вопросам консервации книжных фондов Публичной библиотеки и разработки методов борьбы с книжными вредителями. К работе оказались привлечены энтомологи, ботаники, микологи. Последующие исследования монгольских материалов экспедиции П. К. Козлова также включали в себя бумажные объекты и требовали разработки специальных методов очистки и реставрации ветхой бумаги (*Тихонов*, 1931б. С. 47).

На протяжении 1920-х гг. ИАТ проводил весьма серьезные (хотя, преимущественно, прикладные) работы в области минералогии и изучения характера использования камня в культуре человека. Минералогическая группа провела определение огромного

количества драгоценных камней в различных хранилищах СССР (отчасти это было связано и с работой по «изъятию церковных ценностей») (Ферсман, 1922). Определялись породы камня в коллекциях Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, археологических коллекциях Эрмитажа и т. п. Проверялись и разрабатывались новые способы очистки и реставрации камней, рецептуры их полировки и пр. (Тихонов 1931б. С. 46).

Причастность к разработке «новых методов», актуальных с точки зрения ресурсного подхода к источникам, спасала институт вплоть до 1930 г. от любых идеологических нападков. Вплоть до «чистки» ГАИМК (апрель — май 1930 г.) ИАТ оставался наиболее «благополучным» подразделением Академии. Даже в конце 1929 г., когда вся прежняя структура ее оказалась сломана, ИАТ не был ни расформирован, ни лишен прежнего руководства. Его лишь переименовали в Технологическое отделение ГАИМК. Заведующим стал М. В. Фармаковский.

На беду, незадолго до «чистки» ГПУ арестовало и выслало из Ленинграда сотрудницу лаборатории фотоанализа Н. И. Нарбут как активного члена баптистской общины. С санкции М. В. Фармаковского уборщица сожгла все бумаги, оставшиеся в рабочем столе Нарбут. Когда слух об этом дошел до комиссии по чистке, участь обоих была решена. Вдобавок к скандалу с бумагами кто-то донес, что ведущие сотрудники ИАТ, имевшие заработок в АН СССР или других учреждениях, систематически отдавали свою зарплату по ГАИМК в пользу малооплачиваемого младшего обслуживающего персонала лабораторий. Так поступали в разное время акад. А. Е. Ферсман, В. А. Щавинский, М. В. Фармаковский и некоторые другие. Узнав об этом, представители РКИ, заседавшие в комиссии по чистке, пришли в неопишущую ярость. Договорились до того, что лаборанты и уборщицы ограбили советскую власть тем, что не платили налогов с денег, полученных неофициально (Ф. 2, оп. 1, 1930 г., д. 4, л. 184–190).

После этого М. В. Фармаковский был уволен из ГАИМК. Его ожидала административная высылка. Официально она была связана не с увольнением, а с принадлежностью к немецкому шовинистическому обществу. Как можно предположить, «шовинистическое общество» всецело являлось изобретением НКВД. Технологическое отделение, ставшее в 1932 г. Инсти-

тутом исторической технологии, возглавил Н. П. Тихонов. Однако по окончании срока ссылки М. В. Фармаковский вернулся в Ленинград и вновь был принят на работу в ГАИМК.

Правда, из милиции бывшему ссыльному пришло предписание: выехать из города в трехдневный срок. Тогда Ф. В. Кипарисов отправил по инстанциям прошение: «Ввиду того, что М. В. Фармаковский выполняет сейчас весьма ответственные работы по реставрации Менделеевского кабинета к Международному Менделеевскому съезду и заменить его сейчас не представляется возможным, и, кроме того, Академия крайне заинтересована в его дальнейшей работе в ее институте. Академия убедительно просит дать разрешение на прописку...» (Ф. 35, оп. 5, д. 329, л. 10). Это возымело действие.

В сущности, работы ИИТ в первой половине 1930-х гг. шли бы совсем неплохо, если бы не частые организационные перетряски. Его ведущими сотрудниками уже был накоплен ценнейший материал; созданные ими методики стали прочным фундаментом для последующих научных разработок. Так, В. Н. Кононов, параллельно работавший в Эрмитаже, в указанный период не прерывал изучения археологических тканей и древних красителей. Он провел сравнительный анализ материалов памятников Сибири и Монголии, разработал методику реставрации коптских тканей из коллекций Эрмитажа. Успешно продолжались работы и по большинству других направлений (см.: Тихонов, 1931б; 1934).

Следует особо отметить исследования ИИТ в области древней металлургии, размаху которых способствовали начавшиеся в 1932–1933 гг. широкие полевые работы на новостройках. Как с удовлетворением констатировал И. И. Мещанинов в своем предисловии к двухтомнику «Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг.», ГАИМК и, в частности, Институту исторической технологии в этот период удалось наладить рабочие связи с такими «гигантами», как Гипрогор, Гидроэлектропроект, Главзолото, Союзолово, Союзредметгеоразведка и т. д. На их средства была начата разработка целого ряда тем, связанных с четвертичной стратиграфией, древней ирригацией, древними металлическими сплавами и пр. (Мещанинов, 1934. С. 9). Уже в 1935 г. из печати вышли подробные сводки всех имевшихся на тот момент материалов по истории добычи и технологий обработки олова на Кавказе (Иессен, 1935. С. 193–205)

⁷ Центральной фигурой в нем сделали недавнего заведующего разрядом металлов ИАТ Ивана Андреевича (Иоганнеса Леопольда) Гальнбека (1855–1934), который был этническим немцем, уроженцем Эстляндии. Во всяком случае, в одной из автобиографий М. В. Фармаковский упоминает, что был репрессирован «по делу Гальнбека». В результате

он три года проработал научным сотрудником Ярославского краеведческого музея (Ф. 35, оп. 5, д. 329, л. 9 об.).

и на севере Европейской части СССР (*Шмидт, Иессен, 1935. С. 205–215*). Параллельно в ИИТ производилось историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала (*Данилевский, 1935*). Автором его стал тогдашний заведующий кафедрой исторической технологии ИИТ *Виктор Васильевич Данилевский (1898–1960)* — специалист по тепло- и электротехнике, будущий профессор истории техники, лауреат Сталинских премий 1942 и 1948 гг.

В ходе этих работ не только был проанализирован мировой опыт изучения древних сплавов, накопившийся к тому времени, но и произведено новое, совершенно оригинальное их исследование, начавшееся с выработки методики манипулирования пробами минимального веса. Последнее явилось новым словом в технологических исследованиях, ибо промышленные анализы металлов требовали образцов, значительных по весу. То же самое наблюдалось в случаях, когда технологи обращались к изучению археологических находок. Так, на отчетной выставке к февральскому пленуму ГАИМК 1934 г. демонстрировался бронзовый топор, с которого до революции для исследования металла была взята навеска 160 г (*Там же. С. 217*).

В результате в 1930-х гг. в ИИТ были осуществлены спектральный и микрохимический анализ изделий из цветных металлов из целого ряда регионов Юга и Севера СССР. Впервые удалось определить качественный состав древних бронз для разных территорий и периодов, а также предположительно выделить группы металлических изделий единого происхождения. Попутно был разработан «минимальный микрохимический набор для полевой работы», предназначенный для того, чтобы археолог уже в полевых условиях был способен установить, не являются ли, к примеру, обнаруженные шлаки остатками древних бронзолитейных мастерских и т. д. Одновременно началась разработка новых методик, позволяющих перейти к детальному количественному анализу состава металлов — даже при минимальных размерах проб. Намечались опыты по рентгеноанализу древних бронз и золота, а также металлографические исследования (*Там же. С. 217–252*).

К сожалению, с 1934 г. от дел ИИТ постепенно стал отходить один из ведущих его специалистов Н. П. Тихонов. За минувшие четыре года он пережил «стремительный карьерный взлет, пройдя путь от сотрудника до директора Института исторической технологии и члена президиума ГАИМК» (*Тихонов, Захарова, 2011. С. 10*). Он добился впечатляющих результатов в об-

ласти консервации и реставрации бумажных объектов и методики фотоанализа. Им были разработаны руководства: «Микрофотография археологических объектов», «Фотография как метод размножения и сохранности документов», «Книга и уход за нею» (*Там же*). Однако можно предположить, что отношения с вернувшимся из ссылки М. В. Фармаковским сложились у него не блестяще.

С 1934 г. Н. П. Тихонов с головой уходит в большую работу, связанную с оздоровлением книжных фондов ГПБ (ныне РНБ). На это правительством были отпущены значительные средства. И Тихонов оставляет пост директора ИИТ, сохранив за собой (до 1935 г.) заведование кафедрой реставрации и консервации. На базе наработок, сделанных в период работы в ИАТ/ИИТ, им создается особая лаборатория консервации и реставрации документов — ЛКРД (*Эрастов и др., 1998*). 22 мая 1934 г. эта новая научная единица утверждается официально, но уже не в составе ГАИМК, а в составе Отделения общественных наук АН СССР. Указанная лаборатория с 1987 г. стала структурным подразделением ЛО Архива РАН (ныне — ЛКРД СПФ АРАН). Как видим, истоки ее уходят в ГАИМК.

Подводя итог, можно заключить: работы ИАТ/ИИТ 1919–1937 гг. во многом предвосхитили те разработки естественно-научных методов в археологии, которые широко развернулись в СССР четверть века спустя. Но если в 1950–1960-х гг. советским ученым пришлось в значительной степени опираться на зарубежный опыт, то работы, производившиеся в ГАИМК, порою вообще не имели аналогий в мировой научной практике своего времени. Пожалуй, лишь катастрофа 1936 г., обернувшаяся массовыми арестами ГАИМКовского руководства и обвинениями его в шпионаже и вредительстве, окончательно подорвала позиции ИИТ как главного центра исследований в области археологической технологии.

К сожалению, Академии «повезло» стать главной площадкой дискуссий представителей традиционной исторической науки и «красных профессоров». За поспешными попытками последних вывести социологические закономерности развития древних обществ до анализа конкретных источников и фактически без такого анализа постепенно терялась сама идея ГАИМК как многопрофильного учреждения нового типа, центра комплексных исследований археологических материалов. Тем не менее за идеологическим «фасадом» Академии неуклонно продолжалась кропотливая, высокопрофессиональная работа археологов, в частности углубленные технологические исследования. Но неустойчивость положения ГАИМК

в середине 1930-х гг., систематические аресты ее руководства (сначала среднего звена, а затем и верхнего) все больше приводили к тому, что ведущие специалисты ИИТ стали «оседать» в других учреждениях. Их недавние соавторы — ученые-естественники — также вели исследования в своих профильных институтах и все меньше сотрудничали с археологами.

М. В. Фармаковский держался до последнего, отстаивая исходные позиции — создание центральной площадки для междисциплинарных исследований в области истории культуры. Однако в 1936–1938 гг. сама эта идея на время как-то завяла и отошла на второй план. Наибольшую актуальность приобрело другое — спасение археологии как таковой, утверждение права работать с вещественными источниками, классифицировать их, не рискуя при этом заработать ярлык «буржуазного формалиста».

В конце 1937 г. ГАИМК была преобразована в ИИМК АН СССР. Сопровождалось это ее изгнанием из Мраморного дворца, превращенного в Музей В. И. Ленина, и переездом в новое, тесное и неудобное помещение. Там оказалось попросту негде развернуть Лабораторию археологической технологии. В мае 1938 г. М. В. Фармаковский, наконец, подает заявление об уходе из ИИМК и всю свою работу переносит в Русский музей.

С его уходом вопрос о развертывании ЛАТ уже не поднимался до самого конца войны. Он всплыл заново в 1944 г. — уже в новом историческом контексте (Ф. 312, д. 195; Платонова, 1991. С. 70–72). Прежние работы ИАТ/ИИТ не были забыты; потеря его для ленинградской археологии оказалась весьма ощутима. Но на практике для того, чтобы возродить лабораторию и возобновить технологические исследования в составе ЛОИА АН СССР, потребовалось целое десятилетие.

Литература

Воскресенский, Кононов, 1932 — Воскресенский А. А., Кононов В. Н. Химико-технологический анализ большого ковра № 14568 // Изв. ГАИМК. Т. XI. Вып. 7–9. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. Л., 1932.

Гаммерман, 1931 — Гаммерман А. Ф. Угли из Кара-Абызского городища // СГАИМК. 1931. Вып. 6.

Данилевский, 1935 — Данилевский В. В. Историко-технологические исследования древних бронзовых изделий с Кавказа и Северного Урала // Изв. ГАИМК, вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 1. М.; Л., 1935.

Ермакова, 2005 — Ермакова Н. В. Реставрация шитья и тканей в московских музеях: становление и развитие: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.

Иессен, 1935 — Иессен А. А. Олово Кавказа // Изв. ГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 2. М.; Л., 1935.

Клер, 1926 — Клер В. О. Шлифы костей, древесного угля и древесины // Материалы по методологии археологической технологии, издаваемые Институтом Археологической Технологии Гос. Акад. Истории Материал. Культуры. Л., 1926. Вып. 7.

Мещанинов, 1935 — Мещанинов И. И. Предисловие // Изв. ГАИМК, вып. 109. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Т. 1. М.; Л., 1935.

Платонова, 1991 — Платонова Н. И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 1.

Платонова, 2015 — Платонова Н. И. Археология и власть в России/СССР 1920-х годов: выработка новой научной идеологии // Верхнедонской археологический сборник / отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк, 2015. Вып. 7.

Полосьмак, 2012 — Полосьмак Н. В. Система жизнеобеспечения кочевников Центральной Азии (империя хун-ну) и ее влияние на Китай эпохи Хань // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования / ред., сост. Е. Н. Черных. М., 2012.

Поповицкий, 1922 — Поповицкий А. А. О некоторых свойствах фотографии, важных для археологических исследований // Известия Института археологической технологии. Л., 1922. Вып. 1.

Тихий, 1926 — Тихий М. И. Предисловие // В. О. Клер. Шлифы костей, древесного угля и древесины. Материалы по методологии археологической технологии, издаваемые Институтом Археологической Технологии Гос. Акад. Истории Материал. Культуры. Л., 1926. Вып. 7.

Тихонов, 1931а — Тихонов Н. П. Обработка древних тканей фотоаналитическим путём // СГАИМК. 1931. 1.

Тихонов, 1931б — Тихонов Н. П. Итоги и перспективы исторической технологии // СГАИМК. 1931. 11/12.

Тихонов, 1934 — Тихонов Н. П. Реставрация и консервация тканей // ПИДО. 1934. Т. 4.

Тихонов, Захарова, 2011 — Тихонов П. А., Захарова А. А. Семья Тихоновых (1870-е–1980-е гг.) и ее роль в истории отечественной фотографии // Фотография. Изображение. Документ / отв. ред. Д. О. Цыпкин. СПб., 2011. Вып. 2 (2).

Фармаковский, 1922 — Фармаковский М. В. Институт археологической технологии // Известия Института археологической технологии. Л., 1922. Вып. 1.

- Фармаковский, 1932 — *Фармаковский М. В.* Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула // Изв. ГАИМК. 1932. Т. XI, вып. 7–9.
- Фармаковский, 1947 — *Фармаковский М. В.* Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947.
- Фармаковский, 1995 — *Фармаковский М. В.* Черная карбонизованная керамика // Антология советской археологии. М., 1995. Т. II. 1930-е годы⁸.
- Фармаковский, Красников, 1926 — *Фармаковский М. В., Красников И. П.* Керамика, ее техника и сохранение // Материалы по методологии археологической технологии, издаваемые Институтом Археологической Технологии Гос. Акад. Истории Материал. Культуры. Л., 1926. Вып. 6.
- Ферсман, 1922 — *Ферсман А. Е.* Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры // Известия Института археологической технологии. Л., 1922. Вып. 1.
- Ферсман, Фармаковский, 1924 — *Ферсман А. Е., Фармаковский М. В.* Три года работы института. Известия Института Археологической Технологии. Л., 1924. Вып. II.
- Цыпкин, 2009 — *Цыпкин Д. О.* Формирование историко-документной экспертизы в России: 1898-1963 гг. Концепции, учреждения, ученые: дисс. ... канд. ист. наук. 04200955689. СПб., 2009. 237 с. Электронный ресурс: <http://cheloveknauka.com/formirovanie-istoriko-dokumentnoy-eksper-tizu-v-rossii-1898-1963-gg#ixzz3ncHugbZT>.
- Шмидт, Иессен, 1935 — *Шмидт А. В., Иессен А. А.* Олово на севере Европейской части СССР // Изв. ГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. М.; Л., 1935. Т. 2.
- Эрастов и др., 1998 — *Эрастов Д. П., Тихонов П. А., Чернина Е. С.* Николай Петрович Тихонов — основатель Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук // Теория и практика сохранения памятников культуры / ред. Э. Г. Вершинина, Е. С. Чернина. СПб., 1998.

⁸ В этом издании допущена грубейшая редакторская ошибка. Работа приписана старшему брату Мстислава Владимировича Б. В. Фармаковскому, в 1930-х годах уже покойному. К сожалению, «исправления» имени и инициалов автора проведены систематически — и в заглавии, и в колонтитулах, и в предисловии. Даже написанная мною биографическая справка (с. 227–228) озаглавлена: «Борис Владимирович Фармаковский», хотя приведенные в ней даты жизни ученого (1873–1946) и факты биографии совершенно тому не соответствуют.

Н. И. Платонова

Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)

В статье впервые с разных сторон анализируется работа Института археологической технологии РАИМК/ГАИМК, характеризуются все основные направления

научно-реставрационных исследований, а также описываются перипетии, связанные со сменой руководства Института в 1920–1930-е годы.

N. I. Platonova

Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)

This article first considers the main aspects of the activities of the Institute of Archaeological Technology at RAIMK/GAIMK. The main aspects of the scientific restoration are

here characterized and the circumstances related to the change of the leadership at the Institute in the 1920–1930s are described.

О. М. Мельникова¹

Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)²

Ключевые слова: Северо-Восточный археологический и этнографический институт, Казань, региональная археология, этнография, история, археологическое образование, профессиональная археологическая наука, повседневность.

Keywords: North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute, Kazan, regional archaeology, ethnography, history, archaeological education, professional archaeological science, everyday life.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-294-299

История российской археологии постоянно приращивает новыми предметными областями, открывающими новые возможности изучения опыта творческой и профессиональной деятельности сообщества археологов. Во многом это связано с тем, что каждое поколение археологов ставит перед прошлым вопросы, «которые неизбежно отражают интересы, проблемы и тревоги этого поколения» (Репина, 2011. С. 31). В условиях постоянного реформирования российской науки и образования актуальным является изучение «событий и фигур памяти», которые, с одной стороны, «способствуют пониманию специфики изменений, происходящих на том или ином этапе развития социокультурного ландшафта исторической науки» (Корзун, 2011. С. 295), с другой — позволяют осмыслить современные трансформации в науке.

Одной из таких «фигур памяти» в истории российской археологии является на долгие годы незаслуженно забытый Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАИЭИ), учрежденный в Казани в 4 октября 1917 г. по инициативе профессора по кафедре истории русского права Казанского университета С. П. Покровского для подготовки историков, археологов, этнографов. Институт был ликвидирован в июле 1921 г. по постановлению СНК ТАССР от 15 декабря 1920 г.

Просуществовав немногим более трех лет, СВАИЭИ стал важным опытом самоорганизации научного сообщества в деле создания профессиональных основ археологических, этнографических, археографических, исторических исследований не только в ТАССР, но и в финно-угорских регионах Прикамья и Поволжья. Его история до недавнего времени в этом контексте практически не исследовалась. В момент создания СВАИЭИ появились статьи одного из организаторов института М. В. Бречкевича, посвященные краткой характеристике его деятельности (Бречкевич, 1919. С. 81–87; 1920. С. 1–6). Имеются упоминания о функционировании института в системе научных организаций Прикамья (Оконникова, 2002. С. 96). Специально исследовалась деятельность этнографического отделения СВАИЭИ (Леонтьева, 1978. С. 63–62).

В 2015 г. изучение деятельности СВАИЭИ в деле подготовки профессиональных археологов было начато московскими исследователями С. В. Кузьминых и А. С. Смирновым (Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 214–240). Изучена роль СВАИЭИ в изучении истории, археологии и этнографии финно-угорских народов Прикамья и Поволжья и подготовки для них научных кадров (Мельникова, 2015. С. 88–98; Мельникова, Романова, 2015. С. 144–151).

Дальнейшие архивные изыскания в фондах НАРТ (Ф. Р-1339. Северо-Восточный археологический и этнографический институт, 265 ед. хр.) и ОРПК НБ КФУ (д. 2488. Северо-Восточный археологический институт (разные бумаги)); д. 6451. Северо-Восточный археологический и этнографический институт (финансовые документы за 1921 г.)) позволяют дополнить новыми фактами уже проведенные изыскания и внести уточнения в историю работы археологического отделения СВАИЭИ.

¹ 426004, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1. Удмуртский государственный университет. Кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии. Адрес электронной почты: superlvovich2012@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 14-18-03573 «"Поля несуществующего": неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

Исходной предпосылкой современной истории науки является «осознание непрерывной связи между историей самих идей и концепций, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности — с другой» (Репина, 2011. С. 24–25). Это важно и для истории археологии.

СВАИЭИ возник и начал работать в один из самых драматичных периодов российской истории. Задуманный еще в 1916 г., в период Первой мировой войны, институт смог устоять в годы революционных событий и Гражданской войны, но на излете бурных потрясений прекратил свое существование: в 1920 г. СВАИЭИ был преобразован в Восточную академию, позднее вошедшую в состав Восточного педагогического института. Постоянная борьба за существование САИЭИ на фоне сложной общественно-политической ситуации в стране отвлекала его сотрудников от созидательной деятельности (Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 229).

Тем не менее весьма интересен опыт организации учебного процесса в этой новой для региона институции. Первоначально предполагалось, что институт будет по аналогии с Московским и Петербургским носить название археологического института. В протоколе заседания совета института от 26 сентября 1917 г. указывалось: «Открытие Северо-Восточного Археологического положено 4 октября, однако приём слушателей решено продолжить до 15 октября. В день открытия Института его учредитель С. П. Покровский будет произносить речь. Кроме того постановлено просить П. А. Пономарева (известного казанского археолога. — О. М.) о составлении и произнесении им соответствующей речи на торжествах открытия Института» (ОРРК НБ КФУ, ф. 2488, л. 97). В этом решении однозначно проявилась тенденция к тому, чтобы институт ориентировался на модель Московского археологического института, с руководителями которого непосредственно общался учредитель СВАИЭИ (Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 217–218).

Многонациональный состав региона потребовал внести в название института термин «этнографический», что соответствовало не только актуальной научной проблематике, исходившей из многонационального состава региона, но также было поддержано объективными процессами национального строительства, начавшегося в крае в первые советские годы. Не случайно еще в ходатайстве Казанской земской управы об открытии в СВАИЭИ указывалось: «Местный край издавна населен несколькими национальностями, которые, вступив в прочные, неразрывные соседские отношения, сообща работают над поднятием произво-

дительных сил страны, над своим собственным образованием. Однако для местных культурных работников знание условий местного края является, безусловно, необходимым. Где бы в крае ни работал культурный деятель, знание местной культурной, исторической и национально культурной среды является, безусловно, необходимым — оно могло бы уберечь от многих невольных ошибок. Изучение края со всеми его историческими, культурными, этнографическими особенностями доселе было в зачаточном состоянии. Для науки открыто теперь богатое поприще, и среди местных уроженцев есть немало таких, которые хотят всесторонне изучать родной край, богатую поэзию и искусство, изучать его прошлое. Много культурных сокровищ, письменных свидетельств, многочисленных и разнообразных памятников вещественных (происхождения мусульманского, русского, чувашского, марийского и т. д.) погибает, песни и мотивы забываются. Чтобы этого более не случилось, необходимы сведущие, образованные исследователи и собиратели. Каждая местная национальность нуждается в таких работниках, которые происходили бы из ее среды. Но такие работники должны знать и культуру соседних национальностей, ибо это знание предохраняет от односторонних увлечений и располагает к трезвой практической деятельности. Наука не может быть замкнута в каких-либо территориальных пределах, она должна их свободно переходить, сравнивать и давать плодотворные результаты» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 8, л. 2, 2 об.).

Эти социальные задачи определили цель деятельности СВАИЭИ: «археологические исследования Северо-Востока России и Сибири путем подготовки специалистов, способных разбираться в местных древностях, этнографии и архивах и объединения в своем составе всех содействующих изучению древностей Северо-Востока России. Т. о. задача института — дать высшее образование студенчеству на основе изучения родного края, его прошлого и настоящего, национальные особенности и отношения» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 4, л. 1).

В Институте имелось четыре отделения: археографическое, археологическое, этнографическое и восточное. Последнее открыто 26 мая 1919 г. Сроки обучения в СВАИЭИ были разными для разных отделений. На археологическом и археографическом отделениях срок обучения предполагался три года, на этнографическом — четыре. Обучение в СВАИЭИ было платным. В правилах оплаты указывалось, что плата за семестр равна 40 рублям. Ее могли вносить не только сами обучающиеся, но и организации и учреждения. Так, губернская земская управа сообщала в СВАИЭИ о том, что в 1918 г. ею будет внесена плата за слушание лек-

ций в первом полугодии за слушателя Н. И. Савельевич (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 4, л. 1).

Набор студентов осуществлялся на основе личного заявления на имя ректора. Оно писалось в произвольной форме и нередко носило формальный характер. Так, Паулина Гельман писала в сентябре 1919 г.: «Прошу принять меня в качестве слушательницы вверенных Вам курсов. Право выбора отделения прошу разрешить мне по поступлении. Аттестат об окончании гимназии и метрическое свидетельство находятся на курсах Лохвицкой-Скалоп в Петрограде. Копии об окончании гимназии 8 классов Митавской женской гимназии предъявлены сейчас по получении ее из московского продовольственного отдела. Прилагаю при сем две фотографии-карточки и копию вида на жительство, выданного Казанским Управлением милиции за № 19138. Копия свидетельства на жительство (право на свободное проживание во всех городах и селения Федеративной Республики впредь до получения нового письменного вида на жительство). Казань, 19 сентября 1919 г.» (НАРТ, ф. 1339, д. 2, л. 1, 2).

Встречаются и неформальные тексты: «Заявление на имя ректора Академии Восточных наук учительницы Котегуртского училища Н. Е. Поздеевой. Прошение. Имея страстное желание продолжить свое образование, прошу зачислить в числе студентов вверенной вам академии. 12 июня 1921 года. Нина Поздеева» (НАРТ, ф. 1339, д. 31, л. 16). Брат известного археолога М. Г. Худякова (одновременно, кстати, и преподававшего и обучавшегося в СВАИЭИ) Иван писал: «Желая продолжить свое образование, имею честь просить Вас зачислить в число студентов 1 курса археологического отделения вверенного вам института. При сем прилагаю выписку из личной карточки, засвидетельствованную начальником Малмыжской уездной милиции 31 июля 1921 года. Год моего рождения 1902 г., по мобилизации не призван. Лаборант Малмыжского музея местного края Иван Худяков. Казань июня 1921 года» (НАРТ, ф. 1339, д. 31, л. 31).

Проблема образовательного ценза для будущих студентов была одной из обсуждаемых тем на заседаниях совета института. Так, 7 октября 1917 г. на заседании совета СВАИЭ М. В. Бречкевич настаивал на том, чтобы к вопросу о приеме в институт относиться с особенной осторожностью: «Если Совет Института намеревается возбудить ходатайство о предоставлении прав оканчивающих Институт, то, несомненно, будет играть очень важную роль то обстоятельство, с каким цензом принимать слушателей. И если это ценз средних учебных заведений, то, значит, принимая в институт не-

которых лиц из учительских семинарий и других учебных заведений (без права средних учебных заведений), мы слушателям ставим препятствия в делах исходатайствования прав при окончании института» (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 41).

Базовое образование студентов было разным: нижегородская гимназия, гимназия для взрослых Союза мелких народностей, реальное училище, факультет восточных языков и юридический факультет Казанского университета, казанские миссионерские курсы, филологический факультет Армянского института в Москве, казанские женские курсы, духовные семинарии и академии, учительская школа, медресе, чувашско-симбирская учительская школа, родионовский институт в Казани, политехнический институт, фельдшерская школа. Среди них были представители различных национальностей, мужчины и женщины и даже иностранные подданные (например, Лука Филиппович — австрийский подданный — предоставил удостоверение от Австро-Венгерской миссии для пленных о том, что как гражданский пленный находится под покровительством и защитой Австро-Венгерской миссии) (НАРТ, ф. 1339, л. 25, л. 12).

В численном отношении количество студентов на археологическом отделении в 1917–1918 учебном году составляло на 1 курсе: 13 мужчин и 3 женщины; 2 курсе — 4 мужчин, 6 женщин; на 3 курсе — 12 мужчин и 6 женщин (НАРТ, ф. 1339, д. 8, л. 4). В 1920 г. археологическое отделение окончило 15 человек, при этом была возможность обучаться одновременно на нескольких отделениях (НАРТ, ф. 1339, д. 8, л. 11).

Студенты имели определенные права по управлению СВАИЭИ — в совете института были представители от студенчества.

Учебный план археологического отделения был весьма насыщенным. Так, на 1918–1919 учебный год он включал следующие дисциплины: история древнего периода, история русского языка, антропология, география, введение в общее языкознание, юридические древности, русская история, история политических учений, история русского искусства, первобытная археология, общая этнография, русская палеография, история древнерусской культуры, мусульмановедение, арабский язык, финские (или турецкие) народы, история Поволжья, введение в финно-угорское языкознание, геология, введение в тюрко-татарское языкознание, история международных отношений, христианская археология, греко-римская археология, тюрко-монгольские древности, финно-угорские древности, славянские древности, палеография Востока, история

искусства, история русской церкви, история просвещения России, историческая география, мусульманское искусство, нумизматика, сфрагистика, хронология, метрология (НАРТ, ф. 1339, д. 8, л. 4).

Преподавание археологических дисциплин строилось с расчетом на участие в образовательном процессе В. А. Городцова, которое в силу разных обстоятельств не было осуществлено. Попытки привлечь к обучению археологии П. П. Ефименко и А. М. Тальгрена также не увенчались успехом (*Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 220*), поэтому обучение археологии велось силами казанских исследователей Н. Ф. Высоцкого, П. А. Пономарева и М. Г. Худякова (Там же. С. 220–225).

Оплата труда профессоров и преподавателей зависела от категории, к которой были отнесены все преподававшие в институте: профессора получали 2400 рублей при условии 6 часов лекций в неделю (ОРРК НБ КФУ, ф. 2488, л. 146). Преподаватели набирались в институт по конкурсу: так, летом 1919 г. Советом СВАИЭИ был объявлен Всероссийский конкурс на вакантную профессуру по первобытной археологии. Претенденты должны были подать заявления об участии в конкурсе, ученые труды, сведения о научной деятельности и рекомендации специалистов на имя совета института до 15 августа 1919 г. (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 1, л. 1).

В археологическом направлении важно указать два обстоятельства в подготовке кадров: с одной стороны, учитывались потребности в изучении археологии многонационального региона, с другой — его руководители понимали, что она не может развиваться без знания западноевропейской науки. «Именно эта последняя служит критерием местных изучений. Не могут, например, местная археология, хронология, география, этнография, древности, языковедение быть изучаемы без знакомства с первобытной археологией, западноевропейской хронологией, общим землеведением, общей этнографией, славянской этнографией и древностями. План наук в виду особой связи наук археологических и этнографических, что особенно обнаруживается при изучении местного края (археолог должен быть знаком и с этнографией и с востоковедением, этнографу невозможно работать без востоковедения и т. д.) — построен таким образом, что одни курсы являются общими для двух-трех» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 8, л. 5).

На учебный процесс наложили отпечаток бурные события эпохи, в которой суждено было функционировать СВАИЭИ, хотя знакомство с протоколами заседаний совета института показывает, что их участники

удивительным образом обходят эту тематику. Лишь изредка вскользь проявляет себя историческая эпоха. В сентябре 1918 г. исполнявший обязанности директора М. В. Бречкевич докладывал на совете: «Выяснилось, что мебели для оборудования Северо-Восточного Института явно недостаточно и очень трудно будет начинать занятия в институте, ибо купить стулья и другую мебель при СТРАШНОЙ дороговизне ее в настоящее время недоступно институту, в виду того, что ассигнования второй половины субсидии от правительства в 25 тыс. институт ещё не получил» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 25, л. 80).

В том же 1918 г. обсуждался вопрос о времени проведения занятий. М. В. Бречкевич указывал, что ввиду осадного положения, запрещающего выход на улицу после 9 часов вечера, необходимо переместить часть лекций на утро. Кравченко заявлял, что некоторые преподаватели будут по утрам перегружены занятиями в университете и других учреждениях, а поэтому нельзя менять их на утренние. Многие служат и учатся весь день до 3 часов, не могут являться на лекции раньше 3 часов. В итоге было принято решение проводить занятия с 4 до 8 часов вечера (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 81, 81 об.). В октябре 1919 г. по распоряжению директора лекции были сокращены до 40 минут (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 16, л. 9).

По ходатайству слушателей института пересматривался вопрос о минимуме экзаменов для перехода на 2 курс ввиду трудностей и отсутствия учебников: «Удовлетворить ходатайство слушателей и установить 1 предмет из 4 указанных. Постановление считать исключительным только для настоящего учебного года и не распространяется на последующие годы» (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 56).

Деятельность института пришлось на трудные годы революций и Гражданской войны. Это отразилось и на повседневной жизни его студентов и преподавателей. Так, в документах за 1920 г. много справок о том, что студенты не могут учиться, так как находятся в госпитале на излечении от сыпного тифа (НАРТ, ф. 1339, оп. 2л, д. 27, л. 25). Сохранилось заявление профессора А. М. Миронова: «Не имея возможности по недостатку средств купить себе по рыночным спекулятивным ценам верхний костюм (тройку) или материалы для него, чтобы заменить старый, уже непригодный для ношения мой костюм, прошу внеплановую комиссию о выдаче мне ордера на покупку по твердым ценам материалов для пошивки мне теплого костюма-тройки крайне необходимого мне для ежедневных служебных занятий в университете и в Северо-Восточном археологическом институте» (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 151).

В трудные годы революций и Гражданской войны деятельность СВАИЭИ, с одной стороны, демонстрировала стремление к новым позитивным изменениям в расширении предметного поля вузовской археологической науки, с другой — стала для его активных деятелей своеобразным средством от социальных травм, нанесенных эпохой.

Литература и источники

- Бречкевич, 1919* — Бречкевич М. В. Северо-Восточный археологический и этнографический институт // Известия Общества археологии, истории, этнографии. Казань, 1919. Т. 30. Вып. 1.
- Бречкевич, 1920* — Бречкевич М. В. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в городе Казани. Казань, 1920. Т. I.
- Корзун, 2011* — Корзун В. П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XIX веков. Челябинск, 2011.
- Кузьминых, Смирнов, 2015* — Кузьминых С. В., Смирнов А. С. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // ПА. 2015. № 1.
- Леонтьева, 1978* — Леонтьева А. П. К истокам высшего специального образования // СЭ. 1978. № 2.
- Мельникова, 2015* — Мельникова О. М. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: опыт подготовки научных кадров для региональной археологической науки (1917–1921 гг.) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2015. Вып. 7.
- Мельникова, Романова, 2015* — Мельникова О. М., Романова Е. Н. Финно-угорские темы в деятельности Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани (1917–1921 гг.) // Вестник Пермского национального исследовательского университета. Пермь, 2015. Серия «История». Вып. 4 (31).
- НАРТ. Ф. Р-1339. Северо-Восточный археологический и этнографический институт.
- Оконникова, 2002* — Оконникова Т. И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. — конец 40-х гг. XX в.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2002. Т. 5.
- ОРРК НБ КФУ. Д. 2488. Северо-Восточный археологический институт (разные бумаги); Д. 6451. Северо-Восточный археологический и этнографический институт.
- Репина, 2011* — Репина Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XIX веков. Челябинск, 2011.

О. М. Мельникова

Северо-Восточный Археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)

В статье анализируются документы по истории Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани (1917–1921 гг.) из фондов Национального архива Республики Татарстан и Отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского (Приволжского) Федерального университета. Рассматривается организация археологического образования, его особенности по сравнению с другими археологическими институтами страны. Показано, что открытие Северо-Восточного археологического и этнографического института было связано с необходимостью подготовки кадров археологов, этнографов, археографов для изучения многонационального региона Поволжья и Прикамья. Поэтому программы археологической подготовки студентов носили широ-

кий междисциплинарный характер, включая как собственно археологические, так и исторические, филологические, этнографические дисциплины. В условиях революционных лет и Гражданской войны люди различных образовательных, социальных статусов выражали желание получить археологическое образование. Для одних это была значимая потребность личного участия в изучении истории народов Прикамья и Поволжья, для других — стало своеобразной защитой от социальных травм, полученных в ходе преобразований общества. Социальные трансформации отразились в повседневном быте студентов и преподавателей, на организации учебной деятельности, которая не прекращалась вплоть до самого закрытия института.

O. M. Mel'nikova

North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)

This paper analyses documents concerned with the history of the North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in the city of Kazan (1917–1921). These documents belong to the collections of the National Archives of the Republic of Tatarstan and the Department of Manuscripts and Rare Books of the Kazan (Volga) Federal University. The organization of archaeological education and its peculiarities as compared with other national archaeological institutions are considered. It is demonstrated that the establishment of the North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute was called forth by the necessity of training of the personnel of archaeologists, ethnographers and archaeographers for studies of the multinational Volga and Kama region. Therefore the programmes of archae-

ological training of students were of a broad interdisciplinary character including the archaeological disciplines proper and historical, philological and ethnographical ones. In the conditions of the revolutionary years and civil war, persons of different educational and social classes desired to receive an archaeological education. For some it was an essential need for a personal participation in studies of the history of peoples of the Kama and Volga region, for others it became a peculiar protection against the social traumas suffered during the transformations of the society. The social transformations were reflected in the everyday life of the students and teachers and in the organisation of the educational activities which were not interrupted until the very closing of the institute.

В. С. Соболев¹

«Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.

Ключевые слова: история науки, Академия наук, деятельность академических учреждений, Кунсткамера, история музейного дела.

Keywords: history of science, Academy of Sciences, activities of Academy institutions, Kunstkammer, history of museology.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-300-302

Историкам науки известно сочинение Ивана Григорьевича Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской Академии наук». В «Опыте» содержались, в частности, интересные сведения об истории создания Кунсткамеры, о составе и содержании ее фондов и др. В 1778 г. эта книга, напечатанная к тому времени еще только на французском языке, была удостоена золотой медали Санкт-Петербургской Академии наук. В 1779 г. это сочинение было опубликовано и на русском языке в переводе Василия Костыгова.

В то время Библиотека и Кунсткамера составляли одно структурное подразделение — учреждение Академии наук, а непосредственное руководство им было возложено на библиотекаря и его заместителя — унтер-библиотекаря Академии наук. Кроме того, согласно действовавшего тогда Регламента Академии 1747 г., в штат этого учреждения еще входили один «помощник при Библиотеке» и один «помощник при Кунсткамере» (Уставы..., 2009. С. 77).

Недавно в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН нам удалось выявить интересный архивный рукописный источник, отложившийся в фондах в результате деятельности И. Г. Бакмейстера именно в должности унтер-библиотекаря. Этот документ имеет следующий свой «родной» заголовок: «Тетрадь данная из Комиссии Академии наук унтер-библиотекарю Бакмейстеру на записку в приход и расход, выданных ему на мелкие расходы при Библиотеке и Кунсткамере денег. 1776 года» (СПФ АРАН, Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 1–10)².

Тетрадь представляет собой 10 листов бумаги, сшитых нитками. Размер каждого листа 33 × 21,1 см. Все листы полностью записаны с обеих сторон разными почерками, характерной для второй половины XVIII в. канцелярской скорописи. Все записи расположены по годам, в хронологической последовательности с 1776 по 1783 гг. Только некоторые записи имеют точную датировку, но во всех записях вкратце отражена суть произведенных затрат и указаны их размеры. Сумма, выдаваемая на «мелочные расходы», была невелика и составляла, в среднем, 50 рублей в год. Всего же за 8 лет было «отпущено» 380 рублей (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 1 об.).

Все расходы, произведенные за 8 лет на нужды Кунсткамеры, можно отнести к двум основным разделам: деньги, потраченные на содержание «Музея истории натуральной», и суммы, истраченные на содержание «Кабинета редкостей» (вместе с «Минцкабинетом»). В свою очередь, все записи, касающиеся «Музея истории натуральной», условно разделяются на три группы: о приобретении и изготовлении новых экспонатов; о закупках различных материалов, необходимых для обеспечения сохранности экспонатов; об улучшении условий хранения музейных памятников.

Приведем некоторые примеры, характеризующие первую группу записей, сделанных в «Тетради Бакмейстера». Так, в 1777 г. по личному приказу директора Академии наук С. Г. Домашнева были приобретены «четыре рога барана» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 3 об.). В 1778 г. были куплены «два поросёнка Кабанных» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 5 об.). В 1779 г. за один рубль были куплены «усы от Кита-рыбы» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 8 об.) и т. д.

В музее достаточно активно велась работа и по изготовлению новых экспонатов. Так, в 1778 г. чучелщику Михаилу Карелину было заплачено 15 рублей «за зделание чучела оленя» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 5 об.). В 1782 г. этому же работнику были выданы 3 рубля «за зделание чучела Тигра» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 10). А в 1783 г. чучелщику Илье Никифорову было уплачено

¹ 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 5/2. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Сектор Истории Академии наук. Адрес электронной почты: vlad_history@mail.ru.

² Далее при архивных ссылках на материалы Санкт-Петербургского Филиала Архива РАН название архива не повторяется.

3 рубля «за зделание чучела Соболя с постументом» (Там же).

Наибольшее количество записей в «Тетради Бакмейстера» было о приобретении различных материалов, необходимых для обеспечения сохранности музейных предметов. Приведем полностью одну из подобных записей, сделанную в мае 1778 г. На наш взгляд, она неплохо отражает суть этого вопроса, так как в ней упоминаются «расходные» материалы, приобретавшиеся музеем регулярно (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 5 об.). Итак, было «выдано Комиссару Семёну Бухвостову на поупку разных вещей: пузырей говяжьих 130 — 1 р. 20 коп.; ниток Голландских 6 фунтов — 78 коп.; игл и булавок — 1р. 80 коп.; разных гвоздей — 60 коп.; порошков для окуривания птиц — 35 коп.; табаку — 13 коп.; писчей щетины — 12 коп.; закладок медных к дверям — 40 коп.; бумаги картузной — 60 коп.; макового масла для чищения картин — 12 коп.»

Прокомментируем некоторые позиции из данной записи: говяжьи пузыри и нитки шли на «на укупорку» стеклянных сосудов, в которых в спирту хранились экспонаты; курительные порошки и табак использовались в качестве антисептиков; иглы и булавки были необходимы для монтажа фрагментов экспозиции и т. д.

В «Тетради Бакмейстера» неоднократно упоминаются расходы, связанные с приобретением «простого вина» в бочках (т. е. водки). Из этого продукта уже в самой Кунсткамере классическим методом «перегонки» получали спирт, который в достаточно больших количествах шел на обеспечение сохранности экспонатов, помещенных в стеклянные емкости. В одной из записей, сделанных в 1779 г., говорится и о покупке «льда, для перегонки спирту» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 7). О масштабах заготовки спирта свидетельствует, в частности, то, что в 1779 г. было дополнительно приобретено «десять бутылей, в которые мерою входит спирту по одному ведру», и несколько других «бутылей по шесть кружек³» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 9 об.).

Следует сказать о том, что номенклатура и качество материалов, необходимых для обеспечения сохранности музейных памятников в XVIII в., практически не изменялись. В этой связи позволим себе привести одну выдержку из письма, с которым в декабре 1718 г. (т. е. за 60 лет до описываемых нами событий) обратился Л. Блюментрост к императору Петру I. В этом письме шла речь о «припасах», которые были необходимы Кунсткамере в течение года, при этом, в частности, указывалось следующее: «200 сажень дров для топки палат, 300 фунтов свеч сальных, 2000 пузырей

говяжьих для повязки склянок, 1000 вёдер вина простого, из которого будут дух винный осажать и употреблять на перемену натуралей, 20 фунтов корки на затычки, 20 фунтов ниток повязочных разных рук...» (Цит. по: Пекарский, 1860. С. 594–595).

Согласно записям музеем покупались и красящие вещества для оформления экспозиций. Так, в 1777 г. покупался «фермис для лакирования рам, змей и ящериц» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 3 об.); в 1778 г. была приобретена «краска зелёная», для обработки «пеньков, на которых поселены разные птицы Сибирские» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 6) и др.

К третьей группе можно отнести записи о расходах на улучшение условий хранения экспонатов. Это были, в частности, работы по совершенствованию самих экспозиций музея. Так, в 1777 г. были произведены затраты на реставрацию и окраску «150 постаментов для птиц» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 2 об.); заплачено «за делание 19 дощечек, на которых прикалываются ярлыки, с написанием имён к зверям» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 4 об.); было истрачено 10 рублей «на делание фонарей, в которых поставлены малиновые птицы» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 5); в 1779 г. за 5 рублей был сделан «ящик для Морского Кота» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 8 об.) и др.

В этом плане выполнялись и достаточно сложные, профессиональные работы по изготовлению муляжей, которые были призваны обогатить экспозиции. Так, в 1777 г. резчику Михаилу Карелину было заплачено 7 рублей «за делание двух чучел Морских Камчатских бобров из дерева с обшивкою» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 3).

Иногда в музее возникала, видимо, срочная необходимость оплаты ремонтных работ. Так, в 1777 г. была оплачена работа плотников «за делание дверей в бане, в которой сушатся птицы» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 2 об.).

Как уже указывалось выше, ко второму основному разделу содержания «Тетради Бакмейстера» можно отнести записи, касающиеся «Кабинета редкостей» (вместе с «Минцкабинетом»). Здесь, прежде всего, затраты были связаны с покупкой новых экспонатов. Так, приобретались нумизматические памятники для «Минцкабинета». В 1777 г. за 1 рубль была куплена «монета рубль государя Петра Великого 1725 года» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 3 об.); в 1778 г. «господину подпоручику Устинову за три монеты Петра Великого и одну монету Петра III было выдано 4 рубля» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 6); в 1779 г. «за две медали, одна золотая, а другая серебряная было заплачено 4 руб. 55 коп.» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 9) и т. д.

Здесь можно отметить одну любопытную деталь — монеты периода царствования императора Петра I приобретались для музея как безусловные памятники

³ В то время «ведро» равнялось 12,5 л жидкости; а в «кружку» ее входило 1,2 л.

истории. Однако платили за них по номиналу, то есть «рубль за рубль», следовательно, их нумизматическая ценность тогда музеем никак не компенсировалась.

Записи свидетельствуют о том, что иногда, видимо, возникала и срочная необходимость проведения реставрации музейных предметов, находившихся в фондах «Кабинета редкостей». Так, в 1778 г. часовщику Федору Шицу были даны деньги «за стекло к часам, которые сделаны на подобии яйца» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 6 об.); в этом же году Семену Бухвостову был заплачен 1 рубль за ремонт «шёлкового шнура к Коперниковой системе⁴» (Там же), в 1779 г. были выданы деньги «за починку Камзола Государя Петра Велико-го» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 9) и др.

В «Тетради Бакмейстера» встречаются также сведения и об улучшении условий хранения экспонатов в «Кабинете редкостей». Так, в 1779 г. столяру Соренсену было заплачено 3 рубля «за зделание фонаря из Орехова дерева над бальзамированной Монстрою» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 9 об.).

«Тетрадь» заканчивается довольно любопытной, на наш взгляд, заверительной записью, сделанной самим И. Г. Бакмейстером: «С 1776 года по сей 1783 год получил я от Академии всех денег на мелочные расходы 380 руб., но как в сём расходе показано 392 руб. 63 коп., то в числе оных находятся и собственные мои 12 руб. 63 коп., кои я по необходимости издержал. Бакмейстер» (Р. IV, оп. 1, д. 55, л. 10).

⁴ Здесь, видимо, речь шла о модели гелиоцентрической системы мира Н. Коперника.

В. С. Соболев

«Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится «Приходно-расходная тетрадь» унтер-библиотекаря Академии наук И. Г. Бакмейстера 1776–1783 гг. Данный рукописный документ в известной степени отражает повседневную деятельность первого музея

В заключение позволим себе высказать некоторые соображения источниковедческого характера. На наш взгляд, «Тетрадь Бакмейстера» является достаточно интересным источником по истории деятельности Кунсткамеры во второй половине XVIII в.:

- в настоящее время в распоряжении исследователей имеется довольно ограниченное количество источников, которые бы отражали повседневную деятельность академических учреждений в XVIII в.;
- в «Тетради Бакмейстера» действительно подчас приводятся сведения, которые можно считать незначительными и недостаточно яркими. Но здесь следует иметь в виду то важное обстоятельство, что именно из подобных событий и действий состояла и продолжает состоять повседневная жизнь и деятельность научных учреждений гуманитарного профиля.

Таким образом, данный источник можно считать достаточно объективным и информативным, подлинным отражением своего времени и своей принадлежности к истории Академии наук.

Литература и источники

Пекарский, 1860 — Пекарский П. П. Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 83. №. 10. Отд. 1.

СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 55.

Уставы..., 2009 — Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М., 2009.

России. Имеются достаточно веские основания считать «Тетрадь» И. Г. Бакмейстера объективным и информативным источником по истории первого академического музея, подлинным свидетельством своего времени.

V. S. Sobolev

'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstkammer. 1776–1783

The Saint-Petersburg branch of the Archives of RAS keeps a 'Receipt/housekeeping notebook' of the unter-librarian of the Academy of Sciences Johann G. Bacmeister of 1776–1783. This manuscript reflects to some extent the day-to-day

activities of the first museum in Russia. There are weighty grounds to consider the 'Notebook' of I. G. Bacmeister as an objective and informative source on the history of the first academic museum and a genuine evidence of its time.

В. А. Прищепова¹

Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.

Ключевые слова: музей, коллекции, ираноязычные кочевники, культура, быт, Туркмения, Средняя Азия, народы, Среднеазиатская этнологическая экспедиция.

Keywords: museum, collections, Iranian-speaking nomads, culture, life mode, Turkmenia, Central Asia, peoples, Central Asian Ethnological Expedition.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-303-312

В иллюстративном фонде Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ) хранятся исторические фотографии 1928–1929 гг. из жизни среднеазиатских ираноязычных кочевников Туркмении: *белуджей, джемшидов и хазарейцев*. Снимки коллекций документируют почти все области быта этих народов в рассматриваемые годы. С тех пор мировая политика и экономика во многом изменили их существование. Ретроспективный взгляд на формы жизни, которые с точки зрения современной модернизации кажутся примитивными, взгляд на кочевой быт как нормальный и повседневный способ существования, как это представлено в коллекциях МАЭ, поможет лучше понять противоречия общественного развития в Средней Азии. Как заявлял в своих работах классик Б. Малиновский, целью этнографа является понять мировоззрение местного жителя, его отношение к жизни, изучить его взгляды на мир, что и было сделано участниками экспедиции 1928–1929 гг., когда они исследовали и фиксировали на фотографиях кочевой быт.

Исторические фотоматериалы с документальной точностью передают различные сферы жизни белуджей, хазарейцев, джемшидов. Фотоколлекции МАЭ, собранные в 1928 и 1929 гг. сотрудниками МАЭ в Туркмении, в настоящее время почти неизвестны даже в кругу узких специалистов. Для того чтобы понять, какие фотоколлекции по иранским кочевникам Туркмении хранятся в МАЭ, необходимо было предварительно просмотреть около тысячи изображений и провести архивные исследования. Полевые материалы 1928–1929 гг. имеют исключительную научную ценность, т. к. они были собраны непосредственно после

переселения этих народов из Афганистана. Коллекции содержат большое количество предметов, в настоящее время редко встречающихся у них или вовсе исчезнувших из их быта.

В историю МАЭ 1920-е гг. вошли как время, когда здесь была создана новая — ленинградская практическая школа этнографов-иранистов во главе с Иваном Ивановичем Зарубиным. Для учеников-сотрудников И. И. Зарубина годы их совместной работы в Среднеазиатской этнологической экспедиции стали прекрасной выучкой.

Среднеазиатская этнологическая экспедиция Академии наук СССР 1926–1929 гг. была сформирована как комплексная этнолого-лингвистическая и антропологическая. И. И. Зарубин, лингвист, знаток в области этнографии и фольклора иранских народов, возглавлял работу этнологической части экспедиции. Несмотря на то что формально руководителем всей экспедиции был объявлен академик В. В. Бартольд, фактически координировал работу все годы И. И. Зарубин.

Среднеазиатская этнологическая экспедиция была продолжением работ ученых досоветского периода. Еще во второй половине XIX в. появлялись работы по изучению культуры, быта и языка населения Средней Азии. Лишь с начала XX в. Академия наук начала предпринимать усиленные шаги к научному освоению этого региона. Исследовать ираноязычные народы, жившие в пределах Российской империи, а затем и СССР, начал известный русский и советский востоковед И. И. Зарубин в начале XX в. В 1914 г. состоялось его путешествие вместе с французским иранистом Р. Готье на Памир, чтобы исследовать жившие там ираноязычные народы. Именно эта поездка послужила в истории иранистики отправной точкой для создания спустя годы Среднеазиатской этнологической экспедиции 1926–1929 гг.

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Отдел Центральной Азии. Адреса электронной почты: vapr@kunstkamera.ru, vapr1950@yandex.ru.

В 1926 г. работы экспедиции в основном производились на территории Узбекистана и Таджикистана, но уже в 1927 г. у И. И. Зарубина особенный интерес вызывал Туркменистан, где в пограничных с Афганистаном районах проживали ираноязычные кочевники. Одну из задач экспедиции в области иранистики И. И. Зарубин видел в выяснении расселений, численности и основных особенностей малоизвестных иранских народов Туркмении. Он был первым этнографом, посетившим в 1927 г. в Мервском округе Туркмении эти народы. Было решено в последующие два года (1928–1929) снарядить специальный отряд экспедиции в юго-восточный Туркменистан для работы среди белуджей, джемшидов и хазарейцев.

В настоящее время джемшиды населяют северо-запад Афганистана и часть Ирана, небольшая группа живет в Туркмении, в основном в районе Чаман-и-Бид на р. Кушке. Часть джемшидов в 1920-е гг. традиционно занималась скотоводством. Они жили в *чаппари* (летние шатры-шалаша простого устройства), которые сами не изготавливали, а покупали у соседей — хазарейцев. Из шерсти животных джемшиды валяли кошмы, ткали паласы, сукна, мешки и пр. У них сохранялись родоплеменные отношения и значительные различия между родами в духовной культуре и материальной жизни, например, ковроделие было распространено только в одном роду (Отчет о деятельности..., 1928).

Хазарейцы — также один из народов, живущих в центральном Афганистане и в Иране. К началу XX в. на территории Туркмении проживали хазарейцы, перешедшие из Афганистана (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 16). В 1920-е гг. они жили на реке Кушке в непосредственном соседстве с джемшидами. Главным их имуществом был скот. Жили они в юртах, подобных джемшидским чаппари. От антропологического европеоидного типа джемшидов хазарейцы отличались монголоидностью. Как и джемшиды, они сохраняли родоплеменное деление.

Белуджи живут на территории Пакистана, Ирана, Афганистана и арабских стран. Небольшая община белуджей проживает в нескольких деревнях Марыйского оазиса Туркменистана (*Гафферберг*, 1969). Они появились на территории Туркмении в начале XX в. По антропологическим характеристикам они принадлежат к европеоидам. Их основными занятиями являются скотоводство и земледелие. В 1920-е гг. белуджи Туркмении занимались хлопководством и скотоводством, а также ремеслами, женщины из шерсти изготавливали ковры, паласы, ткани.

В 1927 г. И. И. Зарубин изучал белуджей, которые жили в Иолотанском и Байрам-Алийском районах Марыйской области Туркмении. Как отмечалось в полевом отчете о работе экспедиции, постоянных жилищ у белуджей было мало. Они жили в глинобитных постройках с плоской крышей из жердей, покрытых циновками и обмазанных глиной. В основном же они пользовались переносными шерстяными шатрами, *гедан*. Э. Г. Гафферберг так характеризовала это жилище: «Гедан, порожденный кочевым образом жизни и к нему приспособленный, является старым жилищем белуджей. В Советском Союзе в связи с быстрым развитием хозяйства и культуры бывших кочевников, с переходом их к земледелию и оседлости и полным исчезновением кочевничества как такового гедан уходит из жизни белуджей и в ближайшие годы исчезнет, по-видимому, окончательно» (МАЭ. Оп. кол. 4027. С. 7).

В экспедиционных поездках кроме И. И. Зарубина принимали участие Э. Г. Гафферберг, Д. Д. Букиннич, Г. Г. Гульбин, Г. К. Шульц и А. П. Булгаков, которые стали собирателями всех коллекций. В дальнейшем некоторые из них подверглись политическим преследованиям в 1930-е гг. и погибли. Задачей экспедиции было наиболее полно изучить быт этих кочевых народов и доставить в музей такие свидетельства их материальной культуры, как одежда, орудия труда, переносные жилища и т. п., а также зафиксировать все это на фото пленку.

В трудные для страны 1920-е гг. товарного голода не так легко было выполнить задачи экспедиции. Для обмена у местного населения необходимых музею вещей участники поездки везли с собой различные предметы ширпотреба: «Обменный материал пошел в ход, охотно брали даже мыло, к которому до сих пор были совершенно равнодушны» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 23). Таким же образом выменивали предметы для коллекций музея и продукты питания для участников экспедиции. С этой целью перед отъездом в экспедицию, согласно постановлению МАЭ, из обменного фонда музея было выдано И. И. Зарубину 270 кусков и отрезков шелковых и полушелковых тканей кустарной работы из коллекций, которые были подарены еще бухарским эмиром императору Николаю II (СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 – 1926, № 2, л. 51).

Поездки в столь отдаленные районы страны были и небезопасны. Поэтому часто участников экспедиции сопровождала вооруженная охрана. В научных отчетах не случайно отмечалось: «По местным условиям обследование производилось отдельными отрядами

в сопровождении воинской охраны» (Архив МАЭ. Ф. Кол. 5, оп. 1, № 406, л. 3). Осложняли полевую работу также отсутствие дорог, возможное нападение басмачей, которых мог привлечь обменный фонд, зараженность местного населения малярией, тифом, дизентерией и венерическими заболеваниями. При работе с музейными коллекциями иногда забывают о том, когда и в каких условиях их комплектовали, кем были собиратели этих материалов.

Приходилось сталкиваться и с совершенно непредвиденными трудностями. Неожиданным, в частности, оказалось отношение местного населения к фотографированию. Участники многих поездок в мусульманские районы отмечали особенное отношение местных жителей к процессу фотографирования. Сказывался религиозный запрет на изображения людей. Поэтому в экспедиционных условиях часто приходилось прибегать ко всяким ухищрениям, чтобы сделать кадры. В 1928 г. во время работы среди джемшидов Э. Г. Гафферберг сначала заметила стеснительность женщин фотографироваться, а потом с удивлением обнаружила определенную раскованность их поведения и даже просьбы их отснять.

В своих дневниках исследовательница отмечала, что либо женщины с большой охотой готовы были сниматься, а мужчины им запрещали, либо мужчины их заставляли, а те до такой степени стеснялись и закрывались, что почти невозможно было их сфотографировать. В одном ауле участников экспедиции удивило то, что здесь совершенно свободно давали снимать женщин: «Последние абсолютно не стеснялись, а мужчины ничего не имели против съемок. Было много смеха из-за необычности положения, но никаких препятствий. Немного перепугались женщины, когда один из мужчин, заглянув в матовое стекло, закричал, что их снимают вверх ногами, но проводник мой поспешил им объяснить, что на карточке все перевернется обратно, и спокойствие было вновь восстановлено» (Архив МАЭ. Ф. Кол. 5, оп. I, № 406, л. 42).

Этот эпизод является еще одним доказательством того, что фотографирование в экспедиционных поездках долгие годы оставалось довольно сложным делом. В связи с этим нельзя не вспомнить случай, рассказанный видным советским кавказоведом Л. И. Лавровым о своих студенческих годах, когда он в 1920-е гг. изучал этнографию на географическом факультете ЛГУ. Предмет «Фотография в этнографических поездках» у них вел основоположник научного фотографирования С. М. Дудин. На своих лекциях он говорил, что для достижения успеха иногда нужно было даже идти на

хитрость: если собирался снять что-либо, то сначала устанавливал фотоаппарат, снимал, делая вид, что готовится к этому, а потом спрашивал разрешение на фотографирование; при получении отказа извинялся и уходил.

Для Д. Д. Букинича и Э. Г. Гафферберг поездка 1928 г. стала своеобразным продолжением освоения премудростей полевой этнографической работы. В ходе экспедиционных работ случались и недоразумения, не обходилось и без ошибок, ибо немыслимо было заранее предусмотреть все ситуации, в которых приходилось оказываться. Неудачи объяснялись недоверием со стороны населения. Один раз Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинич решили сфотографировать джемшидскую свадьбу, женские и мужские танцы, несмотря на враждебный прием местных жителей и их подозрительное отношение к фотоаппарату. Участники церемонии мешали фотографировать, заслоняли женщин и т. п. Несмотря на все уговоры, ученым так и не удалось зафиксировать шествие молодых из дома невесты, женщин в праздничных нарядах, принимавших участие в свадебной процессии. Попытки расспросов местных жителей также не принесли желаемых результатов, ибо последние либо отмалчивались, либо откровенно обманывали исследователей.

Впоследствии выяснилось, что ошибка Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинича заключалась в том, придя в аул, они нарушили местный обычай: не представились в первую очередь баю. Об этом Э. Г. Гафферберг писала: «Самый верный прием, придя в летовку, спрашивать такого-то» и отправляться прямо к баю. Затем с очень деловым видом вынуть записную книжку и записать название летовки, род, количество домов и все что нужно. Это сразу производит впечатление. Тотчас же кричат женщины, чтобы приготовили чай, и после этого можно и поговорить и пошутить без всяких опасений» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 32–35). В дальнейшей работе исследователи старались избегать подобных ситуаций и не нарушать обычаев традиционного этикета. Подобные живые зарисовки участников экспедиции не только придают занимательность изложению полевых материалов, но позволяют глубже осветить жизнь изучаемого народа.

Все же чаще в ходе экспедиции приходилось сталкиваться с проявлением понимания, доброжелательности и гостеприимства со стороны посещаемых жителей. Так, один из участников экспедиции, Г. К. Шульд, летом 1929 г. был даже усыновлен одним из белуджей и ему дали мусульманское имя. Этнографы со своей стороны также старались помогать местным жителям.

Когда в августе 1928 г. Э. Г. Гафферберг в рамках экспедиционной деятельности работала в комиссии по расселению хазарейцев и джемшидов, то по просьбе женщин-джемшидок оказывала им медицинскую помощь. Дело в том, что джемшидские мужчины хоть иногда, но обращались к русскому фельдшеру. Женщинам же это было запрещено, и они лишь следовали указаниям традиционной медицины (амулеты, обереги и заговоры).

В 1928 г. полевые исследования продолжались с марта до ноября. Сотрудники экспедиции Д. Д. Букинич и Э. Г. Гафферберг работали в Кушкинском районе, преимущественно по материальной культуре, обследуя жизнь и быт кочевников джемшидов и хазарейцев (рис. 1–4). После прибытия в Мерв ученые не сразу направились к месту своей работы, в район Кушки, а задержались, чтобы оформить необходимые документы для посещения пограничных районов. Однако и здесь они попутно собирали материал о местных ремеслах и традициях.

В Кушке у участников поездки возникли трудности в осуществлении задачи экспедиции: «Ни помещения, ни средств передвижения в Кушке за деньги получить

нельзя, — писала Э. Г. Гафферберг, — (нет ни гостиницы, ни извозчиков), но местной Пограничной Командатурой, по предъявлению разрешения на въезд в Кушку, была предоставлена комната». Оказавшись на пограничном вокзале крепости Кушка, Э. Г. Гафферберг записала: «Есть также радиостанция, но посылать радиотелеграммы не рекомендуется, т. к., по словам местных жителей, слова до такой степени перевертываются, что почти невозможно понять смысла» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 14).

Ближайшей задачей исследователей было выехать к джемшидам и приступить к их обследованию. Однако сделать это было не просто. Необходимо было пройти ряд формальностей: «...в Кушке посетить три коменданта: у коменданта пограничной стражи нужно зарегистрироваться, у коменданта города — получить пропуск для свободного проезда через городские ворота, комендант крепости предоставил нам военную подводу для проезда в Чаман-и-Бид, главное поселение джемшидов» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 14).

Э. Г. Гафферберг отмечала, что сначала они были недружелюбно встречены председателем аулсовета,

Рис. 1. Коллекция № 3921-2. Фотоотпечаток. Разборка юрты. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.

Fig. 1. Collection № 3921-2. Photo. Dismantling of a yurt (nomad's tent). Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

Рис. 2. Коллекция № 3921-28. Фотоотпечаток. Женщины за прядением шерстяных ниток. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.
Fig. 2. Collection № 3921-28. Photo. Women spinning woollen threads. Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

который специально создавал им плохие бытовые условия. Исследовательница объясняла это тем, что он не хотел иметь свидетелями посторонних людей, т. к. вместе с другими джемшидами принимал участие в угоне скота из Афганистана. Однако в основном население встречало их приветливо, даже во время посещения летовки одного из самых разбойничьих племен там охотно продавали и меняли вещи. Из распросов местных жителей исследователи почерпнули, что джемшиды считают себя выходцами из Персии, потомками Джемшид-шаха.

В Чаман-и-Биде находились зимовки джемшидов. На кочевья они переселялись обычно в середине февраля. Летом джемшиды разделялись на небольшие кочевки. О подвижности границы между Туркменией и Афганистаном в 1920-е гг., в районах проживания джемшидов, говорит сообщение Э. Г. Гафферберг о проблеме нехватки травы для скота местных жителей по причине прихода массы афганских кочевников в поисках пищи своим многочисленным стадам.

Попытки участников поездки сфотографировать свадьбу джемшидов Э. Г. Гафферберг дополнила сведениями о джемшидских свадебных обычаях, полученных путем опроса через местного жителя украинца,

выступавшего в роли переводчика, Платона Шапко. Он помог в выяснении названий джемшидских родов, живших в Туркмении. Приезд исследователей пришлось на праздничные дни Байрама, когда все ходили в гости друг к другу. Поэтому можно было сфотографировать танцы в нарядных костюмах и группы гостей.

Исследователи старались не упустить ни одной детали в своих наблюдениях, используя любую возможность, даже вынужденную задержку в Мерве. Несмотря на многочисленные трудности и тяжелые условия работы, участникам экспедиции удалось собрать богатейший фактический материал.

Внимание Э. Г. Гафферберг привлекало изучение положения в семье местных женщин. В годы студенческой практики, в 1926–1927 гг., она наблюдала образ жизни курдов Эчмиадзинского уезда Армении, и в своих дневниках она сравнивает манеру общения курдянок с джемшидками, поведение которых ей казалось менее строгим: «Вообще джемшидские женщины пользуются сравнительной свободой. Они не только не стесняются есть при мужчинах, как, например, курдские женщины, но сидят свободно среди гостей и принимают даже участие в беседе» (Архив МАЭ. Ф. К. I. Оп. 2, ед. хр. 177, л. 20). Из беседы с местными жителями

Рис. 3. Коллекция № 3921-51. Фотоотпечаток. Женщина, кормящая ребенка. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.
Fig. 3. Collection № 3921-51. Photo. Woman nursing a child. Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

она узнала, что в некоторых джемшидских родах не практикуется многоженство: «но добавили, что это не религиозный запрет. Закон позволяет, но мы не хотим» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 21).

В один из дней после утреннего обмена и покупки вещей для музея джемшиды решили развлечь гостей. Они повели Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинича к Али-Мададу, который жил в естественной пещере с двумя большими помещениями. В переднем, украшенном рогами джейранов, находился очаг, хранились чайник, пиалы, ведро с водой, на полу — войлочный ковер и шкуры джейранов. Во втором помещении находились утварь, мелкие вещи, плуг. По словам хозяина пещеры, вместе с ним жила большая змея: «Когда Али спит, она выходит и ложится рядом, кладя голову ему на грудь» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 27). В подтверждение этих слов Али громко закричал,

как бы прогоняя змею. На просьбы гостей выманить змею, чтобы посмотреть на нее, хозяин отказался, объяснив это тем, что если она появится, то убьет их, как всегда поступает с чужими. Видимо, полностью ученые не смогли не поверить рассказчику и все-таки сняли и зарисовали пещеру.

В начале апреля участники экспедиции переехали в Комарово, ликвидировав накануне походную фотолабораторию, в которой проявляли и печатали снимки. Несмотря на проливной дождь, около станции им удалось осмотреть жилища джемшидов: «Здесь живут 4 семейства. Два в *карра* (тип землянки. — В. П.), одно в чапари, одно в мазанке. В мазанке европеизированное устройство — плита, крытая железом. Там лежала больная женщина. Судя по расспросам, у нее малярия. Лечения никакого, только стараются чаще давать ей мясное» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 28).

С целью более полного изучения джемшидов и хазарейцев и экономии времени Э. Г. Гафферберг и Д. Д. Букинич пришлось порознь выезжать в разные селения в сопровождении конвойных красноармейцев. В полевом дневнике Э. Г. Гафферберг отмечала, что охрана, данная им с заставы, не могла остаться на ночь в аулах и должна была возвращаться. Поэтому время для изучения населения было ограничено. Рабочие дни этнографов были крайне насыщенными. В одном из селений, несмотря на довольно приветливую встречу, «женщины с криком убежали, когда я даже одна, — вспоминала Э. Г. Гафферберг, — в сопровождении одного из зуринцев (племя зури, у которого была Э. Г. Гафферберг. — В. П.), пыталась к ним приблизиться. Только когда мы вытащили обменный фонд — материалы, некоторые женщины заинтересовались и даже вступили в разговор» (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 59).

Э. Г. Гафферберг посетила места расселения хазарейцев. Их летовки носили имена живших в них беков или почетных лиц, в отличие от джемшидских, которые назывались по названию рода, в них обитавшего. Жилища хазарейцев, чапари (в которых они жили зимой и летом) и карра, располагались в долине р. Кулик вдоль берега. По наблюдениям ученого, хазарейские летовки большей частью состояли, как и джемшидские, из членов одного рода, хотя бывали и исключения. Состав этих поселений не был постоянным. Всегда можно было отделиться и перейти в другую группу. Э. Г. Гафферберг беседовала с хазарейцами, переселившимися год назад из Афганистана, отметив, что в ближайшее время из-за высоких

Рис. 4. Коллекция № 3921-78. Фотоотпечаток. Свадьба: жених и невеста объезжают аул вокруг. Хазара. Тагтабазарский этрап. 1928 г.

Fig. 4. Collection № 3921-78. Photo. Wedding: the bridegroom and bride riding around the aul. Khazara. Tagtabazar etrap. 1928.

налогов ожидалось увеличение притока беженцев. Она обследовала хазарейцев, причины их миграций, места расселения, принципы поселений, их хозяйственную деятельность, систему налогов, торговый обмен, родовое деление, пищу, контрабанду, народную медицину, заговоры. Кроме того, она фиксировала данные по диалектологии и фольклору хазарейцев. Ее полевые дневники читать легко и увлекательно. Она интересовалась буквально всем и даже записала «кушкинские» частушки жившего там многочисленного русского населения.

Однажды Э. Г. Гафферберг также посетила селение зури — одну из групп, постоянно тайком нарушавших границу между Афганистаном и Туркменией. Она пыталась зафиксировать все стороны жизни этого народа: «В каждом ауле окружает толпа любопытных. Вещи продают охотно, кроме самых необходимых. Медную посуду не отдают ни за что. Деревянную тоже»

(Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 56). Исследовательница продолжала фотосъемку (снимки проявлялись на месте в импровизированной фотолаборатории, и на них тут же составлялась опись), а также делала закупку коллекций для музея, собирала образцы керамики местного изготовления. В Мерве она записала название составов, которые использовали во время гончарного производства: «Удалось закупить полную коллекцию предметов керамического производства, но самого производства проследить не удалось, так как во время пребывания экспедиции в Мерве гончарные мастерские не работали» (Архив МАЭ. Ф. К. I. Оп. 2, ед. хр. 177, л. 5). Здесь же она записала названия материалов, связанные с изготовлением юрт для кочевников или, как она называла, кибиток, с подробным указанием и терминологией деталей жилища (Архив МАЭ. Ф. Кол. I, оп. 2, ед. хр. 177, л. 9). Во время обследования одной из летовок Э. Г. Гафферберг

застала момент переселения из другого места и смогла сфотографировать этапы установки чаппари.

В это же время Д. Д. Букинич направился в аулы джемшидов. Его интересовали, прежде всего, хозяйственная деятельность и овцеводство. Наблюдения, которые он продолжил в 1930-е гг., были им обобщены в двух статьях о кочевых иранцах Кушкинского района. К сожалению, эти материалы до сих пор не опубликованы.

И. И. Зарубин продолжал изучение белуджей, начатые в 1927 г. в районе Мерва и Байрам-Али. Он делал заметки по языку, фольклору и духовной культуре, которые продолжил позже с помощью белуджских студентов в Ленинграде. В результате этих исследований он опубликовал многочисленные белуджские сказки, сказания и песни.

В полевой сезон август–декабрь 1929 г. главной задачей Среднеазиатской этнологической экспедиции было продолжение работ по обследованию иранских народов Туркмении, прежде всего белуджей и джемшидов. Стационарные работы велись в белуджских и хазарейских поселениях в Мервском, Байрам-Алийском, Иолотанском и Серахском районах (Отчет о деятельности..., 1930. С. 305). Э. Г. Гафферберг продолжала изучение хазарейцев и джемшидов. Она намеревалась изложить результаты экспедиции в монографии, но это так и осталось неосуществленным. Однако в последующие годы исследовательница опубликовала статьи, которые и сегодня являются единственными публикациями об этих кочевниках Туркмении.

Г. К. Шульц и Д. Д. Букинич находились у белуджей. В Иолотане они даже смогли приобрести для музея жилище белуджей — гедан, напоминающий шатер или палатку. Во время экспедиции было выполнено большое количество фотографий, где главное внимание обращалось на типы жилища. Фотоснимки зафиксировали конструкцию шатра гедан, его внутреннее убранство.

Полевые исследования кочевых и полукочевых ираноязычных народов Средней Азии в дальнейшем продолжила Э. Г. Гафферберг, совершив в течение шести полевых сезонов поездки в места компактного проживания белуджей в Туркмении. В дальнейшем результаты этих экспедиций легли в основу монографической работы (Гафферберг, 1969).

В 1950-е гг. фотографии белуджских шатров 1929 г., выполненные Г. К. Шульцем и А. П. Булгаковым, были временно выставлены на экспозиции МАЭ. Это небольшая экспозиция простояла в музее короткое время. О коллекциях, которые привезла Среднеазиат-

ская этнологическая экспедиция 1928–1929 гг., вспомнили лишь в 1980-е гг., когда на Восточном факультете ЛГУ было решено продолжить подготовку по дальнейшему изучению ираноязычных народов Средней Азии, начатую И. И. Зарубиным и его сотрудниками. Затем возникла идея об организации совместно с немецкими коллегами выставки по кочевым иранцам Туркмении: белуджам, джемшидам и хазарейцам. Эта выставка явилась результатом многолетнего российско-немецкого сотрудничества. Благодаря неустойчивой деятельности обеих сторон стало возможно подготовить самую большую зарубежную выставку из собраний МАЭ за все время его существования.

В 1994 г. в Германии, в Государственном музее народоведения Дрездена открылась выставка «Кочевой быт. У стен древнего Мерва. Белуджи, джемшиды, хазарейцы». Вместе с вещевыми коллекциями в Дрезден были отправлены также и фотоматериалы, многие из которых были выполнены в 1920-х гг. на стекле. Опасения по поводу их сохранности, о том, что отпечатки с них могут не получиться, не оправдались. Исторические фотографии прекрасно дополняли выставку. Увеличенные, они оказались отличными не только по содержанию, но и по техническому исполнению. В фотолaborатории дрезденского музея для МАЭ изготовили также пластиковые копии со стеклянных негативов. Впервые посетители выставки смогли в полной мере оценить собирательскую работу исследователей 1920-х гг. До этой выставки коллекционные вещи и фотографии хранились в разных помещениях фондов МАЭ и по ним невозможно было составить полную картину кочевого быта трех народов, сравнить их образ жизни, увидеть отличия традиционной культуры.

Выставка «Кочевой быт...» демонстрировалась в трех больших залах Государственного музея народоведения Дрездена. Каждому из народов было отведено отдельное помещение. В каждом разделе выставки внимание посетителей привлекало, прежде всего, жилище данного этноса. С набором предметов быта внутри и около, с мягкой подсветкой они выглядели только что покинутыми его обитателями. Для более достоверного оформления гедана белуджей, чаппари джемшидов и юрты хазарейцев из окрестностей Дрездена специально доставили песок и камни. Рабочая группа дрезденского музея собирала эти сборные жилища с такой ловкостью и знанием, что, казалось, они занимались этим всю жизнь. Коллекция МАЭ уникальна, лишь в отдельных музеях мира можно встретить разрозненные предметы, относящиеся к культуре этих ираноязычных кочевников. Эта большая выставка была смонтирована за короткое время, всего за несколько недель.

Выставка из вещей казалась бы невыразительного кочевого быта 1920-х гг. выглядела ярко и содержательно. Коллекции были смонтированы для экспонирования впервые, поэтому вещи и фотографии неожиданно стали выглядеть иначе, чем когда хранились в фондах музея. Все вместе они создавали атмосферу жизни народов, их создавших. Вещи и фотографии в залах сопровождали тексты с белуджскими сказками, связанными с жизнью кочевников, как фон звучали белуджские мелодии.

К выставке и перевозке было подготовлено около полутора тысяч экспонатов. Демонстрацию предметных коллекций дополняли фотографии 1928–1929 гг.

Среди огромного количества снимков, выполненных во время работы экспедиции, обращает на себя внимание такой фотографический прием, как создание серии кадров, которые передают какой-то процесс. Съемка серии снимков была характерна для участников Среднеазиатской этнологической экспедиции еще в 1926–1927 гг., когда, например, Г. Г. Гульбин работал среди таджиков Верхнего Зеравшана. Он пытался передать этапы приготовления лепешек женщинами в условиях летовья или, в другом случае, устройство в домашних условиях печи.

В полевые сезоны 1928–1929 гг. было выполнено множество серийных снимков, передающих значительно больше движения: женщина, несущая воду; стирка белья; уход за волосами; выпечка лепешек; верблюды на пастбище; женщины за изготовлением тандура — перелопачивание глины, женщины с ведром воды, выливают воду, обмазка тандура; этапы установки летнего жилища чаппары — обведение остова стены чаппары камышом, прикрепление остова крыши, привязывание паласа к жердям крыши шерстяными завязками; разборка юрты хазарейцев — поочередное снятие кошем с верха юрты, уборка плетенки из камыша, остов юрты, части юрты, разложенные на земле, утварь, оставшаяся после разборки юрты, и т. п. Это свидетельствует о потребностях научной фотографии,

выполнявшейся в условиях полевых этнографических поездок, фиксировать не только предметы материальной культуры, обычаи, но и запечатлеть как в фильмах процесс изготовления, провести пошаговую съемку.

В настоящее время полевые фотографии участников Среднеазиатской этнологической экспедиции являются уникальным этнографическим источником, отражающим хозяйство и материальную культуру малоизученных ираноязычных кочевых народов белуджей, джемшидов, хазарейцев непосредственно после их переселения из Афганистана в Туркмению. В фото-материалах экспедиции зафиксированы и сохранены для науки народный быт, одежда, ремесленные навыки, которые теперь исчезли либо трудновыявляемы. Фотоколлекции экспедиции также восполнили лакуны в фондах музея.

Среднеазиатская этнологическая экспедиция работала в трудных условиях первых послереволюционных лет, располагая весьма ограниченной материальной базой. Сотрудничество участников экспедиции с видным востоковедом И. И. Зарубиным способствовало формированию и росту многих молодых ученых, с течением времени ставших видными исследователями Средней Азии.

Литература и источники

Архив МАЭ. Ф. Кол. 1, оп. 2, ед. хр. 177.

Архив МАЭ. Ф. Кол. 5, оп. 1. № 406.

Гафферберг, 1969 — Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. М., 1969.

Отчет о деятельности..., 1928 — Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1928.

Отчет о деятельности..., 1930 — Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1930.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. № 2.

В. А. Прищепова

Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.

Статья посвящена фотоколлекциям из собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) 1928–1929 гг. по этнографии ираноязычных кочевников Туркмении — белуджей, джемшидов, хазарейцев. Фотоснимки документируют практически все области быта этих народов в рассма-

триваемые годы, но, к сожалению, в настоящее время почти неизвестны даже в кругу узких специалистов. Собираемыми этими фотоколлекциями были сотрудники музея Э. Г. Гафферберг, Д. Д. Букиннич, Г. Г. Гульбин, Г. К. Шульц, А. П. Булгаков. Они принимали участие в работе Среднеазиатской этнологической экспедиции

АН СССР 1926–1929 гг., руководил которой видный востоковед-иранист И. И. Зарубин. Задачей экспедиции было наиболее полно изучить быт этих кочевых народов и доставить в музей такие свидетельства их материальной культуры, как одежда, орудия труда, переносные жилища и т. п., а также зафиксировать все это на фотоленку. Среднеазиатская этнологическая

экспедиция работала в трудных условиях первых послереволюционных лет, располагая весьма ограниченной материальной базой. Сотрудничество участников экспедиции с видным востоковедом И. И. Зарубиным способствовало формированию и росту многих молодых ученых, с течением времени ставших видными исследователями Средней Азии.

V. A. Prishchepova

Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s

This paper is devoted to the photographic collections of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnology (Kunstkammer) gathered in 1928–1929 and concerned with the ethnography of Iranian-speaking nomads – Baluchis, Jemshids, Khazareis. The photos under consideration encompass practically all the aspects of the everyday life of these peoples in the years mentioned above but, unfortunately, these documents are now almost unknown even among the circle of specialists. These photographic collections were obtained by the workers of the Museum E. G. Hafferberg, D. D. Bukinich, G. G. Gul'bin, G. K. Shultz, A. P. Bulgakov. In 1926–1929, they took part in the activities of the Central Asian Ethnological Expedi-

tion. This expedition was headed by the prominent orientalist/Iranist Ivan I. Zarubin. The task of the Expedition was to study as completely as possible the life mode of these nomadic peoples and to transfer to the Museum such evidence of their material culture as clothes, implements, portable dwellings etc. and to register all this in photographs. The Central Asian Ethnological Expedition worked in the difficult conditions of the first post-revolutionary years availing of a very limited resource base. The collaboration of the participants of the expedition with the eminent orientalist I. I. Zarubin was favourable for establishing and advancing of many young scientists who with time became prominent researchers of Central Asia.

А. Н. Бессуднов¹

Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)

Ключевые слова: археология, Верхний Дон, городище, Долговская стоянка, В. П. Левенко, неолит, Отрожка.

Keywords: archaeology, Upper Don, fortified settlement-site, Dolgovskaya site, V. P. Levenok, Neolithic, Otrozhka.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-313-317

На современном этапе развития отечественной археологии внимание к историографической проблематике неуклонно возрастает. Именно в последние десятилетия увидели свет научные труды, в которых на высоком методическом и методологическом уровне анализируется развитие отечественной археологии как в дореволюционное, так и в советское время, дается оценка особенностям ее развития применительно к крупным культурно-историческим регионам страны, в рамках изучения отдельных археологических эпох и конкретных исследовательских тем.

Заметно вырос интерес к изучению истории археологии в регионах. Бассейн Дона в этом отношении не является исключением (А. Д. Пряхин, Е. Ю. Захарова, В. И. Чесноков, А. Н. Акиншин, И. Е. Сафонов и др.). Географическое положение этой крупной реки Восточной Европы играло очень важную роль на многих этапах развития человечества, поэтому степень изученности древностей ее бассейна в значительной мере предопределяет понимание динамики исторических процессов, происходивших на обширных пространствах евразийской степи и лесостепи. В предлагаемой публикации мы будем рассматривать только Верхний Дон, включающий в себя участок от истоков до впадения в него р. Воронеж (Долина Дона..., 1982. С. 3; Сапрычев и др., 2015. С. 8).

Историографический подход позволяет выявить специфику формирования археологического знания о регионе на определенном этапе, в немалой степени обусловленную и профессиональными качествами исследователей. При этом важно следовать в русле последних тенденций — заметно растущего интереса к изучению наследия отечественных археологов.

Для Верхнего Дона в конце 50-х – 60-е гг. XX в. личностью, надолго определившей вектор его археологи-

ческой привлекательности, был Всеволод Протасевич Левенко — известный отечественный ученый-археолог, один из представителей ленинградской научной школы. Его наследие заслуживает более детального изучения, чем это было сделано до сих пор, поскольку вклад В. П. Левенка в изучение региона отличается своей масштабностью, территориальным размахом, хронологической широтой и высокой эффективностью.

Столь впечатляющие успехи ученого были предопределены не только его неутомимой деятельностью при организации полевых археологических исследований, но и явились результатом активного круглогодичного сотрудничества с местными краеведческими учреждениями, обществами, отдельными историками-краеведами, преподавателями, студентами вузов и учащимися школ.

О растущем интересе к личности В. П. Левенка свидетельствуют опубликованные в последние годы работы (Бессуднов, 2012а. С. 35–37; 2012б. С. 124–126; Бессуднов, Захарова, 2012. С. 31–34; Захарова, 2012. С. 121–124; Судьба..., 2013. С. 158–209; Чубур и др., 2006). В 2006 г. на базе ЛГПУ была проведена Международная научная конференция «Археологическое изучение Центральной России», посвященная 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. В ходе ее работы более чем в 20 докладах в той или иной степени была дана оценка вклада исследователя в решение научных и организационных проблем региональной археологии (Археологическое..., 2006).

Трудность сбора информации о Всеволоде Протасевиче Левенке обусловлена разбросанностью архивных материалов. Часть из них находится в НА ИИМК РАН, другая — на его родине, — в Трубчевске, третья и четвертая — в фондах Государственных архивов Воронежской, Брянской областей, пятая — в ИИ АН Белоруссии, шестая — в фондах ЛОКМ, седьмая — в делах НКВД. О причинах вмешательства последней организации в судьбу Всеволода Протасевича мы почти ничего не знаем. Известно только, что почти пять лет он нахо-

¹ 398020, Россия, Липецк, ул. Ленина, 42. Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. Институт истории, права и общественных наук, кафедра отечественной и всеобщей истории. Адрес электронной почты: bessudnov_an@mail.ru.

дился в заключении в Кировской области, о чем впоследствии предпочитал не распространяться. В частности, в «Личном листке по учету кадров» от 11.07.1969 г. о тюремном сроке вообще не упоминается (ЛОКМ, МФЛ 59, оф. 7149/3). Однако в более раннем аналогичном документе от 23.01.1962 г. записано, что он с 12.01.1951 г. по 14.10.1955 г. «находился в местах заключения. Освобожден со снятием судимости» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 362, л. 1 об.). В черновом варианте автобиографии есть более пространная формулировка: «в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 г. со снятием судимости и поражения в правах» (ЛОКМ, оф. 7149/2). Судя по всему, именно с этими событиями связана почти полная утрата его довоенного и основной части послевоенного архива. Исчезли рукописи монографий и статей, поэтому сведения о достижениях В. П. Левенка в изучении древностей до его тюремного заключения достаточно скромны. Лаконичная информация имеется только в трех архивных документах: автобиографии от 1956 г. (ЛОКМ, оф. 7149/2)², личном листке по учету кадров и списке научных работ, восстановленном Всеволодом Протасьевичем после освобождения из мест лишения свободы (ЛОКМ. Полевая книжка археолога, IX, 1955. С. 13).

В. П. Левенок родился 19 июня 1906 г. в г. Трубчевске Орловской губернии (ныне Брянской обл.) в семье учителя. В школе он посещал краеведческий кружок, где и проявил интерес к изучению древностей родного края, и уже в 15 лет участвовал в археологических раскопках, проводимых основателем и первым директором Трубчевского краеведческого музея Г. М. Поршняковым (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 362, л. 3).

После окончания школы дальнейшая жизнь В. П. Левенка на целое десятилетие переплелась с Центральным Черноземьем: с августа 1925 г. по июнь 1929 г. он — студент Воронежского художественно-промышленного техникума Главпрофобра. Одновременно, как он пишет в одной из автобиографий, с 1926 по 1929 г. учится и в Воронежском музыкальном техникуме (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 362, л. 3). В это же время параллельно «с ученьем с 1928 по 1930 гг. совмещал работу в качестве сотрудника Воронежского Музея Революции ЦЧО» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 362, л. 3). С мая 1930 г. по 1931 г. Всеволод Протасьевич — учитель рисования и черчения Анненской 9-летней школы-коммуны и Агропедтехникума

в Воронежской области (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 362, л. 3).

Во время работы в пос. Анна он провел археологическое обследование участка р. Битюг — левого притока Дона. Это был один из первых его маршрутов в Подонье. Однако аналогичные обследования, судя по всему, проводились им и раньше. По этому поводу В. П. Левенок в конце своего первого археологического отчета по Подонью пишет, что «в 1958 году исполнилось тридцать лет с начала полевых археологических работ автора (1928 г.)» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 121, л. 36). Однако какой-либо официальной информации о них не сохранилось, и мы можем лишь предполагать, что исследования проводились по личной инициативе.

В 1931 г. В. П. Левенок был принят в Воронежский областной краеведческий музей на должность научного сотрудника, в качестве которого работал по 1934 г. включительно, вплоть до переезда в Трубчевск. В это время он «принимал участие в раскопках С. Н. Замятнина, Н. В. Валукинского, др.³» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 362, л. 3).

Сама судьба сближала В. П. Левенка с древностями Подонья. Прошло немногим более месяца после освобождения его из мест заключения, как поступило «приглашение А. Н. Рогачева выполнить ряд графических работ для его исследований в Костенках (22 ноября 1955 г.)» (ЛОКМ. Полевая книжка археолога, IX, 1955. С. 31). Всеволод Протасьевич, судя по всему, очень обрадовался этому предложению и взялся за выполнение порученного дела с воодушевлением, о чем свидетельствует и лаконичная запись уже от следующего дня, 23 ноября: «Выполняю графические работы для А. Н. Рогачева о стоянках в Костенках» (Там же).

Непосредственно к выявлению и изучению археологических объектов Подонья В. П. Левенок приступил через три года. Сюда он приехал 1 августа 1958 г. в качестве начальника Средне-Донского отряда палеолитической экспедиции ЛО ИИМК АН СССР для проведения разведочных работ по среднему течению Дона: от устья р. Воронеж до с. Архангельского с целью «заполнения известной лакуны, выражавшейся в том, что на этой территории между памятниками верхнего палеолита и стоянками эпохи бронзы в хронологическом отношении имелся огромный разрыв» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 121, л. 18).

² Следует отметить, что в архивных материалах имеется черновой вариант еще одной автобиографии В. П. Левенка от 22.05.1950 г., которая была составлена, предположительно, по требованию НКВД.

³ Кого имел в виду В. П. Левенок под «др[угими]», остается загадкой.

Почти сразу же после начала работы в ЛО ИИМК (затем — ЛОИА) АН СССР и непосредственно в регионе, Всеволод Протасьевич определил тщательно продуманный спектр задач по его исследованию на перспективу. В этой связи он писал: «Главной целью этих работ, ныне и на ряд лет вперед, является изучение памятников эпохи мезолита и неолита в Днепровско-Донском междуречье к северу от северных границ УССР. Однако, по необходимости увязки наших работ с нуждами местных музеев (культурное и хронологическое определение материалов и экспонатов, оказавшихся после войны беспаспортными, получение в разведках данных к археологической карте и др.) явилась необходимость (по просьбе музеев) в попутном изучении и фиксации памятников также и более позднего времени (эп. бронзы, железа, славян), что, естественно, до некоторой степени расплывало внимание и тормозило проведение основных работ» (Там же. Л. 36).

Документально подтвержденные данные о первых разведочных работах В. П. Левенка на территории Верхнего Дона мы находим в его полевом дневнике за 1958 г. Сбор информации о древностях региона он начинает с изучения и зарисовки экспонатов археологических фондов ВОКМ. В итоге он с сожалением констатирует: «Многих вещей, в добывании (раскопках и сборах в разведках, совместно с Н. В. Валукинским и др.) которых я участвовал, здесь уже нет. Меня интересуют, гл[авным] обр[азом] неолитические материалы и отчасти эпоха бронзы» (Там же. Л. 41). Кроме знакомства с фондами, им также осматриваются стоянки у ст. Отрожка под Воронежем, которые были выявлены в ходе исследований конца 20-х — 30-х гг. XX в. С. Н. Замятниным, Л. А. Динцесом, Н. В. Валукинским. Позднее В. П. Левенко также активно изучает архивы и фонды МАЭ, где хранятся выявленные на памятниках у ст. Отрожки материалы и отчеты к ним (ЛОКМ. Полевая книжка археолога, IX, 1955. Л. 88–89).

С 1959 г. В. П. Левенко начинает обследовать сугубо только территорию Верхнего Дона. Для этих целей в ЛОИА АН СССР в этот год создается Верхне-Донской отряд, который с 1960 г. преобразуется в Верхне-Донскую археологическую экспедицию. С 1960 по 1964 г. в ней функционировало до четырех отрядов, общее руководство которыми успешно осуществлял В. П. Левенко. Однако в 1965 г., в связи с обособлением в отдельную экспедицию Гагаринского палеолитического отряда (начальник — Л. М. Тарасов) и прекращением работы Стрешневского (Данковского), Верхне-Донская экспедиция вновь была реорганизована в отряд, про-

работавший на Верхнем Дону до 1968 г. включительно. Все годы работы этой академической экспедиции на территории Липецкой области самое активное участие в ее деятельности принимали местные краеведы, прежде всего сотрудники Липецкого областного и Данковского районного краеведческого музеев.

Показательным в этой связи является тот факт, что если поначалу сотрудничество шло на паритетных началах, то с 1965 г. липчане берут на себя практически полностью бремя организационных мероприятий, в то время как В. П. Левенко осуществляет научное руководство совместными работами. В целом 1965 г. можно считать переломным в истории экспедиции ЛОИА АН СССР, потому что с этого времени начинается сворачивание масштабов ее работ, инициированное тогдашним руководством этого учреждения.

Согласно записям В. П. Левенка, в марте 1965 г. велась активная переписка между ЛОИА и НЛМЗ «о выделении средств для раскопки памятников на р. Матыре» (ЛОКМ. Левенко В. П. Тетрадь учета работы. Книга II. ЛОИА АН СССР, 1960. Л. 138) — насколько она оказалась продуктивной тогда, в дневнике не отражено. Но уже спустя год В. П. Левенко получил от руководства НЛМЗ уведомление о необходимости «составить смету на раскопки памятников на р. Матыре». После этого В. П. Левенко поставил перед руководством ЛОИА вопрос «об организации Новолипецкой новостроечной экспедиции» и представил при этом «смету, карту и список раскопов» (ЛОКМ. Левенко В. П. Запись работы, ежедневно проводимой в стенах ЛОИА, заседаний сектора палеолита и других главнейших событий. Книга III, 1965. Л. 29). Спустя две недели М. К. Каргер (в тот момент заведующий ЛОИА) заявил: «ЛОИА не может организовать раскопки памятников на р. Матыре — нет археологов и счетных работников» (Там же. Л. 31). По его же указанию В. П. Левенко 1 апреля 1966 г. направил в адрес НЛМЗ отношение, в котором было указано, что «ЛОИА не может выделить археологов для организации экспедиции на р. Матыре, всю организацию этого мероприятия ЛОИА передает Липецкому музею» (Там же. Л. 32).

Последним годом работы В. П. Левенка на Верхнем Дону, как уже было сказано, стал 1968-й. В своем дневнике он прямо не указывает причины, побудившие его свернуть работы в этом регионе, но у меня есть некоторые основания считать, что это было связано с тем, что с этого года здесь развернула свои работы московская Верхнедонская экспедиция ИА АН СССР под руководством Б. Г. Тихонова, Р. Ф. Ворониной и Э. А. Юркевича. Указанная экспедиция не толь-

ко имела то же название, что и структура, некогда созданная В. П. Левенком, но и, как указано в отчете за 1968 г., продолжала работы на памятниках, им открытых и обследованных (НОА ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 3712, л. 1).

За десять лет работы В. П. Левенка на Верхнем Дону было выявлено только на территории Липецкой области 372 археологических памятника, а целый ряд из них, благодаря раскопкам, проведенным под его руководством, получил широкую известность, в том числе городища у с. Перехваль, Конь-Колодезь, Гудово, Ново-Никольский могильник, Ярлуковская протока и другие. Результаты полевых работ нашли отражение в серии публикаций В. П. Левенка (*Левенок*, 1960. С. 171–176; 1966. С. 150–151; 1967. С. 116–120; 1968. С. 32–34).

Поскольку наиболее важное место в сфере его научных интересов в это время занимали древности эпохи неолита, самое пристальное внимание было уделено исследованию открытой им же Долговской стоянки. Многочисленные, хорошо стратифицированные материалы этого памятника были оперативно введены в научный оборот и стали эталонными для оценки неолита Восточной Европы (*Левенок*, 1963. С. 76–82; 1965. С. 223–251). Все верхнедонские неолитические древности составили основу диссертационного исследования В. П. Левенка, успешно защищенного в ИА АН СССР 22 мая 1970 г. (*Левенок*, 1969).

На фоне столь плодотворных результатов работ экспедиции под руководством В. П. Левенка на Верхнем Дону субъективным выглядит решение руководства ЛОИА свернуть в конце 1960-х гг. исследования в этом регионе. Попутно отметим, что и московские специалисты задержались здесь ненадолго. С середины 1970-х до конца 1980-х гг. каких-либо постоянно действующих экспедиций на территории Липецкой области не было вовсе.

Деятельность В. П. Левенка оставила заметный след в изучении Верхнего Дона. Хотя определяющей в научном творчестве ученого была проблематика неолита, следует подчеркнуть, что в действительности он являлся специалистом широкого профиля, благодаря чему и были достигнуты значительные успехи при изучении памятников других эпох. Всеволод Протасевич был не только первоклассным полевым исследователем, но и высокопрофессиональным музейным работником, прекрасным художником, неутомимым тружеником. Активная многогранная деятельность этого исследователя на Верхнем Дону дает объективные основания оценивать его как ключевую фигуру в археологии региона.

Литература

- Археологическое..., 2006 — Археологическое изучение Центральной России: Тез. Междунар. науч. конф., посвящая 100-летию со дня рожд. В. П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.
- Долина Дона..., 1982 — Долина Дона: природа и ландшафты / ред. Ф. Н. Мильков. Воронеж, 1982.
- Бессуднов, Захарова, 2012 — Бессуднов А. А., Захарова Е. Ю. ЛОИИМК–ЛОИА АН СССР и археологическое изучение Верхнего Подонья (по результатам исследований В. П. Левенка) // *Історія археології: дослідники та наукові центри: Археологія і давня історія України*. Київ, 2012. Вип. 9.
- Бессуднов, 2012а — Бессуднов А. Н. Об эффективности сотрудничества археологов и липецких краеведов (из архивного наследия В. П. Левенка) // Там же.
- Бессуднов, 2012б — Бессуднов А. Н. Становление ученого и археологии Верхнего Дона (Материалы к биографии В. П. Левенка) // *Российское государство: истоки, современность, перспективы*. Мат-лы Межрегион. истор.-патриот. научн. конф. Липецк, 2012. Ч. II.
- Захарова, 2012 — Захарова Е. Ю. Археологическое изучение Верхнего Подонья: наследие В. П. Левенка // Там же.
- Левенок, 1960 — Левенок В. П. Волотовские курганы и их место в хронологии эпохи бронзы в Подонье // *ИВГПИ*. Воронеж, 1960. Т. XXXI.
- Левенок, 1963 — Левенок В. П. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону // *КСИА*. 1962. Вып. 92.
- Левенок, 1965 — Левенок В. П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // *Палеолит и неолит СССР*. М.; Л., 1965. Т. V (МИА СССР; № 131).
- Левенок, 1966 — Левенок В. П. Работы в бассейне Верхнего Дона // *АО* 1965 г. М., 1966.
- Левенок, 1967 — Левенок В. П. Неолитические поселения на р. Матьре под Липецком // *КСИА*. 1967. Вып. 111.
- Левенок, 1968 — Левенок В. П. Исследования в зоне Липецкого моря // *АО* 1967 г. М., 1968.
- Левенок, 1969 — Левенок В. П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1969.
- Сарычев и др., 2015 — Сарычев В. С., Климов И. С., Сарычев Д. В., Климов Д. С. Реки Липецкой области: Дон. Липецк, 2015.
- Судьба..., 2013 — Судьба археолога: страницы биографии В. П. Левенка в его письмах / сост. А. А. Чубур // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв.: Сб. статей и материалов* / ред. А. М. Дубровский. Брянск, 2013. Вып. 4.
- Чубур и др., 2006 — Чубур А. А., Поляков Г. П., Наумова Н. И. Трубчевский самородок (к 100-летию со дня рождения Всеволода Протасевича Левенка). Брянск, 2006.

А. Н. Бессуднов

Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)

Для района Верхнего Дона в конце 1950-х – 1960-е гг. личностью, надолго определившей вектор его археологического изучения, был Всеволод Протасьевич Левенок — известный отечественный ученый-археолог, один из представителей ленинградской научной школы. Современный уровень историографических исследований ясно показывает, что наследие В. П. Левенка заслуживает более детального изучения, чем это было сделано до сих пор.

За десять работ В. П. Левенка на Верхнем Дону было выявлено только на территории Липецкой области

372 археологических памятника, а целый ряд из них, благодаря раскопкам, проводившимся под его руководством, получил широкую известность, в том числе городища у сел Перехваль, Конь-Колодезь, Гудово, Ново-Никольский могильник, Ярлуковская протока и другие.

Активная и многогранная деятельность археолога В. П. Левенка на Верхнем Дону дает объективные основания оценивать его как ключевую фигуру в археологии региона.

A. N. Bessudnov

Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)

Vsevolod Protas'yevich Levenok is a figure which for a long time determined the vector of archaeological studies of the Upper Don region in the late 1950s and in 1960s. Levenok is a prominent national scholar in archaeology, one of the representatives of the Leningrad archaeological school. The present level of historiographic studies vividly demonstrates that the scientific heritage of V. P. Levenok deserves a more detailed examination than it has been done before.

For ten years of V. P. Levenok's investigations on the Upper Don, only within the Lipetsk Oblast, 372 archaeo-

logical sites were revealed and quite a number of them became widely known owing to the excavations directed by him. These include the fortified settlement-site near the villages of Perekhval', Kon'-Kolodez', Gudovo, cemetery of Novo-Nicol'skiy, Yarlukovskaya Protoka etc.

The active and many-sided activities of the archaeologist V. P. Levenok on the Upper Don demonstrate undoubted grounds to estimate him as a key figure in the archaeology of the region under consideration.

Н. Ю. Смирнов¹

От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора

Ключевые слова: Галина Вацлавна Длужневская, Тува, фотоархив ИИМК РАН, вехи знакомства.

Keywords: Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, Tuva, Photographic Archives of IIMK RAS, milestones of acquaintance.
doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-318-321

Трудно писать о человеке, которого любил, но знал, что называется, «на расстоянии»: в начале, как студент-второкурсник, добрую заведующую фотоархивом, позднее, как сотрудник института — удивительной человеческой широты старшую коллегу... Или наоборот — просто? Большое видится на расстоянии...

Галина Вацлавна Длужневская была первым человеком, с которым я познакомился в институте, а фотоархив стал для меня своего рода дверью не только в институт, но и в археологию Сибири в целом. Представил меня ей К. В. Чугунов, аттестовав как студента, который хочет заниматься Тувой. Волшебное слово было произнесено, и я стал частым посетителем маленького уютного читального зала, тогда располагавшегося на первом этаже Новомихайловского дворца в помещении зимнего садика.

Такого открытого и легкого в общении человека, который самим фактом своего бытия улучшает наш мир, очень трудно бывает в жизни встретить — это каждый раз огромное везение. Уже став сотрудником института и проходя по коридору теперь третьего этажа, куда перебрался архив, каждый раз, завидев еще вдалеке маленькую, по-деловитому скромную фигуру Галины Вацлавны, я непременно ощущал тепло ее человеческого, а может быть, и чисто женского обаяния, придающее уверенность в правильном ходе жизни и вы-

зывающее радость узнавания большого хорошего человека.

К моменту нашего знакомства Галина Вацлавна долгое время была заведующей фотоархивом института и воспринималась мной именно в такой роли — рачительной «хозяйки Бумажной горы», хотя ее красочные рассказы о Туве и экспедиции Александра Даниловича Грача и деловые комментарии к фотографиям наводили на мысль о богатом экспедиционном прошлом. Осознание того, насколько она была хорошим полевым начальником, ко мне пришло уже гораздо позднее, возможно, уже после ее кончины, и в первую очередь из рассказов работавших с ней людей, а также из текстов меморативной части настоящего сборника. Мне не довелось оказаться вместе с ней на раскопе, но несколько совместных дней в экспедиции все-таки счастливо случились. Это было в Туву в июле-августе 2001 г., во время первой после почти 20-летнего перерыва и одновременно последней экспедиции в Туву, в которой Галина Вацлавна приняла участие. Официально она ехала как консультант Светы Панковой, а на деле руководила раскопками объектов и даже «стояла на лопате».

2001-й был счастливым годом для петербургской археологии — К. В. Чугунов открыл «царское погребение» в кургане Аржан-2, экспедиция Светы Панковой отправилась в Западную Туву по следам давних работ А. В. Виноградова, на Вавилинском затоне работала слаженная команда под руководством Сержа Хаврина и Володи Киселя... Все это Галина Вацлавна успела

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры РАН. Администрация.
Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

тогда увидеть, везде побывать, отметить День археолога на Ишкине, а после еще захватить на Енисей, на упомянутый уже Вавилинский затон. На следующий день после приезда экспедиции Светы Панковой, в выходной, небольшая группа археологов отправилась с Затона в Кызыл — погулять по городу, позвонить домой с телеграфа (мобильной связи в Туве еще не было), купить чего-нибудь вкусного. В общем, отдохнуть после праздника. Автобус почему-то не пришел, и мы пошли пешком. Идти по шоссе было не так далеко, всего восемь километров, народ разбился на группы и двинулся в город. Моим собеседником оказалась Галина Вацлавна, и, надо сказать, таких увлекательных восьми километров в моей жизни, пожалуй, больше пока не случалось.

Полевым археологом Галина Вацлавна оставалась, по моим представлениям, до 1983 г., в котором состоялась ее последняя собственная экспедиция в Туву в качестве начальника отряда СТЭАН. В 1981 и 1983 гг. она исследовала в зоне затопления, у поселка Новый Эйлиг-Хем, могильник енисейских кыргызов Эйлиг-Хем и интереснейший могильник эпохи ранних кочевников — Бедиг-Хорум, а ниже устья р. Хемчик — могильник енисейских кыргызов Сарыг-Хая. Материалы экспедиций 1981 и 1983 гг. были опубликованы Галиной Вацлавной лишь частично: больше всего повезло средневековым памятниками — дорогим ее сердцу кыргызским древностям, которые нашли свое место в статьях и монографиях. Находки из могильника Бедиг-Хорум долгое время оставались под спудом и были известны лишь узкому кругу специалистов по полевому рисунку части вещей, сделанному К. В. Чугуновым. За несколько лет до ухода Галины Вацлавны мне удалось собрать воедино весь имеющийся материал по этому памятнику и, с благословения автора раскопок, начать подготовку его к публикации. К сожалению, в силу объективных обстоятельств эта работа пока не завершена, но я надеюсь, что это удастся сделать в самом ближайшем будущем.

На мой взгляд, из всех сотрудников и сподвижников А. Д. Грача, работавших в составе СТЭАН или возглавлявших ее отряды, Г. В. Длужневская оказалась не только единственной и самой верной ученицей своего наставника, но и наиболее последовательным ученым из всей СТЭАНовской когорты, воплотившим на своем участке исследований его идеи: максимально полное и доскональное изучение региона (на основе памят-

ников, попадавших в зону затопления) и создание обоснованной картины его историко-культурного развития в определенный период. Если А. Д. Грач заложил основы наших современных представлений о тувинской археологии эпохи ранних кочевников, то Галина Вацлавна блестяще справилась с задачей изучения и осмысления наследия древних кыргызов на Верхнем Енисее. По масштабу задач и уровню их решения с ними можно сопоставить лишь научную деятельность еще одного СТЭАНовца, возглавившего экспедицию после снятия А. Д. Грача с поста ее руководителя, — Сергея Никитича Астахова.

Проявилась верность Галины Вацлавны своему СТЭАН'овскому прошлому и в еще одном благородном деле. Вместе со своим другом, коллегой и тоже сотрудником СТЭАН Дмитрием Глебовичем Савиновым они выпустили несколько важных трудов, обобщающих результаты раскопок 1960–1980 гг., тем самым отчасти воплотив идею А. Д. Грача об издании многотомной серии материалов работ СТЭАН.

Одним из ключевых направлений деятельности археолога можно назвать воссоздание утраченного. Оно может проявляться в разной форме — от материализации не существовавших (до проведения раскопок) в пространстве сегодняшнего дня следов древней культуры до реконструкции духовных представлений людей, оставивших эти следы. Закономерно, что одним из примечательных результатов многогранной деятельности Галины Вацлавны на своем следующем посту — заведующей фотоархивом ИИМК РАН, а затем и всем Научным архивом института — явилась очень полезная для всех реставраторов, историков города, любителей-краеведов книга «Утраченные храмы Петербурга», написанная на основе материалов институтского фотоархива и снабженная уникальными иллюстрациями из того же собрания. Старанием Галины Вацлавны город и горожане вновь обрели стертые с лица земли святыни и интереснейшие образцы культовой архитектуры.

Эта маленькая, но весьма важная по своему значению веха архивного поприща Галины Вацлавны отмечает то новое русло, в которое была направлена ее кипучая научная и организаторская деятельность в последнюю четверть века. Глядя со стороны, не предвзято, заметно, что ее работа на посту руководителя фотоархива, а затем и Научного архива являла собой слаженные и каждодневные усилия по построению нового

храма — храма архивной науки, открывающего свои бесчисленные и бесценные сокровища всему археологическому сообществу России, да и мира в целом. Думаю, что не будет преувеличением, если я скажу, что Галина Вацлавна не только открыла и показала, в прямом смысле этого слова, фонды фотоархива ИИМК РАН всем нам (в своих научных публикациях, на выставках и в каталогах), но и вложила в головы многих коллег мнение о безусловной ценности архивных фотографических снимков как свидетельств истории археологии и источников для наших научных исследований вообще.

Страницы моих экземпляров указателей к фондам Научного архива, составленных Галиной Вацлавной, испещрены рабочими пометками: каждый раз, обращаясь к ним во время занятий тем или иным интересующим меня сюжетом, я поражаюсь своевременности ее титанического труда и его высочайшей тщательности. Последнее становится особенно понятным, когда ты осознаешь, что две трети кропотливой работы по поиску и выявлению архивных данных по большинству направлений археологических исследований уже сделал за тебя автор-составитель этих книг.

Архив — это всегда сбережение и основание знания. Эта простая максима, очевидная, как и все, что лежит на дневной поверхности, требует своего постижения, так как упомянутая дневная поверхность в нашем случае чаще всего оказывается древней. Думаю, что для меня выбор верного пути от архивного источника к музейному, а от него к полевому (изучение фотографий, запечатлевших результаты исследований СТЭАН, в здании на Дворцовой набережной, 18, работа с материалами в фондах Эрмитажа и Тувинского республиканского краеведческого музея, самостоятельные раскопки в Туве) был во многом обусловлен обаянием личности Галины Вацлавны Длужневской, встретившейся мне в самом начале моих штудий. И я рад, что мне удалось поспособствовать делу обретения ее собственным архивом надежного пристанища на полках с такой заботой выпестованного ею Научного архива ИИМК РАН.

Отдельного упоминания заслуживает роль Галины Вацлавны в защите моей кандидатской диссертации.

В довольно непростой для меня ситуации она без лишних сомнений согласилась выступить в качестве первого оппонента — доктора наук, и тем самым сняла целый ряд сложных организационных вопросов.

Вспоминая наши последние встречи в институте перед полевым сезоном 2014 г., я испытываю одновременно радостные и горькие ощущения. Радостные — оттого, что каждая встреча с ней приносила какое-то трудно поддающееся описанию чувство удовлетворения верным ходом жизни: ее энтузиазм и открытость неминуемо заражали и тебя. Горькие — оттого, что осталось впечатление, что все мы что-то проглядели, в чем-то не помогли дорогому для нас человеку, такому всегда самостоятельному и в этой самостоятельности, и в силу ее, очень уязвимо в какие-то критические моменты человеческого бытия. Весть об уходе Галины Вацлавны застала меня в экспедиции, вдали от Петербурга, но в родной для нее Туве. Сказать, что эта весть была подобна «грому среди ясного неба» — не сказать ничего...

В те же дни сама собой родилась идея этого сборника и возникло желание посвятить светлой памяти Галины Вацлавны мемориальное научное заседание. Если последнее удалось осуществить в марте 2016 г., приурочив встречу друзей и коллег ко дню ее 70-летия, то воплощение первого заняло несколько лет. Том, который вы держите в руках, был собран в достаточно короткое время, но его выход в свет задержался в силу ряда объективных причин. За это время состав участников сборника претерпел некоторые изменения, какие-то статьи были из него изъяты, другие, наоборот, дополнили и украсили его. К числу важных дополнений относится своеобразный «последний привет», полученный нами совершенно внезапно осенью этого года — живописные работы художника С. И. Сергеева, работавшего в отряде Галины Вацлавны в начале 1980-х гг. и запечатлевшего красоту тувинских пейзажей.

Я смотрю на перечень авторских имен и ощущаю в руке полновесность настоящей книги, а в памяти возникает живой образ Галины Вацлавны с его стремительным и неувыдаемым очарованием. Мне кажется — она рада.

Н. Ю. Смирнов

От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора

Послесловие редактора всегда предполагает изложение некоторой истории — истории создания или публикации текста. Чаще всего эта история призвана пробудить у читателя чувство причастности, привлечь его внимание к личности автора или указать на особую ценность его произведения. Не исключение и настоя-

щее послесловие. Однако истинные побудительные мотивы этого послесловия — глубокая и искренняя благодарность за годы знакомства и теплого общения с чудесным человеком, извечно доброжелательной старшей коллегой и обаятельной женщиной — Галиной Вацлавной Длужневской.

N. Yu. Smirnov

From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor

An afterword of an editor always intends some story — the history of creation or publication of a text. Most often, this story must arouse the sense of involvement by a reader, attract his or her attention to the person of the author or note the special value of the latter's work. The present

afterword is also no exclusion. However the true motives of this afterword are the deep and sincere gratitude for years of the acquaintanceship and warm contacts with a wonderful person, an always well-wishing elder colleague and a charming woman — Galina Vatslavna Dluzhnevskaya.

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург
АВЕЛ	— Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж
АГРМ	— Архив ГРМ. Санкт-Петербург
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России. Киев
АН СССР	— Академия наук СССР
АО	— Археологические открытия. Москва
АС	— Археологический съезд
АСПБГУ	— Архив СПбГУ. Санкт-Петербург
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БУЛ	— Библиотека украинской литературы. Москва
ВА	— Восточный архив. Москва
ВО	— Вопросы образования. Москва
ВОКМ	— Воронежский областной краеведческий музей. Воронеж
ВЯЗ	— «Вестник Ярославского земства»
ГАИМК НКП	— Государственная Академия истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГРМ	— Государственный Русский музей. Ленинград; Санкт-Петербург
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону
ДЮЛ	— Демидовский юридический лицей
ед. хр.	— единица хранения

ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Санкт-Петербург
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИАЭТ	— Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИВ	— Институт востоковедения РАН
ИВГПИ	— Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж
ИИ АН	— Институт истории АН Белоруссии
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИООИД	— Императорское Одесское Общество Истории и Древностей. Одесса
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург
ИСПБУ	— Императорское Санкт-Петербургский университет. Санкт-Петербург
КГУАК	— Костромская губернская ученая архивная комиссия
КиСт.	— Киевская старина. Киев
КЗ	— Краеведческие записки. Ярославль
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва
Лаб.	— лаборатория
ЛАФОКИ	— Лаборатория научно-прикладной фотографии и кинематографии
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград
ЛГПУ	— Липецкий государственный педагогический университет. Липецк
л.	— лист

ЛО ИИМК	— Ленинградское отделение ИИМК АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение ИА АН СССР
ЛОКМ	— Липецкий областной краеведческий музей. Липецк
МАИ	— Московский археологический институт
МАО	— Московское археологическое общество. Москва
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МФЛ	— Мемориальный фонд Левенка
НА ИИМК РАН	— Научный архив ИИМК РАН
НАРТ	— Национальный архив Республики Татарстан. Казань
нег.	— негатив
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НЛМЗ	— Новолипецкий металлургический завод. Липецк
НОА ИА РАН	— Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук. Москва
ОАВЕС	— Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
об.	— оборотная сторона
ОНТЭ ГЭ	— Отдел научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
оп.	— опись
ОПИ ГИМ	— Отдел полевых исследований Государственного исторического музея
ОРРК НБ КФУ	— Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета. Казань
отп.	— отпечаток
оф.	— основной фонд
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПАИ	— Петербургский археологический институт

- ПГУ — Петроградский государственный университет. Петроград
- РА — Российская археология
- РАИМК НКП — Российская Академия истории материальной культуры
Народного комиссариата просвещения
- РАН — Российская академия наук
- РАО — Императорское Русское археологическое общество
- РГО — Русское географическое общество
- РКИСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
в историческом, лингвистическом, археологическом
и этнографическом отношениях
- РО — Рукописный отдел
- САИ — Свод археологических источников по археологии СССР. Москва
- САИПИ — Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
- СВАИЭИ — Северо-Восточный археологический и этнографический институт
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
Ленинград/Санкт-Петербург
- сн. — снимки
- СПБГИК — Санкт-Петербургский Государственный институт культуры
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет.
Санкт-Петербург
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- СТЭАН — Саяно-Тувинская экспедиция Ленинградского отделения
Института археологии АН СССР
- СЭ — Советская этнография. Москва
- ТД — тезисы докладов
- Традиции..., СПб., 1997 — Традиции отечественной палеоэтнологии.
Международная конференция, посвященная 150-летию
со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка). ТД.
Санкт-Петербург, 1997
- УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института
истории, языка и литературы. Кызыл
- ф. — фонд

ФО	— Фотоотдел
ЦЧО	— Центрально-Черноземная область
ЭО РМ	— Этнографический отдел Русского музея. Санкт-Петербург; Петроград; Ленинград
ЭС	— Энциклопедический словарь
ЭСБЕ	— Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона
ЯГВ	— «Ярославские губернские ведомости»
ЯГИАХМЗ	— Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЯГСК	— Ярославский губернский статистический комитет
ЯГУАК	— Ярославская губернская ученая архивная комиссия
ЯЕВ	— «Ярославские епархиальные ведомости»
ЯКК	— Ярославский кадетский корпус
ЯПВ	— Ярославский педагогический вестник. Ярославль
АКДТҮК	— Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Zeitschrift für Erforschung der Osteuropäischen und Nordasiatischen Archäologie und Ethnographie. Helsinki
FAH	— Fasciculi Archaeologiae Historicae. Łódź

Научное издание

**Памятники археологии
в исследованиях и фотографиях**

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

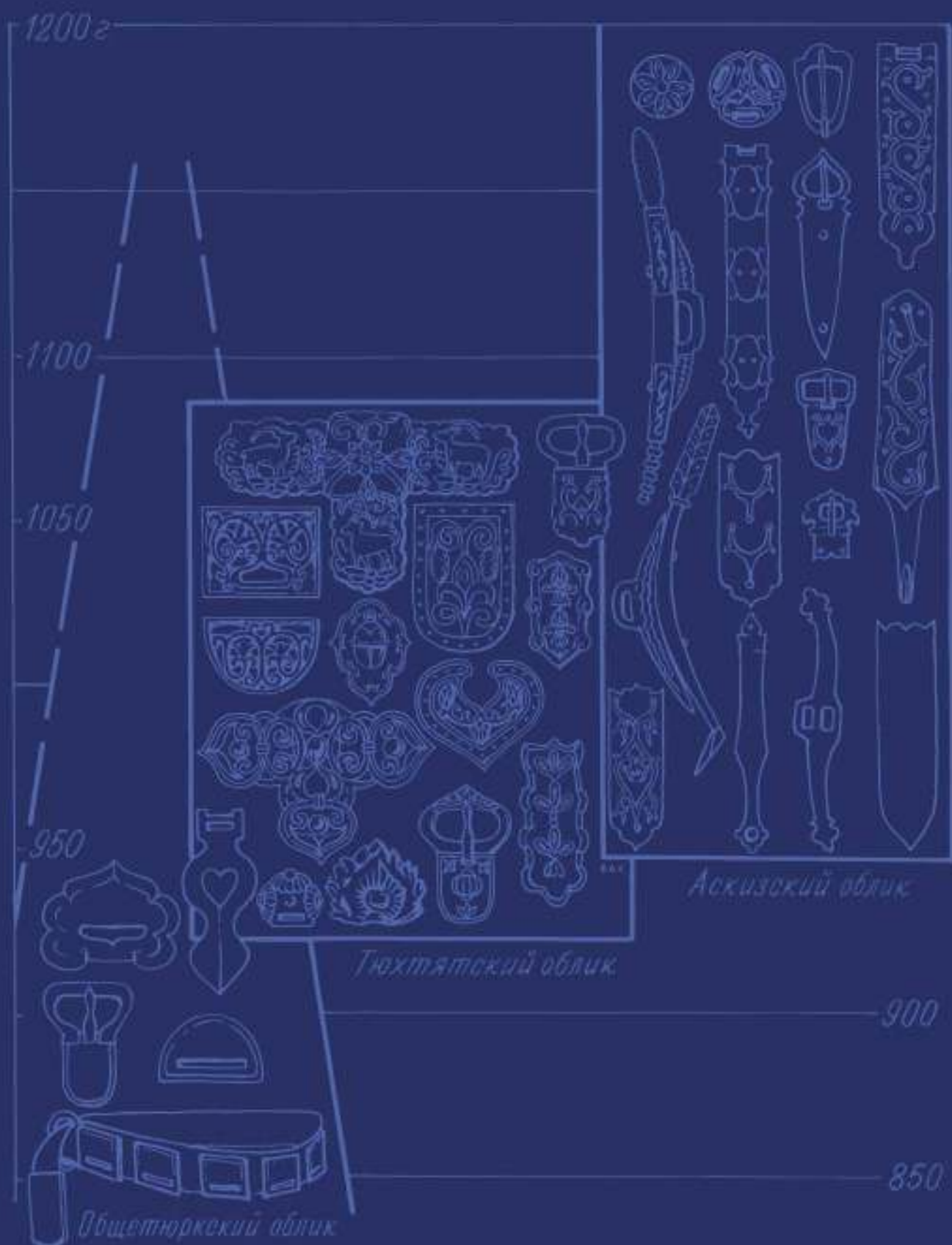
Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена для детей старше 16 лет

Редакторы *Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицука*
Корректор *А. А. Нотик*

Подписано в печать 14.12.2018. Формат 60×90 ¹/₈.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 41. Печ. л. 44.
Тираж 300 экз. Заказ 1017.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197101, г. Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., дом № 21, литера А,
помещение 9-Н, комната 19
Тел./факс: +7(812) 380-7950
E-mail: spbcolor@mail.ru

ISBN 978-5-907053-08-3

